Федеральное агентство научных организаций России
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
Российской академии наук

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Периодический сборник научных статей

Электронное научное издание

Выпуск 9

Москва 2017

Редакционная коллегия

В.З. Демьянков
П.С. Дронов
А.В. Дыбо
Е.Р. Иоанесян (отв. редактор)
Д.Б. Никуличева
Н.М. Разинкина
Н.К. Рябцева
К.Я. Сигал
И.И. Челышева

Проблемы описания языка

Problems of Linguistic Description

Н.М. Абакарова (Институт языкознания РАН)

N.M. Abakarova (Institute of Linguistics,

Russian Academy of Sciences)

К вопросу о трансформациях речевых клише и фразеологизмов (на материале английской анималистической литературной сказки)

On transformations of clichés and idioms in English literary animal tales

Аннотация

В статье рассматриваются примеры трансформаций речевых клише и фразеологизмов в английской анималистической литературной сказке, определяются механизмы переосмысления устойчивых оборотов в процессе художественной коммуникации.

The paper deals with the transformations of clichés and idioms in literary tales about animals, determining the means and meaning of sense variability in the communication process.

Ключевые слова:

Трансформации речевых клише и фразеологизмов, языковой парадокс, языковая игра, художественная коммуникация

Transformations of clichés and idioms, language paradoxes, language game, literary communication

В современной лингвистике уделяется большое внимание стандартным структурам речи, в частности, фразеологизмам и клише. Среди учёных нет единого мнения о природе речевых клише и их принадлежности к фразеологическому фонду языка. Так, В.М. Бурунский полагает, что клише — это промежуточные образования между свобод-

ными словосочетаниями и фразеологизмами, служащие одним из источников пополнения фразеологического фонда [1, 5]. В.В. Стрибижев считает, что «…речевые клише, обладающие признаком воспроизводимости, могут и должны рассматриваться как фразеологические единицы, имеющие существенно важные позиции внутри фразеологического корпуса» [6, 4]. С точки зрения А.В. Власовой, речевые клише — это «устойчивые, десемантизированные в результате прагматической абстракции, повторяющиеся в стандартных ситуациях общения, частотные словосочетания и предложения, для которых, чаще всего, характерна краткость… Речевые клише большей частью входят в систему фразеологических единиц, но располагаются преимущественно на её периферии… Прагматическая абстракция ведёт к банализации речевых клише за счёт многократного употребления, то есть представляет собой не качественное, а количественное семантическое преобразование» [2, 9—11]. Общими для фразеологизмов и речевых клише свойствами принято считать устойчивость формы, воспроизводимость и определённая десемантизация их компонентов. Нарушение непроницаемости фразеологизмов и речевых клише, их вторичная семантизация, деметафоризация, двойная актуализация в контексте и другие трансформации формы и содержания определяются как механизмы языковой игры.

Особый интерес для нас представляет рассмотрение смысловой вариативности стандартных структур в художественном тексте. Нельзя не заметить, что произведения английской классической литературы для детей изобилуют примерами языковой игры и построенными на ней семантически осложнёнными диалогами. То, что трансформации стереотипных структур, словесных штампов и формул этикета имеют широкое распространение в детской литературе, на наш взгляд, объясняется особенностями детского словотворчества, на которые ориентируется автор, моделируя стратегию читательского восприятия. Как указывает Т.А. Гридина, «именно парадоксы детской речи кардинально отличают её от речи взрослых, опрокидывая стереотипы автоматизированного использования языка. По сути, языковой парадокс в детской речи выявляет и «опровергает» алогичность (немотивированность) языковых форм и значений, закреплённых традицией и нормой и составляющих идиоматику любого языка… Язык воспринимается ребёнком как

операциональный механизм, а не просто как совокупность его реализаций. Особый интерес в плане соотношения спонтанной и осознанной игровой интенции представляет усвоение детьми фразеологического дискурса. Одной из доминант детского языкового сознания является номинативный «реализм», или буквализм — неспособность к восприятию условного смысла наименования, в том числе переносного значения фразеологизмов. Можно выделить три основных способа переработки фразеологизмов в детской речи. Первый способ — собственное толкование детьми существующих фразем без изменения их формы; второй способ — трансформация фразеологизма, приспосабливающая его к пониманию ребёнка и условиям коммуникативной ситуации; третий способ — создание собственных фразем (фразеологическая омонимия и тиражирование образца). Трансформация фразем может происходить и в результате так называемых ослышек и омофонического переразложения слова в потоке речи» [3, 5—32]. Таким образом, речь, как правило, идёт о трансформации ребёнком устойчивого сочетания, продиктованной стремлением к его ситуативному уточнению.

По мнению психолингвистов, отличие языковой игры от детского словотворчества состоит в том, что она строится на отклонении стереотипов при осознании незыблемости этих стереотипов, в то время как словотворчество ребёнка — это творчество поневоле [4, 179]. Ненамеренная языковая игра характерна, в том числе, и для большинства персонажей—животных, отождествляемых с «маленьким человеком», или же показанными сквозь призму восприятия ребёнка. Как отмечают исследователи, традиция говорящих животных в анималистической литературной сказке идёт из фольклора. При этом звери перестают нести вспомогательную функцию, характерную для фольклора, и становятся главными героями сказок, либо действуют наравне с героями-людьми [5, 6].

Материалом данной статьи послужили повесть А. Милна «Вини Пух» и повесть К. Грэма. «Ветер в ивах», относящиеся к жанру анималистической литературной сказки и представляющие «золотой век» детской литературы Великобритании.

В целом ряде случаев речевые клише (общепринятые формулы вежливости) воспринимаются как полноценные высказывания, например:

1) *“I see what Eeyore means”, said Owl. “If you ask me —”*

“I’m not asking anybody”, said Eeyore. “I’m just telling everybody”.

2) “*Oh! Well, many happy returns of the day, Eeyore”.*

“And many happy returns to you, Pooh Bear”.

“But it isn't my birthday”.

“No, it's mine”.

“But you said «Many happy returns?”

“*Well, why not? You don’t always want to be miserable on my birthday, do you?”*

Ослик Иа озадачивает Пуха тем, что отвечает на стандартную фразу— поздравление аналогичной репликой. Изменение референтной отнесённости волеизъявительного клише *many happy returns of the day* позволяет Иа заменить традиционный обмен репликами полноценной беседой, где вопросы требуют ответа.

3) Иногда восстанавливается буквальный смысл приветствия:

Everybody said «How-do-you-do» to Eeyore, and Eeyore said that he didn’t, not to notice.

4) В следующем примере коммуникационная неудача обусловлена тем, что Кролик используют стандартную этикетную фразу *if you wont have any more* (‘если вы больше ничего не хотите’) для размыкания речевого контакта, а. Винни-Пух с готовностью откликается на неё как на поддерживающую этот контакт:

“Oh, well, then, I’ll be going on. Good-bye”.

“Well, good-bye, if you’re sure you won’t have any more”.

“Is there any more?” asked Pooh quickly.

“No, there wasn’t”.

5) Оборот *under the name* (‘под именем’) приобретает комический характер, реализуя буквализированное значение — ‘жить в домике, над дверью которого написано твоё имя’.

“What does under the name mean?” asked Christopher Robin.

“*It means he had the name over the door in gold letters, and lived under it”.*

6) Иа оживляет стёршийся смысл стандартной контактоустанавливающей формулы, снабдив её меланхоличным комментарием:

“Good morning, Eeyore”, said Pooh.

“*Good morning, Pooh Bear”, said Eeyore gloomily. “if it is a good morning”, he said. “Which I doubt”, said he.*

Если в условиях естественной коммуникации речевые клише непременно реализуют принципы кооперации и вежливости [6, 17], тем самым, обеспечивая её успешность, то в условиях художественной коммуникации успех на внешнем уровне общения (автор-читатель), обеспечивается нарушением постулатов Г.П. Грайса при помощи трансформированных речевых клише. Что касается внутреннего уровня коммуникации (персонаж—персонаж), то языковая игра в семантически осложнённом диалоге может быть охарактеризована как проявление наивного (например, в ответных репликах Пуха) или же имеет оценочно-модальный характер, превращаясь в средство донесения эмоций и мнения коммуниканта (в репликах ослика Иа).

Здесь уместно вспомнить один из примеров обыгрывания речевых клише в книге Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье», где вообще часто фигурируют персонажи—животные. Когда Алиса возмущённо спрашивает: “*Where’s the servant whose business is to answer the door?”* (‘Где слуга, который должен открывать дверь?’), используя при этом устойчивое словосочетание *to answer the door* в её привычном смысле, Лягушонок отвечает вопросом: “*To answer the door? What’s it been asking of?”* (‘Ответить двери? А о чём она спрашивает?’). В данном случае, буквализируя значение стандартного оборота, Лягушонок руководствуется «детской» логикой и своим пониманием языка, на которое он имеет такое же право, как Алиса.

В сказочной повести К. Грэма переосмысление фразеологических единиц и устойчивых выражений происходит как в узком контексте (предложении), так и в ситуативном, т.е. требует привлечения неязыковых данных. Например, дядюшка Рэт, говорит, обращаясь к Кроту: *I’m going to get a black velvet smoking-suit myself some day, as soon as I*

can afford it (‘Я тоже думаю заказать себе чёрный бархатный костюм, вот только соберусь с деньгами’).

Чтобы оценить комизм данной фразы, необходимо знать, что чёрный бархат считается непременным атрибутом крота и в английском языке существует фразеологизм для обозначения этого зверька — *a little gentleman in black velvet*. Механизмом переосмысления в данном случае служит трансформация образного смысла в буквальный, что приводит к контекстуальной дефразеологизации оборота.

Разложение словесных штампов, подсказанное их буквальным пониманием, характерно для речи мистера Тоуда, что придаёт ироническую окраску его образу: *I have no children waiting for me, innocent or otherwise* (‘И меня вовсе не ждут никакие дети, невинные или какие-то там ещё’). Выражение *innocent children* подвергается уточнению, которое оживляет его стёршийся смысл, однако, приводит к распаду как устойчивой единицы.

Ещё один устойчивый оборот *to make a man of somebody* в устах мистера Тоуда получает следующую реализацию: *I’m going to make an animal of you, my boy!* (‘Я хочу сделать из тебя Зверя, как говорится с большой буквы, дружочек ты мой!’). Имеющая здесь место замена одного из компонентов фразеологизма связана с изменением предметной соотнесённости фразеологической единицы в целом.

В речи дядюшки Выдры оборот *it is the talk of the borough* (‘это у всех на устах’ трансформируется в *the talk of the burrows* в результате паронимического сближения компонента фразеологизма: *It was the talk of the burrows, how Mole… was in a bad fix* (‘В кроличьих норах вчера только и разговору было, как Крот… попал в переплёт’).

Водяная крыса говорит о барсуке: *The best of fellows. But you must not only take him as you find him, but when you find him* (‘Отличный парень! Но ты должен принимать его не только таким, какой он есть, но и когда он есть’). За счёт использования многозначности глагола *to find* происходит расширение компонентного состава фразеологизма, приводящее к изменению его смысла.

Благодаря одновременной реализации двух значений выражения *to be up* (‘происходить’ и ‘быть наверху‘) становится возможной двойная актуализация стандартного оборота:

“What’s up, Ratty?” asked the Mole (‘Что происходит, Рэтти? — спросил Крот’).

“*Snow is up”*, replied the Rat briefly; “*or rather, down. It’s snowing hard”*. (‘Снег происходит. А вернее просто идёт. Снегопад, вот что’).

Устойчивое выражение *to talk about* (‘ври больше; ты бы лучше помалкивал; бахвалиться’ и т.д.) буквализируется ответной репликой персонажа:

“*Talk about your old river!”* (‘Подумаешь, какая-то там река!’)

“I don’t talk about my river”, replied the patient Rat…. “*But I think about it all the time!”* (‘Я не говорю о своей реке, но я всё время думаю о ней’).

Большинство преобразованных фразеологических единиц и речевых клише вложены в уста дядюшки Рэта, которого можно считать представителем такой социальной группы, как интеллигенция. Это позволяет предположить, что трансформации имеют намеренный характер и отражают когнитивные особенности данного персонажа. Мягкая ирония, окрашивающая высказывания Рэта, — не самоцель, а лишь следствие его философических размышлений и наблюдений.

В авторской речи были отмечены следующие типы вариативности фразеологических единиц:

1. Фразеологическая деривация, т.е. образование сложного слова на основе фразеологизма: *Some were hauling out dusty trunks and dress-baskets, others were already elbow-deep packing their belongings…* (‘Некоторые вытаскивали пыльные сундуки и дорожные корзинки, а иные, перегнувшись и уйдя по локоть в корзины, уже паковали своё имущество’). *Elbow-deep* — производное от оборота *up to the elbows in work*, который получает здесь имплицитную реализацию.

2. Осложнённое вклинивание и дополнение (термин А.В. Кунина)*: So spoke the Badger, not knowing what the future held in store, or how much water, and of how turbid a character, was to run under bridges before Toad should sit at ease again in his ancestral Hall*

(‘Так говорил Барсук, еще не зная, что для них припасено у будущего и как много воды, и при этом довольно мутной, утечет, прежде, чем Тоуд с удовольствием усядется в своём родовом Тоуд-Холле’).

Исходная структура *much water has run under the bridges* трансформируется в how *much water, and of how turbid a character…was to run under the bridges*, сохраняя при этом свой смысл.

3. Реализация значения путём стимулирования вербально-парадигматических связей слова: *An errant May — fly swerved…in the intoxicated fashion affected by young bloods of May-flies seeing life* (‘Сбившаяся с пути франтоватая мушка-веснянка крутилась как-то неопределённо…видно опьянённая весной’). Жаргонное значение фразеологизма *to see life* (‘веселиться, кутить’) реализуется благодаря наличию в контексте слова того же тематического ряда — *intoxicated*.

4. Замена одного из компонентов фразеологизма: *And he set to work again and made the snow fly in all directions around him* (‘И он сам тут же принялся за работу, и снег летел во все стороны’). Исходной структурой, подвергшейся преобразованию в данном предложении, является фразеологизм *to make the fur fly* (‘затеять ссору; действовать энергично’). Сам контекст анималистической сказки способствует имплицитной актуализации слово *fur* (‘мех’).

Проблема трансформаций речевых клише, фразеологизмов и других стандартных структур в пространстве художественного текста для детей требует углублённого изучения, так как позволяет приблизиться к пониманию природы языкового парадокса, выявляя ассоциативную общность мира детского сознания и ментальной структуры взрослого человека.

Источники

Carroll L. Alice in Wonderland and Through the Looking-Glass. Moscow, 2007.

Grahame K. The Wind in the Willows. На англ. и русск. яз. Перевод И. Токмаковой. М., 2004.

Milne A.A. Winnie-The-Pooh. Повести о Вини-Пухе. Стихи для детей. На англ. яз., М., 1983.

Литература

1. Бурунский В.М. Клише: языковые характеристики, функционирование и типология (на материале французского и русского языков). Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Курск, 2009.

2. Власова А.В. Речевые клише французской разговорной речи в коммуникативно—прагматическом аспекте. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2008.

3. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2001.

4. Гридина Т.А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива—2, Екатеринбург, 2012.

5. Мостепанов А.А. Анималистический жанр в английской литературной сказке XX века. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Воронеж, 2011.

6. Стрибижев В.В. Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тула, 2005.

А.Н. Барулин (Ияз РАН)

A.N. Barulin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

К семиотическому определению понятия «модель» как гиперонима понятия «знак» [1]

On semiotic definition of the concept of «model» asa hypernym for the concept of «sign»

Аннотация

В статье рассматриваются различные философские определения понятия «модель» и дается их критика. Рассматривается структура ситуации моделирования. На основе этого рассмотрения делается попытка заново определить понятие «модель». Вводится понятие транзитивной цепочки моделей с целью использовать его для определения понятия «знак».

The paper concerns different philosophical definitions of the concept of «model». They are subjected to criticism. A new scheme of modelling is discussed and a new definition of the concept of model is proposed. A concept of a transitive chain of models is introduced and it will be used to define the concept of sign.

Ключевые слова

Моделирование, модель, определение понятия «модель», знак, структура знака, определение понятия «знак»

Modelling, model, definition of the concept of model, sign, sign design, definition of sign

0. Предварительные замечания. «Проблема знака, — писал в своей книге о семиотике философ А.А. Ветров, — центральная проблема семиотики. Ее решение, в какой-то мере, предопределяет характер подхода к другим семиотическим проблемам.

[1] Часть проблем, обсуждаемых в данной статье были намечены в моей работе «Основания семиотики» [2]. Здесь дается более подробное и детальное обоснование необходимости определять понятие «знак» через понятие модели.

Именно поэтому проблема знака образует начало семиотического исследования» [3, 18]. Существует довольно большое число попыток дать определение понятию «знак». Определения эти бывают двух типов. Первые, как правило, сводятся к тому, что находится некоторый гипероним для понятия «означающее знака», например, «предмет», как у А.А. Ветрова, или «объект», и далее указывается, что этот объект, нужен тому, кто пользуется понятием «знак» не для него самого, а для какого-то другого объекта, с которым первый связан отношением ссылки, указания или замещения. Довольно часто при этом оказывается, что понятие знака сводится к его означающему, как это было в определении основателя семиотики Ч.С. Пирса. Знак Пирс определял следующим образом: «A sign is something which stands to somebody for something in some respect or capacity. It addresses somebody, that is, creates in the mind of that person an equivalent sign, or perhaps more developed sign» ‘Знак есть нечто, что для кого-то в некотором отношении или в некоторой роли замещает что-то другое. Он кому-то адресован, что означает, что он создает в уме того, к кому он адресован, эквивалентный знак, или, может быть, более развернутый знак’ ([29, 2, 228]). Это определение, конечно, вряд ли можно назвать точным или даже просто корректным. Начать с того, что термин ЗНАК используется в нем в двух разных смыслах: в первом вхождении термин обозначает собственно означающее, это оно представляет что-то другое. Во втором и третьем вхождении термин этот уже не может обозначать означающее, поскольку означающее не может быть более или менее развернутым. Этим качеством может обладать только содержание знака. Сомнительно, что это определение удовлетворительно и в содержательном отношении. Представим себе, что кому-то нужен молоток, его под рукой нет, и этому кому-то кто-то другой передает вместо молотка камень, которым можно вполне заменить молоток. Мы выполнили все условия, которые указаны в определении Пирса: камень в некотором отношении замещает молоток, и он, этот камень, адресован кому-то, в чьем уме камень создает эквивалентный знак, т.е. образ камня, который нужно использовать как молоток. Тем не менее, вряд ли кто-нибудь согласится считать, что камень здесь знак. Камень здесь инструмент, который выполняет роль другого, стандартного, инструмента для забивания гвоздей. Вполне возможно, что

Пирс и эту ситуацию назвал бы знаковой, а камень признал бы в этом случае знаком. Однако хорошие определения должны эксплицировать интуицию носителей знаковых систем, в том же, что пирсовское определение этому условию удовлетворяет, можно сомневаться. Тем не менее, оно, как и многое другое, сказанное Пирсом, некритически воспроизводится без всяких оговорок из работы в работу и, более того, считается классическим определением знака.

В общем, это определение больше подходит к другому понятию, в настоящее время достаточно хорошо разработанному в философии науки, а именно ── к понятию **модели**. Если принять эту поправку, многие утверждения основателя семиотики станут более прозрачными, а ход его рассуждений — более понятным.

Во втором типе определения исследователи сосредоточиваются на том, что знак представляет собой соответствие в теоретико-множественном смысле. Вот, например, как определяет понятие знака И.А. Мельчук ([7, 107 – 121]). Вначале он вводит три неопределяемых понятия: ʻбыть означающимʼ, ʻбыть означаемымʼ, ʻбыть синтактикойʼ, а затем определяет знак Σ, как тройку: Σ = <X, Y, Z>, где X — означаемое для Y, Y — означающее для X, а Z — синтактика пары <X; Y>. Это определение достаточно строго, но имеет очень ограниченную объяснительную силу: хотелось бы все-таки знать, в каком отношении находятся означающее и означаемое и какое место в знаке занимает синтактика.

Я, как последователь Московско-Тартуской семиотической школы, еще в годы ученичества обратил внимание на то, что язык в этом направлении исследований, наряду с другими знаковыми системами, трактуется как моделирующая система. Ничего кроме знака в этой системе моделировать не может, из чего следует, что основатели этой школы имели в виду, что в основе отношения между означающим и означаемым знака лежит отношение моделирования, а сам знак представляет собой частный случай модели. Для того, чтобы разобраться в этом, однако, следует определить понятие модели.

1.1. Краткая история вопроса

В качестве научного термина понятие модели, по свидетельству Чжао Юань Женя ([15]), было введено математиками Эудженио Бельтрами и Феликсом Клейном в связи с неевклидовыми геометриями в семидесятых годах XIX века. Затем — Фреге и Расселом в математической логике. «… Одно из важных применений моделей в математике, — писал Чжао Юань-жень, — состоит в доказательстве внутренней непротиворечивости теории путем нахождения для нее интерпретации в виде фактически существующей модели, поскольку то, что существует, не может быть внутренне противоречивым. В этом отношении, как отмечает Хиж, употребление моделей в математике, по-видимому, почти полностью противоположно применению их в общественных науках, в частности, в лингвистике (если считать ее общественной наукой). В математике модель более конкретна, чем то, что моделируется, в то время как в общественных науках модель более абстрактна» [15, 281]. Подобное мнение высказывалось и другими учеными (ср., например, [21; 16]).

Математическое понятие модели [2] и формальной теории в связи с другими способами понимания этого термина было подробно рассмотрено российским математиком Ю.А. Шрейдером ([18]), Ю.А. Шрейдером и А.А. Шаровым ([19]). «В математике моделью (или реляционной системой) называется некоторое множество *M* с заданной на нем совокупностью отношений $\{R_1, R_2, \ldots R_n\}$. Иначе говоря, модель$_м$ (т. е. модель в математическом смысле — А. Б.) понимается как некоторый набор: M = <*M*; $\{R_1 \ldots R_n\}$>, где $R_1 \ldots R_n$ — отношения на множестве *M* [3]. Пример 1. Модель M = <M^1; {<}>, где M^1 — множество всех вещественных числе, а < — отношение «меньше». Пример 2: модель M = <M^2; $\{R_1, R_2\}$>, где M^2 — множество словоформ русских существительных, R_1 — отношение «входить в общую парадигму», а R_2 — отношение «иметь одинаковый род, число и падеж» [18, 64].

[2] Математического образования для чтения этого параграфа не требуется.

[3] В этой формуле M обозначает имя модели, *M* имя множества, из которого выбираются элементы, вступающие в определенные отношения с другими элементами, R_1, R_2… — имена различных отношений, в которые вступают друг с другом элементы множества M . <…> — знак того, что имена объектов, указанных внутри этих угловых скобок, составляют части единого целого — модели M.

В математике понятие модели тесно связано с понятием формальной теории. Именно этот термин заполняет здесь обязательную валентность предиката ‘модель’ (модель чего?): модель М формальной теории Т. Понятие теории также имеет свое строгое определение. Как пишет Ю.А. Шрейдер, для того, чтобы определить этот термин «нам потребуется множество формул Ф, с помощью которых мы сможем делать высказывания относительно свойств той или иной модели. Каждая формула строится из списка названных отношений R_1, R_2,…R_n, названий переменных и логических символов (иначе говоря, на базе вполне определенного точного языка [4], например, можно принять, что все формулы пишутся на языке узкого исчисления предикатов). Для нас важно сейчас, что каждая формула, выражающая высказывание о модели$_м$ М, может быть в этой модели либо истинна, либо ложна. Кроме этого определяются правила вывода, позволяющие выводить новые истинные формулы из данных, например:

1) Если истинны $\Phi_1 \rightarrow \Phi_2$ и Φ_1, то Φ_2 тоже истинна.

2) Если истинна Φ_1 (x), то $(\forall x)\ \Phi_1$ (x) истинна.

Итак, Теория Т определяется некоторым множеством формул $\Phi_1 \ldots\ \Phi_m$, <…>, называемых Аксиомами Теории, и набором правил вывода ρ_1, ρ_2, … ρ_k. Модель$_м$ М = <*M*; {R}> называется моделью$_м$ теории T = <{R}, {ρ}, {Φ}>, если каждому названию отношения R_i сопоставлено отношение R_j так, что, если переменные x, y, z интерпретируются как элементы множества М, то все аксиомы данной теории верны» [18, 65]. Или по-другому: «Модель *M* называется моделью формальной теории *T*, если: 1) сигнатура модели совпадает с сигнатурой теории и 2) после интерпретации каждого имени отношения в теории как одноименного отношения в модели каждая аксиома теории становится истинным высказыванием, т.е. выполняется для данной модели. Тем самым модель позволяет интерпретировать каждую аксиому теории как истинное высказывание о структуре модели.

[4] Далее в статье дается ссылка на учебник Ю.А. Шихановича (см. [17]).

Главная особенность понятия формальной теории в том, что здесь нет никакого базового множества. Это некоторые аксиомы, заданные «ни на чем», аксиомы в чистом виде. Фактически это экспликация платоновской идеи. Формальная теория описывает некоторые свойства объектов, но не указывает эти объекты. Это можно сравнить с ситуацией, описанной Ст. Лемом в «Звездных дневниках Иона Тихого»: Ион Тихий прилетает на некоторую планету. Он хочет попасть на некоторое торжество, но ему говорят, что надо достать сепульки. Как их достать? Их надо купить. Он приходит в магазин и спрашивает: «У вас есть сепульки?» – «Есть, но только со свистом». – «Ну, дайте мне». – «Простите, а вы — женаты?» — «Нет, а какое это имеет значение?» — «Нет, неженатым не продаем». И дальше идет долгий сюрреалистический разговор, из которого можно узнать про сепульки массу интересных вещей, кроме того, что это такое. Здесь в некотором смысле рассказывается формальная теория без реализации» [19, 27].

Поскольку далее мы будем обсуждать, как понимает термин модель С.К. Шаумян, воспользуюсь его примером, позаимствованным из работы чешских ученых К. Берки и М. Млезивы [20, 89 – 90]:

«Рассмотрим миниатюрную теорию, которую будем называть теорией отношения *E*.

I. Язык теории отношения *E*.

1. Основные символы:

а) константы:

i) логические константы: →, ¯, (x) [5]

ii) специальные константы: *E* [6] — символ двучленного отношения между индивидами;

[5] «→» — логический знак импликации, в естественном языке соответствует союзу ‘если…., то….’; «¯» — логический знак отрицания, чаще изображается значком «¬», в естественном языке соответствует выражению ‘неверно, что…’; «(x)» – логический знак так называемого квантора общности, чаще изображается перевернутым А: «∀ (x)», в естественном языке соответствует выражению ‘для любого x верно, что…’.

[6] *E* — отношение эквивалентности, т.е. грубо говоря, обобщение (генерализация) отношений равенства, тождества и функциональной идентичности. «Двучленное» здесь обозначает, что имеется в виду отношение между двумя, а не тремя, четырьмя и т.д. элементами.

b) переменные:

i) индивиды: x, y, z, …

2. Понятие формулы:

a) если *a, b* есть индивидуальные переменные, то *E* (*a, b*) [7] есть формула;

b) если *A* (*x*) есть формула, заключающая в себе свободную переменную *x*, то (*x*) *A* (*x*) есть формула [8];

c) если *A* и *B* есть формулы, то *A* → *B* и $\bar{A}$ есть формулы [9].

II. Логические средства теории отношения *E*:

a) теория квантификаторов (в которую включаются только индивидуальные переменные).

III. Аксиомы теории отношения *E*:

E 1. *(x) E (x, x)*

E 2. *(x) (y) [E (x,y)* → *E(y, x)]*

E 3. *(x) (y) (z) {E (x,y)* → *[E (y, z)* → *E (x, z)]*

Эти формулы надо читать так:

E 1. Для всякого *x*, *x* находится в отношении *E* к *x*.

E 2. Для всякого *x* и для всякого *y*, если (*x* находится в отношении *E* к *y*), то (*y* находится в отношении *E* к *x*).

E 3. Для всякого *x*, для всякого *y* и для всякого *z,* если [*x* находится в отношении *E* к *y*], то если [*y* находится в отношении E к *z*], то [*x* находится в отношении *E* к *z*]» (цит. по [16, 66 – 67]).

Отношение *E* с описанными с помощью формального языка и аксиом свойствами можно назвать инвариантом большого класса отношений, имеющих те же самые свойства (и некоторые другие, которые для данной теории являются не существенными), но определенных уже на множестве элементов, имеющих вполне определенные свойства. Так, например, на множестве конкретных предметов можно определить бинарное отношение

[7] Читается: ‘отношение *E* между элементами *a и b*’ или ‘*a* эквивалентно *b*’.
[8] Читается: ‘то для любого x – A от x есть формула’.
[9] Читается: если *A* и *B* есть формулы, то «если *A*, то *B*» и «*не-верно, что A*» суть формулы.

«иметь одно и то же наименование». Это отношение должно считаться моделью приведенной теории, так как для него выполняются все аксиомы этой теории. Моделями этой теории будут и отношение «*x* и *y* являются аллофонами одной фонемы», определенное на множестве фонов данного языка, и отношение «*x* и *y* имеют один и тот же рост», определенное на множестве людей, и отношение «*x* и *y* параллельны», определенное на множестве прямых и т.д. Отношение *E*, как известно, в математике называется отношением эквивалентности, а его свойства — рефлексивностью (*x* находится в отношении *E* к *x*), симметричностью (если (*x* находится в отношении *E* к *y*), то (*y* находится в отношении *E* к *x*)) и транзитивностью (если [*x* находится в отношении *E* к *y*], то если [*y* находится в отношении E к *z*], то [*x* находится в отношении *E* к *z*]).

Теперь для того, чтобы показать, как модель используется в математике в качестве орудия, применяемого для исследования свойств соответствующей теории воспользуемся примером, придуманном польским логиком А. Тарским [11.

А. Тарский строит миниатюрную дедуктивную теорию. В этой теории переменные *x, y* определены на множестве отрезков прямой. В качестве исходных терминов принимаются символы «S» (имя множества всех отрезков) и «≅» (отношение конгруэнтности[10]).

Аксиомы теории.

Аксиома 1. Для всякого элемента *x* множества S $x \cong x$ (т. е. каждый отрезок конгруэнтен самому себе).

Аксиома 2. Для всяких элементов *x*, *y*, *z* множества S, если $x \cong z$, и $y \cong z$, то $x \cong y$ (т.е. если два отрезка конгруэнтны одному и тому же третьему, то они конгруэнтны и между собой).

Из этих аксиом могут быть выведены различные теоремы, например:

Теорема 1. Для любых элементов *y* и *z* множества S, если $y \cong z$, то $z \cong y$.

Теорема 2. Для любых элементов *x, y* и *z* множества S, если $x \cong y$ и $y \cong z$, то $x \cong z$.

[10] В геометрии под отношением конгруэнтности понимается отношение, связывающее геометрические фигуры, совпадающие при наложении. Конгруэнтные фигуры эквивалентны.

Для приведенной выше теории можно построить следующую модель. Обозначим символом N множество всех чисел. Два числа *x* и *y* будем считать эквивалентными (в символической записи $x \equiv y$), если разность $x - y$ составляет целое число. Для этой модели, например, формула $1{,}5 \equiv 6{,}5$ верна, а $1{,}5 \equiv 6$ — неверна.

По определению модели M теории T, приведенному выше, мы должны поставить в соответствие исходным символам теории исходные символы модели. Ставим в соответствие символу, обозначающему множество отрезков (S), символ, обозначающий множество чисел (N). Элементам множества отрезков (по определенному правилу) ставим в соответствие множество чисел. На модели действуют те же аксиомы, что и в теории. Теоремы теории также оказываются в модели истинными.

С помощью полученной модели можно исследовать свойства ее оригинала, т. е. теории. Тарский приводит пример такого рода исследования. Он ставит задачу доказать с помощью данной модели, что из системы аксиом теории не могут быть выведены некоторые высказывания:

«Рассмотрим следующее высказывание *A* (сформулированное только в логических терминах нашей теории).

A. *Существуют два элемента x и y множества S, для которых неверно, что* $x \cong y$ (другими словами: *существует два отрезка, не являющихся конгруэнтными*).

Это высказывание кажется, несомненно, истинным. Тем не менее, никакие попытки доказать его на основании аксиом 1 и 2 не приводят к положительным результатам. Так возникает догадка, что высказывание *A* совсем не может быть выведено из наших аксиом. Для подтверждения этой догадки, мы рассуждаем следующим образом. Если бы высказывание *A* могло быть доказано на основании наших аксиом, то, как мы знаем, каждая модель этой системы удовлетворяла бы этому высказыванию; если поэтому нам удастся указать такую модель системы аксиом, которая не будет удовлетворять высказыванию *A*, мы тем самым покажем, что высказывание нельзя вывести из системы аксиом 1 и 2. Затем оказывается, что построить подобную модель не составляет никакой трудности. Рассмотрим, например, множество всех целых чисел *I* (или какое-либо другое

множество, хотя бы например, множество, состоящее только из 0 и 1) и отношение эквивалентности ≡ между вышеописанными числами. Из предшествующих замечаний мы уже знаем, что множество *I* и отношение ≡ составляют модель нашей системы аксиом, однако высказыванию *A* эта модель не удовлетворяет, потому что нет таких целых чисел *x* и *y*, которые не были бы эквивалентными, т. е. таких, разность между которыми не была бы целым числом <…> Только что примененный вид рассуждения известен под названием **метода доказательства при помощи демонстрации модели или при помощи интерпретации**» [11, 172 – 173].

Из математики научное понятие модели перекочевало во многие другие науки. На протяжении долгого времени оно разрабатывалось в философии и даже стало отдельным направлением в западной философии, по которому было написано не только большое количество научных работ, но и учебники и сборники задач, прослеживающие его интерпретацию на материале самых разных наук, начиная от математики и квантовой механики и кончая такими гуманитарными науками, как социология или лингвистика (см., например, работы Марио Бунге [22; 23] и др.). Однако содержание этого понятия в нематематических дисциплинах значительно отличалось от такового в математике и по строгости и по наполнению. Философы и математики, пытавшиеся проследить типологию смысловых оттенков термина «модель», выявили два полярных способа его понимания: математический, описанный выше, и естественнонаучный и кибернетический. Посмотрим вначале, как описывают различие в его понимании в этих двух областях знания представители первой из них — математики.

«Введя нужные математические определения, — пишут Ю.А. Шрейдер и А.А. Шаров, — рассмотрим вопрос о том, как используется понятие модели при описании сложных объектов реальности <…> рассмотрим, как используется понятие модели в лингвистике» [19, 30]. Далее из многочисленных попыток определить понятие лингвистической модели и из тех многочисленных ее трактовок в лингвистике, которым лингвисты следуют на практике, авторы берут на вооружение только то, которое было заимствовано из математики, но при этом перевернуто с ног на голову, и опираются на него в

качестве единственно возможного. Мы имеем в виду то понимание, которое изложено в книге И.И. Ревзина «Модели языка»: «Модель строится следующим образом. Из всего многообразия понятий, накопленных данной наукой, отбираются некоторые, которые удобно считать первичными.

Фиксируются некоторые отношения между этими первичными понятиями, которые принимаются в качестве постулатов. Все остальные утверждения выводятся строго дедуктивно в терминах, которые определяют в конечном счете через первичные понятия. Модель в этом смысле не есть часть языка как системы, а представляет собой некоторое гипотетическое научное построение, некоторый конструкт» [9, 9]. Сразу же оговорюсь, что таким образом построено лишь очень небольшое число лингвистических моделей-теорий, например, дедуктивная теория Л. Ельмслева ([6]), ранние работы по порождающей грамматике Н. Хомского (см., например, [14]), аппликативная модель С.К. Шаумяна (см., например, [16]) и некоторые другие.

«Ревзин, — пишут далее авторы цитированной выше работы, — довольно отчетливо выразил распространенное представление лингвистов о том, что есть модель языка. Если вдуматься в приведенную цитату, то окажется, что автор называет моделью именно то, что в математике называется теорией <…> То обстоятельство, что модель$_{л}$ (т.е. лингвистическая модель — А. Б.), как мы постараемся показать ниже, есть понятие, в точности противоположное модели$_{м}$, является весьма отрадным. Из него следует, что расплывчатое лингвистическое понятие имеет точную математическую экспликацию, хотя для сравнения лингвистического понятия модели$_{л}$ с эталонным математическим понятием модели$_{м}$ приходится «перевернуть» эталон» [19, 31].

Для того, чтобы показать, что лингвисты, когда имеют дело с моделью, на самом деле, работают с теорией языка, авторы подробно прослеживают этапы индуктивного лингвистического рассуждения и вводят для обозначения этих этапов термины «изучение собственно объектов языка» (т.е. изучение конкретных единичных фактов), изучение наблюдаемых объектов (в результате применения абстракции отождествления, позволяющей перейти от изучения самих объектов к изучению классов объектов): «Итак, изучая

объект *А*, мы сопоставляем его с некоторым множеством ***А***, иначе говоря, рассматриваем объект *А* как множество ***А***, которое назовем «наблюдаемым объектом» <…> На каждом из этих множеств определены одноименные отношения R_1, R_2, ...R_n, т.е. задана общая сигнатура. <…> В лингвистике, однако, интересуются не самими отношениями в наблюдаемых множествах, а свойствами одноименных отношений, общими для всех (или, в некотором не очень ясном смысле большинства) одноименных отношений в наблюдаемых объектах» [19, 31 – 33]. Далее из этого рассуждения делается вывод: «…модель$_л$ есть Теория, описывающая свойства отношений в наблюдаемых множествах, представляющих исходные лингвистические объекты» [19, 33].

Не ограничиваясь описанием процедуры индуктивного построения модели-теории, авторы затем описывают и обратный процесс — процесс интерпретации теории, для чего также вводят новые понятия, отражающие отношения между теорией и описываемым ею объектом: «Теория Т называется состоятельной для класса К наблюдаемых моделей, если любой объект из этого класса является моделью этой теории. Теория Т называется полной для класса К наблюдаемых объектов, если любая (конечная) модель$_м$ этой теории изоморфна хотя бы потенциальному объекту из класса К» [19, 39].

Итак, подведем итоги приведенного выше сравнения моделей класса «м» и моделей класса «л»: понятие модели в лингвистике по Ю.А. Шрейдеру и А.А. Шарову совпадает с понятием теории в математике, понятию же модель в математике в лингвистике соответствуют так называемые наблюдаемые объекты. Согласно мнению этих авторов, понятия модели и теории в лингвистике и математике прямо противоположны. Если лингвисты захотели бы привести свои термины в соответствие с математическими им следовало бы просто переименовать соответствующие понятия и называть теорией то, что они называли моделью, и моделью — то, что они называли объектом моделирования.

К совершенно другому выводу после аналогичного рассмотрения процедуры лингвистического исследования приходит лингвист С.К. Шаумян. Опираясь на глубокие традиции исследования структуры рассуждения в эмпирических науках, он показывает, что в этих последних сама сущность обобщения носит принципиально иной характер,

чем в науках чисто дедуктивных. В рассуждениях математика Ю.А. Шрейдера присутствует идея о том, что теория может иметь бесконечное множество конкретных интерпретаций (моделей), однако отсутствует идея о том, что материал исследования эмпирических наук (объект в интерпретации Ю.А. Шрейдера), к которым с полным правом можно отнести и лингвистику, допускает бесчисленное множество трактовок, «теоретических», абстрактных представлений объекта исследования. Более того, один и тот же объект реального мира может быть по-разному представлен в зависимости от цели его использования или от угла зрения, под которым он рассматривается. Так, в анатомии человек интересует исследователя с одной точки зрения, в психологии — с другой, в лингвистике — с третьей, а в этнологии — с четвертой. Другими словами, если обозначить через $ч_а$ человека как анатомический объект, через $ч_п$ человека как объект изучения в психологии и через $ч_э$ человека как объект изучения в этнологии, то $ч_а \neq ч_п \neq ч_э$ (ср. это положение с аксиомой арифметики: a = a). Поэтому «теория» в естественных науках ни при каких условиях не может быть вполне свободна, с одной стороны, от исследуемого материала, с другой стороны, — от точки зрения, с которой рассматривается данный объект. Поэтому всякое утверждение об объекте изучения естественной науки выглядит как **гипотеза** о его сущности, о его структуре и т.д. с некоторой вполне определенной точки зрения. Совокупность согласованных (не противоречащих друг другу) гипотез составляют гипотетическую теорию. Дедуктивная система гипотез подразумевает наличие в ней гипотез верхнего яруса (наиболее абстрактных), гипотез среднего яруса (менее абстрактных), гипотез нижнего яруса (наименее абстрактных). При этом, как отмечает Р.Б. Брэйтуэйт, «То обстоятельство, что большинство дедуктивных систем обладают более чем одной гипотезой верхнего яруса, имеет важное последствие для эмпирической проверки этих гипотез. Как было показано, достаточно одной контрарной инстанции для опровержения генерализации, а опровержения генерализации (т.е. гипотезы нижнего яруса) достаточно для опровержения гипотезы верхнего яруса, из которой генерализация следует. Представим, однако, один из частных случаев, когда гипотеза нижнего яруса в дедуктивной системе следует не из одной, а из нескольких гипотез верхнего яруса. В таком случае

опровержение гипотезы нижнего яруса будет означать опровержение конъюнкции этих двух или нескольких гипотез верхнего яруса; логическим следствием из ложности гипотезы нижнего яруса будет утверждение, что по крайней мере одна из гипотез верхнего яруса — ложная.

Таким образом, в отношении почти всех научных гипотез, за исключением прямых обобщений наблюдаемых фактов, служащих гипотезами нижнего яруса в дедуктивной системе, полное опровержение так же невозможно, как и полное доказательство. Опыт может только свидетельствовать о том, что в системе существует какой-то изъян; но мы сами должны выбрать между разными решениями, какая часть системы должна считаться ложной» ([21, 19 – 20], цит. по [16, 51]). Уже это соображение говорит в пользу сомнения в том, что отношения между теорией и описываемым ею объектом так просты, как это изобразили цитированные выше математики.

Поведение же объекта исследования, его свойства, изначально считаются до конца неопределенными, и остаются таковыми всегда.

«Представим себе, — рассуждает далее С.К. Шаумян, — что мы решили воспользоваться в эмпирических науках определением модели, принятым в математических науках. Спрашивается: если принять для эмпирических наук определение модели в математических науках, то можно ли считать, что познавательная функция модели будет в эмпирических науках такая же, какая она есть в математических науках?

На этот вопрос можно ответить только отрицательно. В математических науках модель — это орудие исследования теории; теория в качестве объекта исследования представляет собой оригинал, отображением которого служит модель. Дело, однако, должно в корне измениться, если мы перенесем дедуктивную теорию и ее модель из математических наук в эмпирические науки. Здесь дедуктивная теория уже не будет объектом, который исследуется с помощью модели, здесь теория и модель уже не будут соотноситься как оригинал и его отображение, а превратятся в орудие познания эмпирической действительности. Теперь оригиналом модели будет не дедуктивная теория, а соответствующая область эмпирической действительности. Что касается дедуктивной теории, то

в качестве орудия познания эмпирической действительности, она должна считаться гипотетико-дедуктивной системой, которая нуждается в правилах корреспонденции, связывающих ее с соответствующей областью эмпирической действительности» [16, 73-74].

Интересным моментом в этом рассуждении является то, что С.К. Шаумян для выявления противопоставленности математического и естественнонаучного представления о модели вводит понятие познавательной функции, которое и позволяет ему усмотреть в двух этих типах понимания существенное различие. Именно этого важного аспекта не хватает в рассуждениях математиков и философов, идущих за математиками след в след [11]. Казалось бы следующим шагом в рассуждении С.К. Шаумяна должно было быть введение в схему моделирования познающего субъекта, исследователя, наблюдателя, однако, видимо, увлеченный идеей объективности процесса моделирования, автор этого важного шага не делает. Вот чем заканчивается его рассуждение: «Итак, в эмпирических науках теория и модель имеют эквивалентную познавательную функцию. Отсюда следует, что в эмпирических науках нет никаких оснований для того, чтобы противопоставлять друг другу теорию и модель как разные вещи <…> теория и модель должны быть подведены под одно понятие, как гипотетико-дедуктивные системы с эквивалентной познавательной функцией» [16, 77]. Понимая все же, что имеет смысл развести эти два понятия, автор «Структурной лингвистики» предлагает считать понятие модели гипонимом понятия «теория». Вот его определение модели: «…модель — это теория, имеющая наглядное содержание в виде образов, служащих аналогами ненаблюдаемых объектов» [16, 77]. Это мнение С.К. Шаумяна прямо противоположно мнению целого ряда философов, считающих, что как раз понятие теории является разновидностью модели. Подобная трактовка соотнесенности указанных понятий представляется нам более обоснованной, чем трактовка почтенного автора аппликативной модели, хотя бы потому, что моделями называ-

[11] Ср., например, высказывание Р.Б. Брэйтуэйта: «В психологии и социальных науках слово «модель» часто употребляется просто в качестве синонима формализованной или полуформализованной теории. <…> употребление слова «модель» вместо «теория» не ставит никаких специфических проблем, связанных с понятием теория» [21, 224 – 225], цит. по [16, 72 – 73].

ются и вполне материальные объекты (например, модель самолета мало похожа на теорию).

Ю.А. Шрейдер, кроме моделей в математике и моделей в естественных науках, выделяет еще и кибернетический тип моделей и, соответственно, особое понимание специалистами по кибернетике термина «модель»: «В кибернетике часто слово «модель» употребляют в третьем смысле, который также может быть описан в рамках принятой нами схемы. Именно модель наблюдаемого объекта — это обычно модель$_м$ той же Теории, которая описывает класс наблюдаемых объектов. Например, когда демонстрируется движущаяся модель$_к$ черепахи в виде тележки на колесах с мотором, то это, строго говоря, не модель самой черепахи, а модель той (довольно слабой) Теории, которая описывает класс объектов, способных совершать простые движения и выполнять несложный набор команд» [18, 75]. Автор статьи прав в том, что при обсуждении структуры ситуации моделирования в кибернетике необходимо учитывать ту теорию, которая и позволила построить модель черепахи. Следует отметить, однако, что в модели черепахи важным было не то, что это тележка, а то, что в ней было управляющее устройство с прямой и обратной связью, имитирующее соответствующие механизмы живых существ (см., по этому поводу [4]). Следовательно, исключение из моделируемых объектов живого существа (черепахи) и **теории**, описывающей существенные для данного исследования свойства этого живого существа, является сильным и неправомерным огрублением реальной ситуации.

Подведем теперь некоторые итоги нашего рассмотрения и выделим в рассмотренных ситуациях моделирования их общие компоненты.

В математике постоянным объектом моделирования является теория. При этом моделируемый объект и модель этого объекта «сделаны» из одного и того же материала, и это понятно: объектом исследования математики являются абстрактные объекты — числа, множества. Ю.А. Шрейдер утверждает, что модель всегда более конкретна, нежели теория, что в теории отсутствует множество объектов, на которых определяется теория, однако, в примере, который приводит А. Тарский, теория определена на множестве отрезков прямой, а модель определена на множестве рациональных чисел. Таким обра-

зом, модель в примере Тарского имеет ту же степень генерализации, что и теория. Этот пример показывает, что даже в математике отношения большей или меньшей абстрактности не являются существенными для определения модели (и теории). Зато существенным оказывается, что один из объектов (в данном случае абстрактных) служит для некоторого **наблюдателя** объектом, исследование которого позволяет ему сделать выводы относительно свойств другого объекта (также абстрактного) на основании некоторых, вполне определенных отношений между сигнатурами данных математических объектов. Другими словами, если говорить о примере А. Тарского, то вполне возможно, что модель здесь можно сделать объектом моделирования, а теорию — моделью этого нового объекта, если вдруг обнаружится, что исследование второго может помочь в доказательстве того, что у первого имеются свойства, которые трудно обнаружить при непосредственном наблюдении оригинала. Из этого следует, что понятие модели и объекта моделирования относительны, а не стативны, другими словами, понятие модели функционально и зависит от намерений наблюдателя. Именно это имелось в виду в работе Б.С. Грязнова и его соавторов, когда они писали: «Охарактеризовать моделирование — это прежде всего выяснить отношения между **исследователем** (выделено нами — А. Б.), моделью и оригиналом» [5, 66]. Элементы пары объектов, связанных отношением моделирования, могут поменяться местами: то, что вначале было моделью, может стать объектом моделирования и наоборот. Это принципиальное замечание, конечно, не значит, что не бывает так, что назначение некоторого объекта ограничивается тем, что он всегда должен служить моделью другого объекта. Если, например, опираться на понимание модели$_{м}$ Ю.А. Шрейдера, а не А. Тарского, то теория должна по отношению к реляционным системам быть только объектом моделирования. Однако генерализация понятия модели предполагает возможность для модели и объекта поменяться местами в процессе исследовательской работы.

Вторым существенным наблюдением, которое, в противоположность первому, можно считать установленным математиками, является то, по которому между элементами модели и объекта должно быть установлено соответствие, которое собственно и поз-

воляет на основании наблюдений над свойствами модели делать выводы относительно свойств исследуемого объекта.

Третьим важным наблюдением над свойствами моделей является указание Ю.А. Шрейдера на то, что когда речь идет о материальных типах модели, то нельзя упускать из виду то обстоятельство, что в основе рассмотрения материальной модели лежит теория, описывающая ее существенные свойства (и оставляющая без внимания несущественные). Единственное, что еще необходимо добавить к этому наблюдению, состоит в том, что если моделируется материальный объект, то и его рассмотрение опирается на некоторую теорию этого объекта.

В последнее время важность присутствия в любом акте моделирования наблюдателя, встроенность в понятие модели этой решающей фигуры все больше осознается учеными, см. по этому поводу, например, [27; 28; 30; 31]. Это рассуждение может быть подкреплено наблюдениями еще одного математика, а именно выдающегося венгеро-американского ученого, создателя математической теории игр, одного из создателей кибернетики, консультанта по математическим вопросам при разработке атомной бомбы в Лос–Аламосе Джона фон Неймана (1903—1957).

В своей работе «Математические основания квантовой механики» он писал: «Это значит, что мы всегда должны делить мир на две части: наблюдаемую систему и наблюдателя. В первой из них мы можем, по крайней мере принципиально, сколь угодно подробно исследовать все физические процессы; в последней это бессмысленно. Положение границы между ними в высокой степени произвольно. …То, что такую границу (границу между свойствами, навязываемыми системе исследователем и свойствами самой системы — А. Б.) можно переместить сколь угодно далеко внутрь организма действительного наблюдателя, и составляет принцип психо–физического параллелизма. Однако это обстоятельство ничего не меняет в том, что при каждом способе описания эта граница должна быть где-нибудь проведена, если только все не проходит впустую» [8, 308].

Это свое утверждение фон Нейман подкрепляет следующим логическим рассуждением. Пусть нам дана физическая система S, конкретное поведение которой определя-

ется физическими законами, поскольку физические законы описывают все возможные способы поведения. Однако, если мы хотим измерить конкретные параметры поведения S, мы должны измерить начальное состояние S с помощью прибора M. Таким образом, существенной функцией измерения является порождение вычислимого символа, как правило, числа, соответствующего некоторому аспекту поведения физической системы.

Далее, прибор M также должен подчиняться физическим законам, естественно, и в процессе измерения тоже. Таким образом, с помощью законов физики мы можем корректно описать и поведение прибора. Теперь соединим систему S и измерительный прибор и представим их как новую физическую систему S′ = (S + M). Для того, чтобы предсказать, как будет вести себя новая система, мы должны прибегнуть к новому измерительному прибору, чтобы замерить начальное состояние S′. Этот новый прибор мы вновь можем соединить уже теперь с S′ в новую физическую систему S′′ и т.д.

Суть описанного мысленного эксперимента состоит в том, что *функция* измерения не может быть описана с помощью фундаментального динамического описания измерительного прибора, даже если подобное основанное на физических законах описание может быть достаточно детальным и абсолютно корректным. Суть в том, что физический прибор существует как физическая система и ничего больше, но для того, чтобы он исполнял *функции* измерительного прибора, он нуждается в исследователе, который должен выбрать, какие параметры физической системы проигнорировать, и обосновать выбор тех параметров, которые являются существенными для ее описания. Процесс отбора является результатом действий исследователя или организма и не может быть выведен из физических законов.

Известный специалист по биосемиотике Г. Патти подчеркивает в этом рассуждении фон Неймана отношения взаимной дополнительности, в которых находятся законы физики и измерения в физических исследованиях. Физики чаще всего стараются избежать обсуждения того, где проходит описанная выше эпистемическая граница, отстаивая взгляд на информацию как на нечто абсолютно объективное, очищенное от присутствия

исследователя, как на нечто существующее в структурах физического мира и совершенно независимое от исследователя.

В наших терминах измерения представляют собой модель физического объекта, вся структура которой зависит не только от отбора. Сам отбор зависит еще и от целей исследования, от того, что исследователь хочет понять в объекте в данном акте своего взаимодействия с ним. Очевидно, что понять все сразу нельзя, значит, необходимо еще и разбить исследование на этапы. А это разбиение еще одна составляющая моделирования и его результатов.

1.2. Схема ситуации моделирования. Обобщение понятия «модель» в науке

После этих замечаний, можно уже попытаться дать общенаучное определение модели.

Введем понятие **эйдоса** [12] **объекта**. Определения ему не дается. Скажем лишь, что под эйдосом объекта мы в дальнейшем будем понимать нематериальные объективные свойства данного объекта, существенные для данных целей взаимодействия с ним живого существа или биологической функциональной системы (например, генома, клетки, мозга и т.п.). Вот что писал по поводу такого рода свойств Г. Фреге: «Я отграничиваю объективное от осязаемого, пространственного, реального (wirkliches). Земная ось, центр тяжести Солнечной системы объективны, но я не могу назвать их реальными, в отличие от самой земли. Экватор называют воображаемой (gedachte) линией, но было бы неправильно называть эту линию выдуманной (erdachte); экватор не создается мыслью» [24, 34]. К эйдетическим объектам следует относить и числа. Эйдосом объекта может, например, быть его разбиение на существенные для данного способа взаимодействия с ним части (ср. части человека, которые выбирают дети, когда рисуют — руки, ноги, голова, глаза, брови, рот, нос, и части человеческого тела, которые выделяет анатом), ими могут быть

[12] Введенный когда-то Платоном, этот термин в нашем случае хорош своей изначальной неопределенностью. Близкие к нему термины либо слишком узки (например, концепт, противопоставляемый эмотивному, этическому и некоторым другим компонентам семантики языковых знаков), либо слишком многозначны (как, например, информация). Термин ЭЙДОС в современной семиотической литературе (если не относить к ней работы А.Ф. Лосева) пока не занят, и в него можно вложить ту семантику, которая нам здесь нужна.

параметры физического объекта, которые в данном взаимодействии с ним исследователь считает существенными; эйдосом реплицируемого участка ДНК является разбиение последовательности оснований нуклеотидов этого участка на кодоны; эйдосом может быть способ упорядочения вагонов в составе поезда, отношения симметрии, асимметрии, вообще любые отношения; эйдетической сущностью являются и классы объектов, отношений, свойств и т.д. Эйдетический компонент материальных объектов противопоставляется их материальному компоненту, которому также трудно дать определение. В настоящее время это противопоставление, введенное еще Платоном, активно обсуждается в физике, биологии, химии, computer science. Так, упоминавшийся выше фон Нейман в книге, посвященной теории самовоспроизводящихся автоматов ([26]), отмечал, что в обычном употреблении материя и символ [13] категориально разведены; так, нейрон порождает импульс, но импульс и нейрон не попадают в один и тот же класс объектов, компьютер порождает биты, но биты и компьютер не относятся к одному и тому же классу, измерительные приборы порождают числа, но и они относятся к разным классам объектов.

Г. Патти определяет материю и энергию следующим образом: «I will mean by matter and energy those aspects of our experience that are normally associated with physical laws» — 'Под материей и энергией я буду понимать те аспекты нашего опыта, которые обычно ассоциируются с физическими законами' [27, #2].

Соответственно, символы определяются так: «I could alternatively describe a symbol as a relatively simple material structure that, while correctly describable by all normal physical laws, has *significance or semantic function* that is not describable by these laws» —— 'Я мог бы в качестве альтернативного понятия описать символ как относительно простую материальную структуру, которая хотя и описывается вполне корректно всеми обычными физическими законами, наделена еще и значением, или семантической функцией, которая

[13] Фон Нейман противопоставляет материю символу потому что мы можем обсуждать эйдетические компоненты, только используя для их представления знаки (символы). В общем, это не очень корректный способ обозначения эйдоса, но в науке до сих пор не выработано единого способа обозначения этого объекта.

не может быть описана этими законами' [27, #5]. Под символами при этом Патти чаще всего понимает ту их часть, которая не может быть описана физическими законами.

Российско-американский биолог Алексей Шаров, как и многие другие представители естественных наук, называет второй член упомянутой выше дихотомии информацией [14] ([30]). При этом он различает два вида информации: потенциальную (видимо, по аналогии с потенциальной энергией) и актуальную. Потенциальная информация не зависит от субъекта восприятия и не выполняет никаких функций в сложно организованных системах. Актуальная информация либо изначально связана с системой, в которой она выполняет определенные функции, либо воспринята этой системой извне и контролирует ее деятельность, причем эта деятельность может носить как физический, так и ментальный (видимо, в широком, биологическом, смысле этого слова) характер. Введенное нами понятие эйдоса имеет отношение к актуальной, в понимании Шарова, информации.

Важным свойством эйдоса в нашем понимании является еще и то, что в противопоставлении информации и энтропии эйдос отделяет от неопределенной, энтропической части всех идеальных свойств объекта определенные, освоенные, информационные его свойства и имеет отношение только к ним. В этом смысле эйдос — разновидность информации.

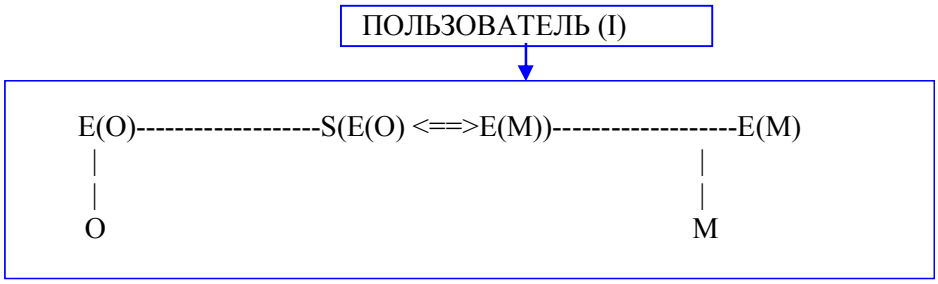
В том же смысле высказывается по поводу теории моделей, например, датский исследователь С. Кёппе: «Models are useful means to thinking. It is, however, necessary to realize that they imply a theory; a theory about the properties that the model selects, isolates, and qualifies» — 'Модели с успехом используются в мыслительном процессе. Однако необходимо понимать, что их использование предполагает теорию, теорию, касающуюся свойств (объекта моделирования), которые модель отбирает, обособляет и делает определенными' [25].

Следует отметить, что любая теория объекта является моделью его эйдоса.

[14] Следует отметить, что понятие информации у А. Шарова в основном ограничивается значением биологического сигнала, которое он противопоставляет структурным характеристикам объекта (в нашем понимании тоже эйдетическим), таким, например, как форма, которую также вряд ли можно описать с помощью физических законов (см. ниже соображения Я. фон Икскюля по поводу того, чем обусловлена форма тела живых организмов).

После всех этих предварительных замечаний дадим **рабочее определение модели** [15].

Пусть нам дан некоторый объект произвольной природы **O** и выбран некоторый эйдос объекта E**(O)**, отображающий существенные для взаимодействующего с ним субъекта, или биологической функциональной системы I свойства объекта **O**, и пусть нам дан объект **M** и выбран некоторый эйдос объекта E**(M)**. Если теперь имеется система соответствий между простыми или сложными элементами **E(O)** и E**(M)**, S**(E(O) <==> E(M))**, содержанием которой являются: 1) множество соответствий между элементами E**(O)** и E**(M)** и/или между конструктами, образованными из этих элементов и/или 2) набор правил, по которым строятся эти соответствия, и, на основании (1) и/или (2), программа взаимодействия с M для I при решении проблемы P становится основой для построения программы взаимодействия с O**,** то **M** называется моделью **O** для субъекта или биологической системы I при решении ими проблемы **P**. Схематически ситуацию моделирования можно изобразить следующим образом:



Замечу, что отношение моделирования (т.е. отношение между объектом моделирования и моделью) антирефлексивно и антисимметрично, транзитивность [16] для него,

[15] Определения, которые будут даны ниже используемым нами терминам, не являются математически строгими (они нужны для того, чтобы читатель достаточно точно понял, что мы имеем в виду, когда употребляем то или иное специальное слово), мы не будем следовать математическому правилу, по которому термины должны вводиться последовательно, в том смысле, что в определении должны содержаться либо неопределяемые, либо уже определенные слова. Для наших целей достаточно, чтобы в их определении не было так называемых порочных кругов, т.е. чтобы не было такой ситуации, при которой термин A определялся бы через термин B, а термин B — через A.

[16] Отношение R на множестве {M} называется антирефлексивным, если в {M} не существует ни одного такого элемента a, для которого было бы верно, что aRa (объект не может быть моделью самого себя). Отношение R на множестве объектов {M} называется антисимметричным, если в {M} не существует пары таких элементов a и b, для которых было бы верно, что aRb & bRa (не может быть такого положения, при котором при выполнении некоторой задачи одновременно с тем, что M является моделью для O, а O — моделью для M. Отношение R на множестве {M}

свойство, в общем случае (см. об этом ниже), несущественное. Отметим еще раз, что понятие модели относительно и определяется целиком намерениями (и возможностями) пользователя. В принципе, если система соответствий S**(E(O) <==> E(M))** обеспечивает возможность по свойствам **O** строить гипотезы об **M,** то **O** и **M в другой целевой программе поведения у пользователя модели** могут меняться ролями. Причем свойство это не противоречит утверждению об антисимметричности отношения моделирования, поскольку нечто называется моделью чего-то при фиксированной для пользователя задаче или при фиксированном классе задач.

Поскольку это последнее утверждение для дальнейших рассуждений очень важно, продемонстрируем указанное свойство модели на конкретном примере. Попробуем установить отношения моделирования между восстановленным храмом (например, восстановленным сейчас в Москве Храмом Христа-Спасителя), образом этого восстановленного храма в голове восстановившего его архитектора, проектом реконструкции, объектом восстановления (в моем примере — Храмом Христа-Спасителя), проектом его построения, его макетом и образом этого храма в голове архитектора, когда он еще не был построен.

Оригинальным объектом, которому должна быть по некоторым правилам поставлена в соответствие его модель, является идея структуры здания, которая могла прийти в голову, видимо, только профессиональному архитектору. Идея выражается на языке чертежей и воплощается вначале в макете, а затем в проекте. Проект по отношению к идее является моделью (которая, заметим, как и макет, во много раз конкретнее своего оригинала). Затем по проекту строится храм (еще более конкретный объект, чем проект). Храм по отношению к проекту является моделью, а проект — объектом-оригиналом. Будучи построенным, Храм вступает во взаимодействие с другими объектами, с которыми его связывают отношения, которых не было в оригинале. Он начинает, как и макет, подчиняться законам тяготения, вступает в пространственные и физические отношения с зем-

---

называется транзитивным, если для любых пар x_1Rx_2 и x_2Rx_3 отношение R выполняется и для пары x_1Rx_3.

лей, воздухом, атмосферными осадками и т. д. У него начинается своя «жизнь», не похожая на жизнь оригинала. Далее Храм разрушается. Сохраняются чертежи. Возникает идея воссоздания Храма. Новый архитектор (новый пользователь моделей) по сохранившимся чертежам и фотографиям (моделям построенного Храма) рождает — и это уже другая задача — новую идею его структуры (модель по отношению к чертежам и фотографиям). Затем по новой идее структуры храма делается новый его проект (модель идеи). Затем по проекту строится новый Храм (модель по отношению к проекту). Изобразим теперь все эти отношения схематически: идея Храма (объект) <==> (правила соответствий между элементами объекта и элементами проекта) — проект (модель). Проект (объект) <==> Храм (модель). Проект и фотографии (объект) <==> идея структуры воссоздаваемого храма (модель). Идея Храма (объект) <==> новый проект (модель). Новый проект (объект) <==> воссозданный Храм (модель). Заметим, что в пределах определенного наблюдателя и определенной поставленной задачи у нас есть начальный объект моделирования, конечный объект моделирования (цель построения всей цепочки моделей) и промежуточные модели, которые должны удовлетворять определенным свойствам процесса. Каждая следующая модель в этой цепочке является моделью не только по отношению к своему непосредственному объекту моделирования, но и по отношению к объекту моделирования своего объекта, т.е., если через R_M обозначить отношение ‘быть моделью’, через O_1, O_2… — объекты моделирования, а через M_1, M_2… — модели в этом отношении, то если нам даны $O_1\ R_M\ M_1$ и $O_2\ R_M\ M_2$, и $M_1 = O_2$, то $O_1\ R_M\ M_2$, т.е. M_2 будет моделью и для O_1. Таким образом, в этой цепочке моделей отношение моделирования становится транзитивным. Но как только меняется наблюдатель и заканчивается цепочка, отношения транзитивности перестают быть обязательным свойством цепочки. Так, нынешний Храм Христа Спасителя является моделью разрушенного для того, кто его проектировал, для строителей, которые должны были стараться сделать так, чтобы сходство было соблюдено. Но для наблюдателя, ничего не знающего о разрушенном Храме, он не будет расценен как модель разрушенного Храма. А если он сфотографирует этот новый храм, то единственным объектом, для которого фотография будет моделью, будет новый храм. Для

человека, который знает о нем, новый храм — модель старого, если он захочет понять по новому, как выглядел старый, при этом промежуточные модели для него не важны.

Еще одним важным свойством модели по приведенному выше определению является то, что, поскольку всякое моделирование связано с предварительным построением эйдосов объекта и модели пользователем, эти два компонента являются в схеме моделирования обязательными, другими словами, объект моделирования может совпадать с эйдосом объекта, а модель — с системой соответствий S: в ситуации моделирования может быть так, что эйдос объекта и есть объект, эйдос модели и есть модель, но не может быть так, чтобы объект моделирования, не совпадающий с эйдосом, напрямую сопоставлялся с модельным объектом, не совпадающим с эйдосом модели.

Введем теперь еще одно общее понятие, которое нам понадобится в дальнейшем. Вся ситуация моделирования представляет собой еще и процесс, с одной стороны, построения нужной модели по заданному объекту моделирования и применительно к данной задаче (назовем его синтезом модели), с другой стороны, распознавания степени адекватности данной модели по отношению к данному объекту моделирования (назовем этот процесс анализом модели). Кроме того, вся ситуация моделирования бывает необходима, когда сопоставляются две модели одного и того же объекта, два разных объекта моделирования для одной и той же модели; с третьей стороны, важно бывает оценить эйдосы модели и объекта, систему соответствий между элементами эйдосов объекта и модели. В этом случае нам следует говорить обо всей ситуации моделирования, со всеми ее компонентами. Конструкция, в которую включены все компоненты ситуации моделирования: объект и модель, эйдос объекта и эйдос модели, система соответствий между элементами эйдоса объекта и эйдоса модели, будет называться **модельной системой**. Можно считать, что в сложных модельных объектах модельная система представляет собой квант процесса моделирования и элементарную единицу уже построенной сложной модели.

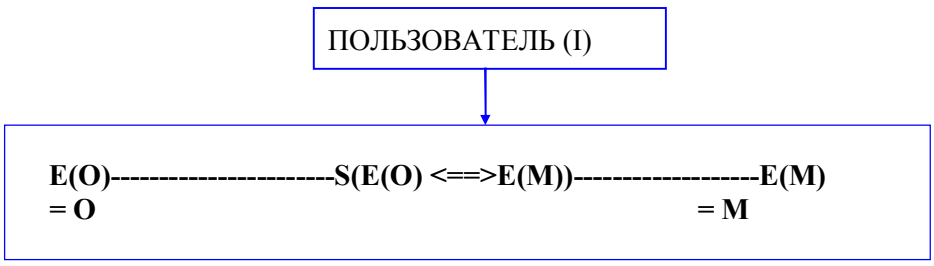
Рассмотренный выше пример с Храмом позволяет нам выделить очень важный частный случай использования связки модельных систем, внутри которой отношения мо-

делирования становятся транзитивными. Назовем теперь множество модельных систем, на котором задано отношение строгого порядка, такое, что в каждой последующей модельной системе объект, который служил моделью другого объекта в предыдущей, становится объектом моделирования, а отношения моделирования приобретают свойства транзитивности, **модельными цепями**. Модельная система, входящая в модельную цепь будет называться **звеном модельной цепи**.

1.3. Типы моделей

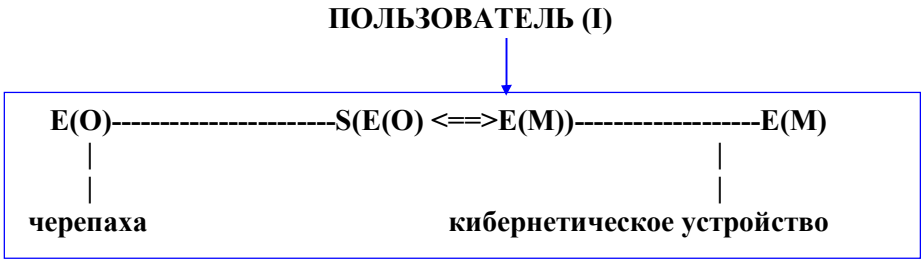
Убедимся теперь в том, что под приведенное выше (нестрогое) определение модели подпадают уже исследованные отношения между теорией и моделью в математике.

Поскольку в математике не исследуются объекты реального мира, E(O) и O, а также E(M) и M в математических исследованиях совпадают. Так, например, в миниатюрной теории А. Тарского и ее модели, рассмотренных выше, нет нужды строить «эйдос теории», поэтому «эйдос теории» и теория совпадают. То же можно сказать и о модели: эйдосом модели является собственно миниатюрная теория. Выводы о свойствах объекта (т.е. миниатюрной теории) делаются на основе теории соответствий между элементами сигнатур теории и модели, а также на основании неформального постулата, по которому, как писал Чжао Юань-жень, «то, что существует, не может быть внутренне противоречивым» [15]. Схема моделирования в данном случае выглядит следующим образом:



Теперь посмотрим, подпадает ли под данное определение понятие модели в кибернетике. Как уже было сказано выше, когда мы имеем дело с кибернетическим устройством, оно выполняет роль модели некоторого живого существа в интересующем исследователя отношении (а именно, в отношении сходства управляющих систем). В принципе, на роль моделируемого объекта в данном случае подходит и черепашка, и мышь, и

лягушка, поэтому мы можем говорить в данном случае о классе ситуаций моделирования, в котором модель — одна и та же, а моделируемых объектов — множество. Такие объекты мы будем называть эквивалентными относительно данной модели или, вслед за Ю.А. Шрейдером, **сомодельными объектами**. Подобная ситуация обусловливается бедностью эйдоса объекта, которой вполне соответствуют бедность эйдоса модели и системы соответствий между элементами E(O) и E(M). Тем не менее, когда мы выбираем конкретный объект моделирования, ситуация становится вполне однозначной



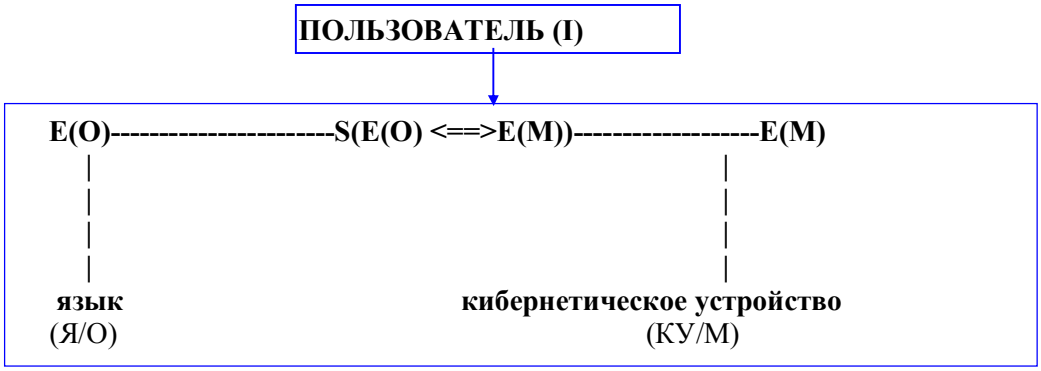
Введем здесь же еще одно полезное понятие, связанное с отношением сомодельности, а именно понятие, которое отображает ситуацию, противоположную сомодельности. Мы имеем в виду ситуацию, при которой одному и тому же объекту соответствует несколько разных моделей. Так, например, один и тот же корабль может моделироваться чертежом, различными макетами и т. д. Две модели, которые моделируют один и тот же объект будут называться **кореферентными**.

В лингвистике дело обстоит сложнее. Здесь все зависит от того, какова цель исследователя в данный момент.

Процесс исследования здесь, как впрочем и в любой другой эмпирической науке, можно представить как последовательную смену ролей объекта и модели: в начале, на основе наблюдений над объектом, строится его теория, которая затем становится логической моделью объекта изучения, так как на основании исследования ее структуры исследователь начинает судить о структуре самого объекта. При этом теория как объект, отличный от исходного, при своем развитии начинает приобретать свойства, либо неизвестно каким образом соотносящиеся со свойствами исходного объекта, либо вообще не соотносимые со свойствами объекта. В этом случае исследователь должен произвести

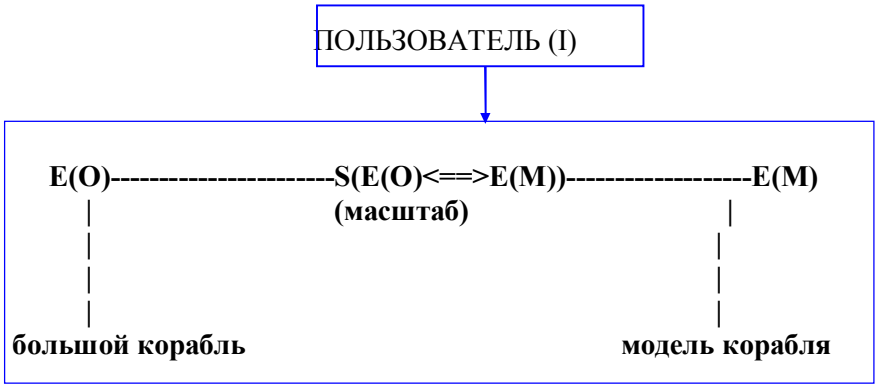
дополнительные исследования самого объекта, чтобы проверить неизвестные свойства теории, и здесь уже объект становится моделью теории. Затем теория дополняется или изменяется, и снова объект и теория меняются ролями и т.д.

Некоторое время назад в лингвистике выдвигалась идея построения кибернетической модели языка. В этом случае ситуация моделирования должна выглядеть так же, как и в случае с кибернетической моделью живого существа.



Компьютерные программы типа «Элиза» могут вполне считаться примитивными моделями языка.

Легко убедиться, что и в технике то, что обычно считается ситуацией моделирования, вполне укладывается в нашу схему. Скажем, когда нам нужно построить корабль, и мы хотели бы убедиться в правильности наших расчетов, мы предварительно строим макет корабля или действующую его модель и проверяем свойства модели в специальных бассейнах, затем экстраполируем результаты наших наблюдений на настоящий большой корабль и начинаем его строить. При этом убедительность нашей экстраполяции придает теория соответствий между моделью корабля и большим настоящим кораблем: мы строим модель в строгих пропорциях по отношению к большому кораблю, например 1:200. Мы можем быть уверены в наших рассуждениях благодаря тому, что существует теория соответствий между компонентами большого корабля и компонентами его макета. Таким образом схема моделирования в данном случае будет выглядеть так же, как и в предыдущих случаях:



Е(БК) в нашем случае — техническая документация, по которой строится большой корабль, а Е(МК) — техническая документация, по которой строится макет или модель корабля.

Моделирование в настоящее время используется как научный метод во многих естественных научных и научно-технических дисциплинах — таких как физика, механика, гидравлика, аэродинамика, химия, биология, таких гуманитарных дисциплинах, как лингвистика, социология, психология, экономика, этология. В качестве яркого примера такого рода моделей можно привести математическое моделирование физических процессов, т.е. методы исследования физического процесса путем опытного изучения аналогичных явлений, имеющих иное физическое содержание, но описываемых теми же математическими уравнениями. На электрических, например, моделях исследуются свойства процессов распространения электромагнитных и звуковых волн, диффузии газов, фильтрации жидкостей в пористых средах, явления кручения валов и стержней, тепловые явления и т.д. Для этого используются аналогии между электрическими величинами и соответствующими величинами, с помощью которых описываются объекты моделирования. Ср., например, таблицы аналогий между механическими и электрическими величинами:

Первый вид аналогий

Электрический заряд	–	механическое перемещение
Напряжение	–	сила
Сила тока	–	скорость

Индуктивность	–	масса
Емкость	–	упругость

Второй вид аналогий

Магнитный поток	–	механическое перемещение
Напряжение	–	скорость
Сила тока	–	сила
Индуктивность	–	упругость
Емкость	–	масса

Основанием для этих аналогий является математическая теория дифференциальных уравнений. В нашей схеме ситуации моделирования эти аналогии заняли бы позицию E(O) и E(M), т.е. позицию способов представления объекта и модели в терминах теории дифференциальных уравнений. Система соответствий S в этом случае получится тривиальной.

Начиная с 50-х годов XX в. в философии появляются попытки создания общей теории моделей в рамках философской дисциплины «логика и методология науки». Основными направлениями исследований в рамках общей теории моделирования являются классификация и исследование структуры и функций конкретных моделей, уже построенных на базе различных отраслей знания, выявление общих моментов в построении и функционировании моделей, выработка единого метаязыка для их описания, логическое обоснование метода моделирования, классификация отношений между элементами E(O) и E(M) (теория подобия, теория аналогий, исследование структуры логического вывода при моделировании и некоторые другие). Наиболее интересными результатами исследований в этой области были классификация моделей и общие характеристики полученных классов.

По цели, которую преследует пользователь модели, их можно разделить на исследовательские, репрезентативные и инструментальные.

На **исследовательских** моделях ставятся эксперименты, предназначенные для выявления свойств, которые можно (гипотетически, доказательно или экспериментально) экстраполировать на исследуемый объект. Хорошим примером исследовательской модели являются действующие модели (или образцы) самолетов, свойства которых проверяются в моделях среды (например, в аэродинамических трубах или в естественных условиях) и затем согласно определенной теории соответствия переносятся на объекты моделирования — серии самолетов, построенных по **аналогичным** проектам. Другим примером исследовательской модели может служить существовавшая когда-то гидравлическая модель спроса и предложения в экономике. Она состояла из системы трубок, заполненных разноцветными жидкостями, и имитировала изменения в состоянии экономики относительно указанных двух параметров. В настоящее время все эти модели строятся на компьютере. Математические модели теории также можно отнести к классу исследовательских, поскольку на них проверяют свойства теорий. С другой стороны, например, всякая теория в эмпирических науках может рассматриваться как исследовательская модель, поскольку на ней проверяются свойства описанного теорией объекта.

Репрезентативные модели предназначены для того, чтобы фиксировать представления исследователя об объекте моделирования, сохранять и воспроизводить их в наглядной форме и/или обучать по модели других исследователей. Примерами таких моделей могут служить различного рода научные теории, макеты (например, Луны, Земли), географические карты и т.п. Важнейшей разновидностью репрезентативных моделей являются знаки и знаковые системы. В языковых текстах исследователь фиксирует полученные результаты и представляет их коллегам.

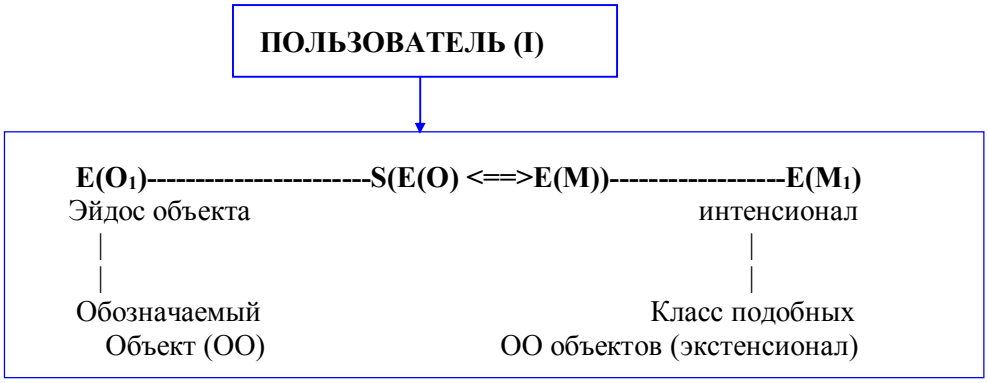
Инструментальные модели используются либо для облегчения или выполнения тяжелой работы, либо как промежуточный этап в сложных исследованиях, либо как способ фиксации результатов исследования. В качестве примеров такого рода моделей можно привести искусственную руку, компьютерную модель автоматического перевода, естественные и искусственные языки и т.п. Языковые знаки и здесь находят свое место. Язык — инструмент исследования мысли. Всякий исследователь знает, что до того, как

мысль записана и истолкована с помощью языковых знаков, она представляет собой лишь сырой продукт.

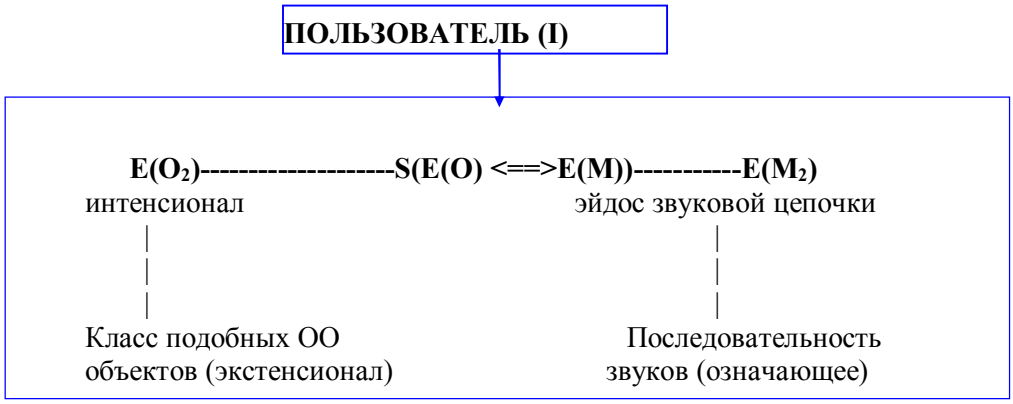
По соотнесенности объекта моделирования и модели в качестве основных классов можно выделить **аналоговые** модели и модели **реляционные**. Аналоговые модели предполагают отношения подобия, сходства, модели и объекта моделирования по определенному набору параметров; реляционные модели предполагают лишь наличие соответствий между элементами модели и элементами объекта моделирования. Объект моделирования и модель могут обнаруживать сходство в форме, материале, структуре, функции, а также в перцепции. Портрет, например, — аналоговая модель. В реляционных моделях никакого сходства между объектом моделирования и моделью не предполагается. Так, при счете пальцы на руке служат нам универсальной моделью для исчисления множеств как материальных, так и идеальных объектов, при этом мы ставим один палец в соответствие той части множества, которую мы считаем далее неделимой. Какую из этих частей мы поставим в соответствие какому пальцу — безразлично. Безразлично также, будут ли в качестве моделей выбраны пальцы, счетные палочки или костяшки счетов.

Слова естественного языка совмещают в себе свойства как аналоговых, так и реляционных моделей: содержательный компонент слова (интенсионал) содержит в себе набор параметров, который воспроизводит часть характеристик обозначаемого объекта, он может отображать структуру объекта (концептуальный или функциональный ее аспект), например, воспроизводить элементы его физической структуры и отношения между ними. Ср., например, толкование лексемы СТОЛ у С.И. Ожегова: «предмет мебели в виде широкой горизонтальной пластины на опорах, ножках». В нем воспроизводится структура стола: выделены элементы структуры (широкая горизонтальная пластина и ножки). И установлены пространственные отношения между ними: пластина располагается на ножках, а не рядом с ними и не под ними. Таким образом, содержательный компонент означаемого лексемы может представлять собой аналоговую модель обозначаемо-

го объекта (бывают и другие типы моделей [17]), а точнее — класса объектов (экстенсионала), имеющего общие свойства, и наоборот: в содержательном компоненте знака, подобного рассмотренному, отображаются только общие для всего класса свойства объектов. Означающее же словоформы *стол* — в письменном языке — упорядоченная цепочка из четырех букв представляет собой реляционную модель содержательного компонента. Связь между означающим словоформы и ее содержанием, в данном случае, условна, она обусловлена **традицией** связывания данного означающего и данного означаемого отношением обозначения (моделирования). В немецкоговорящем сообществе традиция другая. Там эквивалентному содержанию сопоставлена другая реляционная модель — *Tisch* (упорядоченная цепочка из пяти букв, соответствующая упорядоченной цепочке из трех звуков). В турецком — третья ***ma**sa* и т.д. Важно отметить, что мы имеем здесь две «связки» модельных систем:



И вторая:



[17] Так, например, интенсионал лексемы РЕЗИНКА обозначает свой объект по материалу, из которого этот объект сделан, интенсионал лексемы ПАРУСИНА — по тому объекту, который изготовляют из материала, обозначаемого этой лексемой, ПОДАРОК — по ситуации, в которой некто X дарит некоему Y-у то, что обозначает данная лексема и т.д.

Причем так же, как и в случае с Храмом Христа Спасителя, отношения моделирования в этих сопряженных модельных системах транзитивны: если M_2 является моделью для O_2, и M_1 является моделью для O_1 и $O_2 = M_1$, то M_2 является моделью и для O_1. Из этого следует, что **в языковых знаках мы имеем дело с модельными цепями, включающими в себя как минимум два модельных звена, и отношения моделирования в цепочке транзитивны.**

Последним важным параметром в классификации моделей являются приемы построения системы соответствий между элементами эйдоса моделей и эйдоса объекта моделирования, связанные с возможностями перцептивного аппарата человека. Так, для экспериментальных наук очень важным оказывается разграничение внутренних и внешних параметров моделируемого объекта. Это разграничение часто очень тесно связано с другим разграничением — наблюдаемых и ненаблюдаемых параметров объекта. Особенно важным деление параметров на эти два класса оказывается в случаях, когда внутренняя структура объекта оказывает влияние на его внешнее поведение. Так, например, структура атома определяет и его физические, и его химические свойства. То же можно сказать о молекуле.

Впервые теории, учитывающие разграничение внутренних и внешних параметров моделируемого объекта, появились в электротехнике, где часто приходилось описывать объекты, внутренняя структура которых была недоступна для непосредственного наблюдения. Инженеры назвали объекты подобного типа «черными ящиками». Наблюдаемыми в них были только внешние параметры, т.е. параметры, отражавшие взаимодействия данного объекта с другими. Параметры, описывающие воздействие на объект, были названы входными, параметры же, описывающие поведение объекта, которое расценивалось как результат воздействия, были названы выходными. В 60-е годы прошлого века сформировалась общая теория моделей типа «черный ящик», была определена роль подобных теорий в научных исследованиях, общая методология разработки подобного рода теорий, сфера и границы их применения.

В теориях черного ящика учитывались только наблюдаемые параметры — такие, например, как форма, порядок расположения, внешнее поведение, внешние измерения и т.п. Объекты такого рода в теориях черного ящика описываются так, как будто они не имеют внутренней структуры. Подобный способ описания обеспечивает полную объективность, отделяющую факты от домыслов, простоту описания, высокую степень общности, точность и надежность. Однако наряду с достоинствами исследователи отмечают и недостатки, являющиеся, как водится, продолжением достоинств таких моделей. Так, по наблюдениям уже упоминавшегося выше М. Бунге ([22; 23]), простота оборачивается поверхностностью, высокая степень общности — отсутствием детализации, а высокая степень адекватности, не сопровождаемая глубиной и надежностью, ставит подобного рода теории в опасную близость к неопровержимости, что такими исследователями, как К. Поппер, расценивается как признак ненаучности. Как показывает история науки, теории типа «черный ящик» (см. [22]) применяются чаще всего как обязательный этап развития, на начальных стадиях становления научной дисциплины и обычно дополняются или замещаются теориями, использующими в той или иной мере гипотетические или опытные данные о внутренней структуре объектов, позволяющие объяснить их внешнее поведение. Теории последнего типа называются теориями полупрозрачного ящика. Теории черного и полупрозрачного ящика противопоставляются теориям прозрачного ящика, которые строятся на основе прямых наблюдений за процессами, происходящими внутри объекта исследования. Довольно часто при этом теории черного, полупрозрачного и прозрачного ящика сосуществуют. «Бытовым» примером такого рода сосуществования является, например, случай с компьютером. Для программистов и пользователей компьютер представляет собой черный ящик, они пользуются только данными, касающимися входа и выхода в компьютер. Для разработчиков же и конструкторов компьютер представляет собой прозрачный ящик. Если говорить, например, о языковых объектах, то, скажем, словоформа для синтаксиста — черный ящик, для морфолога — прозрачный.

Рассмотрим теперь две «гуманитарных» модельных ситуации.

Анализ примера 1.

Вспомним мифологию. Известно, что в различного рода мифологических системах фигурирует понятие Arbor Mundi — Мирового Древа, как структуры, определившей переход от мирового (т.е. «беззнакового и беспризнакового») хаоса к упорядоченности (т.е. к появлению знаковости и признаковости) составных частей мира.

Нанайский вариант схемы мирового древа. Три дерева, над которыми висят девять духов. У развилки центрального дерева — солнце, у ствола — две человеческие фигуры, сзади них — жертвенный стол, к стволу дерева привязаны лошади. Изображение на ткани (из [13]).

Известно, что в Древе, как в модели мирового порядка, выделялось три компонента — крона, ствол и корни. В первую очередь мировое древо моделировало деревья реального мира. И в этой элементарной **аналоговой** модели собственно абстрактная крона интерпретировалась [18] кроной любого прямо растущего дерева; в некоторых мифологических системах порода была указана, в некоторых — не указывалась по разным причинам, например, потому что дерево было волшебным), ствол — стволом, а корни — корнями. Главным отношением между частями древа был аналог пространственных отношений: крона выше, чем ствол, а ствол выше чем корни. Поскольку отношения выше ниже отличаются от отношений больше —— меньше только меньшей абстрактностью, можно изобразить отношения между ними аналитически следующим образом Крона > Ствол > Корни *по расположению относительно земли* (в этом смысле можно считать,

[18] Под отношением интерпретации мы будем далее понимать отношение, которое связывает абстрактный объект или абстрактное понятие с множеством конкретных объектов, над которым построена абстракция. Так, абстрактное понятие ‘человек’ интерпретируется любым представителем рода человеческого: Пушкиным, Хвостовым, Толстым, Чернышевским, Сократом, Геростратом, нами с Вами и т.д. При этом абстрактный объект, как известно, отображает только те черты (характеристики, свойства) объектов данного класса, которые являются общими для всех конкретных объектов данного класса. Так абстрактный человек — ни мужчина, ни женщина, ни красавец, ни урод. Отношение, обратное к интерпретации, мы будем вслед за Г. Фреге называть отношением подпадения конкретного объекта под данное абстрактное понятие, или под данный абстрактный объект. Так мы с Вами подпадаем под абстрактное понятие ‘человек’.

что расстояние от поверхности земли у корней характеризуется отрицательной величиной). Крона ближе к небу, ствол — к земле, а корни под землей. Отношения между частями древа, представленные выше (Крона > Ствол > Корни *по расстоянию от земли*), собственно, и есть эйдос модели. Элементы мирового древа были универсальными моделями для многих элементов макрокосма и микрокосма. Главное назначение древа в этом аспекте эксплуатации этого мирового символа — единообразно упорядочивать эти элементы. В этом и состоит переход от хаоса к порядку. Попытаемся установить модельные соответствия между этими тремя компонентами и компонентами мира в представлении древних — небом, землей и подземным царством. Попробуем теперь описать систему соответствий S между элементами эйдоса модели и элементами эйдоса объекта и объяснить, почему соответствия выбраны именно таким образом. Проделаем то же самое с делением людей, относящихся к одному и тому же роду, на предков, современников и потомков; с делением древнерусского общества, грубо говоря, на княжеский род, дружину и смердов; с делением фауны на птиц, «наземных животных» и гадов: земноводных, мышей, пресмыкающихся.

Вначале опишем эйдос первого объекта моделирования. Главные утверждения для него здесь также должны состоять из утверждений об отношениях больше — меньше: Небо > Земля > Подземелье, и тоже по высоте. Система соответствий S связывают элементы объекта и модели согласно теории установления соответствий между элементами эйдоса объекта и эйдоса моделей: система соответствий выглядит следующим образом:

$X_1 > X_2 > X_3$ по расположению относительно земли E(O) поэлементно соответствует

$Y_1 > Y_2 > Y_3$ по расположению относительно земли E(M).

Наши соответствия можно описать как тройку ***множеств***: $\{M_1\}$ — ***область отправления,*** $\{M_2\}$ — ***область прибытия*** и множество ***кортежей*** ,$<a_1, b_1> ...<a_n, b_n>$, где $a_1, ... a_n$ принадлежат $\{M_1\}$, а $b_1... b_n$ принадлежат $\{M_2\}$, в нашем случае пары состоят из элементов области отправления — множества компонентов Мирового Древа {крона,

ствол, корни}, и элементов области прибытия — множества пространственных составляющих мира {небо, земля, подземное царство}. Пары выстраиваются следующим образом <крона, небо>, <ствол, земля>, <корни, подземное царство>. С точки зрения теории моделей крона здесь, таким образом, по теории соответствий между элементами теории объекта и теории модели будет моделировать небо, ствол — землю, а корни — подземное или подводное царство. Это реляционный тип модели, поскольку никаких аналогий между небом и кроной, стволом и землей, корнями и подземельем не постулируется.

В случае сопоставления компонентов Древа с генетическими классами рода пары выбирались следующим образом: <крона, потомки>, <ствол, современники>, <корни, предки>. Эйдос модели был описан, он здесь не меняется. Эйдос объекта выглядит следующим образом. Предки, современники и потомки противопоставлены по параметру времени. Моменты времени упорядочены друг относительно друга линейно, следовательно, и здесь мы имеем дело со случаем более конкретным, чем отношения «больше» — «меньше», т.е. это «больше» — «меньше» по параметру «время» (что эквивалентно отношениям раньше — позже, просто и здесь мы выразили их более аналитично). Соответственно этой теории, поскольку время отсчитывается от большей древности к меньшей, предки и потомки выстраиваются в следующую цепочку: Потомки > Современники > Предки. Если теперь отвлечься от параметров («по высоте» vs. «по времени»), у нас остается опять формальная теория соответствий между элементами эйдоса объекта и элементами эйдоса моделей. Содержательно же теория соответствий выглядит следующим образом. Если совместить древо и линию времени, то, поскольку различные компоненты дерева упорядочены по вертикали, она должна слиться со стволом, который в идеале должен быть прямым, и пойти перпендикулярно земле. Далее, время должно быть направленным, т.е. должно, на самом деле представлять собой вектор. Если линия времени слита со стволом, то вектор должен быть направлен вверх. Это обусловлено тем, что вектор-линия должна указывать направление пространственного развития или перемещения объекта в пространстве. Поскольку дерево пространственно неподвижно, выбирается развитие. Развивается же оно (в данной теории), т.е. растет, вверх. Это тоже элемент эй-

доса объекта: дерево вообще-то растет и вниз, корнями.

Формально система соответствий описывается так же, как и в предыдущем случае: $X_1 > X_2 > X_3$ по высоте эйдоса объекта поэлементно соответствует $Y_1 > Y_2 > Y_3$ по времени эйдоса модели.

В случае сопоставления компонентов Древа с компонентами древнерусского общества множество кортежей будет выглядеть следующим образом: <крона, княжеский род>, <ствол, дружина>, <корни, смерды>. В качестве основного отношения, которое определяет выбор пар в данном случае, выбирается отношение ʻболее социально значимый’ —- ʻменее социально значимый’, которое эквивалентно отношению ʻбольше’— ʻменьше’, но по параметру социальной значимости. Из этого следует, что ствол вновь может оказаться нам полезным при моделировании этих отношений. Так же, как и временные отношения, отношения социального неравенства могут быть представлены в виде вектора. Нам остается только выбрать направление вектора. Отношение социального неравенства старше человека, и во всех известных нам системах социальных иерархий животных это отношение моделируется отношением ʻвыше’ — ʻниже’. Так, некоторые виды животных на собраниях прайда соблюдают физическую высоту расположения относительно земли соответственно своему рангу. Думается, эта модель построена по аналогии с управляющими и подчиненными центрами организма. Мозг у представителей царства животных всегда располагается в верхних и передних отделах организма, а не в задних и нижних. Таким образом, вектор социальных отношений направлен вверх, а далее все просто: $X_1 > X_2 > X_3$ по высоте эйдоса объекта соответствует $Y_1 > Y_2 > Y_3$ по важности эйдоса модели.

В последнем случае пары выстраиваются следующим образом: <крона, птицы>, <ствол, «наземные животные»>, <корни, пресмыкающиеся и т. д.>. Этот случай сходен с первым: в качестве базового отношения, определяющего выбор пары, можно предложить отношение ʻблизости основной среды обитания к компонентам древа’, а следовательно, и компонентам мира: птицы — небо, «наземные животные» — поверхность земли, земноводные — вода, мыши — подземелье.

Анализ примера 2. Обратимся к детской игре в родителей и детей. Представим себе, что играют четверо детей — Кирилл, Маша, Николка и Наташа. Они решают между собой, что сначала Маша и Кирилл будут родителями, а Николка и Наташа — детьми. Попробуем описать эту ситуацию, используя приведенную выше схему моделирования. Попробуем понять также, какова система соответствий S, позволяющая, например, Кирилла считать отцом в этой игре, и описать некоторые ролевые перестановки в игре. Например, дети решают, что Кирилл — плохой отец, поэтому теперь пусть отцом будет Николка. Подумаем, из-за чего вдруг они так решили; какие компоненты модели изменяются при замене, а какие остаются прежними; что происходит, если дети решают, что Маша уже достаточно побыла мамой, поэтому пускай теперь она побудет дочкой; что изменяется, если дети решат, что папой должна быть Маша.

В каждом случае, когда мы имеем дело с игрой, мы имеем дело с некоторым ирреальным универсумом, который моделируется в реальном мире реальными объектами, которые с момента вступления в действие правил игры становятся моделями объектов того ирреального мира, который построен в головах играющих и регламентирован правилами, которые можно оговорить заранее, а можно и не оговаривать. В двух этих случаях игра ведется по-разному. В первом случае играющие ориентируются на установленные заранее правила, и нарушение этих правил штрафуется. Во втором случае играющие ориентируются на то, что у них совпадают эйдосы моделируемых объектов и теории соответствий между элементами E(O) и E(M). Когда же обнаруживается, что эйдосы и теории не совпадают, происходит анализ несовпадений, результатом которого может быть экспликация положений несовпадающих параметров эйдосов, а может быть и прекращение игры. Рассмотрим теперь наш случай. Дети строят ирреальный мир соответственно тем эйдосам ПАПЫ и МАМЫ, которые имеются у каждого из играющих в его собственной голове, и a priori считают, что представления у них одинаковы. В игре, при этом, и ПАПА, и МАМА — оригиналы — объекты вполне конкретные, но эйдосы этих объектов упрощают их до схематической роли. Эйдосы эти имеют нечто общее, но в целом не совпадают у каждого из играющих. Поэтому в игре действуют четыре оригинала (по одному

у каждого из играющих и пять их эйдосов: один — общий для всех) ПАПЫ и четыре оригинала и пять эйдосов МАМЫ. Соответственно и взаимодействующих миров также будет пять: четыре оригинальных и один модельный. Итак, О — это объект моделирования, определенный в общем для играющих ирреальном мире, $E(П)_o$ — эйдос ПАПЫ со свойствами, общими для оригиналов, определенных в индивидуальных мирах U_{ci} (игровой мир Кирилла), U_{ma} (игровой мир Маши), U_{ni} (игровой мир Николки), U_{na} (игровой мир Наташи). С — это Кирилл. $E(П)_o$ — эйдос ПАПЫ, общий для всех играющих: обязательный общий — человек мужского пола; факультативные общие: например, ходит на работу, читает газету; обязательные индивидуальные: у каждого из играющих на этот счет свое мнение, которого прочие не знают, например, Кирилл может считать, что папа всегда ругает маму, а Маша — наоборот, что мама всегда ругает папу. В игре их индивидуальные эйдосы могут вступить в конфликт, тогда играющие должны решить, кто из них прав. E(M) — человек мужского пола (что позволяет его поставить в соответствие О (объекту)), в игре должен ходить на работу и читать газету. Таким образом, система соответствий состоит здесь из соответствия обязательного параметра — пола играющих и пола родителей по природе — и соответствий общих факультативных, а также соответствий индивидуальных обязательных. Пока в действиях Кирилла не проявляется расхождение индивидуальных эйдосов ПАПЫ, все хорошо. Как только оно обнаруживается, дети начинают обсуждать, что делать с этим несоответствием. Если решают, что Кирилл не справляется с ролью, значит, вступили в конфликт индивидуальные обязательные параметры $E(П)_o$ по крайней мере у двух играющих. Если дети просто захотят поменяться ролями и, в частности, поменяют роль Маши, изменятся только модели МАМЫ и ДОЧЕРИ. А вот если дети решат, что ПАПОЙ должна быть девочка, это будет свидетельствовать о том, что поменялась теория соответствий.

1.4. Элементы схемы модельной системы и метаязык их описания

Поскольку основным объектом нашего рассмотрения является наука, нам необходимо рассмотреть еще и вопрос о главных инструментах, с помощью которых наука исследует свой объект. Будем считать в рабочем порядке, что основной целью научного

исследования является описание его объекта, т.е. его свойств, способов его функционирования, его статуса в универсуме, способов его взаимодействия с другими объектами и, прежде всего, с человеком. Научное описание в идеале должно быть представлено в виде системы истинных утверждений о перечисленных выше аспектах существования объекта, такой системы, которая бы, с одной стороны, позволяла неограниченно усложнять и совершенствовать наши знания об объекте, с другой стороны, позволяла бы единообразно рассматривать все множество конкретных сущностей, которые представляют объект исследования данной науки. Для создания научного описания требуется специальный язык, который далее будет называться **метаязыком** описания объекта научного исследования, сокращенно — метаязыком. Метаязык необходим каждой научной дисциплине по нескольким причинам. Во-первых, только с его помощью (иногда и с помощью специальных модельных и метазнаковых систем) можно отобразить (сделать видимыми, ощутимыми, фиксируемыми, наглядными) эйдетические и недоступные для прямого наблюдения материальные компоненты объекта исследования. Во-вторых, только с помощью метаязыка (иногда и специальных модельных и метазнаковых систем) можно единообразно отображать как материальные, так и эйдетические компоненты объекта, исследовать и фиксировать отношения между ними, их роль по отношению друг к другу. В-третьих, только с помощью метаязыка можно обосновывать адекватность научных построений, делать выводы из наблюдений, строить по их поводу правдоподобные теоретические рассуждения и проверять их непротиворечивость.

Метаязык описания, как правило, строится на базе естественного языка. Однако естественный язык обычно является лишь материалом, из которого метаязык изготавливается. Чем же может не устроить исследователя естественный язык? Прежде всего, тем, что, исследуя свой объект, всякая наука открывает в нем новые материальные и эйдетические объекты, для обозначения которых в естественном языке нет специальных слов. Так создается терминология. В таких продвинутых областях исследования, как математика, физика, химия и др. к терминологии предъявляются жесткие требования. Каждый термин должен быть однозначным (из чего в идеале следует, что он должен быть лишен

синонимов, и что у него не должно быть полисемии). Между терминами должны быть строго распределены обязанности, что означает, что термины должны быть жестко увязаны друг с другом (а, следовательно, достаточно точно определены). С точки зрения смысла они должны представлять собой прозрачную структуру, в которой каждый элемент зависит от наличия или отсутствия другого. Кроме того, «семантическое поле» терминов должно покрывать всю область исследования, т.е. терминов должно быть необходимое и достаточное количество для отображения всех существенных для описания объекта деталей и нюансов их функционирования. Терминологическая система в идеале должна быть обязательной для использования всеми специалистами, работающими в данной области знаний. Хотя в таких науках, как семиотика, этого добиться довольно сложно, поскольку в них сосуществует большое количество школ, традиций и направлений, каждая из которых придерживается своих исходных понятий и принципов исследования и описания своего объекта. В этой связи мы будем придерживаться такой стратегии построения терминологии: она должна базироваться на наиболее точно определенных и самых генерализованных из всех согласованных друг с другом терминов. Таким образом, если в нашем распоряжении будут два конкурирующих термина, мы будем выбирать тот из них, который точнее определен и более генерализован.

Уже из этих требований следует, что, даже если термин совпадает по означающему со словом естественного языка (как, например, в химии термин ВОДА), у него должно быть содержание, которое удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к терминам (по химическим понятиям вода в море, реке и т. д. — не вода, вода — вещество, имеющее химическую формулу H_2O). Так же и в нашей работе термин МОДЕЛЬ не может обозначать девушку, профессией которой является демонстрация одежды или себя как эталона красоты и здоровья. Его содержание ограничено его определением.

Одним из первых исследователей, специально обративших внимание на метаязык как на важнейший инструмент научного исследования и описания его результатов, был Г. Фреге. Вот что пишет он о соотношении естественного языка и метаязыка, который он создал для описания оснований арифметики: «В абстрактных разделах науки постоянно

ощущается недостаток средств, позволяющих избегать как недопонимания со стороны других людей, так и ошибок в собственном мышлении. И то, и другое имеет своей причиной несовершенство языка» ([12, 153]). В своем самом знаменитом сочинении “Begriffsschrift” («Алфавит понятий», (1879)) Фреге пишет: «…для того чтобы в рассуждение не проникло незамеченным ничего из наглядно созерцаемого, я должен был все привести к цепочкам умозаключений, не содержащих пропусков. Стараясь самым строгим образом выполнить это требование, я обнаружил препятствие, которое заключалось в несовершенстве языка: чем сложнее были рассматриваемые отношения, тем меньшей точности, отвечающей моим целям, я мог добиться, какие бы громоздкие и запутанные словесные выражения ни возникали для их представления. Это и были те причины, которые привели меня к замыслу моего <…> Begriffsschrift» [12, 65 – 66]. Для понимания того, как и чем отличается естественный язык от специального научного, Фреге приводит очень хорошее сравнение с рукой: «В этом отношении язык можно сравнить с рукой. Несмотря на все ее возможности, она не может быть пригодной для всех различных целей, которые может преследовать человек. Мы создаем искусственные руки, инструменты, которые мы используем для выполнения особых задач и которые работают так точно, как рука работать не может. <...> Вот и язык не может быть пригодным для выполнения всех задач, которые может поставить перед собой человек. Нам необходим цельный знак, из которого будет устранена вся его многозначность и чья строгая логическая форма не позволит его содержанию выскользнуть из него» [12, 155]. Задача науки по представлениям Фреге — «…сломить господство слова над человеческим духом (Geist), раскрывая заблуждения, касающиеся отношений между понятиями, которые часто почти неизбежно возникают из-за употребления языка, освободить мысль от того, что навязано ей лишь свойствами словесного способа выражения…» [12, 67].

Идеал описания объекта с помощью метаязыка должен был бы удовлетворять четырем основным требованиям: непротиворечивости, формализованности, адекватности и полноте. По поводу первого его свойства можно сказать, что оно обязательно для всех научных построений. По поводу последних трех выясняется, что с ними не так все про-

сто. Как удалось доказать логику Гёделю в начале XX столетия, научное описание из трех свойств в полной мере может обладать только двумя: оно может быть полно и адекватно, но не формализовано, формализовано и адекватно, но не полно, формализовано и полно, но не адекватно. Кроме того, можно отметить, что высокая степень формализации описания может быть достигнута только в науках уже обладающих точно определенной терминологией. Этим может похвастаться математика, может быть, физика, но не такие науки гуманитарного цикла, как лингвистика, семиотика, не говоря уже о литературоведении социологии, психологии и прочих. В этом отношении мы будем придерживаться обычной в таких науках стратегии: если у нас будет возможность изложить какое-то наблюдение более или менее формально, мы будем выбирать первое.

Из сказанного выше следует, что определения, которые даются здесь семиотическим терминам не формальные. Это лишь экспликация, толкование (в первом приближении) терминов, чтобы читатель понимал, что мы имеем в виду, когда употребляем тот или иной термин. При тепершнем положении дел в семиотике определения терминов — обязательная мера предостережения читателя от возможных случаев механического переноса ранее усвоенных из других источников толкований, которые в нашей трактовке имеют другое содержание.

2. Теория знака. Общие замечания и определения

2.0. Предварительные замечания

Для семиотики теория знаковых систем и теория главного их компонента — знака — представляет по понятным причинам исключительный интерес. Поэтому мы остановимся на ней особенно подробно. Проблема трактовки знака в семиотике по важности и по функции сходна с проблемой трактовки структуры атомного ядра в физике, молекулы в химии, или клетки в биологии. От того, как будет представлена теория знака в семиотической теории, зависит все ее построение.

2.1. Рабочее определение понятия ‘знак’. Знак как разновидность модельной цепи

Рассмотрим теперь структуру какого-нибудь объекта, по поводу которого ни у ко-

го не возникает никаких сомнений в том, что это знак, и покажем на его примере, что знаковая ситуация является частным случаем ситуации моделирования.

Возьмем, например, слово естественного языка, для которого известен приблизительный анализ его означаемого. Пусть это будет словоформа *nana* в предложении *Папа пришел*. Пусть будет известно, что речь идет обо мне, что произносит эту фразу мой сын Николка, обращаясь к моей дочери Маше. И пусть нам будет известен сценарий событий, которые вызвали необходимость приведенной выше фразы. В этом случае языковой знак *nana*, если чуть упростить ситуацию, состоит из следующих компонентов: последовательности звуков, которую я изображу в транскрипции как [р ₒáₒ р ₒəₒ] [19]; роль этой последовательности в знаке состоит в том, чтобы Маша, к которой обращается Николка, восприняла ее и, поняв, что это не просто звук, произнесенный ради самого звучания, а русская звуковая реляционная модель некоторого объекта, который она может опознать благодаря тому, что а) она может распознать эйдос звуковой цепочки так же, как это бы сделал любой носитель русского языка, в частности, Николка, б) систему соответствий между эйдосом этой цепочки звуков и интенсионалом, или, что то же, эйдосом множества объектов, с которым по транзитивности связана цепочка звуков (это также входит в ее компетенцию носителя русского языка); кроме того (по той же причине), она должна понять, что *nana* стоит здесь в именительном падеже единственного числа, из чего следует, с одной стороны, что *nana* связан с глаголом отношением подлежащее — сказуемое (и, следовательно, обозначает того, кто пришел), с другой стороны, она знает, что тот факт, что *nana* — в единственном числе, означает, что это слово не может значить множество объектов, в том числе и экстенсиональное, а обозначает только один его элемент, который нужно вычислить. Таким образом замыкается первая модельная система. Далее, из знания того факта, что толкование слова *nana* (≈ эйдос экстенсионального множества, который теперь выступает как модель объекта обозначения) выявляет в его содержании

[19] Сразу же оговоримся, что эта запись представляет собой уже теорию звуковой оболочки этой формы слова. В ней не отражаются голос моего сына со всеми его параметрами, которые позволили бы распознать в нем молодого человека, а также понять, что он давно уже меня ждет, интонация, с которой он произнес это слово, особенности его артикуляции и т.д.

отношение между тем, кто этим самым папой является, и тем, кому он является папой, а также из правила, по которому, если при слове ПАПА в предложении явно не указано, чей он папа, то это означает, в частности, что имеется в виду либо папа того, кто говорит (папа адресанта высказывания), либо папа того, к кому обращаются с речью (папа адресата высказывания), а также из знания развертывающегося сюжета (они с Николкой ожидали моего прихода), поскольку у адресата и адресанта папа один и тот же, через отношение к ним (т.е. к себе и к Николке) благодаря системе соответствий между эйдосом экстенсионального множества и эйдосом своего отца (ее теорией моей персоны) она распознает, о ком идет речь (исходный объект моделирования). Таким образом, следующий компонент знака — объект обозначения — автор этой статьи, обозначу себя в метаязыке описания знака константой b_1.

Эйдос экстенсионального множества (в данном случае — множества носителей свойства, которое очень приблизительно можно описать как 'X_1 является папой X_2'), которое представляет собой аналогово-функциональное представление объекта в виде некоторым образом упорядоченного набора параметров или свойств, а именно — как взрослого человека мужского пола, находящегося в отношении b_1Pb_2, где b_1 — условное обозначение меня в нашем метаязыке (т.е. языке, на котором я описываю знак ПАПА), b_2 — условное обозначение в метаязыке моего сына Николки, P — условное обозначение двухаргументного (двухместного) отношения, описанного в метаязыке выше. У Николки, как и у Маши, должна иметься своя теория моей персоны. Она представляет собой некоторую подсистему знаний обо всем, что связано у Николки (он — адресант–интерпретатор модели) с понятием рождения и моими функциями по отношению к нему, как отца. В когитологии такие подсистемы знаний описываются так называемыми фреймами или сценариями. Для этой своей теории Николка подбирает слово русского языка, содержание которого в существенных чертах было бы сходно с эйдосом объекта моделирования. Интенсионал слова ПАПА сводится (очень приблизительно) к следующему: 'класс $\{M_1\}$ (взрослых) людей мужского пола, которые имели непосредственное отношение к рождению некоторого множества людей $\{b_2 \ldots b_n\}$, на котором задано двухместное

отношение ‘X_1 является папой X_2’’. Интенсионал вполне адекватно для целей сообщения, отображает эйдос объекта моделирования, между ними устанавливается система соответствий. Он отображает общие свойства класса людей мужского пола, имеющих детей. Замечу, что модель объекта b_1 представляет собой типовое отношение между отцом и сыном. Именно известность, типичность отношений между отцом и сыном, известность адресату того, кто такой Николка, известность ему того, кто его отец, и, наконец, известность адресату сценария происходящих событий, позволяет понять, кто называется (моделируется) словом ПАПА.

Выше уже было показано, что указанные компоненты знака образуют как минимум две модельные системы, упорядоченные друг относительно друга таким образом, что эйдетический компонет знака играет две роли: роль модели для обозначаемого объекта в модельной системе $b_1R_m\{M_1\}$ и роль моделируемого объекта в модельной ситуации $\{M_1\}R_m[p\ _oá_o p\ _oə_o]$ (см. выше аналогичную схему моделирования для словоформы *стол*). Эти модельные системы образуют модельную цепь, для которой соблюдается свойство транзитивности в отношениях моделирования. Свойство образовывать транзитивные модельные цепи — необходимое (хотя и недостаточное) условие для отнесения их к знаковым образованиям.

Новое свойство, которое здесь необходимо отметить для знаковых систем, состоит в том, что каждый из компонентов знака, как модельной цепи, характеризуется своими собственными отношениями с аналогичными компонентами других знаков, входящих в данную знаковую систему. Имеется в виду следующее. Означающие знаков противопоставлены друг другу, и в комбинациях их элементов соблюдается принцип относительной экономии: изменение одного звука может повести к изменению смысла. В этом отношении словоформа *папа* минимально противопоставлена, например, словоформам *лапа, сапа* (от САП (тихим сапом)), *капа* (от КАП — нарост на деревьях), *цапа; попа; паба, пава, паза, пала* (от глагола ПАСТЬ)*, пана, пара, пата, паха, Паша, пая; папе, папу, папы*. Если взять теперь отличия нашей формы слова от других словоформ более, чем на одну букву

или на один звук, станет понятно, что список подобных словоформ сильно увеличится, в конечном итоге вобрав в себя, видимо, весь словарь [20].

Далее, содержательный (эйдетический) компонент языкового знака также противопоставлен другим словам по минимуму компонентов. Скажем, достаточно изменить компонент ‘пол’ с мужского на женский, и нужно будет выбирать другую реляционную модель, для второй модельной системы. *Папа* преобразуется в *мама*.

Важной характеристикой обозначаемого объекта является оценка, которая встраивается в означаемое знака. Так, отца–пьяницу, принесшего много горя своим родственникам в семье могут назвать грубо, например, *этот урод*.

Кроме этих компонентов можно отметить наличие в характеристиках данной словоформы социального компонента. Название класса объектов, описанного выше, колеблется в зависимости от того, к какой социальной, возрастной и гендерной группе принадлежит говорящий. Так, в некоторых социальных группах его называют ОТЕЦ, а слово ПАПА их члены считают для себя чужим, в других принято слово БАТЯ и его производные — БАТЯНЯ, БАТЯНЬКА, в третьих — ПАПАНЬКА, ПАПАНЯ. В некоторых социальных группах бытуют смешанные типы номинации, распределенные по возрастным и гендерным группам. Так, если в семье принято называть отца и ПАПОЙ, и ОТЦОМ, то маленькие дети и девочки предпочитают первый способ, а юноши — второй. Трудно представить себе, чтобы мальчики любого возраста могли при любом эмоциональном состоянии выбрать допустимое в русском языке именование ПАПУСЯ или ПАПУСИК. Важно также и то, с кем общается в данный момент говорящий. Так, именования ПРЕДОК, ПАПАХЕН предназначены для варианта, когда говорящий-подросток беседует с ровесником, не принадлежащим к членам семьи. Слово ОТЕЦ в противоположность ПАПА также ориентирован на внешнюю по отношению к семье социальную среду. Разнятся в зависимости от социальной принадлежности говорящего и оценочные слова.

Еще одним типом характеристик, который влияет на выбор номинации объекта

[20] Из этих противопоставлений, кстати, становится ясно, какое огромное число незадействованных четырехбуквенных сочетаний имеет язык в запасе: аапа, бапа, вапа, гапа, дапа, еапа, жапа, запа, иапа, япа, мапа, напа, оапа, рапа, тапа, уапа, фапа, хапа, чапа, шапа, щапа, эапа и т.д.

обозначения, является эмоциональное состояние, в котором находится говорящий, и эмоциональный фон разговора в целом. Этот тип контекста будет далее называться **эмотивным**. Так, целую гамму чувств может отобразить набор синонимов, выбор которых зависит от этого параметра: ПАПА, ПАПКА, ПАПОЧКА, ПАПУЛЯ, ПА. Выбор этих вариантов номинации сопровождается выбором тембра голоса и интонации.

Следующий тип такого рода характеристик будет называться дискурсивным. Он определяется тем, какова коммуникативная роль того, к кому обращается говорящий, в каком месте текста появляется герой с содержательными характеристиками, указанными выше, как его называли в соседнем предложении и т.д. Повествование об отце может, например, начаться так: «Мой отец, полковник Николай Петрович Иванов, происходил из рода, испокон века жившего в селе Хорошево». Далее Иванова по правилам построения текста следует назвать местоимением ОН, в повествовании о детстве героя принято именовать его именем, которым называют мальчиков, например, «маленький Коля», «Коля», «подросток» и т. д. Если же речь говорящего будет обращена к отцу, его положено называть в зависимости от принятых в семье традиций на «ты» или на «вы».

Выбор того или иного способа номинации зависит еще и от цели (иллокуции), которую преследует говорящий в отношении адресата. Так, обращение, ориентированное на мгновенную реакцию собеседника в случае грозящей ему опасности, вряд ли заставит человека выбрать эмотивно или оценочно окрашенные слова, в таких ситуациях подходят только нейтральные способы обозначения «Папа!» или «Отец!» (ср. невозможные в таких случаях типы обращений *«Папуля!!!» [21], *«Урод!!!»).

Все эти социальные, эмотивные, дискурсивные, иллокутивные характеристики не входят в означаемое данного знака, они составляют социальный, эмотивный, иллокутивный или дискурсивный **контекст** употребления знака.

Кроме социального контекста, употребление его ориентировано на культурно-исторический контекст. Он характеризуется тем, что он, в отличие от предыдущих типов контекстов, не определяется волей говорящего или правилами выбора способа номина-

[21] Звездочка перед примером указывает на недопустимость его в нормативной речи.

ции, действующими в настоящий период времени. Он характеризуется типом культуры, в которую погружено существование социальной среды, неотъемлемой частью которой являются как говорящий, так и его язык. Так, в дореволюционном дворянском обществе были приняты и другие способы именования главы семьи: например, ПАПÁ, ПАПЕНЬКА, БАТЮШКА, в мещанской среде было принято именование ПАПАША и т.д.

Подводя итоги рассмотрения элементов языкового знака можно заметить следующее. 1. Компоненты знака всегда естественным путем разбиваются на модельные системы. 2. Модельные системы в составе знака образуют модельные цепи, обладающие свойством транзитивности. 3. Главной поведенческой целью построения знаков является коммуникация, из чего следует, что у модельных цепей должно быть минимум **два пользователя**; даже если они физически сливаются в один объект (живое существо, машину, биологический аппарат), они используются в диалогическом режиме [22] и предполагают минимум две роли пользователя, которые можно назвать ролью адресанта (того, кто строит модель исходного объекта моделирования) и ролью адресата (того, кто реконструирует по модели исходный объект моделирования [23]). 4. В сложных семиотических системах, каковой является, например, естественный язык, каждый элемент каждой модельной системы находится в ассоциативных (парадигматических) отношениях с аналогичными элементами модельных систем других знаков, образующих с некоторой точки зрения **замкнутую** систему ассоциативно (парадигматически) связанных друг с другом элементов; при этом противопоставления однородных модельных объектов попарно связаны с коррелирующими другими однородными объектами, относящимися к той же модельной системе (ср. противопоставление звуковых цепочек папа — лапа, ориентированное на противопоставление модельных эйдосов, относящихся к содержательной стороне

[22] Ср. ставшую теперь общим местом в работах по семиотике идею М. Бахтина о диалогичности коммуникации.

[23] Даже если речь идет об общении человека с самим собой, роль адресата необходима для того, чтобы проверять «вычислимость» объекта моделирования. Т.е. необходимо действие, которое бы позволило адресанту проверить, может ли хотя бы какой-нибудь адресат понять по представленной модели исходного объекта, какой именно объект моделирует последняя в модельной цепи модель, и нужно ли добавить в цепь модельных объектов еще какие-то для того, чтобы цепь стала вычислимой. Это действие можно рассматривать как элемент самопроверяемой обратной связи адресанта и адресата.

знаков; в лингвистике такие пары называются минимальными, т.е. противопоставленные всего по одному звуку п/л; в свою очередь, эйдетические компоненты знака также встроены в систему противопоставлений; так, в системе терминов родства РОДИТЕЛИ являются по отношению к лексемам ОТЕЦ и МАТЬ обобщающим словом, **гиперонимом**, а эти последние по отношению к нему — **гипонимами**. Связаны они друг с другом таким образом: в эйдосе (интенсионале) лексем ОТЕЦ и МАТЬ содержится общий содержательный компонент — они оба — родители, и по одному противопоставительному: отец мужского пола, мать — женского, в лексеме РОДИТЕЛЬ компонент ‘пол’ отсутствует). 5. Вся модельная цепь, составляющая структуру знака, представляет собой некоторое единство, проявляющееся в нескольких моментах; во-первых, вся цепь функционально «работает» как целое и с функциональной же точки зрения неделима: обозначаемый объект без эйдоса остается неопределенным, глубоко «энтропичным» объектом в том смысле, что он обладает бесчисленным числом свойств, частично известных пользователю (т.е. адресанту и адресату), но все же по большей части — неизвестных. Эйдос (т.е. те его свойства, которые отбирают адресант и адресат в качестве достаточных для моделирования при решении данной коммуникативной задачи) задает информационную структуру обозначаемого объекта, не только выделяет в нем существенные с точки зрения коммуникативных целей свойства, но и упорядочивает их, т.е. одни делает более важными, другие — менее важными. Так, упрощая семантический анализ, можно, например, сказать, что в лексемах КОШКА, КОШАТНИК, ЧЕЛОВЕК, ЛЮБИТЬ присутствуют компоненты ‘кошка’ (КОШКА, КОШАТНИК), ‘человек’ (КОШАТНИК, ЧЕЛОВЕК), ‘любить’ (КОШАТНИК, ЛЮБИТЬ), при этом в КОШКА компонент смысла ‘кошка’ является главным, а в КОШАТНИК — подчиненным (‘человек, который любит кошек’) не только компоненту ‘человек’, но и компоненту ‘любить’; компонент ‘любить’ в ЛЮБИТЬ главный, а в КОШАТНИК — подчиненный; об этом говорят и гиперонимические отношения в которые вступают первые два слова: гиперонимом лексемы КОШАТНИК является лексема ЧЕЛОВЕК, а гиперонимом лексемы КОШКА — ЖИВОТНОЕ. Во-вторых, без реляционной части модельной цепи знак останется неизвестным адресату, что нарушает коммуника-

тивные намерения адресанта и, тем самым, делает бессмысленным модельное построение. В-третьих, именно вся модельная цепочка целиком имеет свои правила использования в том или ином классе контекстов — синтактику, у отдельных компонентов модельной цепочки синтактика совершенно другая, чем у всей цепочки целиком. Так, у звука /p/ сочетаемость определяется отчасти его внутренними структурными свойствами, отчасти правилами сочетаемости звуков в русском языке. Он, например, хорошо сочетается с глухими согласными, поскольку он сам глухой, и не сочетается с парными звонкими согласными, поскольку в русском языке есть правило оглушения парного звонкого согласного перед парным же глухим. Например, в словоформе *подполз* /d/ оглушается и превращается в /t/ (читается /pâtpóls/). Сочетаемость словоформы *папа* определяется не сочетаемостью составляющих ее звуков, а возможными смысловыми (синтаксическими) связями ее с другими словоформами в рамках предложения. Синтаксические связи слова определяются отчасти внутренней структурой его интенсионала (содержания), отчасти правилами русского синтаксиса. Так, внутренняя структура его интенсиональной организации дает ему возможность заполнять структурно неполные позиции при других типах слов, например, глаголах (ср. структурную неполноту, которую задает глагольная форма *нахóдится*: для того, чтобы устранить ее, необходимо дополнить содержание этой глагольной словоформы поименным указанием на то, кто находится и где находится: *папа находится сейчас за границей*; незаполненность обеих структурных позиций расценивается как грамматическая неправильность фразы: **папа находится* или **находится за границей*; еще острее носители языка реагируют на структурную неполноту типа **папа находится за*). При этом, как уже было отмечено выше, слово ОТЕЦ, синонимичное слову ПАПА, имеет другую сочетаемость, чем это последнее. Так, в официальных документах, например, в свидетельстве о рождении слово ПАПА, как и МАМА, не употребляется. Пишется, например,

Отец Сидоров Федор Кузьмич

РОДИТЕЛИ:

Мать Сидорова Марфа Саввишна

Таким образом, синтактика (сочетаемость) должна приписываться не компоненту знака, а целиком всей модельной цепочке. Знак представляет собой единство означающего (реляционной модели и ее эйдоса), означаемого (объекта моделирования, эйдосов и экстенсиональной модели) и синтактики всего знака (всей модельной цепочки). Из этого последнего замечания следует, в частности, что в знаке противопоставления, свойственные отдельной модельной системе, переосмысливаются, вводится другая, новая система противопоставлений компонентов цепи, существенных с точки зрения функционирования знака как особого вида модельных цепей, хотя и прежние отношения между компонентами цепи остаются в силе. Особым свойством знаков является их двойное использование двумя пользователями — адресантом и адресатом, причем используются они поразному. В коммуникативном акте адресант строит модель объекта (синтез знака), как правило, не для себя, а для другого субъекта, построение модели ориентировано на процедуру, обратную построению модели, а именно, на процедуру реконструкции по модели моделируемого объекта, т.е. на процедуру, которую должен выполнить адресат знака, его интерпретатор.

Итак, рассмотрение языкового знака подтверждает гипотезу о том, что знак можно представить в виде модельной цепочки. При этом, как это можно было заметить, крайними звеньями в этой цепочке выступают объекты, способные быть воспринятыми органами чувств. Для одного из этих двух элементов это не обязательное условие: обозначаться может не только объект реального мира, но и объект одного из внутренних миров человека. Для второго из них это почти обязательное условие. В общем, оно может нарушаться только в том случае, когда тот, кто синтезирует знак (адресант), совпадает с тем, кому этот знак адресован, и то, только в том случае, когда осуществляется процесс вербализованного диалога человека с самим собой, не произносимого вслух. Впрочем, и это утверждение может быть подвергнуто сомнению, поскольку слабые артикуляционные сигналы, как показывают исследования, на органы артикуляции при внутренней речи все же поступают.

Еще один вывод, который следует сделать из рассмотрения проанализированного

примера, состоит в том, что знак — это не просто модельная цепочка. В процессе становления и развития знаковых систем, они приобрели ряд специфических свойств, не обязательных для всех модельных цепочек, но обязательных для знаков и знаковых систем. Именно эти свойства и должны исследоваться семиотической теорией.

Теперь приведем предварительное рабочее определение знака.

Под знаком S в рабочем порядке будет пониматься транзитивная модельная цепь C из конечного числа ($n \geq 1$) упорядоченных звеньев M_1, M_2…M_n, в которой некоторым субъектом, ЭВМ или биологической функциональной системой (клеткой, геномом, ганглием и т.д.), который в дальнейшем будет называться адресантом (Ant), выделен главный, целевой, объект моделирования M_k, который будет далее называться значением (Mn), и последняя модель (M_n) которой воспроизводится им же таким образом, чтобы некоторый другой субъект или биологическая функциональная система, который далее будет называться адресатом (At), необязательно отличающийся от адресанта, воспринял эту последнюю модель M_n, которая будет далее называться означающим (Sgnft), как модель некоторого объекта моделирования и, благодаря знанию модельной системы соответствий SC и собственному опыту построения модельных цепочек аналогичных C, знанию класса контекстов, в которых может использоваться данная модельная цепь (синтактика S), (ре)конструировал значение (Mn) модельной цепи с точностью, необходимой для решения данной конкретной поведенческой задачи T, и отреагировал на Mn в соответствии с правилами коммуникативного взаимодействия (и ожиданием субъекта Ant), установленными в данном коммуникативном сообществе SG для данной знаковой системы SS и для данного набора контекстов CS.

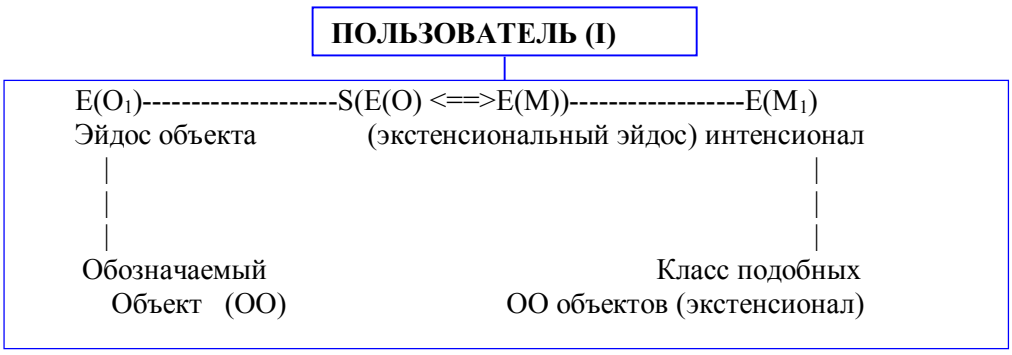
Отметим еще раз, что Ant и At могут совпадать, и в этом случае, например, человек может использовать некий объект X для того, чтобы по нему, зная систему соответствий, распознать объект Y, изучить объект Y, или отреагировать на означающее знака программой поведения в соответствии с принятыми им по отношению к себе и данному означающему правилами. Так, если, например, человек, или животное используют знаки

для прохождения некоторого линейного маршрута, и эти знаки «изготовлены» ими для индивидуального использования, то, распознав соответствующий знак, адресант (и адресат в одном лице) реагируют на него в соответствии с установленным им самим для себя способом действия. Скажем, если адресант отметил, что ему удобно изменить направление движения рядом с определенным деревом, то, дойдя до него и распознав его как знак для изменения поведения, он изменяет маршрут, как это было намечено при построении знака.

Следует специально обратить внимание на то, что в представляемой здесь концепции под знаком понимается не материальное означающее, как это часто имеет место у Ч.С. Пирса и у многих его последователей, а транзитивная модельная цепь целиком плюс ее синтактика и прагматика. Т.е. знак можно представить как четверку главных его составляющих: Означающее, Означаемое, синтактика и прагматика. В виде формулы его можно представить так: S = <Snft, Snfé, Σ, π>, где Snft — означающее, Snfé — означаемое, Σ — синтактика и π — прагматика знака. Изменение любого из этих параметров может означать, что мы имеем дело уже с другим знаком.

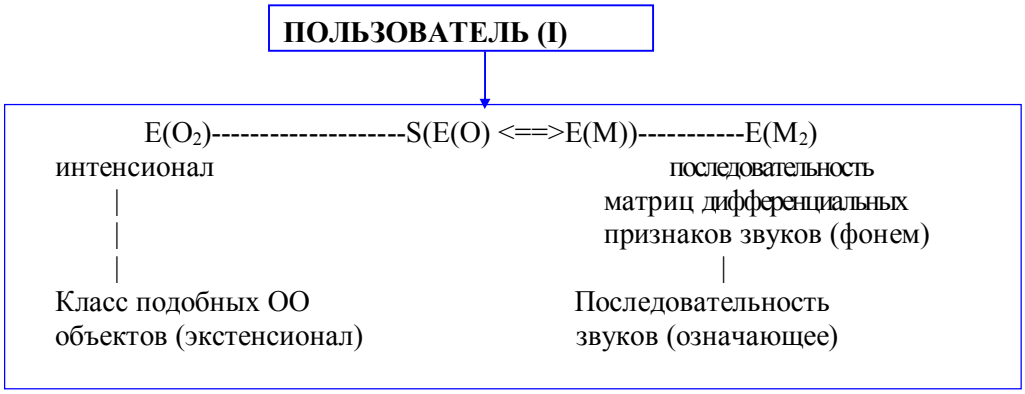
2.2. Структура знака. Знак и его компоненты [24]. Понятие коммуникативного акта

Воспроизведем еще раз схему анализа знаковой структуры словоформы *стол*. Первая схема:



[24] Отметим сразу же, что структура знака неравномерно исследована для разных семиотических систем. Поскольку самым исследованным с точки зрения теории знака является лингвистический материал, мы будем опираться прежде всего на него. Из этого следует, что уровень обобщения формулируемых ниже положений будет не таким высоким, как хотелось бы. При рассмотрении всех последующих типов знаков мы будем специально оговаривать возможность экстраполяции теоретических обобщений, которые излагаются в данном параграфе.

И вторая:



Эти схемы удобны с той точки зрения, что на них можно наглядно показать модельное происхождение знака, его восхождение к модели как к родовому понятию. Однако они не очень удобны с той точки зрения, что в знаке существенными, функциональными оказываются не те компоненты, которые существенны и функциональны для структуры модели. Кроме того, сейчас нам нужно будет сделать шаг навстречу традиционным трактовкам структуры знака и переназвать ее компоненты так, чтобы эти названия как-то соотносились с терминами, традиционно используемыми в семиотике. Договоримся предварительно о том, как мы будем называть важнейшие компоненты знака. Прежде всего, противопоставим **означающее**, **означаемое** и **синтактику** знака.

Означающее в приведенной выше последней схеме занимает правый ее столбец. Это **эйдос звуковой цепочки** — например, матрицы дифференциальных признаков звука (каждая матрица — теоретическое представление одного звука речи, например, русский звук /п/ в *nana* представляет следующая матрица дифференциальных признаков:

согласный смычный взрывной губно-губной глухой твердый	гласный среднего ряда нижнего подъема неогубленный

и т.д.) — и сама последовательность звуков (реляционная модель означаемого). При подробном рассмотрении структуры означающего мы увидим, что звуковая модель обозначаемого объекта несет в себе не только информацию о дифференциальных признаках. В звук встраивается тембр, напряженность звучания, тон, фонация, которые являются не-

существенными эйдетическими компонентами звука для моделирования того экстенсионального множества, который моделирует последовательность матриц дифференциальных признаков. Но они могут стать существенными эйдетическими компонентами для моделирования других экстенсиональных множеств, например, для экстенсиональных множеств, выделяемых по половому, возрастному и прочим принципам. Выбор этих эйдетических компонентов той же экспоненты (т.е. того же звукового наполнения сигнала) будет означать и построение другой модели, а, следовательно, и другого знака.

Место означающего в письменном языке занимает цепочка элементарных письменных знаков: букв, знаков слогового алфавита или иероглифов.

Конечно, в качестве означающего может быть избран и другой физический материал, например, электрический импульс, движение руки или какой-нибудь другой части тела, запах и т.д. Важным типом означающего являются операторы, как, например, удаление сегмента означающего, его трансформация (например, растягивание гласного) и т.д.

Для **адресанта** означающее — последняя модельная система в модельной цепочке. Оно строится из материала, который ориентирован на определенный орган чувств адресата: визуальный, аудиальный, тактильный олфакторный, вкусовой или какие-то другие. Для **адресата** это, наоборот, «вход» в знак, это первый модельный объект, с которым он имеет дело при восприятии знака. По нему он должен вычислить первый модельный объект **означаемого**: интенсиональный компонент знака.

К **означаемому** относится вся прочая часть модельной цепи: обозначаемый объект, его эйдос, эйдос класса объектов, к которому относится обозначаемый объект (интенсионал), и класс объектов (экстенсионал). Однако в контексте современных знаний о структуре знака этого соссюровского термина недостаточно. Мы будем исходить из предположения о том, что у означаемого есть своя собственная структура, которая довольно сложно взаимодействует со структурами означаемых других знаков.

Экстенсиональный эйдос или интенсионал (далее он будет называться только **интенсионалом** [25]) — левая верхняя часть схемы. В достаточно изученных областях семиотики под интенсионалом понимается эйдетический компонент знака, моделирующий единичный объект (ситуацию) или класс объектов (ситуаций) и выполняющий в знаке следующие функции: а) моделирует и позволяет распознать экстенсиональное множество объектов, б) моделирует и позволяет распознать конкретный объект экстенсионального множества, в) определяет и ограничивает именно тот набор свойств, которые необходимо учесть для поведенческой цели, которую преследует адресант при построении знака, и для построения сложной модели ситуации, в которой участвует исходный объект модельной цепочки, г) определяет отношение эквивалентности элементов экстенсионального множества, д) определяет существенные признаки, отличающие объект данного класса от объектов других классов, е) участвует в построении сложного интенсионала в сочетании с другими знаками. Означающее, например, языкового знака чаще всего является **реляционной** моделью интенсионала. Именно этот точный смысл, по нашему мнению, должен быть вложен в утверждение Соссюра, по которому знак произволен.

Экстенсиональное множество, или экстенсионал — левая нижняя часть второй схемы. Экстенсионал определяется как множество таких объектов, каждый из которых мог бы занять место исходного объекта моделирования; тем самым экстенсионал знака строится как сомодельное для данного интенсионала множество. Напомним, что множество объектов называется сомодельным, если каждый его элемент моделируется или может моделироваться одним и тем же модельным объектом. Важно отметить, что в реальном употреблении знака экстенсионал чаще всего остается за рамками семиозиса: он служит лишь множеством, из которого выбирается обозначаемый объект. Исключение составляют те случаи, когда обозначается все экстенсиональное множество, или когда,

[25] В семиотической литературе в качестве эквивалента термина ИНТЕНСИОНАЛ иногда используются и другие термины: значение, смысл, дезигнат (или десигнат), интерпретант(а) (у Ч.С. Пирса). Два первых термина в излагаемой теории будут использованы для обозначения других компонентов знака. Два последних не будут использоваться совсем. Термины экстенсионал и интенсионал для анализа структуры знака были введены Р. Карнапом в работе «Значение и необходимость».

например, в языке имя нарицательное взаимодействует с так называемыми кванторными местоимениями типа ВСЕ, КАЖДЫЙ, ЛЮБОЙ, ВСЯКИЙ и т.п. (см. по этому поводу, например, [10]). Тем не менее, это важный компонент модельной цепочки, особенно в тех случаях, когда множество сомодельных объектов является более определенным, чем интенсионал.

Эйдос обозначаемого объекта — верхняя левая часть первой схемы.

Обозначаемый объект, или исходный объект моделирования, — левая нижняя часть первой схемы, которая может быть дополнена еще одним звеном в модельной цепи. Для обозначения этого компонента знака в наиболее исследованных областях семиотики используются несколько терминов: ЗНАЧЕНИЕ, НОМИНАТ, **РЕФЕРЕНТ** и **ДЕНОТАТ**. Первый термин будет использоваться в другом значении, второй использоваться не будет вообще. Мы будем пользоваться двумя последними терминами. Обычно они выступают как синонимы или как эквивалентные термины в различных семиотических теориях. В теории, представленной в наших работах, они действуют как противопоставленные термины, у каждого из которых свое определение (см., например, [1; 2]). В настоящей работе они определяются несколько по-другому.

Под **денотатом** b_i данного знака S будет пониматься объект или событие реального мира, взятые как целое (столы, стулья, стены, действия, ситуации, отношения, состояния и проч.) и связанные с интенсиональным компонентом определенным отношением w_k из множества допустимых отношений $w_1 \ldots w_n$ при данном интенсионале I знака S в данной позиции P в данном контексте $К_i$. Отображается индексированными латинскими **b**: $\mathbf{b_0}$, $\mathbf{b_1}$, $\mathbf{b_2}$ и т.д.; **b** без индекса будет обозначать значимое отсутствие денотата данного типа в описываемой ситуации.

Для определения термина РЕФЕРЕНТ необходимо ввести еще термин УНИВЕРСУМ. Под (биоинтеллектуальным) **универсумом** будет пониматься естественный моделирующий модуль живого существа, позволяющий ему строить модели объектов реального мира, объекты не соответствующие никаким реальным объектам, ориентироваться в пространстве и социальных отношениях, определять в них свое положение, планировать

свои действия, ставить и решать поведенческие задачи. В данной работе мы будем исходить из предположения, что такого рода универсум состоит из системы однородных объектов, правил их функционирования и взаимодействия, а также совокупности событий, определенных во времени и условном пространстве, уже происшедших в рамках заданного времени и пространства. Противопоставляется памяти и сенсорной системе живых организмов.

Под **референтом** a_i будет пониматься эйдетическая модель денотата, взятая как единое неанализируемое целое (в метаязыке отображается как точка с индексом, отличающим данный референт от всех других), или объект, построенный по тем же принципам, что и модель денотата, имеющий одинаковые с ним общие свойства, определенный в некотором модельном универсуме адресанта и адресата и функционирующий по тем же законам, что и модель денотата; a_i связан с интенсиональным компонентом определенным отношением w_k из множества допустимых отношений $w_1 \ldots w_n$ при данном интенсионале I знака S в данной позиции P в данном семиотическом тексте T. В метаязыке отображается индексированными латинскими **a**: $\mathbf{a_0}$, $\mathbf{a_1}$, $\mathbf{a_2}$ и т.д.; **a** без индекса обозначает значимое отсутствие референта данного типа в описываемой ситуации. Референты должны быть определены в каком-то конкретном модельном универсуме, который у адресанта и адресата при успешной коммуникации должны быть эквивалентными.

Кроме указанных выше таксономических компонентов, мы будем выделять в означаемом два функциональных — **значение** и **смысл**. Введение двух этих понятий связано с особыми свойствами знаков, отличающих их от модельных цепочек. В общем случае в модельной цепочке все объекты моделирования равны. В знаке же из всех объектов моделирования выделяется главный, и главным, т.е. тем, ради которого строится вся модельная цепочка, может быть только один объект моделирования, в приведенных выше примерах — тот, который мы называли исходным. Этот объект является целью введения знака в текст и передачи его адресату. Будем говорить о таком объекте, что **он находится в фокусе обозначения**. В означаемом, например, языковых знаков могут присутствовать два референта и/или денотата, притом что в фокусе обозначения находится лишь один из

них. Например, в означаемое словосочетания *спутник Одиссея* входят предметный референт a_1, обозначенный словоформой *спутник*, и предметный референт a_2, обозначенный словоформой *Одиссея*. Референтом, который находится в фокусе обозначения всего сочетания, естественно, является a_1 и его эйдос, все прочие компоненты означаемого всего этого сочетания, то есть интенсионалы и референт a_2 с его эйдосом, противопоставлены a_1 в том смысле, что во всей модельной цепочке они выполняют функцию элементов, которые нужны для того, чтобы распознать a_1. Этот пример показывает, что терминов типа референт или денотат для отображения этой тонкости недостаточно. Условимся теперь называть компонент знака, находящийся в фокусе обозначения, **значением**. Всю прочую, противопоставленную значению часть означаемого знака будем называть **смыслом**. Основным назначением смысла является «запуск» процедуры распознавания значения данного знака. Смысл — это то, что позволяет нам распознать обозначаемый объект, противопоставить его объектам других классов. В рассматриваемом случае мы распознаем объект a_1 благодаря пониманию того, что такое СПУТНИК, и знанию эйдоса объекта a_2. В языковых знаках фокус обозначения может сдвигаться на интенсиональный компонент и даже на означающее. Это еще одна причина, которая заставляет кроме терминов референт и денотат ввести термин значение.

Под **синтактикой знака** мы будем понимать правила его сочетаемости с другими знаками в сложных знаках, в рамках тех поведенческих задач, которые ставит перед собой адресант, а также относительно правил коммуникации, принятых в сообществе, использующем данный знак в общении.

Под **знаковой системой** мы будем понимать множество знаков, на котором задан набор взаимно ориентированных отношений между ними и их компонентами, отношений, определяющих как способ их удержания в памяти, так и способы построения из простых знаков сложных [26]. Простым примером взаимной ориентации являются, например, арифметические знаки–операторы и знаки отношений между числами, с одной стороны, с

[26] Под простыми знаками здесь имеются в виду знаки, не представимые через сочетания других знаков. Соответственно, под сложными знаками имеются в виду знаки, представимые через другие знаки.

другой стороны, — числа. Правильно построенными арифметическими выражениями будут, например, 2+5, 3+6=9, 5>3. Неправильно построенными арифметическими выражениями являются +, 2+, 5> и т.д. Это следует из правил сочетаемости знаков друг с другом: грубо говоря, слева и справа от знаков +, –, > и т.п. должны стоять числа. Это правило «грамматически» делит арифметические знаки на числа (они могут занимать позиции слева и справа от знаков-операций и знаков отношений), знаки-операторы и знаки отношений (они задают структурную неполноту, которую должны восполнить числа). Знаки–операторы и знаки отношений не могут идти подряд: *++, *>> — неправильно построенные арифметические выражения.

Введем теперь еще два важных понятия, которые нам понадобятся для дальнейших построений, а именно понятия **коммуникативного акта** и **семиозиса**. Под **коммуникативным актом** будет пониматься акт взаимодействия между а) живым существом в момент времени t_1 (адресант) и им же в момент времени t_2 ($t_2 > t_1$) (адресат), или б) его автономными частями А (адресант) и Б (адресат), или в) двумя живыми существами А (адресант) и Б (адресат), или г) двумя социальными системами А (адресант) и Б (адресат), такой что у адресанта имеется цель и поведенческое намерение (или необходимость) воздействовать определенным образом на адресата; адресант в качестве способа воздействия выбирает знаковый и производит или воспроизводит знак S или связную последовательность знаков $S_1 \ldots S_n$ не для себя (в момент времени t_1), а для адресата, предполагая, что в означающем знака S или связной последовательности знаков $S_1 \ldots S_n$ адресат распознает модель обозначаемого ими значения, и отреагирует на S или связную последовательность знаков $S_1 \ldots S_n$ одним из возможных для данного сообщества живых организмов или их автономных частей, или их социальных систем, способов, и адресат реагирует на S или связную последовательность знаков $S_1 \ldots S_n$ указанным способом [27]. Коммуникативный акт обычно сопровождается энергетическим, информационным, эмоциональным обменом, подчиняется общему для адресанта и адресата ритму.

[27] В случае, если адресат отреагирует на знак, поданный адресантом, каким-то другим образом (например, отреагирует на означающее знака не как на означающее, а как на фон), мы будем иметь дело не с коммуникативным актом, а с противопоставленным ему коммуникативным провалом.

Под **семиозисом** мы будем понимать акт создания, или воспроизведения знака и акт его понимания.

Литература

1. Барулин А.Н. К построению модели синтеза русских нумеративов (глубинное и поверхностно-семантическое представление). // Московский лингвистический журнал. № 2. М. 1996.
2. Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1. Базовые понятия, эволюционная теория происхождения языка. М, 2002.
3. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968.
4. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1958.
5. Грязнов Б.С., Никитин Е. П. и др. Гносеологические проблемы моделирования // Вопросы философии № 2. 1967.
6. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1960. С. 264 – 389.
7. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. Москва – Вена, 1997.
8. Нейман И. фон. Математические основы квантовой механики. Пер. с нем. М. К. Поливанова и Б. М. Степанова под общей редакцией акад. Н.Н. Боголюбова. М., 1964.
9. Ревзин И.И. Модели языка. М., 1962.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
11. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948.
12. Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов. Пер. с нем. Б. В. Бирюкова. М., 2000.
13. Химик И.А. (сост.) Художественная культура первобытного общества. С.-Пб., 1994.
14. Хомский Н. Три модели описания языка // Кибернетический сборник 2. Сб. переводов. М., 1961. С. 237 – 266.

15. Чжао Юань-жень. Модели в лингвистике и модели вообще // Математическая логика и ее применения, пер. с англ., М., 1965. С. 281—92.

16. Шаумян С.К. Структурная лингвистика. М., 1965.

17. Шиханович Ю.А. Введение в современную математику. М., 1965.

18. Шрейдер Ю.А. Модели в лингвистике и математике // Математическая лингвистика. М., 1973. С. 63—83.

19. Шрейдер Ю.А., Шаров А. А. Системы и модели. М., 1982.

20. Berka K., Mleziva M. Co je logika. Praha, 1962.

21. Braithwaite R.B. Scientific explanation. N.-Y. 1960.

22. Bunge M.A. A General Black Box Theory // Philosophy of Science, Vol. 30, No. 4, 1963. Pp. 346-358.

23. Bunge M.A. Method, Model and Matter. Dordrecht – Holland/ Boston – U. S. A.: D. Reidel Publishing Company, 1973.

24. Frege G. Grundlagen der Arithmetik. Eine logisch mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl. Breslau, 1884.

25. Køppe S. Videnskabelige modeller // Almen Semiotik, no. 14, 1999. Pp. 33-47.

26. Neumann J. von. The Theory of Self-Reproducing Automata, edited by A. Burks, Urbana, IL: Univ. of Illinois Press, 1966.

27. Pattee H.H. Evolving self-reference: matter, symbols, and semantic closure. Communication and Cognition // Artificial Intelligence, 12(1-2), 1995. Pp. 9-28.

28. Pattee H.H. The Physics of Symbols and The Evolution of Semiotic Controls // Santa Fe Institute Studies in the Sciences of Complexity, Proceedings Volume, Addison-Wesley, Redwood City, CA, 1997.

29. Peirce C.S. Collected Papers. Vv 1–8. Cambridge: Harvard University Press, 1931 – 1958.

30. Sharov A. Biosemiotics: functional-evolutionary approach to the analysis of the sense of information // T.A. Sebeok and J. Umiker-Sebeok (eds). Biosemiotics. The Semiotic Web 1991. Mouton de Gruyter, New York, 1992. Pp. 345-373.

31. Sharov A. From cybernetics to semiotics in biology // Semiotica 120 1998. Pp. 403-419.

32. Sharov A. The origin and evolution of signs. Semiotica 127, 1999. Pp. 521–535.

А.Н. Барулин (Институт языкознания РАН)

A.N. Barulin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

О статусе и семантике так называемого «интерфикса» О/Е в русских композитах

On the status and semantics of the so-called interfix O/E in Russian composita

Посвящается А.А. Зализняку

Аннотация

В статье затрагиваются некоторые проблемы, касающиеся таксономического статуса аффикса О/Е, его фонологии, морфонологии, синтактики и семантики.

The paper concerns some problems of taxonomic status of the Russian affix O/E, its phonology, morphonology, syntactics and semantics.

Ключевые слова

Композиты, сложные слова, соединительные гласные О/Е, интерфикс

Composita, compound words, linking morphemes O/E, interfix

0. О русском аффиксе О/Е написано много, однако статус его так и остается недостаточно определенным. В большом числе публикаций его называют «соединительной гласной», что вообще лишает его морфологического статуса или превращает в морфологического чебурашку. Есть работы, в которых ему отказывается в значении, и, наконец, в большой части посвященных ему работ его называют интерфиксом. В этой статье будут затронуты некоторые проблемы, касающиеся таксономического статуса аффикса, его фонологии, морфонологии, синтактики и семантики.

1. Является ли О/Е интерфиксом?

Термин интерфикс был введен Н.С. Трубецким в 1934 г. В советскую лингвистическую литературу он был введен А. М. Сухотиным четырьмя годами позже. Первоначально этот термин обозначал морфему, лишенную значения, в современной терминоло-

гии — пустую, тематическую морфему (см. по этому поводу [5, 63 – 69]). Однако в авторитетной «Русской грамматике» ([8]) под интерфиксом понимается уже только О/Е и, как считают ее авторы, сходные по функции аффиксы, синтактически связанные с композитами. Как представляется, сужение термина ИНТЕРФИКС со стороны «Русской грамматики» было справедливым шагом, поскольку при первом способе понимания термина происходит смешение оснований для классификации аффиксов: префиксы и суффиксы отличаются друг от друга только синтактикой, первые занимают место слева от корня, вторые — справа. При первом понимании термина ИНТЕРФИКС возникает новое основание для классификации — тип значения, что вносит в нее элемент непоследовательности. На этом основании дальше я этот способ понимания термина исключаю из рассмотрения. Второй способ, который отражен в [8] также, на первый взгляд, ориентируется на порядок: интерфикс занимает положение между основами.

Вот что там написано об О/Е: «Аффиксальные морфы, выступающие только между двумя простыми основами в составе сложной основы, называются интерфиксальными (соединительными). Такие морфы указывают на связь как самих простых основ, так и тех значений, которые в них заключены. Например, словоформа *лесозаготовки* содержит интерфиксальный морф *о*» [8, 122—123]. К этой формулировке у меня есть несколько вопросов. Тот факт, что интерфикс выступает между простыми основами в составе сложной может на самом деле обозначать три возможности: 1) он располагается между основами, но, в порядковом отношении, примыкает к левой из них; в таком случае он ничем не отличается от суффикса; 2) он выступает между основами, но в порядковом отношении примыкает к правой основе; в таком случае он ничем не отличается от префикса. И, наконец, 3) он не примыкает ни к одной из основ. Только в этом случае оправдано введение нового термина: он не совпадает по синтактике ни с одним из классов аффиксов. Правда, по крайней мере, для русского языка такая трактовка синтактики О/Е очень сомнительна. Судя по вот этой части цитаты «Такие морфы указывают на связь как самих простых основ, так и тех значений, которые в них заключены», авторы представляют себе дело так, что аффикс — по определению конструктивно несамостоятельный элемент сло-

воформы, т. е. в порядковом отношении зависимый от позиции либо корня, либо клитики, — здесь вдруг оказывается **независимым** от конкретного корня **зависимым** элементом. Это противоречивое утверждение. Кроме простой логики, оно опровергается и правильно подобранными диагностическими контекстами. В IV томе «Курса общей морфологии» ([7, 171, 503 – 504]) соответствующий контекст приводится для немецкого языка в виде упражнения: «…когда при тмезисе сложная основа разделяется на две части, интерфикс отходит именно к начальной, а не к конечной части: *sein Gespräch+s- und Wanderung+s+partner* ‘его партнер по беседам и прогулкам’ vs. *sein *Gespräch und +s Wanderung+s+partner*» ([7, 504]). Аналогичным подходящим контекстом для русского языка является та же однородная конструкция с союзом *и*, которая позволяет разорвать композит. По приведенному выше рассуждению, если О/Е суффикс, в таких контекстах он будет примыкать ВСЕГДА к левой основе композита, если префикс, то — к правой, если интерфикс, то равновероятно — и к левой, и к правой. При проверке оказывается, что верна только первая гипотеза: *мясо- и хлебокомбинаты* сказать можно, а вот **мяс- и охлебокомбинаты* — нельзя. В разговорной речи есть еще вводное слово ПОНИМАЕШЬ, которое тоже может разорвать композит. Так вот, с ним можно сказать *хлебо-, понимаешь, -комбинаты ему не угодили*, а вот **хлеб-, понимаешь, окомбинаты ему не угодили* сказать никак нельзя. Таким образом, диагностический контекст показывает, что нарушить правила формальной порядковой зависимости от корня аффикс, как и ожидалось, не может. Из этого немедленно следует, что введение термина ИНТЕРФИКС с точки зрения оснований классификации оправдать нельзя. О/Е — обычный суффикс. Он примыкает к левой части композита и в порядковом отношении ориентируется на корень левой основы.

Теперь нужно понять, почему он именно суффикс предшествующей основы, а не префикс следующей. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, проведем дополнительное исследование, касающееся маркеров делимитации одной словоформы от другой. Мы уже знаем, что к факторам, позволяющим нам в непрерывном потоке речи провести границу между словоформами, относятся чередования (например, оглушение на конце словофор-

мы звонких согласных \drúk##\ — *друг*, \plúk##\ — *плуг* и т. д.); кроме чередований важным маркером конца словоформы в русском языке является грамматический суффикс [1], который поэтому и называется окончанием. Но, как выясняется, есть и еще один способ определения границы: знание носителем порядковых свойств, характеризующих конструктивные классы морфем. Покажем, как работают правила, основанные на этих знаниях.

2. О функции и семантике суффикса О/Е. Исчисление типов границ между русскими фонетическими и грамматическими словами.

Будем выделять не два конструктивных класса морфов — корни и аффиксы, а три: корни, клитики и аффиксы. В классе аффиксов [2] по позиционному принципу будем выделять префиксы и суффиксы. В классе клитик — проклитики и энклитики. Под корнями в рабочем порядке договоримся понимать такие морфемы, которые могут оказаться как перед паузой, так и после паузы. Этим свойством действительно обладают только корневые морфы, поскольку они образуют центр корневого грамматического слова (словоформы). Припишем корню простого грамматического слова порядок 0 и внесем эту характеристику в толково-комбинаторный словарь морфем (см. о нем [1]). Связанные корни типа {БАВ} в *разбавить* рассматриваться пока не будут. Их принадлежность к конструктивному классу корневых морфем можно определить на основании сравнения синтактик «канонических» корневых морфем и связанных. Под клитикой в рабочем порядке будем понимать такие морфемы, которые не могут быть отделены от корневого грамматического слова паузой, но могут быть отделены от него другим корневым грамматическим словом без нарушения синтаксической связи между ним и его зависимым

[1] Разделение русских аффиксов на суффиксы и флексии базируется на смешении оснований классификации. Суффиксы противопоставлены префиксам по позиции относительно корневой морфемы, а флексиям по грамматичности — неграмматичности. Строгое соблюдение однородности для основания классификации требует разделить классификацию русских аффиксов на две: по позиции (по ней флексии также должны быть признаны суффиксами) и по грамматичности (по ней суффиксы делятся на словообразовательные и словоизменительные). Тогда флексию можно определить как словоизменительный суффикс. Если учесть, что в языках мира, например, в языках банту, в качестве грамматических показателей могут выступать префиксы, станет очевидно, что вторая классификация является еще и более генерализованной. Важно также и то, что грамматическими могут быть не только суффиксы, но и клитики и корни.

[2] Точнее было бы сказать — по классификации И.А. Мельчука ([7, 167]) — «в классе конфиксов».

или управляющим. Например, *в городе => в большом городе*: между *в* и *городе* вставлено корневое грамматическое слово *большом*, а синтаксическая связанность между ними не пострадала. Случаи, которые не подпадают под наш критерий, мы тоже пока рассматривать не будем [3]. Будем считать также, что проклитики — морфемы, в порядковом отношении ориентированные вправо, а энклитики — морфемы в порядковом отношении ориентированные влево. Они как бы равняются на корень, и у проклитик «голова» повернута вправо, а у энклитик — влево. Ориентированность будем обозначать стрелочкой: → — ориентированность вправо, ← — ориентированность влево.

Аффиксы — класс морфем, которые нельзя отделить от корня и других аффиксов, относящихся к тому же корневому грамматическому слову, ни паузой, ни другим грамматическим словом без потери семантико-синтаксической связи с ее главным или зависимым элементом. Сосредоточимся пока только на конфиксах (по терминологии И.А. Мельчука), инфиксы, циркумфиксы и трансфиксы оставим в стороне. В таком случае, в классе конфиксов мы будем различать префиксы и суффиксы. Префиксы, как и проклитики, ориентируются вправо, а суффиксы, как и энклитики, — влево. Ориентированность будем обозначать теми же стрелочками, что и у клитик.

Обозначим знаком # границу между проклитикой и следующим за ним морфом, или границу между энклитикой и предшествующим ей морфом: *о#слове*; *в#город*; *дал#бы*; знаком ## — левую или правую границы между корневыми грамматическими словами (словоформами): *человек##пришел##домой*.

---

[3] От клитик следует отличать морфемы, которые С.В. Кодзасов предлагал называть безударными корнями, например, {ТАК} в *Так что?* \təkştó\. Они как раз и отличаются от клитик тем, что обладают как свойствами проклитики, так и свойствами энклитики: *Ну так?* \nútək\. Кроме того, характерной особенностью безударных корней является несоблюдение правил редукции: в первом примере по правилам редукции на месте шва должно стоять \â\. Отмечу здесь же, что по формальным критериям, приведенным выше, когда неядерные случаи относятся к определенному классу морфем на основании исследования их синтактики, например, возвратная морфема {СЯ} должна рассматриваться как клитика, поскольку ее расположение в фонетическом слове — после флексии — по синтактике совпадает именно с позицией клитических морфем. Ее неотделимость от корневого грамматического слова объясняется грамматической идиоматизацией, а не конструктивными свойствами морфемы. То же можно сказать и о морфеме {ЖДЫ} в *дв+а#жды, тр+и#жды* и т. д.: перед ней стоит нормальный показатель номинатива, следовательно, формально его позиция — позиция клитики в фонетическом слове.

Знаком | обозначим границу между фонетическими словами: *в#квартире#же | ему## | было## | отказано*.

Проделаем теперь упражнение. Ниже будет приведен маленький текст, зашифрованный в терминах классов морфем, которые мы обозначим следующим образом:

Procl → — проклитика;

Pref → — префикс;

R 0 — корень;

Suf ← — суффикс;

Encl ← — энклитика.

Ограничимся пока только простыми корневыми грамматическими словами, т.е. такими, в которых только один корень.

Текст:

ProclRRSufRPrefPrefRSufSufEnclRRRProclPrefRSufEnclProclPrefRSufSufSufEnclR

Требуется расставить указанные выше символы границ между языковыми единицами.

Очевидно, что все, кто понимает, о чем идет речь, сделают это легко и одинаково:

Procl#R##RSuf##R##PrefPrefRSufSuf#Encl##R##R##R##Procl#PrefRSuf#Encl##Procl#PrefRSufSufSuf#Encl##R.

В другой транскрипции:

→#0## 0←##0##→→0←←#←##0##0##0→#→0←#←##→#→0←←←#←##0

Как видно из последней транскрипции, если заменить в этом тексте символы морфемных классов стрелками, указывающими на порядковую ориентацию морфов в фонетических словах, то мы увидим, что типы границ между фонетическими словами легко исчисляются.

←##→ (*служивый##по#лесу*)

←##0 (*прилетел##уже*)

0##0 (я##еще)

0##→ (*уже##пришел*)

Границы между фонетическими словами в русском языке, таким образом, проходят в местах разрыва порядковой ориентации там, где векторы ориентации «смотрят» в разные стороны, или развернуты в сторону, противоположную нулевой позиции.

Типы границ между грамматическими словами исчисляются так же легко. Нужно только позицию клитик в клитических грамматических словах, как и позицию корней, считать нулевой, поскольку в клитическом грамматическом слове они являются порядковым центром. В русском языке при этом границы клитик совпадают с границами клитических грамматических слов, поскольку клитики у нас не склоняются и не спрягаются. Но, например, в турецком языке, где клитики могут склоняться и спрягаться, это не так.

Из изложенного видно, что, кроме известных способов делимитации, к которым относятся чередования, отличающиеся по типу границ между классами морфов, пограничных классов морфов, типа флексий, и пауз, есть еще и способ делимитации, основанный на знании порядковых свойств морфов. Понятно, что композиты нарушают закономерности в автоматической расстановке границ между фонетическими и грамматическими словами, и что должен быть специальный оператор, отменяющий автоматическую расстановку границ. Для этого и вводится в русском языке О/Е, который мы далее по его функции будем называть **коннектором**. Коннектор оставляет позиции стрелок в том же положении, но его семантика действует в местах разрыва векторов способом, противоположным категориальному действию флексии. Поскольку естественным делимитатором в русском языке являются именно флексии, О/Е занимает их место.

Думается, что не только термин ИНТЕРФИКС введен без достаточных на то оснований, но и тезис «Такие морфы указывают на связь как самих простых основ, так и тех значений, которые в них заключены» мало того, что малопонятен, так еще и не верен ни в какой интерпретации. Единственным способом, которым можно понять приведенное выше предложение, является тот, по которому О/Е служит чем-то вроде показателя семантико-синтаксических отношений между основами. Но это истолкование не проходит, поскольку по чисто семиотическим законам для исполнения такой роли суффикс О/Е должен быть противопоставлен каким-то другим суффиксам, обозначающим противопо-

ставленные данному семантико-синтаксические отношения. Действительно, в определенных морфологических конструкциях некоторую альтернативу ему составляет нулевой коннектор. Но при наличии дублетов типа *детприемник* (7000 употреблений в Яндексе) и *детоприемник* (1000 употреблений в Яндексе в текстах солидных изданий типа «Коммерсанта», новостных агентств и т. д.) в это утверждение мало верится.

Следует обратить внимание на то, что основа, вступающая в союз с другой основой для создания сложного грамматического слова, теряет существенную часть — грамматический показатель. Грамматический показатель служит в русской словоформе для обозначения синтаксического отношения между этой словоформой и какой-то другой словоформой (группой). Элиминация показателя синтаксической связи уже сама по себе означает, что данная основа исключается из лексико-синтаксической структуры и переходит во внутреннюю морфолого-синтаксическую структуру грамматического слова, делегируя свои права в лексико-синтаксической структуре всему композиту. Эта операция сопровождается еще одной: основа теряет лексическую самостоятельность, что выражается в элиминации лексической границы словоформы. **Обозначение операции, которая устраняет лексическую границу словоформы, мы и предлагаем в качестве семантики суффикса О/Е.** Теперь все совпадает: О/Е — суффикс, который обозначает отмену делимитации, отмену лексической границы между основами и элиминацию основы из лексико-синтаксической структуры.

3. О фонологическом статусе О/Е.

В дальнейшем для морфологического представления рассматриваемого суффикса будет использоваться символ $\{O\}_{conn}$**.** Фонологический статус суффикса $\{O\}_{conn}$ определяется его аллофонами. Показательными при этом должны быть позиции после гласных, после парных твердых согласных, после мягких, после непарных шумных согласных и после \j\. С просодической точки зрения — полноударная, побочноударная, первая предударная позиция, вторая и более предударная позиция, заударная позиция.

Полноударным, как это было показано в [8], коннектор бывает лишь в ограниченном числе типов композитных конструкций с односложными корневыми морфами

({МЕТР}, {ГРАФ}, {ЛОГ} и др.) в качестве второго компонента и нулевым агентивным суффиксом, имеющим значение деятеля или (измерительного) прибора, например: *историо́граф*, *комедио́граф*, *анемо́граф*, *библио́граф*, *баро́метр*, *калибро́метр*, *мнемо́метр*, *нефело́метр*, *термо́метр*, *био́лог*, *спелео́лог*, *графо́лог*, *палеонто́лог*. Менее продуктивны {БУС}, {ПОЛЬ}, {ЛИЗ}: *авто́бус*, *микро́бус*, *гидро́бус*, *аэро́бус*, *гидро́лиз*, *авто́лиз*, *пиро́лиз*, *плазмо́лиз*, *пневмато́лиз*, *акро́поль*, *некро́поль* (названия городов *Севасто́поль*, *Симферо́поль*, где {ПОЛЬ} восходит к греческому πολις (схема ударения здесь, однако, неустойчива, ср. *Ста́врополь*, *Н'икополь*)), и *Чисто́поль*, где {ПОЛ'} — тот же корень, что в лексеме ПОЛЕ). Что касается полноударного аллофона после мягких согласных, то в интернете пока нашелся единственный композит с последним компонентом *-метр* с мягким гласным перед коннектором: *жестеметр*. Его шуточное толкование — 'прибор, измеряющий уровень окружающей жести'. Ударение там поставлено не было. Однако у названий приборов с $\{O\}_{conn}$, насколько нам известно, просодическая схема исключений не имеет, ударение всегда падает на коннектор. Не ясно из текста, обозначала ли буква «е» в этом случае саму себя или «ё».

Небольшой эксперимент показал, что, если построить искусственные названия приборов с мягкими согласными перед полноударным $\mathbf{\{O\}_{conn}}$, то большая часть информантов склоняется к тому, что под главным ударением будет стоять \ó\, а не \é\: **днёметр* (прибор для измерения дней), а не **дне́метр*, **пнёметр* (прибор для измерения пней), а не **пне́метр*, **лжёметр* (прибор для измерения лжи), а не **лже́метр*, **ремнёметр* (прибор для измерения ремней), а не **ремне́метр*, **напряжёметр* (прибор для измерения напряженности отношений), а не **напряже́метр*. Следует, однако, сказать, что **лжёметр* и **жестёметр* вызывали у информантов больше неприятия, чем прочие подобные примеры.

В позиции с побочным ударением после твердой согласной /о/, хоть и редко, но фиксируется. В основном, это случаи, когда в первой основе остаются одни согласные,

например, *льдòобразова́ние* [4] , *льнòволокно́*, *днòуглуб´итель*, *снòтолкова́ние*, *ртòсмыка́тель*, *ртòоткрыва́тель*. После мягких и непарных твердых в этой позиции встречается только /e/: *пнѐкорчева́тель*, *лжѐсвиде́тельство*, *лжѐака́ция*, *лжѐкувш´инка*, *лжѐна´ука*, *лжѐпроро́к* и др. В других случаях под побочным ударением может оказаться и \o\, и \e\, ср. *тр`ёхходо́вка*, *тр`ёхрублёвка*, *тр`ёхдюймо́вый*, *четыр`ёхсо́т*, *тѐплоснабже́ние*. Рассмотренные примеры показывают, что поведение гласных под побочным ударением все-таки отличается от такового в полноударной позиции [5].

Из всего сказанного следует, что с фонологической точки зрения в рассмотренных примерах означающим коннектора должно быть признано несмягчающее /o/, которое во всех контекстах ведет себя как /o/: под главным ударением после твердых и мягких — /o/, в позиции под побочным ударением — после твердых согласных /o/, после мягких и непарных твердых — /e/. Во всех прочих конструкциях {O}$_{conn}$ безударен, в том числе и в случаях, когда основа перед ним имеет акцентную парадигму b по классификации А.А. Зализняка. Во всех этих случаях /o/ коннектора ведет себя по обычным правилам редукции: после твердых, в первом предударном слоге — /â/, во втором и более предударных и в заударной позициях — /ə/, после мягких — везде /ê/.

4. Морфонологический статус {O}$_{conn}$.

Нерассмотренным осталось еще поведение фонем, предшествующих **{O}$_{conn}$**. Наибольшую проблему здесь представляет чередование мягких и твердых согласных. Они достаточно подробно рассмотрены в [5, 116 – 118]. Суть проблемы состоит в том, что исконно мягкий согласный в ауслауте небольшой части основ перед {O}$_{conn}$ отвердевает. При этом, как отмечает И.Б. Иткин, «Позиция перед соединительной гласной -о- по своему влиянию на мягкость конечной согласной существенно отличается от всех прочих. В этой позиции мягкость может как сохраняться, так и устраняться, причем один и тот же корень может вести себя по-разному в разных производных (ср. *кровоточить* и

[4] Этот пример, нарушает правило, которое у И.Б. Иткина сформулировано так: «перед соединительным гласным -о- в композитах беглый гласный сохраняется в односложных основах, первый согласный которых — сонант, а второй — шумный, и выпадает в прочих случаях» [5, 222 – 223]. Видимо правило это сложнее.

[5] Приношу благодарность И.Б. Иткину за то, что он обратил наше внимание на этот факт.

кровеносный), а разные корни — в совершенно идентичных (ср. *звероводство*, но *коневодство*)» [5, 116].

Ниже воспроизводится таблица, в которой приводятся примеры сохранения мягкости основы и ее депалатализации из книги И.Б. Иткина (набраны курсивом) и мои дополнения к таблице (набраны прямым шрифтом).

ОСНОВА (ИМП [6])	МОДЕЛЬ С УСТРАНЕНИЕМ МЯГКОСТИ	МОДЕЛЬ С СОХРАНЕНИЕМ МЯГКОСТИ
|*гвозд*+'Ø|	*гвоздодёр*, гвоздозабивной (пистолет) (415)[7], гвоздомёт (33 000)	гвоздезабивной (пистолет) (943 000), гвоздемёт (30 000), гвозде- и скобозабиватели
|*голен*+'Ø|	*голеностоп*	
|*звер*+'Ø //*звер*'|	*зверобой*, *звероводъ*, *зверолов*, *звеносовхоз*, *звероферма*, *зверояшер*, звероубой (81)	зверевед (29 000)
|*кабе´л*'|[8]	*каблограмма*	
|*кон*'|	*коновал*, *конокрад*, *коновязь*, *коновод*, *коногон*	*конезавод*, *коневодство*, *конеферма*, *конесовхоз*, конематка, коневод (Зализняк [9])
|*корыст*'|	*корыстолюбие*	
|*кост*+'Ø|	*костоеда*, *костолом*, *косторез*, *костоправ*	костедробильный (Зализняк), костепереработка (300, с «о» примеры отсутствуют), костемолка (5000), костегрыз (7000), костеобжигательный, костеобрабатывающий
|*кров*+'Ø|	*кровопийца*, *кровообращение*, *кровоизлияние*, *кровожадный*, *кровопускание*, *кровопролитие*, *кровосмешение*, *кровотечение*, *кровоточить*, *кровоподтёк*, *кровоостанавливающий*, *кровосос,* кровохлёбка (растение), кровохаркание, кровозамещающий	кровенаполнение, *кроветворный*, *кровеносный*, кровезаменитель, кровеглазной (барьер), кровеушной, кровебоязнь, кровепаразит
|*ного´т*+'Ø|	*ногтоеда*	ногтеложе, ногтеед, ногтеедка, ногтегрыз
|*параллел*'|	*параллелограмм*	*параллелепипед*
|*плот*'|	*плотоядный*	
|*рат*+'Ø|	*ратоборец*, ратолюбивый (867), ратобоец (363)	ратеводитель (из перевода Старшей Эдды В. Тихомирова)
|*черв*+'Ø|	*червовидный* (10 000), *червоточина,* червобой (9 000), червогон (1000), червообразный (7 000), червоход (228)	*червеобразный* (708 000), червевидный (13 000), черветворный (о почве, биол.), червеход (7 000)
|*шерст*+'Ø|	*шерстоткацкий*, *шерстобит*, *шерстобой*, *шерстотрепальный*, *шер-*	*шерстезаготовительный*, *шерстеобрабатывающий*, *шерстеед*, шер-

[6] Исходное морфонологическое представление (термин И.Б. Иткина).
[7] Число в скобках при примерах указывает на число употреблений в Яндексе.
[8] е´, о´ — беглые гласные (в нотации И.Б. Иткина).
[9] Источник – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка [3].

	стомойка, *шерстопрядение*, шерсточесалка, шерстовед, шерстокрыл, шерстовал	стевит (лекарство, 15 000), шерстепон (утеплитель из овечьей шерсти, смешанной с синтепоном, 96 000)
|*шест*+'Ø|	*шестопер*, шестопсалмие	
|*кам*+*е́н*'|	*каменоломня, каменотес* (597 000), каменобоец, каменомет (3 000), Каменогорск	*Камнепад*, *камнерез*, *камнедробильный*, *камнедробилка*, камнеломка, камнесечение, камнелитейный, камнетесный, камнебитный, камнеуборочный, камнетес (153 000), камнемет (101 000), камневержец, камневар, камне-щебеночный
|*ба*+*е́н*+'Ø|	*баснословный*, *баснописец*, баснотворец (3 000)	
|*пе*+*е́н*+'Ø|	*песнопение*, песнопевец, песнотворец, песнолюб (13 000)	песнелюб (34)
|*дал'*+*е́*$_2$*н*+j|	*дальнобойный*, *дальновидный*, *дальнозоркий*, *дальномер*, дальновидение, дальноземелье, дальнострельный (9 000), дальноходный (о торпеде, о маршруте, о туристической тропе)	*дальневосточный*, дальнепривозный, дальнеструйный

Как это видно из таблицы, у большей части основ, которые перед $\{O\}_{conn}$ с точки зрения мягкости ауслаута ведут себя нестандартно, есть варианты альтернативного поведения. Как правильно отмечается в [5], это говорит о том, что нам довелось стать свидетелями процесса постепенной смены одного частного правила чередования на другое: с правила, по которому мягкие согласные указанных основ перед $\{O\}_{conn}$ отвердевают, на общее правило сохранения перед этим суффиксом мягкости ауслаута. Заметим при этом, что И.Б. Иткин выделяет три причины появления в ауслауте мягкой согласной: исконная мягкость, мягкость, идущая от смягчающего тематического нулевого суффикса {'Ø}, и мягкость, идущая от нулевого йотирующего тематического суффикса. Обсуждая проблему отвердения согласных перед $\{O\}_{conn}$, автор указанной монографии тем самым рассматривает не одно, а два правила: отвердения исконной согласной и отсутствие в составе словообразовательной основы тематических суффиксов {'Ø} и j, маркирующих парадигму склонения. Эти два правила носят совершенно различный характер: одно из них касается чистой морфонологии, другое — правил установления обязательных компонентов правильно построенной морфологической структуры словоформы. Различение этих типов правил было введено И.А. Мельчуком (ср. морфемно-морфные правила в его моделях словоизменения, которые и вводят при синтезе пустые морфы в состав словоформы),

и мы не видим никаких оснований от него отказываться. Обсуждение морфемно-морфных правил при синтезе композитов предполагает выбор типа основы для построения конструкции. Для тех основ, синтактика которых не предполагает гетероклизии, выбор сводится к единственному варианту, однако русские парадигмы склонения и спряжения изобилуют примерами противопоставленности подпарадигм друг другу, и маркировка этих подпарадигм носит разнообразный характер. Это и смена акцентной схемы (ср. акцентные парадигмы c, d, e и f в [3]), и введение пустых морфов, единственное назначение которых состоит в том, чтобы маркировать ту или иную подпарадигму, как, например, в маркирующих, как и схемы типа c и d, подпарадигму множественного числа *ес, овj* и *j* в *неб+ес+а, сын+овj+а, стул+j+а*, как и маркирующие косвенную парадигму */у/* и */'о/* в *дв+у+х, тр+'о+х и четыр+'о+х*, как и введение пустого нулевого смягчающего тематического морфа, также маркирующего подпарадигму мн. ч. (*чёрт+Ø*$_{nom.sg}$ — *черт+'Ø*$_{pl}$*+и, сосед+Ø*$_{nom.sg}$ — *сосед+'Ø*$_{pl}$*+и*). Если учесть тот факт, что в русских словообразовательных процессах основа для построения деривата выбирается не по одному, а по разным правилам (ср., например, *мат+ер+н+ый* и распространившееся с недавних пор просторечное *мат+н+ый* (об обсценной лексике)), с чисто формальной точки зрения можно было бы предложить структурный способ трактовки отвердения ауслаута перед {O}$_{conn}$. Учитывая принципиальную возможность маркировки подпарадигмы смягчающим нулем (*сосед — соседи*, *чёрт — черти*, *один — одного — одному — одним — одни — одних* и т. д.), а также наличие в корпусе случаев, когда форма nom.sg противопоставлена всем остальным формам парадигмы отсутствием пустого тематического морфа (*мать — мат+ер+и, дочь — доч+ер+и*), можно было бы предположить, что смягчение ауслаута в nom.sg происходит под воздействием смягчающего нуля, служащего показателем падежа и числа, а в косвенных падежа— – под воздействием тематического смягчающего нулевого морфа. Тогда все приведенные в таблице примеры отвердения можно было бы объяснить тем, что они обусловлены выбором основ nom.sg, а все случаи, при которых в тех же основах наблюдается мягкий ауслаут, трактовать как выбор основы косвенной парадигмы. Эта трактовка фактов предполагает, что колебание наблюдается не

в морфонологических правилах, а в морфемно-морфных, как, например, в случае *матный* vs. *матерный*. Интересным следствием подобной трактовки является тот факт, что выпадение беглых гласных, может также восприниматься как маркировка подпарадигмы. Об этом, в частности, можно судить по основе {КАМЕН}, в которой беглое е′ перед $\{O\}_{conn}$ ведет себя нестандартно. По общему правилу (см. [5, 202]) беглая гласная должна сохраняться в контексте консонантного конца акцентного слова (V′C(C)) и перед слогом содержащим другую беглую гласную (V′XV′Y). Во всех прочих контекстах она должна выпадать. В композитах *каменоломня*, *каменотес*, *каменобоец*, *каменомёт*, *Каменогорск* беглая гласная е′ находится в слабой позиции и должна была бы выпасть. Тот факт, что она в этих контекстах не выпадает, можно трактовать либо как чередование беглой е′ с небеглой, либо так, что здесь мы имеем дело с фонологической идиоматикой: выпадение и невыпадение е′ воспринимается как знак, маркирующий прямую и косвенную подпарадигму. Последняя трактовка позволяет предположить, что основа nom.sg в «готовом виде» участвует в построении композита. То же происходит и с корнем {ЛЁ′Д}. Ср. *ледоформа* (5000), *льдоформа* (7000), *ледозащита* (6000), *льдозащита* (222), *ледоруб*, *льдобур (*10000), *ледобур* (3 млн), *ледостав* (927000), *льдостав* (700), *ледопад*, *ледоход*, *ледохранилище* (13000), *льдохранилище* (21000), *ледорез*, *ледоспуск*, *ледокол*, *ледолом*, *ледогенератор* (211), *льдогенератор* (2481), *ледосброс*, *льдообразование*. Интересными, в этом смысле, примерами являются и корни {ЧУХО′Н}, {ВЕНГЕ′Р} и им подобные, ср. *Чухоно-Высоцкий* (*сельсовет*) (прочие примеры не привожу из-за ксенофобской ориентации высказываний, в которых они встретились). Основа здесь выбирается не из парадигмы склонения лексемы ЧУХНА, а из парадигмы склонения лексемы ЧУХОНЕЦ, где /о′/ не выпадает по общему правилу. То же и в случае с {ВЕНГЕ′Р}: *венгеро-болгарский*, *венгеро-сербский*, *венгеро-российский* и т. д. Здесь основа берется из адъективной парадигмы склонения лексемы ВЕНГЕРСКИЙ.

Как представляется, морфонологическая трактовка депалатализации приведенных выше основ, наталкивается на противоречивые следствия. Мы должны были бы постулировать в этих случаях депалатализующую фонему /о/ с уникальной синтактикой и посту-

лировать на морфонологическом уровне морфонему [ω] с чередованием о/$о_{dep}$. Однако постулирование такой морфонемы требует, чтобы /о/ и /$о_{dep}$/ находились в дополнительном распределении относительно морфологического контекста. Именно его мы здесь и не находим. Да и постулирование фонемы с уникальным свойством (депалатализации) и уникальной дистрибуцией было бы тоже неоправданно смелым решением. Правила выбора основы снимают эти проблемы.

Последний вопрос для полного описания морфологического статуса коннектора, на который нам нужно найти ответ, — наличие у обсуждаемого морфа супплетивных алломорфов. Однако для этого нам нужно рассмотреть все способы образования композитов, что выходит за пределы небольшой статьи.

Литература

1. Айхенвальд А.Ю., Барулин А.Н. К грамматике синтеза форм слова // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М., 1988. С. 36—44.
2. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1980.
4. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 1997.
5. Иткин И.Б. Русская морфонология. М., 2007.
6. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. М., Вена, 1997.
7. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 4. М., Вена, 2001.
8. Русская грамматика. М., 1980.

Н.В. Васильева (Институт языкознания РАН),

А.З. Абдурахманова (Крымский федеральный университет им.

В.И. Вернадского)

N.V. Vasilyeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences),

A.Z. Abdurakhmanova (V.I. Vernadsky Crimean Federal University)

Фреймовое моделирование больших терминосистем (на примере англоязычной строительной терминологии)

Frame modeling of large terminological systems (on the example of Civil Engineering terms in English)

Аннотация

В статье на примере англоязычной терминологии строительства рассматривается фреймовое моделирование больших негомогенных терминосистем. Особое внимание уделяется понятию когнитивной карты для представления специального знания. Анализируется концепция *Frame-based terminology* Памелы Фабер (FBN) и возможности использования фреймового моделирования для целей обучения английскому языку как языку для специальных целей (ESP) и переводу. Подчеркивается, что для этих целей оптимальным является сочетание фреймового подхода с дефиниционным анализом и с построением для каждого термина тезаурусной сетки.

This paper focuses on a frame-based modeling of large non-homogeneous terminologycal system such as that of Civil Engineering in English. Special attention is paid to the concept of cognitive map for the mental representation of special knowledge. The concept of *Frame-based terminology* (FBN) developed by Pamela Faber and the possibility of using frame-based modeling for teaching ESP and translation are considered. It is emphasized that for these purposes the combination of the frame-based approach with a definitional analysis and the construction of thesaurus network for each term is optimal.

Ключевые слова

Большие негомогенные терминосистемы, терминосистема CIVIL ENGINEERING / СТРОИТЕЛЬСТВО, фреймовое моделирование, «Frame-based Terminology» (FBN) П. Фабер, когнитивная карта, тезаурусный подход, English for Specific Purposes (ESP)

Large non-homogeneous term systems, CIVIL ENGINEERING term system, frame modeling, «Frame-based Terminology» (FBN) by P. Faber, cognitive map, thesaurus approach, English for Specific purposes (ESP)

В настоящее время некоторые термины и понятия терминоведения наполняются новыми смыслами, поскольку изменения в духе времени претерпевает сам объект исследования, а также цели, задачи и масштаб терминологической работы. Так, в классическом терминоведении (70—80-е гг. XX в.) возникла и соблюдалась оппозиция *терминология* vs. *терминосистема* как противопоставление стихийно сложившейся совокупности терминов и систематизированной совокупности терминов, ср. [9]. В терминоведческих работах последнего времени мы наблюдаем, с одной стороны, некоторое расшатывание терминологичности этого противопоставления, т.е. и то, и другое обозначение могут употребляться недифференцированно. С другой стороны, у понятия терминосистемы появился дополнительный смысл: признак упорядоченности не исчез, но различительный признак для пары «терминология/терминосистема» можно сформулировать как онтологичность/гносеологичность. Как пишет Л.А. Манерко в статье, специально посвященной понятию терминосистемы в современном терминоведении, терминология как номинативная деятельность показывает явления «онтологически, то есть так, как они на самом деле существуют» [11, 215], цель же терминосистемы — показать эти явления «гносеологически — отразить то, как понимает и представляет что-то исследователь о совокупности имеющихся терминов» [Там же]. На наш взгляд, это очень важное наблюдение, поскольку таким образом подчеркивается не только сознательность конструирования терминосистемы (что было и раньше), но и зависимость получаемой картины от того, кто именно — специалист-предметник или лингвист — берет на себя ответственность терминолога, т.е. чья когниция найдет в итоге отражение в терминосистеме. Последнее весьма

существенно для представления больших массивов терминологических данных, т.е. *больших терминосистем*. Данное выражение выступает не в качестве строгого термина, а скорее в виде некоторого прототермина (о прототерминах см. [16]) и встречается в научных статьях, описывающих разветвленные негомогенные, т.е. именно «большие», терминосистемы, ср. [12, 121], иначе говоря, такие сферы научной и практической деятельности, которые интегрируют множество различных дисциплин в единое *предметное поле* или *предметную область*. Последние выражения употребляются, как правило, без определения, поскольку смысл их достаточно ясен, ср. [4, 5]. Опыт терминологической работы последних лет, как отечественной, так и интернациональной, показал, что оптимальным способом моделирования «больших» терминосистем является фреймовый подход, который базируется на языковых и когнитивных основаниях, отражая тем самым реально сложившуюся систему знаний и их языковой репрезентации в данной профессиональной области [7; 17; 23].

В настоящей статье будет рассмотрено фреймовое моделирование англоязычной термносисистемы строительства, нацеленное на формирование целостного представления профессионального знания у специалиста и переводчика. Предварительно остановимся на некоторых понятиях, лежащих в основе фреймового моделирования, а также на концепции «терминоведения, опирающегося на знания» (*knowledge-based terminological management*), разрабатываемой П. Фабер и ее школой [6; 19; 20], поскольку в настоящее время это наиболее цельная и яркая концепция, которую нельзя не учитывать при разработке аналогичных подходов.

В течение последних десятилетий в условиях стремительного развития современных технологий терминоведение значительно расширило круг своих задач. На сегодняшний день процесс сбора, обработки, описания терминологических единиц специальных предметных областей проводится с целью оптимизации межъязыковой коммуникации среди специалистов. Поскольку профессиональная среда в данных условиях пополняется большим количеством новых знаний и терминологических единиц, то возрастает потребность в формировании терминологических баз, способствующих успешной коммуника-

ции и обмену научными и специальными знаниями на межъязыковом уровне. Главной задачей специалистов и переводчиков, прежде всего, является компетентное применение профессиональной лексики. Существующие терминологические словари зачастую предоставляют только информацию о переводе, что недостаточно для корректного использования единиц в том или ином контексте, поскольку не отражает системных связей термина. Задачей терминологов является создание современных терминологических ресурсов, соответствующих потребностям нового поколения специалистов и переводчиков и способствующих эффективному усвоению терминов в системе.

Опираясь на понятийный аппарат когнитивной лингвистики [2; 8], профессиональную область знания/предметную область можно представить как концептосферу с визуализацией в виде когнитивной карты. В лингвистическое терминоведение термин *когнитивная карта* ввела В.Ф. Новодранова, объяснив это тем, что метод когнитивных карт дает возможность наиболее полного «представления об организации системы, об общих перспективах науки и иерархии разделов» [15, 140]. Следует отметить, что применению метода когнитивной карты как модели отражения специальных знаний способствовало появление когнитивно-дискурсивного направления в лингвистике, связавшего формирование новых знаний с «опытом взаимодействия специалиста с миром» [17, 8]. Таким образом, понятие когнитивной карты репрезентирует процесс усвоения новой информации с последующим ее анализом.

По мнению исследователей языков, для специальных целей и терминологии, когнитивная карта как инструмент представления специального знания «показывает строение системы науки, разные основания выделения составных элементов системы, их взаимодействие, важные принципы организации науки» [17, 8]. Немаловажным фактом является специфика восприятия специалистом окружающей действительности, что обуславливает создание новых когнитивных карт или их видоизменения. Каждая предметная область формирует свое ментальное пространство — концептуальную сферу. В основе построения когнитивной карты лежат процессы категоризации, сама карта имеет вид иерархической структуры, обычно визуализируемой в виде ориентированного графа. В работах

по когнитивному терминоведению описывается следующая последовательность действий для создания когнитивной карты:

1) выделение базовых (ключевых) концептов, которые фрагментируют предметную область специального знания;

2) выявление базовых признаков, являющихся критериями категоризации;

3) группировка концептов с аналогичными признаками в определенные категории-рубрики данной дисциплины;

4) построение фреймовой схемы отдельных фрагментов и всей структуры науки в целом [17, 8].

В рамках данной статьи представлены результаты систематизирования и моделирования терминосистемы предметной области CIVIL ENGINEERING / СТРОИТЕЛЬСТВО. Материалом для прикладного исследования послужили 5500 англоязычных строительных единиц с переводом на русский язык в виде терминологически устоявшихся эквивалентов [1, 3]. Строительство как область профессиональной деятельности и как сфера теоретического осмысления этой деятельности находится в постоянном развитии. В сознании специалиста формируются новые профессиональные понятия, для которых необходимо не только найти словесные знаки-термины, но и место в системе уже существующих терминов. Терминосистема CIVIL ENGINEERING еще недостаточно изучена, и вопрос о способах представления профессионального знания в данной области все еще остается открытым. Значимость концептосферы CIVIL ENGINEERING / СТРОИТЕЛЬСТВО в жизни человека и человечества в целом трудно переоценить. Определяя данную концептосферу как многоуровневую когнитивную единицу, мы выделяем в ее структуре подчиненные фреймы, руководствуясь естественной последовательностью строительного процесса. Распределение материала по рубрикам базировалось, прежде всего, на профессиональных знаниях о данной предметной области. Далее, за основу брались принципы категоризации, специфические именно для научно-технической сферы. Образец такой категоризации был в свое время дан Т.Л. Канделаки. В своей работе она построила пирамиду из семи понятийных категорий, наглядно представляющую «систему значений

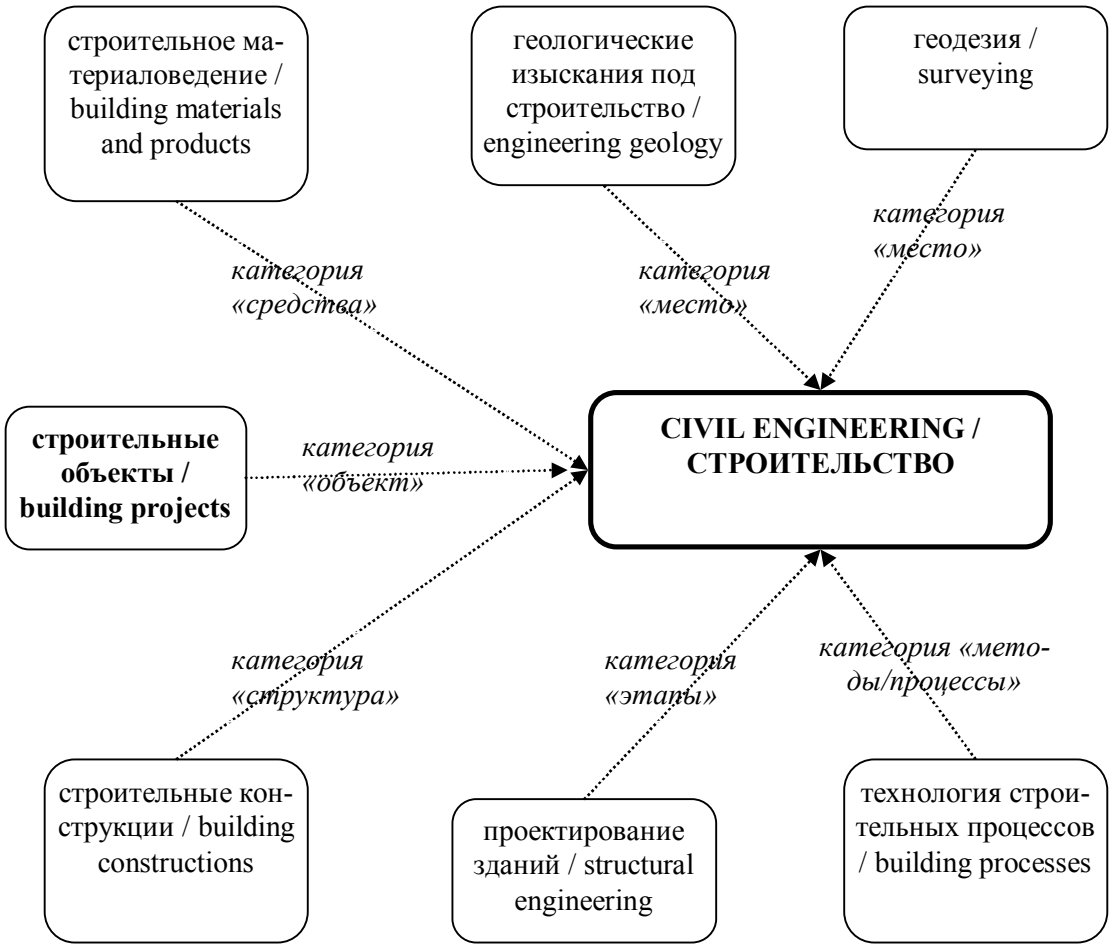
научно-технической терминологии»: *предметов* (*объектов*); *процессов*; *состояний*; *признаков*; *величин и единиц измерений*; *наук и отраслей*; *профессий и занятий* [5, 41]. Затем на основе анализа дефиниций терминов выделялись различные виды семантических отношений в соответствии с концепцией тезаурусных функций С.Е. Никитиной [13; 14] и концепцией фреймового моделирования П. Фабер [19; 20; 21].

Прежде чем перейти к представлению результатов практического исследования терминологии строительства, приведем определения базовых терминов, используемых в ходе изложения процесса систематизации терминологии строительства. Это следующие единицы: *концепт*, *фрейм*, *концептосфера*, *субфрейм, слот* (*терминал*). Концепт является центральным понятием когнитивной лингвистики [2], и о концепте/концептах написано к настоящему времени очень много. Термин *концепт* стал широко применяться и в когнитивном терминоведении наряду с термином *понятие*, порой не всегда обоснованно. Принимая во внимание размытость границ между данными терминами, вызванную во многом смешением нескольких научных парадигм, в настоящем исследовании было принято решение использовать термин ***понятие***, когда речь идет о мыслительной сущности, знаком которой является термин; существенные признаки понятия отражает дефиниция термина. Термин ***концепт*** используется в данном исследовании при построении и описании фреймовой структуры предметной области CIVIL ENGINEERING в качестве содержательной единицы сознания. ***Фрейм***, в пределах которого функционируют концепты, понимается как «структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними, это своеобразная когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной ситуации или объекте» [2, 29]. Фрейм имеет иерархическую структуру и содержит совокупность подчиненных ***субфреймов***, которые, в свою очередь, состоят из множества ***слотов* (*терминалов*)**, детализирующих отдельные аспекты фрейма.

В результате анализа дефиниций терминов и выделения базовых концептов концептуальное поле «CIVIL ENGINEERING / СТРОИТЕЛЬСТВО» может быть представлено в виде совокупности иерархически расположенных элементов. Самой крупной едини-

цей в этой иерархии выступает *суперфрейм* — когнитивная единица, объединяющая менее крупные единицы — *фреймы*, в составе которых выделяются *субфреймы* — более мелкие когнитивные единицы, включающие мельчайшие единицы в этой иерархии — *слоты*, репрезентирующие вариативные характеристики вышестоящих уровней.

Рисунок 1. Когнитивная карта предметной области CIVIL ENGINEERING / СТРОИТЕЛЬСТВО



Первый этап классификации выделенных терминологических единиц заключался в определении базовых концептов строительной концептосферы на основе дефиниционного анализа и соотнесения их с общими категориями. В результате на первом уровне иерархии изучаемой терминосистемы было идентифицировано семь базовых категорий и концептов, формирующих исследуемую отрасль и профессиональные знания о ней. На основе таких общих категорий, как *объект*, *место*, *средства*, *структура*, *этапы*, *мето-*

ды / процессы, было выделено 7 концептов, которые в совокупности формируют когнитивную карту строительной сферы, репрезентируя ее содержание в том виде, в котором его воспринимают специалисты и профессионалы строительной области (Рис. 1).

Важным этапом построения фреймовой структуры представлялось определение ее основных составляющих. Исследовав концептуальное содержание фрагментов строительной деятельности, объединенных общим семантическим компонентом *строительство* (*building/construction*), мы выделили центральную часть концептосферы CIVIL ENGINEERING / СТРОИТЕЛЬСТВО — фрейм *«building projects / объекты строительства»*. Любая строительная деятельность направлена на возведение нового объекта или реконструкцию уже имеющегося.

Для дальнейшего разделения выделенных фреймов на субфреймы за основу были взяты дефиниции терминов. В результате их тщательного анализа был сформирован список семантических отношений, позволивший сгруппировать термины на основе общности репрезентируемых отношений. Ход данного этапа исследования во многом схож с принципами категоризации экологической терминологии EcoLexicon (ecolexicon.ugr.es) в виде системной многоязычной терминологической базы знаний по экологии, концепты которой взаимосвязаны и выделены на основе реалий профессиональной сферы [21]. Данная методика была успешно реализована испанским лингвистом Памелой Фабер в исследовании экологической терминологии на основе разработанного ею и ее школой концепции FBT — «Frame-based terminology» [19; 20; 23], на русский язык название этой концепции передается как ТОФ — «Терминоведение, основанное на фреймах» [6; 7]. Данная теория имеет много общего с подходом испанского терминоведа Марии Тересы Кабре «Communicative Theory of Terminology» [18], основанном на изучении терминов в контексте профессиональной коммуникации. Отличительная черта данного подхода заключается в изучении терминов именно в контексте, поскольку одни и те же термины в сочетании с различными единицами профессионального языка могут выражать различные концептуальные отношения. Данная теория подчеркивает важность усвоения научных и профессиональных знаний в структурированной и систематизированной форме.

Именно установление связей между концептами способствует пониманию и эффективному изучению любой области профессионального знания, которые закодированы в терминах. Так, в соответствии с ТОФ / FBT, современные терминологические исследования основываются на раскрытии таких семантических отношений как ***is_a part_of***; ***type_of***; ***uses_instrument***; ***has_function***; ***affects***; ***location_of***; ***effected_by***; ***result_of***; ***is_the_cause_of***; ***takes_place_in***; ***attribute_of***; ***causes measures*** [23, 144].

В исследовании терминологии, отражающей знания об окружающей среде, в основу которой была положена теория ТОФ / FBT, фрейм представляет собой модель, интегрирующую различные способы семантического обобщения одной категории или группы категорий. Таким образом, фрейм выступает в качестве крупномасштабной модели, которая объединяет выделенные категории путем выявления семантических отношений. Согласно теории ТОФ / FBT, фреймы систематически отражаются в лексических отношениях и компонентах значения, закодированных в терминографических дефинициях. Дефиниции основываются на информации, выделенной из других источников профессиональных знаний. Фреймы могут представляться как дефиниционные модели, обеспечивающие последовательное и гибкое отражение концептуальной структуры. В ТОФ / FBT данные модели знаний, прежде всего, основываются на QUALIA-ролях Дж. Пустейовски [24; 3]. Выдвинутая им QUALIA-структура по праву считается одним из важных междисциплинарных достижений и представляет собой комбинацию четырех главных свойств исследуемого объекта, выделяемых с целью структуризации значения простых лексических единиц:

1. Формальная роль — выделяющая значение слова, способствующая дифференцированию объектов по категориальной принадлежности.
2. Конститутивная роль — отражающая взаимосвязь между объектом и его составными частями.
3. Телическая, или целевая, роль — назначение или функция объекта.
4. Агентивная роль — отражающая факторы возникновения объекта [24].

QUALIA-структура дает полную характеристику объекта, событий и различных отношений. Формальная структура передается через отношения *type_of*, посредством чего лексический элемент включается в категорию; конститутивная структура отражает значение *из чего изготовлен* / *образован объект* посредством отношения *part_of*. В зависимости от общего типа и категории, концепты могут проявлять различные QUALIA-роли [25].

В качестве примера из ЭкоЛексикона можно показать, что природные физические явления (*natural physical entities*) могут быть описаны посредством отношений как ***type_of***, так и ***part_of***. **Glacier** ‘ледник’ может быть географическим объектом и наряду с этим способен иметь зону абляции как одну из своих частей, но ледник не может быть описан через свое назначение / функцию, т.к. в этом случае ледник будет считаться артефактом. Только то, что воздействует на окружающую среду, может классифицироваться в зависимости от функции. QUALIA-роли не ограничивают семантику специализированных концептов, а способствуют систематизации их дефиниции (Таб.2 и Таб. 3).

Таблица 2. QUALIA-структура и шаблон дефиниции термина «EROSION» [23, 251-253]

Erosion *эрозия*, *разъедание*		
FORMAL	**[Is_a]**	Natural process of reduction
AGENTIVE	**[Has_agent]**	• Gravity • Water • River • Stream • Rain • Ice • Glacier • Wind • Animals

	[Has_patient]	• Earth's surface • Beaches • Mountains • Soil

Таблица 3. Qualia-структура и шаблон дефиниции термина «***Dredging***» [23, 248-251]

Dredging подводная выемка грунта		
FORMAL	**[Is_a]**	• artificial process of sub-traction: • removal
	[Has_location]	• underwater • rivers • canals • harbours
CONSTITUTIVE	**[Has_part]**	• pumping • excavation • piping • material • placement • sand • placement
TELIC	**[Has_function]**	• construction • maintenance of • water depths • beach • nourishment

AGENTIVE	**[Has_patient]**	• solid material • sand
	[Has_instrument]	• dredger

Нет необходимости доказывать, что дефиниции терминов имеют большое значение для терминологических систем. Дефиниция закрепляет концепт, описывает и связывает его с другими концептами. Если дефиниция правильно построена и содержит уточняющую индивидуальную информацию, то нет никаких препятствий, чтобы образовать иерархию *type_of* отношений.

Комплексное применение когнитивного подхода Frame-Based Terminology, теории генеративного лексикона Дж. Пустейовски и базовых основ лингвистического моделирования может оказать неоценимую помощь в разработке формальной модели системы знаний исследуемой предметной области. Единство и последовательность информации, представленной в ЭкоЛексиконе, создает прочную базу для создания полной формальной системы, описывающей специальные знания, релевантные и для других областей, например CIVIL ENGINEERING / СТРОИТЕЛЬСТВО, что было бы достаточно ценно для всех специалистов, связанных с данной сферой. Однако создание полной и комплексной терминологической базы строительства, основанной на выделении фреймов, требует масштабного и детального исследования всех возможных концептов. Поэтому на данном этапе исследования было принято решение начать с рассмотрения отдельных терминологических единиц каждого фрейма в когнитивной карте строительства с выделением концептов. Впоследствии, на основе всей собранной информации по каждой терминологической единице, можно будет создать уникальную терминологическую базу знаний с выявлением всех видов семантических отношений и наглядной репрезентацией категоризации терминосистемы строительства.

Так, на основе описанного выше когнитивного подхода к изучению терминологии ТОФ / FBT, а также списка тезаурусных функций С.Е. Никитиной, предложенного ею в «Тезаурусе по теоретической и прикладной лингвистике» [13], а затем в Словаре терми-

нологии стилистики [14], был сформирован перечень типов семантических отношений, применимый для систематизации строительной терминологии. Всего было выделено 13 функций, представляющих собой «*двухместный предикат P* (*A, B*), *связывающий заглавное слово словарной статьи* (*A*) *и вводимый этим предикатом термин* (*Б*)» [13]. Термины-значения функций даются в словаре терминосистемы строительства на двух языках — английском и русском:

1) является / is_a
2) синоним / synonym
3) вид / type_of
4) часть (компонент) чего-л / part_of
5) оказывает_воздействие/ affects / has_patient
6) изготовлен_из / made_of
7) имеет_функцию / has_a_function
8) использует_инструмент / uses_instrument
9) свойство /has_property
10) процесс / process
11) управляется / supervised_by
12) кем используется / used_by
13) действующая сила / agent

Представим далее развернутое описание тезаурусных функций (**A** — термин-заглавное слово, **B** — слово-значение тезаурусной функции).

«Является / is_a». Простое определение термина, выделяющее его из всей совокупности строительных терминов: *home*, *manufactured in off-site factories*.

«Синоним / synonym». Термины, принадлежащие к одной и то же категории, имеющие тождественное значение и взаимозаменяемые во всех контекстах. Стандартное выражение: **A тождественно B**: *rock / горная порода — камень / stone*; *leveling / нивелирование — elevation and height measurement / измерение высоты и высотной точки*.

«Вид / type». Представляет специфичное в пределах общего родового термина. Стандартное выражение: **А делится на В**: *leveling / нивелирование — direct levelling / геометрическое нивелирование*; *engineer / инженер — civil engineer / инженер-строитель.*

«Часть (компонент) / part_of/has_part». Функция, противоположная предыдущей, выражающая понятие, частично обладающее признаками заглавного слова и входящее в его состав. Стандартное выражение: **В является составным компонентом А**: *soil / почва — crushed rock / щебень*; *rock / горная порода — кварц / quartz mineral*; *leveling / нивелирование — find the elevation / найти высотную отметку.*

«Оказывает_воздействие / affects». Данная функция связывает заглавное слово и термин, репрезентирующий аспект, на который оказывает влияние понятие, выраженное заглавным словом. Стандартное выражение: **А воздействует на В**: *structure framework / каркас сооружения — foundation / фундамент*.

«Материал / made_of». Указание на термин, передающий структурный состав понятия, выраженного заглавным словом. Стандартное выражение: **А изготовлено из / состоит из В**: *concrete / бетон — accelerator / катализатор*.

«Функция / has_a_function». Представляет функцию (задачу) понятия, выраженного заглавным словом. Стандартное выражение: **А предназначено для осуществления В:** *structural engineering / проектирование зданий и сооружений — design / проектирование*, *calculation / расчет*, *testing / тестирование*; *concrete / бетон — durable construction / долговечная конструкция*.

«Инструмент / uses_instrument». Указание на базовый инструмент / метод, способствующий достижению функции / цели. Стандартное выражение: **А использует В, А достигает цели посредством В:** *structural engineering / проектирование зданий и сооружений — CADD* (*Computer-Aided Design and Drafting*) / *автоматизированное проектирование и черчение*; *concrete /бетон — mixer / бетономешалка*, *wheelbarrow / тачка*.

«Свойство /attribute_of». Функция, передающая основные свойства, по которым идентифицируется понятие, выраженное заглавным термином. Стандартное выражение:

А характеризуется В: *concrete / бетон — workability / удобоукладываемость*; *rubber / резина — flexible / гибкий*.

«Процесс / process». Данная функция передает базовые процессы, сопутствующие деятельности или свойствам заглавного термина. Стандартное выражение: **вследствие А возникают процессы В**: *structural engineering / проектирование зданий и сооружений — designing / проектирование*, *calculation / расчет*, *testing / тестирование*; *concrete / бетон — curing / затвердевание*.

«Управляется / supervised_by». Указывает на того специалиста, круг задач которого включает работу с данным объектом, выраженным заглавным термином. Стандартное выражение**: В занимается / управляет А**: *bricklaying / кладка кирпича — bricklayer*; *masonry worker / каменщик*; *cost accounting / смета — quantity surveyor / сметчик*.

«Кем используется / used_by». Указывает на того специалиста, круг задач которого включает работу с данным объектом, выраженным заглавным термином. Стандартное выражение**: В использует А***: level / нивелир — surveyor / геодезист*.

«Действующая сила / agent». Выражает связь заглавного слова с его направляющим / приводящим в действие фактором. Стандартное выражение: **А является средством для В**: *structural engineering / проектирование зданий и сооружений — structural engineer /инженер-проектировщик*, *physical forces / физические силы*; *concrete / бетон — climate / климат*, *load / нагрузка*.

Рассмотрим примеры словарных статей с полной тезаурусной информацией исследуемых терминологических единиц (Рис.2, Рис.3):

Рисунок 2. Словарная статья с тезаурусными отношениями / категориями термина «block of flats / многоквартирный жилой дом»

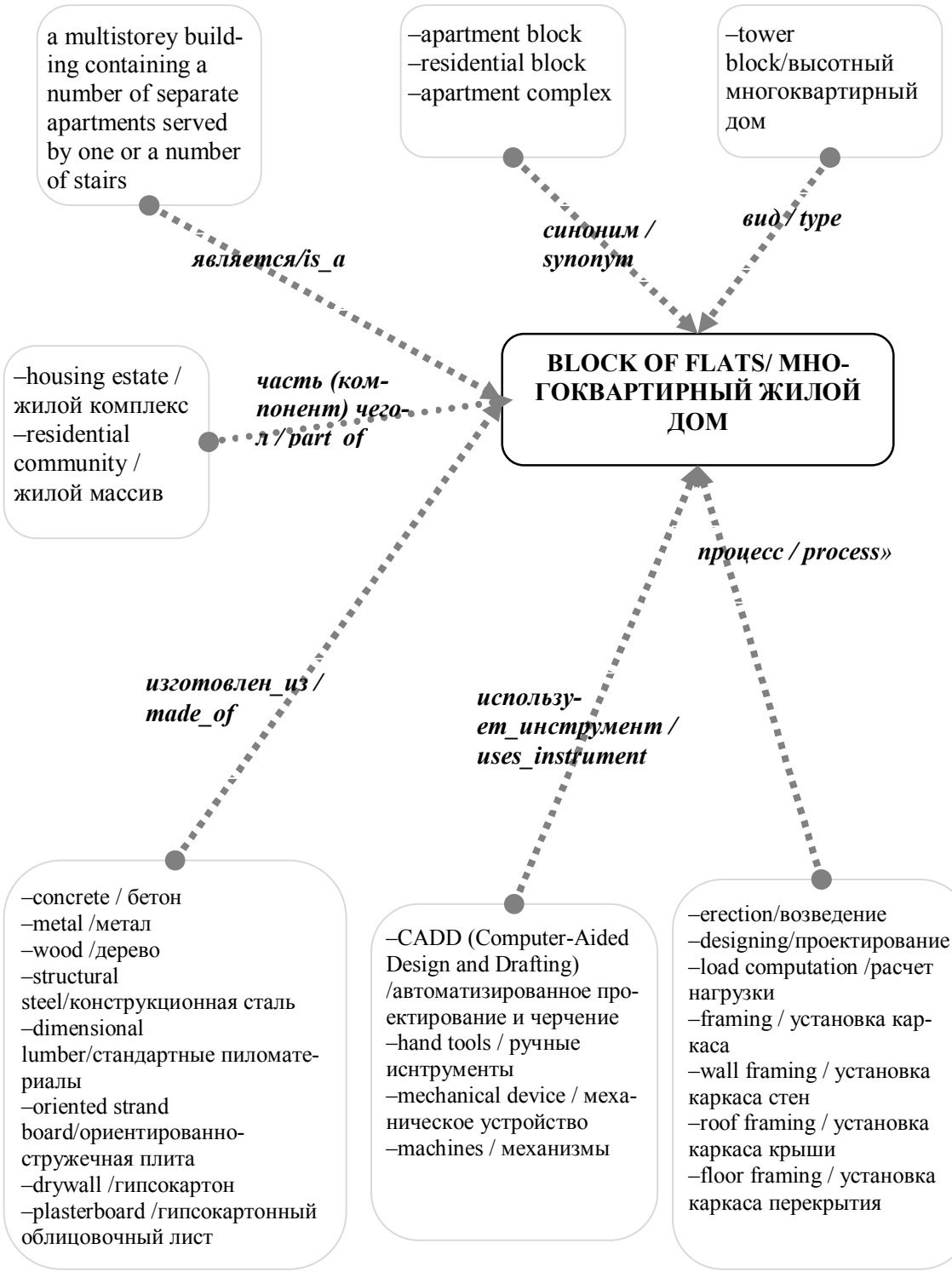
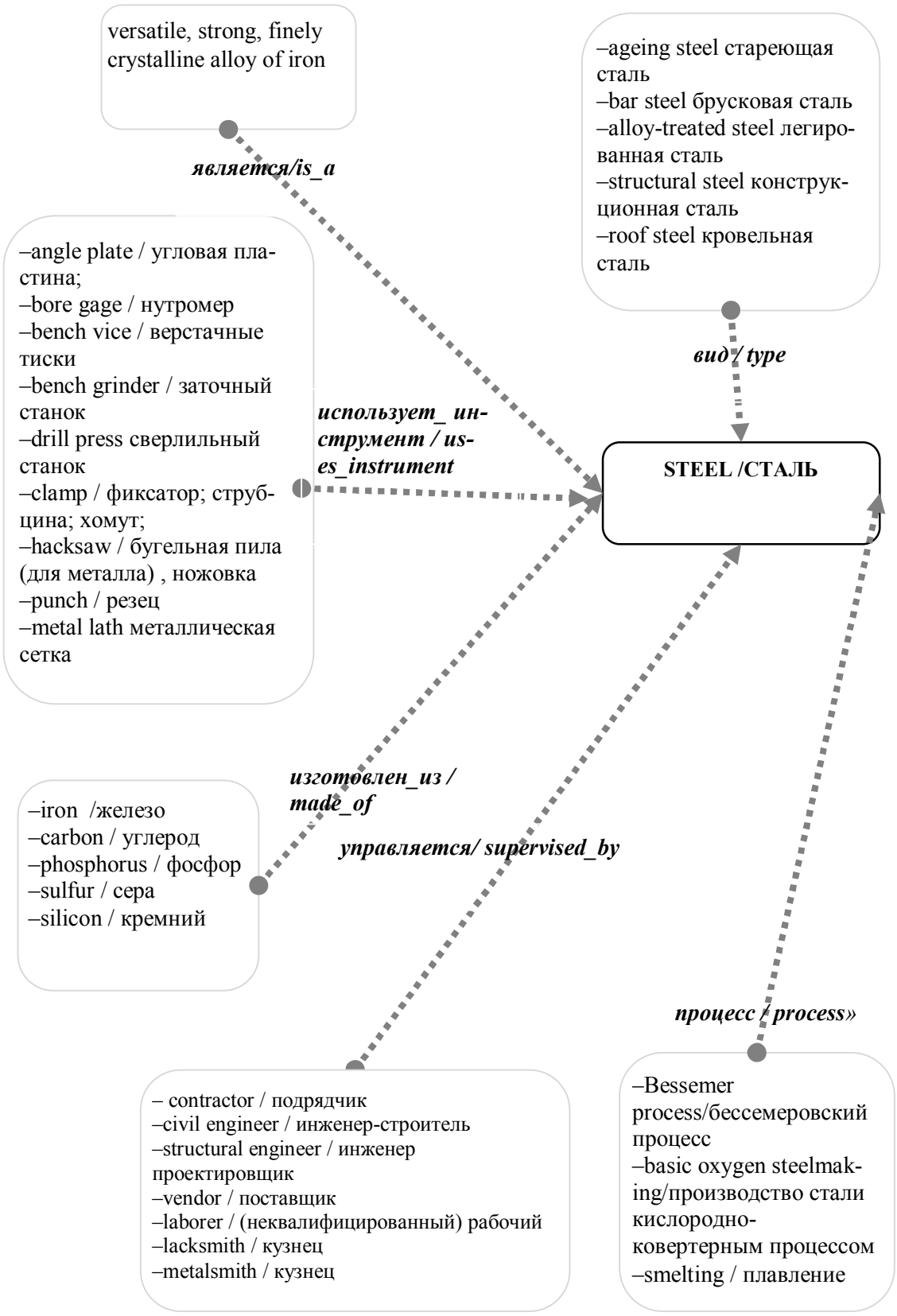


Рисунок 3. Словарная статья с тезаурусными отношениями / категориями термина «steel / сталь»



Тезаурусный подход в комплексе с ТОФ / FBT теорией способствует точной репрезентации знаний любой предметной области, а также построению модели соответ-

ствующей концептуальной области, которая была когнитивно освоена субъектом или группой. Выявление тезаурусных функций терминологических единиц исследуемой предметной области помогло представить в полной степени всю необходимую информацию, важную для конкретно взятого термина. Следует отметить, что выделенные тезаурусные функции систематизируют информацию изучаемой предметной сферы по конкретному основанию, соотносясь с соответствующими объектами действительности, выстраиваются в определенную систему, в результате чего формируется иерархическая модель знаний. Именно систематизация информации и знаний считается первостепенной задачей многих терминологических исследований. Существует теория, что систематизация информации в тезаурусе происходит в направлении «от своего к чужому», а не по типу традиционного восприятия — от общего к частному. «Свое» замещает общее, а реальное общее оказывается на месте частного. Это обусловлено тем, что любой объект для вхождения в состав тезауруса должно быть изучен и постигнут и тем самым сделан «своим» [10].

Сочетание фреймового подхода с дефиниционным анализом дает возможность выявить уникальную информацию для всех категорий пользователей терминосистемой (специалисты, студенты, переводчики, терминоведы, лексикографы, лексикологи и т.п.). При переводе технического текста очень важна компетентность в специализированной области, что значительно облегчает работу, поскольку нет необходимости изучать параллельные тексты для подбора адекватного переводного эквивалента. При наличии когнитивной карты с детализированной иерархической структурой и выделенными концептуальными отношениями исчезает потребность в контексте, т.к. карта сама обеспечивает концептуальной информацией на английском и русском языках, замещающей толковые, переводные и синонимические словари. Выделенные отношения / категории систематизируют информацию изучаемой предметной сферы по конкретному основанию, соотносясь с соответствующими объектами действительности, выстраиваются в определенную систему, в результате чего формируется иерархическая модель знаний. Именно система-

тизация информации и профессионального знания считается первостепенной задачей терминоведческих исследований.

Литература

1. Абдурахманова А.З. Лингвистическое моделирование строительной терминологии (на материале английского языка). Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2016.

2. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001.

3. Боярская Е.Л. QUALIA-структура Дж. Пустейовского и ее значение для проведения лингвистических исследований // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2, 2012.

4. Ведерникова Ю.В. Тезаурусное моделирование английской терминологии когнитивной лингвистики. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2013.

5. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М., 1977.

6. Коренева О.Б. Терминоведение и профессиональная коммуникация // Эффективные стратегии и тактики в современных коммуникационных процессах. Сборник научных статей. Серия «Коммуникативные исследования». Вып. 10. М., 2012.

7. Коренева О.Б., Пепеляева Е.А. Фреймовое структурирование знаний: синтез корпусной и психолингвистической методологий в терминоведении // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1 (17).

8. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1.

9. Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1989.

10. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008.

11. Манерко Л.А. Понятие «терминосистема» в современном терминоведении // Современные тенденции в лексикологии, терминологии и теории LSP. Сб. науч. трудов. М., 2009.

12.Молнар А.А. Основные тенденции закрепления терминов информационных технологий французского языка в концептосфере специалистов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. № (8) 614. 2011.

13.Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (автоматическая обработка текста). М., 1978.

14.Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996.

15.Новодранова В.Ф. Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP) // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. Вып. 5. М.; Рязань, 2007.

16.Сорокина Э.А. Прототермины и явление консубстанциональности // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP. Сб. науч. трудов. М., 2009.

17.Федотова Е.А. Когнитивно-дискурсивный анализ специального языка области «Безопасность производства и технологических процессов» (на материале немецкой научной литературы). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Калининград, 2011.

18.Cabré M.T. Terminology: theory, methods and applications. Amsterdam: John Benjamins, 1999.

19.Faber P., Márquez C., Vega M. Framing terminology: A process-oriented approach // Meta: Translators' Journal. 50 (4). 2005.

20.Faber P. Frames as a framework for terminology // Handbook of Terminology / Kockaert H. J., Steurs F. (eds). Vol. 1. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2014.

21.Faber P., León-Araúz P., Reimerink A. Representing environmental knowledge in EcoLexicon // Languages for specific purposes in the digital era. Educational linguistics. 19. 2014.

22.Faber P., León Araúz, P., Prieto Velasco, J.A., Reimerink, A. Linking images and words: The description of specialized concepts // International Journal of Lexicography. № 20, 2007.

23.Faber P. (ed.). A cognitive linguistics view of terminology and specialized language. Berlin; Boston, 2012.

24.Pustejovsky J. The Generative Lexicon. Cambridge, 1995.

25.Reimerink A., León-Araúz P., Faber P. A Qualia-based description of specialized knowledge units in the Lexical-Constructional Model // Terminàlia 1. 2010.

Н.Н. Воропаев (Институт языкознания РАН)

N.N. Voropaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Закономерности формирования лексических единиц в потоке китайской речи

Patterns of Lexical Units' Formation in the Chinese Language Stream

Аннотация

В статье анализируется явление двух форм существования слова в китайском языке, которое заключается в том, что большое количество лексических единиц китайского языка, описывая один и тот же референт, возникают в речи в различном количественно-слоговом составе. Данная статья поможет выяснить, в чём причины и необходимость существования одного слова в разных количественных формах, и какие факторы являются определяющими при выборе той или иной формы слова в речи.

This paper addresses the phenomenon of coexistence of two Chinese word forms. The essence of the phenomenon is that many Chinese lexical units have two forms; although such forms do refer to one and the same thing, they tend to emerge in the language as units that differ from each other by the amount of syllables they contain. This paper attempts to explain the reasons and the rationale for existence of two different quantitative forms for one and the same word; moreover, it explores the factors that govern the choice of a particular word form by the speaker.

Ключевые слова

Китайский язык, две формы существования слова, ритмические количественно дифференцированные синонимы

Chinese language, two word forms, quantitatively different rhythmic synonyms

В настоящей статье мы попытаемся всесторонне проанализировать специфике-

ское явление китайского языка, которое заключается в том, что большое количество лексических единиц китайского языка, описывая один и тот же референт, возникают в речи в различном количественно-слоговом составе. Материалами анализа послужили все опубликованные по данной проблеме работы, которые оказались доступны нам в настоящее время.

В отличие от языков европейской системы, в которых основными структурными единицами речи являются словосочетание, слово и часть слова (корень и аффикс), т.е. величины качественного порядка, в китайском языке основными структурными единицами являются, прежде всего, величины количественного порядка — однослог и двуслог (так называемый бином) [5, 44].

Наряду со структурными единицами количественного порядка в китайском языке различаются также структурные единицы качественного порядка, т.е. словосочетание, слово и часть слова (корни и, реже, аффиксы). В отличие, однако, от европейских языков, где система качественных структурных единиц существует, так сказать, сама по себе, в китайском языке она базируется на системе структурных единиц количественного порядка, т.е. на однослоге и двуслоге [5, 50].

И действительно, с точки зрения количественного состава подавляющее количество китайской лексики представлено однослогами и двуслогами. Причём в современном китайском языке большое количество слов сосуществуют и употребляются в обеих количественных формах. Получается, что эти слова являются синонимами, которые дифференцированы по количественному составу. Эти количественно дифференцированные синонимы представлены в китайском языке в большинстве частей речи. Например:

Существительные: 国 *guo* ‘страна; государство’ — 国家 *guojia* ‘страна; государство’, 城 *cheng* ‘город’ — 城市 *chengshi* ‘город’, 车 *che* ‘автомобиль’ — 汽车 *qiche* ‘автомобиль’, 报 *bao* ‘газета’ — 报纸 *baozhi* ‘газета’.

Существительные-директивы: 上 *shang* ‘верх’ — 上边 *shangbian* ‘верх’, 东 *dong* ‘Восток’ — 东部 *dongbu* ‘Восток’, 前 *qian* ‘перед’ — 前面 *qianmian* ‘перед’, 旁 *pang* ‘око-

ло’ — 旁边 *pangbian* ‘около’.

Указательные местоимения: 这 *zhe* ‘этот’ — 这个 *zhege* ‘этот’, 那 *na* ‘тот’ — 那个 *nage* ‘тот’

Глаголы: 学 *xue* ‘учиться’ — 学习 *xuexi* ‘учиться’, 选 *xuan* ‘выбирать’ — 选择 *xuanze* ‘выбирать’, 帮 *bang* ‘помогать’ — 帮助 *bangzhu* ‘помогать’, 查 *cha* ‘проверять; контролировать’ — 调查 *diaocha* ‘обследовать; расследовать’.

Модальные глаголы: 应 *ying* ‘должен’ — 应该 *yinggai* ‘должен’, 能 *neng* ‘мочь’ — 能够 *nenggou* ‘мочь’, 可 *ke* ‘можно’ — 可以 *keyi* ‘можно’.

Прилагательные: 美 *mei* ‘прекрасный’ —美丽 *meili* ‘прекрасный’, 静 *jing* ‘тихий’ — 安静 *anjing* ‘тихий’, 易 *yi* ‘лёгкий’ — 容易 *rongyi* ‘лёгкий’.

Наречия: 老 *lao* ‘всегда’ — 老是 *laoshi* ‘всегда’, 已 *yi* ‘уже’ — 已经 *yijing* ‘уже’, 多 *duo* ‘какой; как’ — 多么 *duome* ‘какой; как’.

Предлоги: 对 *dui* ‘для; к; в отношении’ — 对于 *duiyu* ‘для; к; в отношении’, 为 *wei* ‘для; ради’ — 为了 *weile*/为着 *weizhe* ‘для; ради, чтобы, в целях’, 按 *an* ‘по; в соответствии; согласно’ — 按照 *anzhao* ‘по; в соответствии; согласно’, 据 *ju* ‘на основании; по; согласно; в соответствии’ — 根据 *genju* ‘на основании; по; согласно; в соответствии’.

Союзы: 并 *bing* ‘а также; и к тому же’ — 并且 *bingqie* ‘а также; и к тому же’, 或 *huo* ‘или; либо’ — 或者 *huozhe* ‘или; либо’, 但 *dan* ‘но; однако’ — 但是 *danshi* ‘но; однако’, 可 *ke* ‘но; однако’ — 可是 *keshi* ‘но; однако’.

Отрицания: 没 *mei* ‘не; нет’ — 没有 *meiyou* ‘не; нет’.

Подобные количественно дифференцированные синонимы были обнаружены не только среди междометий, личных местоимений и некоторых категорий служебных слов. Таким образом, очевидно, что данное явление чрезвычайно распространено в современном китайском языке [37, 490].

Данная особенность лексической системы китайского языка неоднократно рас-

сматривалась в работах синологов. Н.Н. Коротков называл чередующиеся единицы либо вариантами, либо лексическими вариантами [8]. В работах В.М. Солнцева вариативность односложных и двусложных единиц получила название «двойной формы существования слова» [14].

Н.Н. Коротков, и В.М. Солнцев выделили вопрос о синтаксических различиях односложных и двусложных членов пары.

Н.В. Солнцева в своей книге «Проблемы типологии изолирующих языков» [15] также в определённом аспекте рассматривает это явление.

Проблемой двух форм слова занимается И.Б. Кульчицкая [9; 10].

Китайские исследователи определяют это явление как выбор односложного или двусложного слова. Об этой проблеме писали такие китайские исследователи как Люй Шусян, Чжу Дэси, Фэн Шэнли, Ли Линьдин, Чжан Госянь и многие другие.

Анализируя практику языковой деятельности на китайском языке свою и других, как русскоязычных, так и тех, для кого китайский язык является родным, мы обнаружили, что умение правильно оперировать подобного рода двумя формами слов или количественно дифференцированными синонимами играет чрезвычайно важную роль, как в создании, так и в понимании потока китайской речи. Однако, чтобы выработать умение правильно оперировать этими лексическими единицами китайского языка необходимо в первую очередь понять причину их существования. Нам необходимо выяснить, в чём необходимость существования одного слова в разных количественных формах, и какие факторы являются определяющими при выборе той или иной формы слова в речи.

Важной особенностью синтактики морфем китайского языка в составе количественных единиц являются ритмические правила их сочетания. Смысл ритмических правил состоит в том, что количественная единица китайского языка предпочтительно вступает в синтагматические отношения с количественными единицами определённого ритмического размера. Так односложная морфема вступает в синтагматические отношения с односложной морфемой и тем самым образуется двуслог или бином. Двуслоги предпочтительно сочетаются с двуслогами. Таким образом, налицо тенденция к количественной

симметрии грамматически связанных лингвистических единиц. В случае двуслогов и четырёхслогов симметрия бывает полной, при сочетании односложной морфемы с двуслогом или двуслога с трёхслогом образуются асимметричные трёхсложные количественные единицы. При образовании количественных единиц ритмические правила столь же обязательны, как и синтаксические.

Важным следствием ритмических требований к количественным единицам китайского языка является то, что в зависимости от этих требований одна и та же референция может осуществляться в речи с помощью количественной единицы разного состава: однослога, двуслога и т.д.

Результатом тенденции к формированию ритмически устойчивых количественных единиц является стяжение или сокращение числа слогов в количественных единицах китайского языка. Поскольку каждый слог значим, это приводит к изменению семантических связей между оставшимися. Эти перемены проявляются в нескольких формах. Устраняются некоторые морфемы: трёхслог 电冰箱 *dianbingxiang* ‘электрохолодильник’ сжимается до двуслога 冰箱 *bingxiang* ‘холодильник’. Происходит морфемная контракция: четырёхслог 青年少年 *qingnian shaonian* ‘юноши и подростки’ сжимается в трёхслог 青少年 *qingshaonian* ‘юноши и подростки’, пятисложная количественная единица 非典型肺炎 *feidianxing feiyan* ‘атипичная пневмония’ сжимается в устойчивый двуслог 非典 *feidian* ‘атипичная пневмония’. При образовании двуслогов 豆浆 *doujiang* ‘соевое молоко’ и 豆油 *douyou* ‘соевое масло’, в исходном двуслоге 黄豆 *huangdou* ‘соя’ устраняется постоянный эпитет 黄 *huang* ‘жёлтый’.

Ритмические правила китайской речи отражаются также и в типах синонимии в китайской лексике. Одно и то же содержание в условиях разного ритма речи передаётся лингвистическими единицами с разными ритмическими свойствами. Это оказывается возможным лишь при наличии синонимов разного количественного состава. Однослог 国 *guo* ‘страна, государство’ имеет двусложный синоним 国家 *guojia*. Они одинаковы как по

смыслу, так и по стилистической принадлежности, однако их ритмические функции различны. Каждая из этих количественных единиц используется тогда, когда по требованиям речевого ритма значение ʻстрана, государствоʼ должно быть передано одно- или двусложной лексической единицей, соответственно. Таким образом, ритмическая синонимия является одной из важных особенностей лексики современного китайского языка, а ритмические правила являются одной из причин эволюции китайской лексики [17, 33-35].

Таким образом, мы вслед за М.В. Софроновым предварительно решили обозначить явление, при котором лексические единицы китайского языка, описывая один и тот же референт, возникают в речи в различном количественно-слоговом составе, как явление ритмической синонимии, однако, не уверены, что термин принадлежит ему. В свою очередь мы предлагаем в рамках нашей статьи называть слова, которые существуют в разных количественных формах, ритмическими количественно дифференцированными синонимами (РКДС), что указывает на особые структурные и функциональные признаки этих слов и на суть их специфики. Так предварительно нам становится ясно, что существование таких оппозиций обусловлено ритмическими правилами китайской речи.

Очевидно также, что явлением ритмической синонимии пронизана вся словообразовательная система китайского языка, и все действующие в китайском языке словообразовательные механизмы, как будто, подчиняются требованиям ритма. Будь то морфемная контракция или разные способы аббревиации, или создание новых слов при помощи новых аффиксов, везде можно проследить закономерности, обусловленные правилами ритма. Например, А.А. Хаматова описывая суффикс существительных современного китайского языка 坛 *tan*, который имеет значение ʻмир спорта, литературы и искусстваʼ, говорит, что в последнее время словообразовательная продуктивность суффикса значительно возросла, появилось большое количество новых слов, образованных с его помощью. Этот суффикс в современном китайском языке сочетается в основном только с односложными словами, которые, в большинстве своём, представляют собой сокращения от двух- и более многосложных слов. Например: 排球 *paiqiu* ‘волейбол’, сокращается до 排 *pai*, 排 *pai*

+ 坛 *tan* = 排坛 *paitan* ‘волейбол и связанные с ним люди’; 羽毛球 *yumaoqiu* ‘бадминтон’, сокращается до 羽 *yu*, 羽 *yu* + 坛 *tan* = 羽坛 *yutan* ‘мир бадминтона’. Поскольку сфера употребления этого суффикса ограничена односложными словами, возникает вероятность двусмысленности в понимании. Например, 电影 *dianying* ‘кино’ и 摄影 *sheying* ‘фотографирование’ оба сокращаются до 影 *ying*, и поэтому без контекста не понятно, что означает 影坛 *yingtan* ‘мир кино’ или ‘мир фотографии’. Сочетаемость 坛 *tan* лишь с односложными словами приводит к тому, что значение нового слова оказывается не совсем ясным. Например, в слове 跳坛 *tiaotan* ‘мир прыжков’ не ясно, о каких прыжках идёт речь — о прыжках в воду (跳水 *tiaoshui*), прыжках в длину (跳远 *tiaoyuan*) или прыжках в высоту (跳高 *tiaogao*). Как следствие, вопрос о том, займут ли новые слова с суффиксом 坛 *tan* прочное место в языке, ещё требует проверки временем [22, 200—202]. Вполне очевидно, что в случае с суффиксом 坛 *tan* также оказывают своё влияние ритмические правила, причём язык так подвержен им, что порой основная функция языка — передача смысла, отходит на второй план. По нашему мнению, можно говорить о том, что в китайском языке постоянно идут процессы глобальной словообразовательной стандартизации. В китайском языке сформировался стандарт слова, можно сказать «золотое сечение китайского языка», и под этот стандарт «подгоняются» все изначальные номинации. Причём стандарт этот существует в гибких формах: если семантическая нагрузка позволяет сформировать его до идеальной двусложной формы, то формируется двуслог, если же семантическая нагрузка велика для двуслога, то формируется трёхслог, в котором также действуют законы ритмики, хотя и некоторым трёхслогам ничто не может гарантировать «долгую жизнь». Причём в случае с китайским языком на количественно-слоговой состав лексических единиц оказывают влияние ещё и региональные факторы. В своём учебнике «Лексика китайского языка» А.Л. Семенас пишет: «<…> Говоря о сложносокращённых словах в китайской лексике, необходимо отметить, что язык на разных территориях развивается в разных условиях и характеризуется своими лексическими особенностями. Для

лексики Тайваня характерно широкое употребление сложносокращённых наименований там, где на материке используются словосочетания» [13, 122]. Семенас даёт примеры, некоторые из которых приведём и мы: 电玩 *dianwan* ‘электрическая игрушка’ — 电动玩具 *diandong wanju* ‘электрическая игрушка’, 教长 *jiaozhang* ‘министр просвещения’ — 教育部长 *jiaoyu buzhang* ‘министр просвещения’, 主因 *zhuyin* ‘главная причина’ — 主要原因 *zhuyao yuanyin* ‘главная причина’, 家教 *jiajiao* ‘домашний учитель’ — 家庭教师 *jiating jiaoshi* ‘домашний учитель’ [Там же]. И действительно, лексика в данном случае развивается в сравнительно разных условиях. На Тайване, где экономическая и общественная жизнь более активна, процесс глобальной дисиллабизации идёт быстрее. Однако, как нам видится, на материке видоизменения многих из этих лексических единиц неизбежны. Они могут пойти по другому пути, а могут быть просто заимствованы. Кстати говоря, слово «репетитор» или «домашний учитель» фигурирует в активном вокабуляре материкового Китая уже несколько лет именно уже в двусложной форме 家教 *jia jiao*. Например, слово «аэропорт», просуществовав недолгое время в трёхсложной форме 飞机场 *fei-jichang*, сейчас употребляется только в виде двуслога 机场 *jichang*. Многие словари не поспевают за этими процессами, поэтому актуальность нашей работы очевидна. Нам, изучающим китайский язык, необходимо прочно и ясно осознать сложные механизмы трансформации речевых единиц китайской речи, связанные с нормами благозвучия и ритма, прагматики и грамматики. Таким образом, в нашей работе под явлением ритмической синонимии мы будем понимать не только проблемы выбора между двусложным и односложным вариантами одного китайского слова, но и явления, которые касаются трансформации любых многосложных слов и даже, учитывая специфику китайского языка, словосочетаний. Такой обобщённый подход позволит нам систематизировать большую часть явлений, связанных с изменением количественно-слогового состава одного и того же китайского слова или словосочетания в потоке речи. Надеемся, что этим мы положим начало более глубокому изучению количественно-слогового состава некоторых лексических единиц китайского языка в плане преподавания китайского языка русско-

язычным студентам. Ведь хотя теоретическое описание и объяснение этих явлений существует уже долгое время, в практическом преподавании китайского языка в большинстве случаев этот аспект китайского слова до сих пор не освещается должным образом.

Интересно, что требования ритма и благозвучия в китайском языке часто приводят к примерам, которые показывают, что эти две категории порой преобладают над самой сутью языка — семантикой: например, на задней обложке книги 中国民俗 *Zhongguo minsu* ‘Народные традиции Китая’ находим надпись 文化书系 *wenhua shuxi* ‘Книжная серия «Культура»’ или ‘Серия книг о культуре’, где иероглифом 系 *xi* передано слово «серия», которое существует только в двусложном варианте 系列 *xilie* ‘серия’ и наверняка является фонетической калькой английского слова *series* ‘серия’. Как видно, здесь требования благозвучия и ритма привели даже к членению морфемы, что для китайского языка нетипично. Здесь только контекст воссоздаёт смысл «раскромсанного» слова «серия». Ещё чаще встречаются случаи когда приведение слова к ритмической, благозвучной и удобно произносимой норме приводит к утрате самого семантического ядра слова, например, в устной речи слова 甲型肝炎 *jiaxing ganyan* ‘гепатит A’, 乙型肝炎 *yixing ganyan* ‘гепатит B’ и 丙型肝炎 *bingxing ganyan* ‘гепатит C’ существуют только в двусложной форме 甲肝 *jiagan* ‘гепатит A’, 乙肝 *yigan* ‘гепатит B’ и 丙肝 *binggan* ‘гепатит C’, где, как мы видим, не произносится семантически ядерная морфема 炎 *yan* ‘воспаление’, а остаётся только морфема 肝 *gan* ‘печень’ и тип воспаления 甲 *jia* ‘A’, 乙 *yi* ‘B’ и 丙 *bing* ‘C’. Другой пример — это словосочетание «атипичная пневмония» 非典型性肺炎 *feidianxingxing feiyan*, где от полного наименования остался только двуслог 非典 *feidian*, который включает в себя морфему 非 fei ‘не, -а’ и часть слова 典型 *dianxing* ‘типичный’ — 典 *dian*.

Итак, цель нашей работы — проанализировать все имеющиеся в нашем распоряжении источники, суммировать все имеющиеся по данной проблематике соображения с тем, чтобы приблизиться к пониманию принципов действия механизма дисиллабизации и

ритмизации потока китайской речи на основе отдельных лексических единиц китайского языка. Актуальность работы налицо: многие студенты старших курсов языковых вузов, да и молодые специалисты часто так и не приобретают навыка правильно оперировать китайскими словами в плане количественно-слогового состава оппозиции РКДС однослог-двуслог, а тенденция сведения многих распространённых до многослога лексем современного китайского языка к двуслогу или однослогу в составе других лексем создаёт большие проблемы по быстрому и адекватному пониманию потока китайской речи русскоязычными учащимися. Приведём пример из собственного опыта. В китайскую компанию, зарегистрированную в России, приехал из Пекина с деловым визитом по очень важному и перспективному проекту инженер по фамилии 张 *Zhang* ‘Чжан’. Все китайские сотрудники компании в своей речи в бурных беседах между собой и при обращении к самому инженеру называли его не иначе как 张工 *Zhang gong* ‘инженер Чжан’, то есть сокращённо от 张工程师 *Zhang gongchengshi* ‘инженер Чжан’. Автор не сразу понял это обозначение. Аналогично слово 工程师 *gongchengshi* ‘инженер’ видоизменяется в сочетании 总工程师 *zong gongchengshi* ‘главный инженер’, то есть превращается в 总工 *zong gong* ‘главный инженер’. Наименование должности 总经理 *zong jingli* ‘генеральный директор’ при сочетании с фамилией также усекается до однослога 总 *zong* ‘генеральный’, который в сочетании с фамилией создает ритмически устойчивый двуслог, например, 刘总 *Liu zong* ‘генеральный директор Лю’. Ещё пример. Сопровождая гостей из Китая на поезде, мы приближались к городу Томску. Было раннее утро и обсуждалось скорое наше прибытие в город Томск на станцию Томск-1. Как это часто бывает, носители русского языка, изучающие китайский, склонны проговаривать российские имена собственные и прочие слова по-китайски полностью, во всяком случае, если нам не известны устоявшиеся в китайском языке сокращения. Так и автор этиъ строк оперировал словами 托木斯克一站 *Tuomusike yi zhan* ‘станция Томск-Первый’ и 托木斯克二站 *Tuomusike er zhan* ‘станция Томск-2’, что, впрочем, для китайца было совершенно не актуально, тем не менее, из

вежливости и ради поддержания разговора он спросил меня: 托木斯克是站名吗？ *Tuomusike shi zhan ming ma?* ‘Томск — это название станции?’, чем ввёл меня в затруднительное положение непонимания и напряжённого размышления на минуты две-три, что, конечно же, слишком долго для акта нормальной языковой коммуникации. Дело в том, что словосочетание 站名 *zhan ming* ‘название станции’ здесь прозвучало слишком быстро, коротко и непривычно для меня, но это было совершенно по-китайски. Причем китайцы никогда не скажут в подобной ситуации эту фразу в виде 托木斯克是火车站的名称吗？ *Tuomusike shi huochezhan de mingcheng ma?* ‘Томск — это название станции?’, то есть более объёмными по количественно-слоговому составу единицами, которые мы изучаем гораздо больше и которыми в своей китайской речи оперируем значительно чаще. Что же я хотел сказать этими примерами? Необходимо признать, что спонтанная, слишком быстрая и ритмизованная моментально проскальзывающими двуслогами китайская речь, в которой одни и те же понятия часто возникают в разном количественно-слоговом составе, очень часто с большим трудом воспринимается русскоязычными учащимися и молодыми специалистами. Эту проблему необходимо решать. И решать не только практическими методическими инновациями в аспекте аудирования, но и необходимо теоретически более подробно и всесторонне проанализировать эти закономерности китайского языка и вывести их в сферу относительно доступно разъясняемых и стабильно существующих правил, которые затем внедрить в учебный процесс обучения китайскому языку. По нашему мнению, в процессе обучения китайскому языку базовыми единицами и опорами должны стать однослог и двуслог, на которых необходимо сосредоточить слуховые и аналитические усилия. А количественные характеристики, варианты и специфика употребления некоторых лексем в разных количественно-слоговых формах должны описываться отдельно в лексико-грамматических комментариях.

II. Ритм и параллелизм как одни из факторов дисиллабизации китайского языка

Понятие «ритм» широко используется в различных сферах человеческой деятель-

ности. В китайском языке для обозначения данного понятия существует несколько терминологических названий: 韵律 *yunlü*, 节律 *jielü*, 节奏 *jiezou*. Для обозначения речевого ритма обычно употребляют термин 韵律 *yunlü*.

Лингвистическую сущность понятия «ритм» можно определить как закономерную повторяемость, определённое чередование соизмеримых по своему физическому объёму, сходных по своей внутренней структуре, отграниченных друг от друга языковых единиц.

Построение речи в целях создания ритма и придания ей тем самым стилистических качеств зависит в китайском языке от фонетических и семантико-грамматических факторов, определяется особенностями словообразовательных способов и композиционно-синтаксических приёмов [3, 112—113].

Как писали в своей статье Б.А. Васильев и Ю.К. Щуцкий, если ритм вообще определяется как последовательное и закономерное чередование различных, но сравнимых элементов, то в китайском языке существует много сторон, способных быть такими элементами. Поэтому не удивительно, что в Китае уже очень рано начинается теоретическое осознание ритма, которому приписывается огромное, едва ли не вселенское значение. Так уже к III в. до н.э. заканчивается выработка достаточно сложного и развитого мировоззрения, которое выражено в классической Книге перемен и в ряде примыкающих к ней текстов. Здесь особенно интересен текст 大专 *Dazhuan* ‘Великой Традиции’ иначе 希词转 *Xicizhuan* ‘Традиция афоризмов’ — анонимный и принадлежащий, вероятно, ряду авторов. С точки зрения авторов этого текста, мир представляет собой некую ткань, слагающуюся из сил света и тьмы, которые, несмотря на свою противоположность, коренятся в некоем космическом единстве — Великом Пределе — как активное и пассивное его состояние. Так созданный мир движется и развивается не стихийно, а в строго определённой последовательности, частичным и внешним выражением которой является, например, чередование ночи и дня, чередование времён года и т.п. Эта последовательность осознавалась как путь мира, по-китайски — «дао», который в «Великой традиции» определяет-

ся так: «Чередование то тьмы, то света называется путём». Не трудно заметить, что под словом «дао» здесь разумеется космический (да и всякий вообще) ритм [2, 556-557].

Так, несомненно, в древнем Китае ритм был осознан. В области языка этому способствовало ещё и то обстоятельство, что в те времена китайский язык был максимально приближен к моносиллабическому языку, т.е. в нём почти всегда совпадали границы семемы и фонемы. При этом осознавались и играли в языке социально значимую роль не только сами звучащие слова-слоги, но и беззвучные паузы между ними. Даже в современном разговорном китайском языке ведущую роль играет синтаксис, а не морфология. Последняя есть лишь функция синтаксиса. И в старом китайском языке играли значительную роль паузы (и цезуры), которые бывают особенно важны при обратном чтении многочисленных китайских палиндромов.

Итак, беззвучные паузы, словоразделы, играли в китайском языке важную роль, не менее значительную, чем роль звучащих слов. Таким образом, в любой фразе китайского моносиллабического языка уже заложена простейшая форма ритма: чередование звучащих слов-слогов и межслоговых пауз. Но дело ещё далеко не исчерпывается этим. Ещё необходимо рассмотреть случаи, когда дифференцируются по своим функциям паузы и слова. Дифференциация эта, правда, приведёт нас к выходу за пределы проблемы только ритма; приведёт нас к проблеме параллелизма [2, 557—559].

Если китайскому языку и свойственен аморфно-синтетический строй, то его аморфность следует понимать только как отсутствие внешне выраженных форм такого типа, как формы спряжения и склонения, формы степеней сравнения и т.п. Действительно, таких форм в китайском языке нет, однако в нём нельзя не заметить форм иного рода: внутренних синтагм слов. Они выражаются в том, что части предложения не безразличны к характеру окружающих слов. Внешне это выражается лишь в стабилизации порядка частей предложения. Но только благодаря этому порядку слов во фразе они приобретают свою синтаксическую определённость и, как результат её — морфологическую осознаваемость в роли определённой грамматической категории той или иной части речи. Можно полагать, что именно паузы насыщены теми или иными отношениями слов. Что же полу-

чится, если в двух фразах последовательность пауз и цезур одинаковы? Окажется, что эти фразы параллельны. Так параллелизм выводится из ритма, как частный случай его [2, 559—561].

При этом мы уже должны противопоставить слова, сохранившие своё коренное значение, формантам и соединителям. В китайской терминологии первые называются «полными», а вторые «пустыми» словами. Поэтому в ритме идёт чередование пустых и полных слов. Здесь возникает ритмический рисунок, построенный из чередования слов, обозначающих предметы, их свойства, их действия и состояния, и слов, указывающих отношения между ними. В таком ритмическом повторении (более или менее оформленного) синтаксического профиля предложений можно усмотреть явление параллелизма, столь важное для китайского языка. Так, рассмотрев самое простое ритмическое чередование звучаний и пауз, мы нашли более сложные ритмы, определённые и с метрической стороны. Наконец, переходя в область не только формы, но и содержания, находим параллелизм китайского языка. В параллелизме предложений мы видим тот же ритм, но ритм, определённый не только с количественной стороны, но и с качественной стороны. При этом необходимо отметить, что качественное содержание пауз играло большую роль, чем даже значение пустых слов, ибо китаисту часто приходится встречать фразу, в которой «пустое» слово, неправильное по значению, правильно занимает то место, которое требуется по аналогии параллелизма парной фразы. Иными словами, в китайском тексте скорее можно найти ошибочный выбор того или иного «пустого» слова, чем нарушение параллелизма. Поэтому и интерпретация «пустых слов» (а тем самым — и синтаксического профиля параллельных предложений!) должна, прежде всего, базироваться на выборе значений, удовлетворяющих оба параллельных предложения. Так качественно не индифферентный ритм, т.е. параллелизм, выступает как грамматический комментарий одного предложения к другому, комментарий, построенный при помощи метода аналогий [2, 561]. Далее авторы пишут, что «известны случаи, когда в разночтениях текста можно заметить полное безразличие к выражению причинной связи или к её латентности, наряду с отсутствием этого безразличия в отношении ритма. Можно также указать случаи,

когда изменялся выбор даже «полных» слов, но сохранялся хотя бы простой счётный ритм (т.е. вернее метр!). Так, например, в Главе 27 «Дао дэ цзин» находим фразу 擅计不用筹策 *shanji bu yong chouce* ‘искусный счётчик не пользуется счётами — расчётами’. В некоторых изданиях эта фраза зарегистрирована в форме 擅算者无筹策 *shan suanzhe wu chouce* ‘кто искусно исчисляет — лишён счетов-расчётов’. Как видим, изменены выбор слов и их взаимные связи. Но неизменным остался трёхстопный ямб, хотя эта фраза и выпадает из ритма (пятисложных) предыдущих и последующих фраз. Впрочем, это и не удивительно: не следует упускать из виду, что эти древнекитайские памятники создавались начётчиками для начётчиков, среди которых было принято учить наизусть и цитировать целые книги. Известно, что память лучше удерживает фразы с обработанным поэтическим ритмом, а не со случайными ритмами разговорного языка. Поэтизация текста, как мнемотехнический приём — явление хорошо документированное. Поэтому и в данном случае традиция в первую очередь сохраняла ритм и лишь общее содержание, пренебрегая конкретным выбором слов. Таких примеров особенно много в буддийской литературе сутр, предназначавшейся для скандирования облечённой в подавляющем большинстве случаев в четырёхсложные счётные ритмы (без соблюдения параллелизма синтагм). Со времени появления такой буддийской литературы, на протяжении III—V вв. н.э., в противоположность ей китайские литераторы-небуддисты с особенной силой развивают языковые параллелизмы. Эти писатели проявляли большую заботливость по отношению к стилю и к точности выражения мысли, художественного образа. Буддийские же авторы (в начале этого периода чаще всего не китайцы!) проявляли полную индифферентность к вопросам стилистики. С тех пор как небуддийские писатели выдвинули параллелизм на ведущее место китайской стилистики, его уже нельзя игнорировать. Он пронизывает собою китайский язык в самых разных направлениях [2, 562—563].

Дальнейшим развитием параллелизма явилось распространение его как своего рода грамматического автокомментария, построенного на принципе аналогии. В порядке необходимого преодоления моносиллабического однообразия в это время (т.е. около IV в.

н.э.) начинается массовое словотворчество скрещенных слов. И в них в самых широких размерах проникает параллелизм. Вскоре он распространяется настолько, что понимать китайский текст без учёта параллелизма становится невозможно [2, 563].

Итак, в древнекитайском языке слова в подавляющем большинстве были односложными. Однако с началом доциньской эпохи (периоды Чуньцю и Чжаньго) общественное развитие привело к необходимости порождения большого количества новой лексики, и тогда в целях избежания возрастания количества омонимов и с тем, чтобы устранить явление двусмысленности, которое влияло на языковую коммуникацию, в китайском языке начался процесс увеличения количества слогов в слове [31, 284].

Согласно научной статистике, в восьми крупных литературных произведениях доциньской эпохи общее количество многосложных слов уже составило 3432 слова (не считая имён людей и топонимов). Если исключить редуплицированные однослоги, то количество многосложных слов составило 2772 слова, что равно 20% от числа однослогов (расчёт производился из примерного количества однослогов в 10 000 слов). Эти многосложные слова в основном были представлены двуслогами [37, 499]. В словаре «Мэнцзы цыдянь» （孟子词典） односложные слова составляют около 66%, а многосложные — около 34%. Однако за многие сотни лет существования и развития китайского языка в нём произошли коренные изменения [4, 19].

Например, как сообщает Ма Чжэнь [31, 284-302], в «Шицзине» и в «Цзочжуане» слово 官 *guan* ‘чиновник’ употреблялось в трёх значениях:

1) 行政机关 *xingzheng jiguan* ‘административное учреждение’ (микроконтекст: 不见宗庙之美，白官之富 / 论语 • 子张 / — *Bu jian zongmiao zhi mei, baiguan zhi fu* ‘Не стало в государстве былого благородства, а в ведомствах — достатка’, «Луньюй», «Цзычжан»);

2) 行政机关的长官 *xingzheng jiguan de zhangguan* ‘начальник административного учреждения’ (микроконтекст: 君薨，白官总己以听于冢宰三年 / 论语 • 宪问 / — *Jun hong, baiguan zong ji yi ting yu zhongzai san nian* ‘После смерти князя, начальники всех

ведомств в течение трёх лет всегда с уважением относились и повиновались советнику по делам личного состава', «Луньюй», «Сяньвэнь»);

3) 行政职务 *xingzheng zhiwu* 'административная должность' (микроконтекст: 祁午得位，伯华得官 / 左传 • 襄公三年/ — *Qiwu de wei, Bohua de guan* 'Циу получил титул, а Бохуа получил должность', «Цзочжуань», третий год правления Сян Гуна).

И чтобы устранить эту ситуацию многозначности и двусмысленности, в период Чуньцю и Воюющих Царств появились четыре двусложных слова:

1) 官府 *guanfu* 'органы власти' (микроконтекст: 及都邑官府，其白吏肃然 / 荀子 • 强国 / — *Ji duyi guanfu, qi baili suran* 'И даже все чиновники органов власти столицы и всех городов службу несут образцово', «Сюньцзы», «Как укрепить государство»);

2) 官长 *guanzhang* 'старший чиновник' (микроконтекст: 贤者举而上之，富而贵之，以为官长 / 墨子 • 上贤中/ — *Xianzhe ju er shang zhi, fu er gui zhi, yi wei guanzhang* 'Талантливых и способных рекомендовать императору, дать им средства и положение с тем, чтобы они стали руководителями высшего звена', «Моцзы», «Шансяньчжун»);

3) 官吏 *guanli* 'чиновники, чиновничество' (микроконтекст: 官吏豪杰与计坚守者… …，皆师赐公乘 / 墨子 • 号令 / — *Guanli haojie yu ji jianshouzhe … …, jie shi ci gongsheng* 'Чиновники и герои, защищая город, стояли насмерть … …, всем согласно уложению был дарован наградный титул гуншэна', «Моцзы», «Хаолин»);

4) 官职 *guanzhi* 'должность' (микроконтекст: 臣有臣之威仪，其下畏而爱之，故能守其官职，保族宜家 / 左传 • 襄公三年 / — *Chen you chen zhi weiyi, qixia wei er ai zhi, gu neng shou qi guanzhi, baozu yijia* 'Чиновники умеют показать свою солидность и достоинство, народ при этом относится к ним с благоговейным трепетом и любит их, поэтому чиновники могут сохранять за собой свои должности, защищать свой род и приносить пользу своей семье', «Цзочжуань», Третий год правления Сян Гуна) [31, 284-302].

Конечно же, основная масса двусложных слов стала появляться после периода

эпохи династий Цинь-Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.), и особенно в начале 20 века. В современном китайском языке явно заметна тенденция превращения лексики в двусложное большинство, двуслоги постепенно занимают главенствующие позиции [37, 499—500]. Ныне в китайском языке многосложных слов значительно больше, чем односложных. Согласно подсчётам, проведённым китайскими исследователями, односложные и многосложные слова соответственно составляют 24,6% и 75,4% [12, 84].

Ма Чжэнь причинами дисиллабизации указывает лишь устранение двусмысленности и упрощение актов коммуникации. Разумеется, это очень понятные причины. В то же время, как нам видится, не менее важными были и факторы стремления к ритмически устойчивым и благозвучным, удобным для произнесения единицам. Как указывают Б.А. Васильев и Ю.К. Щуцкий, момент параллелизма может быть найден даже в пределах одного двусложного слова (в их терминологии compositum'a), которое, сохраняя ясное различие составляющих его слагаемых, выступает и осмысляется как некое единство. В таком единстве (построенном по типу санскритских dvandva) нельзя не заметить параллелизм хотя бы в примитивнейшей его форме и в нём очевидно единство противоположностей [2, 564].

В этой же главе хотелось бы затронуть такое интересное и специфическое явление китайской лексики, как рифмованные двуслоги. Как пишет в своей книге Чан Цзинъюй, «китайский язык чрезвычайно чуток к фонологической согласованности и гармонической мерности, особенно это заметно в двусложных словах с совпадающими инициалями и в двусложных словах с рифмующимися финалями, в этом проявляется специфическая психология китайской нации, психология стремления к симметрии и гармонии» [26, 13]. В традиционной китайской филологии двусложные слова с неразрывной структурой, двусложные слова с совпадающими инициалями и двусложные слова с рифмующимися финалями называются 联绵词 — «ляньмяньцы». В современной лингвистике под термином «ляньмяньцы» принято понимать двусложное слово, обозначающее одно понятие и состоящее из одной морфемы. В настоящее время исследователи выделяют следующие основные характеристики слов такого типа:

1. Неразложимость.

2. Повторяемость фонетических элементов слова:

а) слоги с одинаковыми инициалями;

б) слоги с одинаковыми финалями.

В некоторых случаях инициали и финали слогов не совпадают; как правило, в словах такого типа каждый из слогов по отдельности не имеет лексического значения и ни при каких условиях не может употребляться самостоятельно. Например, 茉莉 *moli* ‘жасмин’.

3. Графическая вариативность написания.

В современном китайском языке слов, отличающихся подобными свойствами, не так много, обычно они встречаются в поэтических текстах при описании пейзажей либо являются ботаническими или зоологическими терминами. Словообразовательные возможности их, как, впрочем, и всех слов, представленных многосложными морфемами, невелики [21, 108-110].

Составляя свой «Сборник двусложных слитных слов» (“联绵字谱”) известный филолог Ван Говэй только из «Шицзина», «Шуцзина», «Ицзина», «Чжоули» (Книга этикета эпохи Чжоу), «Цзочжуань», «Шовэнь Цзецзы», «Эръя» и «Чусских строф» выписал две с лишним тысячи двусложных слов с совпадающими инициалями или рифмующимися финалями. Составленный в начале 20-ого века Фу Динъи «Словарь двусложных слитных слов» (“联绵字典”) включает в себя 27 000 словарных статей, среди которых не мало слов именно двусложных и с совпадающими инициалями или с рифмующимися финалями [26, 13-14]. Приведём примеры двусложных слов с совпадающими инициалями: 琉璃 *liuli* ‘глазурь’, 蜘蛛 *zhizhu* ‘паук’, 琵琶 *pipa* ‘пипа’ — музыкальный инструмент, 尴尬 *ganga* ‘испытывать неловкость’, 吩咐 *fenfu* ‘велеть’, 秋千 *qiuqian* ‘качели’, 踌躇 *chouchu* ‘колебаться’, 慷慨 *kangkai* ‘щедрость’, 淋漓 *linli* ‘сочиться’, 琳琅 *linliang* ‘дорогие и красивые вещи’, 鸳鸯 *yuanyang* ‘мандаринская утка; дружные супруги’, 蟾蜍 *chanchu* ‘жаба’, 仓促 *cangcu* ‘впопыхах; наспех; поспешный’, 游弋 *youyi* ‘крейсировать’.

Рассмотрим примеры двусложных слов с рифмующимися финалями: 盘桓 *pan-huan* ‘медлить, мешкать’, 馄饨 *huntun* ‘пельмени с бульоном’, 喇叭 *laba* ‘труба’ — музыкальный инструмент, 徘徊 *paihuai* ‘бродить’, 窈窕 *yaotiao* ‘очаровательный’, 朦胧 *menglong* ‘тусклый’, 蜻蜓 *qingting* ‘стрекоза’, 玫瑰 *meigui* ‘роза’, 彷徨 *panghuang* ‘блуждать’, 蹁跹 *pianxian* ‘порхать’, 蓓蕾 *beilei* ‘бутон’, 肮脏 *angzang* ‘грязный’, 哆嗦 *duosuo* ‘дрожать, трястись’, 逍遥 *xiaoyao* ‘блаженствовать’, 翡翠 *feicui* 1. ‘зимородок’; 2. ‘жадеит’, 葫芦 *hulu* ‘тыква-горлянка’, 霹雳 *pili* ‘удар грома’.

Из выше приведённых примеров видна ментальная направленность ханьской нации к эстетическому восприятию и воспроизводству слов. И будь это симметрия количественных единиц, или созвучие по совпадающим инициалям и рифмовка по финалям, всё это создаёт изысканное очарование, специфику ритма, читать это очень удобно, благозвучно при восприятии на слух, легко запоминать и воспроизводить, такие явления не так часто встречаются в других языках. Вполне очевидно, что явление рифмующихся слогов также стало одним из факторов, стимулирующих развитие в китайском языке тенденции к формированию стандарта слова в виде двуслога.

В современном китайском языке стремление довести лексическую единицу до двусложного состава является важнейшей тенденцией ритмической структуры китайской речи.

III. Освещение проблемы ритмической синонимии в сравнительно-типологическом аспекте

Проблемы ритмической синонимии в сравнительно-типологическом плане касалась Н.В. Солнцева [15]. В терминологии Н.В. Солнцевой это явление рассматривается как чередование сложного слова с его односложным вариантом в речи. Как пишет Н.В. Солнцева, одной из ярких особенностей сложных слов изолирующих языков является чередование их обычной двусложной формы с тем или иным их односложным компонентом, который метонимически берёт на себя выражение значения всего этого слова. Данное явление отмечается практически во всех изолирующих языках ареала Восточной

Азии — в чамском языке, кхмерском, тайском, пупео, мео, чру, лаха и т.п. Так, например, во вьетнамском языке наряду с двусложным словом *can phaj* ‘должно, следует’ в том же значении может встретиться каждый из компонентов *phaj* и *can*. В китайском языке вместо сложного слова 汽车 *qiche* ‘автомобиль’ в определённом контексте может встретиться его односложный компонент 车 *che*, который не имеет значения ‘автомобиль’ сам по себе, означая любое транспортное средство. В пупео отмечены следующие случаи чередования: *len gu* — *gu* ‘деревня’; *sam paw* — *sam* ‘друг’; *pe sie* — *sie* ‘муж’; *nhing saj* — *saj* ‘магазин’; *nhwok kaj* — *nhwok* ‘урожай’ и т.д. [15, 179].

Между тем чередования характерны не для всех разновидностей сложных слов в данных языках. Из четырёх наиболее распространённых моделей сложных слов подобного рода чередования возможны только у слов атрибутивной модели и глагольно-объектной модели. В этих моделях один из компонентов является стержневым и определяющим категориальную принадлежность этих слов. Обычно он несёт основную лексическую нагрузку в общем значении слова. Именно такой стержневой компонент в определённом контексте берёт на себя функцию передачи значения данного сложного слова. Ничего подобного не наблюдается в словах, построенных по копулятивным (с антонимичным соотношением компонентов) и результативным моделям. В словах, построенных по двум последним моделям, ни один из компонентов не может быть назван стержневым. В формировании сложных слов данной модели в равной мере участвуют оба компонента. Таким образом, важнейшим условием для того, чтобы сложное слово могло заменяться одним из его компонентов, является наличие в составе данного слова стержневого компонента, который несет на себе основную семантико-грамматическую нагрузку (и в копулятивной, и в результативной модели оба компонента несут равную нагрузку). Другое условие метонимического замещения — это слоговой характер стержневого компонента, который фонетически равен односложному слову.

Следует заметить, что имеется ещё два условия, которые ограничивают возможность метонимической замены слова его компонентом: 1) синтаксически несамостоя-

тельный характер стержневого компонента; 2) отсутствие этимологической прозрачности.

Чередование сложного слова с его компонентом, метонимически берущего на себя выражение значения целого, является одним из случаев многочисленных чередований односложной и двусложной лексических единиц в изолирующих языках. При внешнем сходстве приведённых выше примеров — 车 *che* вместо 汽车 *qiche* ‘автомобиль’ и *can* вместо *can phai* ‘должно’ — эти случаи следует рассматривать как разные виды чередований. Во втором случае мы не можем говорить, что *can* берёт на себя метонимическое выражение целого — двусложного слова, потому что оно само по себе имеет то же значение, что и двусложное слово, независимо от контекста. Таким образом, Н.В. Солнцева говорит, что в изолирующих языках имеется два вида чередований: чередование двух форм существования слов (вслед за В.М. Солнцевым) и чередование по метонимии.

Если явление двух форм существования слов, по-видимому, есть историческое чередование и представляет собою проявление сдвига в количественной норме слова, то чередование, при котором один компонент берёт на себя метонимическое выражение целого, происходит в условиях уже сложившейся двусложной нормы слова. В самом деле, если в китайском языке слово 房 *fang* ‘дом’, безусловно, предшествует слову 房子 *fangzi* ‘дом’, а слово 眼 *yan* ‘глаз’ предшествует слову 眼睛 *yanjing* ‘глаз’, точно так же, как слово 事 *shi* ‘дело’ предшествует слову 事情 *shiqing* ‘дело’, то мы не можем считать, что слово 飞机 *feiji* ‘самолёт’ родилось на базе слова 机 *ji* с тем же значением, поскольку слово 机 *ji* никогда значением ‘самолёт’ не обладало и только в контексте (например: 机翼 *jiyi* ‘крыло самолёта’, 机场 *jichang* ‘аэропорт’, 机长 *jizhang* ‘командир самолёта’, 机舱 *jicang* ‘кабина самолёта’, 机身 *jishen* ‘фюзеляж самолёта’, 机尾 *jiwei* ‘хвостовое оперение самолёта’, 专机 *zhuanji* ‘специальный самолёт’; ‘спецрейс’, 客机 *keji* ‘пассажирский самолёт’, 大型班机 *daxingbanji* ‘авиалайнер’, 护航机 *huhangji* ‘самолёт сопровождения’, 客货两用机 *kehuoliangyongji* ‘грузо-пассажирский самолёт’, 机务大队 *jiwudadui* ‘инженерно-авиационный отряд’, 机组人员 *jizurenyuan* ‘экипаж самолёта’, 机上服务员

jishangfuwuyuan ‘стюард’) метонимически приобретает это значение (само по себе 机 *ji* обозначает ‘прибор’, ‘аппарат’, ‘механизм’).

Два вида чередований демонстрируют разные процессы, происходящие в сфере внутренней морфологии. Если в случае двух форм существования слов движение идёт от однослога к двуслогу, то при метонимическом использовании однослога вместо двуслога движение идёт от двуслога к однослогу. В первом случае двуслог включает в себя семантику однослога, которая становится его собственной семантикой. Во втором случае семантика однослога только участвует в формировании семантики двуслога, но не совпадает с его семантикой. Однослог продолжает существовать в языке в своём исходном значении и только в определённых контекстах приобретает значение того сложного слова, в формировании которого он участвовал. Таково различие этих двух видов чередования. Их сходство состоит в том, что в обоих случаях происходит как бы чередование односложной единицы с двухсложной [15, 179-181].

Использование односложных компонентов при чередовании вместо многосложных есть проявление тенденции экономии языковых средств.

В подобном чередовании ряд учёных видит проявление сближения свойств морфем и односложных слов в изолирующих языках. Не берясь оспаривать данное положение, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что подобное проявление сближения названных единиц каждый раз обнаруживается только в строго регламентированных ситуациях. Метонимическое использование компонента вместо целого возможно только в структурных типах моделей A (атрибутивная модель) и C (глагольно-объектная модель) и исключено совершенно в типе D (результативная модель) и в типе B (копулятивная модель), если этот структурный тип состоит из антонимичных основ. В данном случае превалируют особенности структурной организации единиц, а не сближение свойств простого слова и морфемы.

При метонимическом использовании части вместо целого всегда имеется возможность «достроить» недостающую часть и получить целую сложную единицу. Здесь имеет место картина, сходная с эллиптическим употреблением частей предложений, которые

легко восстанавливаются до полного состава. Поэтому использование части слова вместо целого может быть оценено, в свою очередь, как эллиптическое употребление. Но всякий эллипс всегда предполагает существование целой единицы, без которой понятие эллипса теряет смысл. Следовательно, эллиптическое употребление не только не есть свидетельство отсутствия сложной единицы как самодовлеющей единицы, но, наоборот, косвенно подтверждает её наличие.

Именно двусложная единица выступает в китайском языке как полностью независимая от условий контекста и окружения. Именно она наиболее полно реализует все важнейшие свойства слова, и именно она полностью отвечает критериям выделимости отдельного слова.

Многие явления, составляющие специфику типологически близких языков, могут встретиться и в языках иных типов, где это явление уже не относится к числу специфических особенностей данного языка. Явления метонимического использования части слова вместо целого, которые можно оценивать как своего рода эллипс на словарном уровне, встречаются, например, во флективных языках, и в частности, в русском и немецком. Так, в современном русском языке в словах *радио-* и *фототовары* эллиптированные единицы (*радио-*) присоединяются к последующему слову с помощью союза *и*. Они могут занимать и постпозицию по отношению ко второй части сложной единицы, например: *кругом были камеры — фото-*, *теле-*, *кино-*. Такие единицы могут наряду с полными словами выстраиваться в определительные цепочки: *В секциях многим находятся занятия по душе: альпинизм, горный, спелео-, авто- и водный туризм*. Части слов русского языка подобным употреблением демонстрируют определённую самостоятельность и «словесность».

Наличие таких явлений, видимо, не обусловлено свойствами одних только изолирующих языков. Возникновение подобных эффектов, по-видимому, есть следствие существования сложных слов вообще. И везде замена слова его частью может реализоваться, как отмечалось выше, в том случае, когда соответствующие части слов имеют достаточную протяжённость (равны слогу), а также имеют определённую понятийную окраску, т.е.

обнаруживают такие свойства, которые позволяют им уподобляться словам. Специфика языка определяется в данном случае не наличием или отсутствием данного явления, а степенью его распространённости.

Чередование же слов и их частей в изолирующих языках есть регулярный и достаточно нормативный способ их существования. Если подобное чередование рассматривать как вариативность, то можно сказать, что сама норма в данном случае проявляется в виде вариативности, и поэтому, по-видимому, нет оснований полагать, что эта вариативность исчезнет по мере развития этих языков [15, 178-183].

IV. Ритмические факторы, влияющие на выбор РКДС

Особенностью грамматической структуры китайского языка является то, что в основе его структуры лежат не качественные, как в европейских языках, единицы — морфема, слово, словосочетание, а количественные синтагматические единицы, состоящие из одного или двух слогов, которые А.А. Драгунов называет «однослог» и «двуслог». Естественно, что в китайском языке существуют и качественные единицы — морфемы, слова, словосочетания, однако они все должны структурно реализоваться в форме однослога, двуслога или сочетаний, состоящих из однослогов и двуслогов [5, 44].

В силу указанных причин односложная морфема китайского языка довольно редко выступает самостоятельно. Чаще всего она употребляется в сочетании с другой односложной морфемой или входит в состав лингвистической единицы более высокого уровня. Минимальным сочетанием морфем современного китайского языка является двуслог. Он представляет собой минимальный контекст, достаточный для проявления синтаксических и ритмико-акцентуационных отношений между образующими его морфемами.

Наиболее существенным отличием китайских количественных единиц от слов европейских языков является развитая система семантического взаимодействия слоговых морфем в их составе.

Семантическое взаимодействие слоговых морфем в составе количественных единиц китайского языка, в целом, направлено на описание референта. Однако при этом попутно решается и другая задача, которая не является существенной для словообразования

европейских языков. Эта задача состоит в том, чтобы количественная единица не только описывала свой референт, но также и соответствовала ритмическим правилам образования количественных единиц. Пути решения этих задач особенно явственны в двуслогах. В большинстве двуслогов описание референта проводится средствами семантики обеих составляющих морфем. Их значение бывает равно сумме значений их морфем. Поэтому с точки зрения их семантики такие двуслоги аддитивны. Однако в части двуслогов одна слоговая морфема является главной, а другая второстепенной, которая принимает лишь косвенное участие или совсем не принимает участия в описании референта. Роль такой второстепенной морфемы по существу формальна: в составе двуслога она реализуется как слог, но не как значимая единица речи. Однако благодаря её присутствию основная слоговая морфема приобретает ритмическую форму двуслога. Ввиду того, что её значение не принимает участие в описании референта, двуслоги, в составе которых имеются такие морфемы, по характеру семантического описания неаддитивны. Семантика количественных единиц последующих уровней — трёхслогов и четырёхслогов — обычно бывает аддитивной.

Существуют три способа образования неаддитивных двуслогов. В двуслогах с сочинительной структурой, которые состоят из двух синонимичных морфем, значение двуслога образуется повторением одного и того же смысла. Поэтому его значение оказывается равным значению любой из этих морфем. В двуслогах с подчинительной структурой неаддитивные значения создаются с помощью повторения семантического компонента в одной из его морфем. В двуслогах 黄金 *huangjin* ‘золото’ (букв. ‘жёлтое золото’), 白银 *baiyin* ‘серебро’ (букв. ‘белое серебро’), 青草 *qingcao* ‘трава’ (букв. ‘зелёная трава’), и т. п. Признак 黄 *huang* ‘жёлтый’, 白 *bai* ‘белый’, 青 *qing* ‘зелёный’ совпадают с семантическими компонентами ‘желтизна’, ‘белизна’, ‘зелень’, присутствующими в сигнификациях морфем 金 *jin* ‘золото’, 银 *yin* ‘серебро’, 草 *cao* ‘трава’. В перечисленных двуслогах определение, выраженное прилагательным, указывает на реальный признак предмета. Он может быть также и условным: 老虎 *laohu* ‘тигр’ (букв. ‘старый тигр’), 麻雀 *maque* ‘воро-

бей’ (букв. «конопляный воробей»), 仙鹤 *xianhe* ‘журавль’ (букв. ‘мудрый журавль’), 喜鹊 *xique* ‘сорока’ (букв. ‘весёлая сорока’) и т.п. Определения, выраженные прилагательными при названиях животных, являются их постоянными эпитетами в соответствии с их свойствами по традиционному бестиарию. Очевидно, что цель этого вида семантического плеоназма состоит также и в том, чтобы реализовать в речи некоторый смысл в соответствующей ритмической форме. В двуслогах-гипонимах, состоящих из родового термина и видового определения, которое может быть выражено как именем, так и прилагательным, определение, выраженное прилагательным, также может быть как реальным, так и условным. В 白狐 *baihu* ‘песец’ (букв. ‘белая лисица’), 黑杨 *heiyang* ‘осокорь’ (букв. ‘чёрный тополь’), 红茶 *hongcha* ‘байховый чай’ (букв. ‘красный чай’) определение указывает реальное видовое отличие референта. Однако оно может указывать условное видовое отличие: 小麦 *xiaomai* ‘пшеница’ (букв. ‘малый злак’), 大麦 *damai* ‘ячмень’ (букв. ‘большой злак’), которое реально не имеет отношения к размеру самого злака.

В двуслогах глагольного управления повторение семантических компонентов управляющей глагольной морфемы и управляемой именной образуется с помощью так называемого «пустого объекта»: 说话 *shuohua* ‘говорить слова’, 吃饭 *chifan* ‘есть еду’, 唱歌 *changge* ‘петь песни’ и т.п. [18, 321-322].

Устойчивость количественных единиц китайского языка непосредственно связана с проблемами ритма. М.К. Румянцев экспериментально показал, что длительность слога китайского языка в связной речи примерно одинакова и не зависит от фонемного состава [11, 8-14]. Иначе говоря, слог типа 书 *shu* ‘книга’ и слог типа 顺 *shun* ‘благополучно’ длятся в речи примерно одинаковое время. Это делает слог удобной метрической единицей китайского языка. Традиционное стихосложение, основанное, несомненно, на некоторых достаточно глубоких ритмических законах китайского языка, знает следующие стихотворные размеры: четырёхсложный с цезурой после второго слога, т.е. (2+2), пятисложный с цезурой после второго слога, т.е. (2+3), семисложный с цезурой после третьего слога, т.е. (3+4). Иначе говоря, и здесь наблюдаются те же комбинации двуслогов,

трёхслогов и четырёхслогов, что и в разговорной речи. Отсюда следует, что речевой такт китайской речи наиболее естественно может быть разделён на две, три или четыре части.

Ритмическое членение текста неизбежно пересекается с его синтагматическим членением. Традиционное стихосложение считает правильным стих, представляющий собой определённое грамматическое единство — одну или несколько целых синтагм. Поэтому наиболее устойчивыми синтагматическими единицами в китайском языке оказываются такие, где синтагматическое и ритмическое членение совпадают. Каждый двуслог китайского языка представляет собой замкнутое целое, связанное определённой грамматической связью. Это тем более относится к трёхслогам и четырёхслогам.

Итак, двусложные слова современного китайского языка далеко несвободно сочетаются с односложными. Причиной является их различная ритмическая характеристика, а также и то, что односложная и двусложная лексика — это различные стилистические уровни китайского языка.

Ввиду того, что ритм играет существенную роль в китайском языке, китайское слово может принимать различные количественные формы в зависимости от требования ритма. Так, например, наряду с односложным 街 *jie* ‘улица’ существует также слово 街道 *jiedao* с тем же значением. Очень часто одно и то же смысловое содержание может быть передано как двумя слогами, так и четырьмя. Четырёхсложным сочетаниям 打扫街道 *dasao jiedao* ‘подметать улицу’, 编写剧本 *bianxie juben* ‘писать пьесу’, 保护森林 *baohu senlin* ‘охранять леса’, 环境保护 *huanjing baohu* ‘защита окружающей среды’ соответствуют двусложные 扫街 *sao jie,* 编剧 *bian ju*, 护林 *hu lin,* 环保 *huan bao* с тем же значением.

Однако не все четырёхслоги могут быть преобразованы в двуслоги и наоборот. В каждом случае эту возможность можно объяснить семантическими или ритмическими соображениями [16, 30—31].

В китайском языке речевой поток легко делится на отрезки из двух, трёх и четырёх слогов. Действительно, в речи можно встретить значительное количество синтагм,

состоящих из трёх слогов, однако устойчивые сочетания из трёх слогов встречаются неизмеримо реже, чем устойчивые сочетания из двух и четырёх. Трёхсложная терминология очень часто сокращается до двух слогов. Например, ещё 50 лет назад начальная школа называлась 小学校 *xiaoxuexiao*, средняя — 中学校 *zhongxuexiao*, высшее учебное заведение — 大学校 *daxuexiao*, однако в настоящее время они называются просто 小学 *xiaoxue* ‘начальная школа’, 中学 *zhongxue* ‘средняя школа’, 大学 *daxue* ‘университет’ [16, 31]. Более свежий пример: слово 飞机场 *feijichang* ‘аэропорт’ постепенно трансформировалось из трёхсложного слова в двусложное 机场 *jichang* ‘аэропорт’, и теперь употребляется преимущественно в виде двуслога. Причём здесь процессы вымещения морфемы 飞 *fei* ‘летать; летательный’ видимо были инспирированы дополнительными атрибутивными единицами, например: 国际机场 *gouji jichang* ‘международный аэропорт’, 民用机场 *minyong jichang* ‘гражданский аэропорт’, 军用机场 *junyong jichang* ‘военный аэропорт’. И видимо, потом слово ‘аэропорт’ и в исходной обособленной форме стало употребляться также без морфемы 飞 *fei*.

С другой стороны, пятисложные наименования очень часто сокращаются до четырёхсложных и затем до двусложных, например, названия должностей 外交部部长 *waijiaobu buzhang* ‘министр иностранных дел’, 总务处处长 *zongwuchu chuzhang* ‘начальник общего отдела’ были преобразованы до четырехслога 外交部长 *waijaobuzhang* ‘министр иностранных дел’ и 总务处长 *zongwuchuzhang* ‘начальник общего отдела’ [16, 31-32]. Интересно отметить, что название должности «министр иностранных дел» и далее подверглось трансформации, и теперь доведёно до двуслога 外长 *waizhang*, который на сегодняшний день и является единственной формой обозначения должности «министр иностранных дел» по крайней мере, в средствах массовой информации КНР.

Таким образом, наиболее устойчивыми количественными единицами китайского языка оказываются двуслоги и четырёхслоги. Это позволяет охарактеризовать ритм китайской речи в целом как двусложный, однако вместе с тем, очевидно, что её ритмом

управляют сложные законы [16, 32].

Китайская речь характеризуется определённым ритмом, который связан с её физическими основами и специально используется в эстетической функции. Ритм речи формируется и поддерживается соблюдением определённого числа слогов в лингвистических единицах разного уровня или чередования в некоторой последовательности ударных и безударных слогов, образующих высказывание или текст большего размера.

Как и в музыкальном ритме, в языковом ритме китайского языка различаются устойчивые и неустойчивые единицы. Основной ритмической единицей китайского языка является слог. Как единица речевого ритма она неустойчива и потому выступает в речи в сочетании с другими единицами. Слоговые морфемы объединяются в количественные единицы: двуслоги, трёхслоги, четырёхслоги, которые с точки зрения речевого ритма являются устойчивыми ритмическими единицами. Минимальной ритмически устойчивой количественной единицей китайского языка является двуслог. Количественные единицы старших уровней образуются с помощью сложения минимальных: неустойчивого однослога и устойчивого двуслога. Двуслоги, трёхслоги, четырёхслоги являются устойчивыми единицами речевого ритма [17, 16].

Обычно морфемы китайского языка группируются в количественные единицы, которые представляют собой просодическое, морфологическое и семантическое единство. Количественные единицы китайского языка непосредственно связаны с ритмом речи. Они представляют собой аналогию метрических единиц в музыке и стихосложении, где двуслог соответствует элементарному двудольному такту, трёхслог — трёхдольному такту, четырёхслог — фразе, т.е. сочетанию двух элементарных тактов. Эти количественные единицы представляют собой морфологический аналог слога на фонологическом уровне. Возможно, по случайному совпадению слог китайского языка содержит от одной до четырёх фонем, а традиционные ритмические единицы — от одного до четырёх слогов. Эти аналогии свидетельствуют об общемузыкальных принципах метрической организации ритма китайской речи.

В традиционной китайской поэзии, особенно в период Тан, когда стихотворный

жанр достиг расцвета, количество слогоморфем (иероглифов) в поэтических строках было строго детерминировано. Тяга к параллелизму в смысле наличия одинакового числа знаков в ритмических группах — одна из главных особенностей классических китайских текстов. Эти особенности обусловлены ритмической структурой языка, которая предполагает, что слогоморфема составляет наименьшую ритмическую единицу, равняющуюся одному такту.

В китайском языке правила ритма действуют не только в поэзии, но также и в обычной речи. В устной, непринуждённой речи ритмические правила сочетания слов выдерживаются не всегда, однако в письменной речи и, особенно при образовании устойчивых сочетаний, они выполняются достаточно строго. Ритмические правила китайской речи оказывают существенное влияние не только на количественные характеристики лингвистических единиц, но также и на способы семантического сочетания морфем, входящих в их состав [17, 22].

Минимальной количественной единицей китайского языка является двуслог или бином. Он представляет собой ту минимальную структурную единицу, где проявляются ритмико-акцентуационные, семантические и грамматические отношения между его морфемами. Количественные единицы старших уровней представляют собой сочетание двуслога с однослогом, двуслога с двуслогом и т.д. Количественные единицы, состоящие из более, чем четырёх слогов, встречаются редко. Обычно они представляют собой комбинации количественных единиц старших уровней из 5-8 слогов.

Важной особенностью синтактики морфем китайского языка в составе количественных единиц являются ритмические правила их сочетания. Смысл ритмических правил состоит в том, что количественная единица китайского языка предпочтительно вступает в синтагматические отношения с количественными единицами определённого ритмического размера. Так односложная морфема вступает в синтагматические отношения с односложной морфемой и тем самым образуется двуслог или бином. Двуслоги предпочтительно сочетаются с двуслогами. Таким образом, налицо тенденция к количественной симметрии грамматически связанных лингвистических единиц. В случае двуслогов и че-

тырёхслогов симметрия бывает полной, при сочетании односложной морфемы с двуслогом или двуслога с трёхслогом образуются асимметричные трёхсложные количественные единицы. При образовании количественных единиц ритмические правила столь же обязательны, как и синтаксические.

Важным следствием ритмических требований к количественным единицам китайского языка является то, что в зависимости от этих требований одна и та же референция может осуществляться в речи с помощью количественной единицы разного состава: однослога, двуслога и т.д.

Приведённые выше факты относительно количественных единиц китайского языка показывают, что одно и то же значение может быть передано единицами различного количественного уровня. Способность китайского слова к расширению и сокращению в зависимости от ритмических и стилистических требований обычно свойственна не только словам, состоящим из нескольких знаменательных морфем, но также и словам с суффиксами. Соответствующий пример встречаем в статье Б.А. Васильева и Ю.К. Щуцкого «Ритм и параллелизм в китайском языке»: «В Китае, при условиях старо-китайского образования, гаманистического и художественного в своей основе — изящество речи играло всегда громадную роль. Во всяком случае, это было так в образованных кругах, создававших изучаемый нами язык. А так как плоды китайской культуры имели достаточно времени, чтобы в известной мере проникнуть в самые широкие слои китайского народа, — то не удивительно, что в них проникло и чутьё параллелизма. Поэтому не удивительно также, что часто (гораздо чаще, чем у нас) китайские гончары создают парные, параллельные вазы, китайские каллиграфы и художники пишут парные панно (дуй-цзы) и даже рядовой китаец в повседневной речи прибегает к ритмическим приёмам. Однажды нам пришлось заметить, что энклитика 子 *zi* в таком бытовом слове, как 桌子 *zhuozi* ‘стол’ может присутствовать или отсутствовать в зависимости от ритма. В данном случае вопрос был поставлен: 这是什么桌子？ *zhe shi shenme zhuozi?* ‘это какой стол?’, а ответ был 这是一张书桌 *zhe shi yi zhang shu zhuo* ‘это (один) письменный стол’, где выпала в угоду

хорею энклитика. И тут же говоривший пользовался формой 书桌子 *shuzhuozi* ‘письменный стол’ с энклитикой, когда это допускал парный ритм слов: Он сказал: 书桌子上有纸 *shuzhuozi shang you zhi* ‘на письменном столе есть бумага’. То же чувство ритма и парности руководит китайцем, когда он говорит или 我的国家 *wo de guojia* ‘моя страна’ (где есть показатель 的 *de*), или — 我国 *wo guo* ‘моя страна’ (где в угоду парности пропущено 的)» [2, 568—569].

Данная особенность лексической системы китайского языка, заключающаяся в функционировании целого слоя лексических единиц в речи в виде двух форм (вариантов) — суффиксальной (преимущественно двусложной) и бессуффиксальной, неоднократно рассматривалась в работах синологов. Н.Н. Коротков называл чередующиеся единицы либо вариантами, либо лексическими вариантами [8]. В работах В.М. Солнцева вариативность односложных и двусложных единиц получила название «двойной формы существования слова». В.М. Солнцев писал: «Специфической для китайского языка является функция «морфологизации» уже существующих существительных. При обрастании таких существительных суффиксом образуется производное по форме (структуре) слово, чётко делимое на корень и аффикс: 刷 *shua* ‘щётка’ — 刷子 *shuazi* ‘щётка’, где 刷 *shua* — корень, а 子 *zi* — аффикс. При таком «обрастании» семантика слова часто не меняется. Семантически нового слова не возникает. Это дало основание говорить о двух формах существования слов в китайском языке. Две формы существования образуются не только за счёт аффиксов, но и за счёт словосложения с помощью таких компонентов, которые не меняют значения (или мало меняют значение) исходного односложного слова. Как правило, это синонимичные компоненты» [14, 209—210].

Проблемой двух форм слова в рамках слов с суффиксами занимается И.Б. Кульчицкая. Проанализировав данные по материалам Словаря современного китайского языка под редакцией проф. Курраиси, включающего 56 тыс. словарных статей, И.Б. Кульчицкая выявила, что Словарь Курраиси фиксирует 321 семантически тождественную пару однодвуслогов. Анализ словарей убедительно показывает, что в лексической системе китай-

ского языка достаточно широко распространено явление двойной формы существования слова. В случае, когда оба члена пары квалифицируются как слова, они могут рассматриваться как лексические варианты. Количество подобных пар в речи гораздо больше, чем зафиксировано в словарях [9, 45-47].

«Интересные соображения относительно суффикса 儿 *er* приводит китайский автор Чжан Нин. В отдельную группу Чжан Нин выделил, прежде всего, случаи, когда присоединение суффикса 儿 *er* не влечёт за собой никаких грамматических изменений и семантических сдвигов в новой единице. По его мнению, в этих случаях на выбор того или иного варианта слова оказывают влияние субъективное намерение говорящего, а также характерные черты стиля современного китайского языка. Заслуга автора в том, что он на своём материале показал, что в современном китайском языке действительно существует пласт слов, которые и в суффиксальной форме не различаются ни в грамматическом, ни в семантическом отношении, то есть являются, как их принято называть в отечественном китаеведении, двумя формами существования слова», цит. по [10, 105].

Как отмечает И.Б. Кульчицкая, явление «двух форм существования слов» довольно широко распространено в лексике современного китайского языка. Как показывает её исследование словаря под редакцией профессора Кураиси объёмом 10000 слов, в словаре имеется более 300 вариативных пар. Анализ материалов данного словаря, а также Китайско-русского словаря 1990 года показал, что выбор варианта определяется в большинстве случаев внутриязыковыми причинами. Исходя из проделанного анализа, Кульчицкая также отмечает, что в языке идёт процесс функциональной дифференциации членов вариативной пары бессуфиксальной и суффиксальной форм. Даже в рамках одного и того же контекста предпочтение отдаётся одной или другой форме. Например: в составе сложного слова 弯身 *wanshen* ‘изогнуться’ (букв. ‘изогнуть’ + ‘тело’) употребляется бессуфиксальная форма 身 *shen* ‘тело’, а в составе предложения 弯着身子收割 *wanzhe shenzi shouge* ‘наклонившись убирать урожай’ слово 身 *shen* ‘тело’ имеет суффиксальную форму [10, 105—107].

Се Хунхуа относительно закономерностей выбора односложных или двусложных вариантов слов говорит о термине 骈偶 *pin'ou* ‘симметричная спаренность’. Под этим явлением понимается явление тяготения однослога к однослогу и двуслога к двуслогу [37, 491]. Древний китайский язык являлся моносиллабическим, но базовые ритмические тенденции были направлены к двуслогу [27, 65—77]. В «Шицзине» в основе текста лежат четырёхсложные образования. Большинство фразеологизмов типа чэнъюй также имеют четырёхсложную структуру. И везде базовым тактом является двусложный такт. Се Хунхуа в качестве примера приводит слово 国 — 国家 *guo* — *guojia* ‘государство, страна’ в виде однослога и двуслога. Односложный вариант употребляется только в сочетании с односложными словами, а двусложный только с двуслогами:

А 此国 *ci guo* ‘это государство’, 国事 *guoshi* ‘государственные дела’, 国都 *guodu* ‘столица государства’, 国策 *guoce* ‘государственная политика’, 国有 *guoyou* ‘государственная собственность’.

Б 这个国家 *zhege guojia* ‘это государство’, 国家大事 *guojia dashi* ‘государственные дела’, 国家首都 *guojia shoudu* ‘столица государства’, 国家政策 *guojia zhengce* ‘государственная политика’, 国家所有 *guojia suoyou* ‘государственная собственность’.

Здесь в примерах группы **А** ни в коем случае нельзя употребить двусложный вариант слова ‘страна, государство’, и в примерах группы Б также нельзя двуслог заменить однослогом. Среди существительных эта закономерность весьма распространена. Однако и по другим частям речи правила ритма действуют также. В своей работе Ли Линьдин [28, 133—139] приводит немало примеров по глаголам:

А 种花 *zhong hua* ‘сажать цветы’, 种草 *zhong cao* ‘сажать травы’;

选课 *xuan ke* ‘выбирать учебный курс’; 浇花 *jiao hua* ‘поливать цветы’;

办案 *ban an* ‘вести дела (документы)’.

Б 种植花草 *zhongzhi huacao* ‘сажать цветы и травы’; 选择课程 *xuanze kecheng* ‘выбирать учебный курс’; 浇灌花木 *jiaoguan huamu* ‘поливать цветы’; 办理案件 *banli anjian*

‘вести дела (документы)’.

Некоторые ритмические двусложные и односложные синонимы могут редуплицироваться или дополняться для достижения ритмического соответствия:

А 稍等 *shao deng* ‘немножко подождать’, но не * 稍等候 *shaodenghou*

Б 稍稍等候 *shaoshao denghou* ‘немножко подождать’,

稍微等等 *shaowei dengdeng* ‘немножко подождать’,

* 稍稍 / 稍微等 *shaoshao / shaowei deng*.

Наречие 稍 *shao* ‘немного; чуть’ может сочетаться только с односложным глаголом, а его ритмические синонимы наречия 稍稍 *shaoshao* ‘немного; чуть’ и 稍微 *shaowei* ‘немного; чуть; слегка’ могут сочетаться только с двусложными глаголами или глагольными группами.

Однако правилам количественной симметрии подчиняются и трёхсложные слова и словосочетания. Здесь встаёт проблема выбора сочетания двуслога с однослогом и однослога с двуслогом. Если говорить о глагольно-объектных структурах или структурах глагола с дополнительным элементом, то здесь если дополнение двуслог, то глагол может быть как однослогом, так и двуслогом; если же дополнение однослог, то глагол может быть только однослогом. По крайней мере, при односложном дополнении очень редко встречаются двусложные глаголы. Рассмотрим примеры:

2+2	1+2	1+1
读报 – 阅读报纸	读报 – 读报纸	读报 – *阅读报
修车 – 修理汽车	修车 – 修汽车	修车 – *修理车
说清 – 说明清楚	说清 – 说清楚	说清 – *说明清
加上 – 添加上去	加上 – 加上去	加上 – *添加上

读报 *du bao* ‘читать газету’ — 阅读报纸 *yuedu baozhi* ‘читать газету’,

读报 du bao ‘читать газету’ — 读报纸 *du baozhi* ‘читать газету’,

读报 *du bao* ‘читать газету’ — * 阅读报 *yuedu bao*,

修车 *xiu che* ‘ремонтировать автомобиль’ — 修理汽车 *xiuli qiche* ‘ремонтировать автомобиль’,

修车 *xiu che* ‘ремонтировать автомобиль’ — 修汽车 *xiu qiche* ‘ремонтировать автомобиль’,

修车 *xiu che* ‘ремонтировать автомобиль’ — * 修理车 *xiuli che*,

说清 *shuoqing* ‘чётко объяснить’ — 说明清楚 *shuoming qingchu* ‘чётко объяснить’,

说清 *shuoqing* ‘чётко объяснить’ — 说清楚 *shuoqingchu* ‘чётко объяснить’,

说清 *shuoqing* ‘чётко объяснить’ — * 说明清 *shuomingqing,*

加上 *jiashang* ‘добавить’ — 添加上去 *tianjiashangqu* ‘добавить’,

加上 *jiashang* ‘добавить’ — 加上去 *jiashangqu* ‘добавить’,

加上 *jiashang* ‘добавить’ — * 添加上 *tianjiashang*.

В четырёхсложных ритмических группах структура в основном стандартная — это двуслог + двуслог. Это могут быть копулятивные связи, например, 科学文化 *kexue wenhua* ‘наука и культура’, 政治经济 *zhengzhi jingji* ‘политика и экономика’; могут быть атрибутивные связи: 悠久历史 *youjiu lishi* ‘длительная история’, 文化中心 *wenhua zhongxin* ‘культурный центр’; могут быть глагольно-объектные: 参加舞会 *canjia wuhui* ‘присутствовать на балу’, 整理房间 *zhengli fangjian* ‘наводить порядок в комнате’.

Есть также четырёхсложные ритмические группы, где структура построена из четырёх однослогов: 1+1+1+1, которую можно преобразовать в форму (1+1)+(1+1), например: 听说读写 *ting shuo du xie* ‘слушать, говорить, читать, писать’ (основные навыки при овладении языком), 东南西北 *dong nan xi bei* ‘юго-восток и северо-запад’, 笔墨纸砚 *bi mo zhi yan* ‘кисть, тушь, бумага, тешечница’ (четыре драгоценности рабочего кабинета), 东西南北 *dong xi nan bei* ‘восток, запад, юг, север’, 望闻问切 *wang wen wen qie* ‘осмотр, прослушивание, опрос, прощупывание пульса’ (четыре основных метода освидетельствования больного в китайской медицине). Это ритмически и семантически устойчивые соче-

тания, они вполне соответствуют нормам парной симметрии. Причём однородные и, казалось бы, равноправные компоненты здесь нельзя менять местами: их последовательность фиксирована в соответствии с устоявшимися традиционными воззрениями на статус и первостепенность обозначаемых референций и по принципу благозвучия.

Есть также ритмические структуры 2+(1+1), где в препозиции двуслог, а в постпозиции два однослога, и (1+1) +2, где в препозиции два однослога, а в постпозиции двуслог, например, 评判好坏 *pingpan hao huai* ‘давать оценку хорошему и плохому’, 新旧家具 *xin jiu jiaju* ‘новая и старая мебель’. Однако структуры типа 1+2+1 очень редки, так как они ритмически неустойчивы.

Таким образом, ритмические закономерности в китайском языке напрямую влияют на выбор ритмических количественно дифференцированных синонимов. Однако необходимо указать на то, что это влияние не абсолютно, к примеру, можно обнаружить лексические структуры типа 2+1: 整理书 *zhengli shu* ‘привести в порядок книги’.

V. Синтаксические факторы, влияющие на выбор РКДС

Влияют ли на состав китайского слова синтаксические факторы? На этот вопрос многими исследователями дан утвердительный ответ (см. [23, 24, 32, 33, 34, 35]).

И Н.Н. Коротков, и В.М. Солнцев выделили вопрос о синтаксических различиях односложных и двусложных членов пары [8; 14].

По мнению В.М. Солнцева, при образовании двусложной формы путём аффиксации, во-первых, сам суффикс семантически избыточен, и во-вторых, обе формы тождественны по значению, а различие слов проявляется в характере их синтаксического функционирования. В отличие от двусложных слов многие односложные в основном употребляются в синтаксически зависимых позициях, а ограничения в их употреблении создаются за счёт различных структурно-грамматических факторов.

Проанализированные учёными материалы позволяют ясно увидеть то, что синтаксические факторы влияют на выбор РКДС.

Однослоги и двуслоги в плане синтаксиса неравнозначны. Обнаружено, что двуслоги синтаксически вполне могут замещать однослоги, но однослоги не могут выполнить синтаксическую функцию двуслога. Поэтому синтаксическая активность двуслогов более многообразна. Например, односложные глаголы в основном выполняют синтаксическую функцию сказуемого, а их ритмические двусложные синонимы кроме функции сказуемого ещё могут выполнять функции подлежащего, дополнения и определения [37, 493].

Например, в следующих двух предложениях ритмические синонимы 考 *kao* и 考试 *kaoshi* ‘экзаменовать(ся), принимать участие в экзамене’ выполняют функцию глагольного сказуемого:

他们今天考。 *Tamen jintian kao.* ‘У них сегодня экзамен’ (букв. ‘Они сегодня экзаменуют(ся)’),

他们今天考试。 *Tamen jintian kaoshi.* ‘У них сегодня экзамен’ (букв. ‘Они сегодня экзаменуют(ся)’).

В следующих же предложениях слово 考试 *kaoshi* ‘экзамен’, транспонируясь в существительное, выступает соответственно в функциях подлежащего, дополнения и определения. Здесь слово 考试 *kaoshi* ‘экзамен’ не может быть заменено своим односложным ритмическим синонимом 考 *kao* ‘экзаменовать(ся)’, который не имеет способности транспонироваться в существительное. Как пишет Н.Н. Коротков «…одним из признаков, влияющих на грамматические свойства слова, является его характеристика с количественной стороны (квантитативная): одноморфемность (односложность) или двуморфемность (двусложность). Односложное слово с основным глагольным значением в свободных словосочетаниях может быть, за крайне редкими исключениями, всегда только глаголом, очень многие двусложные слова в равной мере имеют и глагольное и именное употребление» [8, 60].

这次考试很成功。 *Zhe ci kaoshi hen chenggong.* ‘Этот экзамен прошел успешно’;

大家都参加考试。 *Dajia dou canjia kaoshi.* ‘Все принимают участие в экзамене’;

考试科目很多。 *Kaoshi kemu hen duo.* ‘Дисциплин, по которым необходимо сдавать экзамен, очень много’.

Односложный глагол 考 *kao* ‘экзаменовать(ся)’ может выступить в функции определения, но тогда его необходимо дополнить служебной морфемой 的 *de*:

考的科目很多。 *Kao de kemu hen duo.* ‘Дисциплин, по которым необходимо сдавать экзамен, очень много’.

Из всего этого видно, что однослоги больше подвержены разного рода синтаксическим ограничениям. Двуслоги же больше обладают способностью к частеречной транспозиции, и поэтому они синтаксически более активны и сфера их употребления шире. В своих исследованиях Лю Юэхуа среди 244 глаголов, способных к транспозиции в существительное, обнаружила всего 7 односложных глаголов (摆 *bai* ‘ставить; класть’, 包 *bao* ‘завёртывать; упаковывать’, 病 *bing* ‘заболеть; болеть’, 刺 *ci* ‘колоть; жалить’, 点 *dian* 1.‘сверять’ 2.‘выбирать’ 3.‘капать’ 4.‘поставить (точку)’ 5.‘дотронуться’ 6.‘сажать (в лунки)’, 垛 *duo* ‘укладывать, складывать’, 堆 *dui* ‘наваливать, нагромождать’), остальные 237 глаголов двусложные, что составило более 97% [29, 103-105].

Ограничения выбора РКДС, связанные со способностью к сочетанию с другими словами

Односложные и двусложные ритмические синонимы показывают разные функциональные способности к сочетанию с другими словами. Здесь кроме ритмических факторов, о которых мы говорили выше, ещё обнаруживают себя факторы грамматические. Например, в словосочетаниях атрибутивной модели «прилагательное+существительное» атрибутивное прилагательное перед односложным или двусложным существительным в большинстве случаев односложное. Однако если между прилагательным и существительным употребить частицу 的 *de*, то чаще употребляется только двусложное прилагательное, схематически это можно изобразить так:

Прилаг. (однослог) + сущ. (однослог, двуслог)

Прилаг. (двуслог) + 的 *de*+сущ. (однослог, двуслог)

Рассмотрим примеры:

老屋, 老房子, 古老的房屋, * 老的屋

静夜, 安静的夜, 安静的夜晚, * 静的夜

老屋 *lao wu* ‘старый дом’ 老房子 *lao fangzi* ‘старый дом’ 古老的房屋 *gulao de fangwu* ‘стар(инн)ый дом’ * 老的屋 *lao de wu*

静夜 *jing ye* ‘тихая ночь’ 安静的夜 *anjing de ye* ‘тихая ночь’ 安静的夜晚 *anjing de yewan* ‘тихая ночь’ * 静的夜 *jing de ye*

В словосочетаниях атрибутивной модели типа «наречие+глагол» наречие, напрямую описывающее двусложный или односложный глагол может быть как двусложным, так и односложным, но если между ними употребить служебную частицу 地 *de*, то наречие должно быть обязательно двусложным. Схематично это можно изобразить так:

Наречие (одно-, двуслог) + глаг. (одно-двуслог)

Наречие (двуслог) + 地 *de* + глаг. (одно-двуслог)

Рассмотрим примеры:

细算	乱喊	快来
细心算，仔细算	杂乱喊	赶快来
细心地算，仔细地算	杂乱地喊	赶快地来
细心地计算，仔细地计算	乱地叫喊	赶快地回来
* 细地算	* 细地计算	* 乱地喊 * 乱地叫喊 * 快地来 * 快地回来

细算 *xi suan* ‘тщательно подсчитывать’,

细心算 *xixin suan*, 仔细算 *zixi suan* ‘тщательно подсчитывать’,

细心地算 *xixin de suan,* 仔细地算 *zixi de suan* ‘тщательно подсчитывать’,

细心地计算 *xixin de jisuan,* 仔细地计算 *zixi de jisuan* ‘тщательно подсчитывать’,

* 细地算 *xi de suan* * 细地计算 *xi de jisuan.*

乱喊 *luan han* ‘кричать всякий вздор’,

杂乱喊 *zaluan han* ‘кричать всякий вздор’,

杂乱地喊 *zaluan de han* ‘кричать всякий вздор’,

杂乱地叫喊 *zaluan de jiaohan* ‘кричать всякий вздор’,

* 乱地喊 *luan de han* * 乱地叫喊 *luan de jiaohan.*

快来 *kuai lai* ‘поскорее (срочно) приходи (приезжай)’,

赶快来 *gankuai lai* ‘поскорее (срочно) приходи (приезжай)’,

赶快地来 *gankuai de lai* ‘поскорее (срочно) приходи (приезжай)’,

赶快地回来 *gankuai de huilai* ‘поскорее (срочно) приходи (приезжай)’,

* 快地来 *kuai de lai* * 快地回来 *kuai de huilai*.

Наречия, способные в функции обстоятельства принимать служебную частицу 地 *de*, также обязательно должны быть двусложными. Для примера рассмотрим предложения с вариантами наречия 渐 *jian* ‘постепенно’ — 逐渐 *zhujian* ‘постепенно’:

天渐亮。*Tian jian liang.* ‘Светает’.

天逐渐地亮了。*Tian zhujian de liangle.* ‘Светает’.

* 天渐地亮了。*Tian jian de liangle.*

Во многих структурах типа «глагол1+来 *lai* ‘сюда’ глагол1+去 *qu* ‘туда’» всегда преимущественно употребляются односложные глаголы, и только в случае отсутствия у глагола односложной формы употребляется двусложный глагол. Здесь, конечно же, срабатывает закон экономии лингвистических средств языковой коммуникации.

Приведём примеры:

学来学去也学不会。*Xuelaixuequ ye xuebuhui.* ‘И так учил и этак учил, но так и не выучил’.

* 学习来学习去也学习不会。*Xuexilaixuexiqu ye xuexibuhui.*

找来找去也找不到。*Zhaolaizhaoqu ye zhaobudao.* ‘Искал и там и сям, да так и не нашёл’.

* 寻找来寻找去也寻找不到。*Xunzhaolaixunzhaoqu ye xunzhaobudao.*

研究来研究去也研究不出什么东西。*Yanjiulaiyanjiuqu ye yanjiubuchu shenme dongxi.* ‘Исследовал-исследовал, но так ничего и не получилось’.

Ещё один пример. Слово 除 *chu* ‘кроме’ синонимично слову 除了 *chule* ‘кроме; помимо; за исключением’, однако однослог 除 *chu* ‘кроме’ не может употребляться сам по себе, чтобы его употребить его необходимо совместить со словами 外 *wai* ‘помимо’ / 之外 *zhiwai* ‘кроме; сверх’ / 以外 *yiwai* ‘вне; помимо; кроме’ и тем самым сформировать рамочные конструкции типа «除. . . . . 外 / 之外 / 以外» “chu ……wai/zhiwai/yiwai” ‘кроме; помимо; за исключением’. Сравним:

除周末外，我都没有时间。 *Chu zhoumo wai, wo dou mei you shijian.* ‘Кроме как в конце недели, у меня больше времени нет’.

除了周末，我都没有时间。 *Chule zhoumo, wo dou mei you shijian.* ‘Кроме как в конце недели, у меня больше времени нет’.

* 除周末，我都没有时间。 *Chu zhoumo, wo dou mei you shijian.*

Как видно из примеров, в первом правильном предложении во вводной фразе ‘кроме как в конце недели’ присутствует ритм двуслога даже в «разорванном» варианте рамочной конструкции «除……外» *“chu ……wai”* ‘кроме’.

Влияние синтаксической позиции на выбор РКДС

Позиция слова в предложении также влияет на выбор ритмических синонимов. Например, отрицание перед глаголом существует в китайском языке в двух вариантах двусложном 没有 *meiyou* ‘не; нет’ и односложном 没 *mei* ‘не; нет’. Однако однослог 没 *mei* ‘не; нет’ не может употребляться обособленно в ответе на вопрос:

她去过中国没有？没有。 *Ta guguo Zhongguo meiyou? Meiyou.* ‘Она бывала в Китае? Нет’.

* 她去过中国没？ 没。 *Ta guguo Zhongguo meiyou? Mei.*

Предлог 对 *dui* — 对于 *duiyu* ‘для, к, в отношении’ также существует в двух вари-

антах — в двусложном и односложном, однако двусложный вариант этого предлога 对于 *duiyu* не употребляется после вспомогательных глаголов и после наречий [36], цит. по [37, 495]. Рассмотрим примеры:

我们会对此作出决定。 *Women hui dui ci zuochu jueding* ‘Относительно этого мы сможем принять решение’.

* 我们会对于此作出决定。 *Women hui duiyu ci zuochu jueding.*

大家都对这个问题很感兴趣。 *Dajia dou dui zhege wenti hen ganxingqu.* ‘Все очень интересуются этой проблемой’.

* 大家都对于这个问题很感兴趣。 *Dajia dou duiyu zhege wenti hen ganxingqu.*

Наречия, способные занимать позицию перед именным сказуемым и в начале предложения, а также наречия, которые способны принимать частицу 的 *de* и употребляться самостоятельно, в своём большинстве употребляются в своих двусложных вариантах.

К примеру, наречия 已 *yi* ‘уже’ / 已经 *yijing* ‘уже’, 恰 *qia* ‘как раз; кстати’ / 恰好 *qiahao* ‘как раз; кстати; в самый раз’ не могут употребляться в односложных своих вариантах 已 *yi,* 恰 *qia* перед именным сказуемым. А наречия 果 *guo* ‘в действительности; на самом деле’ / 果然 *guoran* ‘действительно; в самом деле’, 本 *ben* ‘сначала, первоначально’ / 本来 *benlai* ‘первоначально; вначале; в своё время’ не могут употребляться в односложных вариантах 果 *guo*, 本 *ben* в начале предложения.

已经星期三了。 *Yijing xingqisan le.* ‘Уже среда’.

* 已星期三了。 *Yi xingqisan le.*

你们八个人恰好一桌。 *Nimen bage ren qiahao yi zhuo.* ‘Вы восемь человек как раз (усядитесь за) один стол’.

*你们八个人恰一桌。 *Nimen bage ren qia yi zhuo.*

果然他准时到了。 *Guoran ta zhunshi daole*. ‘Он, в самом деле, прибыл вовремя’.

*果他准时到了。 *Guo ta zhunshi daole.*

本来我要出去。 *Benlai wo yao chuqu.* ‘Вообще-то я собирался уйти’.

*本我要出去。 *Ben wo yao chuqu.*

Из сорока наречий, способных оформлять сочетания числительных с классификаторами, которые проанализировали Лу Цзяньмин и Ма Чжэнь [30], только 8 наречий односложны (刚 *gang* ‘только что’, 只 *zhi* ‘только; лишь’, 仅 *jin* ‘только; лишь; всего лишь’, 就 *jiu* ‘сейчас; скоро; сразу’, 才 *cai* ‘только; лишь’, 都 *dou* ‘все’, 也 *ye* ‘тоже; также’, 共 *gong* ‘всего; итого’), остальные 32 наречия — двуслоги, что составило 80%, цит. по [37, 495].

К.В. Антонян в своей монографии «Морфология результативных конструкций в китайском языке» в разделе 1.7.2. «Приведение высказывания к некоторой количественно-ритмической норме» пишет: «Я. Прушек в работе, посвящённой глагольным видам в СКЯ, отмечает, что употребление видовых морфем (к ним Я. Прушек относит и частично десемантезированные дополнительные элементы) определяется не только необходимостью выражения некоторых семантических оттенков, но и необходимостью выполнения ими некоторых чисто конструктивных функций, в частности, необходимостью доведения односложного глагола до двусложного состава (например, в соответствии с требованиями ритмики)», цит. по [1, 49] . «Виды китайского языка представляют собой частный случай более общего феномена – распространения слов» [25], цит. по [1, 49—50]. Далее К.В. Антонян приводит интересные примеры употреблений дополнительных элементов, обусловленных чисто конструктивными причинами. Некоторые из них приведём и мы:

已过去的事我不提了，也不准你再提起！ *Yi guoqu de shi wo bu ti le, ye bu zhun ni zai tiqi!* ‘О прошлых делах я больше говорить не буду, и тебе не разрешаю о них заговаривать!’ [1, 50—51].

В первой части предложения глагол 提 *ti* ‘упоминать (о чём-либо)’ занимает неконечную позицию: после него стоит модальная частица 了 *le*, обозначающая изменение положения вещей; во второй части предложения 提 *ti* занимает конечную позицию, и это является причиной оформления его дополнительным элементом 起 *qi*. Если попробовать

опустить 起 *qi*, предложение будет восприниматься как незаконченное.

Примером употребления дополнительных элементов результата, обусловленных чисто конструктивными причинами, является их употребление в ba- и bei-предложениях.

Сказуемое в ba- и bei-предложениях не может выражаться неоформленным глаголом, за исключением глаголов результативной структуры или глаголов с суффиксом 化 *hua* (обозначающим превращение, ср. 绿化 *lühua* ‘озеленить’ от 绿 *lü* ‘зелёный’). Во всех остальных случаях либо перед глаголом должно быть обстоятельство, либо глагол должен иметь некоторое постпозитивное оформление. Это постпозитивное оформление может быть представлено показателями вида, косвенным дополнением, предложно-именными группами, а также дополнительными элементами (ДЭ), то есть ДЭ количества, ДЭ степени, ДЭ результата [1, 51]. Например, нельзя сказать: «Повесь одежду!» — в виде

*把衣服挂！ *Ba yifu gua!*

Глагол-сказуемое обязательно должен быть оформлен, ср.:

把衣服挂上！ *Ba yifu guashang!* ‘Повесь одежду!’ — или

把衣服挂到衣柜里！ *Ba yifu guadao yiguili!* ‘Повесь одежду в шкаф!’

Эти ограничения не случайны. Развитие результативной конструкции исторически связано с развитием ba- и bei-предложений.

В языке дуньхуанских бяньвэней (9-10 вв.) глагол-сказуемое в ba-предложении мог быть заключительным [6, 243] (цит. по [1, 51]); в эпоху Сун (960—1279 гг.), по свидетельству G.Kallgren [6, 246] (цит. по [1, 52]) постпозитивное оформление сказуемого в ba-предложениях уже является необходимым.

Таким образом, необходимость употребления дополнительного элемента результата может определяться не только семантическими, но и чисто конструктивными факторами (в данных случаях — необходимостью постпозитивного оформления глагола-сказуемого) [1, 52].

Из всего вышесказанного, очевидно, что синтаксическая позиция слова влияет на выбор его односложного или двусложного РКДС.

Ритмические закономерности на уровне синтаксиса и грамматики

Выходя за рамки темы настоящей статьи, хотелось бы упомянуть о том, что некоторые исследователи китайского языка искали объяснение и решение некоторых проблем китайского языкознания в сфере ритмических закономерностей. Это подтверждает то, что ритмические закономерности оказывают определённое влияние и на более высокие уровни китайского языка. Например, Н.Н. Коротков, исследуя природу словоизменительных форм китайского языка и грамматические категории, указывает на такие дополнительные экстравербальные факторы, как ритмо-мелодические условия. Н.Н. Коротков предлагает рассмотреть факторы, которые оказались релевантными при переходе китайского глагола из языка в речь. Есть возможность классифицировать эти факторы по различным признакам, противопоставляющим одни из них другим. Однако все эти деления перекрываются главным, принципиальным — разделением всех этих факторов на две области: факторы основные, базисные, не зависящие от воли говорящего (объективные), и факторы дополнительные, накладывающиеся на факторы основные и иногда преодолевающие их, ломающие их сопротивление. Главную роль здесь играет логико-смысловая значимость слова. К дополнительным факторам, видимо, придётся отнести и ритмо-мелодические условия, учёт которых отчасти допускает возможность выбора говорящим той или иной формы [8, 352—353].

На страницах своей монографии «Проблемы скрытой грамматики» Тань Аошуан [20], например, в седьмой главе «Временные операторы» при описании показателя 呢 *ne* пишет: «……следует обратить внимание на функцию частицы 呢 *ne*, связанную не с обязательным выражением её собственного значения, а с организацией ритмики языка. Она заполняет недостающий «такт», без которого предложение представляется грамматически неправильным. Например, пропозиция «Мы сейчас обсуждаем (этот вопрос)» допускает следующие варианты оформления предикации:

(1) 我们在讨论 *Women zai taolun*，

(2) 我们正在讨论 *Women zheng zai taolun*，

(3) 我们正在讨论着 *Women zheng zai taolunzhe*，

(4) 我们正在讨论着呢 *Women zheng zai taolunzhe ne*，

однако невозможно

(5) * 我们正讨论 *Women zheng taolun.*

Несмотря на то, что вариант (5) ничем не примечателен со смысловой точки зрения, данная ритмическая организация с учётом выделения предикативного слова 讨论 *taolun* ‘обсуждать’ нарушает норму языку. Сравните следующие выражения пропозиции «Он сейчас занят»:

(1) 他在忙 *Ta zai mang*，

(2) 他正在忙 *Ta zheng zai mang*，

(3) 他正忙着 *Ta zheng mangzhe*，

(4) 他正忙着呢 *Ta zheng mangzhe ne*，

(5) 他正在忙着呢 *Ta zhengzai mangzhe ne*，

при невозможности простого

(6) * 他正忙 *Ta zheng mang.*

Нам представляется, что вышеописанные требования уместны лишь при введении ситуации в поле зрения, а не при функционировании высказываний как частей других сообщений. При универсальной коммуникативной категории «сообщение» требуется полнота смысла, и введение показателя 正 *zheng* без показателя 在 *zai* или 呢 *ne* лишает сообщение законченности, что формально-ритмически выражается в отсутствии необходимых тактов» [20, 819].

Заметим, что, например, фраза ‘телефон абонента занят’ переводится на китайский язык в виде 用户正忙 *yonghu zheng mang*, где мы видим, что наличие двуслога 用户 *yonghu* ‘абонент’ устраняет необходимость сочетания показателя продолженного действия 正 *zheng* ‘именно в это время’ с показателем продолженного действия 在 *zai*. Употребление в этом примере одного показателя 正 *zheng* также обусловлено стилистически-

ми требованиями ритмики.

В этой же главе в разделе «Нетривиальные случаи употребления показателей 着 *zhe* и 在 *zai*» Тань Аошуан рассматривает группу примеров с 着 *zhe* и приходит к выводу, что ключ к некоторым употреблениям 着 *zhe* следует искать в сфере ритмической структуры языка, которая находится в тесном взаимодействии с его смысловой структурой.

В заключение своей монографии Тань Аошуан также пишет: «В тех случаях, когда у глагольных основ значение предела или результата уже выражено способом действия, направительные и результативные морфемы несут выделительную функцию. Их употребление мотивируется стилистическими или ритмическими требованиями» [20, 819].

Таким образом, можно сделать вывод, что важную роль в изолирующем строе, в котором основными единицами являются слогоморфемы, играет ритмическая структура речи, стремящаяся к симметричному распределению единиц по синтагмам (параллелизму). Здесь прослеживается явная тенденция к объединению слогоморфем в двусложные образования, составляющие элементарные ритмические единицы. Эта тенденция, ставшая уже правилом для словообразования, проникает и на синтаксический уровень, становясь не только фактором стилистики, но и зачастую грамматически обязательным правилом.

VI. Заключение

Таким образом, можно резюмировать, что китайская речь строится по законам ритма, согласно которым речевые такты в высказывании формируются из двух, трёх, четырёх односложных слов или многосложных слов, состоящих из соответствующего числа слогов [7, 22—24]. Эти законы распространяются и на многосложные лингвистические единицы, поэтому ритмические правила являются одной из важных основ их формирования. Многосложные единицы китайского языка обладают просодией, внутренней грамматической структурой и значением. Согласно ритмическим правилам, они обладают также количественной характеристикой, которую можно условно назвать односложно-

стью, двусложностью, трёхсложностью, четырёхсложностью. От количественной характеристики зависит, прежде всего, их просодия, но также и некоторые грамматические особенности.

По поводу возможного числа слогов в количественных единицах китайские лингвисты считают, что точка их насыщения достигнута в четырёхслоге [18, 319]. Дальнейшее увеличение числа слогов приводит к их просодической перегрузке и требует цезуры между компонентами. Таким образом, по общему мнению, основными количественными единицами китайского языка являются двуслоги, трёхслоги, четырёхслоги. Лексические единицы китайского языка чаще всего бывают двухслогами и трёхслогами. Фразеологические единицы обычно бывают четырёхсложными. Пословицы и поговорки, которые выступают в речи как фразеологические единицы, часто состоят из пяти, шести, семи слогов. В принципе, они построены по просодическим правилам поэтических строк. В связной речи они разделены цезурой на более простые речевые такты [18, 319].

По своим синтаксическим свойствам многосложные единицы могут быть как неделимыми словами, так и словосочетаниями, легко распадающимися на составные части [5, 44—49]. Именно это имел в виду А.А. Драгунов, когда говорил, что качественные единицы китайского языка — слова и словосочетания — базируются на количественных единицах: двухслогах, трёхслогах, четырёхслогах [5, 50]. Слово «базироваться» здесь следует понимать в том смысле, что слова и словосочетания китайского языка существуют лишь в форме количественных единиц и обладают их просодическими свойствами, которые зависят только от числа слогов.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что римическая организация китайского языка базируется на двуслогах. Это явление непосредственно связано с китайской культурной традицией — ханьцы с самого начала считали прекрасными парность и симметричность. Такая психологическая установка отразилась во многих сферах, например, в дворцовой и бытовой архитектуре (традиционный китайский дворик). Классическим образцом текстовой парности служат древние стихи. Словарь современного китайского языка свидетельствует о тенденции к бисиллабизации; многие однослоги классического

китайского языка распространяются в двуслоги. С другой стороны, современные многослоги сжимаются в двуслоги. Описанные распространение и сокращение, конечно, отчасти вызваны потребностями различения омонимов и необходимостью применения сокращений, но сам выбор двусложной формы никак нельзя считать случайным [19, 53-54].

Важным следствием ритмических требований к количественным единицам китайского языка является то, что в зависимости от этих требований одна и та же референция может осуществляться в речи с помощью количественной единицы разного состава: однослога, двуслога и т.д.

Таким образом, мы, проанализировав явление ритмической синонимии в китайском языке, приблизились к общему пониманию некоторых закономерностей формирования лексических единиц в потоке китайской речи. Можно сказать, что закономерности эти носят стабильный характер и обусловлены, прежде всего, факторами ритма, которые являются базовыми в создании потока китайской речи. В то же время существуют опосредованные факторы — стилистические, семантические, синтаксические, которые регулируют структуру этого ритмизованного потока китайской речи и соответственно структуру (количественно-слоговой состав) отдельных его элементов, то есть лексических единиц.

Список сокращений

РКДС — ритмические количественно дифференцированные синонимы

Литература

1. Антонян К.В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. М., 2003.

2. Васильев Б.А., Щуцкий Ю.К. Ритм и параллелизм в китайском языке // Петербургское востоковедение, вып.6. СПб., 1994.

3. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. М., 1979.

4. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. М., 1989.

5. Драгунов А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962.

6. Зограф И.Т. Среднекитайский язык. Становление и тенденции развития. М., 1979.

7. Касевич В.Б., Венцов А.В., Спешнев Н.А. О ритмической структуре китайского текста // Материалы научной конференции, посвящённой 50-летию образования КНР 27-28 октября 1999 г. СПб., 1999.

8. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.

9. Кульчицкая И.Б. Две формы существования слова в китайском языке // Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы VI Всероссийской конференции. Институт языкознания РАН. М., 1992.

10. Кульчицкая И.Б. Две формы существительных в современном китайском языке с точки зрения системы языка // Китайское языкознание. VIII Международная конференция. Материалы. Институт языкознания РАН. М.,1996.

11. Румянцев М.К. Тон и интонация в современном китайском языке. М., 1972.

12. Семенас А.Л. Формальные особенности словосложения в китайском языке //Языки Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Проблемы сложных слов. М., 1985.

13. Семенас А.Л. Лексика китайского языка. М., 2000.

14. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.,1995.

15. Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.

16. Софронов М.В. Китайский язык и китайское общество. М., 1979.

17. Софронов М.В. Введение в китайский язык. М., 1996.

18. Софронов М.В. Количественные и качественные единицы современного китайского языка // Китайское языкознание. Изолирующие языки. Материалы XII Международной конференции. Институт языкознания РАН. М., 2004.

19. Сунь Линь. О ритме в китайском языке // Вестник Московского университета, серия 13 «Востоковедение». М., 1997.

20. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики (синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя) на примере китайского языка, М., 2002.

21. Тараканова С.А. О значении термина «ляньмяньцзы» // Китайское языкознание. VIII Международная конференция. Материалы. Институт языкознания РАН. М., 1996.

22. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. М., 2003.

23. Alleton V. Le nombre de syllabes d un mot est-il pertinent en chinois contemporain? in *Cahiers de Linguistique Asie Orientale*. Volume 23. Paris, 1994.

24. Peyraube A. Les constructions locatives en chinois moderne, Hongkong: Langages Croises, 1980.

25. Prushek J. Quelques remarques sur les aspects en Chinois // Archiv Orientalni. 1950. Vol. 18, № 1-2.

26. Chang Jingyu. Hanyu cihui yu wenhua. Beijing daxue chubanshe, 2000. [常敬宇《汉语词汇与文化》，北京大学出版社，2000] (Чан Цзинъюй. Лексика китайского языка и китайская культура. Издательство Пекинского университета, 2000).

27. Chen Jianmin. Hanyu kouyu. Beijing, 1984 [陈建民 《汉语口语》，北京，1984] (Чэнь Цзяньминь. Разговорный китайский язык. Пекин, 1984).

28. Li Linding. Danshuang jie dongci he shuang yinjie dongci // Xiandai hanyu dongci. Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1990. [李临定《单双节动词和双音节动词》，见 《现代汉语动词》， 中国社会科学出版社，1990] (Ли Линьдин. Глаголы, существующие в односложной и двусложной формах и двусложные глаголы // Глаголы современного китайского языка. Китайское общественно-научное издательство, 1990).

29. Liu Yuehua. Shiyong xiandai hanyu yufa. Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe, 1983. [刘月华《实用现代汉语语法》，外语教学与研究出版社, 1983] (Лю Юэхуа. Практическая грамматика современного китайского языка. Издательство по преподаванию и изучению иностранных языков, 1983).

30. Lu Jianming, Ma Zhen. Xiushi shuliangci de fuci. Beijing, 1985. [陆俭明，马真《修饰数量词的副词》, 北京，1985] (Лу Цзяньмин, Ма Чжэнь. Наречия, оформляющие счётные слова. Пекин, 1985).

31. Ma Zhen. Xian qin fuyinci chutan // Beijing daxue bai nian guoxue wencui, yuyan wenxianjuan, Beijing daxue Zhongguo chuantong wenhua yanjiu zhongxin bian, Beijing daxue chubanshe, 1998. [马真 《先秦复音词初探》，见 北京大学百年国学文粹·语言文献卷，北京大学中国传统文化研究中心编，北京大学出版社, 1998]。(Ма Чжэнь. Предварительное исследование многосложных слов Доциньской эпохи // Альманах Пекинского университета «Сто лет китайской синологии», материалы по языку, составлено Исследовательским центром по традиционной китайской культуре Пекинского университета. Издательство Пекинского университета, 1998).

32. Zhang Guoxian. Dong+ming jiegou zhong danshuang yinjie dongzuo dongci gongneng chayi chutan. // Zhongguo yuwen. Di 3 qi. 1989. [张国宪 《“动+名”结构中单双音节动作动词功能差异初探》，见 《中国语文》第 3 期, 1989] (Чжан Госянь. Предварительное исследование функциональных различий глаголов действия глагольно-объектного типа связи элементов в форме однослога и в форме двуслога // Китайский язык. Третий выпуск. 1989).

33. Zhang Guoxian. Danshuang yinjie dongzuo dongci de gongneng chayi. // Dongci yanjiu. Hu Yushu, Fan Xiao zhubian. Henan daxue chubanshe, 1995. [张国宪, 《单双音节动作动词的功能差异》，见 《动词研究》 胡裕树，范晓主编，河南大学出版社, 1995] (Чжан Госянь. Функциональные различия между глаголами действия в форме однослога и в форме двуслога // Исследования по глаголам. Под редакцией Ху Юйшу, Фань Сяо. Издательство Хэнаньского университета. 1995).

34. Zhang Guoxian. Danshuang yinjie xingrongci de xuanzexing chayi. // Hanyu xuexi. Di 3 qi. 1996. [张国宪 《单双音节形容词的选择性差异》，见《汉语学习》 第 3 期, 1996] (Чжан Госянь. Различия выбора прилагательных в форме однослога и в форме двуслога // Изучение китайского языка. Третий выпуск. 1996).

35. Zhu Dexi. Xiandai hanyu xingrongci yanjiu. Beijing shangwu yinshuguan. 1956. [朱德熙 《现代汉语形容词研究》，北京商务印书馆，1956] (Чжу Дэси. Исследование прилагательных современного китайского языка. Издательство Шанъу иньшугуань. 1956).

36. Xie Honghua. Fuci: dan yinjie haishi shuang yinjie? Di yi jie Ouzhou Zhongguo yuyanxue taolunhui lunwen. 1999. [谢红华 《副词：单音节还是双音节？》 第一届欧洲中国语言学讨论会论文, 1999]。(Се Хунхуа. Наречие: Однослог или двуслог? // Первый Европейский симпозиум по китайскому языкознанию. Материалы. 1999).

37. Xie Honghua. Xiandai hanyu dan shuang yinjie tongyici xuanze de xianzhi yinsu // Di liu jie guoji hanyu jiaoxue taolunhui lunwenxuan. Beijing daxue chubanshe. 2000. [谢红华《现代汉语单双音节同义词选择的限制因素》 第六届国际汉语教学讨论会论文选，北京大学出版社，2000] (Се Хунхуа. Факторы, ограничивающие выбор односложных и двусложных синонимов современного китайского языка. // Шестой Международный симпозиум по преподаванию китайского языка. Избранные статьи. Издательство Пекинского университета. 2000).

М.В. Дьячков (Институт языкознания РАН)

M.V. Diachkov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Местные языки в школьном образовании ЮАР

Local Languages in RAS Secondary Education

Аннотация

Рассматривается роль и значение местных языков в школьном образовании в ЮАР. Отмечается, что в полиэтнических и многоязычных странах, таких как ЮАР, использование местных языков в образовании приобретает особое значение.

The significance of local languages in RSA secondary education has been considered. It has been noted that the role and significance of local languages in education in polyethnic and multilingual countries, such as RSA, is of primary importance.

Ключевые слова

Образование, местный язык, официальный язык, вариант языка, родной язык, учитель, ученик, этносы, этнические культуры

Education, local language, official language, version of language, mother tongue, teacher, student, ethnicities, ethnic cultures

В 1994 году ко времени устранения системы апартеида население ЮАР в целом составляло 47,4 млн человек. По этническому принципу они делились на:

южноафриканцев европейского происхождения (англичан, нидерландцев, французов) — более 10%,

местных небелых южноафриканцев (банту, кои, сан) — 79%,

цветных (смешанный этнос местных этносов и белых, а также местных этносов) — 9%,

индийцев (выходцев из различных частей Индии) — 2%.

По статистическим данным 1992 года, англоязычное население страны составляло 3,45 млн человек и распределялось следующим образом:

англичане — 1, 71 млн

цветные (coloureds) — 0,58 млн

индийцы — 0,97 млн

По утверждению ряда исследователей. Всего в ЮАР насчитывается по меньшей мере 35 языков [4]. Таким образом видно, что ЮАР относится к наиболее полиэтничным и многоязычным странам мира.

По Конституции, принятой в 1996 году, одиннадцать языков, функционирующих в стране, признаются официальными [6]. К ним относятся, помимо английского и африкаанса, следующие (в порядке убывания числа носителей):

исизулу — 8,5 млн

исикоса — 6,4 млн

африкаанс — 5,8 млн

сепеди — 5,6 млн

английский — 3,5 млн

сетсвана — 2,8 млн

сесото — 2,6 млн

ситсонга — 1,6 млн

сисвати — 0,98 млн

тсивенда — 0,8 млн

исиндебеле — 0,7 млн [6].

Несмотря на юридически равный статус, эти языки обладают различным социальным статусом и функциональностью, даже в пределах проживания своих носителей.

В Законе о школах (SASA), принятом в 1996 году провозглашено демократическое преобразование школьной системы, которое предусматривает, в частности, возможность использования национальных языков в школьном обучении. Однако положение осложняется тем, что далеко не на всех официальных языках имеются учебные пособия и

книги для чтения, что препятствует полноценному использованию этих языков в школе. На практике обучение в большинстве школ после четвертого класса ведется на английском языке при вспомогательном использовании родного языка учащихся, а зачастую и без использования родного языка [7].

В ряде школ, которые в период апартеида официально назывались школами для цветных, обучение ведется на языке африкаанс, который является родным для значительного числа цветных (coloureds). Возможность введения стандартных систем письменности на многих местных африканских языках, издание на них литературы и использование их в системе образования рассматривается только в долгосрочной перспективе при наличии «устойчивой политической воли», которая в настоящее время не наблюдается.

Учителям рекомендуется в процессе занятий осуществлять в классе социализацию, т. е. знакомить учащихся с ценностью и значением их языков и культур, о которых у них зачастую имеется далеко не положительное представление. Однако, как осуществлять такую социализацию, которая требуется в инструкциях, без учебных пособий и книг для чтения ничего не говорится. Представляется, что в настоящее время такое требование имеет скорее декларативный, чем практический характер.

Несмотря на то, что, как уже было сказано, в качестве языка обучения в школах в большинстве случаев используется английский язык, далеко не все ученики, а иногда и учителя, владеют им в достаточной степени. В целом английский язык представлен в ЮАР на различных уровнях и в различных вариантах. Описанию этих вариантов посвящена обширная литература, как зарубежная, так и российская, защищено несколько диссертаций.

С самого начала появления англичан в Южной Африке английский язык не был однородным. В самом начале преобладали южноанглийские диалекты, затем в 1820 г. в Кейп прибыло пять тысяч поселенцев, в основном носителей северных диалектов. Это положило начало формированию южноафриканского варианта английского языка, которое продолжается вплоть до настоящего времени.

Многие английские семьи стремятся сохранить и использовать стандартный английский язык в качестве одного из элементов семейных традиций, как своего рода признак этнической принадлежности, которой следует гордиться и которую необходимо сохранять. Совершенно иная ситуация наблюдается среди индийского населения, подавляющее большинство которого использует варианты английского языка как родного с сильными отклонениями от стандарта. Многие представители африканских этносов используют английский язык в качестве языка межэтнического общения, причем эти варианты существенно отличаются от стандарта. В южноафриканской англоязычной литературе и прессе наблюдается тенденция к использованию следующих грамматических особенностей [1; 2; 3]:

— использование глагольной формы Present Perfect при отнесении действий или событий к прошлому: (а) *In the late 1990s no one has forced him to account for his money* [5; 17.08.2013]. В конце 1990-х никто не заставлял его отчитываться за свои деньги. (б) *In the past years the authorities have not accused him of stagnation* (Capetowner, 17.08.2013). В прошедшие годы власти не обвиняли его в стагнации.

— несоблюдение правила согласования времен: *If he knew what has happened, he never came there* (Brink A. A Dry White Season. N.Y. 2006. P. 213).

— использование глагольной формы Past Perfect для подчеркивания и выделения какого-либо действия: *He offered his hand, but Jarvis had sat down again and not seen it* (Paton A. Cry, The Beloved Country. London. 2002. P. 116). Он протянул руку, но Джарвис все же сел опять и вовсе не видел этого.

— многие южноафриканские писатели (А. Патон, А. Бринк, Й. Кутсее, З. Мда) в повествовании широко используют времена настоящего при отнесении действий и событий к прошлому. Последнее скорее всего является заимствованием из языка африкаанс, в котором простое прошедшее время фактически отсутствует.

Приведено лишь некоторое число примеров подобных грамматических отклонений, которые носят не случайный, а систематический характер, и позволяют говорить о

возможной тенденции к формированию местного варианта английского языка прессы и художественной литературы.

Дальнейшая судьба общего южноафриканского варианта представляется весьма неясной. Во-первых, каждая этническая группа (индийцы, цветные, народы кои и сан) имеют свои вариантные особенности. Во-вторых, складывается вариант, используемый в англоязычной художественной литературе, в прессе, да и в разговорной речи. В-третьих, целый ряд представителей англоязычного этноса никогда не откажутся от своих языковых традиций и предпочтений, что может привести к закреплению в будущем параллельно нескольких стандартных вариантов английского языка.

Что касается языка африкаанс, его возникновение можно отнести в середине 18-го века, когда многие представители этносов кои и сан, стремясь овладеть устным нидерландским языком, создавали своеобразные варианты нидерландского языка, включая и пиджинизированный вариант. С течением времени для многих кои и сан этот вариант стал родным языком. Африканеры также использовали своеобразные варианты стандартного языка. Отделение языка африкаанс от нидерландского можно отнести к 1750—1775 гг. Изначально, с самого первого момента его формирования, африканеры находились в состоянии противостояния или даже враждебности к носителям английского языка.

В 1925 году африкаанс был признан вторым после английского официальным языком Южной Африки вместо нидерландского. С 1961 года африкаанс стал обязательным языком обучения в провинции Наталь [9].

В период апартеида африкаанс занимал ведущую позицию в стране, в настоящее время занимает положение одного из местных языков. Африканеры считали и продолжают считать, что широкое использование английского языка ущемляет их язык и культуру. Многие африканеры опасались и продолжают опасаться, что африкаанс, подобно другим местным языкам, даже тем, которые признаны официальными, будет вообще исключен из системы образования [9].

В настоящее время страна не готова и не готовится к всеобщему двуязычию английский-африкаанс, несмотря на то, что эти два языка занимают в стране преобладаю-

щее положение. В настоящее время у части населения страны наблюдается эмоционально отрицательное отношение, с одной стороны, к английскому языку (как бы ущемляющему родной язык), а, с другой стороны, к местным языкам (как бы стоящим на пути функционирования английского). В связи с этим представляет интерес реплика известного профессора и переводчика Леона де Кука (Leon de Koek), иронически заметившего, что «английский язык презирается всеми добропорядочными африканерами» [5; 24.06.2011].

Поскольку в большинстве школ в ЮАР преподавание ведется на английском языке, возникают ситуации, когда учитель владеет нестандартным вариантом английского языка и использует его в процессе преподавания, а ученики достаточно слабо владеют английским языком. Процесс обучения в этом случае существенно затрудняется, а зачастую становится малоэффективным или совсем неэффективным, поскольку значительной частью учеников материал не воспринимается.

Инструкциями Министерства образования предусмотрено создание для учеников, слабо владеющих английским языком, специальных классов или групп, обучение в которых ведется по специально разработанной программе «Основы навыков межличностного общения» («Basic Interpersonal Communication Skills — BICS») [8]. Однако, анализ, проводимый Министерством образования, указывает на ограниченную эффективность данной программы, поскольку она практически сосредоточена на получени навыков межличностного общения, что далеко не всегда способствует усвоению учебного материала по различным предметам.

В южноафриканской системе образования теоретически признается необходимость использования в школьной практике и школьной жизни родных языков учащихся. В школах создаются языковые группы, в которых ученикам разъясняют не усвоенный на уроках материал на родном языке. При общении с учениками, слабо владеющими или не владеющими английским языком, учитель должен или владеть языком или языками своих учеников (поскольку в одном классе могут присутствовать разноязычные ученики) или, по крайней мере, иметь об этих языках достаточное представление. В ином случае

учитель выглядит беспомощным и в ряде ситуаций утрачивает авторитет у своих учеников. Между тем на практике это условие выполняется далеко не всегда и не полностью.

Различия в культурах проявляются у учеников даже в манере обращения к учителю. В некоторых культурах предусматривается вежливое обращение «брат», «сестра», «дядя». «тетя», для других такие обращения совершенно неприемлемы. Вместо этого используются «господин», «госпожа», «доктор», «профессор». Причем как одни, так и другие несут одинаковую семантическую нагрузку и ни в коем случае не должны озадачивать учителя.

Дети и молодые люди, независимо от своей этноязыковой принадлежности, достаточно чувствительно относятся к произнесению своих имен и фамилий. Причем некоторые имена и фамилии несут ярко выраженную семантическую окраску, причем зачастую она становится предметом гордости носителя. Учитель, независимо от степени владения конкретным языком, должен произносить их правильно и без запинки. Ненамеренное искажение имен и фамилий, затруднение в их произнесении вызывают у учеников смех, а учитель в значительной степени теряет в их глазах свой авторитет.

Идея межкультурного образования в стране еще далека от своей реализации. До сих пор многие представители местных этносов страны не владеют языками друг друга, включая язык соседствующего с ними этноса, не знакомы с культурными традициями своих близких и дальних соседей.

Последствия принятого в 1993 году в период апартеида Закона об образовании народов банту (Bantu Education Act) не устранены до сих пор. В соответствии с этим Законом система образования банту была полностью отделена от системы образования белого населения и, по сравнению с ней, была значительно ограничена в объеме. Многие белые и небелые учителя получили образование и воспитывались в период апартеида, а, следовательно, полностью не устранили в своем мышлении и манере поведения расовые предрассудки. Многие небелые учителя обладают ограниченной профессиональной подготовкой и недостаточным объемом знаний. Многие школы, расположенные в небелых регионах страны, очень плохо оборудованы: в 35% не имеется телефонной связи, в 41,8%

электричества не имеется вообще, а в 70% не имеется компьютеров [8]. О каком же качественном преподавании языков может в этом случае идти речь?

В целом в школах ЮАР в настоящее время ощущается нехватка квалифицированных учителей. В мае 2008 года из общего числа учительских должностей в стране (433280) вакантными были 62616, а 31949 были заняты временными преподавателями, зачастую образованными родителями самих учеников. Для устранения такого положения предпринимаются определенные шаги, создаются курсы повышения квалификации учителей без отрыва от работы, передаются специализированные радио- и телепрограммы. Однако, вполне понятно, что при таком огромном дефиците учителей и недостаточном финансировании эта работа осуществляется достаточно медленно.

В школах имеется ограниченное число новых общепризнанных учебников и учебных пособий. Целый ряд учебников был издан еще в период апартеида, но используется до сих пор. Особенно неблагополучна ситуация с учебными пособиями по местным языкам (даже по официальным). Учебные пособия по языкам в соответствии с современными методиками, даже для английского и африкаанса, не только не изданы, но даже и не написаны. Для некоторых языков грамматики и словари были составлены еще в 18-м веке христианскими миссионерами, однако они не соответствуют современным стандартам и требованиям.

В Кейптаунском университете, например, преподавание даже английского языка как неродного ведется на практическом уровне, изучению грамматики как таковой внимания не уделяется. Причем, принимая во внимание функционирование в стране вариантов английского языка, изучение стандартной грамматики представляется совершенно необходимым. По мнению автора, российские педагоги и лингвисты могли бы при желании оказать южноафриканским коллегам существенную помощь в написании учебных пособий по различным языкам, равно как и в стандартизации местного варианта английского языка.

Документы Министерства образования предусматривают, что учитель должен самостоятельно подбирать материалы и знакомить учеников с языками и культурами одно-

классников. С одной стороны, это повышает роль и ответственность учителя, но одновременно пускает образование на самотек без четких и недвусмысленных установок, которые в ряде ситуаций представляются необходимыми. В соответствии с установками Министерства, система образования в ЮАР в большой степени децентрализована. В каждой провинции имеется свой департамент образования, который осуществляет общее руководство в сфере образования в данной провинции. Значительные права в составлении учебных планов и программ для данной школы предоставляются школьному совету, в который входят как учителя, так и родители. В какой-то степени это является реакцией на сверхцентрализованную систему образования при апартеиде. Такая система открывает возможность перед департаментами образования провинций самостоятельно решать вопрос о роли и месте местного языка или языков в образовании в данной провинции. К сожалению, пока что провинции данную возможность эффективно не используют.

Профессиональная подготовка учителей, как уже говорилось, зачастую оставляет желать лучшего. Причем речь идет не только о чисто профессиональной подготовке, но и об этическом настрое. До сих пор не удается обеспечить того, чтобы все учителя были этнически нейтральными, т. е. одинаково относились к ученикам, представляющим различные этносы страны, чтобы они понимали местные языки и были знакомы с различными этническими традициями населения. Только в этом случае станет возможным обеспечить соответствующую роль местных языков в системе школьного образования.

Вполне понятно, что для достижения этих целей потребуется значительное время и значительные финансовые ассигнования.

Литература

1. Балабай Е.В. Особенности словообразования в южноафриканском варианте английского языка. Дисс. … канд. филол. наук. М., 2007.

2. Дьячков М.В. Синтаксические особенности южноафриканского английского языка // Общественные науки, № 2. 2012.

3. Хохлова И.Н. Характеристика южноафриканского лексического компонента в современном английском и русском языках. Дисс. … канд. филол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2008.

4. Booyse J.J., Le Roux C.S., Seroto J., Wolhuter C.C. A History of Schooling in South Africa. Pretoria, 2016.

5. Cape Times.

6. Constitution of the Republic of South Africa. Cape Town, 2007.

7. Lemmer E.M., Meier C., Van Wyk N.J. Multicultural Education – a Manual for the South African Teacher. Pretoria, 2016.

8. Meier D. Coping with Diversity in Disintegrated Schools in South Africa. In: Transferring the South African Experience. NY, 2002.

9. Mesthrie R. Language in South Africa. Vol. 1, 2. Cambridge, 2005.

А.К. Зотова (Институт языкознания РАН)

A.K. Zotova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Специализированные электронные ресурсы: терминосистема базы данных «Языки мира» и проблемы разработки русско-английского синонимического терминологического указателя

Specialised e-resources: the terminological system of the "Languages of the world" database and the problems of the Russian-English synonymic terminological index

Аннотация

В статье описываются исследования лингвотипологической базы данных «Языки мира», созданной в ИЯз РАН. Основное внимание уделяется проекту русско-английского синонимического терминологического указателя, работа над которым включает сбор обширного фактического материала и тщательный анализ терминосистемы базы данных. Проект может представлять интерес для специалистов в области сравнительно-исторического языкознания, прикладной лексикографии и служить источником лингвистической терминологии, в том числе для дидактических целей.

The paper outlines a series of studies on the linguistic typological database "Languages of the world" (DB) developed in the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences. Special attention is paid to the project of the DB's Russian-English synonymic terminological index. The project involves a large number of empirical data collection as well as the DB's terminological system thorough analysis. The research could be of interest for comparative linguists, applied lexicographers and serve as a source of linguistic terminology for didactics purposes.

Ключевые слова

База данных, лингвистическая терминология, лингводидактика, терминосистема, языки мира

Database, linguistic terminology, language pedagogy, terminological system, languages of the world

Цель статьи — представить основные направления исследований на материале лингвотипологической базы данных (БД) «Языки мира», проводимых в секторе прикладной лингвистики Института языкознания РАН. База данных «Языки мира» разрабатывается в Институте языкознания на протяжении ряда лет [1; 2; 7; 8]. База включает в себя формализованные и структурированные описания языков мира в виде специально разработанных универсальных моделей (т.н. *рефератов)* и основана на издаваемой в Институте языкознания РАН энциклопедии «Языки мира».

На этапе практической реализации Интернет-версии БД актуальным становится вопрос о справочном аппарате, а именно об указателях к ней. Как известно, БД «Языки мира» разрабатывалась в Институте языкознания РАН на основе оригинальных статей, написанных авторами для Энциклопедии «Языки мира». Таким образом, оба источника представляют собой результаты исследований нескольких поколений лингвистов. Помимо ценности содержащейся в них фактической информации, эти исследования иллюстрируют широкую палитру школ, направлений и традиций описания языков — тюркологии, германистики, славистики и др. Этот тип информации представляет значительный самостоятельный, в том числе и исторический интерес.

За годы своего существования БД претерпела несколько этапов усовершенствования, связанных главным образом с использованием ее в качестве специализированного электронного ресурса и адаптацией к возможностям Интернета. Объем и исходный вид содержательной информации статей энциклопедии «Языки мира» подвергался поэтапной обработке. В результате были получены два варианта модели реферата, отличающиеся как от первоначальной схемы, так и друг от друга. Вариант 1 — переходный от текста статей Энциклопедии с сохранением полного формата типовой схемы описания языков (но с измененными и/или сокращенными названиями позиций), и вариант 2 — оконча-

тельный вид модели реферата в Интернет-версии БД, сокращенный за счет таких позиций как:

1.1.0. СОКРАЩЕННОЕ НАЗВАНИЕ ЯЗЫКА

1.1.1. ВАРИАНТЫ НАЗВАНИЯ

1.1.2. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

1.1.3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ

1.2.1. ДИАЛЕКТНЫЙ СОСТАВ

1.3.1. СТАТУС ЯЗЫКА

1.3.2. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

1.3.3. ПРЕПОДАВАНИЕ

1.4.0. ПИСЬМО

1.5.0. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

1.6.0. ВНУТРИСТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИЗ-ЗА КОНТАКТОВ.

Одновременно с работой по совершенствованию БД, она используется в качестве материала для сравнительно-исторических, типологических и прикладных исследований. В частности, сотрудниками сектора прикладной лингвистики исследовались формально совпадающие классы явлений (универсалии, фреквенталии, раритарии и уникалии) в семьях и группах языков (германских, романских, славянских). Затем был проанализирован потенциал БД на предмет получения сведений об исторических и диахронических изменениях на материале славянских языков [3; 4]. Важно отметить, что эти исследования принципиально отличаются от квантитативных компьютерных экспериментов, в которых БД рассматривается как корпус описаний, позволяющий производить масштабные расчеты математического или статистического характера [6].

Поиск форм представления исторической и диахронической информации показал, что необходима тщательная экспертиза как формата представления, так и фрагментов содержания БД. Были проанализированы источники неточностей и ошибок, связанные с адаптацией описания явлений и признаков, имеющихся в Энциклопедии, к требованиям реферата и затем модели реферата в его окончательном виде. Требования унифицирован-

ного описания приводят к заданной в модели реферата формальной классификации и искусственному отнесению признаков к той или иной позиции, что в ряде случаев препятствует адекватному представлению информации. Универсальная ориентация схемы модели определяет ее основное направление — от общего к частному. Однако эксперименты показали, что при этом некоторые специфические и/или редкие, но интересные и значимые с точки зрения как синхронии, так и диахронии явления оказываются не представленными или представленными в неявном виде, а их поиск затруднен или невозможен. Так, например, такое существенное определение, как *вокалический строй*, отражающее специфику славянских языков на ранних этапах их формирования в отличие от *консонантного строя,* развившегося на его основе в более поздних славянских языках, не находит своего выражения в модели реферата, т.к. соответствующие термины отсутствуют. Косвенно сведения об особенностях вокалического и консонантного строя славянских языков можно было бы получить по позициям о типах письменности, языковых контактах и др., но эти позиции в окончательную версию реферата не включены.

Другой пример, связанный с терминологией, локализацией данных и принципами классификации, заложенными в основу модели реферата, — термины *акут* и *циркумфлекс*. Эти термины крайне важны для описания эволюции славянских и ряда других языков. Специфика обозначаемых ими явлений (сложный вид тона и ударения) указывает на связь с определенным периодом общей истории и сохранении их в части современных славянских языков. Эти термины могли бы восполнить лакуны, возникшие в результате отсутствия в модели реферата позиций 1.1.1. — 1.1.6. Описываемые ими явления свидетельствуют об уникальности вокализма, явной или опосредованной генетической или структурной связи, синхронных или исторических контактах между языками, например, музыкальное ударение имеется в литовском (контакты) и сербском (генетическое родство) и т.д. Во многих случаях уточнение терминологии с помощью возможных синонимов и английских эквивалентов может стать одним из инструментов решения проблемы коррекции данных. Естественным следствием стала разработка синонимического терми-

нологического русско-английского указателя на сопоставительном материале описаний языков в БД и Энциклопедии «Языки мира».

В настоящее время ведется работа по изучению терминосистемы БД в проекции ее на терминологию Энциклопедии «Языки мира». Анализ осуществляется путем последовательного сопоставления описаний языков в БД и Энциклопедии «Языки мира» и включает в себя анализ терминологии оригинальных статей, написанных авторами для Энциклопедии, справочного аппарата к отдельным томам и терминологии соответствующих разделов рефератов БД. Анализируются все типы описания языков — полного или частично структурированного (согласно одной из четырех типовых схем) текста статей энциклопедии, а также варианты модели описания языков в БД.

Одновременно разрабатывается лексикографическая модель указателя и формируется словник. В первую очередь выделяется *фактографическая* информация, собственно термины/термины-синонимы, и эквиваленты *классифицирующей* информации — элементы формулировок, которые используются в рефератах в виде отдельных строк. Соотношение общего числа строк модели реферата (3821) и строк, относящихся к каждому из этих типов информации, составляет приблизительно 1:10, т.е. 400 и 3400 соответственно. Например:

2.1.1.ФОНЕМНЫЙ СОСТАВ

…

3 .гласные

…

5 ..подъем

6 ...верхн./верх.пониж./верх.-ср./нижн.ср/ср./нижний

…

11...верхний/верхний пониженный/средний/нижний

12...верхний/средний откр./средний закр./нижний

13...верхний/средний/нижний откр./нижний закр.

14...средний закрытый/нижний

15...ряд

16...отсутствует

…

19...передний/средний/задний

20...передний/средне-передний/средне-задний/задний

…

2 ...различия по ряду

43....в нижнем подъеме

44.....отсутствуют

…

65...различия по напряженности

67...различия по назализации

69....в переднем и заднем ряду

70....в среднем и заднем ряду

71...различия по фарингализации

72....во всех рядах

73...различие схем

74...у беглых и небеглых

75...у кратких и долгих

…

82...у фарингализованных и нефарингализованных

83...число монофтонгов

84...один

85...два

86...три

109...дифтонги

110...только восходящие

…

115...восходящие/нисходящие/равновесные

116...трифтонги

117...общее число дифтонгов и трифтонгов

118...один

119...два

120...три

…

140...тридцать два [1]

Как видно, строки, содержащие собственно термины, наряду с элементами формулировок, уточняющих их качественные и количественные характеристики, образуют единый квази-текст, который является фрагментированным каркасом терминосистемы БД.

При разработке макро- и микроструктуры указателя рассматриваются различные варианты словника, их преимущества и недостатки. Обобщается и классифицируется фактический материал, анализируются возможные формы его представления. Возможны следующие варианты типов указателя:

1. Русско-английский терминологический указатель с учетом формата модели реферата (указатель тезаурусного типа) [5], например:

Абруптив[ные] < ларингальные признаки < шумные < согласные < фонемный состав — **Abruptives**.

Достоинства данного варианта заключаются в том, что он облегчает поиск термина, так как позволяет сохранить его исходную (измененную/падежную и др.) форму на русском языке. Недостатки: избыточность и повторяемость формулировок, например, неоднократное употребление словосочетаний типа *морфологическое/синтаксическое выражение* в нескольких позициях реферата (2.3.2., 2.3.3., 2.3.4. и т.д.).

[1] Как видно, строки, содержащие собственно термины, наряду с элементами формулировок, уточняющих их качественные и количественные характеристики (выделены в тексте), образуют единый квази-текст, который является фрагментированным каркасом терминосистемы БД.

2. Алфавитный русско-английский синонимический указатель лингвистических терминов с формированием словника путем фильтрации терминов из всего корпуса описания в формате модели реферата, например:

Абессив — абессив**,** лишительный падеж, изъявительный падеж. Abessive.

Аблатив — творительный падеж, относительный падеж, отделительный падеж, удалительный падеж, внешне-местный падеж. Ablative.

3. Алфавитный русско-английский синонимический указатель лингвистических терминов с элементами толкового и переводного глоссария.

Параллельно разрабатывается оптимальная структура базовой лексикографической единицы указателя. Работа осуществляется одновременно в практическом и теоретическом направлениях. Продолжается сбор материала для формирования общего корпуса словаря в виде электронной картотеки терминов и терминологических словосочетаний на русском и английском языках. Помимо двух основных источников — рефератов БД и текстов статей о языках в соответствующих томах Энциклопедии «Языки мира», материалом служат многочисленные англоязычные публикации и специализированные электронные ресурсы. Во избежание ошибок и неточностей при подборе эквивалентов, а также для снятия многозначности в случаях несоответствия объема терминов (родовидовые отношения), признано целесообразным, наряду с минимальной русско-английской терминологической парой и ее синонимами в линейном ряду (кальки, транслитерация, традиционные варианты лингвистических школ и др.)**,** включать в единицу словника возможные дополнительные элементы. Одним из таких элементов может служить вертикальный микроконтекст в виде гиперонимов и/или гипонимов. В ряде случаев такой контекст позволит заполнить терминологические лакуны (не обнаружение устойчивых переводных эквивалентов) или объяснить выбор потенциальной контекстной замены на основе принципа «часть — целое», что согласуется с общим форматом базы данных, где терминология используется наряду с обычной лексикой на разных иерархических уровнях — в составе соподчиненных строк модели реферата.

Сбор материала для формирования общего корпуса словаря осуществляется в виде электронной картотеки терминов и терминологических словосочетаний на русском и английском языках. Работа включает в себя идентификацию терминов с учетом парадигматических отношений в иерархической структуре реферата БД, отбор терминов для формирования синонимических рядов на русском и английском языках и классификацию терминологических единиц с точки зрения их частотности и/или актуальности для современного научного узуса. Другими источниками материала являются учебные и терминологические словари, справочники и энциклопедии, а также оригинальные специальные тексты на русском и английском языках (научные статьи, аннотации, рецензии, рефераты и т.д.).

К числу основных трудностей при разработке макро- и микроструктуры указателя можно отнести разнородность и многоаспектность лексики позиций реферата, а также повторяемость терминологических словоупотреблений, которые не являются синонимами и имеют различные контекстные эквиваленты. Например, термин *postposition* в значениях ‘постпозиция’ и ‘энклитика’ в разделе реферата 2.3.6. Дейктические категории и ‘послелог’ в разделе 2.3.7. Части речи.

При подборе переводных эквивалентов ряда терминов, найденных в оригинальных источниках на английском языке, обнаруживаются лакунарные терминологические образования, не имеющие регулярных однозначных русских соответствий в виде отдельных терминов и/или устойчивых словосочетаний. Общее количество таких случаев окончательно не установлено. Одним из возможных решений может стать применение типичных для практики перевода специализированных и научно-технических текстов техник — описания, интерпретации, транслитерации, например, передача оппозиции *motile/inert* эквивалентной парой ‘мотильный/инертный’ для характеристики субъектно-объектных отношений в структуре простого предложения с линейным порядком членов типа VSO в позиции 2.5.3. Простое предложение.

В теоретическом плане качественная оценка традиционных описаний языковых явлений (с учетом несовпадения принципов классификаций и различия школ, терминоло-

гических традиций и времени появления терминов) и терминосистемы БД позволяет проследить динамику и основные тенденции развития терминообразующих моделей. В большинстве случаев наблюдается унификация форм с помощью использования латинизированных терминов, калькирования иноязычных, преимущественно английских и немецких, конструкций, в том числе синтаксическое калькирование. Структура атрибутивной пары *прилагательное + существительное* преобладает над парой *существительное + существительное*, например, *verbal paradigm* vs *verb paradigm*, или *morphemic alterations*, которым в модели реферата соответствуют словосочетания ‘парадигма глагола’ и ‘чередование морфем’ соответственно.

Каждый из элементов сопоставляемой пары *статья Энциклопедии — реферат БД* может рассматриваться под разными углами зрения. По времени создания они могут отстоять друг от друга весьма значительно. Имеет место несовпадение принципов классификаций, традиций описания (различные школы) и используемой терминологии. Интерпретация терминологии, характерной для отдельных лингвистических традиций, затрудняется тем, что ее расшифровка может содержаться в разных статьях или в одной из общих статей тома о семье/группе языков. В общем случае терминологический указатель имеет вид краткого списка сокращений, как например, в томе энциклопедии «Тюркские языки»:

Сокращения грамматических терминов

дат.-вин. – дательно-винительный афф[икс]

вр[емя]

буд[ущее]

давнопрош[едшее]

наст[оящее]

прош[едшее]

деепр[ичастие]

л[ицо]

накл[онение]

усл[овное]

отриц [ательная форма]

п[адеж]

вин[ительный]

дат[ельный]

дат.-местн. – дательно-местный

и т.д. Всего 45 единиц с элементами иерархии.

Результаты теоретического анализа терминологических расхождений между моделями описания явлений в семьях и группах языков могут быть использованы для решения практических задач:

— верификации сведений о языках и выявление адекватности их описания в БД «Языки мира»;

— повышения качества дальнейшей работы по пополнению и редактированию БД «Языки мира» на этапе перехода от текстового описания к формальному представлению данных о языках;

— оптимизации применения БД «Языки мира» в дидактических целях при интерпретации сведений из формальных описаний, в том числе с использованием иных, чем это предусмотрено типовой моделью реферата, терминов и классификаций.

Именно такой потенциал предполагается создать и сделать его отличительной особенностью указателя. Для этого планируется включать в него не только унифицированную терминологию, принятую в БД, но и термины, традиционно используемые авторами, представляющими различные лингвистические школы. Крайне важно при этом использовать определения, характеризующие уникальные явления, свойственные отдельным языкам, в том числе редким, исчезающим и мертвым.

Таким образом, разработка дополнительных указателей может расширить и оптимизировать возможности использование БД «Языки мира» Института языкознания РАН в исследовательских, справочных и дидактических целях.

Литература

1. Виноградов В.А., Новиков А.И., Ярославцева Е.И. База данных «Языки мира» как инструмент лингвистического исследования // Вопросы языкознания, № 3, 2003.

2. Журинская М.А., Новиков А.И., Ярославцева Е. И. Энциклопедическое описание языков мира (теоретические и прикладные аспекты). М., 1986.

3. Зотова А.К. Лингвотипологическая база данных «Языки мира»: Диахронные изменения в семьях и группах языков (Славянские языки). 2012 г. // http://www.iling-ran.ru/zotova/2011_report.

4. Зотова А.К. Синхронный и диахронный аспекты базы лингвотипологических данных «Языки мира» // Материалы Международного фонетического конгресса по фонетике. Таллин, 1987.

5. Никитина С.Е. Тезаурус как способ описания и представления языка науки (на материале лингвистической терминологии). Дисс. канд. филол. наук. М., 1983.

6. Поляков В.Н., Соловьев В.Д. Компьютерные модели и методы в типологии и компаративистике. Казань, 2006.

7. Ярославцева Е. И. Грамматикон и база данных «Языки мира» // Проблемы прикладной лингвистики 2001. М., 2002.

8. Ярославцева Е. И. Географический и генетический указатели к базе данных «Языки мира» // Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 2. М., 2003.

А.С. Илюхина (МАОУ СУИОП

«Средняя общеобразовательная школа №3», Наро-Фоминск)

A.S. Ilyukhina (Secondary School 3

with an Enhanced Curriculum, Naro-Fominsk)

Глагол *snap*: семантика и употребление

The verb *snap*: semantics and usage

Аннотация

Статья посвящена анализу употребления английского глагола *snap* и его роли в выражении речевой агрессии. На основе обширного корпуса примеров делается попытка выявить семантические особенности данного глагола. Проведенный анализ дает возможность говорить об использовании *snap* в выражении наступательной и реактивной форм агрессии. Выявлена специфика употребления глагола в ситуациях отложенной агрессии и в речевых актах прерывания.

The paper deals with the use of the English verb *snap* and its role in the expression of verbal aggression. Based on the extensive body of examples, an attempt is made to analyze the semantic features of this verb. The analysis suggested in the paper demonstrates the use of *snap* in the expression of offensive and reactive forms of aggression. The specifics of the use of the verb in the situation of delayed aggression and in speech interruptions are revealed.

Ключевые слова

Семантика, речевой акт, предикат, агрессия, прерывание

Semantics, speech act, predicate, aggression, interruptions

I. Интерес к изучению истоков, причин и способов проявления агрессии в последние годы достаточно велик. Это связано с возрастающей степенью агрессивного поведения в современном обществе.

Проявление агрессии может быть разнообразным. В частности, это может быть и состоянием (агрессивность), и действием. К агрессивным действиям мы можем отнести и речевую агрессию, «поскольку речевая агрессия — первый шаг на пути к агрессии физической» [10, 206—213]. Осознанная речевая агрессия все больше становится предметом лингвистических исследований. Вербальная репрезентация агрессии отражает социокультурные особенности народа, его традиций и обычаев.

Нашей задачей является семантический анализ предикатов, называющих речевую агрессию и концептуализирующих речевой акт таким образом, что «в фокусе внимания оказывается отношение … между говорящим и другими лицами, в частности и прежде всего, адресатом речевого акта» [8, 201].

Простейший речевой акт представляет собой двусторонний процесс, в результате которого порождается текст. Участники данного процесса имеют равноправное положение и соблюдают Принципы кооперации [2, 222]. Агрессивный речевой акт также является двусторонним процессом, однако равноправие коммуникантов в нем может нарушаться. В частности, агрессия может проистекать из-за различия в социальном статусе «агрессора» и «жертвы».

Мы рассмотрим семантику английского глагола *snap* в различных речевых актах и установим его роль в выражении агрессии. Слова, называющие агрессию, представляют особый интерес, т.к. «с одной стороны, вводят и поясняют диалогический компонент текста, с другой — входят в его монологическую часть, становясь прагматическим маркером, поскольку вводящий компонент с неизбежностью обозначает не только адресата вводимой речи, но и фиксирует факт речепроизводства, содержит описание речи и факультативно может включать характеристику адресата, манеру произнесения, а также обстоятельства, сопутствующие говорению» [1, 364].

Обозначение речевой агрессии у многих английских глаголов является производным. Так, исходным значением глаголов *snarl* и *growl* является ˙издавать агрессивные

звуки’ [1]. Исходное значение существительного *snap* — ‘укус’, «быстрый или неожиданный»: «late 15c., “quick, sudden bite or cut”, from Dutch or Low German snappen “to snap”, probably related to Middle Low German or Middle Dutch snavel “bill, beak”, from West Germanic *snu-, an imitative root forming words having to do with the nose» [OED], «1495. I.1. A quick or sudden closing of the jaws or teeth in biting, or of scissors in cutting; a bite or cut made in this way» [OUD]. Чуть позже аналогичное значение зарегистрировано у глагола *snap*: «1530 I.1. Of animals: To make a quick or sudden bite at something» [OUD]. Затем этимологические словари фиксируют появление значения ‘разговаривать резко, отрывисто, раздражённо; набрасываться (на кого-л.); огрызаться’: «2. To utter sharp, tart, or cutting words or remarks; to speak irritably or abruptly. Usu. with at. 1579» [OUD]. Ср. русский глагол *огрызаться*: «1. О собаке: издавать короткий злобный лай, грозя укусом [разрядка наша — А.И.] тому, кто задел, тронул. 2. перен. О человеке: сердито, грубо, отрывисто отвечать на замечание, упрек (разг.)» [УШ]. Для русского языка характерна также другая модель семантической производности: от значения ‘нарушение единства части и целого’[2] к значению ‘резко и грубо отвечать’. Подобная полисемия представлена глаголами *отрезать* и *отбрить*. См. также: белор. *адрэзаць*; укр. *відрубати*, имеющий значения: 1) (отсекать) отруби́ть; (с силой) отхвати́ть; отня́пать; 2) (коротко и резко ответить) перен. отруби́ть, отре́зать [9].

Семантическую структуру глагола *snap* как маркера речевой агрессии можно представить так: **‘X говорит или отвечает Y-у таким образом, что Y воспринимает это как агрессию’**.

II. Анализ употребления глагола *snap* показал, что он используется для описания как **наступательной**, так и **реактивной** форм агрессии. Под «наступательной агрессией» понимается нанесение субъектом физических или психических повреждений человеку, не

[1] В своем прямом значении *snap* не относится к глаголам речи. Речевое значение глаголов такого типа возникает в результате метафорического переноса (см. подробно в [4, 170-172]; см. также примечания).
[2] Определение, заимствованное нами из толкования приставки *от-*, приведенного в [6, 177].

применявшему по отношению к нему насилия [3, 325]. Наступательная агрессия, таким образом, это неспровоцированная, «первичная» агрессия.

II.1. Глагол *snap* в функции показателя наступательной речевой агрессии.

A.1. Агрессия в ситуации неравенства участников речевого акта.

Наступательный вид агрессии предполагает, что она направлена на человека, который не применял никакого рода насилия. Наиболее типичной ситуацией такого вида агрессивного поведения являются ситуации неравенства собеседников — неравенства статусов, неравенства социального положения, ситуативного неравенства, ситуации зависимости одного из участников речевого акта от другого и т.п. Например:

(1) *He dashed back across the road, hurried up to his office, snapped at his secretary not to disturb him, seized his telephone, and had almost finished dialing his home number when he changed his mind* (Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997)). Бледный от страха, он помчался назад в контору, добежал до своего кабинета, рявкнул секретарше, чтобы его не беспокоили, и почти уже закончил набирать свой домашний номер, как вдруг остановился [НКРЯ].

В приведенном выше примере начальник направляет неспровоцированную агрессию на подчиненного: агрессивное поведение, по сути, является обычным хамством, которое «позволительно» для начальника в отношении зависящего от него человека.

Следующий пример также показателен как проявление агрессии по отношению к человеку, находящегося у него в подчинении:

(2) *'Get a shovel of burning coal and a pair of fire-tongs from the kitchen!' the Corporal snapped at the waiter* (Gulik, Robert van. The Lacquer Screen). — Принеси-ка с кухни горшок горячих углей и щипцы! — велел Тунлин прислужнику.

Используемый в русском переводе примера (2) глагола *велеть*, как представляется, не отражает тот смысл, который заложен в семантике глагола *snap*.

(3) *— Откройте двери, — командовал Черняк, — здесь мало света. Он всматривался в лица арестованных. — За что сидишь? — резко спросил он сидевшего на нарах старика. Тот приподнялся, подтянул штаны и, немного заикаясь, напуганный резким*

криком, прошамкал: — Я и сам не знаю. Посадили — вот и сижу (Н.А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930-1934)). “Open the door wider,” Chernyak commanded. “Not enough light here.” He scrutinised the prisoners’ faces. “What are you in for?” he snapped at the old man sitting on the edge of the bunk. The old man half rose, hitched up his trousers and, frightened by the sharp order, mumbled: “Dunno myself. They just locked me up and here I am” [НКРЯ].

В примере (3) описывается ситуация неравного положения заключенных и тюремщиков. В основе агрессии лежит враждебность по отношению к людям, ниже по социальному статусу, желание унизить их, продемонстрировать свое превосходство.

(4) *Дом наполнился вооруженными людьми, рыскавшими по углам. Дверь в магазине была вышиблена ударом приклада. Туда вошли, открыли засовы наружной двери. Начался грабеж. Когда подводы были нагружены доверху материей, обувью и прочей добычей, Саломыга отправился на квартиру Голуба и, уже возвращаясь в дом, услыхал дикий крик. Паляныця, предоставив своим потрошить магазин, вошел в комнату. Обведя троих своими зеленоватыми рысьими глазами, сказал, обращаясь к старикам: — Убирайтесь!* (Н.А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930-1934)). Armed men poured into the house; they searched every corner. A blow from a rifle butt smashed in the door leading into the shop and the front door bolts were drawn from within. The looting began. When the carts had been piled high with cloth, shoes and other loot, Salomyga set out with the booty to Golub’s quarters. When he returned he heard a shriek of terror issuing from the house. Palyanytsya, leaving his men to sack the shop, had walked into the proprietor's apartment and found the old folks and the girl standing there. Casting his green lynx-like eyes over them he snapped at the old couple: “Get out of here!” [НКРЯ] [3].

В примере (4) представлено речевое выражение агрессии в ситуации сложившегося неравенства: с одной стороны, бандиты, которые грабили и бесчинствовали в магазине, с другой — люди, оказавшиеся в это время там. Главарь, молодой парень, набрасы-

[3] Необходимость приведения таких больших фрагментов объясняется тем, что для понимания семантики глагола *retort* часто требуется широкий контекст.

вается на стариков с приказом убраться из помещения. Следует отметить, что в описываемой ситуации проявление агрессии принимает наиболее жестокий характер, поскольку она направлена на беззащитных стариков. Заметим также, что в русской фразе использован нейтральный глагол *говорить*, и агрессивность становится очевидна только из слов «Убирайтесь». В английском переводе агрессия выражена дважды — употреблением глагола *snap* и словами “Get out of here!”

А.2. Агрессивная реакция Х-а на утверждение, которое Х считает ложным.

(5) *'He’s all in one piece! He’s completely unharmed!' 'You call that unharmed?' snapped Mrs. Teavee, peering at the little speck of a boy who was now running to and fro across the palm of her hand, waving his pistols in the air. 'He’s shrunk!' said Mr. Teavee* (Roald Dahl. Charlie and the Chocolate Factory (1964)). — Ничего не потерялось! Все в порядке! — По-вашему, это «все в порядке»? — возмутилась миссис Тиви, глядя, как сын-лилипут бегает по ее ладони и размахивает пистолетами [НКРЯ].

(6) *“But I shall make an ornament of the yellow hen to replace the one I have just lost”. “Perhaps you will, and perhaps you won’t,” murmured Billina, calmly. “I may surprise you by guessing right.” “Guessing right?” snapped the King. “How could you guess right, where your betters have failed, you stupid fowl?” Billina did not care to answer this question, and a moment later the doors flew open and Dorothy entered, leading the little Prince Evring by the hand* (L. Frank Baum. Ozma of Oz (1907)). Взамен я получу как украшение Желтую Курицу. — Может, получишь, а может, и нет, — пробормотала Биллина. — Я решила устроить тебе сюрприз. Возьму и угадаю все вообще. Вот будет потеха. — Угадаешь все? — рявкнул Король. — Да как ты сможешь угадать все, глупая птица, когда люди, у которых мозгов побольше, чем у тебя, не сумели этого сделать [НКРЯ].

(7) *“Augustus has gone on a little journey, that’s all. A most interesting little journey. But he’ll come out of it just fine, you wait and see.’ 'How can he possibly come out just fine!' snapped Mrs. Gloop. 'He''ll be made into marshmallows in five seconds!'* (Roald Dahl. Charlie and the Chocolate Factory (1964)). Он просто отправился в небольшое путешествие, вот и все. Причем весьма увлекательное путешествие. С ним ничего не случится. Вот увидите.

— Как это — ничего не случится? — набросилась на него миссис Глуп. — Ведь через пять минут из него сделают зефир в шоколаде [НКРЯ].

(8) *"If you give me a shot at it, I think I can get her off," Kit said, when all was ready for the start. "What do you know about it?" Stine snapped at him* (Jack London. Smoke Bellew (1912)). — Если вы хорошенько подтолкнете, я, пожалуй, выведу лодку, — сказал Кит, когда все было готово к отплытию. — Что вы в этом смыслите? — накинулся на него Стайн [НКРЯ]. ['Что вы в этом смыслите?' = 'Вы в этом ничего не смыслите' → 'Вы этого не сможете сделать'.]

(9) *"The best thinker I ever knew," said Dorothy to the yellow hen, "was a scarecrow." "Nonsense!" snapped Billina* (L. Frank Baum. Ozma of Oz (1907)). — Самый глубокий мыслитель, какого я знаю, — сказала Дороти Биллине, — это Страшила, соломенное огородное чучело. — Этого не может быть, — буркнула Биллина [НКРЯ].

А.3. Агрессивная реакция X-а, выражающаяся в демонстрации Y-у бессмысленности его высказывания или вопроса.

(10) *"I can't see anything," said Peter after he had stared his eyes sore. "Can you, Susan?" "No, of course I can't," snapped Susan. "Because there isn't anything to see…"* (Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. Prince Caspian (1951)). — Я ничего не вижу, — сказал Питер, вглядываясь до боли в глазах. — А ты, Сьюзен? — Нет, конечно, — огрызнулась Сьюзен, — потому что там нечего видеть [НКРЯ].

Часто бессмысленность высказывания эксплицируется употреблением встречного вопроса. Основной функцией вопроса является получение говорящим неизвестной ему информации. Однако встречный вопрос может использоваться в других целях. Вслед за И.Б. Сычевой [8, 3], встречным вопросом мы считаем реплику, имеющую формальные признаки вопросительности (грамматические и интонационные) и появляющуюся в диалоге как реакция на предыдущее вопросительное высказывание, непосредственно данной реплике предшествующее. Поскольку встречный вопрос лишь формально имеет признаки вопросительности, то он не предполагает ответа, а в некоторых случаях несет функцию «нарушения согласования реплик по иллокутивной функции» [7, 513]. Глагол *snap*,

вводящий встречный вопрос субъекта X, маркирует бессмысленность вопроса, заданного ранее субъектом Y. Например:

(11) *“Shoo, yourself!” retorted the hen, drawing back in anger and ruffling up her feathers. “Haven’t you any better manners than that?” “Oh, do you talk?” enquired the maid, evidently surprised. “Can’t you hear me?” snapped Billina* (L. Frank Baum. Ozma of Oz (1907)). — Сама ты кш-ш! — возмущенно пискнула Курица, отскочив и нахохлившись. — Почему у тебя такие дурные манеры? — Ты умеешь разговаривать? — удивилась служанка. — Ты разве плохо слышишь? — обиделась еще больше Биллина [НКРЯ].

Вопрос служанки “Oh, do you talk?” (‘Ты умеешь разговаривать’), обращенный к Курице после того, как та произнесла фразу “Haven’t you any better manners than that?” (‘Почему у тебя такие дурные манеры?’), т.е. обнаружила способность говорить, выглядит нелепым.

(12) *“And be aware that I'm asking you because you I would not hesitate to shoot.” Langdon stared at the banker in disbelief. “Why are you doing this?” “Why do you imagine?” Vernet snapped, his accented English terse now* (Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)). И знайте, я прошу об этом именно вас, потому что в вас могу выстрелить не раздумывая. Лэнгдон просто не верил своим ушам и глазам. — Зачем вам это? — спросил он банкира. — А вы как думаете? — рявкнул в ответ Верне [НКРЯ].

Негодование Верне вызвано тем, что его собеседник задает вопрос, на который (по мнению Верне) сам прекрасно знает ответ, при этом ответ, который представляет собеседника Верне в неприглядном свете.

A.4. Агрессивная реакция X-а, выражающаяся в требовании к Y-у прекратить разговор, который X расценивает как неуместный, бесполезный, глупый, и т.п.

(13) *“I like to think I'm his better half.” Her eyes saddened. “I liked to think I was that, once.” “No more about Gerard,” he suddenly snapped. “He spoils everything.” “But there are still some things I must know,” she insisted bravely. “I was going to ask you over dinner tonight”* (Miranda Lee. Fugitive Bride (1998)). — Я — его лучшая половина. В ее глазах блеснула грусть. — Когда-то мне казалось, что это я. — Хватит упоминаний о Джерарде,

— вдруг резко сказал Гаретт. — Они только все портят. — Но я должна еще кое-что спросить, — продолжала настаивать Лия. — Я хотела поговорить об этом за ужином [НКРЯ].

(14) *Gosh, what wouldn't I give to be doing that myself! It's the life, I tell you! It's terrific!' 'That's quite enough!' snapped Grandma Josephine.'* (Roald Dahl. Charlie and the Chocolate Factory (1964)). — Черт возьми, я бы все отдал, чтобы оказаться на их месте. Вот это настоящая жизнь! Ужас!» — Хватит! — перебила бабушка Джозефина [НКРЯ].

(15) *"Oh," he said, "I didn't realize it had to be so wet". "Don't be stupid," snapped Aunt Petunia. "I'm dyeing some of Dudley's old things gray for you* (Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997)). — Ой, — сказал он, — я и не знал, что она должна быть такая мокрая. — Не будь идиотом, — разозлилась тетя Петуния. —Я перекрашиваю для тебя старые вещи Дудли в серый цвет [НКРЯ].

(16) *'Does that mean if I talked to you really persuasively you'd leave Dad and start an affair with Auntie Audrey?' 'Now you're just being silly, darling,' she said. 'Exactly,' Dad joined in. 'Auntie Audrey looks like a kettle.' 'Oh, for heaven's sake, John,' Mum snapped, which struck me as odd as she doesn't usually snap at Dad* (Helen Fielding. Bridget Jones's Diary (1996)). — Означает ли это, что, если бы я особенно убедительно побеседовала с тобой, ты бы оставила папу и завязала интрижку с тетушкой Одри? — Ты просто говоришь глупости, дорогая, — ответила она. — Точно, — вмешался папа. — Тетушка Одри похожа на чайник. — Ради бога, Колин, — раздраженно прикрикнула мама, и это удивило меня, потому что обычно она не кричит на папу [НКРЯ].

В примерах (13) и (14) *snap* использован в конструкции с прямой речью, в которой содержится требование, выраженное достаточно агрессивно, прекратить разговор на начатую собеседником тему. А в примерах (15) и (16) требование прекратить неприятный разговор выражено косвенными речевыми актами: *Don't be stupid* (15), *Oh, for heaven's sake, John* (16).

Частным случаем этого круга употреблений глагола *snap* является маркирование нарушения субъектом У одного из коммуникативных постулатов, а именно — постулата

релевантности. Наиболее эксплицитно указанная функция глагола *snap* представлена в примере (17): *snap* вводит реплику адвоката, который требует не отвечать на вопрос, заданный Мейсоном, как не имеющий отношения к делу.

(17) *"Yes, sir. "Now, Mr. Alden, just tell the jury how and under what circumstances it was that your daughter Roberta happened to go to Lycurgus. "Objected to. Irrelevant, immaterial, incompetent," snapped Belknap* (Theodore Dreiser. An American Tragedy, book III (1925)). —Да, сэр. — Итак, мистер Олден, расскажите присяжным, как и при каких обстоятельствах ваша дочь Роберта переехала в Ликург? - Заявляю протест. Не относится к делу, несущественно, неправомерно, — перебивает Белнеп [НКРЯ].

Аналогичный случай, на наш взгляд, представлен в примерах (18) и (19):

(18) — *Что же Дмитрий и отец? Чем это у них кончится? — тревожно промолвил Алеша. — А ты всё свою канитель! Да я-то тут что? Сторож я, что ли, моему брату Дмитрию? — раздражительно отрезал было Иван, но вдруг как-то горько улыбнулся* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 1-2) (1878)). "What of Dmitri and father? how will it end?" asked Alyosha anxiously. "You are always harping upon it! What have I to do with it?" Am I my brother Dmitri's keeper? Ivan snapped irritably, but then he suddenly smiled bitterly [НКРЯ].

(19) *Miriam shook her head very slowly. 'I'm sorry,' she said. 'But I didn't know at the time it started between us. I mean, about your planned marriage'. "My betrothal has no bearing on the matter!" She snapped* (Stross, Charles. The Family Trade). Мириам очень медленно покачала головой. — Извини, — сказала она. — Но я хочу сказать, что ничего не знала, когда это началось между нами. Насчет вашей запланированной женитьбы. — Моя помолвка не имеет никакого отношения к делу! — огрызнулась она.

Человек может агрессивно отреагировать на то, что его перебивают, особенно, если, по его мнению, слова собеседника не имеют прямого отношения к теме рассказа:

(20) *Я пришел через две недели и был принят какой-то девицей со скошенными к носу от постоянного вранья глазами. — Это Лапшенникова, секретарь редакции,—усмехнувшись, сказал Иван, хорошо знающий тот мир, который так гневно опи-*

сывал его гость. — Может быть, — отрезал тот, — так вот, от нее я получил свой роман, уже порядочно засаленный и растрепанный (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)). ‘I came in two weeks and was received by some girl whose eyes were crossed towards her nose from constant lying.’ ‘That’s Lapshennikova, the editorial secretary,’ Ivan said with a smirk. He knew very well the world described so wrathfully by his guest. ‘Maybe,’ the other snapped, ‘and so from her I got my novel back, already quite greasy and dishevelled’ [НКРЯ].

2. Глагол *snap* в функции показателя реактивной формы агрессии.

А. Реакция на предшествующий речевой акт.

Следующий семантический класс представлен примерами употребления глагола *snap* для описания ответной реакции (реактивная агрессия) на предшествующий речевой акт.

А.1. Агрессивная реакция X-а на реплику Y-а, которая задела чувства X-а.

Человек может почувствовать себя оскорбленным (обоснованно или нет) в самых разных ситуациях, например [4]:

1. Человека обвиняют в каких-то неблаговидных, глупых поступках, демонстрируют ему ошибочность его поведения, бесполезность его инициатив или усматривают в его действиях какие-то недостойные мотивы, упрекают в неумении справиться с ситуацией и т.п. В подобных случаях *snap* (*back*) может вводить: оскорбительные реплики в адрес субъекта У (пример (21)); доводы в пользу того, что его слова или действия были осмысленны, полезны, правильны, что он прав в своих выводах и т.п. (пример (22)), что у него не было возможности поступить по-другому (пример (23)); декларирование своего права поступать так, как ему хочется (см. пример (25)), или заявление о том, что он поступит так, как он считает нужным, несмотря ни на что (пример (26)) и т.д. При этом в качестве реплики-возражения может использоваться риторический вопрос (пример (24)). 2. Человека уличают в каких-то низменных чувствах (примеры (27) и (28)), и слова, вводимые с помощью *snap*, опровергают это утверждение. 3. Человека сравнивают с недо-

[4] Причем очевидно, что высказывание его собеседника могло и не иметь такой цели.

стойными людьми (пример (29)), в этом случае *snap* вводит реплики возмущения. 4. Человек усматривает в словах собеседника полное пренебрежение к себе (пример (30)) или издевку (пример (31), и прямая речь, введенная глаголом *snap*, может содержать констатацию этого факта и выражение негодования или презрения по этому поводу. Сходным образом используется фразовый глагол *snap back*.

(21) *— Жулье! — поддерживали остальные. — Пижоны! — огрызался гроссмейстер* (И.А. Ильф, Е.П. Петров. Двенадцать стульев (1927)). “Twister!” added the others. “Jerks!” snapped back the Grossmeister [НКРЯ].

(22) *— Настя, какая ты дура», — произнес он наконец твердо и не горячась, — какой же может быть у Катерины ребеночек, когда она не замужем? Настя ужасно загорячилась. — Ты ничего не понимаешь, — раздражительно оборвала она, — может, у нее муж был, но только в тюрьме сидит, а она вот и родила* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 3-4) (1878)). “Nastya, how silly you are!” he said at last, firmly and calmly. “How can Katerina have a baby when she isn't married?” Nastya was exasperated. “You know nothing about it,” she snapped irritably. “Perhaps she has a husband, only he is in prison, so now she's got a baby” [5] [НКРЯ].

(23) *Еле шевеля разбитыми губами, конвоир рассказал о том, что произошло. — Что же ты, балда, с-под носу упустил арестанта? Теперь получишь двадцать пять шомполов по задней части. Конвоир озлобленно огрызнулся: — Ты очень разумный, я вижу. Упустил с-под носу! Кто же его знал, что та стервятина на меня кинется, як скаженна!* (Н.А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930-1934)). The soldier, barely able to speak through his torn lips, was now telling what had happened. “You dunderhead, what do you mean by letting a prisoner get away from under your nose? Now you’re in for twenty-five strokes for sure.” “Smart, aren't you?” the soldier snapped back angrily. “From under my nose, eh? How was I to know the other bastard would jump on me like a madman?” [НКРЯ].

[5] В оригинале употреблен глагол *оборвать*, хотя, как представляется, Настя не перебивала Костю, не «обрывала» речь Кости, а, защищаясь, «возразила» ему, высказав аргументы в пользу своего утверждения.

(24) *“Человек смеется — вы и думаете: он несерьезный…” “А то небось нет?” — вторично окрысилась Машурина* (И.С. Тургенев. Новь (1877)). “If a man can laugh, then you think that he can't be serious…” “Is it not so?” Mashurina snapped [НКРЯ].

(25) *Where is Mr. Wilkes? Perhaps he’ll have some suggestion <> He’s down in the orchard splittin’ rails. I heard his axe when I was puttin’ up the horse. But he ain’t got any money any more than we have. If I want to talk to him about it, I can, can’t I? she snapped, rising to her feet and kicking the fragment of quilting from her ankles* (Margaret Mitchell. Gone with the Wind, Part 2 (1936)). — А где мистер Уилкс? Может быть, он что-то придумает? <> — Он во фруктовом саду — обтесывает колья для ограды. Я, когда ставил в конюшню лошадь, слышал, как он орудует топором. Но у него ведь тоже нет денег, как и у нас. — Я, что же, уж и поговорить с ним не могу, да? — резко парировала она, поднимаясь и движением ноги отбрасывая старое одеяло [НКРЯ].

(26) *By broadcast-faxing photos of Langdon and Sophie to Paris travel authorities, hotels, and banks, Interpol would leave no options — no way to leave the city, no place to hide, and no way to withdraw cash without being recognized <> “Only Langdon, right?” Collet said. “You're not flagging Sophie Neveu. She’s our own agent.” “Of course I’m flagging her!” Fache snapped <> I don’t know what she thinks she’s doing out there, but it’s going to cost her one hell of a lot more than her job!”* (Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)). Передать по факсу снимки Лэнгдона и Софи во все парижские транспортные управления, отели и банки. И тогда у беглецов не останется ни одного шанса. Они не смогут выехать из города, найти себе убежище, снять со счета наличные без риска быть узнанными <> — Только Лэнгдона, я вас правильно понял? — спросил Колле. — Вы же не собираетесь сдавать Софи Неве? Она наш агент. — Еще как собираюсь! — рявкнул в ответ Фаш <> Не знаю, что она там задумала и почему так себя ведет, но это будет ей дорого стоить! Не только работы! [НКРЯ].

Структуру диалога между Колле и Фашем можно представить приблизительно так: Колле. ‘Вы не можете сдать Софи, потому что она наш агент’ (→ ‘Это неправильный поступок’). Фаш. ‘Я это сделаю!’

(27) *“Alright,” said Ford, “just stop panicking.” “Who said anything about panicking?” snapped Arthur. “This is still just the cultureshock”* (Douglas Adams. The Hitchhiker’s Guide to the Galaxy (1978-1979)). — Все в порядке, — сказал Форд, — только не паникуй! — Кто сказал, что я паникую? Я просто еще не освоился! [НКРЯ].

(28) *“No,” she replied impatiently. “Well,” he said, taking offence at her manner, “you needn’t get mad about it. I$m just asking you. “I’m not mad,” she snapped. “I'm merely asking you for a season ticket”* (Theodore Dreiser. Sister Carrie (1900)). — Я не хочу, — нетерпеливо возразила миссис Герствуд. — Во всяком случае, незачем злиться, — сказал Герствуд, оскорбленный ее тоном. — Я только спросил. — Я и не думаю злиться, — отрезала жена. — Я только прошу взять мне сезонный билет [НКРЯ].

(29) *I know I'm a freak,” he said to Olaf, "but I think I could be just as useful as the hook-handed man, or your bald associate.” “What?” the bald man snapped. “A freak like you, as useful as me?”* (Lemony Snicket. The Carnivorous Carnival (2002)). — Я знаю, что я урод, — сказал он Олафу, — но думаю, что смог бы приносить вам такую же пользу, как человек с крюками вместо рук или ваш лысый помощник. — Что о о? — вскинулся лысый. — Чтобы такой урод, как ты, приносил пользу, как я? [НКРЯ].

В данном примере *snap* вводит ответную реплику персонажа — помощника Олафа, выражающую возмущение тем, что его посмели сравнить с человеком, которого он презирает.

(30) *Or is it that you've found yourself a new life on this boat with Alan and you don’t want to even talk or think about the fact you have a husband back in Brisbane who’s probably worried sick about you?” “The only thing Gerard would be worried about,” she snapped back, “is his precious ego!”* (Miranda Lee. Fugitive Bride (1998)). А может быть, ты уже начала на этой лодке новую жизнь вместе с Аланом и даже не хочешь думать о муже, который, возможно, сходит с ума от беспокойства? — Единственное, о чем беспокоится Джерард, — огрызнулась она, — так это о своей драгоценной персоне [НКРЯ].

(31) *“Now the villagers of the Waingunga are angry with him, and he has come here to make our villagers angry. They will scour the jungle for him when he is far away, and we and*

our children must run when the grass is set alight. Indeed: we are very grateful to Shere Khan!" "Shall I tell him of your gratitude?" said Tabaqui. "Out!" snapped Father Wolf. "Out, and hunt with thy master…" (Rudyard Kipling. The Jungle Book: Mowgli Stories (1894)). — Жители селений по берегам Вайнганги злы на него, а теперь он явился сюда, и у нас начнется то же: люди будут рыскать за ним по лесу, поймать его не сумеют, а нам и нашим детям придется бежать куда глаза глядят, когда подожгут траву. Право, нам есть за что благодарить Шер-Хана! — Не передать ли ему вашу благодарность? — спросил Табаки. — Вон отсюда! — огрызнулся Отец Волк. — Вон! Ступай охотиться со своим господином [НКРЯ].

(32) *Мастер заметил, что сверлит "на сухую", не заливая сверло маслом. Мастер торопливо подошел к сверлильному станку и остановил его. - Ты что, ослеп, что ли, или вчера пришел сюда?! — закричал он на Костьку, зная, что сверло неизбежно выйдет из строя при таком обращении. Но Костька облаял мастера и опять пустил станок* (Н.А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 2) (1930-1934)). .Khodorov noticed that Kostya was drilling "dry", without using any oil. He hurried over to the machine and stopped it. "Are you blind or what? Don't you know better than to use a drill that way!" he shouted at Kostya, knowing that the drill would not last long with such handling. Kostya snapped back at him and restarted the lathe [НКРЯ].

Отметим, что человек может посчитать себя оскорбленным или задетым словами собеседника и в тех случаях, когда тот не имел подобного намерения. Иными словами, можно усмотреть оскорбление в самых невинных словах, например:

(33) *'I'm not your good woman!' she snapped* (Pratchett, Terry. Reaper Man). — И вовсе я не ваша милая! — отрезала она // lingolive.com [6].

(34) *"Don't call me that," she snapped* (Berry, Steve. The Alexandria Link). — [Миссис Малоун… — заговорил Хенрик] — Не называйте меня так! — взвизгнула она. — Мне нужно было сменить фамилию после развода [НКРЯ] [7].

[6] К сожалению, в конкордансе отсутствует текст, содержащий реплику, спровоцировавшую реакцию женщины, но ее смысл понятен.

А.2. Агрессивная реакция X-а на слова Y-а о том, что для X-а не имеет значения, и которые отрывают его от важной для него деятельности. Например:

(35) *When she took in his tea she saw broken glass in the corner of the room under the concave mirror, and a golden stain that had been carelessly wiped. She called attention to it. "Put it down in the bill," snapped her visitor. "For God's sake don't worry me"* (H.G. Wells. The Invisible Man (1897)). Когда она принесла чай, то увидела в углу комнаты, под зеркалом, разбитые бутылки и золотистое небрежно вытертое пятно. Она обратила на это его внимание. — Поставьте все это в счет, — огрызнулся он. — И, ради бога, не мешайте мне [НКРЯ].

Б. Реакция на ситуацию.

Данный круг употреблений глагола *snap* представлен примерами, в которых он вводит реплики, фиксирующие ***негативную реакцию субъекта X на конкретную ситуацию, виновником (участником) которой является субъект У.***

(36) *He pushed through the revolving door of the Bellevue, tripped over a gaudy suitcase, and made his entrée at a ridiculous run. The concierge snapped at the unfortunate green-aproned cameriere, who had left the bag there* (Vladimir Nabokov. Ada, or Ardor (1968)). Он протиснулся сквозь карусельную дверь "Бельвью", запнулся об аляповатый чемодан и влетел в вестибюль потешной побежкой. Портье обругал несчастного cameriere, бросившего багаж на дороге [НКРЯ].

(37) *And where was Prissy? <> After a long while Prissy came into view, alone, switching her skirts from side to side and looking over her shoulder to observe the effect. You're as slow as molasses in January, snapped Scarlett as Prissy opened the gate* (Margaret Mitchell. Gone with the Wind, Part 1 (1936)). И куда подевалась Присси? <> Наконец вдали показалась Присси: она шла одна, не спеша, словно прогуливаясь, и, покачивая бедрами, оглядывала через плечо свои развевающиеся сзади юбки. — Что ты тащишься как старая черепаха! — накинулась на нее Скарлетт, когда Присси вошла в калитку [НКРЯ].

---

[7] На сайте lingolive.com. приведено только указанное английское предложение: русский «предтекст» взят из русского перевода с сайта google.books.

(38) *Зал оживился. Продавалась вещь, нужная в хозяйстве. Одна за другой выскакивали руки. Остап был спокоен. — — Чего же вы не торгуетесь? — набросился на него Воробьянинов* (И.А. Ильф, Е.П. Петров. Двенадцать стульев (1927)). There was a stir in the room. Something of use in the house was being sold. One after another the hands flew up. Ostap remained calm. "Why don't you bid?" snapped Vorobyaninov [НКРЯ].

(39) *"Here is the decryption." Fache looked at the card. 1-1-2-3-5-8-13-21 "This is it?" he snapped. "All you did was put the numbers in increasing order!" Sophie actually had the nerve to give a satisfied smile. "Exactly. "Fache's tone lowered to a guttural rumble. "Agent Neveu, I have no idea where the hell you're going with this, but I suggest you get there fast"* (Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)). — Вот расшифровка. Фаш уставился на надпись. 1-1-2-3-5-8-13-21 — Как прикажете это понимать? — рявкнул он. — Вы просто переставили числа в обратном порядке, и все? Софи имела наглость ответить улыбкой: — Именно. Фаш уже просто рычал: — Вот что, агент Неве, я, черт побери, понятия не имею, где вы занимались этими глупостями, но советую вам убраться туда, и немедленно [НКРЯ]!

Глагол *snap* маркирует здесь негодование Фаша, вызванное плохо, небрежно выполненной работой Софи.

(40) *Teabing scowled at the boy and turned to Langdon. "Mr. Wren, apparently your family's philanthropy does not buy you the time it used to, so perhaps we should take out the ashes and get on with it." Teabing turned to Sophie. "Mrs. Wren?" Sophie played along, pulling the vellum-wrapped cryptex from her pocket. "Now then, Teabing snapped at the boy,"if you would give us some privacy?* (Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)). Тибинг нахмурился и обернулся к Лэнгдону: — По всей видимости, мистер Рен, ваша филантропическая деятельность не заслуживает того, чтоб нас оставили в покое хоть на минуту. А потому доставайте прах, и покончим со всем этим. — Затем он обернулся к Софи: Миссис Рен? Софи включилась в игру, начала нарочито медленно вытягивать из кармана завернутый в пергамент криптекс. — А теперь, — сурово заметил в адрес служки Тибинг, — может, оставите нас в покое хотя бы на минуту [НКРЯ].

В этом примере употребление глагола *snap* свидетельствует о недовольстве Тибинга ситуацией — служка должен уйти, он мешает его разговору с Софи. Аналогичная ситуация представлена в следующем примере: Монтес совершил действие, которое не должен был совершать, и тем самым спровоцировал грубый окрик надзирателя.

(41) *He managed to reach the door. The yard had come sluggishly to life. A queue of men were bathing their faces at a single tap; a man in a vest and pants sat on the ground hugging a rifle. "Get out into the yard and wash, "the sergeant yelled at them, but when the priest stepped out he snapped at him: "Not you, Montez". "Not me". "We've got other plans for you," the sergeant said. The priest stood waiting while his fellow prisoners filed out into the yard* (Graham Greene. The Power and the Glory (1940)). Он кое-как добрался до двери. Во дворе медленно начиналась жизнь. Люди по очереди подходили к единственному водопроводному крану и споласкивали лицо. Все во двор умываться, крикнул сержант, но когда священник вышел, он рявкнул на него: А ты, Монтес, подождешь. Подождать? Тебе подыщем другое занятие, сказал сержант. Священник стоял, пропуская мимо себя обитателей камеры [НКРЯ].

(42) *"Well, milord's," she snapped, seating herself by the fire, "what great news is it makes you wake me at so slight an hour?"* (Stasheff, Christopher. The Warlock in Spite of Himself). — Ну, милорды, — буркнула она, усаживаясь у очага, — какое небывалое происшествие заставило вас разбудить меня в столь ранний час?

Недовольство, которое проявляет героиня, вызвано тем, что ее разбудили достаточно рано.

(43) *Rémy now marched stiffly across the room. "Leave at once! Or I will forcibly". "Rémy!" Teabing spun, snapping at his servant* (Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)). Реми грозно надвигался на них. — Вон отсюда! Быстро! Иначе я силой… — Реми! — прикрикнул Тибинг на своего слугу [Реакция Тибинга на поведение его слуги Реми] [НКРЯ].

(44) *"You did that in order to get an advantage for yourself?" You are, then, willing to lie as a part of your everyday business transactions in order to get an advantage for yourself? "I didn't say that," the witness said. "I'm asking it," Mason said. "The answer is no." "You*

don't generally lie in order to get an advantage for yourself?" "That certainly is objectionable, Your Honor," Leland said. "I think so. The objection is sustained," Judge Talent ruled. "But you did tell such a lie in order to get such an advantage in this case," Mason said. "Yes," the witness snapped (Erle Stanley Gardner. The Case of the Blonde Bonanza (1962)). «Вы сделали это, чтобы получить преимущества для себя лично?» «Значит, вы готовы врать, вступая в деловые отношения, чтобы получить какие-то преимущества для себя?» «Я этого не говорил». «Но я вас спрашиваю об этом». «В таком случае мой ответ: нет». «Обычно вы не врете, чтобы получить для себя преимущества?» «Вношу протест, это спорный вопрос», заметил Леланд. «Согласен. Протест принимается», постановил судья Талент. «Однако, вы наврали, чтобы получить преимущество в том случае», спросил Мейсон. «Да», рявкнул свидетель [НКРЯ].

В примере (44) агрессивный ответ "Yes" (*"Yes," the witness snapped*) является реакцией не на последние слова Мейсона *But you did tell such a lie in order to get such an advantage in this case*, а на всю ситуацию методичного и последовательного допроса свидетеля, в результате которого свидетель был вынужден признать факт лжи.

(45) *I looked at my watch. 6.30. Hah! The pub wasn't open yet. Perfect excuse. Emboldened, I hurried back towards the door and pushed the buzzer. 'Bridget, is that you again?' he snapped. 'The pub isn't open yet.' There was silence. Did I hear a voice in the background?* (Helen Fielding. Bridget Jones's Diary (1996)). Я взглянула на часы. Половина седьмого. Ага! Паб еще не открылся. Прекрасный повод вернуться. Приободрившись, я поспешила обратно к двери подъезда и позвонила. — Бриджит, это опять ты? — резко отозвался Даниел [НКРЯ].

Отрицательные эмоции, вызванные появлением героини, переходят в речевую реакцию, которая носит наступательный характер. Хотя действие 'я поспешила обратно к двери подъезда и позвонила' не является провокационным, фраза «Бриджит, это опять ты?» звучит с определенной степенью агрессии. Это связано с тем, что до момента возвращения Даниел дал понять героине, что не хотел бы встречаться с ней, но она посчитала возможным прийти снова.

В. Отложенная агрессия.

При анализе языкового материала у нас вызвал особый интерес «отложенная» агрессия, т.е. речевая реакция на действие или поступок, которые произошли в прошлом, отстоят по времени от описываемой речевой ситуации [8].

(46) *Evidently his wife was not going to patch up peace at a word. So he said. "Where did George get the dog he has there in the yard? "I don't know," she snapped. He put his paper down on his knees and gazed idly out of the window. He did not propose to lose his temper. But merely to be persistent and agreeable, and by a few questions bring around a mild understanding of some sort* (Theodore Dreiser. Sister Carrie (1900)). Жена, по-видимому, не намерена так легко идти на мировую. Поэтому он сделал первый шаг. — Откуда у Джорджа взялся этот пес, с которым он играет во дворе? — Не знаю, — отрезала миссис Герствуд. Герствуд опустил газету на колени и стал рассеянно глядеть в окно. «Не надо выходить из себя, — мысленно решил он. — Нужно быть настойчивым и любезным и как-нибудь подипломатичнее наладить отношения» [НКРЯ].

В приведенном отрывке описываются попытки мужа загладить вину перед женой. Он пытается сделать первый шаг и наладить отношения. Жена достаточно жестко реагирует на намерения мужа. Глагол *snap* маркирует реакцию жены на обиду, нанесенную ей в прошлом.

III. К особым случаям речевой агрессии мы относим прерывание (перебив) собеседника. Прерывание, или перебив, характеризуется попыткой взять верх над собеседником, самоутвердиться или навязать свою точку зрения в процессе коммуникации.

(47) *Do you know who I am? My husband built this place. The houses, the golf course, everything. You can't just come in here like this. I could pick up the phone and have the chief of police on the line in two — "Your son is dead, lady," Edgar snapped. "The one you left behind thirty years ago. So sit down and let us ask you our questions." She dropped back onto the couch as if her feet had been kicked out from beneath her* (Michael Connelly. City Of Bones (2002)). Вы знаете, кто я? Мой муж выстроил этот район. Дома, поле для гольфа, все про-

[8] См. также о возможном обозначении отложенной агрессии английским глаголом *retort* в [5].

чее. Вы не вправе являться сюда подобным образом. Я могу снять телефонную трубку, и начальник полиции будет на связи через две… — Леди, ваш сын мертв, — отрывисто произнес Эдгар. — Тот самый, которого вы оставили тридцать лет назад. Так что сядьте и позвольте нам задать наши вопросы. Хозяйка рухнула на кушетку словно подкошенная [НКРЯ].

Реплика Эдгара, введенная глаголом *snap*, направлена на то, чтобы привести в чувство даму — слова «Ваш сын мертв» делают бессмысленными все ее претензии и угрозы.

Прерывание речи собеседника может носить и характер угрозы. Так, в следующем примере глагол *snap* употребляется автором для передачи намерения субъекта поставить партнера на место, продемонстрировать ему свою силу.

(48) *"Easy!" cautioned the fellow in question, at the same time making an awkward landing and dropping one of his oars over-side. "You've no call to be flingin' names about," he added, defiantly, wringing out his shirt-sleeve, wet from rescue of the oar. "You've got good ears, my man," began the first officer. "And a quick fist," the other snapped in. "And a ready tongue." "Need it in my business. No gettin' 'long without it among you sea-sharks"* (Jack London. A Daughter of the Snows (1908)). Полегче на поворотах! — угрожающе крикнул тот, о ком шла речь, неуклюже причаливая и опуская в воду одно весло. — По какому праву вы ругаетесь? — добавил он вызывающе, выжимая мокрый рукав своей рубашки. - У вас недурной слух… — начал старший офицер. — И крепкий кулак, — перебил тот. — И язык у вас тоже хорошо подвешен. — В моем деле без этого не обойдешься. С вами, акулами, иначе пропадешь [НКРЯ].

Перебивание собеседника может быть также вызвано с резким несогласием в оценке какой-то ситуации (см. выше п. А2), с нежеланием принять чье-то предложение и т.п.

(50) *"Now then," Mason said, "this wife, this divorcee, what about her? Has she forgotten about it and remarried, or—" "Forgotten about nothing," Adelle Hastings snapped. "She hates the ground I walk on. She'd do anything she could to make trouble* (Erle Stanley

Gardner. The Case of the Daring Divorcee (1964)). — Что вам известно о его второй жене? Она обо всем забыла и вновь вышла замуж или?.. — Она ни о чем не забыла, — резко ответила Аделла Гастингс. — Она ненавидит даже то место, по которому я прошла. Она делает все, чтобы доставить мне неприятности [НКРЯ].

(51) *"They ain't no grub in the country, and they'll drop you cold as soon as they hit Dawson. Men are going to starve there this winter." "They agreed " Kit began. "Verbal," Shorty snapped him short. "It's your say so against theirs, that's all* (Jack London. Smoke Bellew (1912)). В этих краях голод, и они бросят тебя на произвол судьбы, как только мы доберемся до Доусона. Зимой здесь много людей погибнет от голода… — Но мы сгово-ри-лись… — начал Кит. — На словах! — оборвал Малыш. — А слова для них ничего не стоят: ты им одно, а они тебе другое [НКРЯ].

(52) *"Why can't we have one little sip of." "Not until we leave!" "But, Thon —" "No," snapped the scholar* (Walter M. Miller, Jr. A Canticle For Leibowitz (1960)). — Ни в коем случае, пока мы не уедем! – Но дон… – Нет, – отрезал ученый [НКРЯ].

Типичным случаем прерывания являются ситуации неравенства (см. п. А.1.).

(53) *The officer behind the wheel nodded. "He's right, commander. My wife and I —" "Drive," Olivetti snapped* (Dan Brown. Angels and Demons (2000)). Сидевший за рулем швейцарец радостно закивал и произнес: — Он прав, Коммандante, мы с женой… — Ведите машину! — бросил Оливетти [НКРЯ].

IV. Итак, в данной статье мы попытались провести анализ значений и употреблений глагола *snap* как маркера речевой агрессии. Наше исследование показало, что *snap* выступает в двух основных функциях — в функции показателя наступательной агрессии и в функции показателя реактивной формы агрессии. В последнем случае он может использоваться и как маркер агрессивной реакции на предшествующий речевой акт, и как маркер агрессивной реакции на некоторую экстралингвистическую ситуацию. При этом агрессивная реакция может быть связана с ситуацией, которая имела место в прошлом (т.е. отстоит по времени от описываемой ситуации общения). Это — так называемая отложенная агрессия. Особый интерес вызывает функционирование глагола *snap* в ситуа-

циях перебивания собеседника, которые тоже могут рассматриваться как проявления речевой агрессии. Как показал наш материал, прерывание речи собеседника может диктоваться стремлением взять верх над собеседником, самоутвердиться или навязать свою точку зрения в процессе коммуникации. Перебивание может также носить характер угрозы.

Примечания

Snarl: «1. рычать, ворчать (о животном): the dog snarls at strangers — собака рычит на посторонних; 2. 1) ворчать, брюзжать; огрызаться» [НБАРС]; «1. of a dog or other animal, to growl in a threatening or vicious way, esp. with bared teeth. 2. to speak sharply with anger or menace» [WED]. Growl: «1. рычать: the dog growled at me - собака зарычала на меня; 2. (тж. growl out) ворчать, жаловаться; рычать, огрызаться: to growl out a refusal - с ворчанием отказаться; “Get out!” he growled — «Убирайся!» — прорычал он» [НБАРС]; «1. (of an animal, especially a dog) make a low guttural sound of hostility in the throat: ‘the dogs yapped and growled about his heels’. 1.1. [with direct speech] (of a person) say something in a low grating voice, typically in a threatening manner: ‘“Keep out of this,” he growled’» [OD].

Список условных сокращений

OD — Oxford English Dictionary // http://en.oxforddictionaries.com.

OED — Harper D. Online Etymology Dictionary 2011—2015 //http://www.etymonline.com.

OUD — The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. Oxford University Press, Amen House, London E.C., 1955.

НБАРС — Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М., Русский язык, 1993—1994.

УШ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940.

Литература

1. Андреева Е.Г. Сопоставительный анализ семантических классов глаголов, вводящих прямую речь (английский и русский языки) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Выпуск № 1. Том 16. 2015 // http://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-semanticheskih-klassov-glagolov-vvodyaschih-pryamuyu-rech-angliy- skiy-i- russkiy-yazyki.

2. Грайс Г.П. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIV. М: Прогресс. 1985. С. 217-237.

3. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. №1. С. 60—67.

4. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

5. Илюхина А.С. Семантика английского глагола *retort* // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. Выпуск 8. Москва, 2016. С. 175—195 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2016_08/4.pdf.

6. Кронгауз М. А.Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.

7. Падучева Е.В. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур. 2009.

8. Сычева И.Б. Встречный вопрос и его функционирование в динамике диалога. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Орел, 2008 // http://dspace.kpfu.ru

9. Українсько-російський словник. Ред. І. М. Кириченко (у 6 томах). Видавництво Академії Наук Української РСР, Київ, 1953 // http://books.dokladno.com.

10. Чернышова Т.В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста. Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 206—213 http://www.philology. ru/linguistics2 /chernyshova-00.htm.

Е.Р. Иоанесян (Институт языкознания РАН)

E.R. Ioanesyan (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Способы номинации сожаления и раскаяния в языке

Naming regret and remorse in language

Аннотация

Статья посвящена изучению способов номинации раскаяния и сожаления в нескольких языках — русском, английском, французском, испанском и некоторых других. В качестве методики описания выбран аппарат семантических переходов, отражающих изменения значения слов, регулярно воспроизводящихся в разных языках. Полученные результаты могут представлять интерес для лингвистической типологии.

The article is devoted to the linguistic expressions of the regret and remorse in several languages, including Russian, English, French and Spanish. Analysis of the semantic shifts is proposed as a method of the study. The data received may be of interest for linguistic typology/

Ключевые слова

Семантические переходы, языковая картина мира, семантическая типология, внутренняя форма слов, полисемия, фразеология

Semantic shifts, language picture of the world; semantic typology; inner form of words; polysemy; phraseology

1. Основные положения

Статья посвящена исследованию способов номинации сожаления и раскаяния в нескольких языках [1]. В работе используется инвентарь семантических переходов — «семантических отношений вида ‘a’ → ‘b’, с указанием конкретных лексем (как минимум

[1] Данная работа представляет расширенный вариант нашей статьи [8]. Кроме того, мы внесли некоторые изменения, в частности, в описание прототипического сценария описываемых эмоций. Статья продолжает серию наших исследований, посвященных изучению способов номинации эмоций в языке (см. [6; 7]).

двух), в которых данный семантический переход представлен — синхронно или диахронически» [3, 401]. Изучаются способы номинации сожаления и раскаяния, которые прослеживаются во внутренней форме слов, синхронной полисемии и фразеологии. Выделяется несколько моделей номинации, в которых задействованы компоненты прототипических ситуаций сожаления и раскаяния. Исследуются также «телесные метафоры», лежащие в основе языковой концептуализации эмоций сожаления и раскаяния.

2. Компоненты прототипической ситуации сожаления и раскаяния

В работе [3, 97] сформулировано общее значение сожаления: «Некоторое положение дел, не существующее в действительном мире, но которое МОГЛО БЫ в нем существовать, представляется человеку как ЛУЧШЕЕ по сравнению с тем, которое существует». Это, в частности, означает, что человека не устраивает имеющая место ситуация, она ему не нравится, она чревата неприятными последствиями для него, вызывает его недовольство.

Раскаяние отличается от сожаления в двух отношениях: 1) тем, что субъект раскаяния оценивает свой поступок, в то время как сожаление может относиться к разным ситуациям, в том числе и к неконтролируемым (см. противопоставление *сожалеть 1.1* и *сожалеть 1.2* в [3]); 2) тем, что оценка имеет этический характер и поэтому является абсолютной [там же, с. 516]. Однако для тех случаев, когда речь идет о поступках, сожаление и раскаяние сближаются, обозначая такое состояние, для которого «центральной является идея ошибочности выбора» [там же, с. 102]. Сожаление может включать компонент ʻпереживание’, для раскаяния этот компонент является обязательным [там же, с. 569].

В случае сожаления оценка своих действий носит относительный характер — это оценка по последствиям: хорошо тó, что влечет за собой хорошее, плохо тó, что влечет плохое [3, 516]. Если человек сожалеет/жалеет, что совершил какой-то поступок, это, в частности, означает, что он понимает возможные негативные последствия своего действия.

В основе раскаяния (а часто и сожаления) лежит чувство вины, которое сопряжено с мыслью о наказании, см. у К. Изарда: «Маэр утверждает, что переживание вины может заставить человека возжелать наказания <> переживание вины — результат самонаказания, что, однако, не исключает участия внешних воздействий» [5, 390, 408]. См., в [2, 146] определение глаголов *сожалеть*, *жалеть 2*, *раскаиваться*, *каяться 2*: «Эти глаголы в большинстве случаев обозначают не акт речи, а то неприятное чувство, которое возникает у человека в результате понимания, что его поступок Р причинил или мог причинить кому-то ущерб (иногда даже самому себе) и что поэтому было бы лучше, если бы он не совершал Р». Это означает, что прототипический сценарий сожаления/раскаяния может включать пациенса, человека, которому действиями субъекта был нанесен вред, а, следовательно, возможен еще один элемент ситуации — акт «наказания» виновного. При этом субъект и пациенс действия могут совпадать (см. выше определение из [2]).

Чувство вины обычно сопровождается желанием попросить прощения у человека, пострадавшего в результате действий субъекта: «Если вы чувствуете себя виноватым, у вас возникает желание загладить свою вину или хотя бы принести извинения человеку, перед которым вы провинились. Такое поведение — единственно эффективный способ разрешения внутреннего конфликта, порожденного виной» [5, 380]. Способность к раскаянию — одна из составляющих совести, которая выступает блокатором осуществления действий, противоречащих нравственным принципам: раскаяние часто заставляет человека прекратить подобные действия.

Кроме того, если человек испытывает сожаление или раскаяние по поводу того, что имеет место ситуация Р, он способен почувствовать сострадание к тем людям, которых данная ситуация затронула. Раскаяние может сопровождаться определенными поведенческими реакциями.

Итак, в прототипическую ситуацию сожаления и раскаяния входят следующие компоненты: (1) имеет место некоторая негативная ситуация Р; (2) недовольство субъекта сложившейся ситуацией Р; (3) испытание субъектом негативных последствий своих по-

ступков; (4) осознание субъектом ошибочности своего поведения; (5) наличие «переживания»; (6) чувство вины.

Кроме того, ситуация может расширяться за счет «инцидентных следствий» [10], или импликаций [9; 15] и включать дополнительно: (7) мысли о возможности/неизбежности наказания за проступок; (8) мысли о необходимости просьбы о прощении у пострадавшего человека; (9) отказ от продолжения деятельности, противоречащей этике; (10) чувство сострадания к людям, получившим ущерб от сложившейся ситуации; (11) поведенческие реакции. Одним из источников подобных следствий являются аксиомы человеческого поведения. Так, например, одной из аксиом является представление о том, что человек должен отвечать за свои действия, в частности, нести наказание за неблаговидные поступки.

3. Основные типы семантических переходов

I. Негативная ситуация P.

Наш материал показывает, что в качестве P может выступать ситуация нанесения вреда или ущерба: ʻущерб/вредʼ → ʻсожалениеʼ. Например:

(1) Пол. *szkoda* имеет значение ʻущерб, урон, убыток; вредʼ. Кроме того, оно используется в конструкции со значением ʻжаль, жалкоʼ: «1. «strata materialna lub moralna». szkoda II «żal, przykro, że...» [SJP]. См. примеры из художественной литературы: (а) *I ktokolwiek się na nich poważy, szkodę ponosi* (Andrzej Sapkowski. Lux Perpetua (2) (2006)). И каждый, кто посягнет на них, пострадает [НКРЯ]. (б) *Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929-1940)). Szkoda tylko, że nie zdążyłem zapytać profesora, co to takiego schizofrenia [НКРЯ].

(2) Укр. *шкода* представляет ту же полисемию: ʻвред, ущерб, шкода; (потеря) урон, лишениеʼ — ʻжаль, жалкоʼ. «1) Вредъ, убытокъ. Шкода нікому не мила. Ном. № 2301. 3) Какъ нарѣчіе: жаль. Теплий кожух, тільки шкода — не на мене шитий. Шевч. 124. Нема Петра, тілько Гриць, шкода ж моїх паляниць. Чуб. V. 101» [ГСУМ]. См. примеры из художественной литературы: (а) *И никому из людей от той белой птицы отро-*

дясь никакого вреда не бывало, нет и не будет (Т. Н. Толстая. Кысь (1986-2000)). І нікому з людей од тієї птахи білої, скільки світ стоятиме, ніякої шкоди не було, нема й не буде [НКРЯ]. (б) *Ах, як шкода, що я не захопила магнітофона!* (Василь Бережний. В зоряні світи (1956)). Ах, как жаль, что я не захватила магнитофона! [НКРЯ]. Аналогичная полисемия представлена в глаголе *шкодувати*: «1) жалеть, сожалеть; 2) вредить, причинять вред» [СУР].

(3) Исходное значение франц. *dommage* — ʻвред; ущерб' «damage 1080; de dam. 1. Préjudice (ущерб) subi par qqn. ⇒ atteinte, dam, détriment, tort. Dommage corporel, qui porte atteinte à l'intégrité physique d'une personne. Dommage moral, qui porte atteinte à l'honneur, aux sentiments de qqn. Dommage causé avec intention de nuire» [PR]. У него было также значение ʻнеприятная ситуация, вещь' (ныне устаревшее): «Chose fâcheuse. *Il y a déjà longtemps que je suis vieux* [...] *Le dommage est, non point de trop durer, mais bien de voir tout passer autour de soi* (France)» [там же]. В современном языке слово используется в конструкциях *Quel dommage*, *il est dommage*, *c'est dommage*, *dommage que* для выражения сожаления: «*Ce serait vraiment dommage qu'il pleuve*» [там же], «*C'est dommage*, *c'est bien dommage*, *c'est grand dommage*, *quel dommage*! manières d'exprimer ce que certaines choses ont de fâcheux, de regrettable. *C'est dommage que ce livre-là ait été condamné à Rome*, PASC. Prov. 4» [EL]; «*Quel dommage de ne pas savoir l'hébreu!* (THARAUD, An prochain, 1924, p. 192)» [TR].

II. Недовольство сложившейся ситуацией.

Указанный компонент, по-видимому, лежит в основе полисемии латинского глагола *poenitere* ʻбыть недовольным' — ʻсожалеть'/ʻраскаиваться'. Этот глагол, согласно [EDLV], происходит от существительного *poena*: по одной из версий от смысла ʻмука, страдание', по другой — от смысла ʻкара, наказание' [2]. У него выделяются следующие значения: 1. Быть недовольным / вызывать недовольство: *memet mei poenitet* (C.) — я сам на себя негодую [ЛРС]; *an vos poenitet, quod salvum exercitum traduxerim?* (Cs.) — или вы

[2] И смысл ʻмука, страдание', и смысл ʻкара, наказание' могут лежать в основе семантического перехода к значению ʻсожаление/раскаяние', см. ниже.

недовольны тем, что я переправил армию в полной сохранности? [ЛРС]; *Nostri nosmet poenitet* (Terent.) Jamais rien de ce que nous faisons ne nous plaist, — Nous ne sommes jamais contents de nous mesmes; *Poenitet me verbi tui* (Cic.) — Ceste parolle que tu dis ne me satisfait point [EDL]. 2. Сожалеть / раскаиваться: *poenitet me hoc fecisse* (C, Sen.) (quod hoc feci C, L) — я жалею о том, что сделал это [ЛРС]; *Eos peccatorum suorum maxime paenitet* (Cic. Div. 1, 63) — Ils regrettent vivement leurs fautes [JWH]; *Sapientis est nihil, quod paenitere possit, facere* (Cic. Tusc. 5) — C'est le propre d'un sage de ne rien faire dont il puisse se repentir [JWH].

Схожая семантическая деривация представлена, по-видимому, в итальянском глаголе *dispiacere* и образованном от него существительном *dispiacere*. Исходное значение глагола ʻбыть неприятным, не нравиться': «[lat. **displacēre*, rifacimento del class. *displicēre*, comp. di *dis*-1 e *placēre* «piacere» [VT]. Кроме того, глагол имеет значение ʻсожалеть' [3]: «A v. intr. 1. Non piacere, riuscire sgradevole: *un suono aspro che dispiace all'orecchio*; *un gusto che non mi dispiace*. CONT. piacere 3. Rincrescere, provare rammarico, spec. come formula di cortesia: *mi dispiace dovertelo dire*; *dispiace a tutti noi che questo sia accaduto*; *me ne dispiace sinceramente*. B v. intr. pronom. *dispiacérsi*. Provare rammarico: *mi dispiaccio di quanto ti è capitato*; *si è dispiaciuto molto per il tuo rifiuto*» [GDH]. Например: *Amico mio, mi dispiace doverti dare una cattiva notizia!* (Carlo Collodi. Pinocchio (1883)). Мой дорогой друг, я должен, к сожалению, сделать тебе неприятное сообщение [НКРЯ]. Существительное *dispiacere* тоже используется в значении ʻсожаление': (а) *Con mio sommo dispiacere, non abbiamo potuto farlo prima di perdere così tante vite*. To my deepest regret, we couldn't do it before so many lives were lost [CID]. (б) *Signor Presidente, è con un certo dispiacere che voterò a favore dei compromessi*. Monsieur le Président, c'est non sans regret que je voterai en faveur des compromis présentés [CID].

Полисемия ʻне нравиться' / ʻвызывать неудовольствие' — ʻсожалеть'/ʻиспытывать угрызения совести' отмечена у итальянского глагола *rincrescere*:

[3] Эти значения отмечены в итальянско-русских словарях, см., например, [СМИ]. См. также об этом глаголе ниже.

«1) Испытывать сожаление, сожалеть, огорчаться; 2) быть причиной неудовольствия; *Sono cose che rincrescono* — это неприятные вещи [СМИ]; «impers. Essere causa di dispiacere (più raram. di molestia), di rammarico e anche, a volte, di rimorso: *mi rincrebbe molto di vederlo così avvilito*; con l'idea del rimorso: *gli è rincresciuto di averti offeso*; *non mi rincresce di avergli detto quel che meritava*» [VT]; «mi rincresce (che/di) — je regrette (que/de): *Un giorno, le rincrescerà non averlo fatto*. Un jour, vous le regretterez» [CIF]; « *Mi rincrescerebbe portare indietro un cadavere perché uno di voi ha starnutito*. I'd hate to be taking back a corpse because one of you all sneazed» [CID]. Приведем несколько примеров из литературы: (а) *А нанимать на деревне, во-первых, неприятно для меня, а главное, они возьмутся, но не довезут* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина (ч. 5—8) (1873—1877)). E poi, prenderli in affitto al paese, in primo luogo mi rincresce, e poi anche se prenderanno l'incarico, non ti porteranno fin là [НКРЯ]. (б) Так как Левин уже все это слышал, он поторопился сказать Метрову, что сожалеет, что не может воспользоваться его приглашением, раскланялся и поехал ко Львову (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (ч. 5—8) (1873—1877)). Poiché Levin aveva già sentito tutto questo, si affrettò a dire a Metrov che gli rincresceva di non poter profittare dell'invito, salutò e andò da L'vov [НКРЯ]. (в) *Ах, не плачь! Мне так жалко*[4]*, что я так обманывала тебя, но ничего теперь не поделаешь* (Владимир Набоков. Лолита (1955—1967)). Oh, non piangere, mi rincresce di averti tanto ingannato, ma così è la vita [НКРЯ].

У латинского глагола *pigere*, который употреблялся в основном в безличной форме *piget*, в словарях отмечаются значения 'быть недовольным', 'испытывать отвращение', 'испытывать сожаление/раскаяние': 1. «*nec me meminisse pigebit Elissae V* — и мне будет отрадно вспомнить Элиссу» [ЛРС]; «*fratris me pudet pigetque*, Ter. Ad. 3, 3, 37: mon frère me fait honte et me fait peine» [JWH]; « *piget mei* (s.-ent. me), Cic.: je ne suis pas content de moi» [JWH]; «*me civitatis morum piget*, les moeurs publiques m'affligent» [NDL]; 2. «*pigere eum facti coepit*: il commença à regretter son action» [JWH]; «*quod nos postea pigeat*, ce dont nous repentirons plus tard» [NDL].

[4]Русские *жалко*, *жаль*, *жалеть* обозначают и жалость-сочувствие, и сожаление.

III. Испытание негативных последствий своих поступков.

Этот аспект отражен в полисемии русского *пожалеть*, синонима глагола *сожалеть*: *Я сожалею/жалею/пожалел, что не поехал в экспедицию*. Кроме того, *пожалеть* употребляется в следующем значении: *X пожалел, что совершил P* ≈ 'X испытал неприятные последствия действия P'. Например: (а) *Потому что это все равно, что попросить Соловья-Разбойника насвистать мотивчик колыбельной песни, – сильно потом пожалеешь* (Дина Рубина. Окна (2011)) [НКРЯ]. Очевидно, что здесь речь идет не о том, что героиня будет испытывать чувство сожаления, а о том, что она столкнется с последствиями своих действий. (б) *А однажды, когда Мила была ещё совсем крохой, маме пришлось пожалеть, что оставила дочь одну. Под кроватью стояла корзина с яйцами – штук 50. И вот мать возвращается и видит, как дочь, сидя на полу, методично достаёт яйца по одному, разбивает о край корзины, отбрасывает на пол, берёт следующее* (Наталья Склярова. Казаки-разбойники (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.01.10) [НКРЯ]. См. показательный в этом отношении перевод русской фразы с глаголом *пожалеть* на английский язык: (в) *Когда кони шли рысью по широкой дороге, что протянулась между границей и местечком Берездовом, комбат рассказывал: — На границе глаз нужен. Чуть проспишь, горько пожалеешь* (Н.А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 2) (1930—1934)). "You have to keep your eyes open on the border," the Commander said to his companion as their horses cantered along the broad road leading from the frontier to Berezdov. "The slightest slip can cost you dearly" [НКРЯ][5].

Аналогичная полисемия отмечается у французского глагола *se repentir* [6]. См., например, определение из [PR]: «Regretter (une action), souhaiter ne pas l'avoir faite; et par ext. Subir les conséquences désagréables (d'un acte). *Se repentir d'un acte* (cf. S'en mordre les doigts). *Se repentir amèrement d'avoir trop parlé. Il s'en repentira,* se dit par menace». См.

[5] Мы так подробно останавливаемся на этом значении глагола *пожалеть* потому, что в словарях оно не выделяется.

[6] Этот глагол совмещает смыслы 'сожалеть' и 'раскаиваться', см. в [PR]: «1. Ressentir le regret (d'une faute), accompagné du désir de ne plus la commettre, de réparer ⇒ regretter: *Se repentir d'une faute, d'avoir commis une faute.* — Absolt *«il y aura plus de joie dans le ciel pour un seul pécheur qui se repent que pour quatre-vingt-dix-neuf justes*» (ÉVANGILE saint Luc)».

также в [TR]: «Faire repentir qqn de qqc. Faire subir à quelqu'un les conséquences fâcheuses de son attitude; punir. *C'est dans cet endroit charmant, que vers l'année 1730, on envoya un fort détachement pour faire repentir les sauvages de leurs insultes continuelles* (BAUDRY DES LOZ., *Voy. Louisiane*, 1802, p. 22). *Je l'en ferai bien repentir* (*Ac.*). "Je lui ferai payer cher" (*Ac.*)». См. также английское прилагательное *sorry*. Оно имеет значение 'испытывающий или выражающий сожаление': «Feeling or expressing regret, especially for a misdeed or mistake: *He said he was sorry for breaking the window*» [AHD]. Кроме того, фразы вида *X was/will be sorry for P/that P* используется для передачи смысла 'X пожалел/пожалеет, что P': «*You'll be sorry* used to tell someone that they will soon wish they had not done something, especially because someone will be angry or punish them: *Don't you dare do that again, or you'll be sorry!*» [MD]; *But the escaped convicts smashed up the one in the Pavilion soon after I showed them how to work it. They hated it, and I didn't blame them. I was immediately sorry that I had let them know of its existence* (Kurt Vonnegut. Hocus Pocus (1990)). Но беглые заключенные разбили вдребезги тот, что был у нас в Павильоне, почти сразу после того, как я научил их, как с ним обращаться. Они его возненавидели, и я их не виню. Я сразу же пожалел, что вообще позволил им узнать, что это такое [НКРЯ].

IV. Осознание субъектом ошибочности своего поведения.

Идея ошибочности выбора объясняет, как представляется, полисемию латинского глагола *resipiscere* [7] означал 'придти в себя', 'одуматься, образумиться, опомниться' [8] и 'раскаиваться' [ЛРС.], «1. reprendre connaissance 2. revenir à la raison, recouvrer la raison, se repentir» [OLD]. Французское существительное *résipiscence* [9]впервые фиксируется в языке в начале 15 в. в значении 'образумиться': «une première fois en 1405 au sens de «retour à la raison»» [BW]; в 16 в. оно используется в значении 'раскаяние': «1542; «retour à la raison» 1405; lat. ecclés. *resipiscentia*, même rac. que *sapere*. ♦ Relig. ou littér. Reconnaissance de sa faute avec amendement. ⇒ regret, repentir; pénitence» [PR]. См. также семантическую

[7] Образован от глагола *sapere*, одним из значений которого было 'быть рассудительным, разумным'.
[8] См., определение рус. *одуматься*, *образумиться*, *опомниться*: «Одуматься. Подумав, переменить намерение, поняв ошибочность его» [ОЖ].
[9] «ÉTYMOLOGIE: Lat. resipiscentia, de resipisco, redevenir sage, de ré, et sapere, être sage» [EL].

деривацию английского существительного *resipiscence* редк. — ʻраскаяниеʼ [НБАРС]: «literary acknowledgment that one has been mistaken» [CED]; «Properly, wisdom derived from severe experience; hence, repentance. [Little used.]» [WRU 1913].

Смысл ʻосознание своей ошибкиʼ лежит в основе полисемии ʻсожалетьʼ/ʻраскаиватьсяʼ — ʻизменить мнение/передумать/одуматься под влиянием чувства сожаления о сделанномʼ у глаголов *arrepentirse* (исп.), *arrepender-se* (порт.), *pentirsi* (ит.), и *to repent* (англ.), восходящих к латинскому глаголу *poenitere* [10]:. См., например, толкование английского глагола *to repent*: «to feel such regret or dissatisfaction over some past action, intention, etc. as to change one's mind about» [WNW]; «To change the mind in consequence of the inconvenience or injury done by past conduct» [WRU 1828]; «to feel such sorrow for sin or fault as to be disposed to change one's life for the better; be penitent» [RHU]. В дальнейшем, как следует из толковых словарей и примеров, глагол стал обозначать также и простое изменение решения [11], например: «2 a: to feel regret or contrition; b: to change one's mind» [MWD]. Приведем несколько примеров из параллельного корпуса [НКРЯ]: (а) *Tom tried to put his arm about her neck, but she pushed him away and turned her face to the wall, and went on crying. Tom tried again, with soothing words in his mouth, and was repulsed again. Then his pride was up, and he strode away and went outside. He stood about, restless and uneasy, for awhile, glancing at the door, every now and then, hoping she would repent and come to find him* (Mark Twain. The Adventures of Tom Sawyer (1876)). Том попробовал обнять Бекки, но она его оттолкнула, повернулась лицом к стене и плакала не переставая. Том опять было сунулся к ней с утешениями и опять был отвергнут. Тогда в нем заговорила гордость, он отвернулся от Бекки и вышел из класса. Он долго стоял в нерешимости и тревоге, то и дело поглядывая на дверь, в надежде, что Бекки одумается и выйдет к нему. (б) *We will give you time to repent your words. Gather your wisdom ere we*

[10] Английский глагол – от ст.-франц. *repentir* [OED; OUD]. Если ориентироваться на данные словарей, латинский глагол не дифференцировал сожаление и раскаяние [LPC; DLFG; GDL; JWH и др.].

[11] Отметим, что англо-русские словари не отмечают значение ʻизменить мнение, решениеʼ, фиксируя только значение ʼсожалениеʼ и/или ʻраскаяниеʼ.

return! (J.R.R. Tolkien. The Hobbit (1937)). Мы дадим вам срок одуматься. Образумьтесь к нашему приходу! НКРЯ].

Аналогичная деривация наблюдается у испанского *arrepentirse*, итальянского *pentirsi*, португальского *arrepender-se*. (а) *Arrepentirse* (исп.): «1. Sentir una gran pena por haber hecho algo malo o por haber dejado de hacer algo: *Me arrepiento de todos mis pecados*. 2. Cambiar de opinión o no cumplir un compromiso: *Dijo que vendría con nosotros, pero después se arrepintió y se quedó en casa*» [DCD]; (б) *Pentirsi* (ит.): «1. Provare dolore e rimorso del male commesso, accompagnati da un senso di intima condanna per l'azione o il comportamento (anche di omissione) giudicati colpevoli o ingiusti: mi pento d'averlo offeso; con partic. riferimento alla penitenza nel sign. religioso: pentirsi dei proprî peccati 2. estens**. a.** Rimpiangere, provare dispiacere di aver fatto o di non aver fatto qualcosa: spero non dovermi pentire d'averti confidato questo segreto; b. Cambiare opinione, desiderare di tornare indietro sulle proprie decisioni, per lo più in usi assol.: *aveva detto di sì ma s'è pentito subito*; *ormai il contratto è firmato, e pentirsi non serve a nulla* [VT]; (в) *Arrepender-se* (порт.): «1. Lamentar ou ter pena por alguma coisa feita ou dita ou não feita ou não dita. 2. Mudar de intenção ou de ideia» [DA]. Интересно, что в толкованиях испанского *arrepentirse* и португальского *arrepender-se* содержится прямое указание на изменение решения, «вернувшись назад», т.е. в точку принятия неправильного решения: «*Arrepentirse*: Lamentar haber hecho o dejado de hacer algo' y 'volverse atrás en una decisión'» [DPD]; «*Arrepender-se*: Mudar de ideia ou atitude, voltar atrás: *Álvaro ia pedir demissão, mas arrependeu-se*» [DCA]. Это перекликается с определением сожаления [12] и раскаяния в [3, 571] как такого состояния, «в котором находится человек, когда, думая о некотором своем поступке P, он считает, что, если бы можно было «вернуться назад» и снова принимать решение делать или не делать P, он бы не сделал P». В церковнославянском языке глагол *размыслити* имел значения 'передумать, раскаяться, сожалеть': <> … ***зане размыслихъ, ѣкѡ сотворихъ а*** (и сказал Бог: истреблю человека, которого Я создал) ибо раскаялся, что создал их (*Быт. 6, 7*) [СТС, 295]. См.

[12] Речь в приведенной цитате идет о *сожалеть 1.1*, которое в указанной работе, относится к сожалению о совершенных человеком поступках.

также глагол *раскаѧтися*: «**1.** взять назад, пожалеть о сделанном. **2**. переменить мысль. ***и видѣ бг̑ дѣла ихъ… и раскаѧсѧ бг̑ ѡ злѣ, еже глаголаше сотворити имъ, и не сотвори*** и увидел Бог дела их… и переменил Свою мысль о бедствии, о котором говорил, что сотворит им, и не сотворил (*Иона 3, 10*)» [там же, с. 300].

Идея ошибочности принятого ранее решения, содержащаяся в сожалении о своих поступках (X сожалеет, что P = ʻX считает, что если бы можно было вернуться назад, то он не сделал бы P [3, 112]), наличествует в одном из значений наречия *напрасно*: «*Я* (*со*)*жалею, что отказался* ≈ *Я напрасно отказался* [там же, с. 113]. Это, как представляется, лежит в основе полисемии украинского слова *шкода* (см. также выше) в предикативном употреблении: ʻжаль, жалко’ — ʻнапрасно’. См. в [ГСУМ]: «Какъ нарѣчіе: жаль. Шкода, нар. Напрасно. Шкода казати. Ном. № 5182». Приведем 2 примера на значение ʻнапрасно’ из художественной литературы: (а) *У городського «босяка»—пролетарія можна часом відшукати божу іскру людяності, заронену в черстве серце городським життям, але шкода шукати такої іскри на селі, де, з одного боку, покора та рабство, а з другого — здирство та святобожність* (Павло Грабовський. Лист до Б. Грінченка, 3 лютого 1902 р. (1902)). У городского «босяка», пролетария, можно иногда найти искру божию человечности, зароненную в черствое сердце городской жизнью, но напрасно искать такой искры в селе, где с одной стороны покорность и рабство, а с другой — шкуродерство и набожность [НКРЯ]. (б) *Правду мені вповіла баба Палагна: «Що як, каже, половина тебе всередині обірвалася, то шкода вже й надію мати* (Лесь Мартович. Грішниця (1904)). Правду мне говорила баба Палагна: «Раз, говорит, половина у тебя в середке оборвалась, — так нечего и надеяться [НКРЯ].

V. Наличие переживания

У некоторых предикатов значение ʻсожаление’/ʻраскаяние’ развилось от более общего значения — значения ʻдушевная боль’. Так, например, испанское существительное *pesar* имеет значения ʻдушевная боль’ и ʻсожаление, раскаяние’: «1. (no contable) Sentimiento de dolor y pena: *Marta tiene un gran pesar por la muerte de su padre*. 2. (no contable) Arrepent*imiento: Sentí tanto pesar que le pedí perdón. Nos produjo gran pesar haberle hecho*

tanto daño. Sinónimo: *remordimiento*» [GCD] [13]. См. также глагол *apesarar* ʻ огорчать, опечаливать' [ИРС], у прономинальной формы этого глагола — *apesararse* — в Чили отмечено значение ʻка́яться, раска́иваться [ИРС; БИРСЛА]. Полисемия ʻдушевная боль' и ʻсожаление'/ʻраскаяние' отмечаются и у португальского существительного и глагола *pesar*: «Sentimento ou dor interior. Arrependimento. Remorso» [DA]. Английское прилагательное *sorry* ʻиспытывающий или выражающий сожаление' изначально обозначало душевную боль: «Old English sarig "distressed, grieved, full of sorrow" (not found in the physical sense of "sore"), from Proto-Germanic *sairiga- "painful" [OED], «1. Pained at heart» [OUD]. Во французском глаголе *déplorer* (от лат. *deplorare*) представлен переход ʻоплакивать кого-л., что-л.', ʻиспытывать душевную боль по какому-л. поводу' — ʻсожалеть': «XII e; lat. deplorare. 1. Littér. Pleurer sur, s'affliger à propos de (qqn ou qqch.). Déplorer la perte de qq. 2. Cour. Regretter beaucoup. *Combien je déplore, monsieur, d'avoir à vous gâter* [...] *les illusions où vous vous complaisez!*» (Courteline)» [PR]. См. литературные примеры на указанные два значения: (а) *Depuis quinze années, le bonhomme déplorait la perte de sa chère Juana* (Honoré de Balzac. L'Élixir de longue vie (1830)). Уже пятнадцать лет старик оплакивал кончину милой своей Хуаны [НКРЯ]. (б) *Я пришел к себе на квартиру, и нашел Савельича, горюющего по моем отсутствии. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)). Je rentrai chez moi et trouvai Savéliitch qui déplorait mon absence. La nouvelle de ma liberté recouvrée le combla de joie [НКРЯ]. (в) *Действительно, у ней были иные весьма смешные привычки; но скажу вам прямо, что я искренно сожалею о бесчисленных горестях, которых я был причиной* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)). Elle avait en effet certaines habitudes fort ridicules; mais je vous dirai franchement que je déplore sincèrement les innombrables chagrins que je lui ai causés [НКРЯ].

Похожая семантическая деривация имела место во французском *regretter* и английских *regret* и *to regret*. Так, французский глагол *regretter*, употребляющийся в совре-

[13] Это явление отличается от семантических переходов, в основе которых лежит «телесная метафора души», см. ниже.

менном языке в значении ʻсожалетьʼ, предположительно происходит от др.-скандинавского *grâta* ʻплакатьʼ [BW; PR]. Изначально он означал ʻоплакивать чью-то смертьʼ: «se lamenter sur un mort» [BW], затем стал использоваться в значении ʻгоревать по поводу утраты кого-л./чего-л.: «ressentir de façon plus ou moins pénible la perte ou l'absence de quelque chose ou de quelqu'un» (Bueve de Hantone, I, 725 ds T.-L.)» [TR]. См. также английское существительное *regret* ʻсожалениеʼ, исходным значением которого в словарях указывается смысл ʻдущевная боль, переживаниеʼ: «[Fr. *regret*; either from the root of grate, or more directly from the root of Sp. and Port. *gritar*, It. *gridare*, Sw. *gråta*, Ice. *groet*, Dan. *græder*, Goth. *grietan*, W. *grydiaw*, to scream or cry out, to utter a rough sound; in some dialects to weep or lament. But grate and Sp. *gritar* are probably of the same family]. 1. Grief; sorrow; pain of mind. We feel regret at the loss of friends, regret for our own misfortunes, or for the misfortunes of others. Never any prince expressed a more lively regret for the loss of a servant. – Clarendon» [WRU 1844].

В испанском глаголе *lamentar* (от лат. *lamentari* ʻрыдатьʼ, ʻоплакиватьʼ) тоже наблюдается полисемия ʻсожалетьʼ/ʻраскаиватьсяʼ — ʻиспытывать душевную больʼ: «1. vt жалеть, сожалеть; *lamento que no esté aquí tu hermano* — я сожалею, что здесь нет твоего брата; *es de lamentar* — это достойно сожаления; 2. vi горевать, сокрушаться; убиваться (разг.)» [ИРС]. В некоторых словарях смыслы ʻдушевная больʼ и ʻсожалениеʼ/ʻраскаяниеʼ объединены в одно значение: «Sentir pena, contrariedad, arrepentimiento, etc., por alguna cosa. *Lamento haber llegado tarde*» [DRAE]. У английского глагола *to lament* выделяется значение ʻгоревать, сокрушатьсяʼ [НБАРС], а в толковых словарях отмечено также значение ʻиспытывать глубокое сожалениеʼ: «To regret deeply: *He lamented his thoughtless acts*» [AHD], «to regret strongly» [MWD].

Итальянский глагол *dolere* имеет значение ʻвызывать душевную больʼ, а в прономинальной форме используется в значении ʻсожалеть, раскаиватьсяʼ: «причинять страдание, огорчать: *gli duole la tua condotta* — его огорчает твое поведение; сожалеть (*о* + P), раскаиваться (*в* + S): *mi dolgo di averlo detto* — я сожалею о том, что сказал это» [СМИ]. В итальянских толковых словарях у прономинальной формы фиксируется общее значение

ʻдушевной болиʼ и ʻсожаления, раскаяния: «intr. pron. Provare dolore o pentimento di un fallo commesso, della propria condotta: *mi pento e mi dolgo dei miei peccati*; *si è dovuto spesso d. della sua impulsività*» [VT]. См. также испанское *dolor*, у которого в словаре [ИРС] отмечены значения ʻпечальʼ (душевная больʼ) и ʻсожаление, раскаяниеʼ: *¡que dolor!* — какая жалость!

VI. Чувство вины

В основе раскаяния, а часто и сожаления, как уже отмечалось, лежит чувство вины, которое возникает в результате совершения поступка, нарушающего моральные, этические или религиозные нормы. Способность человека оценивать свои действия с точки зрения их согласия с нравственными стандартами определяется совестью: «Зрелая совесть и связанные с нею эмоции образуют аффективно-когнитивную структуру, которая оценивает каждый шаг человека на предмет его соответствия нравственным принципам» [5, 369—370]. Способность к раскаянию – одна из составляющих совести, см. у К. Изарда: «совесть, по Мауреру, представляет собой, с одной стороны, способность устоять перед искушением, а с другой — способность к раскаянию» [5, 387] [14]. В английском слове *compunction* отмечается полисемия ʻугрызения совестиʼ — ʻраскаяние; сожалениеʼ: «1. uneasiness about the propriety or suitability of an action; qualm. *He had no compunctions about stealing*. Syn. qualm, scruple; 2. regret for doing something wrong or harmful; contrition: *He confessed to defrauding hundreds of clients, but showed no compunction*. Syn. contrition, penitence, regret» [WED].

Возможно, указанная связь между виной и сожалением лежит в основе появления значения ʻвинаʼ у украинского слова *шкода* ʻсожалениеʼ (см.выше) в диалектах: «розм. Те саме, що вина 1. *Чия шкода, того й б'ють*» [СУМ] [15].

VII. Наказание

Наличие в ситуации сожаления или раскаяния пациенса человека, который потерпел ущерб от действий субъекта (при этом субъект и пациенс действия могут совпадать),

[14] См. примечания.
[15] Другой возможный путь эволюции — от значения ʻущербʼ к значению ʻвинаʼ.

вводит, как уже отмечалось, дополнительный компонент ситуации — наказание. Искреннее раскаяние может вызывать у человека мысли о возможности или неизбежности наказания за совершенные действия, и даже о самонаказании. Это, как нам представляется, определило семантические переходы вида ʻраскаяние' → ʻнаказание/самонаказание'. Французское существительное *pénitence* ʻраскаяние; покаяние' происходит от лат. *pœnitentia* ʻраскаяние': «1050; lat. pœnitentia, de pœnitere « se repentir» [PR]. От значения ʻраскаяние' произошел переход к значению ʻепитимья': «Une pénitence: peine que le confesseur impose au pénitent», а затем — к значению наказания в обычном, не религиозном смысле: «châtiment, punition. Pénitence infligée à un coupable. *Pour ta pénitence, tu copieras cent lignes*» [там же]. У итальянского когната — существительного *penitenza*, тоже выделяются значения ʻраскаяние' и ʻнаказание': «1 Pentimento per un male commesso. 2 estens. Castigo, punizione, spec. riservata ai bambini: *oggi, per p., resterai senza gelato*; *lo mandò a fare p. in un angolo della classe*» [GDH]. Приведем примеры из художественной литературы: (а) Dove Bencio da Upsala confida alcune cose, altre ne confida Berengario da Arundel e Adso apprende cosa sia la vera penitenza (Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)). … где Бенций Упсальский кое-что рассказывает, еще кое-что рассказывает Беренгар Арундельский, и Адсон узнает, каково подлинное раскаяние [НКРЯ]. (б) Io ero stato male, non era giusta quella penitenza (Niccolò Ammaniti. Io non ho paura (2001)). По-моему, он хватил через край — такое наказание было несправедливым [НКРЯ].

Аналогичный переход отмечен в английском существительном *penance* (от старофранцузского *pen*(*e*)*ance*, восходящего к уже упомянутому лат. *pœnitentia* ʻраскаяние' [OED; OUD]). В современном языке у этого слова выделяются значения ʻраскаяние', ʻепитимья', ʻкара, наказание'. Приведем пример на последнее из указанных значений, поскольку оно отмечается не во всех англо-русских словарях: «He believed the death of his child was penance for his sins» [MD]. Отметим также, что прилагательное *пенитенциарный* — ʻсвязанный с наказанием, преимущественно уголовным (в юриспруденции)' [СТСРЯ], является галлицизмом, восходящим к лат. *pœnitentia* ʻраскаяние' [ИСГ].

Русский глагол *каяться* и, соответственно, *раскаяние*, «родственно др.-инд. cáyatē "мстит, наказывает", авест. kāy- "оплатить, каяться", čikayaṯ̃ "пусть он раскается, накажет, отомстит", kaēnā "наказание, месть", kaϑa- ср. р. "воздаяние, уплата", греч. τίνω, гомер. τῑ́νω (*τίνω) "плачу, каюсь", ποινή "покаяние, наказание"» [ФЭ] [16]. «Сербохорв *kajati* (стар.) ʻраскаиваться', ʻсожалеть', ʻгоревать, печалиться (по ком)', ʻмстить (о кровной мести)'» [ЭССЯ]. См. также в [ПР]: «Перегласов. к цѣна. Ср. сскр. cáyate *мститъ*, *наказываетъ*, зенд. kaēnā *наказаніе*, *месть*». См. также русский глагол *казниться*, имеющий значение ʻтерзать себя, раскаиваясь, сознавая вину' [УШ], тоже в основе своей содержит идею самонаказания.

По-видимому, к идее самонаказания восходит и употребление английского *to kick oneself* в значении ʻсожалеть' (букв. ʻударять себя ногой'): «to heap reproaches upon (oneself) <kicked themselves for not going» [MWD], « *He kicked himself for not buying the house sooner*» [MD]. Это значение зафиксировано в 1891 г.: «To kick oneself in self-reproach is from 1891» [OED].

Семантические переходы вида ʻраскаяние/сожаление' — ʻнаказание' являются, как нам представляется, частным видом более общего семантического перехода вида ʻпроступок/нанесение ущерба, вреда/преступление' — ʻнаказание'. В качестве примеров указанного перехода можно назвать следующие:

(1) *Injuria* (лат.): правонарушение; вред, ущерб; обида — возмездие, кара [ЛРС]; «Any thing that is done contrary to justice and equity, injury, wrong, violence; Revenge or punishment for injury inflicted: injuria consulis, etiam si justa, non tamen in magistratu exercenda, Liv. 42, 1, 12: injuria caedis nostrae, Verg. A. 3, 256» [LSL].

(2) *Noxa* (лат.): вред, ущерб; вина, проступок, преступление; наказание, кара: merere noxam L заслужить наказание [ЛРС]; «A) Action qui cause du dommage? c.-à-d. faute, délit, méfait, crime, contravention = de-lictum. B) peine, punition, châtiment» [GDL].

(3) *грѣхъ* (др.-рус.): ошибка, грѣхъ; наказание [СР]. Ср. также в «Словаре церковнославянского и русского языка» [СЛЦСЯ] выделение у этого слова значения ʻбеда,

[16] «Др.-русск., русск.-цслав. *каѣти* ʻпорицать'» [ЭССЯ].

напасть, несчастье', что тоже возможно связано с осмыслением беды и напасти как наказания, возмездия за плохие поступки. См. также в [ЭССЯ] о диалектных значениях слова *грех* в русском языке: «диал. русск. грех ʻо ком-, чем-либо, приносящем неприятность, напасть', ʻнесчастный случай, беда'».

VIII. Просьба о прощении

Раскаяние включает в себя чувство вины (этим чувством часто сопровождается и сожаление), и раскаивающийся человек испытывает желание попросить прощения у того, кому его действиями был нанесен вред. Это находит отражение в семантическом развитии слов этой группы. Так, русский глагол *каяться* развил значение ʻвиниться', см. [2, 146]: «*каяться 1*, *виниться*: X~ перед Y-ом в P = ʻСовершив плохой поступок P и испытывая неприятное чувство из-за этого, X говорит лицу У, которое пострадало от P или имеет право наказывать X-а за такие поступки, что он совершил P; он говорит, чтобы испытать облегчение от своего признания, заслужить прощение или принять наказание за P'» [17]. См. также развитие значения ʻизвиняться' у англ. *sorry*. Английское существительное *regret* ʻсожаление' в форме множественного числа используется в значении вежливого извинения-отказа: «a response declining an invitation: *he sent his regrets before the deadline*» [WNW], «*I have had four acceptances and one regret*» [RHU].

IX. Прекращение действий, противоречащих нравственным принципам человека

В процессе осуществления какой-то деятельности человек может осознать, что его действия чреваты неприятными для него осложнениями или находятся в противоречии с его совестью и т.п., и это может послужить блокатором его дальнейших действий в этом направлении. Точно так же человек может отказаться от начала каких-то действий по указанным соображениям. Это отражается в языке в наличии импликативных компонентов в значении языковых единиц вида: ʻX испытывает угрызения совести, совершая P' → ʻX не делает P'. См., например, английские существительное *scruple* и глагол *to scruple*: *But some people, like Ashley, have neither cunning nor strength or, having them, scruple to*

[17] В указанной работе смысл ʻраскаиваться' закреплен за лексемой *каяться 2*, малоупотребительной в современном языке

use them (Margaret Mitchell. Gone with the Wind, Part 2 (1936)). У таких же, как Эшли, нет ни острого ума, ни физической силы, а если и есть, то они совестятся пустить эти свои качества в ход [НКРЯ]. *Совестятся пускать эти качества в ход* → ʻне пускают эти качества в ходʼ.

Х. Чувство сострадания, жалости к людям, получившим ущерб от сложившейся ситуации

Переход ʻраскаяниеʼ → ʻжалость-состраданиеʼ представлен в английском существительном *remorse* [18]: «1. a deep sense of guilt or self-reproach over a wrong or blunder; 2. pity; compassion» [WNW]. В истории английского языка существовал и глагол *to remord* с тем же набором значений: «Middle English also had a verb, *remord* "to strike with remorse, touch with compassion, prick one's conscience"» [OED].

Аналогичный переход зафиксирован в англ. *rue* (сущ.) и *to rue* (глагол), исходное значение которых ʻсожаление, раскаяниеʼ и ʻсожалеть, раскаиватьсяʼ, соответственно: «rue (n) "sorrow, repentance," Old English hreow "grief, repentance, sorrow, regret, penitence," common Germanic (Frisian rou, Middle Dutch rou, Dutch rouw, Old High German (h)riuwa, German reue), related to the root of rue (v.)» [OED]. Затем (в среднеанглийский период, Middle English, см., напр., [OUD]) у них появляются значения ʻжалость, состраданиеʼ и ʻвызывать жалость, сострадание / чувствовать жалость, состраданиеʼ[19]. См., например: «1. Repentance; regret: 'with rue my heart is laden'. 1.1. Compassion; pity. 'tears of pitying rue'; 'Burginde came around the end of the waggon, and with a look of mingled pity and rue, helped me guide her charge back to our waggon'» [OD].

Переход ʻраскаяние/сожалениеʼ → ʻжалость-состраданиеʼ отмечен в испанском слове *compunción* (от лат. *compunctio* ʻраскаяниеʼ, см. ниже): «1. Dolor por haber cometido un pecado: *Mi tía es muy beata y siempre está llena de compunción por sus pecados*. 2. Senti-

[18] От старофранцузского *remors*: «Late 14c., from O.Fr. remors (Fr. remords), from M.L. remorsum, from neut. pp. of L. remordere "to vex, disturb," lit. "to bite back," from re- "again" + mordere "to bite" (see SMART (Cf. smart) (v.)). The sense evolution was via the M.L. phrase remorsus conscientiæ» [OED]. Значение ʻжалость, состраданиеʼ в словарях дается с пометой «устар.».

[19] У глагола это значение сопровождается пометой «устар.»: «To have compassion. [Obs.] *God so wisly* [i. e., truly] *on my soul rue*. Chaucer. *Which stirred men's hearts to rue upon them.* Ridley» [WRU 1913].

miento producido por el dolor ajeno» [GCD]; «1. Arrepentimiento, contrición. 2. Sentimiento de tristeza o compasión ante las desgracias ajenas» [ELM].

Английское прилагательное *sorry* демонстрирует полисемию ʻжалость-сострадание’ — ʻсожаление’: «Feeling or expressing sympathy or pity: *She felt sorry for the rain-soaked cat*. Feeling or expressing regret, especially for a misdeed or mistake: *He said he was sorry for breaking the window*» [AHD].

У украинского глагола *шкодувати* (см. выше) отмечаются значения ʻсожалеть’ и ʻжалеть, испытывать жалость-сострадание’: «Нарікати на що-небудь, жалкувати (сожалеть), уболівати за ким-, чим-небудь. *Вона не любила Грицька і пішла за його, аби де прихилитися з дитиною, а тепер шкодувала* (Борис Грінченко, II, 1963, 353); Я прийшов сказати вам, що не зможу взяти участі в прогулянці, хоч і дуже шкодую (Леонід Смілянський, Черв. Троянда, 1955, 11); 2. перех. Відчувати жалість, до кого-небудь: жаліти. [Комонник:] Я зрадників державних не шкодую (Леся Українка, II, 1951, 527)» [СУМ].

В русском языке отмечен семантический переход ʻжалость-сострадание’ → ʻсожаление’: от ʻжалости’ как сострадания чужому горю или боли — к сожалению, «где от чувства уже ничего не осталось, оно трансформировалось в оценку [не-Р лучше, чем Р. Таков путь семантической эволюции русских *жалеть*, *пожалеть*, *жалко* [3, 107 – 110].

XI. Поведенческие реакции

В картине мира разных языков раскаяние ассоциируется со специфическими поведенческими проявлениями — бить себя в грудь, кусать руки (см. также об этом в [2, 147]): (1) *battersi il petto* (ит.) — ʻраскаиваться’ (букв. ʻбить себя в грудь’): «battersi, picchiarsi il p., in segno di penitenza, di dolore, di contrizione, e in senso fig., pentirsi: *è inutile ormai che tu ti batta il petto*, *dopo quello che hai fatto!*» [VT]. (2) *mordersi le mani* (ит.) — раскаиваться (букв. ʻкусать себе руки’): «mordersi le mani, le dita, il gomito, pentirsi inutilmente di cosa non più riparabile» [VT]. (3) *s’en mordre la langue, les lèvres* (франц.) — сожалеть, раскаиваться в своих словах (букв. ʻкусать себе язык, губы’): «regretter ce que l’on vient de dire» [PR]. (4) *se mordre les doigts de quelque chose* (франц.) — раскаиваться в чем-л. (букв. ʻкусать себе пальцы’): «se mordre les doigts de quelque chose s’en repentir

amèrement» [PR]. В качестве внешнего проявления раскаяния может быть особое выражение лица, это нашло отражение в соответствующей полисемии французского слова *componction*, у которого от значения ʻраскаяние’ произошел переход к значению ʻвид раскаивающегося человека’ (потом — просто к значению ʻсерьезный, важный вид’): «Douleur, regret d’avoir offensé Dieu. Véritable componction. Une vive componction de ses fautes. Dans le langage ordinaire, Un air de componction, Un air qui témoigne du regret» [AC 1935], «Usuel, littér. Attitude de regret, d’humilité, de recueillement qui peut être affectée et ostentatoire. La componction et l’impassibilité d’un derviche (P. BOREL, Champavert, Passereau, l'écolier, 1833, p. 189)» [TR].

Известно, что обозначения эмоций в языке могут основываться на уподоблении ощущений души ощущениям тела — существуют эмоции, которые «концептуализуются в языке так же, как физические состояния» [1, 460], «телесная метафора души» прослеживается во внутренней форме, во фразеологии и синхронной полисемии» [3, 64]. Жалость как чувство сострадания к другому человеку, например, связана с болью (*жалость кольнула*, *пронзила*): душа человека, испытывающего жалость, «чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда ему больно; тело человека реагирует на такое чувство как на боль» [1, 464]. Связь жалости с болью подтверждается и этимологическими данными. Так, русское *жалеть* родственно лит. gélti, gẽlia, gė́elė “очень болеть, жалить”, gìlstu, gilaũ, gìlti “заболеть”, д.-в.-н. quëlan “испытывать боль” [ФЭ]. И само русское слово *боль* развило значение ʻжалость’ [1, 460].

Метафора боли обнаруживается и в обозначении чувств сожаления и раскаяния. Исходными значениями латинского существительного *compunctio*, образованного от глагола *compungere* ʻколоть’, были смыслы ʻукол’ и ʻколющая боль’. Кроме того, у него отмечено значение ʻраскаяние (религиозное)’: «1. point, douleur piquante; 2. componction (Bib.)» [WA], «1. piqûre, douleur perçante; 2. ecclésiastique componction, repentir» [OLD]. В значении ʻраскаяние’ мы встречаем слово *componction* во французском языке: «XIIe; lat. chrét. compunctio, de compungere «piquer». 1. ♦ Relig. Sentiment de tristesse, éprouvé par le croyant devant son indignité à l’égard de Dieu. ⇒ contrition, repentir.» [PR]. Английское *com-*

punction (заимствование из старофранцузского [OED]) обозначает ʻугрызения совести; сожаление’: «Compunction is the pain occasioned by a wounded and awakened conscience» [WRU 1913], «a feeling of remorse, guilt, or regret» [CED]. См. также исп. *compungir* ʻвызывать раскаяние (сожаление)’, ʻ мучить (о совести)’, *compungirse* ʻраскаиваться, каяться, испытывать угрызения совести’: «tr. desus. Dicho de la conciencia: Remorderle a alguien. prnl. Dicho de una persona: Contristarse o dolerse de alguna culpa o pecado propio, o de la aflicción ajena» [DRAE].

Возможно, метафора боли лежит в основе полисемии ʻудариться, покалечиться’ – ʻраскаиваться, сожалеть’, отмеченная в Мексике у глагола *contramatarse* (удариться, значит, испытать боль): «1) Ам. си́льно уда́риться обо что-л. 2) изуро́доваться, покале́читься 3) М. раска́иваться, сожале́ть о чём-л.» [БИРСЛА].

Сожаление и раскаяние в некоторых языках обозначается через метафору раздробления и, таким образом, уничтожения. См., например, лат. *contritus*, имевший в классическую эпоху значение ʻраздробленный, измельченныйʻ, а затем развивший значение ʻраскаивающийся’: «1. – broyé, pilé, écrasé. 2. – usé, commun, banal. 3. – (Vulg.) contrit, repentant» [JWH]. Значение ʻсожалеющий, раскаивающийся’ имеет и образованное от него франц. contrit: «v. 1174; lat. contritus «broyé» 1. ♦ Relig. Qui est profondément touché du sentiment de ses péchés. ⇒ pénitent, repentant. Un cœur contrit. 2. ♦ Cour. Qui marque le repentir» [PR]. Значение ʻраскаяниеʻ отмечено и у образованного от указанного латинского слова французское существительное *contrition*: «v. 1200; «destruction» v. 1120; lat. *contritio*. 1. Relig. Douleur vive et sincère d'avoir offensé Dieu. 2. Littér. Remords, repentir. ⇒ componction, résipiscence » [PR]. Тот же путь прошло и англ. *contrition* [20], заимствованное из старофранцузского языка: «1. The act of grinding or ribbing to powder; attrition; friction; rubbing. [Obs.] 2. The state of being contrite; deep sorrow and repentance for sin, because sin is displeasing to God; humble penitence; through repentance. Syn. repentance; penitence; humiliation; compunction; self-reproach; remorse. -- Contrition, Attrition, repentance» [WRU 1913].

[20] «Contrition. c.1300, contrycyun, from O.Fr. contriciun (Mod.Fr. contrition) and directly from L. contritionem (nom. contritio), noun of action from contrit-, pp. stem of conterere» [OED].

Французское *remords* ʻсожаление; угрызения совести’ образовано от глагола *remordre*, имеющего значения ʻснова кусать’ и устаревшее значение ʻвызывать угрызения совести’. Remordre: «XVIe; « faire souffrir par le remords » 1170; de re- et mordre. ♦ Mordre de nouveau» [PR]. Испытывая угрызения совести, человек чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда его кусают. См. также: 1) испанское *remordimiento*: «Inquietud, pesar interno que queda después de realizar lo que se considera una mala acción» [DRAE]; 2) португальское *mordimento* «1. mordedura; 2. remorso» [PRB]; 3) португальское *remorso*: «Sentimento de culpa e angústia que advém do arrependimento por algo que se fez contra alguém. [F.: Do lat. remorsus, a, um, part. pass. de remordere]» [DCA]. Ср., русское слово *совесть*. В представлениях русского языка совесть предстает, в частности, как маленький грызун, что восстанавливается из сочетаний с глаголами *грызть*, *кусать*, *царапать*, *вонзать зубы; угрызения совести* [3, 64].

Следует отметить, что в случае итальянского *dolere* и т.д., о котором мы писали выше, имел место двойной переход: ʻфизическая боль’ — ʻдушевная боль’ — ʻсожаление, раскаяние’. Первым значением глагола является смысл ʻиспытывать физическую боль’: «1. v. intr. Far male, detto di parte del corpo che è sede di una sensazione dolorosa: *mi duole la testa*; *mi doleva il dente*» [VT]. В основе обозначения душевной боли, переживания испанским и португальским глаголом *pesar* и образованных от них существительных лежит метафора тяжести (душа человека испытывает нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда ему тяжело, когда на него давит тяжесть). Та же метафора воспроизводится в итальянском *pesare*, имеющем значения ʻдавить (своей тяжестью)’ — ʻудручать (вызывать душевную боль)’: «3. intr. a. Gravare, far sentire il proprio peso su qualcosa; c. Dispiacere, rincrescere: *mi pesa molto dover prendere questi provvedimenti, ma ne sono costretto*; arrecare dolore: *Ciacco, il tuo affanno Mi pesa sì, ch’a lagrimar mi ’nvita* (Dante)» [VT].

Мы хотели бы остановиться еще на двух моментах.

1. Стыд и раскаяние как чувство вины — разные чувства. См. у К. Изарда [5, 376]: «Основанием для переживания вины является «неправильный» поступок. Результатом

поступка, вступившего в противоречие с моральными, этическими или религиозными нормами, будет переживание вины. Неверный поступок может вызвать и стыд, но в том случае, когда поступок осознается неверным не вообще, а только в связи с чувством поражения, несостоятельности, неуместности. Если человек, нарушивший моральные, этические или религиозные нормы, испытывает стыд, то, скорее всего, потому, что ему не удалось скрыть свой проступок. Стыд в данном случае нужно рассматривать как результат повышенного самосознания, вызванного разоблачением неверного поступка. Осью-бел придерживается мнения, что в основе стыда лежит осуждение, идущее извне, либо реальное, либо воображаемое. В противоположность стыду, вина не зависит от реального или предполагаемого отношения окружающих к проступку, переживание вины сопровождается самоосуждением, снижением самооценки, раскаянием». Однако эти чувства «часто идут рука об руку». Это, по-видимому, лежит в основе полисемии латинского глагола *pigere*, у которого, помимо значения раскаяния, отмечалось также значение стыда: «éprouver de la honte» [GDL], «2. It makes one ashamed: *fateri pigebat*, Liv. 8, 2 fin.; App. Mag. p. 296, 18» [LSL], «*fateri pigebat* L — стыдно было признаться» [ЛРС].

2. Как показывает материал, семантические переходы, имевшие место в лексическом поле сожаления и раскаяния могут лежать в основе переводческих стратегий. Так, например, сожаление и раскаяние, как отмечалось, содержат идею ошибочности принятого решения, это отражается в лексических трансформациях при переводе вида: ***Тр. 1***. ‘X сожалеет о совершении действия P/X раскаивается в P’ ↔ ‘Совершение X-ом действия P является неправильным/ошибкой’. ***Тр. 2***. ‘X не сожалеет о совершении действия P/X не раскаивается в P’ ↔ ‘Совершение X-ом действия P не является неправильным/ошибкой’. Например: “*You make no mistake in going to Montreux,” the first official said* (Ernest Hemingway. Farewell to Arms (1929)). Вы не пожалеете о том, что едете в Монтре, — сказал первый чиновник [НКРЯ].

Смысл сожаления и раскаяния, заключающийся в том, что «то́ чего нет, но что могло бы быть, лучше того, чем то́, что есть» [3, 105], определяет возможность лексических трансформаций с глаголами ‘хотеть, желать; предпочитать’. ***Тр. 3***. ‘X хо-

чет/предпочитает, чтобы имело место P' ↔ 'X сожалеет, что не P'. ***Тр. 4***. 'X не хочет, чтобы имело место P' /'X хочет/предпочитает, чтобы P не имело место' ↔ 'X сожалеет, что P'. Например: (а) – Товарищ Бездомный, помилуйте, – ответило лицо, краснея, пятясь и уже раскаиваясь, что ввязалось в это дело (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита). 'Excuse me. Comrade Bezdomny!' replied the face, blushing, retreating and already wishing it had never let itself get involved in this affair [НКРЯ] [21]. (б) *"I wish people would come earlier," Braddocks said* (Ernest Hemingway. The Sun Also Rises (1926)). Жалко, что так поздно собираются, — сказал Брэддокс [НКРЯ]. (в) *He suddenly wished he had not decided to run* (Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)). Он уже жалел, что ударился в бегство [НКРЯ]. (г) *Bosch wished he had been a little more politic with Corazon but was glad he'd made his point* (Michael Connelly. City Of Bones (2002)). Босх пожалел, что не был более дипломатичным, но остался доволен тем, что высказал свои соображения [НКРЯ]. (д) *The profession has its utility, but I should be sorry to see any friend of mine belonging to it* (Jane Austen. Persuasion (1816)). Поприще не без полезности, но не хотел бы я, чтобы кто-то из моих друзей его избрал [НКРЯ]. (е) *He gagged. He saw Beatty, a torch, not moving, fluttering out on the grass. He bit at his knuckles. I'm sorry, I'm sorry, oh God, sorry* (Ray Bradbury. Fahrenheit 451 (1953)). Он зажал рот рукой. Перед глазами был Битти – пылающий факел, брошенный на траву. Он кусал себе пальцы. «Я не хотел этого, Боже мой, я не хотел, не хотел этого!» [НКРЯ]. (ж) *Il reprit le bout de chaîne, tourna le dos à son tour, en ajoutant comme à regret: — Quand tout le monde donnera cent sous par mois, nous donnerons cent sous* (L'Assommoir. Zola, Emile). Он тоже повернулся спиной к Жерзезе, снова взялся за цепочку и как бы нехотя добавил: — Если все прочие дадут по сто су в месяц, то и мы будем давать столько же. [ABBYY].

Ср. также разные переводы следующих предложений: (а) *Pooh nodded his head several times as he said this, and waited for Piglet to say "How?" or "Pooh, you couldn't!" or something helpful of that sort, but Piglet said nothing. The fact was Piglet was wishing that HE*

[21] В другом переводе сохранен глагол со значением 'раскаиваться': 'Pardon me. Comrade Homeless!' the face replied, blushing, retreating, and already repentant at having got mixed up in this affair.

had thought about it first (A. A. Milne. Winnie-the-Pooh); (1) (лат.) Sub haec dicta Pu saepius nutabat et exspectabat Porcellum rogaturum esse, ʻQuomodo?ʼ aut dicturum, ʻPu, non potes!ʼ aut sententiam utilem huiusmodi; sed Porcellus nihil omnino dixit. Porcellus enim desiderabat se primum propositum excogitavisse; (2) Пух несколько раз кивнул, словно в подтверждение своих слов, и стал ждать очевидного вопроса Хрюки, «Как»? — или вопля ужаса, «Пух, не надо!» — или какой-то другой реакции, но Хрюка молчал. По одной простой причине, Хрюка жалел о том, что не додумался до этого первым. (б) *I almost wish I hadn't gone down that rabbit-hole* (Lewis Carroll. Alice's Adventures in Wonderland). (1) (франц.) *Je regrette presque d'être entrée dans ce terrier*; (2) Я почти жалею, что нырнула в норку; (3) (исп.) *Casi preferiría no haberme metido en la madriguera del Conejo.*

Наличие в прототипическом сценарии сожаления и раскаяния чувства недовольства, связанного с негативной оценкой имеющегося положения дел, отражается и в лексических трансформациях при переводе. ***Тр. 5***. ʻБыть недовольным, что Рʼ → ʻсожалеть, что Рʼ; ʼбыть довольным, что Рʼ → ʻне сожалеть, что Рʼ. Например: (а) *O rapaz ficou contente de estar naquele armazém* (Paulo Coelho. O Alquimista). Теперь уж Сантьяго не жалел о том, что пришел на склад [НКРЯ]. ***Тр. 6***: ʻнегативное Рʼ ↔ ʻсожалениеʼ. (б) *Ah! si vous m'écoutiez, vous vous éviteriez bien des regrets!* (La Faute de l'Abbé Mouret. Zola, Emile). Да, кабы вы меня слушали, вы избежали бы многих неприятностей [ABBYY].

4. Заключение

Итак, мы попытались описать способы номинации сожаления и раскаяния в языке. Изучение семантической деривации — одно из важнейших направлений современной лингвистики (см. работы [4; 9; 10; 11; 13; 14; 16; 17]), дающее богатый материал как для семантической типологии, так и для семантики в целом, поскольку является одним из эффективных способов описания языковой картины мира» [12].

Мы представили способы номинации сожаления и раскаяния, опирающиеся на компоненты прототипической ситуации этих эмоций и на инцидентные следствия из этой ситуации: (1) имеет место некоторая негативная ситуация Р; (2) недовольство субъекта сложившейся ситуацией; (3) испытание негативных последствий своих поступков; (4)

осознание субъектом ошибочности своего поведения; (5) наличие «переживания»; (6) чувство вины; (7) мысли о возможности/неизбежности наказания за проступок; (8) мысли о необходимости просьбы о прощении у пострадавшего человека; (9) отказ от продолжения деятельности, противоречащей этике; (10) чувство сострадания к людям, получившим ущерб от сложившейся ситуации; (11) поведенческие реакции.

Мы описали также лексические трансформации, имеющие место в практике перевода единиц, обозначающих сожаление и раскаяние, которые «повторяют» указанные семантические переходы. Кроме того, мы привели примеры обозначений указанных эмоций, основанных на «телесной метафоре души».

5. Примечания

Ю.Д. Апресян, анализируя русские слова *воля* и *совесть*, пишет: «Если желание и воля являются инициаторами деятельности человека, то совесть в русской языковой картине мира мыслится как нравственный тормоз, блокирующий реализацию его аморальных желаний или побуждений. Ср. *Совесть не позволяет <совестно>* (*делать что-л.*)» [1, 353]. Это верно, но верно и то, что совесть является «инициаторами деятельности человека» в тех случаях, когда несовершение определенных действий идет в разрез с нравственными принципами человека: *Он в полном смысле честный и прямой человек, готовый всегда идти на плаху скорее, чем покривить душой или промолчать там, где совесть велит ему говорить* (А. К. Толстой. Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного» (1866); НКРЯ]. См., также у К. Изарда: «Следует подчеркнуть, что причиной для переживания вины с равной легкостью, и с равной вероятностью может стать как действие, так и бездействие — то есть как имевшие место чувство, мысль или поступок, противоречащие этическим нормам, так и чувство, мысль или поступок, отсутствовавшие в определенное время и в определенной ситуации, в которой они были уместны и желательны» [5, 377].

Список сокращений

БИРС — Зорько Г.Ф. Новый большой итальянско-русский словарь. М.: Дрофа, 2004 // https://slovari.yandex.ru.

БИРСЛА — Большой испанско-русский словарь. Латинская Америка / Волкова А.С., Михеева Н.Ф., Кузнецов В.В. и др. Под ред. Н.М. Фирсовой. М.: ИнфраМ, 2011.

ГСУМ — Словарь української мови: в 4-х тт. / За ред. Б. Грінченка. К., 1907—1909 //http://r2u.org.ua.

ИСГ— Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., ЭТС. 2010.

ИРС — Испанско-русский словарь / Н.В. Загорская, Н.Н. Курчаткина, Б.П. Нарумов и др. Под ред. Б.П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988.

ЛРС — Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., Русский язык, 1976.

НБАРС — Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М., Русский язык, 1993—1994.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка //http://www.ruscorpora.ru.

ОЖ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка // http://www.classes.ru

ПР — А. Г. Преображенский: Этимологический словарь русского языка. М., Издательство иностранных и национальных словарей 1958 //http://etymolog.ruslang.ru /doc/preobrazhenskij.

СЛЦСЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академией наук. В 4-х тт. СПб., 1847 // http://etymolog.ruslang.ru.

СМИ — Скворцова Н. А., Майзель Б. Н. Итальянско-русский словарь. Издание третье. М., Русский язык, 1977.

СР — Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И. И. Срезневского. В 3-х тт. Санкт-Петербург, 1893 // http://etymolog.ruslang.ru.

СТС — Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М., Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008.

СТСРЯ — Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. М., АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006.

СУМ — Словник української мови. В 11 т.. Київ, Наукова думка, 1970—1980 // http://sum.in.ua.

СУР — Ніковський А. Словник українсько-російський. Київ, 1927 // http://r2u.org.ua

УШ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. М., Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940 // http://www.classes.ru.

ФЭ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т./ Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М., Прогресс, 1986—1987.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд //http://etymolog.ruslang.ru/doc /essja.

ABBYY — ABBYY Linguo.Pro // http://lingvopro.abbyyonline.com.

AC 1935 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1935) // http:// www.cnrtl.fr.

AHD — American Heritage Dictionary of the English Language // https:// www.ahdictionary.com.

BW — Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. P., Presses Universitaires de France. 7 ème édition, 1932.

CED — Collins English Dictionary //http://www. collinsdictionary.com.

CID — Collins Italian Dictionary 2nd Edition 2005 © HarperCollins Publishers 2005 // http://dictionnaire.reverso.net/italien-anglais.

CIF — Le Robert et Collins Dictionnaire Pratique Français-Italien / Italien-Français deuxième édition 1999 © HarperCollins Publishers 1994, 1999 // http://dictionnaire.reverso.net/italien-francais.

DA — Dicionário Aurélio (Dicionário da Língua Portuguesa, de Aurélio Buarque de Holanda Ferreira). Brasil. 2010 // http://dicionariodoaurelio.com.

DCA — Dicionário Contemporâneo da Língua Portuguesa, de Caldas Aulete (Dicionário Caldas Aulete) // http://www.aulete.com.br.

DCD — Diccionario Clave: Diccionario de uso del español actual (con sinónimos y antónimos) 9th Edition. © Ediciones SM, 2012 // http://clave.smdiccionarios.com.

DLFG — Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. P., 1934. On-line: //http: //www.lexilogos.com.

DLFN — Noël F. Dictionarium Latino-Gallicum / Dictionnaire latin-français. Septième Edition, revue et corrigée par l'auteur. P., 1822 // https://books.google.fr.

DPD — Diccionario panhispánico de dudas. Real Academia Española. 2013 // http: //panhispanico.esacademic.com.

DRAE — Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 // http://lema.rae.es/drae.

EDL — R. Estienne. Dictionarium latinogallicum. P., 1522 // http://ru.scribd.com. на академике http://translate.academic.ru

EDLV — An Etymological Dictionary of the Latin Language by F.E.J. Valpy. L., 1828 // http://www.lexilogos.com

EL — Littré E. Dictionnaire de la langue française (1872—77) // http:// artflx. uchicago.edu.

ELM — EL MUNDO. © Unidad Editorial Información General S.L.U. // http://www. elmundo.es/diccionarios/

EDLV — An Etymological Dictionary of the Latin Language by F.E.J. Valpy. L., 1828 // http://www.lexilogos.com.

GCD — Gutiérres Cuadrado, J. (dir.). (1996). Diccionario Salamanca de la Lengua Española. Madrid: Santillana, 1996 — Universidad de Salamanca // http://sal_es.esacademic.com.

GDH — Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Copyright © Hoepli 2011 // http://dizionari.repubblica.it.

GDL — Grand dictionnaire de la langue latine par Napoléon Theil, d'après le dictionnaire de William Freund (1929). Traduit en Francais. Paris, Librairie de Firmin-Didot et

//http://www.lexilogos.com./latin_dictionnaire П A-F — G-P — Q-Z & édition de 1862 [http://gallica.bnf.frю

JWH — Jeanneau G., Woitrain J.-P., Hassid J. —C. Dictionnaire Latin-Français // http:// www.prima-elementa.fr.

LSL — Lewis & Short. A Latin Dictionary (1879) // http://short_latin_la _en.enacademic.com.

MD — Macmillan Dictionary //http://www.macmillandictionary.com.

MWD — Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th //http://www.m.-w.com.

NDL — Nouveau dictionnaire latin-français par Edouard de Suckau. P., 1865 // https://books.google.fr/books.

OD — Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2016 //https:// en.oxforddictionaries.com.

OED — Duglas Harper. Online Etymology Dictionary 2011-2015 [Electronic resource] / Duglas Harper. — Access mode: //http://ww w. etymonline.com.

OLD — Olivetti E., Olivetti F. Dictionnaire Latin — Français // http://www.grand-dictionnaire-latin.com/dictionnaire-latin-francais.php.

OUD — The Oxford Universal Dictionary on Historical Principles by W. Little, H.W. Fowler, J. Coulson, C.T. Onions. Oxford At The Clarendon Press, 1955.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. P.: Dictionnaire LE ROBERT, 1970.

PRB — Dicionário Priberam da Língua Portuguesa [em linha], 2008-2013 //http:/ /www.priberam.pt.

RHU — Random House Unabridged Dictionary, Copyright © 1997, by Random House, Inc // http://dictionary.infoplease.com.

SCT — Il Treccani, Dizionario dei Sinonimi e Contrari. Istituto dell'Enciclopedia Italiana // http://www.treccani.it/vocabolario.

SJP — Słownik języka polskiego, red. W. Doroszewski, Warszawa 1958-1969. t. I–XI // http://sjp.pwn.pl/doroszewski.

TR — Le Trésor de la langue française informatisé // http://atilf.atilf.fr.

VT — Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana. 2013//http://www. treccani.it/ vocabolario. [Enciclopedia Italiana =VT в Sinonuimi e cotrari]

WA — Wailly Alfred de. Nouveau dictionnaire latin-français. Paris, 1861. http://gallica.bnf.fr / ark.

WED — The Wordsmyth English Dictionary-Thesaurus //http://www.wordsmyth.net.

WNW — Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition // http://websters. yourdictionary.com.

WRU 1828 — Webster's Revised Unabridged Dictionary (1913) // 1828.mshaffer.com.

WRU 1913 — Webster's Revised Unabridged Dictionary (1913) //1828.mshaffer.com.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

2. Апресян, Гловинская 2003 – Апресян Ю.Д., Гловинская М.Ю. Каяться, виниться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. Авторы: Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, О.Ю. Богуславская и др. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003.

3. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

4. Зализняк А.А. Семантический переход как объект типологии / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания № 2, 2013. С. 32—51.

5. Изард К. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб.: Питер, 1999.

6. Иоанесян Е.Р. Семантические переходы в лексическом поле страха // Научный диалог, № 12 (48), 2015.

7. Иоанесян Е.Р. Предикаты эмоционального состояния: прототипический сценарий и семантическая эволюция // Ученые записки Орловского госу-дарственного университета, № 3 (72) 2016.

8. Иоанесян Е.Р. Модели семантической деривации в классе предикатов сожаления и раскаяния // Научный диалог, № 3, 2017.

9. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания, № 4, 2000.

10. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., Языки славянской культуры, 2004.

11. Руссо М.М. Локализация эмоций в языках мира // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание) Вып. 2, 2010 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010.

12. Руссо М.М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 4. // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012.

13. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении, 1 (3), 2002. С. 112—127.

14. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., Гнозис, 1994.

15. Black M. Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy. Ithaca; London: Cornell University Press, 1962.

16. Wierzbicka A. Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications. Ethos, №. 30 (4), 2002. P. 401—432.

17. Zalizniak A. [et al.]. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // Linguistics, No 3, 2012. P. 633—669.

Е.Р. Иоанесян (Институт языкознания РАН)

E.R. Ioanesyan (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Типы семантических переходов в лексическом поле «радость» и «удовольствие»

Typology of the semantic shifts in the lexical field “joy” and “pleasure”

Аннотация

В статье на материале нескольких языков рассматриваются основные типы семантических переходов, которые лежат в основе номинации радости и удовольствия. Выдвигается гипотеза, что семантические переходы связаны с прототипической ситуацией, соответствующей удовольствию и радости, а также с импликациями из этой ситуации.

The paper focuses on the semantic shifts underlying the processes of naming joy and pleasure in several languages. The author makes a hypothesis that semantic shifts are based on the prototypical situation of joy and pleasure and on the inferences associated with these emotions.

Ключевые слова

Семантические переходы, полисемия, семантическая эволюция, когнаты, прототипическая ситуация, импликации

Semantic shifts, polysemy, semantic evolution, cognates, prototypical situation, inferences

I. Вводные замечания

В данной работе мы попытались представить типы семантических переходов, которые лежат в основе разных способов номинации радости и удовольствия в нескольких языках [1]. Мы выделили следующие типы переходов:

[1] См. также наши работы, посвященные способам номинации страха, раскаяния и сожаления и др. [20; 21; 22; 23; 24].

1. Семантические переходы, в которых задействованы компоненты прототипического сценария удовольствия и радости — такие, как ‘причина’ и ‘стимул’, контролируемые поведенческие и речевые реакции (раздел II).

2. Семантические переходы, в которых задействованы компоненты, являющиеся инцидентными следствиями ситуации удовольствия и радости. Под инцидентными следствиями понимаются стандартные ассоциации, которые в сознании данного языкового коллектива связывают данную ситуацию с некоторой другой [2]. Мы различаем здесь несколько ассоциативных связей:

1) ‘Удовольствие’ / ‘радость’ — ‘желание’ (раздел III.1.);

2) ‘Удовольствие’ / ‘радость’ — ‘благодарность’ (раздел III.2);

3) ‘Удовольствие’ / ‘радость’ — ‘покой’ (раздел III.3);

4) ‘Удовольствие’ / ‘радость’ — ‘гладкий’ (раздел III.4);

5) ‘Удовольствие’ — ‘роскошь’ (раздел III.5);

6) ‘Удовольствие’ — ‘сладкий’ (раздел III.6);

7) ‘Удовольствие’ — ‘удовлетворение’ (раздел III.7);

3. Семантические переходы внутри семантического поля удовольствия и радости (раздел IV).

4. Семантические переходы, в которых смысл ‘удовольствие от Р’ трансформируется в общеоценочное суждение ‘Р оценивается положительно’ (раздел V).

5. Семантические переходы, в которых общеоценочное суждение ‘Р оценивается положительно’ трансформируется в смысл ‘удовольствие от Р’ (раздел VI).

6. Семантические переходы, в которых участвуют предикаты, описывающие действия, одной из мотивировок которых является доставление удовольствия или радости (раздел VII.7).

Итак, нас будут интересовать переходы вида ‘а’ — ‘удовольствие’ / ‘радость’, «планом выражения которых является <> список слов (или пар родственных слов), в которых он представлен — синхронно или диахронически» [14, с. 406].

[2] Ср. не конвенциональные, инцидентные следствия в [26], а также импликации в [25; 29].

II. Прототипическая ситуация

II. 1. Причина / стимул

В психологии радость и удовольствие четко разграничены. Радость причисляется к классу базовых эмоций, в то время как удовольствие определяется как чувство, «несомое нам сенсорными ощущениями, такими как тактильные и вкусовые» [17, 147]. Теория дифференциальных эмоций отличает переживание радости от удовлетворения физиологической потребности, или чувственного удовольствия, хотя последнее может снижать порог возникновения эмоции радости. Переживание радости характеризуется чувством удовлетворения и чувством уверенности в себе, в радости человек чувствует себя любимым и заслуживающим любви [там же, с. 161], «радость — это «приятное, желанное, полезное, несомненно позитивное чувство, которое в самых общих словах можно назвать чувством психологического комфорта и благополучия» [там же, с. 152].

Радость и удовольствие представляют собой явления разного порядка, что отражается и в соответствующей лексике разных языков. Так, русские *радость* и *удовольствие* в работе А.Б. Пеньковского имеют следующие определения: «УДОВОЛЬСТВИЕ прежде всего и преимущественно чувственно-физиологическая реакция, тогда как РАДОСТЬ имеет более высокую чувственно-психическую природу» [27, 63], «*с радостью* — это знак положительной эмоциональной реакции, опосредованной мыслью» [там же, с.247] [3]. Удовольствие, по мнению ученого, отличается от радости и тем, что оно «всегда удовольствие от чего-либо», тогда как радость «может быть и «ни от чего»: *беспричинная радость*» [там же, с. 63].

А.Б. Пеньковский разграничивает в ситуации удовольствия стимул и источник. Стимулом удовольствия может быть: 1) активное, намеренное, целенаправленное действие самого субъекта; 2) активное недействие (*сладкое ничегонеделание*); 3) намеренное активное пребывание в том или ином состоянии (*сидеть*, *валяться*, *лежать*, *спать с удовольствием*). Действия, совершаемые другими людьми, рассматриваются как источник удовольствия (*Я получил удовольствие от вашей игры*). Стимулом же здесь будет

[3] См. примечание 1.

собственное действие человека, получившего удовольствие (*слушал вашу игру*, *смотрел на вашу игру*, *следил за вашей игрой*) [там же, с. 64] [4].

Итак, ситуация удовольствия включает в качестве обязательного компонента стимул. Компонентом прототипической ситуация радости (несмотря на то, что человек способен ощущать *беспричинную радость*) является наличие некой приятной/благоприятной для субъекта ситуации P: радоваться — это испытывать такое приятное чувство, «какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает как хорошее для себя, имеет место» [3, 312].

II.1.1. Удовольствие

II.1.1.1. Прежде всего удовольствие связано с сенсорными ощущениями — зрительными, слуховыми, вкусовыми и т.п. Это отражается, в частности, в семантических переходах вида ʻвкусʼ [5] — ʻполучать удовольствиеʼ; ʻесть / питьʼ — ʻполучать удовольствиеʼ, ʻсмотретьʼ / слушатьʼ — ʻполучать удовольствиеʼ. Например:

(1) Русский глагол *смаковать*, производный от слова *смак* ʻвкусʼ [6], имеет значение «Есть или пить, наслаждаясь вкусом чего-нибудь, обнаруживая чувственное удовольствие (разг. фам.). «Он пил и смаковал каждый глоток» Чехов» [УШ], «есть или пить намеренно неторопливо, небольшими порциями, стараясь продлить получаемое удовольствие» [27, 246]. Кроме того, он используется для обозначения и другого вида удовольствия: «сообщать или воспринимать что-либо, с особым удовольствием задерживаясь на отдельных деталях» [там же].

(2) Итальянский глагол *assaporare*, французский *savourer*, португальский и испанский *saborear*, восходящие к лат. *sapor* ʻвкусʼ [7], имеют значения ʻсмаковатьʼ и

---

[4] Заметим, что *наслаждение*, «высшая степень удовольствия»ʼ [УШ], вызывается теми же стимулами, что и удовольствие.

[5] Вкус — как «ощущение, возникающее при раздражении слизистой оболочки языка растворимыми веществами» [ОЖ].

[6] *Смак*: «род. п. -а “вкус”, южн., зап., тверск., перм., вологодск. (уже у Тредиаковского; см. Христиани 23), укр. смак, блр. смак. Через польск. smak – то же из д.-в.-н. gismac или ср.-в.-н. gesmac(h) “вкус”; см. Mi. EW 309; Брюкнер 503; Клюге-Гётце 202.» [ФЭ], «муж., южн., зап., пермяц., вологод., нем. вкус, скус. *Смак хорош*» [Даль].

[7] Sapor: «goût, saveur caractéristique d'une chose» [JWH]. Во множественном числе у этого слова было значение ʻлакомстваʼ [ЛРС], ʻто, что имеет приятный вкусʼ (т.е. то, что доставляет удовольствие): «au plur. choses de bon goût. — Plin. 9, 63; 12, 4» [JWHʼ].

ʻнаслаждаться’. *Assaporare*: a) ʻсмаковать’: «Gustare un cibo o una bevanda trattenendola in bocca per sentirne a lungo il sapore e rendere più piacevole la sensazione: *a. il caffè*; *a. un buon vino*» [VT]; б) ʻполучать удовольствие (эстетическое и т.п.), наслаждаться’: «fig. Godere di qualcosa, spec. in senso spirituale: *a. la malinconia di un canto leopardiano*; *a. la vendetta*» [GDH]. *Savourer*: «A. Manger, boire lentement et avec attention pour mieux apprécier le goût de quelque chose. B. Jouir lentement de quelque chose, de manière à prolonger le plaisir, à le rendre plus intense» [TR]. *Saborear* (исп.): 1. Referido a algo que se come o se bebe, percibir su sabor detenidamente y deleitándose en él: *Para saborear la comida hay que comer despacio.* 2. Apreciar o disfrutar con detenimiento y tranquilidad: *Saboreas el triunfo por anticipado* [DCD]. Заметим, что все толкования почти дословно соответствуют определению русского *смаковать*, данному А.Б. Пеньковским, см. выше. Указанная полисемия была унаследована и англ. *to savor* (*to savour*) и *savour* (*savor*) — от ст.-франц. *savorer* и *savor*, соответственно [OED]: «*Savour*: to taste or smell with pleasure: relish; to delight in : enjoy <*savoring the moment*>» [MWD].

(3) Португальское *gosto* [от лат. *gustus*] имеет значения ʻвкус (одно из пяти чувств)’, ʻвкус, вкусовое ощущение’ и ʻудовольствие’: «Sentido pelo qual se percebe o sabor de qualquer coisa; paladar; sabor dos alimentos; figurado: agrado; prazer; satisfação» [PE]. У глагола *gostar* отмечаются значения ʻпробовать на вкус’, ʻсчитать, находить что-л. вкусным’, ʻиспытывать удовольствие от чего-л.’: «Provar» [PRB], «Achar bom ao paladar [tr. + de: *Gosta muito de massas com molho de tomates*]; Sentir prazer ou satisfação em [tr. + de: *Sempre gostou de caminhar pela orla da praia*]; Dedicar-se com prazer a (determinada atividade) [tr. + de: *Gostava muito de escrever*]» [DCA]. Приведем один пример из литературы: *O vento, que estava gostando da conversa, soprou também mais forte, para que o sol não cegasse o rapaz* (Paulo Coelho. O Alquimista). Ветер, получавший удовольствие от этого разговора, тоже задул сильней, спасая Сантьяго от ослепительных лучей [НКРЯ]. Аналогичная полисемия отмечается у испанских когнатов *gusto* и *gustar* и итальянских *gusto* и *gustare*. См. также франц. *goûter*, имеющее значения ʻпробовать на вкус’, ʻнаслаждаться’: ♦ Percevoir, apprécier par le sens du goût la saveur de (un aliment, une

boisson). ⇒ déguster, savourer. *Prenez le temps de bien goûter ce plat*. ♦ Fig. Éprouver avec plaisir (une sensation, une émotion). se délecter, jouir (de), savourer. *Goûter les joies de la lecture, le calme d'un lieu* [PR]. Пример из литературы: *Или достигнуть службой значения и положения в обществе и потом в почетном бездействии наслаждаться заслуженным отдыхом*… И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)). Ou tu voudrais parvenir à un grade élevé, à une bonne position sociale pour goûter dans une oisiveté respectable le repos mérité… [НКРЯ] Английское существительное *gusto*, от итальянского *gusto* [OED и др.], имеет значение ≈ ʻогромное удовольствие, наслаждение': «hearty or keen enjoyment, as in eating or drinking, or in action or speech in general: to dance with gusto» [RHD], «Vigorous enjoyment; zest: *The children jumped into the swimming pool with gusto*» [AHD]. Польский глагол *gustować* (тоже производный от лат. *gustus*: «gust, guścik, gustować, gustowny, z łac. gustus, ʻsmak'» [BSE]) используется в значении ʻлюбить, находить удовольствие в чём-л.' [8]. *Gustować*: «mieć upodobanie, lubować się w czym, smakować w czym, lubić co: Trzeba być bardzo niewybrednym, aby gustować w jego aforyzmach. Irzyk *Czyn 105*. Nie gustowalem w poezji,… *Asnyk Poezje I, 120*» [SJP]; «Gustować w poezji, muzyce jazzowej i kinie» [http://context.reverso.net/traduction/polonais-anglais].

(4) Исходное значение английского существительного *relish*, являющегося заимствованием из старофранцузского языка, — ʻвкус': «1520s, taste, flavor» [OED] [9]. В середине 17 в. у слова отмечается значение ʻполучать удовольствие от вкуса чего-н.': «Meaning "enjoyment of the taste or flavor of something" is attested from 1640s.» [OED]. Глагол *to relish*, образованный от существительного, уже в конце 16 в. использовался в значении ʻполучать удовольствие от чего-л., наслаждаться чем-л.': «The sense of "to enjoy, take pleasure in" is from 1590s» [OED]; «To enjoy, take pleasure or delight in 1599» [OUD]. Приведем несколько примеров из литературы: (а) *He ate without relish* (John Steinbeck. The Grapes of Wrath (1939)). Он ел без удовольствия [НКРЯ]. (б) *I, indeed, talked comparatively*

[8] См. ниже о вхождении смысла ʻудовольствие' в значение глагола *любить* (*любить читать*, *любить музыку*) ниже.
[9] «1530. 1. A taste or flavour» [OUD].

little, but I heard him talk with relish (Charlotte Brontë. Jane Eyre (1847)). Сама я говорила сравнительно мало, зато с наслаждением слушала его [НКРЯ].

(5) Русский глагол *упиваться* имеет значения ʻнапиваться до полного насыщения или допьяна' и ʻнаслаждаться чем-либо' [Ефремова]. По-видимому, аналогичный переход представлен во французском языке: глагол *se rincer* в разговорной речи имеет значение ʻпить'(алкоголь) [ГрГр]. В том же значении он используется в выражениях *se rincer le gosier*, *la dalle*, *la gorge* (ʻнапоить горло/глотку'). Выражение *se rincer l'œil* (ʻнапоить глаз') имеет значение ʻсмотреть с удовольствием' [ГТ]: *Le voilà qui s'installe près de la fenêtre comme une sorte de bureau, mais c'était bien plutôt pour se rincer l'oeil sur l'Adèle…* (G. Chevallier, «Clochemerle)». Вот он присаживается к окну, словно к письменному столу; но на самом деле он намерен услаждать взор лицезрением Адели [ФРФС]. См. в словаре [RC] по поводу указанного семантического перехода (правда, там у рассматриваемого выражения отмечается более узкое значение ʻнаслаждаться эротическими зрелищами'): «le transfert ici est du gustatif (*se rincer la dalle*) au visuel et correspond au sémantisme de l'enivrement». См. также русское существительное *объедение*: славянизм *объяденье* «до начала XIX в. обозначал ʻобжорство, неумеренность в пище', но затем в разговорно-бытовой речи закрепился в функции сказуемого и экспрессивно-восклицательного выражения, близкого к междометию. Слово *объяденье* стало эмоционально-предикативной характеристикой чего-нибудь необыкновенного по своему вкусу. (*Пирожки — прямо объяденье*!)» [11, 185] [10].

(6) Английский фразовый глагол *to drink in* (*to drink* — ʻпить') имеет значение ʻнаслаждаться, упиваться чем-л.': «to experience something with great enjoyment: *They sat out on the terrace and drank in the stunning view*» [MD]. Другой глагол — *to lap up* — имеет значение ʻлакать' (о животных), ʻжадно пить, глотать, поглощать' и значение ʻупиваться, наслаждаться чем-л.': «1. to eat or drink; 2. to relish or delight in ⇒ *he laps up old horror*

[10] Заметим, что во многих случаях смысл ʻудовольствие' в русском языке связан с наличием семантических признаков EXCESS [см. 13, 311] или $Magn^{temp}$ в семантике исходного предиката, в частности, передаваемого приставкой *–за*, но не только: *заглядеться*, *засмотреться*, *объедение*, *упиваться* и т.п.

films» [CED], «Accept something eagerly and with obvious pleasure: *she's lapping up the attention*» [OD] [11]. Другой английский фразовый глагол *to feed on* имеет значения ʻпитаться чем-л.ʼ и ʻнаслаждаться чем-л., получать удовольствиеʼ: «to give food to ⇒ *to feed the cat*; to gratify; satisfy ⇒ *to feed one's eyes on a beautiful sight*» [CED], «gain satisfaction from (something): *The singer feeds on admiration from the public*» [PK].

(7) Немецкий глагол *genießen* имеет значения ʻесть, питьʼ и ʻнаслаждатьсяʼ: «1. von einer Speise, einem Getränk etwas zu sich nehmen; 2. «mit Freude, Genuss, Wohlbehagen auf sich wirken lassen» [Duden]. Например: (а) … *man konnte von ihren Speisen eine große Menge genießen, ohne sich den Magen zu verderben* (Gottfried Keller. Der grüne Heinrich (zweite Fassung) (1879-1880)). … ее кушанья можно было потреблять в больших количествах, не рискуя испортить себе желудок [НКРЯ]. (б) *Lisa ist das, was man ein Prachtweib nennt, und ich kenne einen Haufen Leute, die gern ein paar Millionen zahlen würden, um jeden Morgen einen solchen Anblick zu genießen* (Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956)). Лиза, что называется, «роскошная женщина», и я знаю многих, кто охотно платил бы по нескольку миллионов за то, чтобы наслаждаться каждое утро подобным зрелищем [НКРЯ]. Аналогичная полисемия представлена в отглагольном имени *Genuß*: «1) die Aufnahme von Essen und Trinken; 2) Freude, Annehmlichkeit bereitet, die Befriedigung» [DWDS]. Например: (а) <> *Zustand nach übermäßigem Genuß von Schwedischem Punsch* (Thomas Mann. Buddenbrooks (1896-1900)). <> состояние после неумеренного потребления шведского пунша [НКРЯ]. (б) *Selbst Staatsanwalt Doktor Hagenström, der ja ein Schöngeist war, tat private Äußer-ungen, die dahin gingen, daß Breslauers Rede ihm einen wirklichen Genuß bereitet habe* (Thomas Mann. Buddenbrooks (1896-1900)). Даже прокурор доктор Хагенштрм, признанный ценитель изящного, в частных беседах утверждал, что речь Бреслауэра доставила ему истинное наслаждение [НКРЯ].

(8) Английское существительное *treat*, образованное от глагола *to treat*, одно из значений которого — ʻугощатьʼ, имеет значения ʻугощениеʼ и ʻудовольствие, наслажде-

[11] У этого глагола есть еще значение ʻнекритично принимать что-л. на веруʼ: «to believe or accept eagerly and uncritically ⇒ *he laps up tall stories*» [CED].

ние': «1. *a cold treat of roasted mutton and beef* — холодная закуска из жареной баранины и говядины; *the monkey got an extra treat* — обезьянка получила дополнительное угощение; 2. *the music was a real treat* — музыка доставила истинное наслаждение» [НБАРС]. 1. «Something, such as one's food or entertainment, that is paid for by someone else. 2. A source of a special delight or pleasure: *His trip abroad was a real treat*» [AHD]. Например: (а) *He keeps them indoors in a wire-screened pen and gives them peanuts, puffed rice, raisins to eat, and, as a special treat, a violet or an aster* (Vladimir Nabokov. Lance (1952)). Он держит их в доме, в загончике из металлической сетки, и кормит каштанами, пареным рисом, изюмом и — в виде особого лакомства — фиалками или астрами [НКРЯ]. (б) *A very rich and powerful one: she sang delightfully; it was a treat to listen to her* (Charlotte Brontë. Jane Eyre (1847)). — Очень сильный и звучный. Она пела восхитительно; такое наслаждение было слушать ее! [НКРЯ]. (в) *Now I know why ladies is so clean. Washing's a treat for them* (Bernard Shaw. Pygmalion (1912)). Теперь-то я знаю, почему все леди такие чистенькие. Им мыться — одно удовольствие! [НКРЯ]. При этом направление перехода было от значения 'еда' к значению 'удовольствие': «Sense of "a treating with food and drink" (1650s) was extended by 1770 to "anything that gives pleasure"» [OED].

Глагол *to treat*, в свою очередь, развил значение 'доставлять удовольствие': «To give (someone or oneself) something pleasurable: *treated herself to a day in the country*» [AHD]. Например: (а) <> *fourteen-year-old Van treated us to the greatest performance we have ever seen a brachiambulant give* (Vladimir Nabokov. Ada, or Ardor (1968)). <> четырнадцатилетний Ван порадовал нас величайшим из представлений, какое когда-либо задавало в нашем присутствии раменоходящее [НКРЯ]. (б) *It is not part of my duties to my client, but here's a hunting crop handy, and I think I shall just treat myself to* (Arthur Conan Doyle. A Case of Identity (1891)). Это не входит в мои обязанности, но, клянусь Богом, я доставлю себе удовольствие [НКРЯ]. Как представляется, указанное значение появилось у глагола позже, чем у существительного, по аналогии с ним. Наш вывод основывается на том, что в таких авторитетных словарях, как [OUD] и [WRU 1913], у существительного *treat* значение 'удовольствие' отмечается («a satisfaction; as, *the concert was a rich treat*» [WRU

1913]), а у глагола соответствующего значения не зафиксировано — это значение мы встречаем только в современных словарях.

Следует отметить, что развитие русского глагола *угощать* шло другим путем: в переносном употреблении он имеет значения ʻделать, устраивать кому-либо что-либо (приятное или неприятное)ʼ и ʻосыпать кого-либо ударами; бить, избивать' [Ефремова] [12].

(9) Английское существительное *feast* является заимствованием из французского языка: «c.1200, "religious anniversary characterized by rejoicing" (rather than fasting), from O.Fr. feste (12c., Mod.Fr. fête)» [OED], «A religious anniversary appointed to be observed with rejoicing» [OUD] [13]. Затем у слова появляется значение «An unusually abundant and delicious meal; something delicious to feel upon; treat» [OUD]. На следующем этапе слово приобретает значение ʻудовольствие; наслаждение' — и чисто физическое удовольствие от еды, и эстетическое и ментальное удовольствие. См. значения этого слова в современных английских толковых словарях, например: «1.a. A large, elaborately prepared meal, usually for many persons and often accompanied by entertainment; a banquet. b. A meal that is well prepared and abundantly enjoyed. 2. A periodic religious festival commemorating an event or honoring a god or saint. 3. Some-thing giving great pleasure or satisfaction: *a book that is a veritable feast for the mind*» [AHD]. Глагол *to feast* имеет значения ʻпировать, праздновать', ʻугощать' и ʻнаслаждаться': «Vtr. To give a feast for; entertain or feed sumptuously: *feasted the guests on venison*. Vintr. 1. To partake of a feast; eat heartily. 2. To experience something with gratification or delight: *feasted on the view, feast (one's) eyes on*: To be delighted or gratified by the sight of: *We feasted our eyes on the paintings*» [там же]. Как и существительное, глагол используется для обозначения как чувственного, так и эстетического удовольствия: «to enjoy the eating (of), as if feasting ⇒ *to feast on cakes*; to take great delight (in) ⇒ *to feast on beautiful paintings*» [CED].

[12] Последнее значение возникло в результате действия продуктивной метафоры «Проникновение (чужеродных) элементов в объект» - «Нанесение ущерба объекту» (см. [18; 19]).
[13] Следует отметить, что оба словаря подчеркивают радостный характер события, что могло бы служить основой семантического перехода ʻпраздник' → ʻрадость', см. ниже.

(10) Французское существительное *régal* является примером аналогичной полисемии: 1) пиршество, угощение (устар.): «Vx Fête, repas somptueux qu'on offrait à qqn. ⇒ festin» [PR] [14]; «festin» [TR]; 2) изысканное блюдо, деликатес: «Mets qu'on trouve particulièrement délicieux»[PR]; 3) удовольствие, наслаждение: а) от еды: «Plaisir de manger, plaisir de la table. *On faisait cuire des oiseaux ou des pommes de terre sous la cendre. Les poires et les pommes sauvages, les prunelles, les mûres de buisson, les racines, tout nous était régal* (SAND, Hist. vie, t. 3, 1855, p. 31)» [TR]; б) эстетическое удовольствие: «Plaisir d'ordre esthétique ou moral. *C'est un vrai régal que ce livre* (FLAUB., Corresp., 1878, p. 108). *Après l'exposition Henri Rousseau* (...) *on nous offre le subtil régal d'une exposition Georges Braque* (LHOTE, Peint. d'abord, 1942, p. 159)» [там же]. Производный глагол *régaler* имеет значения: 1) угощать кого-нибудь: «Offrir un bon repas à (qqn). «leur excellent patron qui les a régalés chez le sieur Rolland, restaurateur» (Balzac)» [PR]; 2) доставлять кому-л. эстетическое или интеллектуальное удовольствие: «Offrir à quelqu'un un plaisir esthétique ou intellectuel: *De tout cela je ne me rappelle que deux ou trois morceaux de la Flûte enchantée dont nous a régalés MmeManceau* (Delacroix, Journal, 1853, p. 8)» [TR]. В прономинальной форме он используется в значениях ʻесть тó, что любишь, есть с удовольствием' и ʻнаслаждаться, получать удовольствие': «Faire un bon repas, manger ce qu'on aime. *Nous nous sommes régalés*. ◊ Fig. Se donner un grand plaisir. « Mon regard se régalait en glissant sur la belle parleuse» (Balzac)» [PR].

Английский глагол *to regale* (французское заимствование) в целом демонстрирует аналогичную полисемию: а) угощать потчевать: «to give someone a lot to eat and drink: regale someone with something: *The ambassadors were regaled with a 12-course meal*» [MD]; б) доставлять удовольствие; развлекать: «to give delight or amusement to» [CED]; «to regale the taste, the eye or the ear. *The birds of the forest regale us with their songs*» [WRU 1828]; в) в прономинальной форме глагол имеет значение ʻнаслаждаться': *So much was pretty soon*

[14] По-видимому, имел место переход ʻпраздник' → ʻпиршество' → ʻудовольствие'. Существительное *régal*, изначально — *rigale*, происходит от ст.-франц. *gale* «réjouissance», форма *rigale* объясняется влиянием глагола *se divertir* ʻразвлекаться', что объясняется совпадением смысла и звукового облика: «L'a. fr. *rigale* est tiré de l'a. fr. *gale* «rejouissance», v. *galant*, et il a emprunté son préf. à l'a. fr. *rigoler* «se divertir», ce qui a été facilité par l'identité de son et de sens» [BW].

understood; but till Sir Walter and Elizabeth were walking Mary into the other drawing-room, and regaling themselves with her admiration, Anne could not draw upon Charles's brain for a regular history of their coming, or an explanation of some smiling hints of particular business (Jane Austen. Persuasion (1816)). Это вскоре выяснилось; но до тех самых пор покуда сэр Уолтер и Элизабет не увлекли Мэри в другую гостиную, дабы насладиться ее восторгами, Энн не могла вытянуть из Чарлза ни членораздельного ответа о цели приезда, ни объяснения кое-каким улыбкам и настойчивым намекам на одно деликатное обстоятельство [НКРЯ].

(11) По-видимому, обратный семантический переход — от значения ʻудовольствиеʼ к значению ʻугощатьʼ — представлен в вышедшем из употребления русском глаголе *ла́комить* и украинском *лако́мити*: «русск. стар. *ла́комить* ʻкормить, угощатьʼ (СРЯ XVIII в. 11, 111),.. < > укр. *лако́мити* ʻкормить лакомствамиʼ (Гринченко II, 342)» [ЭССЯ 32]. (См. ниже об исходных значениях прилагательного *лакомы*й и глагола *лакомиться*).

(12) Семантический переход ʻудовольствиеʼ → ʻестьʼ представлен санскритскими словами *valbh* ʻenjoyʼ — ʻto eatʼ и *bhuj-* ʻenjoyʼ —ʻeatʼ («Каталог семантических переходов» [DB]).

(13) Французский глагол *repaître* имеет значение ʻкормить; насыщатьʼ: «Nourrir, rassasier» [PR], «Nourrir, donner à manger. *Il faut repaître ses animaux*» [EL]. Выражения *repaître ses yeux/ses regards* означают ʻнаслаждаться чем-л.ʼ: (а) «*De tels spectacles, dont j'allais repaissant mes yeux*» (Sainte-Beuve)» [PR]; (б) «*Les Bourbons. CEPENDANT Denys étoit arrivé àCorinthe. On s'empressa de venir repaître ses regards du spectacle d'un monarque dans l'adversité* (François de CHATEAUBRIAND. Essai historique, politique et moral sur les révolutions anciennes et modernes considérées dans leurs rapports avec la Révolution française: t. 2. 1797)» [CNRTL]. Прономинальная форма глагола используется в значении ʻпитатьсяʼ и ʻнаслаждатьсяʼ: (а) «*Cette espèce d'animaux se repaît de chair*» [AC 1935]. (б) «*Je ne pus résister au désir de contempler ses traits, en sorte qu'ayant approché la lumière, mes yeux purent se repaître du spectacle de sa beauté, que rehaussaient un air de*

grâce négligée et le doux éclat d'une pâleur touchante (Rodolphe TOEPFFER. Nouvelles genevoises, 1839)» [CNRTL]; (в) «*elle aspire à tout, et se contente de peu. à la voir exposer ses prétentions, on la dirait insatiable : à la voir se repaître des plus petits succès, on admire sa frugalité* (Benjamin CONSTANT. Principes de politique. 1815)» [CNRTL].

II.1.1.2. Источником-стимулом удовольствия могут быть действия разной природы — как «физиологически-телесные и физические действия», так и «высокие ментальные действия, если они имеют доступную физическую подоснову. Именно о таких действиях (*слушать музыку*, *смотреть картины Тарковского*, *беседовать с умным человеком*, *решать математические задачи* и т.п.) говорят, что они *доставляют истинно физическое удовольствие*» [27, 64]. В частности, одним из стимулов удовольствия является чтение. Это объясняет переход 'читать' — 'читать (и перечитывать) с удовольствием'. Примером этого является русский глагол *зачитываться*, в котором источник–стимул (чтение) и реакция (удовольствие) «обозначаются слитно, в целостной семантической структуре», так же, как А.Б. Пеньковский отметил это для русских *любоваться* и *смаковать* [27, 246] [15]. В русских толковых словарях смысл 'удовольствие' у рассматриваемого глагола не выделяется, в отличие от польского *zaczytywać się*, у которого этот смысл словари зафиксировали: «*zaczytywać się*: lubić coś czytać» [SJP]. Наша точка зрения согласуется также с интуицией переводчиков, которые в качестве эквивалентов *зачитываться* часто используют предикатные единицы, содержащие сему 'удовольствие'. Например: (а) *В то время только начинали появляться Монтекристы и разные «Тайны», и я <u>зачитывался</u> романами Сю, Дюма и Поль де Кока* (Л.Н. Толстой. Юность (1856)). At that period Monte Cristo and Taine's works had just appeared, while I also <u>revelled</u> in stories by Sue, Dumas, and Paul de Kock [НКРЯ]. (б) *Wenn sie auch Schiller auf die Höhen seiner philosophischen Arbeiten nicht zu folgen vermochten, so <u>erbauten sie sich</u> um so mehr an seinen geschichtlichen Werken* (Gottfried Keller. Der grüne Heinrich (zweite Fassung) (1879-1880)). Высоты философских сочинений

[15] «Источник — стимул (действие) и реакция (удовольствие) находятся в прямом и непосредственном контакте. Не случайно поэтому, что они могут обозначаться слитно, в целостной семантической структуре. Ср. *любоваться* 'смотреть на кого- / что-либо с удовольствием' vs 'испытывать удовольствие, наблюдая чьи-либо действия'» [27, 246].

Шиллера были для них недоступны, но зато они зачитывались его историческими трудами [НКРЯ]. (в) *She loved poetry of high order, and was possessed of a boundless appetite for the ridiculous and the comic* (Theodore Dreiser. The "Genius", book III (1915). Она зачитывалась стихами — но все это не мешало ей любить и понимать шутку. (г) *Рвение имел, по ночам богу молился, книги старые, "истинные" читал и зачитывался* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)). Il était plein de zèle, ses nuits il les passait à prier Dieu, à lire avec passion les vieux livres, les «vrais» [НКРЯ] (слово *passion*, как и рус. *страсть*, в одном из значений соответствует русскому *любовь 2*, *любить 2*, включающих в качестве базового компонента сему ʻудовольствиеʼ (см. толкование *любить 2* ниже, п. III.1.).

II.1.1.3. Еще одним стимулом (причиной [16]) удовольствия являются всякого рода забавы, развлечения, вечеринки. Это лежит в основе перехода вида ʻудовольствиеʼ → ʻзабава, развлечениеʼ, ʻвечеринкаʼ.

(1) В словацком языке у слова *rozkoš* отмечается значение ʻ удовольствие, наслаждениеʼ (см. об этом ниже, п. III.5.) и с пометой «устар.» значение ʻразвлеченияʼ: «zábava, obveselenie, veselosť, radovánky: *prostredky, gakowými má včitel včedlnjky k sobe wábiti: rozlične hry a roskosse detinske, aby sobe djtky nepredstawowali školu gako negakowu katowňy* BZ 1749» [HSS]. У чешского слова *rozkoš* ʻудовольствиеʼ также зафиксировано значение ʻразвлечение, увеселение, забаваʼ (правда, с пометой «редк.»): «чеш. *rozkoš* ж.р. ʻв высшей степени приятное ощущение удовлетворения, радости; сильная эмоциональная вспышка, страсть, особенно любовное увлечение, упоениеʼ, редк. ʻразвлечение, увеселение, забаваʼ» [ЭССЯ 33].

(2) Украинское существительное *приємність* ʻудовольствиеʼ в диалектах используется в значении ʻувеселение, развлечение: «1. Те, що викликає задоволення, втіху, радість і т. ін. *Дуже був би радий побачитись з Вами ще раз, бо це, правду мовити, найбільша, приємність для мене* (Михайло Коцюбинський, III, 1956, 270); 3. діал. Розвага.

[16] Мы отмечали, что в отношении удовольствия следует говорить о стимулах, а не о причинах, но для простоты будем иногда использовать термин «причина».

Він покинув столицю з її приємностями і забавами, покинув навіть школу (Іван Франко, II, 1950, 370)» [СУМ].

(3) Немецкое существительное *Vergnügen* сочетает значения ʻудовольствие/радость’, ʻразвлечения’: «1. inneres Wohlbehagen, das jemandem ein Tun, eine Beschäftigung, ein Anblick verschafft; Freude, Lust; *vor Vergnügen lachen, schreien, in die Höhe springen*; 2. a. etwas, woran man Vergnügen findet, was einem Vergnügen bereitet; angenehmer Zeitvertreib; Spaß; Amüsement» [Duden] [17]. Это существительное используется также в значении ʻвечеринка, праздник’: «(veraltend) [festliche Tanz]veranstaltung; Vergnügung» [Duden].

(3) Английское существительное *picnic* имеет значение ʻпикник, загородная прогулка с едой’: «1. an excursion or outing with food usually provided by members of the group and eaten in the open» [MWD]. Переносное значение слова — ʻприятное времяпрепровождение, удовольствие’: «*life is not a picnic* - жизнь - это не сплошное удовольствие» [НБАРС], «An easy task or pleasant experience: *finishing the project on time was no picnic*» [AHD], «an enjoyable experience or time, easy task, etc.: Being laid up in a hospital is no picnic» [RHD].

Полисемия ʻудовольствие’ — ʻзабава, развлечение’, о которой мы говорили, отличается от той, что характерна, например, для русского слова *удовольствие*: ʻудовольствие’ —ʻто, что вызывает удовольствие’ (стимул, причина). В этом случае имеет место полисемия S_0 — S_{caus} [1, 194] [18]: ср. *испытывать удовольствие* и *дарить подарки — это огромное удовольствие*. В сферу того, что вызывает у человека удовольствие, попадают разные стимулы, в том числе, но не только (!), развлечения и забавы. И для слова. и чеш. *rozkoš*, и для рус. *удовольствия* семантический переход имеет вид ʻудовольствие’ → ʻпричина удовольствия’, различие состоит в том, что в первом случае причиной удовольствия является ограниченный круг ситуаций, а именно — забавы, раз-

[17] См. примечание 2.
[18] Аналогичная многозначность характерна и для слова *радость* [там же].

влечения, а во втором — это может быть и любимое занятие, и общение с друзьями, и решение сложной задачи, получение подарка и т.д.

Ю.Д. Апресян в рамках многозначности ʻсостояние' — ʻпричина состояние' (S_0 — S_{caus}) отмечает также полисемию слова *развлечение*: *развлечение гостей — развлечения* [1, 194]. Однако, как представляется, слово *развлечение* не является именем состояния. См. в этой связи о различиях имен, обозначающих состояние (*восхищение*, *раздражение*, *изумление* и т.д.), и слов типа *утешение*, *вознаграждение*, *развлечение*, *оскорбление*, которые являются не именами состояний, а именами «того, чем утешают, вознаграждают и т.д.» [26, 305].

II.1.2. Радость

Радоваться — это испытывать такое приятное чувство, «какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает как хорошее для себя, имеет место» [3]. Таким образом, неотъемлемым компонентом прототипического сценария радости является наличие приятной/благоприятной для субъекта ситуации P. Переход ʻимеет место положительная для субъекта X ситуация P' ↔ ʻX радуется, что P' представлен латинским прилагательным *festus*, имевшим значение ʻпраздничный' — о днях, посвященных религиозным праздникам, в которые народ не работал. От этого значения произошло другое значение этого прилагательного — ʻрадостный, ликующий': «[forme accessoire plus ancienne de *feriae*], se disait primitivement des jours consacrés à la célébration des fêtes réligieuses (par oppos. aux jours ouvrables), consacré, sacré, solennel de fête. <> — De là, métaph., en parlant de tous les objets qui ont rapport aux jours de fête: <> de mème ~ clamores, *cris d'allégresse Plin. Ep 2, 17, 24*» [GDL]; «1. de fête, qui est en fête; // joyeux, gai: *festior annus* Claud *111 Cons. Honor. 3*, année plus heureuse» [DLFG]. Здесь, как нам представляется, имел место переход ʻпричина радости' → ʻрадость' [ʻпраздник' → ʻрадость'] [19].

[19] Следует оговорить, что полисемия ʻпраздник' — ʻрадость', представленная выше, может в действительности являться результатом другого процесса — результатом профилирования, т.е. выдвижения на первый план определенного семантического компонента ситуации — в данном случае компонента ʻрадость', который наличествует в прототипической ситуация праздника.

Полисемию ʻпраздникʼ — ʻрадостьʼ унаследовали итальянское существительное *festa*, прилагательное *festoso* и наречие *festosamente* [GDH, VT и др.]. «Festa. 1. a. Giorno destinato a una solennità, al culto religioso, a celebrazioni patriottiche o d'altro genere. 2b. In senso fig., di tutto ciò che dà allegria: *l'arrivo del circo fu una f. per tutti* »; «Festoso. Che è segno di festa, che esprime o dimostra gioia, contentezza, allegria: voci f.; grida f.; f. accoglienze» [VT]. Французское существительное *fête* ʻпраздникʼ в конструкция (*être*) *en fête* может означать ʻ(находиться) в состоянии радостиʼ: «(Être) en fête; ♦ (Être) plein d'animation, de joie, de bonheur. [*Marc*] *achevait de déjeuner avec ces dames, égayé par le babil de sa petite Louise, très en fête ce jour-là* (ZOLA, Vérité, 1902, p. 82)» [TR]. См. также англ. *festivity* ʻвеселье, радостьʼ — ʻпраздникʼ: «1. The condition of being festive; social joy or exhilaration of spirits at an entertaintment; joyfulness; gayety. 2. A festival; a festive celebration» [WRU 1913].

Русское слово *праздник* может употребляться в переносном значении ʻрадостьʼ / ʻудовольствиеʼ: «Состояние наслаждения от чего-л., приятное, радостное чувство, а также сам источник наслаждения, радости. *Эта возможность вдруг представилась ему каким-то огромным праздником души* (Купр.)» [Бабенко], «перен. разг. Испытываемое от чего-либо наслаждение, приятное, радостное чувство» [Ефремова], «*На душе праздник* (перен.: радостно)» [ОЖ].

Переход ʻпричина радостиʼ — ʻрадостьʼ реализован во французском глаголе *bicher*, имеющем значения ʻидти успешноʼ и ʻрадоваться, быть довольнымʼ: 1. «Aller bien. *Ça biche*. ⇒ boumer. 2. Se réjouir. *Il biche!*» [PR]; «1) радоваться, ликовать: *Son plan a réussi: il biche* (Lexis) <> ◊ *ça biche* pop. все (идет) хорошо, порядок: «Ça colle? Ça biche? Tu tiens les décors? On peut les voir? Tu as l'air content» (Blaise Cendrars. Emmène-moi au bout du monde) [ГрГр]; «En voyant ces braves pandores // Être à deux doigts de succomber, // Moi, j'bichais, car je les adore//Sous la forme de macchabé's» (Georges Brassens, Hécatombe, in Poèmes et Chansons, p. 19).

Обратный переход ʻрадостьʼ → ʻпраздникʼ представлен французским существительным *réjouissance* ʻо́бщая ра́дость, весе́льеʼ — ʻ празднестваʼ [ГТ]: «vif plaisir, joie»;

resjouissement XIVe; de réjouir. ♦ Joie collective. « Les unes [fêtes] sont des occasions de réjouissance, les autres de tristesse collective» (G. Bouthoul). ◊ Au plur. Réjouissances publiques, officielles, familiales. ⇒ fête. — *Le programme des réjouissances* » [PR], «Étymol. et Hist. A. 1. Ca 1460 resjouyssance « action de se réjouir» (Myst. du siège d'Orléans, éd. F. Guessard et E. de Certain, 4586); 2. 1666 au plur. «fête»» [TR]. См. также английское *rejoicing* ʻвеселье, радость' (точнее, ʻликование') — ʻпраздник, празднование' [НБАРС] и глагол *to rejoice* [20]. *Rejoicing*: «the feeling or the expression of joy» [RHD], «a time when people celebrate and express feelings of great happiness» [MD]; «*rejoice*: to feel very happy about something, or to celebrate something in a happy way» [MD]. Испанское существительное *regocijo* имеет значение ʻбурная радость, ликование': «1. Alegría intensa o júbilo» [DRAE]. Кроме того, как отмечается в [ИСРС], оно используется в значении ʻпраздник, гулянье': «pl. tb regocijos públicos — наро́дный пра́здник; народное гуля́нье».

II.2. Контролируемые поведенческие и речевые реакции

Для некоторых эмоций характерны определенные внешние проявления (см., напр., [2]). Ликование, как особый вид радости, обязательно проявляется в восклицаниях, плясках, песнях и т.п. Это объясняет семантические переходы типа ʻтанцевать' → ʻликовать', ʻпрыгать' → ʻликовать', ʻрадостно восклицать' → ʻликовать' и т.д.:

(а) *Exsultare* (лат.): ʻпрыгать' — ʻликовать' [ЛРС; DLFG и др.].

(б) *Jubilare* (лат.) ʻиздавать громкие крики, торжествующие возгласы' – ʻликовать' [ЛРС].

(в) Русское *ликовать*, образованное от *лик*, которое было заимствовано «из гот. laiks "танец", laikan "скакать, прыгать"» [ФЭ].

[20] Значение ʻпраздновать' и ʻпраздник' у этих единиц отмечается не во всех словарях. Английские предикаты восходят к лат. *gaudere* ʻрадоваться': «Rejoice, c.1300, "to enjoy the possession of," from O.Fr. rejoiss-, stem of rejoissant, prp. of rejoir "gladden, rejoice," from re-, intensive prefix, + joir "be glad," from L. gaudere "rejoice" (see JOY (Cf. joy)). Originally sense in to rejoice in. Meaning "to be full of joy" is recorded from late 14c. Middle English also used simple verb joien "to feel gladness; to rejoice" (mid-13c.)» [OED].

(г) Итальянское слово *tripudio* [21] изначально имело значение ʻжреческий танецʼ, затем – ʻвеселый танецʼ. От этого последнего значения, на наш взгляд, произошел переход к значению ʻликованиеʼ: «Grande e rumorosa manifestazione di gioia: *tutta la città era in t. per la vittoria*; *a quella notizia fu un t. di grida, di suoni, di canti*» [GDH].

(д) Одно из основных значений испанского глагола *bailar* — ʻтанцеватьʼ: «Quizá del lat. tardío ballāre, y este quizá del gr. πάλλειν pállein 'agitar', ʻbailarʼ. 1. intr. Ejecutar movimientos acompasados con el cuerpo, brazos y pies. U. t. c. tr. *Bailar una polca*» [DRAE]. В некоторых странах Латинской Америке у него отмечается также значение ʻбурная радостьʼ: «Арг., П., П.-Р., Ч. *нн.* ликовать, быть на седьмом небе, не помнить себя от радости» [22] [БИРСЛА].

(е) Первым значением английского глагола *to crow*, (по одним источникам — это ономатопея, по другим — заимствование из германских языков) было ʻиздавать громкий крик, о петухеʼ; позже в словарях зафиксированы значения ʻиздавать радостные звуки, о людяхʼ и ʻгромко радоваться; хвастатьсяʼ. Причем последнее из этих двух значений — ʻгромко радоваться; хвастатьсяʼ, отмечено более ранней датой — 1522 г., а первое — 1579 г. [OUD и др.]. Таким образом, здесь можно предположить следующую цепочку переходов: ʻкрик петухаʼ → ʻликованиеʼ → ʻрадостные звуки, восклицания людейʼ (пение петуха, очевидно, ассоциировалось с радостным, победным криком).

Бурная радость, ликование может вызывать желание украсить все вокруг, чтобы все соответствовало радостному ощущению. Это, по-видимому, объясняет переход, имевший место во французском глаголе *pavoiser*: ʻподнять флаги на корабле в ознаменование радостиʼ → ʻукрашать флагами здания в честь праздникаʼ → ʻликоватьʼ. Pavoiser: «1 ♦ Mar. Anciennt Garnir (le plat-bord d'un navire) d'un pavois (rangée de boucliers). Mod. Absolt Hisser le pavois en signe de réjouissance. 2 ♦ (v. 1900) Orner de drapeaux (un édifice public, une maison, une ville, etc.), à l'occasion d''ne fête, d'unne cérémonie. *Pavoiser une rue*. 3 ♦

[21] [VT]: «dal lat. tripudium, comp. di *tri-* "tre" e *pes, pedis* "piede"».
[22] «*нн.*» — ненормативное значение [БИРСЛА].

Absolt, Fig. et fam. Manifester une grande joie. *Les supporters pavoisent*. (*Il n'y a pas de quoi pavoiser!* il n'y a pas de quoi se réjouir, de quoi être fier» [PR].

Ш. Инцидентные следствия

III.1. 'Удовольствие' / 'радость' — 'желание'

Одним из инцидентных следствий прототипической ситуации удовольствия является желание испытать это удовольствие еще раз: Удовольствие как положительная чувственная реакция предполагает возможность желания переживать его вновь и вновь. С другой стороны, желание осуществления какой-то ситуации Р может быть обусловлено оценкой субъектом этой ситуации как способной доставить ему удовольствие или радость. См., например, толкование глагола *любить 2* в [4], в котором связь между желанием и удовольствием выражена эксплицитно: «*X любит <обожает> P* = 'X имеет свойство хотеть Р, потому что всякий раз, когда X делает Р, использует Р или находится в контакте с Р, он испытывает большое удовольствие'» [23]. См. также о прагматических презумпциях и импликациях «диспозициональных» глаголов *любить* и *нравиться* в работе Н.Д. Арутюновой [8]: «… диспозициональные предикаты обозначают толко склонности и предпочтения, но не действия или процессы. Однако диспозиции составляют звено некоторого механизма жизни, в который, наряду с ним, входят такие компоненты, как возможный реальный опыт, даваемое им ощущение, желание его возобновить или прекратить, узуальные дейтсвия. <> Связь диспозиции с опытом образует прагматическую пресупозицию диспозиционального значения, а ее отношение к действиям (поведению) может рассматриваться как прагматическая импликация этого значения» [с. 90], «диспозициональные глаголы сенсорного значения ставят проблему прагматических импликаций, связанных с реальными действиями. Мостик от оценки к действию перекинут желанием. Те ситуации, в которых желание составляет активное начало, обозначают глаголом *любить*, те же ситуации, в которых гедонистическая оценка не порождает стимула к действию, обозначаются глаголом *нравиться*» [там же, с. 92].

[23] Поскольку инцидентные следствия соединяют ассоциативной связью две ситуации — P_1 и P_2, то, по-видимому, каждая из этих ситуаций P_1 и P_2 является инцидентным следствием для другой.

Связь между желанием, с одной стороны, и удовольствием и радостью, с другой, обусловила, как нам представляется, семантические переходы вида ʻжелание’ — ʻудовольствие’ / ʻрадость’. Например:

(1) Немецкое существительное *Lust* демонстрирует полисемию ʻжелание’ (в том числе сексуальное) — ʻудовольствие’ (в том числе сексуальное): «1. inneres Bedürfnis, Wunsch: ich habe große Lust, ihn *anzurufen*; b) heftiges (sexuelles) Verlangen, (sexuelle) Begierde. 2. Vergnügen, Befriedigung. a) nur im Singular. Freude, Wohlgefallen: *es war ihm eine* (*wahre*) *Lust, ihr zuzusehen*. *Ich hatte meine Lust daran, an diesem Spiel*; b) (sexueller) Genuss, Erfüllung der (sexuellen) Begierde» [DWDS]. Приведем примеры из художественной литературы: (а) *Seine Lippen formten die Worte mit einer gewissen Lust* (Thomas Mann. Der Zauberberg (1924)). Ему даже как будто доставляло удовольствие выговаривать слова [НКРЯ]; (б) “*Ich wollte fragen, ob Sie nicht Lust hätten, ein wenig mit mir zu musizieren*”, *sagte er freundlich* (Hermann Hesse. Peter Camenzind (1904)). — Я только хотел спросить, нет ли у вас охоты немного помузицировать со мной, — промолвил он дружелюбно [НКРЯ]. Аналогичная полисемия характерна для английского *lust*: ʻсильное желание’ (в том числе сексуальное, похоть, вожделение) — ʻудовольствие; наслаждение’ (это значение в словарях указывается с пометой «устар.»): «1. Intense sexual desire. 2.a. An overwhelming desire or craving: *a lust for power*. b. In-tense eagerness or enthusiasm: *a lust for life*. 3. Obsolete. Pleasure; relish» [AHD].

(2) Первое значение слова *rad* в словенском языке — ʻлюбить’, что соответствует русскому *любить 2*: «1. avec plaisir; *ràd jem/spim* j’aime manger/dormir» [PONS]. Также, как и русский *любить 2*, *rad 1* указывает «на свойство субъекта, состоящее в том, что «субъект обычно испытывает у д о в о л ь с т в и е (разрядка наша, ЕИ) от реализации некоторой ситуации (*любить прогулки по лесу*; *любить, чтобы все вещи лежали на своем месте*)», [28, 457]. Таким образом, рус. *любить 2* и слов. *rad 1* включают смысл ʻудовольствие’. Второе значение слова *rad* — ʻжелать, хотеть’: «želja» [PONS], «navadno v zvezi z bi izraža voljo, željo, kot jo določa sobesedilo» [SSK], «*Klingonski poveljnik, nekdo bi rad govoril z vami*. Commandant, quelqu’ un souhaite vous parler» [//https://fr.glosbe.com]. См.

также в [ФЭ] в словарной статье рус. *рад*: «ра́да, ра́до, укр. ра́дий, рад, блр. рад, др.-русск., ст.-слав. радъ περιχαρής (Остром., Супр.), болг. рад, сербохорв. ра̏д, ра̏да, ра̏до “охотный”, словен. ràd, ráda “рад, охотный”, чеш. rád – то же, слвц. rád, польск., в.-луж., н.-луж. rad». Ср. русское выражение *рад-радехонек*, у которого тоже выделяют значение ‘желание, готовность, намерение’ [Словарь-тезаурус].

(3) Русское слово *охота* имело значения ‘желание’ и ‘удовольствие’. Выражение *в охоту* в русских диалектах использовалось в значении «с удовольствием, в охотку. *Голодному Федоту и репа в охоту*. Архив АН СССР» [СРНГ], *с охоткой* — в значении «с чувством удовольствия (главным образом о пище). Урал, 1930. *Щи с охоткой хлебали*» [Там же]. *Охотно* имело два круга значений: 1) значение «Приятно, весело. *Во Казани-то жить привольно, Жить привольно, гулять охотно, У нас денежек предовольно*. Арх., Соболевский, Моск. 1904. *Пойдем вместе, охотней будет*. Костром. Все будет охотней нам, все веселей. Ряз. 3» [Там же]; 2) «В знач. безл. сказ. Хочется, охота. *Жарко, а холодного-то охотно* (хочется). Твер. Твер., 1910» [Там же]. В русском литературном языке наречие *охотно* на протяжении всего XIX в. функционировало в качестве дублета выражения *с удовольствием* [27, 252], например: (а) *Гагин, наконец, решил, что он «сегодня не в ударе», лёг рядом со мной, и уж тут свободно потекли молодые наши речи, то горячие, то задумчивые, то восторженные, но почти всегда неясные речи, в которых так охотно разливается русский человек* (И.С. Тургенев. Ася (1858)) [НКРЯ]; (б) *Савелий тем охотнее начал сокрушаться о семействе, что ничто уже его не развлекало* (Д.В. Григорович. Кошка и мышка (1857)) [НКРЯ]. Однако в современном языке *охотно* принадлежит «волевой, а не чувственной сфере. *Охотно* сегодня <> — это знак положительной волевой реакции» [27, 253].

Прилагательное *охочий* демонстрирует другой путь семантического развития. В словаре русского языка XI–XVII вв. [СРЯ] у этого слова выделяются значения «имеющий охоту к чему-л., потребность в чем-л. // Добровольно вызвавшийся участвовать в каком-л. опасном предприятии» и «В сост. сказ. Охочь, охотник до чего-л., любящий делать что-л.» [СРЯ]. В современном языке за ним сохранилось только последнее значение, относя-

щееся не к волевой, а к чувственной сфере: «УШ: Имеющий сильную склонность к чему-нибудь, крайне любящий что-нибудь» [УШ] [24]. Например: *Он сам никогда не был агрессивным, никогда не был охочим до таких рекламных скандалов* (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)) [НКРЯ]. Ср. также переводные эквиваленты этого слова: (а) *Мы этому случаю, разумеется, посмеивались, а он страсть как был охоч с господами чаи пить да велеречить* (Н.С. Лесков. Запечатленный ангел (1872)). Natürlich lachten wir darüber, aber er liebte es sehr, mit den Herrschaften Tee zu trinken und groß daherzureden [НКРЯ]; (б) *He used to say, I know, that fast girls had slow minds and that there could be nothing duller than a pretty woman who likes fun* (Vladimir Nabokov. The real Life of Sebastian Knight (1938)). Он, помнится, говаривал, что бойкие девы умом непрытки, что ничего нет скучнее, чем охочая до развлечений красотка [НКРЯ].

(4) Польское существительное *chęć* (праслав. *хоть**)** в старопольском языке имело значение ʻвкус’, ʻприятность, удовольствие’, в современном польском языке оно используется в значении ʻжелание’: «*хоть: ст.-слав. χоть ʻжелание’, ʻлюбовница, наложница’, ʻлюбовник’ …<> ст.- польск. *chęć* ʻвкус’, ʻприятность, удовольствие’ (Sł. stpol. I, 233), польск. *chęć* ж.р. ʻжелание’ (Dorosz. I, 849)» … <> Основа на –i-, именное производное от гл. **xotěti*» [ЭССЯ 8].

(5) Латинское существительное *libido* (*lubido*) сочетало значения ʻжелание’ и ʻудовольствие’: 1) «желание, влечение, стремление» [ЛРС]; «envie, désir. - *libido ulciscendi*, Cic. Tusc. 4, 44: désir de la vengeance. - *libido bonorum futurorum*, Cic. Tusc. 4, 11: envie des biens à venir» [JWH]. 2) «*libidinem in aliqua re habere* Sl находить удовольствие в чём-л.» [ЛРС]; «arch. *est libido* + inf. = *libet* : il plaît de. — Plaut. Pers. 808; Trin. 626, etc.» [JWH]; «Ad libidinem fingere aliquid. Cic. *A son plaisir*» [EDL]. См. также прилагательное *libens*: «that does a thing willingly or with readiness, willing, with good will, with pleasure (class.)» [LSL]. Следует отметить, что этимологически родственные слова других

[24] В словаре Т.Ф. Ефремовой отмечено и значение ʻИзъявляющий желание, готовность к чему либо. отт. Добровольно берущийся за выполнение какого-либо поручения, задания’ [Ефремова]. Однако нам представляется, что это противоречит современной узуальной норме.

и.-е. языков могут не иметь указанной полисемии [25]. См., например, санскр. *lubh* ʻхотеть, испытывать сильное желание' [26] и русск. *любить*. *lubh*: «√ लुभ् *lubh* v. [4] pr. (lubhyati) pft. (lulobha) pp. (lubdha) pfp. (lobhanīya) pf. (vi) désirer, convoiter <g. loc.>; éprouver un désir violent — ca. (lobhayati) séduire, attirer — int. md. (lolubhyate) convoiter intensément || lat. lubet, libido; ang. to love; all. lieben» [HDS]. Русский глагол *любить* не имеет дезидеративного значения.

Отметим, что переход ʻлюбить' — ʻхотеть' авторы Каталога семантических переходов усматривают и у англ. to love [27]: «Polysemy: English love ʻto love' — ʻto desire, to long for'. Example for the meaning B: I'd love to stay with you. ʻЯ бы с удовольствием остался с вами'» [DB].

(6) Исходное значение английского глагола *to like* — ʻлюбить, нравиться', однако он «имеет близкое к рассмотренному значение ʻпредпочитать', ʻхотеть': *do as you like* поступайте, как хотите» [APCC].

(7) Синонимия ʻнравиться' — ʻхотеть' отмечена в языке яравара: «Polysemy: Jarawara nofa ʻto want' — ʻto like, love'. Example for the meaning A: Iyawa hinita kabi onofarini ʻI don't want to eat manioc meal by itself'; Example for the meaning B: Bahi kona ehene nofatere amaka. ʻthunder doesn't like fishing with poison'» [DB].

(8) Французский глагол *aimer* используется в следующих значениях: а) как рус. *любить 1* — для обозначения чувства, которое «которое испытывает человек по отношению к объекту любви (или, точнее, на чувство-отношение: любить жену, мать, свою семью)» [28, 457]: *Aimer sa mère, ses enfants*; б) как рус. *любить 2*: *aimer beaucoup les fruits de mer, les voyages*; *aimer travailler*; в) в значении ʻхотеть': «(Suivi du subj.) Désirer, souhaiter. *J'aimerais bien que vous me jouiez quelque chose*» [PR], например: *J'aurais aimé*

[25] «lĭbet or lŭbet <> [Sanscr. root lubh, cupere, desiderare; Gr. root liph- in liptô, lips; cf. Goth. liub-s; Germ. lieb, dear; Lat. lĭber]» [LSL].
[26] На сайте enacademic указано также значение ʻлюбить', но другие словари этого значения не отмечают.
[27] «love (n.) O.E. lufu "love, affection, friendliness", from P.Gmc. *lubo (O.H.G. "joy," Ger. Liebe "love;" O.N., O.Fris., Du. lof; Ger. Lob "praise;" O.S. liof, O.Fris. liaf, Du. lief, O.H.G. liob, Ger. lieb, Goth. liufs "dear, beloved"), from PIE *leubh- "to care, desire, love" (Cf. L. lubet, later libet "pleases"; Skt. lubhyati "desires"; O.C.S. l'ubu "dear, beloved"; Lith. liaupse "song of praise")» [OED].

commencer cette histoire à la façon des contes de fées. J'aurais aimé dire: "Il était une fois un petit prince qui habitait une planète à peine plus grande que lui, et qui avait besoin d'un ami…" Pour ceux qui comprennent la vie, ça aurait eu l'air beaucoup plus vrai. Car je n'aime pas qu'on lise mon livre à la légère (Antoine de Saint-Exupéry. Le petit prince (1942)). Я охотно начал бы эту повесть как волшебную сказку. Я хотел бы начать так: «жил да был маленький принц. Он жил на планете, которая была чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга…». Те, кто понимает, что такое жизнь, сразу бы увидели, что это гораздо больше похоже на правду. Ибо я совсем не хочу, чтобы мою книжку читали просто ради забавы [НКРЯ].

(9) Латинское *volup*(*e*), производное от глагола *velle* 'хотеть, желать', использовалось в значении 'приятный, радостный' [28]: «adv. [volo II]: приятно, радостно: <> *venire salvum v. est* Тег я рад (твоему) благополучному возвращению» [ЛРС]; «chose agréable, plaisir. *ut mihi volupe est quia video*… Plaut. : qu'il m'est agréable de voir... (quel plaisir j'ai à voir...)» [JWH]. От *volup* произошло существительное *voluptas* 'удовольствие, наслаждение' (франц. *volupté*, исп. *voluptuosidad* и т.п.), прилагательное *voluptificus* 'доставляющий (чувственное) наслаждение' (*voluptas* + *facio*) и т.д. В одном из толкований *volup*(*e*) эксплицитно выражена связь между желанием и удовольствием, которая и определила образование слов со значением 'удовольствие' от дезидеративного глагола *velle*: «volup, d'une manière conforme aux désirs, agréablement» [DLFG]. См. также ит. *voluttà*, франц. *volupté* и т.д. (от лат. *voluptas*), ит. *voluttuosamente*, франц. *voluptueusement* и т.д. Например: «*Voluttà*: Piacere intenso, vivo godimento fisico e spirituale: *odori, sapori gustati con v.*; *bere con v.*; *la v. di una musica melodiosa*; *la dolce v. del bene*; *la v. della vendetta*» [GDH]; «*Voluttuosamente*: Con voluttà [GDH].

(10) В статье праслав. **olkomiti* (*sę*) [ЭССЯ 32] отражено разное семантическое развитие соответствующих славянских глаголов: некоторые предикаты имеют волитивное значение, другие – значение удовольствия, например: «*olkomiti (sę): цслав. *лакоми-*

[28] В словаре [ЛРС] это слово получило статус наречия, другие словари определяют его как имя прилагательное, что представляется нам более правильным.

ти сѧ cupere (Mikl. LP), <> макед. *лакоми се* ʻзариться на что, жадно хотеть чегоʼ (Макед.-русск.), сербохорв. *lȁkomiti se* ʻжаждать, сильно желатьʼ, <> русск. *лáкомиться* ʻнаслаждаться (сластями, чем-н. особенно вкусным)ʼ, <> укр. *лáкомитися* ʻлакомитьсяʼ (Словн. укр. мови, IV, 433)».

Уже упоминавшееся русское прилагательное *лакомый* содержит также смысл ʻжеланиеʼ: *лакомое блюдо* — это не просто вкусное блюдо, а блюдо, которое вызывает желание его отведать. То же самое верно и для переносного значения: «о чём-н. очень заманчивом, соблазнительном» [ОЖ], см. в этой связи о глаголе *соблазнять* у Ю.Д. Апресяна, который при описании основных систем человека поместил его в один ряд с глаголами *хотеть*, *стремиться* и т.п. — глаголами, относящимися к системе «Желания» [2, 355].

(11) Португальский глагол *gostar* (см. выше п. II.1.1.1) имеет значения ʻполучать удовольствие от чего-л.ʼ, ʻлюбить делать что-л.ʼ и ʻнадеяться, желать исполнения чего-л.ʼ: «Ter a expectativa ou o desejo de [td.: *Gostaria que seu marido voltasse para casa*]» [DCA]. Исп. *gusto* (см. выше) также имеет, кроме значения ʻудовольствиеʼ, значение ʻжеланиеʼ: «Propia voluntad, determinación o arbitrio» [DRAE], «Voluntad o deseo propios: *Si ha venido es por su gusto*» [GCD]. Ит. *gusto* также сочетает указанные значения: «Usi fig.: a. Piacere, sentimento di intima soddisfazione: *non c'è g. a guardare gli altri che si divertono*; b. Desiderio, voglia, capriccio: *mi è venuto il g. di andare a ballare*» [VT].

(12) Итальянское прилагательное *vago* имеет значения ʻжаждущий, мечтающийʼ и ʻприятныйʼ: «(*fig*., *lett*.) a. [che prova desiderio di qualcosa, con la prep. *di*: *Ancor non prendi a schivo, ancor sei vaga Di mirar queste valli?* (G. Leopardi)] ≈ desideroso, voglioso. ↑ avido, (*lett*.) bramoso, (*lett*.) cupido, smanioso; b. [che ha aspetto piacevole e delicato, generalm. anteposto al sost.: *Tre vaghissime donne a cui le trecce Infiora di felici itale rose Giovinezza* (U. Foscolo)]» [SCT].

(13) Латинское прилагательное *gratus* имело синкретическое значение ʻприятный, желанныйʼ. Некоторые лексические единицы разных языков, восходящие к этому латин-

скому прилагательному, сохранили указанный синкретизм, в других — смыслы ʻприятный’ и ʻжеланный’ обрели статус самостоятельных значений:

1. Испанское существительное *grado* встречается только в определенных конструкциях и имеет синкретичное значение ʻvoluntad, gusto’ (ʻжелание, удовольствие’): «Voluntad, gusto. *de buen grado*, o *de grado*: locs. advs. Voluntaria y gustosamente» [DRAE], «Voluntad o gusto: Lo haré encantada y de buen grado» [DCD]. Аналогичный синкретизм отмечен у существительного *agrado*: «Complacencia, voluntad o gusto. *El rey resolverá lo que sea de su agrado*» [DRAE]. Прилагательное *grato* используется в значении ʻприятный’[29]: «Del lat. gratus. adj. Gustoso, agradable» [DRAE], «Que produce gusto o agrado: *Tuvimos una grata conversación sobre nuestra época de ju-ventud*» [DCD]. Глагол *desagradar* и существительное *desagrado* имеют, соответственно, значения ʻне нравиться’ и ≈ ʻнеудовольствие’: «Desagradar: Disgustar, fastidiar, causar desagrado. Desagrado: Disgusto, descontento» [DRAE].

2. Итальянский глагол *gradire*[30] имеет значения ʻпринимать с удовольствием’ и ʻхотеть’: «1. Accettare qlco. con piacere SIN apprezzare: *g. i complimenti di qlcu*. 2. Desiderare qlco., con il v. al cond.: *gradirei un bicchiere d'acqua*; anche con l’arg. espresso da frase all'inf.: *gradirei ascoltare anche la sua opinione*» [SCD]. Приведем два примера из художественной литературы: (а) *Сказавши это, он тут же дал какое-то приказанье Ивану Антоновичу, как видно ему не понравившееся* (Николай Гоголь. Мертвые души (1835-1852)). Detto ciò, diede subito un certo ordine a Ivan Antonovic, che non parve gradirlo [НКРЯ]. (б) *Не хочет ли г-н Гейз, т. е. г-н Гумберт, познакомиться с лагерными наставниками?* (Владимир Набоков. Лолита (1955-1967)). Avrebbe gradito il signor Haze, cioè, il signor Humbert, conoscere il personale della colonia? [НКРЯ].

3. Французское существительное *gré* (от лат. *gratus*) используется в значении ʻто, что человеку нравится, тó, что по вкусу’ и ʻтó, что человек хочет’. Например: 1) «On dit, *A mon gré, à vostre gré*, &c. *selon mon gré. selon vostre gré*, &c. pour dire, Selon mon goust,

[29] Хотя в [СМИ] мы нашли перевод ʻжеланный’, итальянские толковые словари такого значения не дают.
[30] «lat. ***gratire*, der. di *gratus*» [SCT].

selon mon sentiment. *Cela est-il à vostre gré? cela n'est pas trop à mon gré. on ne peut pas estre au gré de tout le monde*. On dit, *Avoir quelque chose en gré, recevoir en gré, prendre en gré*, pour dire, Estre content de quelque chose, y prendre plaisir» [AC 1964]. 2) «Bonne, franche volonté qu'on a de faire quelque chose. *Il y est allé de son gré, de son bon gré, contre son gré. ce n'a pas esté de son gré, de son plein gré. ils ont contracté ensemble de gré a gré. il le fera de gré ou de force*» [AC 1964]; «DE SON GRÉ; DE SON PLEIN GRÉ. ⇒ bénévolement, volontairement, volontiers. *Je suis venu de mon plein gré. Obéir de bon gré, sans rechigner*» [PR]. Следует отметить, что для некоторых словосочетаний словари чаще всего фиксируют дискретное значение — ʻтó, что человеку по вкусу, что соответствует его желаниям': «AU GRÉ DE: selon le goût, la volonté de. *Au gré de chacun*. *Trouver qqn, qqch. à son gré. Le matin ou le soir à votre gré*» [PR].

III.2. ʻУдовольствие' / ʻрадость' — ʻблагодарность'

Избавление человека от каких-то неприятностей или, наоборот, достижение каких-то целей, в результате действий стороннего лица часто связывает воедино чувство радости и благодарности. Это отражается в языке в форме семантического перехода ʻблагодарность' ↔ ʻрадость'. Английское прилагательное — *thankful*, является примером перехода ʻблагодарность' ↔ ʻрадость': 1. благодарный, «The definition of *thankful* is someone feeling or showing gratitude [WNW]; (а) *О, как я вам <u>благодарна</u>!* (Братья Карамазовы. Достоевский, Фёдор). Oh, how <u>thankful</u> I am to you! [НКРЯ]. 2. довольный, радующийся, «Glad that something has happened or not happened, that something or someone exists, etc.» [MWD]. (б) *I could just barely see her. I felt ever so <u>thankful</u>. In another second I would a been aboard of her, but just then the door opened* (Mark Twain. The Adventures of Huckleberry Finn (1884)). Я едва разглядел ее в темноте. Ну и <u>обрадовался</u> же я! Еще секунда, и я бы в нее забрался, но тут как раз открылась дверь [НКРЯ]. (в) *Бутлер ехал верхом рядом с своим ближайшим начальником, майором Петровым, с которым он и жил вместе, и не мог нарадоваться на свое решение выйти из гвардии и уйти на Кавказ* (Хаджи-Мурат. Толстой, Л.Н.). Butler rode beside the officer next in rank above him, Major Petrov, with whom he

lived, and he felt he could not be thankful enough to have exchanged from the Guards and come to the Caucasus [НКРЯ].

Латинское прилагательное *gratus*, о котором уже говорилось, имело значение ʻприятный, желанныйʼ: «agréable, bienvenu: *gratus conviva*, Hor. S. 2, 2, 119: convive bienvenu. <> *nihil erat quod aut patri gratius aut sibi jucundius facere posset*, Cic. Amer 51: il ne pouvait rien faire qui fût ou plus agréable à son père ou plus attrayant pour lui-même» [JWH] [31]. Указанное значение, как представляется, послужило основой перехода к значениям ʻпринимаемый с благодарностьюʼ и ʻблагодарный, испытывающий благодарностьʼ: «accepté avec reconnaissance; reconnaissant» [JWH]. Английское *grateful*, восходящее к лат. *gratus*, имеет те же значения: «1. Appreciative of benefits received; thankful: *I'm grateful for your help*. 2. Expressing gratitude: *a grateful look*. 3. Affording pleasure or comfort; agreeable» [AHD]. Глагол *gratulari*, о котором мы уже говорили, имел значение ʻрадоватьсяʼ и ʻблагодаритьʼ: «remercier [arch.]. — *gratulari diis*, Cato, d. Cic. Fam. 15, 5, 2: remercier les dieux. — *gratulari* + *prop. inf.*: remercier de ce que... — Ter. Haut. 879» [JWH]. Французское существительное *gré*, тоже происходящее от лат. *gratus* («gred Xe ; lat. gratum, neutre de gratus «chose agréable»» [PR]), используется в значении ʻто, что нравится, то, что подходитʼ в выражениях вида *au gré de*. Кроме того, у слова отмечается устаревшее значение ʻблагодарность, признательностьʼ, сохранившееся в выражении *savoir gré à qn*: «♦ Vx Gratitude, reconnaissance. Mod. *SAVOIR GRÉ à qqn: avoir de la reconnaissance pour qqn. Il faut en savoir gré à l'auteur. Nous vous saurions gré de nous répondre rapidement*» [PR] [32].

III.3. ʻУдовольствиеʼ / ʻрадостьʼ — ʻпокойʼ

Наличие переходов ʻ покойʼ — ʻудовольствие/радостьʼ говорит о том, что в картине мира разных языков удовольствие и радость/веселье ассоциируются с состоянием внутреннего покоя. Указанный переход реализуется в двух вариантах: 1. ʻчеловек находится в состоянии покоя/человек пришел в состояние покояʼ — ʻчеловек испытывает

[31] В работе [НВ] смыслы ʻприятныйʼ и ʻжеланныйʼ выделяются отдельные значения.
[32] См. также об этом слове выше, п. III.1.

удовольствие/радость’; 2. ‘объект находится в состоянии покоя’ — ‘объект вызывает удовольствие/радость человека’.

Примером перехода первого типа являются рус. *тешить*, *утешать*, *тихий*, укр. *ті́шити*, восходящие к праслав. **tixъ*: «ти́хий тих, тиха́, ти́хо, укр. ти́хий, др.-русск. тихъ, ст.-слав. тихъ γαληνός (Супр.), болг. тих, сербохорв. ти̏х, ти̏ха, словен. tîh, tíha ж., чеш., слвц. tichý, польск. cichy, в.-луж. ćichi, н.-луж. śichy, полаб. taiche. Праслав. *tixъ связано чередованием гласных с těxa, těšiti (см. -те́ха, те́шить)» [ФЭ]. Др.-русск. *тѣшити* имело значение ‘успокаивать’: «утѣшать, успокаивать: Тѣшаше, аки мати младеньца. *Жит. Петр. Берк. Мин. чет. июн. 414*; *тѣшитисѧ* — ‘радоваться’: Вѣрьнии, с҃тыим въгодимъ. ими же Б҃тѣшиьсѧ. *Io. екз. Бог. 299*.» [СР]. В словарях русского языка XVIII и XIX веков у слов *утешать*, *утешение*, *тешить* и т.п. отмечались значения, содержащие семы ‘удовольствие’ и ‘радость’. Например: «утѣшаюсь: Нахожу, обрѣтаю удовольствіе, отраду въ чемъ; или получаю облегченіе въ печали, въ огорченіи, въ злощастіи» [САР]; «утѣха: удовольствіе, наслажденіе, утѣшеніе, забава. Исполнился утѣхи. 2 Кор. VII.4.» [СЛЦСЯ]; «утешать: потешать, забавлять, тешить, услаждать, доставлять отраду, удовольствие. Няня ребенка песенками утешает. Утешь, да поешь! Ну уж утешил он нас вечорась: со смеху поморил! Путные дети собою отца-мать утешают, радуют, покоят» [Даль]. Смысл ‘успокаивать’ сохраняется в русском *утешать* и *тешить* в сочетаниях вида *тешить себя надеждой*, *мыслью* и некоторых других. Украинский глагол *ті́шити* сочетает значения ‘радовать’, ‘развлекать, забавлять, потешать’ и ‘успокаивать’: «1. Робити комусь приємність, бути комусь втіхою; радувати кого-небудь. *Дівчинка тішила своїм щебетанням, приносила часом якісь ласощі* (Марко Вовчок, I, 1955, 367); 2. Розважати, звеселяти. *Поки баба тішила гостей, отець Мельхиседек убрався й вийшов у двір* (Нечуй-Левицький, III, 1956, 115); *Тішити себе думкою* (надією, мрією і т. ін.) — заспокоювати себе, сподіваючись на краще» [СУМ].

Семантический переход ‘спокойный’ → ‘веселый, радостный’ зафиксирован в «Каталоге семантических переходов» для шведского прилагательного *rolig*: «Semantic evolution: Swedish rolig ‘calm’ → Swedish rolig ‘cheerful’» [DB]. В современном языке сло-

во используется не только в значении ʻвеселый’, но и в значении ʻприятный, доставляющий удовольствие или радость’, например: «*det är roligt att få vara med* – приятно, что меня позвали» [LSR]; «*Roligt att höra*. Content de vous entendre dire ça»; «*Roligt att se er här allihop*. Quelle joie de vous voir» //https://fr.glosbe.com/sv/fr.

Обратный семантический переход — от ʻудовольствия’ к ʻпокою’ — реализован в испанском *suave*, сочетающем значения ʻприятный’ (т.е. вызывающий чувство удовольствия) и ʻспокойный’: 1) «Blando, dulce, grato a los sentidos; Tranquilo, quieto, manso» [DRAE]; 2) «Que es agradable: *una suave temperatura*, *un clima suave*; Que está muy tranquilo y dócil: *Después de la bronca se quedó muy suave*» [GCD]. Аналогичная полисемия отмечается у его португальского когната *suave*: «1. adj. Liso y blando al tacto, en contraposición a tosco y áspero. 2. Blando, dulce, grato a los sentidos. 3. Tranquilo, quieto, manso» [DA]. См. также итальянское *soave*: а) «Gradito ai sensi, piacevole: *gusto, aroma s*.» [SCD], б) «Con valore di avv., ant. e poet., in modo dolcemente delicato e grato; placidamente, tranquillamente: *Cavalca tosto in piano, Soave nel montano* (Francesco da Barberino)» [VT], «*sonno soave* -- спокойный <безмятежный> сон» [СМИ]. Значение ʻспокойно’ указывается и у производного наречия *soavemente*: «quietamente: …*soavemente m’addormentai*» [VUI].

Ит. *soave* используется в значении ʻспокойный’ не только в применении к человеку и его действиям, например: *La prateria era soave e fresca stasera*, Za Bing. *O prado estava calmo e fresco esta noite* [http://context.reverso.net]. Это может, на наш взгляд, объясняться двумя разными причинами: 1) простым расширением сферы употребления прилагательного; 2) реализацией семантического перехода, в основе которого лежит ассоциация «спокойный X’ → ʻприятный X’»: ʻобъект находится в состоянии покоя’ — ʻобъект вызывает удовольствие/радость человека’.

Латинский глагол *mulcere* сочетал значения ʻгладить’ / ʻлегко касаться’, ʻуспокаивать’, ʻдоставлять удовольствие’, например: «to stroke; to touch or move lightly; *manu mulcens barbam*, Ov. F. 1, 259; Transf., to make sweet or pleasant: *pocula succis Lyaei*, Sil. 7, 169; to soothe, soften, appease, allay: *aliquem dictis*, Verg.» [LSL]. ʻГладить’ осмыслялось как успокаивающее движение руки: «stroke with the hand in a soothing manner»

[EDLV]. Это, как представляется, послужило основой для перехода к значениям ʻуспокаивать’ и ʻдоставлять удовольствие’. В этой связи интересно, что у глагола *тръшимu*, о котором говорилось выше, тоже отмечалось значение ʻгладить’ [CP].

Одним из побуждающих мотивов действия ʻгладить живое существо’, как мы видели, может быть желание успокоить его. Французский глагол *flatter* восходит к франкскому **flat*: «Flatter. XIIe. Signifie propr. «caresser avec la main», sens attesté depuis 1375; <> Dér. du francique **flat*, v. *flatir*, au sens de «passser le plat de la main»» [BW]. Английский глагол *to flatter* является заимствованием из старофранцузского и первым значением английского глагола тоже было значение ʻгладить’: «Flatter (v), early 13c., from O.Fr. flater “to flatter” (13c.), originally “stroke with the hand, caress,” from Frankish *flat “palm, flat of the hand”» [OED]. При этом, как указывается в словаре Webster [WRU 1844], если предположение о происхождении *to flatter* от франкского **flat* верно, то глагол *to flatter* означал ≈ ʻгладить, успокаивая’: «Flatter may be from the root of flat, that is, to make smooth, to appease, to soothe». И у французского, и у английского предикатов имеется значение ʻдоставлять удовольствие (сенсорное?)’, например: «Affecter agréablement (les sens): caresser, charmer, délecter, plaire (à). *Douce musique, harmonie qui flatte l’oreille*. *Mets qui flatte le palais*» [PR]; «Please (the ear or eye): *the beauty of the stone flattered the young clergyman’s eyes*» [OD]. Это значение у французского и у английского глаголов является, как нам представляется, примером уже названного выше перехода ʻпокой’ — ʻудовольствие’ [33].

У обоих этих глаголов также имеется значение ʻльстить’, которое, безусловно, содержит смысл ʻдоставить удовольствие’ (см. ниже, п. VII.1.). Заметим, что во многих языках, отмечается переход ʻгладить/гладкий’ — ʻльстить’. Английский глагол *to stroke*, например, имеет значения ʻгладить’ (в том числе для того, чтобы успокоить) и ʻльстить’: 1) «to draw one’s hand, a tool, etc. gently over the surface of, as in caressing or smoothing» [WNW], «to gently move your hand over skin, hair, or fur: *She stroked his hair as he gradually*

[33] Можно, однако, предположить, что действие, описываемое глаголом *flatter,* являлось проявлением нежности, а не желания успокоить, и, следовательно, имел место несколько иной переход.

fell asleep» [MD]; 2) «Informal to flatter, pay special attention to, etc. in an effort to influence, reassure, persuade, etc.» [WNW]. См. также в [DB]: «2001. smooth — to flatter. Polysemy: Ancient Hebrew ḥālāḳ ʻsmoothʼ — ʻflattererʼ.

III.4. ʻУдовольствиеʼ / ʻрадостьʼ — ʻгладкийʼ

Семантические переходы вида ʻXʼ — ʻприятныйʼ, где X — название какого-л. качества, отражают имеющиеся в картине мира того или иного языка представление о том, с какими свойствами объекта ассоциируется у человека чувство удовольствия. Одним из таких свойств является свойство ʻгладкийʼ. Так, например, в английском языке семантический переход ʻгладкийʼ → ʻприятныйʼ реализован в виде полисемии английского прилагательного *smooth*: «having an even or level surface; having no roughness or projections that can be seen or felt; pleasing to the taste; Slang: very pleasant, attractive, or enjoyable» [WNW][34].

В польском языке прилагательное *gładki* имеет значения ʻгладкийʼ — ʻкрасивыйʼ[35]: (а) *Opowiadał mój nieboszczyk tatko, jako za jego młodych lat pół Śląska się w niej kochało, latali za nią kawalerowie jak psi za suką, bo prócz tego, że gładka, jeszcze i posażna była* (Andrzej Sapkowski. Boży bojownicy (2) (2004)). Покойный отец рассказывал, как в его юные годы половина Силезии была в нее влюблена, кавалеры бегали за ней, как псы за сукой, потому что она была не только хороша собой, но и богата [НКРЯ]. (б) *Ogarnęła syna rozkochanym spojrzeniem j półgłosem dodała, — Pewnikiem nie był gładszy niźli ty* (Zofia Kossak. Król trędowaty (1937)). Она оглядела сына горделивым взглядом и вполголоса присовокупила, – Не думаю, чтобы он был красивей тебя [НКРЯ].

NB: Польское *gładki*, русск. *гладкий*, болг. *гла́дък* ʻгладкий, ровныйʼ нем. *glatt* ʻгладкийʼ, лит. glotnus ʻгладкийʼ, дат. *glad* ʻрадостный, довольныйʼ, англ. *glad* ʻрадостный, довольный; приятныйʼ, лат. *glaber* ʻбезволосый, голый, гладкийʼ и др. являются когнатами, восходящими к индоевропейскому корню **ghel*: «*ghel–*[2]: To shine; with

[34] Возможно, однако, что значение ʻприятныйʼ у *smooth* является результатом перехода ʻспокойныйʼ — ʻприятныйʼ, см. выше.
[35] Красивый – это «доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью» [ОЖ], «доставляющий удовольствие своим внешним видом» [Ефремова].

derivatives referring to colors, bright materials, gold (probably “yellow metal”), and bile or gall. Oldest form **ĝhel–*, becoming **ghel–* in centum languages» [AHDIE], см. также [ФЭ], [OD] и др. Некоторые единицы имели три значения: «Old Norse glaðr “smooth, bright, glad”» [OED]. По-видимому, семантическое развитие указанных единиц шло разными путями: 1) от значения ʻсветить, сиять’ к значению ʻрадостный’ [36], как, например, в англ. *glad*; 2) от значения ʻсветить, сиять’ к значению ʻгладкий’, как это имело место в русском и других славянских языках, в литовском языке, в немецком языке; характерно, что в древневехненемецком языке у прилагательного *glat* отмечалось значение ʻблестящий, гладкий’ [ЭССЯ 6]; 3) от значения ʻсветить, сиять’ к значению ʻгладкий’, а затем — к значению ʻкрасивый’, как, например, в польском *gładki*. Отметим, что в «Каталоге семантических переходов» зафиксирован семантический переход ʻгладкий’ — ʻрадостный’: «3046. smooth — glad. Cognates: German glatt ʻsmooth’ — English glad ʻglad’» [DB].

Полисемия ʻгладкий, мягкий’ — ʻкрасивый, прекрасный’ представлена выражением *ləməṣməṣ bälä* языка тигринья (семитская группа): «1998. smooth — beautiful. Polysemy: Tigrinya ləməṣməṣ bälä “to be soft, smooth” — “to look fine”» [DB].

III.5. ʻУдовольствие’ — ʻроскошь’

Удовольствие оказывается связано еще с одним понятием — роскошью. Удовольствие в русской языковой картине мира сдвинуто в область отрицательной оценки, жажда удовольствий и погоня за ними оцениваются негативно [14, 257]. Интересно, что такую же оценку имеет слово *роскошь*: «Излишества в комфорте, в удовольствиях. *Жить в роскоши*» [ОЖ], «Излишество в комфорте, в жизненных удобствах и удовольствиях, связанное с затратами, превышающими средний уровень жизни» [УШ] «Излишество въ употребленіи дорогихъ и лучшихъ въ своемъ родѣ вещей» [СЛЦСЯ]. *Излишество* (в отличие от, например, *обилия*) — превышение нормы, оцениваемое отрицательно в языковой картине мира разных языков. Именно смысл ʻизлишество’ определяет семантические переходы вида ʻизлишнее пристрастие к удовольствиям’ — ʻроскошь’, ʻизлишнее пристра-

[36] См. подобный семантический переход в [DB]: «brilliant, glaring — glad. Polysemy: Yakut дьаралык ʻglitter, shine’ —ʻdelight, joy’; <> Polysemy: Classical Arabic tahallala ʻto glitter, to shine’ — ʻto exult’ (BK II 1434)».

стие к удовольствиям' — 'роскошь' — 'излишнее удовольствие (слишком дорогое удовольствие / удовольствие, являющееся проявлением низких потребностей тела)' / 'удовольствие', 'роскошь' — 'излишнее удовольствие'.

(1) Латинское существительное *luxus* имело значения 'роскошь' и 'разврат': «1. débauche, luxure, lasciveté; 2. luxe, faste, éclat, faste, pompe, magnificence» [OLD]; «excès, débauche // splendeur, faste, luxe» [DLFG]. Близкие значения имело образованное от него *luxuria*: «faste, pompe, magnificence, luxe; luxure, débauche, lasciveté» [OLD]. Французское существительное *luxure* (от лат. *luxuria*) имеет значение 'сластолюбие, развратное действие, сладострастие', а *luxe* (от лат. *luxus*), помимо значения 'роскошь, великолепие', имеет также значение 'материальное благо или удовольствие, дорогое и излишнее, ненужное': «Un luxe: bien ou plaisir coûteux qu'on s'offre sans nécessité» [PR], «Se permettre le plaisir exceptionnel, gratuit, audacieux de quelque chose ou de faire quel-que chose. *Hier au soir pour la première fois depuis notre retour ici en novembre, Z. et moi nous sommes offerts le luxe d'une belle et paisible soirée* (DU BOS, Journal, 1923, p. 218)» [TR]. Ср. рус. *Позволить себе роскошь проспать до обеда*. Следует отметить, что подобная фраза практически синонимична фразе *позволить себе проспать до обеда*: «*Позволить себе* сочетается с обозначениями в точности того же набора действий, что и *это разврат*. <> Речь идет о том, превышена или нет «норма» затрат времени или денег на удовольствия» [14, 251].

(2) Английское существительное *luxury* — от ст.-франц. *luxurie* (совр. *luxure*) — прошло интересный путь развития: от значения 'похотливость, распутство' — к значениям 'роскошь' и 'удовольствие': «c.1300, "sexual intercourse;" mid-14c., "lasciviousness, sinful self-indulgence," from O.Fr. luxurie "debauchery, dissoluteness, lust" (Mod.Fr. luxure), from L. luxuria "excess, luxury, extravagance, profusion; delicacy" (Cf. Sp. lujuria, It. lussuria), from luxus "excess, extravagance, magnificence," probably a figurative use of luxus (adj.) "dislocated," which is related to luctari "wrestle, strain." Meaning "sensual pleasure" is late 14c. Lost its pejorative taint 17c. Meaning "habit of indulgence in what is choice or costly" is from 1630s; that of "sumptuous surroundings" is from 1704; that of "something enjoyable or comfortable beyond life's necessities" is from 1780» [OED]. Приведем несколько примеров на

значение ʻудовольствие’: (а) *All the same, one did feel an enormous luxury lying there in the little cold stream while the sun flattened*. (Graham Greene. The Power and the Glory (1940)). И все же какое наслаждение лежать в прохладной воде и чувствовать, что солнце идет к закату [НКРЯ]; (б) *Lie down.” Denison did so, with a sensation of enormous luxury. “Great!” he said with a long sigh* (Isaac Asimov. The Gods Themselves (1972)). Ну, ложитесь. И Денисон лег, испытывая невыразимое блаженство. — Чудесно, — сказал он с удовлетворенным вздохом [НКРЯ].

(3) Русское *роскошь*, польское *rozkosz*, словацкое *rozkoš*, чешское *rozkoš* и т.п. восходят к праслав. **orzkošь* [ЭССЯ 33] которое является производным от **orzkoxati* (*sę*), к которому восходят славянские глаголы со значением ʻлюбить’, ʻнаходить в чем-л. наслаждение’, ʻиспытывать блаженство’, например: «польск. *rozkochac się* ‘разгореться страстью, страстно полюбить, влюбиться’, устар. ‘познать блаженство, сильно обрадоваться, развеселиться, стать счастливым’» [там же, 177]. **Orzkoxati* представляет «сложение преф. *orz-* и гл. **koxati* (*sę*)» [там же]. К **koxati* (*sę*) восходят чеш. *kochati* ʻлюбить’, ʻласкать’, *kochati se* ʻнаходить удовольствие, наслаждаться’, польск. *kochać* ʻлюбить’, слвц. *kochat’* sa ʻувлекаться, наслаждаться, русск. диал. *кохáть* ʻлюбить’, *кохáться* ʻлюбить’ (смол.), ʻпредаваться неге, наслаждаться состоянием покоя, бездеятельности; нежиться’ и др. [ЭССЯ 10]. См. также в [ФЭ]: «Роскошь. укр. ро́скіш, род. -оши, блр. роско́ша "невоздержанность", болг. разко́ш (Младенов 547), сербохорв. ра́скош "наслаждение", словен. razkôš "сладострастие", др.-чеш., чеш., слвц. rozkoš "радость, наслаждение, блаженство", польск. roskosz — то же. Связано с чеш. kochati "любить", польск. kochać, далее, вероятно, с коснýться».

Таким образом, исходным пунктом семантической деривации для русского слова *роскошь* и его когнатов был смысл ʻлюбить’/ʻудовольствие’. Значение ʻудовольствие’ было и в др.-русском языке: «др.-русск. *роскошь* ж.р. ‘роскошь, наслаждение, удовольствие’ (ср. польск. *rozkosz*) Курб. Ист., 245. XVII в. ~ XVI в.; Алф.1, 197. XVII в.; (Росп. Троф.) Суб. Мат. IV, 290. 1666 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 22, 214), *раскошъ* (*разкошь*) ж.р. ‘наслаждение’ Курб. Пис., 449. XVII в. ~ XVI в. (Там же, 15)» [ЭССЯ 33].

По-видимому, переход от удовольствия к роскоши, который имел место в некоторых славянских языках, проходил через ступень «излишнее» удовольствие. Излишним, порицаемым удовольствием являются, например, «телесные» удовольствия. Переход от удовольствия к морально осуждаемым видам удовольствия фиксируется в [ЭССЯ 33] для чеш. *rozkoš*: «*rozkoš*, род.п. *-i* (*rozkoše*, род.п. *-e*) ж.р. ʻнаивысшая степень радости, удовольствия; удовольствие для тела, сладострастие, удобство, комфорт; распутство, развратʼ (Kott III, 141)» [37]. Полисемия ʻудовольствиеʼ — ʻроскошьʼ представлена в русском *роскошь* и украинском *розкіш*. Однако, если в русском слове в значении ʻудовольствиеʼ сохраняется оценка «излишества» (см. выше), то украинское слово этого смысла может и не иметь. Например: (а) *Невимовна розкіш сповняла її тіло од того дотику* (Михайло Коцюбинський. Лялеч-ка (1901)). Необъяснимым счастьем наполнялось ее тело от этого прикосновения [НКРЯ]. (б) *Валерик, прищухнувши між дорослими, слухав Мурашка з якимось моторошним захопленням, з внутрішньою розкішшю і острахом* (Олесь Гончар, Таврія, 1952, 252); Розкоші кохання [СУМ]. Следует заметить, что переход от ʻудовольствияʼ к ʻроскошиʼ произошел не во всех славянских языках, см. например, польск. *rozkosz*, имеющее значение ʻнаслаждение, удовольствиеʼ: «najwyższy stopień uczucia przyjemnośći, upo-jenia, radośći» [SJP]; словац. *rozkoš* «veľmi príjemný pocit uspokojenia, potešenia, blaženosti, radosti, dosahujúci najvyšší stupeň; blaho slasť» [SSJ].

III.6. ʻУдовольствиеʼ — ʻсладкийʼ

Свойство ʻсладкийʼ во многих языках устойчиво связывается с приятными вкусовыми ощущениями. См., например, соответствующее русское прилагательное: «1. Имеющий вкус, свойственный сахару, меду и т.п. 2. разг. Вкусный» [Ефремова]. На следующем этапе семантической эволюции слово получает и более широкое значение обобщенной гедонистической оценки — ʻприятный, доставляющий удовольствиеʼ [ОЖ и др.]. См. также производные *наслаждаться* и *наслаждение*. Переход ʻсладкийʼ — ʻприятныйʼ отмечен в разных языках, например:

[37] В современных чешских словарях этого значения ʻразвратʼ мы не нашли.

(1) Английское *sweet* употребляется в значениях ʻсладкий’ и ʻприятный’: «1. having or denoting a pleasant taste like that of sugar; 2. agreeable to the senses or the mind ⇒ *sweet music*» [CED].

(2) Первым значением латинского *dulcis* было ʻсладкий’ [38]: «1) au propre, opp. à amarus;» [GDL], что определило значение ʻсладости’ производного существительного *dulcia*: «gâteaux, friandises» [JWH]. Вторым значением прилагательного был смысл ʻприятный’: «au fig., doux, c.-à-d. agréable, aimable» [GDL], «Non quo ea (oratione) Laelii quicquam sit dulcius, non pas que rien soit plus agréable que ce discours de Lélius, Cic. Brut. 21, 83» [JWH]. Аналогичная полисемия обнаруживается и в словах, восходящих к указанному латинскому прилагательному. Примером такого рода является итальянское прилагательное *dolce* имеющее значения ʻсладкий’ и ʻприятный’: «1. a. [del sapore dello zucchero] ≈ zuccherino, zuccheroso. 3. (fig.) che dà sensazione gradita all'animo: il d. suono d'un violino; un d. ricordo» [SCT]. См. также французское *doux*, португальское *doce* ʻсладкий’, ʻприятный’ и т.п. Например, *doce*: «1. Suficientemente temperado com açúcar, mel, xarope, etc. 5. [Figurado] Suave, agradável, grato» [DA]. *Doux*: «1. Qui a un goût faible ou sucré (opposé à amer, acide, fort, piquant, etc.). 2. Agréable au toucher par son caractère lisse, souple. 3. Fig. Qui procure une jouissance calme et délicate. ⇒ agréable» [PR], «Il est doux d’écouter le roseau qui soupire avec d’autres roseaux dans un riant vallon» (Jean MORÉAS. Les Stances, 1901) [CNRTL]. Английское прилагательное *dulcet* (заимствование из старофранцузского [OED]) имело значение ʻсладкий’ (устар.): «Sweet to the taste; luscious. [Obs.] She tempers dulcet creams. Milton» [WRU 1913]; в настоящее время употребляется в значении ʻприятный на слух’: «pleasant to the ear; melodious: *the dulcet tones of the cello*» [RHD].

(3) Латинское прилагательное *suavis*: 1) ʻприятный (о сенсорных ощущениях)’; 2) ʻприятный’ (общая оценка). См., например, в [GDL]: «I) qui affecte agréablement les sens: *Radix suavissimi gustus et odoris*, racine d’un goût et odeur agréables, *Plin*. 20, 11, 44. II) agré-

[38] «Dulcis: from gulcis, by dissimilation; cf. ten-ebrae from root tam-; root in Sanscr. gul-jam, sweetness; Gr. glukus, glukeros, sweet], sweet» [LSL].

able à l'esprit ou au coeur: *Ut rei servire suave est* qu'il est doux de servir ses intérêts! *Plaut. Truc.* 2, 3, 21». Существительное *suavitas* обозначало признак ʻприятный', например, *suavitas vocis, odoris, cibi*, *orationis*. Это слово использовалось также в значении ʻудовольствие, наслаждение' [ЛРС]: «*Mira quaedam in cognoscendo suavitas et delectatio*, Cic. de Or. 1, 43, 193: On trouve une douce jouissance à s'instruire» [GDL].

(4) Русское прилагательное *лакомый* имеет значения ʻдоставляющий вкусовое наслаждение, очень вкусный' и ʻприятный' (обобщенная гедонистическая оценка — Е.И.) [Ефремова]. Глагол *лакомиться* означает ʻесть, наслаждаясь чем-либо вкусным. 2. перен. Наслаждаться чем-либо приятным' [там же]. Примеры на второе значение встречаются довольно редко, но тем не менее есть, приведем некоторые из них: (а) *Восток, получалось, Европу в упор не видит, кроме каких-нибудь декадентствующих японцев, лакомящихся французским символизмом* (Анатолий Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)) [НКРЯ]. (б) *Чтоб они не лакомились теми стихами, которые доставляют им радость!* (Л.К. Чуковская. Памяти детства: Мой отец — Корней Чуковский (1971)) [НКРЯ].

(5) Сам сахар в языке может ассоциироваться с удовольствием, см., например, русское слово *сахар*, в переносном употреблении означающее «то, что приятно, что доставляет удовольствие, наслаждение» [Ефремова]. Правда, это значение ограничено рамками отрицательных конструкций: «Не сахар кто (что) (разг.) о ком-чём-н. неприятном, трудном, не мёд, не подарок. Характерец у тебя не сахар» [ОЖ]. Такое же значение есть и у другого «сладкого» слова – слова *мед* [39]: *Не то что под Сморгонью, хотя там тоже было не мед* (В.П. Катаев. Юношеский роман (1980-1981); [НКРЯ]. Итальянское слово *zuccherino* имеет значения ʻмаленький кусочек сахара', ʻконфета': «1 Piccolo pezzetto di zucchero || estens. Confetto, chicca» [GDH]. Подобно русским *сахар* и *мед*, в конструкциях с отрицанием оно означает неприятную ситуацию: «*Non è uno zuccherino*, è una cosa spiacevole» [GDH]. Кроме того, у него есть значение ≈ ʻсладкая пилюля', то, что дают че-

[39] В словаре Т.Ф. Ефремовой [Ефремова]этому слову приписывается значение «(разг.) приятные слова, речи».

ловеку, чтобы немного «подсластить» неприятную для него ситуацию (компенсировать ущерб, сделав ему что-то приятное): «piccolo compenso, gratificazione e sim., che si dà a qualcuno per fargli sopportare o accettare un sacrificio o un incarico sgradito: *per dargli uno z., lo hanno nominato presidente onorario*» [SCT]. Английское существительное *jam* ʻваренье, джемʼ используется также в значении ʻчто-л. приятноеʼ [40] [НБАРС], а прилагательное *jammy* — в значении ʻприятныйʼ /ʻлегкийʼ и ʻсчастливый, везучийʼ: «1. very lucky; 2. pleasant; easy; desirable: *He has a jammy job*» [ID]. По-видимому, сладкий вкус малины [41], определил и переносное значение соответствующего русского слова: «перен. Нечто приятное, весьма хорошее, прямо прелесть (прост. фам.). *У нас житье — малина. Не служба, а малина*» [УШ].

Заметим, что кислый вкус ассоциируется с неприятными ощущениями, и ряд слов со значением ʻкислыйʼ развили значение ʻнеприятныйʼ. См, например, английское прилагательное *sour* ʻкислыйʼ: «1. Something that is sour has a sharp, unpleasant taste like the taste of a lemon. 5. If a situation or relationship turns sour or goes sour, it stops being enjoyable or satisfactory. *Everything turned sour for me there*» [CED]. Глагол *to sour* имеет значение «Make or become unpleasant, acrimonious, or difficult. *But the 22-year-old defender confessed the final result soured any celebrations he had planned*» [там же]. Французское выражение *tourner à l'aigre*, (*aigre* — ʻкислыйʼ) испоьзуется в значении принимать плохой, неприятный оборотʼ [ГрГр]. Аналогичный пример — слово *vinaigre* ʻуксусʼ; *tourner au vinaigre* имеет значение ʻпринимать плохой, неприятный оборотʼ: «Fam. Tourner au vinaigre, prendre une fâcheuse tournure» [DFC]; «Quand il a vu que ça tournait au vinaigre pour lui, […] son procès dans deux heures, il m'a proposé de l' argent pour passer la frontière suisse avec lui (J. Anouilh, La Culotte)» [ГрГр].

III.7. ʻУдовольствиеʼ — ʻудовлетворениеʼ

[40] Это слово имеет также значение ʻтрудное положениеʼ, что определяется метафорой НЕПРИЯТНАЯ/СЛОЖНАЯ СИТУАЦИЯ — ЭТО ГУСТОЕ / ВЯЗКОЕ ВЕЩЕСТВО, см. подробно в [18].
[41] См. определение в [ОЖ]: «Полукустарниковое растение сем. розоцветных со сладкими (разрядка наша — Е.И.), обычно красными, ягодами, а также сами ягоды его».

Удовлетворение и удовольствие. В психологии удовлетворение определяется как «эмоциональное состояние, вызываемое достижением некоторой цели <> Удовлетворенность — обобщение, согласно которому награда, которую получает человек, оценивается не абсолютно, но относительно собственных ожиданий» [БТП] [42]. Удовлетворение и удовольствие соответствуют разным эмоциональным состояниям [43]. Однако удовлетворение может сопровождаться чувством удовольствия, и в языке это находит отражение в семантических переходах вида ʻудовлетворение' — ʻудовольствие'.

(1) Переход ʻудовлетворение' — ʻудовольствие' имел место в диахроническом развитии русского слова *удовольствие*: «Слово *удовольствие* возникло, по-видимому, в период так называемого второго югославянского влияния, т. е. в XV—XVI вв. <> Глагол *удоволити* (ср. *удов*(ъ)*лити*) в значении ʻудовлетворить' также получил широкое распространение в XV—XVI вв. (ср. более древнее *удовлити — удовляти — удовлитися*) <> Слово *удовольствие* обозначало `удовлетворение, удовольствование' (ср. *довольствие*, *продовольствие*), ʻвознаграждение ущерба, выполнение требования, желания'. Это первоначальное значение слова *удовольствие* сохранялось до 10—20-х годов XIX в., но уже в XVIII в. уступало дорогу своему официально-деловому синониму *удовлетворение*, возникшему в торжественном стиле XVII в.» [12].

(2) Семантический переход ʻудовлетворение' — ʻудовольствие' реализуется в виде полисемии у украинского существительного *задоволення*: «2. Почуття і стан вдоволення чим-небудь; задоволеність. *Він почуває задоволення від того, що полагодив кабель* (Олесь Гончар, III, 1959, 57); *За день Іван добре стомився біля паровоза, але на душі у нього було солодко від задоволення своєю працею* (Степан Чорнобривець, Визволена земля, 1959, 159); *З задоволенням — з приємністю*, *з радістю*, *охоче*» [СУМ]. В украинском толковом словаре рассматриваемые значения объединены в один пункт, правда, разделе-

[42] Ср. У Е.В. Падучевой: «*удовлетворен X-ом* = ʻX соответствует ожиданиям'» [26, 47].
[43] См., однако, типичное толкование рус. *удовлетворение*: «Удовольствие, испытываемое тем, чьи требования, желания или потребности удовлетворены» [УШ]. Это определение относится, скорее, к состояниям, описываемым русским *доволен*, см. в этой связи в [15, 113-114]: «Слово *доволен* отстоит несколько дальше от существительного *удовольствие*, так как обозначает состояние в большей степени «рациональное»: *доволен* связано не только с *удовольствием*, но также и с *удовлетворением*».

ны точкой с запятой. К тому же оба приведенных примера иллюстрируют только значение ʻудовлетворение’ [44], поэтому мы сочли необходимым продемонстрировать значение ʻудовольствие’ примерами из художественной литературы: (а) *Матюша із задоволенням гладив їх, навіть щокою тулився, човен здавався живим, дихав своїми нутрощами, потім влігся на той живий бік, обхопив руками* (Майя Фролова. М’яч у піднебессі! (2003-2008)). Матюша с удовольствием гладил их, даже щекой прижимался, лодка казалась живой, дышала своим нутром, потом улегся на тот живой бок, обхватил руками [НКРЯ]; (б) *С удовольствием грызла кости, не брала пищу из рук, а лишь с земли*. [И. И. Акимушкин. Тропою легенд (1961)). Із задоволенням гризла кістки, не брала їжу з рук, а лише з землі [НКРЯ]; (в) *Вообще, когда речь идет о настоящей «космической опере», подробно пересказывать сюжет, — с одной стороны, сизифов труд (проще переписать весь роман целиком!), а с другой — попросту аморально перед читателями, которые этого удовольствия еще не вкусили* (Вл. Гаков. Возвращение космического робинзона (2001)). Взагалі, коли йдеться про справжню «космічну оперу», детально переказувати сюжет, — з одного боку, сізіфова праця (простіше переписати весь роман цілком!), а з іншого — просто аморально перед читачами, які цього задоволення ще не посмакували [НКРЯ].

(3) Рус. *удовольствие*, являющееся примером перехода ʻудовлетворение’ → ʻудовольствие’, в значении ʻ удовлетворение’, как уже отмечалось, в начале XIX в. было вытеснено словом *удовлетворение*. Но и в полисемии самого слова *удовлетворение* мы усматриваем аналогичный переход. Для обоснования нашего утверждения мы подробно остановимся на значениях данного существительного. Мы выделяем два значения слова *удовлетворения* в рамках интересующего нас круга его употреблений — обозначения определенного состояния человека. *Удовлетворение 1* в значительной мере относится к рациональному состоянию — так же, как и глагол *радоваться*, например, он включает в качестве одного из своих семантических компонентов ментальную составляющую, смысл ʻсчитать’.

[44] См. ниже разные значения, которые мы выделяем у русского слова *удовлетворение*: первый пример из украинского словаря соотносится с *удовлетворением 1*, второй — с *удовлетворением 2*.

У*довлетворение 1.* Человек испытывает у*довлетворение 1* в следующих случаях:

I. Имеет место положительно оцениваемая им ситуация Р. *Выразить удовлетворение возрождением православного образования на канонической территории Московского Патриархата* (коллективный. Постановления Архиерейского совещания // Журнал Московской Патриархии № 3, 2010, 2010) [НКРЯ]. При этом *Удовлетворение в связи с Р/ по поводу Р и т.п.* может означать: 1) удовлетворение от того, что имеет место положительная ситуация Р, например: (а) *В МИД России выражают удовлетворение по поводу возвращения на родину одной из наиболее почитаемых православных реликвий* (Заявления и сообщения (2004) // «Дипломатический вестник», 2004.07.27) [НКРЯ]. 2) удовлетворение результатами действия Р, высокими качествами Р и т.п., например: (б) *С трибуны и в частных беседах участники саммита неоднократно выражали удовлетворение и уровнем организации* (хорошим уровнем — Е.И.)*, и результатами московского форума* (Мировая металлургия: вызовы глобализации. 2-й металлургический саммит в Москве (2004) // «Металлы Евразии», 2004.08.06) [НКРЯ].

Также, как радость может оборачиваться злорадством, удовлетворение может проистекать от созерцания чужих неудач, просчетов, недостатков и т.п. Например: (а) *Вот почему с удовлетворением взирают на казнь Ходорковского "каины и авены" олигархизма, и помалкивают их старомодные кураторы Вольский и Примаков, советские оборотни, совершившие множество оборотов вокруг идеологической оси* (Александр Проханов. Как Ходорковскому пролезть сквозь игольное ушко (2003) // «Завтра», 2003.08.06) [НКРЯ]. (б) *И я испытала невыразимое удовлетворение, увидав, что Жизель — эта самая-пресамая из красоток, мелькающих на обложках журналов, — на самом деле до смешного маленького роста* (Лорен Вайсбергер. Дьявол носит Прада (М.Маяков, Т.Шабаева, 2006)) [НКРЯ].

II. Субъект реализовал свои желания и мечты, свои возможности, добился своих целей, преодолевая трудности и т.п. Например: (а) *Женившись в 1905 году вновь, он наверняка должен был испытывать удовлетворение человека, одолевшего судьбу* (Владимир Набоков. Истинная жизнь Себастьяна Найта (А. Долинин, М. Мейлах, 1991))

[НКРЯ]. (б) … *в мозгу Суизина, ничем не занятом с раннего утра и до позднего вечера, странным образом сочетались два противоположных чувства: издавна укрепившееся удовлетворение тем, что он сам пробил себе дорогу и нажил состояние, и уверенность, что такому человеку, как он, никогда не следовало бы утруждать свою голову работой* (Джон Голсуорси. Собственник (Н. Волжина, 1946)) [НКРЯ].

III. Субъект осознает/осознал свои положительные качества и способности, свои преимущества и т.п. Например: (а) *Лия испытала глубокое удовлетворение, совершенно неожиданно открыв в себе способность сохранять самообладание* (Миранда Ли. В любви все средства хороши (М. Авдокушина, 2000)) [НКРЯ]. (б) *Ей льстило сознание, что она может проповедовать, петь псалмы, что она способна убеждать и подчинять себе людей силою "слова божия". Это давало ей известное нравственное удовлетворение и укрепляло желание работать вместе с мужем* (Теодор Драйзер. Американская трагедия (ч. 1-2) (Нора Галь, З. Вершинина, 1948)) [НКРЯ]. (в) *Разоблачая очередного обманщика, Петр Иванович испытывал глубокое удовлетворение: ещё раз он получает свидетельство жизни, что он хороший врач, что он не потерял квалификацию* (В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)) [НКРЯ].

IV. Ситуация P удовлетворяет потребности субъекта в чем-л.: *Наверно, привал, с удовлетворением подумал кригсман; отдохнуть в тени дубравы было бы куда как кстати* (Василь Быков. Главный кригсман (2002)) [НКРЯ].

V. Ситуация P соответствует определенным требованиям:

V.1. Соответствует справедливости (например, виновник наказан): *Самое печальное, что боль и горе от этого не станут легче — будет лишь некоторое удовлетворение, что виновные понесли хоть какое-то наказание* (Игорь Трунов. Терроризм и совершенствование правовых основ контртеррористических действий (1 часть) (2004) // «Адвокат», 2004.12.01) [НКРЯ].

V.2. Соответствует естественному ходу вещей, (например, виновник испытывает стыд за содеянное): *Я видел тебя с этим субъектом в парке. Краска, вспыхнувшая на ее*

щеках, доставила ему удовлетворение: разумеется, ей должно быть стыдно! (Джон Голсуорси. В петле (М. Богословская, 1946)) (с англ.) [НКРЯ].

V.3. Соответствует ожидаемому ходу вещей: – *Ну наконец-то, – с удовлетворением сказал Лешек, неподвижно сидящий у стола. – Я так и знал, что кто-нибудь в конце концов не выдержит!* (Иоанна Хмелевская. Мы все под подозрением (Вера Селиванова, 1993)) (с пол.) [НКРЯ].

V.4. Соответствует правильному положению вещей — соблюдаются требования к порядку, последовательности течения динамических ситуаций, набору компонентов объектов и т.п. (например, план выполняется правильно, соблюдается график движения, поддерживается порядок на улицах и т.п.): (а) *Штальбе лично руководил акцией, стоял на веранде, окружённый своим штабом, и с удовлетворением наблюдал, как чётко выполняется его план* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)) [НКРЯ]; (б) *Краем глаза он следил за тем, как фиксирует показания в своем блокноте Роман, и с удовлетворением отмечал, что тот пока все пишет правильно* (Александра Маринина. Последний рассвет (2013)) [НКРЯ]; (в) *Белинский с удовлетворением отмечает наличие в номерах, где проживают студенты, личных табуреток и столов, а также аккуратных железных кроватей* (Игорь Волгин. Сокрушаемый Карфаген // «Октябрь», 2005)) [НКРЯ].

У*довлетворение 2.* Во втором значении слово обозначает такое эмоциональное состояние, в котором человек испытывает удовольствие от того, что он делает, и от осознания того, что он делает это хорошо (так, как это должно делаться), успешно решает поставленные перед ним задачи и т.п., например, *получать удовлетворение от работы* [45]. Таким образом, *удовлетворение 2 от P* ≈ ‘человек испытывает удовольствие от занятия деятельностью P и от осознания, что эта деятельность полезная и что он осуществляет эту деятельность успешно, правильно’ (основание для эмоционального состояния, описываемого лексемой *удовлетворение 1*). Другие примеры: (а) *Занятия физикой, углуб-*

[45] Здесь можно провести параллель с удовольствиями, имеющими в качестве стимулов «высокие ментальные действия» [27, 64], — такие, как, например, решение математических задач (см. выше).

ление в ее основы и в те широкие идеи, на которых она строится, и в особенности самостоятельная научная работа приносят огромное умственное удовлетворение (Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)) [НКРЯ]. (б) *Индивид получает удовлетворение от самого процесса игры* (Н.Л. Захаров. Система регуляторов социального действия российских государственных служащих (теоретико-социологический анализ) (2002)) [НКРЯ].

Иными словами, в значение слова входит смысл ʻудовольствиеʼ, при этом существенно, что в данном случае удовольствие связано не только с полученным результатом, но и с самим процессом деятельности. Ср. *удовлетворение от победы* и *удовлетворение от занятий*, *от процесса игры*: в первом случае, если удовольствие и наличествует, то оно относится только к результату, а не к действиям, приведшим к победе; во втором случае сам процесс занятий или игры доставляет субъекту удовольствие.

(4) Переход ʻудовольствиеʼ — ʻудовлетворениеʼ реализован в англ. *gratify* и *gratification*, восходящих к лат. *gratus* ʻприятныйʼ и ʻблагодарныйʼ (см. выше) [46]. В современных словарях существительное *gratification* толкуется как удовольствие, обусловленное преимущественно удовлетворением каких-либо желаний: «Pleasure, especially when gained from the satisfaction of a desire» [OD], «*gratification in getting his novel published*» [MWD]. И действительно в литературе мы находим много примеров на это значение, а также на значение, соответствующее рус. *удовлетворение 2*, например: (а) *И никакая публичная деятельность не может доставить такого наслаждения и удовлетворения, как сценическая* (А.П. Чехов. Скучная история (1889)). And no sort of public service could provide such enjoyment and gratification as the theatre [НКРЯ]. (б) *He maintained a hard, careless deportment, indicative of neither joy nor sorrow: if anything, it expressed a flinty gratification at a piece of difficult work successfully executed* (Emily Brontë. Wuthering Heights (1847)). Однако в словаре [WRU 1844] у *gratification* (как и у глагола *gratify*) отмечается также значение «чистого» удовольствия: «The act of pleasing, either the mind, the taste, or

[46] «gratify: c. 1400, “to bestow grace upon;” 1530s, “to show gratitude to,” from Latin gratificari “to do favor to, oblige, gratify,” from gratus "pleasing" (see grace (n.)) + root of facere "to make, do, perform" (see factitious). Meaning “to give pleasure to” is from 1560s.» [OED].

the appetite. We speak of the gratification of the taste or the palate, of the appetites, of the senses, of the desires, of the mind, soul or heart». И в художественной прозе мы встречаем много примеров употребления английского слова в значении ʻудовольствие’, например: (в) *An appetite for hedonistic pleasure was something bred into him by his ancestors. His ascendants had indulged in hashish, but he preferred a different kind of gratification* (Dan Brown. Angels and Demons (2000)). Страсть к земным утехам он унаследовал от своих предков. Они, правда, увлекались гашишем, однако он предпочитает другие пути к наслаждению [НКРЯ]. (г) *To your fine mind, I well know the sight of beauty is a real gratification* (Jane Austen. Persuasion (1816)). Я знаю, для вашей благородной души созерцание красоты есть истинное наслаждение [НКРЯ]. У глагола *to gratify* значения удовольствия и удовлетворения в словарях подаются в виде дизъюнкции, например: «Give (someone) pleasure or satisfaction: *I was gratified to see the coverage in May's issue: the results were gratifying*» [OD].

IV. Семантические переходы внутри семантического поля удовольствия и радости

ʻУдовольствие сенсорное’ — ʻудовольствие’

В разных языках представлены переходы вида ʻприятный ощущение’ → ʻудовольствие’ («обобщенная гедонистическая оценка, не дифференцирующая различные сенсорные зоны» [27, 249]).

(1) Первое значение французского глагола *chatouiller* — ʻщекотать’; от этого значения произошел переход к значению ʻвызывать приятное сенсорное ощущение’, и далее — к более общему значению ʻвызывать удовольствие’: 1) «Causer en certaines parties du corps, par un attouchement léger, un tressaillement involontaire, qui provoque ordinairement un rire convulsif. *Chatouiller quelqu'un aux côtés*» [AC 1935]; 2) «Exciter doucement (les sens) par des impressions agréables. *Vin qui chatouille le palais.* ⇒ flatter, titiller. *Ce parfum chatouille l'odorat*» [PR]; 3) «Fig. Exciter doucement par un sentiment, une émotion agréable. *Chatouiller l'amour-propre de qqn.*» [PR]; «*La musique chatouille l'oreille*» [AC 1935]; «Ab-

solument. *Il n'y a rien assurément qui chatouille davantage que les applaudissements que vous dites*, MOL. Bourg. gent. I, 1» [EL].

(2) Английский глагол *to tickle* ʻщекотать' имеет также значения ʻзабавлять, веселить' и ʻдоставлять удовольствие': «1. to move your fingers gently on someone's skin in order to give them a pleasant feeling or to make them laugh: *The dog rolled over, waiting for his tummy to be tickled*. 2. [transitive] informal if something such as a remark or an idea tickles you, you think it is funny: *It tickled him to think that she'd asked him for advice*. a. if something tickles you, it makes you feel pleased: *It always tickled her to get a card from them*» [MD].

(3) Французский *titiller* и английский *to titillate* (оба от лат. *titillare*) имеют значения ʻщекотать' и ʻприятно возбуждать'. См., например, толкование английского глагола: «1. to stimulate or excite pleasantly. *Our curiosity was titillated by the article*. 2. to excite or produce a pleasurable feeling in, usu. by tickling or stroking lightly» [WED]. При этом приятное ощущение может быть вызвано воздействием на вкусовые рецепторы: «*...food to titillate the most jaded of palates*» [CED].

(4) Аналогичные значения отмечены у итальянского глагола *vellicare*: «Toccare o sfiorare lievemente la superficie di una parte del corpo in modo da provocare il solletico: *si divertiva a vellicarla piano piano sulla nuca e dietro l'orecchio*; anche di altre cose o cause che producono una sensazione simile: *c'è qualche cosa che mi vellica in gola*. In senso fig., stimolare, eccitare piacevolmente: *suoni che vellicano l'udito*; *erano immagini che gli vellicavano la fantasia*» [VT]. У русского *щекотать* также выделяется значение ʻприятно возбуждать': «Приятно возбуждать, тешить. *Щекотать самолюбие*. *Щекотать нервы*» [УШ].

(5) Испанский глагол *cosquillear* демонстрирует полисемию ʻщекотать' — ' вызывать приятное чувство': «1. tr. Hacer cosquillas a alguien o a una parte de su cuerpo. U. t. c. intr. 2. tr. Producir a alguien una determinada sensación, habitualmente grata. U.t.c. intr.» [DRAE]. Часто используются выражения, в которых подлежащим испанского глагола является слово *idea* ʻмысль', например: «*la idea de comprarse una moto le cosquilleaba hacía tiempo*» [ELM], «*Siempre me ha cosquilleado la idea de tener un caballo*» [DCD]. Словари толкуют подобные высказывания следующим образом ʻSentir deseos de realizar una idea',

подчеркивая тем самым связь между тем, что доставляет удовольствие человеку, и тем, что ему хочется (см. о связи удовольствия и желания выше).

(6) Немецкий глагол *kitzeln* имеет значения ʻщекотать’ (шею, ноги и т.п.), ʻвызывать приятное сенсорное ощущение’ (воздействие на вкусовые рецепторы или рецепторы слизистой оболочки носа) и ʻвызывать приятное чувство’: «1.a. bei jemandem durch wiederholtes Berühren an bestimmten, empfindlichen Körperstellen eine Empfindung auslösen, die meist zum Lachen reizt: *jemandes Fußsohlen kitzeln*. 2a. einen angenehmen Sinnesreiz hervorrufen: *der Duft kitzelte sie in der Nase, kitzelte ihre Nase*. *gutes Essen kitzelt den Gaumen*; *jemandes Eitelkeit kitzeln* (jemandem schmeicheln)» [Duden]. Как и у исп. *cosquillear,* немецкий глагол имеет также значение ʻиспытывать желание сделать что-л.’: «einen Kitzel (2) hervorrufen, verursachen: *es kitzelt mich* (*reizt mich*)*, ihr zu widersprechen*» [там же] [47].

NB: Заметим, что «ощущение, вызываемое щекотанием», совсем не всегда ассоциируется с удовольствием, поэтому неудивительно, что в языках встречается и переходы другого вида: ʻщекотка’ → ʻнегативная эмоция’. Так, например, испанское *cosquilleo* имеет значения ʻщекотка (ощущение)’ и ʻбеспокойство, тревога’: «Sensación que producen las cosquillas, u otra cosa semejante a ella: *el cosquilleo de un estornudo en la nariz*. Sensación de inquietud o nervios ante algo que produce temor » [ELM].

V. Семантические переходы, в которых смысл ʻудовольствие от P’ трансформируется в общеоценочное суждение ʻP оценивается положительно’

V.1. Примером такого перехода является переход ʻполучать удовольствие/делать с удовольствием’ → ʻобладать чем-л.’, который реализован в виде полисемии франц. *jouir* и *jouissanc*e, ит. *godere*, исп. *gozar*, порт. *gozar* и *gozo*, англ. *enjoy* и *enjoyment* [48], восходящих к лат. *gaudere* (*enjoy* – заимствование из ст.-франц.). См., например, порт. *gozar*: «1.

[47] У глагола выделяется также значение ʻвызывать зуд’: «durch leichtes [unabsichtliches] Berühren eine leicht juckende Empfindung hervorrufen, verursachen» [там же]. Возможно, переход к значению ʻиспытывать желание сделать что-л.’ произошел именно от этого смысла. Ср. *русское руки чешутся* (у кого-л. сделать что-л.) выражает желание, намерение, готовность [Словарь-тезаурус].

[48] Англ. *enjoy* — заимствование из ст.-франц.: «late 14c., rejoice, be glad (intransitive), from O.Fr. enjoir to give joy, rejoice, take delight in, from en make (see EN (Cf. en) (1)) + joir enjoy, from L. gaudere rejoice» [OED].

Tirar gozo ou prazer de (ex.: *gostamos de gozar a vida; gozar a calma e o silêncio*). = DESFRUTAR, FRUIR; 3. Estar na posse ou no gozo de (ex.: *o avô ainda goza de muito boa memória; a empresa goza de fama internacional*) = POSSUIR [PRB].

В основе перехода ʻполучать удовольствие/делать с удовольствием’ → ʻобладать чем-л.’ лежит, как представляется следующий процесс. Презумпцией лексем, обозначающих чувство удовольствия или радости от какой-либо ситуации P, является смысл ʻситуация P имеет место’. Так, презумпцией предложения *X jouissait de la réputation d'être un «bohème du barreau»* ʻX наслаждался своей репутацией «богемы в адвокатуре»’ является ʻсубъект X имел репутацию «богемы в адвокатуре»’. Переход от значения ʻнаслаждаться, получать удовольствие от P’ к значению ʻиметь P, обладать P’ состоит в изменении статуса компонента ʻиметь…’ с презумптивного на ассертивный, а компонента ʻнаслаждаться, получать удовольствие от P’ — с ассертивного на презумптивный. В дальнейшем этот последний видоизменяется в двух аспектах: 1) смысл ʻудовольствие от P’ заменяется на общеоценочное ʻP оценивается положительно (или нейтрально)’; 2) в качестве X начинают употребляться и неодушевленные объекты. На следующем этапе в качестве P начинают выступать и отрицательно оцениваемые ситуации, свойства и т.п., например: *Надо сказать, что квартира эта — № 50 — давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929-1940)). Il faut dire que cet appartement – le n 50 – jouissait, depuis longtemps déjà, d'une réputation, sinon déplorable, pour le moins étrange [НКРЯ].

Аналогичная полисемия представлена немецким глаголом *genießen* и существительным *Genuß*, исходное значение которых — ʻесть, потреблять пищу’ (см. выше п. II.1.1.1.): «genießen. 1. Speise und Trank zu sich nehmen. 2. Freude, Genuss, Befriedigung an etw. haben, sich an etw. freuen. 3. etw. erhalten, bekommen // etw. haben: *die Achtung, Sympathie, Verehrung der Kollegen genießen*; *Beamte, Diplomaten und Militärs, sie alle genießen seit jeher der Immunität* [Lernet-HoleniaGraf 53]» [DWDS]. Приведем один пример из художественной литературы, в котором немецкий глагол использован в значении ʻиметь что-л., пользоваться чем-л.’: *Erst vorgestern hat in der Zeitung eine Erklärung gestanden, daß sie*

keine Vorzugsbehandlung genießen würden [Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956)). Только два дня назад в газете было напечатано разъяснение, что банкноты с красной печатью никакими привилегиями пользоваться не будут [НКРЯ].

Португальский глагол *fruir* имеет значения ʻиметь что-л.ʼ и ʻполучать удовольствие от чего-л.ʼ, приведем по одному примеру на каждое значение: (а) *Os utilizadores finais devem ter a possibilidade de fruir de uma garantia de interoperabilidade em relação a todos os equipamentos de recepção de televisão digital vendidos na Comunidade*. End-users should be able to enjoy a guarantee of interoperability in respect of all equipment sold in the Community for the reception of digital television [http://context.reverso. net]; (б) *O fechamento do conhecimento científico é contrário à declaração dos direitos humanos que garante que «toda a pessoa tem o direito de tomar parte livremente na vida cultural da comunidade, de fruir as artes e de participar no progresso científico e nos benefícios que deste resultam»* (Brevets). Restrictions on scientific knowledge are contrary to the Declaration of Human Rights, which guarantees that 'everyone has the right freely to participate in the cultural life of the community, to enjoy the arts and to share in scientific advancement and its benefits [http://context.reverso. net]. Португальский глагол происходит от лат. *frui*, имевшего в числе прочих значение ʻнаслаждаться, получать удовольствиеʼ: «prendre plaisir à; ~ *timore paventium*, prendre plaisir à la crainte de gens épouvantés» [WA], «*Recordatione nostrae amicitiae fruor*. Cic. *Je pren grand plaisir, et suis fort joyeux, quand il me souvient de nostre amitié*» [EDL]. В некоторых словарях [LSL; GDL] специально подчеркивается смысл ʻудовольствиеʼ, присущий этому глаголу: «*to derive enjoyment from* a thing, *to enjoy*, *delight in*» [LSL].

Следует отметить, что некоторые глаголы из названной группы, помимо значения ʻиметь что-л.ʼ, развили еще одно значение — ʻиспользовать что-л., извлекать пользуʼ [49]. См., например, порт. *gozar*: «Usar ou aproveitar alguma coisa (ex.: *gozar as férias*). = FRUIR, USUFRUIR» [PRB]. Ср. перевод португальского текста, содержащего глагол *gozar*, на французский язык: *No entanto, a política do Governo neerlandês está agora orientada para*

[49] Это соответствует полисемии русского *пользоваться*, ср. *Он пользуется правом льготного проезда* (иметь право) и *он слишком широко пользовался этим правом* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

moderar um pouco esse fenómeno e, em especial, para combater as administrações municipais que abrem "coffee shops" nas fronteiras – onde as instalações aduaneiras se encontram agora vazias –, para que cidadãos alemães, belgas e franceses de fora do município possam, eles próprios, gozar desta facilidade (Europarl8). Cependant, la politique du gouvernement néerlandais vise maintenant à réduire quelque peu ce phénomène et, en particulier, à lutter contre les autorités locales qui ouvrent des le long de la frontière, où les postes de douane restent à présent vides, afin que les Allemands, les Belges et les Français non résidents puissent profiter de cette facilité [https://fr.glosbe.com]. См. также пример использования франц. *jouir* в указанном значении: – *Видишь ли, в чем дело, мой друг. Самое лучшее и самое святое право королей — это право помилования. И я всегда чувствовал себя королем, так как безгранично пользовался этим правом* (А.П. Чехов. Скучная история (1889)). — Tu vas voir, mon amie. Le meilleur et le plus saint des droits royaux est le droit de grâce. Et je me suis toujours senti un roi parce que j'ai joui de ce droit, sans limites [НКРЯ].

У латинского глагола *frui* также выделяют значение ≈ ʻпользоваться, извлекать доходы' [ЛРС], ʻобладать правом пользования': «avoir l'usufruit» [DLFN]. Аналогичное значение имеет и порт. *fruir*: «Jur. Usufruir de determinado bem (herança ou algo de que se tirou proveito). [td.: *Fruía os bens paternos*.] [tr. + *de*: *Fruiu da herança que recebeu dos avós*]» [DCA].

V.2. К рассматриваемому переходу ʻполучать удовольствие/делать с удовольствием' → ʻобладать чем-л.' близок переход, реализованный в русском *хвастаться*, франц. *se vanter* и т.п. См. определение русского глагола в [2, 53]: «X хвастается Y-ом перед Z-ом» = ʻЧеловек X чрезмерно много или с преувеличением говорит человеку Z об объекте У, который является свойством или частью X-а или связан с X-ом и который представляется X-у ценным, с целью произвести на Z благоприятное впечатление'». Презумцией глагола является смысл ʻX обладает Y-ом'. Нам представляется, что действие *хвастаться* содержит также элемент ʻудовольствие' — хвастаясь, человек тешит свое тщеславие, т.е. получает удовольствие. В глаголе *похвастаться* компонент ʻX обладает Y-ом' изменяет статус с презумптивного на ассертивный, а презумпцией глагола становится общеоценочное

ʻУ оценивается положительноʼ: (а) *Собака умеет смотреть вперед, ориентироваться в новых ситуациях, хранить собственное достоинство, жить самостоятельно, умеет даже прощать. Ни одним из этих качеств люди «Золотого колеса» похвастаться не могут* (Андрей Немзер. Взгляд на русскую прозу в 1997 году // «Дружба народов», 1998) [НКРЯ]. (б) *Мне довелось видеть Ковельскую железную дорогу, буквально засыпанную вагонами по ту и другую сторону, паровозами, боевой техникой, — важная эта артерия, по существу, была под контролем партизан, да и шоссейные дороги свободой передвижения не могли похвастаться* (Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987-1997) // «Новый Мир», 1998) [НКРЯ].

Аналогичный переход реализован во французском *se vanter* ʻхвалиться, хвастатьсяʼ, итальянском *vantare* и др.: <> *у Петровича есть жена, носит даже чепчик, а не платок; но красотою, как кажется, она не могла похвастаться* (Н.В. Гоголь. Шинель (1842)). (а) франц. Pétrovitch avait une femme, laquelle portait sur la tête une coiffe et non un fichu; mais il semble qu'elle ne pouvait se vanter d'être belle; (б) итал. Petrovič aveva una moglie, e che portava nientemeno che la cuffia, e non il fazzoletto; ma a quanto pare non poteva vantare una gran bellezza [НКРЯ].

V.3. Пример замены компонента ʻудовольствие от Pʼ на компонент ʻP оценивается положительноʼ представлен во французских *agréer* и *agrément*. Глагол образован от *a-* et *gré* [PR], *gré* — от лат. *gratum*, ʻприятная вещьʼ: «*gré* — [gre] n. m. •gred Xe ; lat. gratum, neutre de *gratus* «chose agréable» [там же]. Исходным значением французского глагола является смысл ʻнравиться, быть приятнымʼ: «Plaire. *Cet homme m'agrée infiniment*» [EL], «a) Agréer à qqn. Convenir, être agréable à quelqu'un. *Je suis enchanté que mon petit cadeau vous agrée. Je n'ai point eu d'autre dessein que de plaire aux gens comme vous*. P.-L. COURIER, *Lettres de France et d'Italie,* 1810, p. 837; b) *Il m'agrée que, de.* Il me plaît que, de: *Il ne m'agrée pas de voir un peuple jadis si grand, désormais couché sur le sol…* J.-A. DE GOBINEAU, *Les Pléiades,* 1874, p. 200» [TR]. От глагола в этом значении произошло прилагательное *agréable* ʻприятныйʼ. Потом глагол развил значение ≈ ʻблагосклонно прини-

мать, одобрять что-л.', т.е. оценивать это положительно: «AGRÉER signifie aussi Trouver bon, approuver, ratifier» [AC 1935].

Английское прилагательное *agreeable* (от ст.-франц. *agreable* [50]) имеет значения 'приятный' и 'быть согласным': «1. pleasing to the mind or senses especially as according well with one's tastes or needs <*an agreeable companion*> <*an agreeable change*>; 2. ready or willing to agree or consent <*was agreeable to the plan*>» [MWD]. Согласиться с чьим-то предложением, просьбой означает положительно отреагировать на них, см. определение русского *согласный* в [10]: «при положительном отношении к предложению собеседника естественно использовать синоним *согласный*: именно он выражает в чистом виде положительную реакцию на чужую инициативу». Значение 'соглашаться' имеет и глагол *to agree* (от ст.-франц. *agreer* [51]): «to give consent; assent (often fol. by *to*): *He agreed to accompany the ambassador*» [RHD].

VI. Семантические переходы, в которых общеоценочное суждение 'P оценивается положительно' трансформируется в смысл 'P доставляет удовольствие/радость'

Этот переход отражен в полисемии таких прилагательных, как рус. *хороший*, франц. *bon*, англ. *good* и т.п. См., например, *good*: «1. morally excellent; virtuous; righteous; pious: *a good man*. 2. satisfactory in quality, quantity, or degree: a good teacher; good health. 3. of high quality; excellent. <> 19. agreeable; pleasant» [RHD].

Рассматриваемый переход реализован также в виде полисемии латинского глагола *commendare*, английского *to commend*:

(1) В одном из своих употреблений латинский глагол *commendare* означал рекомендовать кого-л. кому-л.: «recommander, vanter, louer: – *de meliore nota commendare aliquem*, Cic. Fam. 7, 29, 1: recommander qqn dans les meilleurs termes. — *commendare ali-*

[50] «late 14c., "to one's liking," from O.Fr. *agreable* (12c., Mod.Fr. *agréable*) "pleasing, in agreement, consenting, thankful," from *agreer* "to please"» [OED].
[51] «(v.) late 14c., "to be to one's liking"; also "to give consent", from O.Fr. *agreer* "to receive with favor, take pleasure in" (12c.)» [OED].

quem alicui: recommander qqn à qqn» [JWH]. *X commendat 1* Y_{acc} Z_{dat} ≈ ʻX говорит человеку Z, что У — хороший’ [52].

Другой круг употреблений глагола представлен примерами следующего типа: (а) «*marmora commendantur coloribus* [Plin. 36, 49]: ce qui donne du prix au marbre, ce sont les veines nuancées [JWH] ≈ ʻЦвета (прожилки) делают мрамор хорошим’, букв. ʻЦвета рекомендуют мрамор’ (в оригинале в этом примере и в следующем употреблена пассивная конструкция); (б) «*nulla re una magis orator commendatur quam verborum splendore et copia* Cic. Br. 216, pas une qualité, à elle seule, ne fait plus valoir l’orateur que l’éclat et la richesse du style [JWH] ≈ ʻНичто не делает таким хорошим оратора, как блеск и богатство его речи’, букв. ʻНичто так не рекомендует оратора, как блеск и богатство его речи’.

NB: По-видимому, переход от *commendare 1* ʻсубъект X рекомендует субъекта У субъекту Z’ к *commendare 2* ʻсвойство X делает Y-а хорошим’ прошел через стадию «семиотического» значения глагола *commendare* (ʻрекомендовать’). *X commendat 2* Y_{acc} Z_{dat} (ʻсвойство X рекомендует Y-а Z-у’) ≈ ʻНаличие свойства X означает для Z, что У хороший’. Ср., о семиотических значениях русского *говорить* в [14, 182—185].

На следующем этапе, как нам представляется, общеоценочное ʻУ хороший’ заменяется на смысл ʻУ доставляет удовольствие’: «rendre aimable, agréable <> Ita commendare dicaces conveniet Satyros, *faire agréer, faire goûter les satyres rieuses et railleurs Hor. P. 225*» [GDL], «*Commendare alteri suam iustitiam humanitate*. Plin. iunior. Faire trouver bonne sa severité par une meslange de doulceur» [EDL]. У отглагольного прилагательного *commendatus* отмечалось значение ʻприятный’: «aimable, agréable» [JWH; GDL; EDL и др.].

(2) Английский глагол *to commend* тоже представляет, на наш взгляд, пример реализации перехода от общеоценочного ʻP оценивается положительно’ к ʻP доставляет удовольствие’. У глагола выделяются значения ʻодобрять, хвалить’ и ʻрекомендовать’: «1. To

[52] См. толкование рус. *рекомендовать* в [7], в котором эксплицируется компонент ʻP оценивается положительно’: «СОВЕТОВАТЬ, РЕКОМЕНДОВАТЬ 1. *X советует <рекомендует> Y-у сделать P* =ʻСчитая, что Y-а интересует мнение X-а о том, что Y-у лучше всего сделать в данной ситуации, X говорит, что, по его мнению, лучше всего для Y-а сделать P’».

express approval of; praise: *commended the volunteers for their hard work*. See Synonyms at praise. 2. To represent as worthy, qualified, or desirable; recommend: *I commend her book to you* [AHD]. В прономинальной форме глагол используется в значении ʻдоставлять удовольствие’: «Cause to be acceptable or pleasing: *Neither view commends itself very strongly to the present author*» [там же]. См. пример из художественной литературы: *I could tell you more concerning my voyages and the pleasant life I lead — at least, it is very pleasant to me, and by your attention I judge it commends itself to you.* (Kenneth Grahame. The Wind in the Willows (1908)). Я мог бы тебе еще порассказать о моих путешествиях и о приятной жизни, которую я веду, ну, по крайней мере, она приятна для меня, а судя по тому, как ты внимательно меня слушаешь, она прельщает и тебя [НКРЯ].

NB: Возможно, и значение ʻхвалить’ у рассматриваемого глагола является реализацией перехода от общеценочного суждения к смыслу ʻдоставлять удовольствие’, см. ниже о рус. *хвалить*.

(3) Еще одним примером рассматриваемого перехода является, по-видимому, итальянский глагол *persuadere*. Первое значение глагола — ʻубеждать’: ««portare una persona ad agire in un determinato modo, con una prop. ogg. o con la prep. *a* e l’inf.: *mi ha persuasa a partire*» [SCT]. Рус. *убеждать*, ит. *persuadere*, исп. *persuadir* и т.п. содержат, на наш взгляд, семантический компонент ʻнекоторое действие P оценивается положительно для адресата’. Высказывания типа *Я убеждаю Ивана поехать завтра с нами на рыбалку*, в частности, может означать приблизительно следующее: ʻя говорил Ивану, что, по моему мнению, поехать на рыбалку для него хорошо’ ≈ ʻя рекомендую / советую Ивану поехать на рыбалку’ (см. выше определение рус. *рекомендовать*). Наличие компонента ʻP оценивается хорошо’ в ит. *persuadere* определило появление у него значения ʻнравиться, приходиться по вкусу’: «*Ciò me persuade poco* — Это мне не нравится» [СУМ]; «(tosc.) garbare (a), piacere (a)» [SCT]; «In frasi negative, non piacere <> *quel tipo ha un modo di fare che non mi persuade*, *la sua faccia non mi persuade affatto*» [VT]. Следует отметить, что в этом значении глагол употребляется либо с отрицанием, либо с деинтенсификатором типа *poco*: *questo regalo mi persuade poco* [GDH]. Как нам представляется, переход от значе-

ния ʻX говорит Y-у, что Z хорошо для Y-а’ к значению ʻX нравится Y-у’ прошел две стадии: 1) X и Z начали обозначать один и тот же объект; 2) *убеждать* приобрел семиотическое значение. Фразы вида *X non mi persuade* (букв. ʻX меня мало убеждает’) ≈ ʻВоспринимая объект или явление X, я получаю информацию, которая вызывает у меня чувство «X мне не нравится»’.

(4) Похвала определяется как искреннее одобрение, информирование о правильности совершенного действия и положительная оценка этого действия [ПЭ] [53]. Действие ʻхвалить’ включает, таким образом, положительную оценку некоторого действия адресата похвалы. Эта оценка соодержится в рус. *хвалить* и *хвалиться*: *хвалить* — «высказывать одобрение, похвалу кому либо или чему либо», *хвалиться* — «отзываться о том, что приобрёл или имеешь, с похвалой, с одобрением» [Ефремова]. Глагол *нахвалиться* представляет пример семантической деривации от смысла ʻположительная оценка’ к смыслу ʻрадость’. Глагол *нахвалиться* в контексте отрицания выступает как синоним глагола *нарадоваться* с тем, однако, отличием, что содержит речевой компонент: *Мы не можем нахвалиться нашей новой квартирой = Мы не можем нарадоваться нашей новой квартире*. Следует оговорить, что в толковых словарях указанное значение у *нахвалиться* не отмечено, а примеры типа *нахвалиться чем-либо* толкуются следующим образом: «Нахвалиться. 2. *кем* (*чем*). Усиленно, вдоволь похвалить (обычно с отриц.). *Мать сыночком не нахвалится* (всё время хвалит его кому-н.)» [ОЖ]. Показательно, однако, что переводчики эксплицитно отражают выделяемый нами смысл ʻрадость’ у глагола *нахвалиться*, например: (а) *Едят теперь Москвичи соленые рыжики и маринованные белые и не нахвалятся ими и до чрезвычайности радуются этой переброске* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)). (болг.) Хапват си сега московчани мариновани рижики и бели гъби, не могат да им се нарадват и безкрайно са доволни от това преместване

[53] В значение высказываний вида *X похвалил Y-а* смысл ʻудовольствие’ или ʻрадость’ в общем случае не входит — адресатом слов X-а может быть не У, а другой человек. Удовольствие от похвалы может возникать только в том случае, если она высказывается самому Y-у или человеку, который может искренне порадоваться успехам Y-а. Как представляется, компонент ʻудовольствие’ не входит и в значение глагола *хвалиться*, и ему больше подходит определение, данное в [2, 53] для *хвастаться* (см. выше).

[НКРЯ]; (б) *The Watermans, Henry and George, were greatly pleased with the way he handled their accounts* (Theodore Dreiser. The Financier (1912)). Оба Уотермена — Генри и Джордж — не могли нахвалиться тем, как Фрэнк вел их отчетность [НКРЯ]; (в) укр.) *Федір розказував усякі приповістки за дяків, за попа, Горпина утішалася* (‘радоваться’ – Е.И.) *перед Христею своїми дітьми, котрі на полу натоптувались пирогами* (Панас Мирний. Повія. Ч. 4 (1882)). Федор рассказывал всякие побасенки про дьячков, про попа, Горпина не могла нахвалиться Христе своими детьми, которые, сидя на постели, уписывали за обе щеки пироги [НКРЯ].

Аналогичная полисемия представлена в итальянском *lodarsi* и французском *se louer*:

(4а) *Lodarsi*: «хвалиться; *non faccio per lodarmi, ma...* — не хочу хвастаться, но ...; *lodarsi di qc* — быть довольным чем-либо» [СМИ], «Esaltare la propria persona, vantarsi. Compiacersi, proclamarsi soddisfatto di qlcu. o di qlco. • sec. XIII» [SCD], «rifl. [fare le proprie lodi] ≈ gloriarsi, vantarsi. ↑ esaltarsi. ■ v. intr. pron., non com. [dichiararsi soddisfatto, con la prep. di: l. *di qualcuno*, *di qualcosa*] ≈ compiacersi» [SCT].

(4б) *Se louer*: «Se donner des louanges. *C’est un homme qui se loue à tout propos*. Se louer de quelqu’un, de quelque chose, Témoigner qu’on en est satisfait. *J’ai sujet de me louer de lui, il en a fort bien usé avec moi. Je n’ai pas eu à me louer de cette acquisition. Je me loue fort du cheval que vous m’avez prêté* [AC 1835]. При этом во французском языке, например, значение ‘радоваться’ у глагола *se louer* реализуется не только в контексте отрицания, как это имеет место для русского предиката. Особенностью французского глагола является также то, что речевой компонент, который характерен для рассматриваемой группы глаголов, в *se louer* отражен в возможности поверхностно-синтаксического заполнения валентности адресата речи: «Je me suis fort louée à Mlle de Scudéry de l’honnête procédé de M. de Péruis, SÉV. 18 déc. 1673» [EL].

VII. Семантические переходы, в которых участвуют предикаты, описывающие действия, одной из мотивировок которых является доставить удовольствие или радость

VII.1. Лесть

Лесть является одним из видов действий, направленных на то, чтобы доставить удовольствие адресату, хотя и предпринимаемых в корыстных целях. Это отражается в языках в переходах вида ʻльстить’ — ʻдоставлять удовольствие’. См. описание семантической эволюции глагола *льстить* и его производных в [16]: от лести как намеренного преувеличения достоинств адресата к значению ʻпольщенности’ «в конструкции «*Z льстит/польстило Y-у*, где Z — обстоятельство или высказывание, свидетельствующее, что некий X, мнение которого почему-либо важно для Y-а высоко оценивает те или иные качества Y-а, и эта оценка приятна Y-у» [с. 390]. Например, *его похвала польстила мне*.

Аналогичный семантический переход реализован в полисемии испанского глагола *lisonjear*: «1) льстить, угожда́ть *кому*; восхваля́ть; славосло́вить; 2) (*о факте*) быть прия́тным, льстить *кому*; те́шить *чьё-л* самолю́бие» [ИСРС]; «1. Decir (*una persona*) lisonjas [a otra persona]: *Yo conozco mis limitaciones, no me lisonjeéis, que no me ha salido tan bien el discurso*. 2. Ser (*una cosa*) motivo de satisfacción o envanecimiento para [una persona]: *Esta comparación con la campeona me lisonjea*. *Me lisonjea que hayáis venido a felicitarme*» [GCD]. Те же значения отмечаются у португальского глагола *lisonjear*: «1 Enaltecer desmesuradamente, geralmente com algum interesse em mente. = ADULAR, BAJULAR **2.** Agradar a. *v.* *tr.* *e* *pron.* **3.** Fazer sentir ou sentir orgulho. = HONRAR, ORGULHAR ≠ EMBARAÇAR, ENVERGONHAR» [DA].

Еще более наглядным примером перехода вида ʻльстить’ — ʻдоставлять удовольствие’ является французский глагол *flatter* ʻльстить’, у которого, помимо тех значений, которые отмечаются у русского глагола *льстить*, имеется значение ʻдоставлять эстетическое и сенсорное удовольствие’: «A. ♦ Louer excessivement ou faussement (qqn), pour plaire, séduire. ⇒ aduler, encenser, flagorner. B. ♦Louer excessivement ou faussement (qqn), pour plaire, séduire. ⇒ aduler, encenser, flagorner. C. ♦ Affecter agréablement (les sens). *Douce musique, harmonie qui flatte l’oreille. Mets qui flatte le palais* [PR]; «*Au premier coup de la cuiller, la panse laissa échapper un jus lié qui flattait à la fois la vue et l'odorat* (BRILLAT-SAV., Physiol. goût, 1825, p. 314). *Un parfum délié qui semble, plutôt qu'émaner, survivre,*

flatte la narine en récréant l'esprit (CLAUDEL, Connaiss. Est, 1907, p. 97)» [TR]. Аналогичная полисемия характерна и для англ. *to flatter* (от старофранцузского *flater* [OED]): «1. Lavish insincere praise and compliments upon (someone), especially to further one's own interests: *she was flattering him to avoid doing what he wanted*; 1.2. Make (someone) feel honored and pleased; *at least I am flattered that you don't find me boring*; 1.5. archaic Please (the ear or eye): *the beauty of the stone flattered the young clergyman's eyes*» [OD] [54]. Значение ʻуслаждать, радовать' отмечено и у испанского глагола *adular* ʻльстить': «1) льстить (кому-либо), заискивать, угодничать (перед кем-либо); 2) услаждать, радовать (глаз, слух)» [ИСРС]; «1. tr. Hacer o decir con intención, a veces inmoderadamente, lo que se cree que puede agradar a otro. 2. tr. deleitar» [DRAE].

Слова *лестный* и *лестно* прошли еще один этап развития, который заключался в уходе на второй план субъекта У и его ощущений и выдвижении на центральное место компонента положительной оценки [16, 393]: *книга получила много лестных отзывов* [*лестный 2*]. У английского прилагательного *flattering* имеется, кроме значений ʻльстивый' и ʻлестный для кого-л.' (*лестный 1*), значение ʻлестный, хороший' [положительная оценка, *лестный* 2]: *The Doubtful Asphodel obtained many reviews, and most of them were long and quite flattering* (Vladimir Nabokov. The real Life of Sebastian Knight (1938)). Двусмысленный асфодель» вызвал много рецензий, в большинстве пространных и вполне лестных [НКРЯ]. Аналогичная полисемия представлена французским прилагательным *flatteur*. Приведем один пример на употребление этого слова в значении ʻлестный, хороший': *Знаешь, Бегемот, я очень много хорошего и лестного слышал про этот дом* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929-1940)). Sais-tu, Béhémoth, que j'ai entendu dire beaucoup de choses excellentes et fort flatteuses sur cette maison [НКРЯ].

Интересный пример семантической эволюции представлен испанским и португальским прилагательными *lisonjeiro* ʻльстивый', ʻлестный', у которых отмечено также значение ʻприятный', например, *música lisonjera* (исп.) — ʻприятная музыка'. *Lisonjeiro*$_{\text{исп.}}$: «1. adj. Que lisonjea. U. t. c. s.; 2. adj. Que agrada y deleita. *Música, voz lisonjera*»

[54] См. примечание 3.

[DRAE]; lisonjeiro$_{порт.}$: «1. Que lisonjeia; LISONJEADOR: *Você é muito lisonjeiro*; 3. Fig. Agradável, aprazível» [DCA]. Указание на существование значения ʻприятный’ мы встретили и у французского прилагательного *flatteur* (см. выше) в словаре [AC 1835]: «Il signifie encore simplement, Agréable. *Un espoir flatteur. Une espérance flatteuse. De flatteuses illusions. Le son flatteur de sa voix*». Однако в других словарях это значение не упоминается.

VII.2. Проявления любви, нежности

Действия, являющиеся проявлением любви, нежности к кому-л., тоже часто диктуются желанием доставить удовольствие объекту любви [55]. Это отражается в переходах вида ʻласкать / нежить / холить’ → ʻдоставлять удовольствие’. Рус. *ласкать* имеет переносное значение ʻдоставлять удовольствие’: «перен., кого-что. Доставлять кому-чему-нибудь приятное ощущение. «Северные звуки ласкают мой привычный слух.» Пушкин. «Я ухо словом не привык ласкать.» Маяковский. Ветер ласкал лицо» [УШ]. *Ласковый*: «1. Полный ласки, проникнутый нежностью. 2. перен. Доставляющий приятное ощущение; ласкающий» [Ефремова].

Отмеченная полисемия присуща русскому *лелеять*: «1. кого-что. Ласкать, нежить, холить. «Мать лелеяла и баловала его, как балуют единственное чадо» Гончаров. «Зефир… челны на волнах лелеет» Пушкин. 2. перен., что. Тешить, услаждать (душу, чувство). «Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея, про любовь мне сладкий голос пел» Лермонтов» [УШ]. Кроме того, у него есть еще одно значение, в которое входит смысл ʻудовольствие’: «С удовольствием, отрадой предаваться чему-нибудь (какой-нибудь мысли, чувству). *Лелеять надежду*» [там же].

Исходное значение французского глагола *caresser* (от ит. *carezzare* «chérir») ʻласкать, гладить’: «Faire des caresses à (qqn) en signe de tendresse. *Caresser qqn de la main, des lèvres*. *Caresser un enfant*» [PR]. Затем у него отмечаются значения ʻльстить, доставлять удовлетворение’ (самолюбию, тщеславию и т.п.) и ʻлелеять’ (мечту, надежду и т.п.):

[55] См., определение слов *ласковый* и *нежный* в [13]: «Оба синонима указывают на то, что субъект испытывает симпатию по отношению к объекту и стремится сделать ему что-нибудь приятное».

a) «Littér. Flatter (un sentiment). *Les idées « qui caressent leur vanité ou répondent à leurs espérances* » (France)»; б) «Entretenir complaisamment. (cf. Se complaire dans). *Caresser un projet, une idée, un espoir, un rêve*» [там же]. Отметим, что у существительного *caresse* ʻласка’ (16 в.) в 17 в. зафиксировано значение ʻлесть’: «1616. «flatterie, mots flatteurs» (HULSIUS, *Dict. fr.-all.*)» [TR]. Испанский глагол *acariciar* (*caricia* – от ит. *carizze*, var. de *carezza* [DRAE]) имеет значения ʻласкать, гладить’ и ʻлелеять’ (мечту и т.п.): «1. Hacer caricias; 2. (v. tr.) Rozar o tocar suavemente algo. 3. Complacerse en pensar una cosa con la esperanza de realizarla: *Acariciaba la idea de realizar un viaje*» [ELP].

NB: Движение ʻгладить’ может быть не только проявлением нежности и любви к кому-л., но и действием, направленным на то, чтобы успокоить другое существо. См. выше, п. III.3.3.

VII.3. **Потворство**

Потакать чьим-либо желаниям, капризам и т.п. означают действия, которые способствуют (или, по крайней мере, не препятствуют) удовлетворению желаний, капризов другого человека, и тем самым, в частности, доставляют тому удовольствие или радость. Это лежит в основе переходов вида ʻпотакать, потворствовать’ — ʻдоставлять удовольствие / радость’.

Английский глагол *to gratify* (от лат. *gratificari*) имеет значения ʻдоставлять удовольствие; радовать’ и ʻпотакать, потворствовать’: «1. to give pleasure or satisfaction; 2. to give in to; indulge; humor» [CAL]; «доставлять удовольствие; радовать; потворствовать, потакать (капризам), *to gratify children's whims* — потворствовать детским капризам» [НБАРС]. Характерно, что в толковании глагола *to humor* (*humour*), который используется при описании *gratify*, эксплицитно отмечается цель действий субъекта: «Comply with the wishes of (someone) in order to keep them content, however unreasonable such wishes might be» [OD], «to do what someone wants so that they do not become annoyed or upset» [CAL]. Таким образом, на этом этапе произошло сужение идеи ʻдоставить кому-л. удовольствие’ до ее частного случая — ʻдоставить удовольствие путем потакания’.

Французский глагол *flatter* (см. об этом глаголе также выше, п. VII.1.) представляет переход ʻдоставлять удовольствиеʼ → ʻпотакать, потворствоватьʼ. Причем переход, возможно, произошел непосредственно от значения глагола ʻльститьʼ, т.к. в обоих случаях действия субъекта (если полагаться на данные словарей) продиктованы корыстными целями: «Encourager, favoriser, traiter avec une complaisance excessive (les goûts, les inclinations, les manies d'une personne) pour se l'attacher et lui plaire» [TR]. Иными словами, логическая связь между значениями ʻльститьʼ и ʻпотакатьʼ у глагола *flatter* базируется на идеях корысти и удовольствия [56].

Латинский глагол *indulgere* по версии некоторых лингвистов образован от прилагательного *dulcis* ʻприятныйʼ: «gefällig, <> f. dulcis» [SCH], «etym. dub.; cf. dulcis» [LSL]. По версии других (F.E.J. Valpy [EDLV], Alfred de Wailly [WA]), он является видоизмененной формой глагола *indurgere*. Так, Вальпи считает *indulgere* «смягченным» вариантом *indurgere*, от *in* and *urgere* ʻжать, давить, понуждатьʼ, при этом *in* имел в данном случае значение отрицания. Поэтому *indulgens* — это не тот, кто давит или строго требует, а тот, кто легко идет на уступки и прощает: «Nam qui *indulgens* est, Non *urget* aut severe exigit, sed remittit facile et condonat» [EDLV]. Независимо от того, какая из этих версий соответствует действительности, какое значение являлось исходным — удовольствия или уступки, важно то, что именно эти идеи, идеи удовольствия и уступки, лежат в основе многих значений глагола *indulgere*. См. в [GDL]: «être doux, agréable; de là être indulgent, complaisant, bienveillant, avoir de l'indulgence pour, fermer les yeux sur; se sentir du penchant pour, se laisser aller à, se livrer, s'abandonner; se permettre, ne se point refuser». Главную идею, которая, как нам представляется, лежит в основе одного блока значений латинского глагола, можно в приближенном виде сформулировать следующим образом: уступить в чем-то, чтобы доставить удовольствие себе или другому [57]. Уступка может заключаться

[56] См. о возможности формирования многозначности слова на основе идеи, объединяющей разные его значения в [9].

[57] Часто подобная уступка оценивается негативно, поскольку является проявлением слабости, неспособности противостоять своим желаниям или воле другого человека. Ср. толкование русской фраземы *позволять себе* в [5, 333]: «делать что-л., чего субъект обычно не делает, потому что считает это неправильным».

в том, например, что человек разрешает себе превысить «норму времени или денег на удовольствия» [58]: «se laisser aller avec trop d'ardeur à qqche: ~ theatris, fréquenter assidúment les théâtres (Ovid.)» [GDL]. Уступкой является потакание своим капризам и слабостям: «*indulgere sibi*, Cic. Leg. 1, 39: avoir de la complaisance pour soi-même, ne se rien refuser» [JWH]. Уступкой является потакание капризам или желаниям другого человека: «*indulgere desiderio alicujus*, déférer au désir de qn, lui accorder ce qu'il souhaite (Plin.)» [GDL]. Другой блок употреблений глагола связан только с идеей уступки, идея удовольствия отсутствует [59]. Примером такого рода значений является выражение — *indulgere irae*, «s'abandonner à sa colère (Liv.)» [GDL], ≈ 'уступить чувству гнева, позволить ему овладеть собой'. Еще один пример семантической модификации глагола — его употребление в значении 'разрешать, позволять кому-л. что-л.': «permettre, accorder, concéder, céder, donner (postér. à Auguste). ~ ornamenta consularia procuratoribus, *permettre aux procurateurs de porter les ornements consulaires* (Suet. Claud. 24)» [GDL].

Другое направление семантического изменения глагола представлено значением 'нежить, лелеять', т.е. доставлять удовольствие: «[arch.] choyer: - *indulgere aliquem*: choyer qqn. — Ter. Haut. 988; Eun. 222. — *quando animus eorum... laxari indulgerique potuisset*, Gell. præf. 1: leur esprit ayant pu trouver à se détendre et à se satisfaire» [JWH] [60]. [JWH]. Иными словами, в данном случае, по-видимому, отсутствует семантический компонент 'уступка'.

В английском глаголе *to indulge* мы видим ту же идею уступки, что и в латинском глаголе *indulgēre*, от которого он происходит. См., например, определение в [MWD]: «indulge implies excessive compliance and weakness in gratifying another's or one's own desires». Также, как и латинский, английский глагол в некоторых значениях сочетает смысл

[58] Определение Анны А. Зализняк применительно к русскому *позволять себе* [14, 251].
[59] Снятие или добавление семантических компонентов — одно из регулярных явлений в семантической модификации слова, см. [6, 131].
[60] Наш вывод основан, в частности, на том, что глагол *choyer* (≈ 'нежить, лелеять') с помощью которого толкуется латинский предикат, не содержит идеи потакания. *Choyer*: «Il se dit principalement en parlant Des personnes que l'on soigne avec tendresse, avec affection. *Il est bien choyé dans cette maison*» [EL]; «Choyer quelqu'un, Avoir pour quelqu'un de grands égards, chercher à lui plaire par toute sorte de prévenances» [AC 1935].

ʻуступка’ со смыслом ʻудовольствие’, и также, как у латинского глагола, у него есть значение, в котором сохраняется только сема ʻудовольствие’. Приведем примеры на каждый из этих случаев. I. Уступка [61]. ʻЧеловек X разрешает Y-у делать то, что тот хочет, даже если он не должен этого делать, и не делать того, что У не хочет делать, даже если он должен это делать’: «To allow (oneself or someone else) to have or do what they want, esp. habitually. *They may spoil their grandchildren by indulging them too much*» [LD], « to yield to the wishes or whims of; be lenient or permissive with: *to indulge a child*» [RHD]. В этом значении английский глагол очень похож на русское *баловать 1* (см. ниже определение Ю.Д. Апресяна), с тем однако важным отличием, что не содержит смысла ʻГоворящий считает, что действия человека X могут привести к тому, что У станет хуже’. Этим глагол *to indulge* отличается от глагола *to spoil*. См. о разнице в семантике указанных предикатов в [MWD]: оба глагола означают «to show undue favor to a person’s desires and feelings», но *to spoil*, кроме того, «stresses the injurious effects on character by indulging or pampering <*foolish parents spoil their children*>». II. Уступка и удовольствие. ʻЧеловек позволяет себе какое-то удовольствие’: «Allow oneself to enjoy the pleasure of: *we indulged in some hot fudge sundaes*. *This was the first time he saw it outside of a magazine, and sitting on it was a simple pleasure he indulged in*» [OD]. От этого значения произошел переход к значению ʻпозволять себе удовольствие в виде алкоголя’: «Allow oneself to enjoy a particular pleasure, especially that of alcohol: *I only indulge on special occasions*» [OD]. III. Удовольствие. ʻЧеловек / объект X доставляет удовольствие Y-у с помощью Z’ / объект X доставляет удовольствие Y-у’. «доставлять удовольствие, развлекать: *he indulged the company with a song* - он развлекал компанию /гостей/ пением» [НБАРС]; «*She came along for the laugh and indulged us by taking the photos. There are more, but I think you've indulged me enough for one evening*; *I love movies where the plot is just driven on dialogue, so this movie indulged me*» [OD].

[61] Это, по-видимому, исходный смысл английского предиката, см.: «from Latin indulgēre to concede, from -dulgēre» [CED]; «Early 17th century (in the sense treat with excessive kindness): from Latin *indulgere* give free rein to» [OD].

У английского глагола есть еще несколько значений, которые являются развитием идей уступки и удовольствия. В частности, например, от ʻчрезмерной уступчивости’ («excessive compliance») по ассоциации ʻчрезмерно — плохо’ произошел переход к значению ʻпредаваться бесполезным/бессмысленным чувствам, надеждам и т.п.; заниматься негативно оцениваемой деятельностью’ [62]: «Become involved in (an activity, typically one that is undesirable or disapproved of): *I don’t indulge in idle gossip. The organisations indulging in this sinister activity have had a free play as never before in the history of free India*» [OD].

VII.3. Баловство

Действие *баловать* близко по смыслу к потворству и потаканию. См. определение в [САР]: «Балую: Потакаю, потачкою порчу, удовлетворенїемъ недѣльным требованїямъ подаю поводъ къ новымъ». Русский глагол *баловать* развил значение, включающее сему ʻудовольствие’. Рассмотрим основные значения глагола.

X балует 1 Y-а = ʻЧеловек X постоянно (а) делает различные P, удовлетворяющие желания Y-а, (б) разрешает Y-у делать то, что тот хочет, даже если он не должен этого делать, и не делать того, что У не хочет делать, даже если он должен это делать; (в) говорящий считает, что P относится к классу действий, от которых У может стать хуже’. Это толкование Ю.Д. Апресяна [6, 159], в котором мы для удобства выделили компоненты буквами «а» «б» и «в».

X балует 2 Y-а $P_{твор.}$ = Ass: ʻЧеловек X предпринимает какие-то действия P, направленные на Y-а, или дает Y-у P; P доставляет Y-у удовольствие’. Prsp: P принадлежит кругу вещей или явлений, выходящих за рамки того, чем, по мнению говорящего, располагает или что выпадает на долю Y-а или других людей (P редко бывает в жизни Y-а / P принадлежит кругу вещей или явлений, которые У хочет, или которые способны вызвать удовольствие Y-а) [63]. Например: (а) *Над Королем подшучивали, что хозяйки — две*

[62] Негативная коннотация типична, но необязательна.

[63] Е.Э. Бабаева, описывая эволюцию русского прилагательного *простой*, использовала идею иерархии: ʻтакой, который не обладает выделенным свойством P другого или других объектов того же класса’ [9, 836]. В данном случае P обозначает «выделенный объект».

вдовые старухи — баловали его коврижками (Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1959)) [НКРЯ]. (б) - *Литвак-Кордовин еще с ферганских времен умел готовить плов, и случалось, баловал семью и гостей настоящим узбекским, с бараниной*. [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)). (в) *Наш друг по ссылке Алексей Астахов, инженер, в котором пропал незаурядный писатель, иногда баловал нас сочными устными новеллами из колымского быта* (Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975-1977)) [НКРЯ].

Баловать 2, как представляется, является результатом сужения значения *баловать 1* до компонента «а» и семантического перехода ʻжелание’ — ʻудовольствие’, о котором говорилось выше в п. III.1. [64]: ʻЧеловек X постоянно делает различные P, удовлетворяющие желания Y-а’ → ʻЧеловек X постоянно делает различные P, доставляющие удовольствие Y-у’ [65].

Баловаться 1 описывает действия человека, которые доставляют удовольствие ему самому: ʻЧеловек X постоянно делает различные P, доставляющие ему (X-у) удовольствие’. При этом субъектом глагола выступают «невзрослые» люди, и их действия оцениваются слабо «отрицательно»: «*X балуется* = ʻНевзрослый человек X, вследствие своей живости или недостаточной дисциплинированности, совершает различные действия P, от которых он получает удовольствие [ассерция]; говорящий считает, что P немного нарушает нормы общественного или личного поведения и поэтому оценивает поведение X-а слабо отрицательно [модальная рамка]’» [6, 153]. Есть и другие значения глагола *баловаться*, которые включают сему ʻудовольствие’, например, *баловаться водочкой, шашлычком, табаком* и т.п.

При отрицании семантическая структура глагола перестраивается — презумпция ʻP редко бывает в жизни Y-а’ переходит в ассертивную часть толкования [66]., и в конструк-

[64] Наш вывод о том, что *баловать 2* является производным от *баловать 1* основывается на том, что в Словаре церковнославянского и русского языка (1847), в Словаре Академии Российской (1789-1794) отмечается только значение, соответствующее *баловать 1*: «баловать: Портить кого-либо потворствомъ, слишком много нѣжить. *Баловать дѣтей*. Баловаться: портиться отъ потворства. *Без строгого присмотра дѣти скоро балуются*» [СЛЦСЯ].

[65] Таким образом, *баловать 2* не содержит и негативной оценки действий субъекта X, которая присутствовала в *баловать 1*.

[66] См. о подобной перестройке — переходе презумпции в ассерцию при отрицании — у интерпретационного глагола *ошибаться* в [6, 149].

циях с отрицанием *баловать 2* означает примерно следующее: *X не балует 2 Y-а* $P_{твор.}$ = Ass: ʻX не предпринимает или предпринимает редко действия P, направленные на Y-а, или не дает Y-у P. Prsp: ʻP принадлежит кругу вещей или явлений, которые У хочет, или которые способны вызвать удовольствие Y-а’. Например: (а) *Фёдор, обычно не баловавший их вниманием, на этой неделе заходил четырежды* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001)) [НКРЯ]. (б) *Паша, который на гражданке не баловал семью проявлениями чувств, в очередной мамин приезд попросил у нее прощения* (Екатерина Костикова. За Павликом (1997) // «Столица», 1997.03.04)) [НКРЯ]. (в) о*на уже давно не баловала его своим обществом, точнее говоря, с того самого дня, как состоялась ее помолвка с Босини* (Джон Голсуорси. Собственник (Н. Волжина, 1946)) [НКРЯ].

В качестве субъекта глагола *баловать* могут выступать имена пространства и времени, в этом случае толкование глагола можно представить следующим образом: *X балует 3 Y-а* $P_{твор.}$ = Ass: ʻВ пространстве X или во время X имеет место P /X имеет свойство P; P доставляет Y-у удовольствие’. Prsp: P принадлежит кругу вещей или явлений, которые У хочет или которые способны вызвать удовольствие Y-а’. Например: *Ежедневно меня выводили на десятиминутную прогулку, но весна, которая баловала необычно ранним теплом, к середине мая круто повернула вспять* (Анна Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986-1990)) [НКРЯ].

Баловать 3 послужило основой для перехода к *баловать 4*, который состоит в замене смысла ʻудовольствие от P’ на общеоценочное ʻP оценивается положительно’ [67]. *X балует 4* $P_{твор.}$ = ʻX имеет свойство P; Prsp: P оценивается положительно’. Например: (а) *Просто, но скучно: пластиковые чаши не балуют разнообразием форм* (Маленький оазис большого сада (2003) // «Ландшафтный дизайн», 2003.05.15) [НКРЯ]. (б) *Идеи слов нового первого гимна РФ тоже не балуют оригинальностью* (Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)) [НКРЯ]. (в) *Не баловали разнообразием и названия разделов, каждый из*

[67] Мы уже сталкивались с таким явлением при изучении полисемии глаголов *jouir* (франц.), *fruir* (порт.) и др., см. п. V.1.

которых обнимал законченную, но, увы, бесплодную серию опытов (Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990)) [НКРЯ].

Итак, русский глагол *баловать* представляет переход от идеи потакания (*баловать 1*) к идее удовольствия (*баловать 2* и *баловать 3*), а затем — к общеоценочному смыслу ʻнекоторое свойство оценивается положительноʼ (*баловать 4*).

VIII. Метафора

Обозначение эмоциональных состояний человека, как известно, в значительной степени базируется на телесной метафоре. При этом если одной из метафорических моделей, которая лежит в основе внутренней формы или полисемии единиц кластера ʻстрахʼ, является модель СТРАХ — ЭТО ХОЛОД, то радость, по-видимому, ассоциируется с теплом, ср., например, *радость греет душу*. Для английского языка, как представляется, действующей метафорической моделью является модель ≈ ПОЛУЧИТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ/РАДОСТЬ — ЭТО ПОЛУЧИТЬ УДАР [68]: возникновение радости или удовольствия у человека осмысляется как удар. Приведем примеры:

(1) Существительное *bang* имеет значения ʻсильный ударʼ и ʻудовольствие, наслаждениеʼ: «a sudden or hard hit or blow: The falling branch gave me a bang on the shoulder. Similar words: hit, pound, rap, slam; <> (informal) a keen pleasure or enjoyment: *I get a bang out of her sense of humor*. . Similar words: kick» [WED]. См. пример из художественной литературы: *They got a bang out of things, though—in a half-assed way, of course* (J.D. Salinger. The Catcher in the Rye (1951)). И все-таки они получали удовольствие от жизни, хоть одной ногой и стояли в могиле [НКРЯ].

(2) Аналогичная полисемия представлена в существительном kick: «1. a hit with your foot; 2. informal a feeling of excitement or pleasure: *He told the interviewer that to play Hamlet was a real kick for him*. get a kick out of/from something: *I get a real kick out of seeing*

[68] В английском языке действует и другая модель, охватывающая более широкий круг внутренних состояний, связывающая ʻполучение удараʼ и с другими состояниями, в частности, с ментальными. Так, например, глагол *to strike* ʻударять, наносить ударʼ в переносном значении означает «воздействие на эмоциональную или интеллектуальную систему человека таким образом, что в ней появляется новое переживание или информация» [АРСС, 23]. Ср.: *how does his playing strike you*? - как вам нравится его игра? [НБАРС] и *He struck me as a man who easily might make enemies* (F. Christie. ʻ13 at Dinnerʼ) [АРСС, 25].

my children do well in school; do something for kicks: *I just play the banjo for kicks – I'm not very good at it*» [MD]. Следует отметить, что существует и другая точка зрения, в соответствии с которой значение 'удовольствие' является производным от значения 'возбуждение от приема алкоголя или наркотиков: «Meaning "surge or fit of pleasure" (often as kicks) is from 1941; originally "stimulation from liquor or drugs" (1844)» [OED].

(3) Глагол *to fletch* сочетает значения 'бить, ударять' и 'доставлять удовольствие, нравиться: «3. informal [with two objects] Inflict (a blow or slap) on (someone); 4. informal, dated Cause great interest or delight in (someone): *Nadine thought his deductions were good, but she was not as fetched by them as Larry was*. *I find anything in the way of politics fetches women*. *Her song has something that fetches an audience*» [OD]; «*to praise the child fetches the parents* — если хочешь понравиться родителям — хвали ребёнка» [НБАРС]. Прилагательное *fetching* имеет значение 'привлекательный, приятный': «attractive, pleasing <*a fetching smile*>» [MWD]. Глагол *to hit* 'ударять' употребляется в значении, соответствующем русскому *поразить* (*поразить кого-л.*, *чье-л. воображение* и т.п.) Но кроме того, в конструкциях вида *to hit smb.'s taste* он используется в значении 'понравиться, доставить удовольствие': «*to hit smb.'s taste* — прийтись кому-л. по вкусу; *to hit the taste of the public* — (по)нравиться публике» [НБАРС].

IX. Заключение

Итак, мы попытались проанализировать способы номинации удовольствия и радости в нескольких языках. В качестве инструмента описания был выбран аппарат семантических переходов, отражающих изменения значения слов, регулярно воспроизводящихся в разных языках. Проведенное исследование показало, что в основе номинации удовольствия и радости в языке лежат следующие компоненты: 1. Семантические переходы, в которых задействованы компоненты прототипической ситуации удовольствия и радости — такие, как 'причина' и 'стимул', контролируемые поведенческие и речевые реакции. 2. Семантические переходы, в которых задействованы компоненты, являющиеся инцидентными следствиями ситуаций удовольствия и радости. Под инцидентными следствиями понимаются стандартные ассоциации, которые в сознании данного языкового

коллектива связывают данную ситуацию с некоторой другой. 3. Семантические переходы внутри семантического поля удовольствия и радости. 4. Семантические переходы, в которых смысл ʻудовольствие от Pʼ трансформируется в общеоценочное суждение ʻP оценивается положительноʼ. 5. Семантические переходы, в которых общеоценочное суждение ʻP оценивается положительноʼ трансформируется в смысл ʻудовольствие от Pʼ. 6. Семантические переходы, в которых участвуют предикаты, описывающие действия, одной из мотивировок которых является доставление удовольствия или радости.

Примечания

Примечание 1. Разграничивая радость и удовольствие, А.Б. Пеньковский, тем не менее, отмечает, что «целостное семантическое поле ʻудовольствие — радостьʼ членилось именами *удовольствие* и *радость* (и некоторыми другими) иначе, чем в современном языке. Первое в этот период (конец XVIII сер. XIX в. — ЕИ) имело более широкое, чем сегодня, диффузно-размытое значение и, покрывая часть семантического комплекса *радость*, функционировало в качестве дублета последнего <> Наследием и свидетельством указанного этапа семантической истории имени у*довольствие* в русском языке являются живые отношения дублетности в парах *к моему* (*твоему*, *нашему*, *общему*, *всех присутствующих удовольствию — к моей* (*твоей*, *нашей*, *общей*, *всех присутствующих*) *радости*, а также случаи дублетного употребления наречных сочетаний *с удовольствием — с радостью* в некоторых контекстах» [27, 62].

Примечание 2. Немецкое существительное *Vergnügen* имеет диффузное значение, покрывающее семантическое поле ʻудовольствие — радостьʼ: «1. inneres Wohlbehagen, das jemandem ein Tun, eine Beschäftigung, ein Anblick verschafft; Freude, Lust; *vor Vergnügen lachen, schreien, in die Höhe springen*» [Duden]. Подавляющее количество примеров с этим существительным относится к чувству удовольствия, например: (а) *Мы много вместе читали это время, но музыка была нашим любимейшим и лучшим наслаждением, всякий раз вызывая новые струны в наших сердцах и как будто снова открывая нам друг друга* (Л.Н. Толстой. Семейное счастие (1859)). Wir haben in dieser Zeit viel zusammen gelesen, aber unser bestes, liebstes Vergnügen blieb die Musik, weil sie immer wiederneue Saiten in uns

erklingen ließ und sie uns gegenseitig offenbarte [НКРЯ]. (б) *Er riss die Augen auf und stöhnte vor Vergnügen* (Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985)). Он открыл глаза и застонал от удовольствия [НКРЯ]. Но есть и примеры, где этим словом обозначается радость: (в) *“Dann mag er laufen und Sie will ich nie mehr sehen”, sagte K. wütend vor Enttäuschung und gab dem Studenten einen Stoss inden Rücken, dass er kurz stolperte, um gleich darauf, vor Vergnügen darüber, dass er nicht gefallen war, mit seiner Last destohöher zu springen* (Franz Kafka. Der Prozess (1914)). Ну и пусть убирается, я вас я тоже видеть не желаю,—сказал К. и, разочарованный, злой, изо всех сил толкнул студента в спину; тот споткнулся, но, обрадовавшись, что удержался на ногах, еще выше подскочил на месте со своей ношей [НКРЯ].

Примечание 3. Исходным значением французского глагола *flatter* было ʻгладитьʼ: «1. Caresser par quelque attouchement (sens étymologique et primitif). *Flatter un enfant*. *Flatter un cheval avec la main* » [EL]. Возможно, значение ʻдоставлять сенсорное удовольствиеʼ явилось результатом перехода именно от значения ʻгладитьʼ, см. в этой связи комментарии в словаре [EL]: «Etym: Bourguign. flaittai; provenç aflatar ; d’après Diez, du germanique : scandinave, flat, plat, uni ; anc. h. allem. flaz ; de sorte que flatter serait proprement rendre uni, comme quand on passe la main. Ainsi la série des sens est: caresser avec la main, adoucir, charmer, délecter, aduler».

Английский глагол *to flatter* является заимствованием из старофранцузского и первым значением английского глагола тоже было значение ʻгладитьʼ: «Flatter (v), early 13c., from O.Fr. flater “to flatter” (13c.), originally “stroke with the hand, caress,” from Frankish *flat “palm, flat of the hand”» [OED]. При этом, как указывается в словаре Webster [WRU 1844], если предположение о происхождении *to flatter* от франкского **flat* верно, то глагол *to flatter* означал ≈ ʻгладить, успокаиваяʼ: «Flatter may be from the root of flat, that is, to make smooth, to appease, to soothe». Семантический переход ʻпокойʼ — ʻудовольствиеʼ зафиксирован в разных языках (см. п. III.3.), поэтому гипотеза о значении ʻдоставлять удовольствиеʼ у французского *flatter* и английского *to flatter* как результате семантического перехода от значения ʻгладитьʼ в принципе допустима. К сожалению, словарная ин-

формация о появлении в языке того или иного значения у указанных глаголов очень противоречива, что не позволяет делать каких-либо определенных выводов.

Список сокращений

АРСС — Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др.; Под рук. А.И. Розенмана, Ю.Д.Апресяна. М.: Рус.яз. 1979.

Бабенко — Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. 2-е изд., стер. М., АСТ-Пресс Книга, 2009.

БИРСЛА — Большой испанско-русский словарь. Латинская Америка / Волкова А. С., Михеева Н.Ф., Кузнецов В.В. и др. Под ред. Н. М. Фирсовой. М.: ИнфраМ, 2011.

БТП — Большой толковый психологический словарь в 2–х т. /Ребер Артур /Пер. с англ. М.: Вече: АСТ, 2000 // http://vocabulary.ru.

ГрГр — Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка (на материале современной художественной литературы и прессы). М.: Русский язык, 1988.

ГТ — Французско-русский словарь активного типа /В.Г. Гак, Ж. Триомф, Г.Г. Соколова и др.: Под ред. Г.В. Гака и Ж. Триомфа. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1998.

Даль — Даль В.И. Словарь живого великорусского словаря. В 4-х тт.М., Издательская группа «Прогресс» — «Универс», 1994.

Ефремова — Ефремова Т.Ф. «Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006.

ИРСС — Садиков А.В., Нарумов БП. Испанско-русский словарь современного употребления / Diccionario Español-Ruso de Uso Moderno. М., 2000.

ИСРС — Испанско-русский словарь / Н.В. Загорская, Н.Н. Курчаткина, Б.П. Нарумов и др. Под ред. Б.П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988.

ЛРС — Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, перерработ. и доп. М.: Русский язык, 1976.

НБАРС — Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М., Русский язык, 1993-1994.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // http://www.ruscorpora.ru.

ОЖ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // http:// www.classes.ru.

ПЭ — Психологическая энциклопедия. Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2–е изд. СПб.: Питер, 2006 // http://readbookonline.ru/read.

РК — Кортней Р. Словарь глагольных идиом. М.: Рус. яз., 1986.

САР — Словарь Академии Российской Санктпетербург. В 6 частях. СПб, 1789-1794 // http://etymolog.ruslang.ru.

Словарь-тезаурус — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева [и др.]; под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.

СЛЦСЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академией наук. В 4–х т. СПб., 1847 // http://etymolog.ruslang.ru.

СР — Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И. И. Срезневского. В (?3-х тт. Санкт-Петербург, 1893 // http://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskij.

СРНГ— Словарь русских народных говоров. Вып. 25. /под ред. Ф.П. Сороколетова. Ленинград, Наука, 1990 // http://www.iling.spb.ru/vocabula/srng/srng_25.pdf.

СРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. /Гл. редактор Д.Н. Шмелев. Вып. 14. М., Наука, 1988 // http://etymolog.ruslang.ru.

СУМ — Словник української мови. В 11 т. Т. 4. 1973. Київ, : Наукова думка, 1970–1980 // http://sum.in.ua.

УШ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940 // .http://www.classes.ru.

ФРФС — Французско-русский фразеологический словарь под ред. Я.И. Рецкера. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963.

ФЭ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т./ Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986-1987.

ЭССЯ 6 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 6. М.: Наука, 1979 // http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja06.

ЭССЯ 8 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 8. М.: Наука, 1981 // http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja08.

ЭССЯ 10 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // под ред О.Н. Трубачева. Вып. 10. М.: Наука, 1983 // http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja10.

ЭССЯ 32 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // под ред О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева. Вып. 32. М.: Наука, 2005 // http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja32.

ЭССЯ 33 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // под ред. А.Ф. Журавлева. Вып. 33. М.: Наука, 2007 // http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja33.

AC 1835 — Dictionnaire de l'Académie française. La 6e édition (1835) // http://french_ academie. fracademic.com.

AC 1935 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932-1935) // http://french_ academie. fracademic.com.

AC 1964 —— Dictionnaire de l'Académie française (1964) // http://french_academie. fracademic.com.

AHD — American Heritage Dictionary of the English Language // http://education.yahoo. com /reference /dictionary. сейчас: // https://www.ahdictionary.com.

AHDIE — American Heritage Dictionary of Indo-European Roots // https://www.ahdictionary.com/word/indoeurop.html.

BSE — Brückner Aleksander (1856-1939). Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927 / /https://polona.pl.

BW — Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. P.: Presses Universitaires de France. 5 ème édition, 1968.

CED — Collins English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers // http: //www.collinsdictionary.com.

CNRTL — Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales: // http://www. cnrtl.fr /concordance.

DA — Dicionário Aurélio (Dicionário da Língua Portuguesa, de Aurélio Buarque de Holanda Ferreira). Brasil. 2010 // http://dicionariodoaurelio.com.

DB — DATABASE of semantic shifts in the languages of the world. © DatSemShifts, 2012-2013// http://semshifts.iling-ran.ru.

DCA — Dicionário Contemporâneo da Língua Portuguesa, de Caldas Aulete (Dicionário Caldas Aulete) // http://www.aulete.com.

DCD — Diccionario Clave: Diccionario de uso del español actual (con sinónimos y antónimos) 9th Edition. © Ediciones SM, 2012 // http://clave.smdiccionarios.com.

DFC — Dictionnaire du français contemporain illustré / Sous la direction de J. Dubois. P.: Librairie Larousse, 1987.

DLFG — Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. P., 1934. On-line: // http://www.lexilogos.com.

DLFN — Noël F. Dictionarium Latino-Gallicum / Dictionnaire latin-français. Septième Edition, revue et corrigée par l'auteur. P., 1822 // https://books.google.fr.

DRAE — Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 // http://lema.rae.es/drae.

Duden — Wörterbuchzugang Duden online // http://www.duden.de/woerterbuch.

DWDS — Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts / /https://www.dwds.de.

EDL — R. Estienne. Dictionarium latinogallicum. P., 1522 // http://ru.scribd.com.

EDLV — An Etymological Dictionary of the Latin Language by F.E.J. Valpy. L., 1828 // http://www.lexilogos.com.

EL — Littré E. Dictionnaire de la langue française (1872-77) // http://artflx. uchicago.edu.

ELM — EL MUNDO. © Unidad Editorial Información General S.L.U. // http://www. elmundo.es/diccionarios.

ELP — El País. © EDICIONES EL PAÍS S.L. // http://servicios.elpais.com/ diccionarios/castellano.

GCD — Gutiérres Cuadrado, J. (dir.). (1996). Diccionario Salamanca de la Lengua Española. Madrid: Santillana, 1996 — Universidad de Salamanca // http://sal_es.esacademic.com.

GDH — Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Copyright © Hoepli 2011// http://dizionari.repubblica.it.

GDL — Grand dictionnaire de la langue latine par Napoléon Theil, d'après le dictionnaire de William Freund (1929). Traduit en Francais. Paris, Librairie de Firmin-Didot // http://www.lexilogos.com/latin_dictionnaire.

HB — Handbuch der lateinischen Etymologie. Ludwig Döderlein (Leipzig, 1841).

HDS — Héritage du sanscrit: Dictionnaire sanskrit-français par Gérard Huet. 1994-2006. // http://sanskrit.inria.fr.

HSS — Historický slovník slovenského jazyka. R-rab — Š-švrkotať. Red. M. Majtán et al. 1. vyd. Bratislava: Veda 2000.

ID – Infoplease Dictionary // http://www. infoplease.com/dictionary.

JWH — Jeanneau G., Woitrain J.-P., Hassid J.-C. Dictionnaire Latin-Français // http://www.prima-elementa.fr.

LSL — Lewis & Short. A Latin Dictionary (1879) // http://short_latin_la_en. enacademic.com.

LSR — Lexin svensk-ryskt lexikon. Stockholm: Statens skolverk 2002 // http: // translate. academic. ru.

MD — Macmillan Dictionary // http://www.macmillandictionary.com.

MWD — Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition // http://www.m.-w.com.

NDL — Nouveau dictionnaire latin-français par Edouard de Suckau. P., 1865 // https://books.google.fr/books.

OD — Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2016 // https://en.oxforddictionaries.com.

OED — Duglas Harper. Online Etymology Dictionary 2011-2015 [Electronic resource] / Duglas Harper. — Access mode: // http: //www.etymonline.com.

OLD — Olivetti E., Olivetti F. Grand Dictionnaire Olivetti Latin — Français // http://www.grand-dictionnaire-latin.com.

OUD — The Oxford Universal Dictionary on Historical Principles by W. Little, H.W. Fowler, J. Coulson, C.T. Onions. Oxford At The Clarendon Press, 1955.

PE — Dicionário Editora da Língua Portuguesa. Acordo Ortográfico. © 2003-2017 Porto Editora // https://www.infopedia.pt.

PONS — PONS Online-Wörterbuch // http://de.pons.com/übersetzung.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. P.: Dictionnaire LE ROBERT, 1970.

PRB — Dicionário Priberam da Língua Portuguesa [em linha], 2008-2013 //http://www.priberam.pt.

RC — Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. P.: Dictionnaires LE ROBERT, 2003.

RHD — Random House Unabridged Dictionary, Copyright © 1997, by Random House, Inc // http://dictionary.infoplease.com.

SCD — Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiana. Milano, 2007 // http://dizionari.corriere.it.

SCT — Il Treccani, Dizionario dei Sinonimi e Contrari. Istituto dell'Enciclopedia Italiana // http://www.treccani.it/vocabolario.

SJP — Słownik języka polskiego, red. W. Doroszewski, Warszawa 1958-1969. t. I–XI // http://sjp.pwn.pl/doroszewski.

SSJ — Slovník slovenského jazykaz. Red. Š. Peciar. Bratislava: Vydavateľstvo SAV. 1959 – 1968 // http://slovniky.juls.savba.sk.

SSK — Slovar slovenskega knjižnega jezika. Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. Ljubljana: Založba ZRC, 2000 // http://www.fran.si.

TR — Le Trésor de la langue française informatisé // http://atilf.atilf.fr.

VT — Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana. 2013// http://www. treccani.it/ vocabolario.

VUI — Vocabolario universale italiano [diretto da Raffaele Liberatore. V. IV. Napoli: Dai Torchi Del Tramater, 1838.

WA — Wailly Alfred de. Nouveau dictionnaire latin-français. Paris, 1861 // http:// gallica.bnf.fr/ark.

WED — The Wordsmyth English Dictionary-Thesaurus // http://www.wordsmyth.net.

WNW — Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition // http://websters. yourdictionary.com.

WRU 1828— Webster's Revised Unabridged Dictionary (1828) // http:// 1828. mshaffer.com.

WRU 1844 — Webster's Revised Unabridged Dictionary (1844) // http://1828. mshaffer.com.

WRU 1913 — Webster's Revised Unabridged Dictionary (1913) // http://1828. mshaffer.com.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974.

2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

3. Апресян Ю.Д. Радоваться, ликовать, торжествовать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1997.

4. Апресян Ю.Д. Любить 2, Обожать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. Авторы: Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, Т.В. Крылова и др. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2000.

5. Апресян Ю.Д. Разрешать 1, позволять 1, дозволять 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. Авторы: Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, О.Ю. Богуславская и др. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2003.

6. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева и др.. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006.

7. Апресян Ю.Д., Гловинская М.Я. Советовать, рекомендовать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1997.

8. Арутюнова Н.Д. Типы языковых знчений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

9. Бабаева Е.Э. Современная лексикография о структуре многозначности прилагательного простой // Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева и др.. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006.

10. Богуславская О.Ю. Готовый 2.1, согласный 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. Авторы: Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, Т.В. Крылова и др. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2000.

11. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

12. Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010 // http://etymolog.ruslang. ru/vinogradov.

13. Григорьева С.И. НЕЖНЫЙ 1, ЛАСКОВЫЙ 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1997.

14. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

15. Зализняк А. А. *Счастье* и *наслаждение* в русской языковой картине мира // Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.

16. Зализняк Анна А. Шмелев А.Д. *Льстить*: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.

17. Изард К. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб.: Питер, 1999. 464 с.1999 //http://www.libok.net/writer/3949/kniga/11496/ izard_kerrol_e /psihologiya _emotsiy.

18. Иоанесян Е.Р. Об одном виде концептуальных метафор во французском языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 4, 2012.

19. Иоанесян Е.Р. Метафоризация концепта «физическое насилие» во французском языке // Вопросы филологии, № 1 (43) 2013.

20. Иоанесян Е.Р. Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 7, 2015

21. Иоанесян Е.Р. Семантические переходы в лексическом поле страха // Научный диалог, № 12 (48), 2015.

22. Иоанесян Е.Р. Предикаты эмоционального состояния: прототипический сценарий и семантическая эволюция // Ученые записки Орловского государственного университета. № 3 (72), 2016.

23. Иоанесян Е.Р. Предикат: семантическая деривация и трансформации при переводе // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 8, 2016.

24. Иоанесян Е.Р. Модели семантической деривации в классе предикатов сожаления и раскаяния // Научный диалог, № 3, 2017.

25. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.

26. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

27. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М., 2004.

28. Шмелев А.Д. Язык любви // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М., 2012.

29. Black M. Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy. Ithaca – London: Cornell University Press, 1962.

Е.В. Люкина (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)

E.V. Lyukina (National Research University Higher School of Economics)

Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентами цветообозначения в немецком и английском языках

The comparative analysis of phraseological units with color naming components in the German and English languages

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц с компонентами цветообозначения в немецком и английском языках. Данное исследование показывает, в каких случаях имеются полные совпадения языковой формы и в каких выявляются различия в активности тех или иных компонентов цветообозначения, характера образности, наполнения моделей, с объяснением причин несовпадения и их толкованием.

Проведенный анализ исследуемых фразеологизмов позволяет сопоставить и определить общую характеристику цветообозначений, их номинативный потенциал, а также национально-культурную, символическую значимость цветообозначений в языковом сознании носителей двух культур.

The paper deals with the comparative analysis of color idioms (phraseological units whose constituents denote color) in German and English languages. The research demonstrates the prerequisites for the cases of complete match in both langauges, as well as for distinctions regarding frequency of constituents, the nature of figurativeness, and metaphoric models, explaining the reasons of discrepancy and opportunities of their interpretation.

The analysis of the studied phraseological units enables comparison and definition of general characteristics of color naming, its nominative potential, as well as the national and cul-

tural, symbolical importance of a color naming in language consciousness of carriers of two cultures.

Ключевые слова

Сопоставительный анализ, фразеологизм, концептуализация, экстралингвистический фактор, интралингвистический фактор

Comparative analysis, phraseological unit, conceptualization, extralinguistic factor, intralinguistic factor

Целью сопоставительного анализа исследуемых единиц является выявление общего (универсального) и специфического (национального), закономерно присутствующего даже в близкородственных языках, в данном случае в языках германской группы. С учетом когнитивно-номинативной ориентации анализа особый интерес представляют результаты процессов концептуализации, получивших в исследуемых языках соответствующее языковое выражение. Актуальным для проводимого сопоставления близкородственных языковых явлений служит и ономасиологический анализ — изучение того, как в немецком и английском языках обозначаются эмоциональные состояния, внешние, поведенческие характеристики индивида и т.п.

В первой части работы рассмотрим фразеологизмы, аналогично представленные в немецком и английском языках.

Известно, что близкое родство рассматриваемых языков влечет значительные совпадения даже в том слое языка, который в наибольшей степени обладает культурно-национальным своеобразием. Поэтому в данной части работы мы остановимся на общих, универсальных явлениях при концептуализации ментальных сущностей через цветовой спектр. В исследовании охватывается только основная система цветообозначений как универсальный инвентарь в немецком и английском языках. В нее входят: нем. *weiß* — англ. *white*, нем. *schwarz* — англ. *black*, нем. *grau* — англ. *grey*, нем. *grün* — англ. *green*, нем. *gelb* — англ. *yellow*, нем. *blau* — англ. *blue*, нем. *rot* — англ. *red*. Всего было рассмотрено 362 немецкие и 402 английские фразеологические единицы (ФЕ).

Универсальным, как показывает материал, является использование цветовых ассоциаций для концептуализации **внутреннего состояния индивида**:

- отражение психического, эмоционального состояния:

— злости, гнева, ярости, бешенства, раздражения используются ФЕ с цветокомпонентами: нем. *schwarz* — англ. *black*, нем. *grau* — англ. *grey*, нем. *blau* — англ. *blue*, нем. *rot* — англ. *red*, нем. *schwarz*/*grau*/*blau*/*rot werden vor Ärger* — англ. *black/grey/red with anger* ‘сильно разозлиться’. Представленные единицы обоих языков показывают, что от злости, гнева можно ‘почернеть’, ‘посереть’, ‘посинеть’, ‘покраснеть’;

— зависти: нем. *grün* — англ. green, нем. *grün vor Neid werden* ‘позеленеть’ (от зависти), англ. *green with envy* ‘снедаемый завистью’, ‘позеленевший от зависти’;

— ужаса, страха, беспокойства: нем. *weiß* — англ. *white*, нем. *grau* — англ. *grey*, нем. *weiß wie Kreide* ‘бледный от страха’ — англ. (*as*) *white as s chalk* ‘бледный как полотно’, ‘смертельно бледный’, нем. *graue Haare wegen einer Sache bekommen* разг. ‘состариться раньше времени из-за чего-л.’ — англ. *get gray hair over smth.* разг. ‘беспокоиться’, ‘тревожиться о чем-л.’, ‘поседеть’;

— стыда, смущения: нем. *rot* — англ. red, нем. *rot anlaufen* — англ. *turn red in the face* ‘покраснеть’;

— подавленности, пессимизма, отчаяния: нем. *schwarz* — англ. *black*, нем. *grau* — англ. grey: нем. *schwarzen Gedanken nachhängen* ‘предаваться мрачным мыслям’ — англ. *black mood*, нем. *graue Stimmung* ‘мрачное настроение’ — *to go a grey gate* диал. ‘быть в мрачном, подавленном состоянии’;

- обозначение неприятного болезненного состояния: нем. *grün*, *gelb* — англ. *green*, *yellow*, нем. *jmdm. wird es grün und gelb vor Augen* разг. ‘кому-л. становится тошно’, ‘кого-л. мутит, тошнит’ — англ. *be green and yellow about the* gills разг. ‘иметь нездоровый, бледный вид’, ‘выглядеть больным’, ‘плохо выглядеть’;

- обозначение бодрого, здорового состояния: нем. *grün* — англ. *green*, нем. — англ. *red*, нем. *grün sein* — англ. *to remain green* ‘быть бодрым, полным сил’, нем. *rot wie eine Rose* — англ. (*as*) *red as rose* ‘румяный’, ‘с румянцем во всю щеку’;

- обозначение состояния опьянения: нем. *blau* — англ. *blue*, нем. *rot* — англ. *red*, нем. *blau sein wie ein Veilchen* разг. ‘пьяный в стельку’ — англ. *drink till all’s blue* ‘допиться до белой горячки’, нем. *eine rote Nase bekommen* ‘сильно напиться’ — англ. *admiral of the red* мор. жарг. ‘пьяница с красным носом’.

Соответствия в данной сфере обусловлены не только наличием общего компонентного состава основного значения прилагательных-цветообозначений, который определяет общие тенденции семантических преобразований в различных языках [5], но и экстралингвистическим фактором — схожестью протекания физиологических процессов. Результатом отражения или внешнего проявления эмоций является изменение цвета кожи, лица и пр [2].

Эти явления наблюдаются и в обозначении возрастной характеристики, для которой используются нем. *grün* — англ. *green*, нем. *grau* — англ. *grey*, нем. *ein grüner Junge* разг. ‘зеленый (или желторотый, безусый) юнец’, *grüne Jugend* — англ. *a green boy*, *a green yourth*, нем. *alt und grau werden* ‘постареть и поседеть’ — англ. *gray* (или *grey*) *hairs* ‘старость’; в обозначении физического воздействия: нем. *blau*— англ. *blue*, нем. *mit einem blauen Auge davonkommen* — англ. *blue eye*.

Сочетание экстра- и интралингвистических факторов проявляется в характеристике преступной деятельности человека: нем. *rote Hände* — англ. *red hands* ‘окровавленный, запятнанный кровью’. Эти совпадения объясняются регулярным по направлению и результату типом переосмысления — метонимией.

Общие тенденции семантических преобразований цветокомпонентов и регулярность метонимии встречаются в ряде других ФЕ, характеризующих человека: нем. *ein schwarzes Herz* — англ. *black heart*, нем. *schwarze Seele* — англ. *black soul* ‘черная душа’, нем. *grüner Verstand* — англ. *green mind* ’неопытный человек’, ‘неразвитый интеллект’, ‘новичок’ и др. Данный вид переосмысления, метафоро-метонимический, является характерным для обоих языков. В создании метонимической модели в данном случае участвуют высокочастотные компонеты — соматизмы, составляющие мыслительной, психической деятельности человека.

Сходные ФЕ выступают в сфере межличностных отношений как с положительной, так и с отрицательной оценкой. Положительная оценочность в обоих языках содержится в семантике цветообозначений: 1) нем. *weiß* — англ. *white*, нем. *rot* — англ. *red*, которая выражается в эквивалентных образованиях: нем. *jmdn. weiß brennen/waschen/machen* ‘обелить’, ‘избавить от подозрений кого-л.’ — англ. *to make smb. white* ‘пытаться оправдать кого-л.’, ‘доказать чью-л. невиновность’, нем. *auf einen roten Teppich treten* 1. ‘быть встреченным с почестями’; 2. ‘получить власть’ — англ. *roll out the red carpet for smb.* ‘принять, встретить кого-л. с почестями, с помпой’; 2) нем. *grün* — англ. *green*, нем. *sich an jmds. grüne Seite setzen* разг. ‘присесть рядышком с кем-л.’, ‘подсесть к кому-л.’, англ. *a hedge between keeps friendship green* ‘препятствие укрепляет настоящую дружбу’.

Отрицательная оценочность в сфере межличностных отношений свойственна нем. *schwarz* и англ. *black*, как проявление отрицательных характеристик: нем. *jmdn. schwarz machen* ‘опорочить’, ‘дискредитировать кого-л.’ — англ. *to paint smb. black* ‘стараться очернить кого-л.’, ‘изображать кого-л. в дурном свете’.

Наличие совпадающих фразеологических моделей (обозначение субъекта по цвету одежды, по частям тела: нем. *ein schwarzes Herz* — англ. *black heart*; цвет лица при определенной эмоции: нем. *grau vor Ärger*, *Zorn* — англ. *gray with anger*; обозначение состояния на основе сравнения с каким-л. объектом: нем. *rot wie eine Rose* — англ. *red as a rose*; обозначение межличностных отношений через физическое воздействие на кого-л.: нем. *jmdn weiß waschen/machen*, англ. *to make smb. white*, нем. *jmdn. schwarz machen* — англ. *to paint smb. black* и т.д.) свидетельствует об одинаковых когнитивных процессах в мозгу человека.

Единые формы отражения объективной действительности в сознании привели также к созданию других совпадающих фразеологизмов в двух языках. К примеруб в сочетаниях, обозначающих: а) нелегальность, незаконность деятельности — нем. *der schwarze Markt*, англ. *black market* ‘черный рынок’; б) время — нем. *ein schwarzer Tag*,

англ. *black day* ‘несчастливый, неудачный день’, нем. *ein weißer Tag*, англ. *white day* ‘счастливый день’.

В традиционном восприятии серый цвет — символ мрачности, грусти, однообразия, что отражается в семантике ФЕ, указывающих на бесперспективность планов: нем. *graue Zukunft* ‘бесперспективное будущее’, англ. *gray prospects, gray prospects of success* ‘слабые надежды на успех’. Этот цвет ассоциируется с пасмурной, дождливой погодой. Однако для индейцев, живущих в засушливых районах Северной Америки, — это также цвет радости [7, 19].

Положительные коннотации нем. *schwarz*, англ. *black* в обоих языковых ареалах — нем. *in die schwarzen Zahlen kommen* ‘начать получать прибыль’, англ. *be in the black* ‘приносить доход’ — интересны в том отношении, что здесь наблюдается двойная метонимизация: *schwarz* и *black* как обозначение печатных знаков по их черному цвету, и цифры как обозначение суммы дохода (антонимические им выражения нем. *in den roten Zahlen sein,* англ. *be in the red*).

Метонимизация и метафоризация имеют своим результатом нем. *schwarze Diamanten*, англ. *black diamonds* ‘(каменный) уголь’ (букв. ‘черные алмазы’). Их эквивалентность обусловлена важностью данного ископаемого, сравнимой с ценностью алмазов для экономик этих стран.

Единые формы отражения объективной действительности в сознании и в языке находим среди символических образов: нем. *Teufel – schwarz*, англ. *devil – black,* нем. *der rote Hahn*, англ. *red cock*, нем. *rotes Tuch*, англ. *red rag*, нем. *roter Teppich*, англ. *the red carpet*, нем. *die gelbe Flagge*, англ. *yellow fla*g и др.

Эквивалентность ФЕ нем. *jmdm. grünes Licht geben*, англ. *give smb. a green light* ‘дать зеленую улицу’, ‘открыть путь’, ‘предоставить свободу действий кому-л. (или чему-л.)’, а также противоположных по значению нем. *rotes Licht, англ. red light* ‘лишение свободы действий’ обусловлена общими правилами действия светофоров, представляющими в этих выражениях функционально-смысловое тождество.

Совпадение исследуемых единиц наблюдается в обозначении природных явлений, что объясняется сходными условиями жизни, отдельными климатическими совпадениями: нем. *grüne Weihnachten*, англ. *green Christmas* ‘Рождество без снега’.

Близость ареального характера — принадлежность к одной западноевропейской культуре, языковые контакты благодаря географической близости — может повлечь совпадения в социально-историческом, культурном развитии и проявиться в государственном строе, армии, религии, суевериях, обычаях и т.п. [4, 45] и далее отразиться в языковом выражении. Это явление подтверждают следующие примеры, аналогично представленные в обоих языках:

- обозначение людей, служащих во флоте, форменная одежда которых выражается цветообозначением: нем. *blau* — англ. *blue*; нем. *blaue Jungs* — англ. *a blue coat*;
- обозначение членов религиозных общин, цвет одежды которых обозначается следующим образом: нем. *weiß* — англ. *white*, нем. *schwarz* — англ. *black*, нем. *grau* — англ. *grey*; нем. *der weiße Mönch* — англ. *white monk*, нем. *der Schwarzrock*, *Schwarzkittel* — англ. *to wear the black cloth*, нем. *ein grauer Mönch* — англ. *a gray monk*.

Ппринадлежность их к одной религии — христианству — определяет сходство религиозных традиций, верований, одежды церковнослужителей.

Повышенная структурно-семантическая эквивалентность, как известно, встречается во фразеологических интернационализмах, которые представляют собой кальки из Библии или других источников [4, 36]. Примерами могут служить:

- библейский образ черной овцы: нем. *das schwarze Schaf*, англ. *a black sheep* ‘паршивая овца’, ‘позор семьи’, ‘негодяй’;
- кальки из немецкого или английского языков: заимствованная немецким языком цельнооформленная единица *ein Blaustrumpf* из английского *a blue stocking* ‘синий чулок’, которая имеется в англо- и франкоязычном языковых ареалах; символ романтизма — нем. *blaue Blume* и вошедший в английский – *blue flower* ‘голубой цветок’; англ. *a bolt from* (или *out of*) *the blue* ‘гром среди ясного неба’ происходит от немецкого *ein Blitz aus heiterem Himmel*;

- кальки из третьего языка:

— из французского языка: нем. *graue Eminenz* — англ. *grey eminence* ‘закулисный правитель’, ‘серый кардинал’ (фр. *éminence grise*); нем. *bei Nacht sind alle Katzen grau* — англ. *all cats are grey in the dark* (или *in the night*) ‘ночью все кошки серы’ (фр. *la nuit tous les chats sont gris*); нем. *die schwarze Magie* — англ. *black magic* ‘черная магия’ (фр. *magie noire*); нем. *die weiße Magie* — англ. *white magic* ‘белая магия’ (фр. *magie blanche*);

— из испанского языка*:* нем. *blaues Blut*, англ. *blue blood* ирон. ‘голубая кровь’ (исп. *sangre azul*);

— из итальянского: англ. *black shirt*, нем. *das Schwarzhemd* ‘чернорубашечник, фашист’ (ит. *camicia nera*).

Таким образом, общее в языковых картинах мира немцев и англичан, выраженное семантическими сходствами фразеологизмов с компонентами цветообозначения, обусловлено интра- и экстралингвистическими факторами: наличием общего компонентного состава прилагательных-цветообозначений, универсальной техникой фразообразования — метонимией и метафорой, принадлежностью к одной западноевропейской культуре, языковыми контактами благодаря географической близости, сходными условиями жизни, отдельными совпадениями в климате, одинаковыми объектами, явлениями действительности, знаками и символами, проникновением интернационализмов.

Вторая часть статьи посвящена фразеологизмам, своеобразно представленным в корпусе немецкого и английского языков.

Несмотря на значительные совпадения цветового восприятия, отраженного в языках, имеется целый ряд отличий. Одним из показателей своеобразия исследуемого фрагмента фразеологии в двух близкородственных языках является **различие во фразообразовательной активности** отдельных цветообозначений. Этот факт наглядно отражают количественные данные: нем. *grün* — 24%, *schwarz* — 21%, *blau* — 18%, *rot* — 14%, *weiß* — 10%, *grau* — 8%, *gelb* — 5%, англ. *black* — 26%, *blue* — 19%, *green* —18%, *white* — 16%, *red* — 12%, *grey* — 6%, *yellow* — 3%, из которых видно, в немецком языке лидируют *grün*, а в английском — *black*.

Указанная особенность наблюдается в выражении эмоционального состояния злости, гнева, ярости, также физического воздействия. В этих случаях в немецком языке используется прилагательное *grün*: — *grün sein vor Ärger* разг. ‘позеленеть от злости’, *jmdn. gelb und grün* schlagen разг. фам. ‘выдрать’, ‘отодрать’, ‘отдубасить’, ‘отколошматить кого-л.’, ‘накостылять’, ‘обломать бока кому-л.’. Англ. *green* в подобных ФЕ не участвует. В ФЕ, обозначающих физическое воздействие, используется прилагательное black: *black(en) smb.’s eye* разг. ‘подбить кому-л. глаз’, ‘поставить кому-л. фонарь’. Нем. *grün*, в отличие от англ. *green*, выступает в ФЕ, обозначающих как положительно, так и негативно оцениваемые отношения и только положительная. Например, негативную оценку получает единица *sich bei jmdm. grün machen* ‘выслуживаться перед кем-л.’, ‘пытаться завоевать благосклонность, расположение кого-л.’, которая указывает на лицемерные отношения. Позитивные ассоциации с *grün* проявляются в нем. *sich an jmds. grüne Seite setzen* разг. ‘присесть рядышком с кем-л., подсесть к кому-л.’. Языковому сознанию англичан отрицательные коннотации в данной сфере несвойственны: *a hedge between keeps friendship green* ‘препятствие укрепляет настоящую дружбу’.

Другим примером расхождения фразообразовательной активности могут служить нем. *weiß* и англ. *white*. В данном случае активность англ. *white* обусловлена экстралингвистическим фактором — наличием большого количества колоний у Великобритании в прошлом и заимствованиями из американского варианта, т.е. проявление расовой дискриминации населения: англ. *poor white* ‘белый нищий’, *a white man* ‘порядочный, честный, благовоспитанный человек’, ‘прекрасный человек’, *a white soul* ‘чистая душа’, ‘честный человек’, *be free, white and* (*over*) *twenty* разг. ‘быть независимым, самостоятельным человеком’, ‘быть хозяином своей судьбы’, *a white slave* ‘белая рабыня’, ‘девушка, которую вынудили заниматься проституцией’.

Незначительные расхождения во фразообразовательной активности показывают цветообозначения нем. *blau*, англ. *blue*. Английское *blue* может ассоциироваться с эмоциональным состоянием страха, паники, подавленности, пессимизма: *blue fear* (или *funk*) жарг. ‘паническое состояние’, ‘паника’; ‘сильный испуг’, ‘жуткий’; *be in the blues* (тж. *get*

или *have the blues, have a fit of the blues*) ‘хандрить’, ‘находиться в унынии, меланхолии’, ‘быть в угнетенном состоянии’; *see through blue glasses* ‘мрачно, пессимистически смотреть на вещи’. Это нехарактерно для немецкого *blau*.

Лингвокультурологический анализ показывает, что значение ‘подавленности’, ‘пессимизма’ английского *blue* отразилось и в обозначении промежутков времени: *blue day* ‘печальный день’, *blue life* ‘тоскливая жизнь’, *blue future*. Ср. в немецком *blauer Tag* ‘счастливый, радостный день’, *eine blaue Stunde* ‘счастливый, радостный час’.

Однако в немецком языке *blau* может характеризоваться как цвет обмана, лжи, что несвойственно англ. *blue*: *jmdm. blauen Dunst vormachen* ‘морочить голову’, ‘втирать очки’, ‘пускать пыль в глаза кому-л.; *jmdm. ein blaues Wunder vormachen* ‘рассказывать небылицы кому-л.’; *jmdn. blau anlaufen lassen* ‘самым бессовестным образом лгать кому-л.’.

Следующим важным моментом отражения национально-культурной специфики в языках является несовпадение фразеологической образности при совпадении концептов.

Данные отличия имеются в ряде единиц, характеризующих человека. Так для положительной характеристики человека, представляющего редкое исключение, используют в немецком языке ФЕ *ein weißer Rabe* ‘белая ворона’, также *weißer Sperling*, а в английском — *white sheep*.

Непорочность, незапятнанность человека, его репутации обозначается в немецком языке выражением *eine weiße Weste/Hemdbrust haben* ‘иметь незапятнанную репутацию’, а в английском — *to have white hands* ‘иметь чистую совесть, незапятнанную репутацию’.

Для отрицательной характеристики, наряду с совпадениями нем. *das schwarze Schaf* и англ. *a black sheep* ’паршивая овца’, ‘позор семьи’, ‘негодяй’, в английском языке также существует образ *a black swan* ‘черный лебедь’, ‘большая редкость’. Хотя в лексикографических источниках нет указаний на отрицательные коннотации, анализ употребления этого фразеологизма в корпусах, например, в «Corpus of Contemporary American English» (http://corpus.byu.edu/coca/) показывает, что в форме множественного числа (*black swans*: 35 документов) он означает потенциально негативные внезапные изменения

(ср.: *one of the potential black swans or rare events that could have a really disruptive effect on the world*), и лишь в двух примерах подобные изменения оцениваются как потенциально позитивные. В форме единственного числа (199 примеров) встречается или свободное словосочетание со значением ‘черный лебедь’, или прецедентный текст (название фильма Даррена Аронофски).

Существуют и различия в обозначении здорового человека. Румяного, здорового человека сравнивают в английском языке не только с розой — *red as rose*, как и в немецком — *rot wie eine Rose*, но и с вишней — *red as a cherry* ‘румяный’, ‘с румянцем во всю щеку’; ‘кровь с молоком’.

В состоянии сильного опьянения немцам мерещатся белые мыши — *weiße Mäuse sehen* разг. фам. ‘видеть зеленых чертиков’, тогда как англичане видят синих дьяволов — эвф. *blue devils*.

Физическоге насилие в немецком языке ассоциируется с цветообозначениями *blau*/*gelb* и *grün*, а в английском — с *black* и *blue*: нем. *jmdn. blau/gelb und grün schlagen* разг. фам. ‘выдрать’, ‘отодрать’, ‘отдубасить’, ‘отколошматить кого-л.’, ‘накостылять’, ‘обломать бока кому-л.’, англ. *beat smb. black and blue* ‘зверски избить кого-л.’, ‘избить кого-л. до бесчувствия’, ‘до полусмерти’, ‘живого места на ком-л. не оставить’, ‘пересчитать все кости или ребра кому-л.’.

Цветовые расхождения наблюдаются в обозначении ситуации ‘промах’. В немецком языке используют образования с цветокомпонентом *blau* — *ein Schuß ins Blaue* ‘промах’, ‘пальцем в небо’; *ins Blaue treffen*: а) ‘промахнуться’; б) ‘пальцем в небо’. В английском языке употребляют прилагательное *black* — *put up a black* жарг. ‘допустить бестактность’, ‘промах’; ‘сделать ляпсус’. Немецкое *schwarz* выражает антонимическое значение и указывает на результативность действия, деятельности — *ins Schwarze treffen* ‘попасть в самую точку’; ‘попасть в яблочко’, *ein Schuß ins Schwarze* разг. ‘удар в цель, в самую точку’, ‘выстрел в яблочко’. Здесь фразеологизация происходит на основе другой основы. *Schwarz* в данном случае — ‘цель’, т.е. ‘черное’ выступает не как обозначение чего-то отрицательного, а, наоборот, имеет положительное значение.

Аналогичный принцип цветовых несоответствий, т.е. воплощение культурной семантики в содержании фразеологизмов с помощью цветокомпонентов, отражает и концепт ‘надежда’: в немецком языке она ассоциируется с grün — *grüne Hoffnung, Gasthaus zur Grünen Hoffnung* ‘полный надежд, жизненных сил’, а в английском с *blue — blue hope, blue bore* ‘луч надежды’.

Различные образы возникают в обозначении явлений природы. Белые пенистые волны в немецкой культуре связываются с образами собачек — *weiße Hunde* ‘барашки’, а в английской культуре с образами шапок, лошадок — *white caps* (или *horses*) ‘барашки’, ‘белые гребни бурунов’, также отличных от образов в русской культуре.

Среди знако-символических обозначений в результате исторического развития обнаруживаются расхождения в следующем: символ бюрократизма, канцелярщины для немцев ассоциируется с зеленым столом — *der grüne Tisch* ‘канцелярский стол’, ‘сухое теоретизирование, лишенное опоры на практику’, а для англичан с красной тесьмой — *red tape* ‘волокита’, ‘бюрократизм’, ‘канцелярский формализм’.

Символ успеха, процветания в немецкой культуре связывается с образом зеленой ветки — *auf einen grünen Zweig kommen* ‘процветать’, ‘преуспевать’, ‘сделать карьеру’, ‘добиться удачи, успеха’, а в английской с образом зеленого (ла́врового) дерева — *flourish like a green bay tree* книжн. ‘процветать’, ‘успешно развиваться’.

Проявлением национальных особенностей является отсутствие той или иной единицы в одном из языков, и это объясняется целым рядом экстралингвистических факторов.

Одной из таких сфер является профессиональная принадлежность, поскольку традиционное использование цвета одежды для характеристики определенной группы людей чаще всего варьируется от языка к языку: нем. *die grüne Polizei* ‘органы охраны правопорядка’ (форменная одежда полицейских в период Веймарской республики), *der gelbe Flitzer* ‘служащий почты, развозящий телеграммы на мотоцикле’, англ. *white boy* ‘член аграрной организации в Ирландии в 18в.’, *green bag* ‘адвокат’, *blue apron* ‘торговец’ и др.

Историческое, социальное и экономическое развитие стран, их национальная культура оказали влияние на возникновение других выражений, которые не существуют в одном из языков: а) нем. *der weiße Kreis* ист. ‘белый округ’, районы в ФРГ, где были отменены установленные после войны ограничения на рост квартирной платы и был введен ‘свободный жилищный рынок’; *die weiße Flotte* ‘флотилия прогулочных судов, курсирующих по малым рекам’; *weißes Gold* ‘белое золото’, ‘Саксонский (мейсенский) фарфор’ и др. б) англ. *put on the black cap* ‘выносить обвинительный приговор’ (в Англии, оглашая смертный приговор, судья надевал черную шапочку); *show the white feather* ‘струсить’, ‘смалодушничать’ (в Англии и Австралии получение белого пера означает обвинение в трусости); *a red man* ‘краснокожий’ (обусловлено тем, что Великобритания имела большое количество колоний в Америке, где проживали индейцы) и др.

Высокоразвитое сельское хозяйство в Германии и проводимые в связи с этим ежегодные мероприятия способствовали закреплению в немецкой фразеологии таких сочетаний, как *die grüne Ausstellung* ‘сельскохозяйственная выставка’, *Grüne Woche* (букв. ‘Зеленая неделя’) ‘сельскохозяйственная выставка в Западном Берлине’, *Grüner Plan* (букв. ‘Зеленый план’) (ФРГ), ‘план мероприятий по развитию сельского хозяйства’; *Grüner Bericht* ‘ежегодно публикуемый отчет о положении сельского хозяйства ФРГ’; *das grüne Fließband* ‘зеленый конвейер’.

Отсутствие аналогов проявляется в обозначении денежных купюр: нем. *blauer Lappen* разг. (букв. ‘синяя тряпка’), ‘синенькая’ (банковский билет в 100 марок) и амер. *green back, the long green* жарг. ‘доллары’, ‘деньги’, *green power* ‘власть зеленых банкнот’, ‘власть денег’; ‘деньги’, *green stuff* жарг. ‘бумажные деньги’.

Культурное своеобразие народов отражается в использовании определенных цветообозначений для названия различного рода печатных изданий и документов: нем. *blauer Brief* разг. ‘уведомление об отставке’, ‘увольнительное письмо’ и ‘письмо родителям из школы о неуспеваемости ребенка’; англ. *a Green paper* ‘Зеленая книга’ (издание английского правительства, публикуемое для обсуждения изложенных в нем предложений) и др.

Особенности национального характера передаются крылатыми фразами из литературных произведений, на образной основе которых возникают ФЕ. Немецкоязычному ареалу известны фразы из «Фауста» Гете: *Grau, teurer Freund, ist alle Theorie und grün des Lebens goldner Baum* ‘теория, мой друг, сера, но зелено вечное древо жизни’. На основе приведенной крылатой фразы возникла ФЕ: *graue Theorie* букв. ‘серая теория’, т.е. теория, не проверенная практикой.

Выражение *schwarz auf weiß* разг. ‘черным по белому’, ‘четко’, ‘ясно’, ‘недвусмысленно’ получило всеобщую известность также из ‘Фауста’: *Denn was man schwarz auf weiß besitzt, kann man getrost nach Hause tragen* ‘Спокойно мы тетрадь домой несем: топор не вырубит, что писано пером’.

Фразеологизм *der rote Faden* букв. ‘красная нить’, ‘лейтмотив’ восходит к роману И.В. Гете «Родственные натуры».

Существование единицы *jmdn., etwas über den grünen Klee loben* разг. ‘кого-л., что-л. чрезмерно хвалить’, ирон. ‘расхваливать, превозносить до небес кого-л., что-л.’ по одной версии связывают со средневековой поэзией. Поэтому в английской фразеологии эквивалента нет.

В английском языке мощным источником формирования ФЕ являются «шекспиризмы». Так возникший фразеологизм *smb.’s memory is green* ‘что-л. еще свежо в чьей-л. памяти’ восходит к выражению*: The yet of Hamlet our dear brother’s death The memory be green; and that it us befitted…*’Хотя еще мы траура не сняли по нашем брате, Гамлете родном, но надо будет овладеть собою...’.

Большую роль в формировании символического образного значения играет фольклор. Так в результате сокращения пословиц англ. *to get* (*have, ride*) *the black donkey* ‘находиться в состоянии уныния’, *the black dog is on one’s back* ‘хандрить’, ‘находиться в состоянии уныния, меланхолии’, *black ox has trodden on smb’s foot* ‘его (ее и т.д.) постигло несчастье’, *the gray* (или *grey*) *mare is the better horse* ‘жена верховодит в доме’ возникли символические значения зоонимов *the black donkey* ‘плохое настроение’, *the black*

dog ‘меланхолия’, ‘уныние’, ‘хандра’, *the black ox* ‘несчастье’, (или *grey*) *mare* ‘женщина, держащая своего мужа под башмаком’.

Сравнение с теми или иными образами в одном языке и их отсутствие в другом мы находим в описании внутреннего состояния субъекта.

Так, характеризуя состояние стыда, смущения англичане используют сравнения со свеклой, вареным раком, с огнем, пламенем: (*as*) *red as a beet* (или *as a* (*boiled*) *lobster*) 1. ‘красный’, ‘багровый’ 2. ‘красный как рак’; (*as*) *red as fire* (или *flame*) ‘огненно-красный’; ‘покрасневший’, ‘вспыхнувший’; для состояния подавленности, пессимизма — сравнения с ночью, с грехом, грозовой тучей, с подземным царством, чернилами: (*as*) *black as night* (*as sin, thunder* или *as a thunder cloud, as ink*) ‘мрачнее тучи’, ‘туча-тучей’. Неопытность, незрелость человека сравнивается с травой, крыжовником, капустой: *green as grass* 1. ‘зеленый, как трава’ 2. ‘очень неопытный, не знающий жизни, не сформировавшийся’, ‘зеленый’; *green as a gooseberry* разг. шутл. ‘очень неопытный’, ‘не знающий жизни’; *be not as green as one is cabbage–looking* разг. шутл. ‘быть не таким уж глупым, как может показаться’.

В немецком языке для состояния сильного опьянения имеются сравнения с фиалкой, с целой клумбой фиалок, с обмороженным местом (мед.), гаубицей, с тысячей человек, рыцарем, с угловым (крайним) домом и др.: нем. *blau sein wie ein Veilchen, wie ein ganzes Veilchenbeet, wie eine Frostbeule, wie eine Haubitze, wie eine tausend Mann, wie ein Ritter, wie ein Eckhaus* и др. разг. шутл. ‘пьяный в стельку’ (или ‘в доску, как сапожник’).

Мировосприятие лингвокультурных общностей проявляется в названиях географических реалий — топонимических названиях, в которых отражаются особенности географического положения, исторического, культурного, социально-экономического развития того или иного народа.

Географическое положение стран оказывает влияние на возникновение других единиц. Например, наличие в английском языке выражения *blue cap* (*blue bonnet*) ‘шотландец’ обусловлено территориальной близостью Англии и Шотландии. Существование немецкого фразеологизма *die grüne Grenze* ‘зеленая (государственная) граница’ объясня-

ется многочисленными границами, проходящими по природным рубежам, которые имеет Германия с соседними странами. А Великобритания, располагающаяся на островах, таких границ не имеет.

К реалиям немецкого языка относятся образования, имеющие так называемые вторичные дериваты. Они закономерно могут быть только в одном языке. Например, карточная игра: *der schwarze Peter* ‘Черный Петер’. Или*: der grüne Bube* (или *König*) ‘валет (или король) пик’ – указывает на масть немецкой игральной карты. Это связано с тем, что наряду с французской колодой карт существует немецкая, которая находит применение только в немецкоговорящих странах, обычно при игре в скат.

Наблюдаются различия среди фразеологизмов, обозначающих продукты питания, блюда. Поскольку каждая культура имеет свою национальную кухню, свои обычаи, традиции в приготовлении пищи: нем. *Berliner Weiße* ‘светлое берлинское пиво’; *rote/grüne Grütze* ‘кисель’, ‘пудинг с фруктовым соком’; *Aal blau und Forellen blau* — здесь имеется в виду способ приготовления, при котором рыба обдается горячей водой с уксусом, после чего с нее снимается кожа.

В заключении статьи отметим, что имеются значительные совпадения и различия в значимости цветообозначений, которые отражаются в языковом сознании носителей двух культур. Полные совпадения языковой формы в немецком и английском языках характерны для концептуализации психического, эмоционального, физического состояния индивида, межличностных отношений, а также для тех явлений, объектов действительности, которые имеют единые формы (модели) отражения в сознании.

Причины совпадения языкового выражения обусловлены наличием общего компонентного состава прилагательных-цветообозначений, универсальной техникой фразообразования, принадлежностью к одной западноевропейской культуре, языковыми контактами благодаря географической близости, сходными условиями жизни, отдельными совпадениями в климате, одинаковыми объектами, явлениями действительности, знаками и символами, проникновением интернационализмов.

Национальное своеобразие в двух близкородственных языках проявляется: 1. в различной фразообразовательной активности базовых цветообозначений, 2. в несовпадении фразеологической образности при совпадении концептов, 3. в отсутствии той или иной единицы в одном из языков.

Причины различной культурной значимости цветообозначений для немецкой и английской лингвокультурных общностей обусловлены интра- и экстралингвистическими факторами: разным количеством лексико-семантических вариантов цветообозначений, историческим, социальным и экономическим развитием, географическим положением стран, их бытом, национальной культурой.

Литература

1. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и Агрикола К. М., 1975.
2. Иоанесян Е.Р. Семантические переходы в лексическом поле страха // Научный диалог, № 12 (48), 2015. С. 81—92.
3. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь: около 20.000 ФЕ, М., 1998.
4. Мальцева Д.Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. Die deutschen Redensarten und Sprichwörter im Spiegel der Geschichte und Kultur: Около 1300 фразеологических единиц. М., 2002.
5. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
6. Свешникова Г.С. Типологический анализ фразеологических единиц с компонентами-прилагательными, обозначающими цвет, на материале немецкого, английского и шведского языков. Дисс… канд. филол. наук. М., 1969.
7. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
8. Maletzke G. Interkulturelle Kommunikation. Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen. Bonn, 1996.

Е.М. Напольнова (Университет Озъегин, г. Стамбул, Турция)

E.M. Napolnova (Özyeğin University, Istanbul, Turkey)

Позиционные глаголы в турецком языке: глагол сидения *otur-*

Turkish posture verbs: *otur-* 'sit'

Аннотация

Турецкий глагол сидения *otur-* имеет статическое и динамическое значения и может использоваться для описания пространственного положения только человека и физически близких к нему животных. В статическом непространственном значении *otur-* ассоциируется в большей степени с ʻничего-не-деланием' и беседой, а также приобрёл вторичное значение ʻжить, проживать в определённом месте, по определённому адресу'. В динамическом значении этот глагол используется в отношении разных типов объектов и связан с представлением о движении, направленном вертикально вниз, и плотным контактом между объектом и занимаемым им местом.

Turkish sitting verb *otur-* has dynamic and stative meanings and can be used as posture position only with humans and animals physically close to them. Like a standard figurative extension of sitting verbs in some languages, in stative meaning *otur-* is in general associated with doing nothing or talking, as well as acquiring the meaning ʻto live, to reside in a certain location, at a certain address'. In a dynamic meaning *otur-* can be extended to non-human referents and represents vertically down-moving and a tidy arrangement between entity and his place or "good fit".

Ключевые слова

Турецкий язык, турецкие глаголы позиции, глагол сидения, семантика

Turkish posture verbs, Turkish 'sitting' verb, semantics

«Сидение» представляет собой промежуточную между вертикальным «стоянием» и горизонтальным «лежанием» специфическую позицию человека. Опорной точкой в

этой позиции являются ягодицы, за счёт чего центр тяжести опускается вниз и обеспечивается более устойчивое, чем при стоянии, равновесие; верхняя часть туловища находится в относительно вертикальном положении, руки могут свободно использоваться для выполнения разнообразных действий, а ноги не напряжены и не несут какой-либо нагрузки, что обеспечивает возможность длительного пребывания в этом положении.

Сидение, в отличие от лежания, как наиболее расслабленной позиции, может использоваться как для отдыха, так и для работы. В отличие от стояния сидение даёт возможность заниматься видами деятельности, требующими сосредоточенности или просто пребывания в соответствующем положении в течение достаточно длительного времени.

В русском языке статичность сидячего положения человека во вторичных значениях глагола *сидеть* и фразеологизмах находит выражение в том, что «русское *сидеть* ... указывает на фиксированность, неизменность его положения» [4, 2], например, *сидеть в тюрьме, сидеть на диете, сидеть с ребёнком* и др. С другой стороны, обычная поза, которую занимают люди при выполнении тех или иных действий, может приводить во фразеологизмах к замещению глаголом сидения глаголов, именующих соответствующий вид деятельности — *сидеть за уроками* ‘делать уроки’*, сидеть в инернете* ‘работать или развлекаться с использованием интернета’*, сидеть в очереди* ‘ждать своей очереди’ и др.

Судя по данным о разных языках, представленным в [12], несмотря на естественные семантические различия между глаголами сидения в разных языках, во многих случаях прослеживается схожая логика формирования их вторичных непространственных значений, и при этом сидение является самой культурно-специфической из трёх стандартных позиций человека. Причину последнего следует искать в том, что часть действий, выполнять которые удобно именно сидя, связана с традициями и бытовыми привычками разных народов — такими, например, как особенности приёма пищи, межличностное общение, игра на музыкальных инструментах, обряды и др. В русском языке «сидение» за столом с алкогольными напитками (например, *Хорошо сидим!*, *Посидели, отметили*) предполагает также общение участников мероприятия, а позиционно как сидение характеризуется положение на корточках, на коленях и со скрещенными ногами

(*сидеть на корточках / на коленях / по-турецки*). В одном из языков американских индейцев [12, xii] представлено пять разных глаголов сидения, различающихся по характеру опоры (на стуле, на скамейке, на земле) и количеству сидящих человек (один или группа); кроме того, глагол, выражающий групповое сидение на земле также имеет значение ʻвыходить замуж' (только о женщине), очевидно, вследствие особенностей местного брачного обряда. В одном из папуасских языков глаголы ʻсидеть' и ʻстоять' носят гендерный характер: ʻмужчина дома' буквально выражается как ʻмужчина стоит дома', а ʻженщина дома' — как ʻженщина сидит дома' [14].

В ряде языков [13, 12] глаголы сидения приобрели значения ʻжить' и ʻнаходиться'. Представляется, что это может быть связано, с одной стороны, с тем, что домашнее пространство в большей степени предполагает пребывание людей в сидячем, чем в стоячем или лежачем, положении, а с другой стороны, с представлением об ограниченности и замкнутости домашнего пространства — вспомним русск. *засиделась в девках, домосед* vs. *выходить замуж*, *выйти в люди*.

Использование глаголов сидения в отношении животных в разных языках в той или иной степени отражает представления о степени их физиологического сходства с человеком или сходства их движений с человеческими. В некоторых языках решающим фактором при выборе лексемы для характеристики пространственного положения животных признаётся длина конечностей, определяющая удалённость тела животных от земли: если конечности того или иного биологического вида визуально достаточно длинны, то пространственное положение его представителей с опорой на конечности характеризуется как стоячее, и, соответственно, положение, при котором какая-то часть тела опущена и находится в контакте с землей или близко к ней — как сидячее [10, 4]. Если же конечности короткие, как, например, у большинства птиц или мелких грызунов, то указанное противопоставление снимается, и их обычное положение характеризуется как сидячее (*птица сидит на ветке, комар сидит на стене, мышь сидит на полу*). Некоторые языки описывают неподвижное положение птиц и летающих насекомых с помощью специальных динамических глаголов, указывая тем самым на их способность осуществлять

перемещение нехарактерным для человека способом — летать — и специфику их перехода к неподвижному положению [2, 58; 7, 215; 9, 326].

Как показывают данные по разным языкам, приводимые в [12; 6], глаголы сидения реже, чем глаголы стояния или лежания, используются для характеристики фактического пространственного положения неодушевлённых объектов, что объясняется специфичностью этой «сложенной» позы человека [4, 1]. В случае же, если эти глаголы в отношении неодушевлённых объектов всё же используются, посредством их зачастую характеризуется не форма или пространственная направленность таковых (в ряде языков вертикально ориентированные объекты чаще ʻстоятʼ, а горизонтально ориентированные или не имеющие выраженной пространственной ориентации чаще ʻлежатʼ), а интерпретируются «побочные» особенности сидячего положения человека. Так в некоторых случаях ʻсидениеʼ может означать, что предмет не использовался в течение длительного времени [13, 7—8], например, англ.: *Mum doesn't play her guitar very often any more. It sits in the corner of the living room waiting for Evie, Grace, Angela or Kate to visit* (Johnson M.) ʻТеперь мама не так часто играет на гитаре. Гитара стоит (буквально: ʻсидитʼ) в углу гостиной и ждёт, когда придут Иви, Грейс, Анжела или Кейт'.

В русском языке при использовании глагола *сидеть* в отношении неодушевлённых объектов исходной точкой для развития семантики является устойчивость сидячей позиции человека и плотность его контакта с опорой, которая получает интерпретацию как высокая степень фиксированности положения предмета за счёт плотного, чаще трёхмерного, контакта с окружающей твёрдой поверхностью: *пробка сидит в бутылке, гвоздь сидит в стене* [4, 6]. В отличие от русского в других языках для использования глаголов сидения в этом случае достаточно плоскостного контакта объектов (*пластырь сидит на руке* [4, 4] или контакта объекта со средой, например, в датском языке ʻвода сидит в бутылкеʼ, в нидерландском ʻпесок сидит в мешкеʼ [4, 4], в одном из языков Океании ʻлодка сидит в водеʼ [11, 275] и т.д.

Как следствие представления о таком плотном контакте между объектом и окружающей его субстанцией в некоторых языках за глаголами сидения закрепилось значение

ʻплотно облегать’, ʻточно соответствовать по форме’, ʻподходить’, например, русск. *костюм хорошо сидит на нём*); аналогично в английском в некоторых случаях *sit* указывает на то, что объект хорошо подогнан, точно вписываться в окружающее пространство [13, 19]. Сходная логика прослеживается в немецком *sitzen* ʻсидеть’ в отношении денежных средств: *Familien*, *bei denen das Geld nicht so locker sitzt* ʻболее скупые семьи’ (букв. ʻсемьи, у которых деньги сидят не так свободно’).

В ряде языков глаголы сидения, наряду с глаголами стояния и лежания, используются в качестве вспомогательных с аспектуальными значениями продолжительности или повторяемости действия [13, 16—17].

Турецкий глагол *otur-* ʻсидеть, садиться’ (древнетюркский ОЛТУР-/ОЛДУР- ʻсидеть, садиться’ [1]; в примерах ниже — ʻсидеть’) восходит к глаголу *ол-* «с древнейшим значением ʻсидеть’, которое образует источник центрального значения глагола *отур- ~олтур- ~олур-* ʻсидеть’/ ’садиться’» [5, 491], и эквивалентные ему глаголы присутствуют в разных тюркских языках.

Глагол *otur-* (как и *yat-* ʻлежать; ложиться’ [3]) можно охарактеризовать как «человеческий»: в турецком языке из животных *otur-* может использоваться главным образом в отношении близких к человеку с точки зрения строения тела животных или с целью подчеркнуть сходство их позиции с человеческой (например, как подпись к фотографии медведя, «по-человечески» сидящего за столом). В отношении птиц и летающих насекомых обычно используются глаголы с динамическим значением *kon-* и *tüne-* ʻсадиться на ветку, провод, стену и т.п.’ (последний глагол включает в себя сему ожидаемости прилёта):

Kuş uç-tu uç-tu bir dal-a kon-du ʻптица лететь-PST лететь-PST один ветка-DAT сидеть-PST’ → ʻПтица летела-летела и села на ветку’.

Bir sene evvel karga-lar-ın tüne-diğ-i çınar-a şimdi bir bülbül kon-muş ötü-yor-du (Ö. Seyfettin, TDK) ʻодин год раньше ворона-PL-GEN сидеть-SAF-POSS3SG чинара-DAT теперь один соловей сидеть-PRF петь-PRS-PST’ → ʻНа чинару, где в прошлом году сидели воро́ны, теперь прилетел соловей и поёт’.

В художественном тексте возможно метафора в отношении людей и головных уборов:

Athena, gid-ip tabure-ler-den biri-ne tüne-di (A. İlhan, TDK) ʻАтена идти-PC табурет-PL-ABL один-DAT сидеть-PST' → ʻАтена пошла и уселась на один из табуретов'.

... başlığ-ı darmadağınık saç-lı siyah kafa-sı-nın üst-ü-ne tüne-miş-ti ... (Rowling) ʻшляпа-POSS3SG беспорядочный волосы-INS чёрный голова-POSS3ESG-GEN верх-POSS3SG-DAT сидеть-PRF-PST' → '... его голову, покрытую чёрными растрёпанными волосами, венчала шляпа ...'.

В отношении птиц исключение составляет выражение *kuluçka-ya otur-* (или *yat-*) ʻнаседка-DAT сидеть (или лежать)' → 'высиживать яйца', не связанное с переходом от перемещения по воздуху к статическому положению на опоре и касающееся специфической функции самок.

Глагол *otur-* имеет статическое и динамическое значения — 'сидеть' и 'садиться' (аналогично *dur-* 'находиться в неподвижном состоянии' и 'останавливаться', и *yat-* 'лежать' и 'ложиться'):

Bir sandalye-nin üzer-i-nde otur-muş, ön-ü-ne bak-ıyor-du (S.F.Abasıyanık, TDK) ʻодин стул-GEN верх-POSS3SG-LOC сидеть-PRF, перед-POSS3SG-LOC смотреть-PRS-PST' → 'Он сидел на стуле и смотрел перед собой'.

Ayak-ta dur-ma, otur şura-ya → 'Нога-LOC стоять-NEG садиться вот_это_место-DAT' → 'Не стой на ногах, садись сюда!'.

Положение, при котором человек сидит не на стуле и т.п., а на земле, также может описываться с помощью *otur-* в сочетании с дополнительными лексическими средствами: *yer-de otur-* ʻземля-LOC сидеть' → 'сидеть на земле, на полу', *diz-ler-de otur-* ʻколено-PL-LOC сидеть' → 'сидеть на коленях'. Однако при описании такого положения предпочтение отдаётся динамической модели: *diz çök-* → ʻколено оседать' → 'опускаться, вставать на колени', *bağdaş kur-* → 'скрещенные_ноги устраивать' → 'садиться по-турецки' и др. Специфическое сидячее положение при намазе именуется арабским термином *kaide-i*

ahire, но описательно оно также статически характеризуется как *namaz-da otur-uş şekl-i* ‘намаз-LOC сидеть-NMLZ форма-POSS3SG’ → ‘сидячая поза при намазе’.

Совмещение в одном глаголе позиции статического и динамического значений отмечается и в некоторых других языках [6; 8]. В последнем из двух этих исследований в отношении японского языка указывается, что динамическое значение глагола сидения (как и двух других глаголов положения) следует признать первичным, а статическое вторичным исходя из того, что глагол воспринимается как динамический в форме простого прошедшего времени, а для выражения статичности используются различные аспектуализаторы.

Как видно из приведённых примеров в турецком *otur-* используется в сочетании с дативом и локативом. Вне контекста предложение с глаголом в простом прошедшем времени, как и в японском, воспринимается в динамическом значении ‘он сел’:

O otur-du ‘Он сидеть-PST’; аналогично — с дативом: *O sandalye-ye otur-du* ‘Он стул-DAT сидеть-PST’ → ‘Он сел на стул’.

При использовании с локативом глагол имеет статическое значение:

O nerede otur-du? Bu sandalye-de otur-du ‘Он где сидеть-PST? Этот стул-DAT сидеть-PST’ → ‘Где он сидел? Он сидел на этом стуле’.

Глагол в прошедшем продолжительном времени в норме воспринимается как статический: *O otur-uyor-du* ‘сидеть-PRS-PST’ → ‘он сидел’. При использовании временной формы на *-ar-dı* ‘-AOR-PST’ со значением повторяющегося или привычного действия в прошедшем речь может идти как и статическом, так и о динамическо*м* действии:

Bütün gün hanım pencere yan-ı-nda-ki koltuk-ta otur-ur-du ‘весь день госпожа окно сторона-POSS3SG-LOC-ADJ кресло-LOC сидеть-AOR-PST’ → ‘Весь день госпожа сидела в кресле у окна’.

Duvar-la masa ara-sı-nda kal-an dar bir aralık-tan geç-er, sandalye-si-ne öyle otur-ur-du ‘стена-INS стол промежуток-POSS3SG-LOC оставаться-PC узкий один промежуток-ABL проходить-AOR, стул-POSS3SG-DAT так сидеть-AOR-PST’ → ‘Он проходил через узкий зазор между стеной и столом и садился на свой стул’.

Однако ситуация осложняется тем, что в разговорной речи прошедшее время на *-yordu* часто используется вместо времени на *-ardı*, в результате чего говорить о форме на *-yordu* как о маркере статического значения также не приходится.

Формы настоящего времени на *-yor*, аориста (настоящего-будущего) на *-ar* и будущего на *-acak* также не участвуют в маркировании статичности или динамичности. Значение повелительной формы глагола также зависит от падежной формы лексемы со значением места:

Koltuğ-a otur ‘кресло-DAT сидеть’ → ‘Садись в кресло’.

Koltuk-ta otur ‘кресло-ЛОК сидеть’ → ‘Сиди в кресле’.

Кроме датива и локатива для различения динамического и статического значений могут использоваться лексические маркеры, например, выражения внезапности или продолжительности действия:

Biz orada otur-duğ-umuz müddet-çe ... ‘Мы там сидеть-SAF-POSS1PL срок-PROS’ → ‘За всё время, пока мы там сидели ...’.

Aniden otur-du ve göz-ler-i-ni kapa-dı ‘вдруг сидеть-PST и глаз-PL-POSS3SG-ACC закрывать-ПРОШ’ → ‘Он внезапно сел и закрыл глаза’.

Хотя общая ситуация с различением статического и динамического значений *otur-* похожа на существующую в японском языке, однако в отношении турецкого выделять одно из значений в качестве исходного представляется неправильным, т.к. ограничение по сочетаемости с дативом в случае с прошедшим временем на *-dı* скорее связано с семантикой этой грамматической формы, а сочетание в одном глаголе двух значений — процесса и результата — характерно для турецкого языка в целом. Развитие вторичных непространственных значений в каждом из этих случаев шло своим отдельным путём.

Вследствие указанного выше представления о фиксированности этого положения человека статическое сидение интерпретируется турецким языком как пребывание на ограниченном по площади месте или в помещении — *otur-* ‘жить, проживать в доме, в квартире, по адресу и т.п.’:

Aynı semt-te otur-duk-lar-ı için komşu da say-ıl-ır-lar (B.Felek, TDK) ‘Тот_же район-LOC сидеть-SAF-PL-POSS3SG для сосед тоже считать-SAF-AOR-PL’ → ‘Они могут считаться соседями, потому что живут в одном районе’.

O gün-den beri enişte bey-le otur-uyor-um (S.M.Alus, TDK) ‘тот день-ABL с_тех_пор дядя господин-INS сидеть-PRS-1SG’ → ‘С того дня я живу вместе с дядей’.

Принципиально иное внутреннее содержание имеет глагол *yaşa-* ‘жить’ (антоним — *öl-* ‘умирать’), который отражает жизнь как физиологический процесс, а существительное *yaş* имеет значение ‘год жизни’.

Otur- ассоциируется с постояннным или, как минимум, длительным пребыванием в определённом месте, каким не может быть, например, гостиница. Предложение *Moskova’-da nerede otur-du-n?* ‘Москва-LOC где сидеть-PST-2SG’ → ‘Где ты жил в Москве?’ соотносится только с длительным проживанием по определённому адресу. В случае, если речь идёт о гостинице и пр., обязательно использование глагола *kal-* ‘оставаться’: *Moskova’-da nerede kal-dı-n?* ‘Москва-LOC где оставаться-PST-2SG’ → ‘Где ты останавливался в Москве?’.

Хотя в турецком, как и в русском, статическое *otur-* может использоваться для указания на осуществление какой-либо деятельности в сидячем положении (например, *beş dakika bile ders-in baş-ı-nda otur-a-mı-yor* ‘пять минута даже урок-GEN голова-POSS3SG-LOC сидеть-POSSB-NEG-PRS’ → ‘он и пяти минут не может усидеть за уроками’), однако, в отличие от русского, такое значение не получило развития, так как в *otur-* подчеркивается отсутствие деятельности:

Böyle otur-acağ-ınız-a çalış-sa-nız ol-maz mı? (TDK) ‘так сидеть-FUT-2PL-DAT работать-COND-2PL быть-NEGA Q’ → ‘А почему бы вам не поработать вместо того, чтобы так вот сидеть?’.

Bir gün Nasreddin Hoca ev-i-nde otur-urken bir adam kapı-yı çal-ar ‘один день Насреддин Ходжа дом-POSS3SG-LOC сидеть-CV один человек дверь-ACC стучать-AOR’ → ‘Однажды, когда Ходжа Насреддин сидел дома, в дверь постучал один человек’.

Соответственно, в сочетании с лексемой, обозначающей рабочее, а не жилое, помещение, *otur-* невозможно, например: **hangi ofis-te otur-uyor-sun?* ‘который офис-LOC сидеть-PRS-2SG’ → ‘в каком кабинете ты сидишь?’.

В турецком языке, как и в некоторых других, сидение ассоциируется с межличностным общением, которое облекается в культурно-специфическую форму. Важное место в турецкой культуре занимают посещения родственников и знакомых, что выразилось в закреплении за этим глаголом значения, связанного с не приуроченными к какому-либо семейному событию или празднику, случайными, непродолжительными посещениями близких знакомых, например, соседей (ср. русск. *посиделки*):

Biz-e otur-ma-ya gel ‘Мы-DAT сидеть-NMLZ-DAT приходить’ → ‘Заходи к нам посидеть’.

Otur-ma-ya gel-en misafir-e ne ikram ed-il-ir? ‘сидеть-NMLZ-DAT приходить-PC гость-DAT что угощение AUX-PASS-AOR’ → ‘Чем угощают гостя, зашедшего посидеть?’.

Для приёма таких очень близких знакомых, а также для проведения свободного времени членов семьи в традиционных турецких домах, была предназначена комната, именуемая *otur-ma oda-sı* ‘сидеть-NMLZ комната-POSS3SG’ → ‘комната для посиделок’, в отличие от *misafir oda-sı* ‘гость комната-POSS3SG’ → ‘гостиная (для приёма гостей в рамках традиционных посещений)’ (раньше её обычно держали закрытой и открывали только перед визитом «почётных» гостей).

Особенностью семантики *otur-* в динамическом значении является направленность совершаемого движения сверху вниз — т.е. фактически это ‘опускаться’. В первичном пространственном значении это переход от положения стоя к положению сидя:

Kadın-ın kalk-tığ-ı yer-e şeytan otur-ur ‘женщина-GEN вставать-SAF-POSS3SG место-DAT чёрт сидеть-AOR’ → ‘На место, с которого встала женщина, садится чёрт’.

В результате метафоризации динамического значения глагола образовался ряд фразеологизмов, например:

Vali-lik makam-ı-na otur-du ‘губернатор-SUB должность-POSS3SG-DAT сидеть-PST’ → ‘Занял пост губернатора’ (TDK),

bir-i-nin kucağ-ı-na otur- ‘один-POSS3SG-GEN объятия-POSS3SG-DAT сидеть’ → ‘сесть в объятия к кому-л.’ → ‘попасть в зависимость от кого-либо’.

Движение в противоположном направлении, даже с минимальным подъёмом, описывается с помощью глаголов *kalk-* ‘подниматься, вставать’ (*yatak-ta kalk-* ‘постель-ЛОК подниматься’ → ‘приподняться, сесть на постели’), *doğrul-* ‘выпрямляться, подниматься, садиться’ (например, *yatak-ta doğrul-* ‘постель-ЛОК выпрямляться’ → ‘приподняться, сесть на постели’), *çık-* ‘забираться, подниматься на более высокое место’ (например, *dal-a çık-* ‘ветка-DAT подниматься’ → ‘забраться, сесть на ветку дерева’). Ни один из этих глаголов не связан исключительно с переходом в сидячее положение: *kalk-* может означать также подъём из сидячего положения в вертикальное (*yatak-tan kalk-* ‘постель-ABL подниматься’ → ‘встать с постели’, *ayağ-a kalk-* ‘нога-DAT подниматься’ → ‘вставать на ноги’), а *doğrul-* – ‘выпрямляться’ (… *tarh-lar-da çalış-an bahçıvan, otomobil-in gel-iş-i-ni gör-ünce ağır ağır doğrul-du* ‘грядка-PL-LOC работать-PC садовник автомобиль-GEN приходить-NMLZ-POSS3SG-ACC видеть-CV тяжелый тяжелый выпрямляться-PST’ → ‘увидев приближающийся автомобиль, садовник, работавший на грядках, медленно выпрямился’ (H.E.Adıvar, TDK).

Положение сидя на лошади описывается при помощи *otur-* в статическом значении:

At-ın üst-ü-nde nasıl otur-mak gerek-ir ‘Лошадь-GEN верх-POSS3SG-LOC как сидеть-NMLZ быть_необходимым-AOR’ → ‘Как следует сидеть верхом на лошади’.

Посадка на лошадь (а также, как следствие, в транспортное средство), осуществляющаяся в направлении снизу вверх, описывается с помощью специального глагола *bin-* (антоним *in-* ‘спускаться, сходить с лошади, выходить из транспортного средства’). В случае использования *otur-* при описании посадки на лошадь речь идёт опять-таки о движении вниз — из положения стоя в стременах к положению сидя в седле:

Sağ bacağ-ı-nı at-ın üzer-i-nden aşır-arak yavaş-ça eyer-e otur-ur ‘правый нога-POSS3SG-ACC лошадь-GEN верх-POSS3SG-ABL переносить-CV медленно-ADV седло-DAT сидеть-AOR’ → ‘Перенеся правую ногу через спину лошади, медленно садится (т.е. «опускается») в седло’.

В динамическом значении *otur-* сочетается с названиями неодушевлённых объектов:

Tortu şişe-nin dib-i-ne otur-muş ‘осадок бутылка-GEN дно-POSS3SG-DAT сидеть-PRF’ → ‘Осадок опустился на дно бутылки’ (TPC).

Расширение сочетаемости *otur-* наблюдается и в каузативной форме глагола:

çocuğ-u koltuğ-a otur-t- ‘ребёнок-ACC кресло-DAT сидеть-CAUS ’ → ‘сажать ребёнка на кресло’.

iş-ler-i sağlam temel-e otur-t- ‘дело-PL-ACC прочный фундамент-DAT сидеть-CAUS’ → ‘создавать прочный фундамент для дел’.

patates otur-t-ma-sı ‘картофель сидеть-CAUS-NMLZ-POSS3SG’ → картофельное блюдо турецкой кухни, при приготовлении которого куски картофеля укладываются (букв. ‘усаживаются’) в кастрюлю.

Аналогичное расширение сочетаемости в динамическом значении и в каузативной форме было зафиксировано нами и для глагола *yat-* ‘лежать, ложиться’ [3].

Вертикальность движения вниз выражается в том, что если опускающийся объект сориентирован по вертикали, то он, как и человек, переходящий от стоячего положения к сидячему, не должен при этом заваливаться на бок:

gemi kara-ya otur-du ‘корабль суша-DAT сидеть-PST’ → ‘Корабль сел на мель’, но *Gemi sağ-a yat-tı* → ‘Корабль лёг на правый борт’.

Temel-in bu taraf-ı on santim otur-muş (TDK) ‘Фундамент-GEN этот сторона-POSS3SG десять сантиметр сидеть-PRF’ → ‘Эта сторона фундамента просела на 10 см’.

Как и в некоторых других языках, в турецком одним из вторичных непространственных значений динамического глагола *otur-* является точное соответствие объекта предназначенным для него позиции, месту и т.п.:

Ütü-süz ve bel-i otur-ma-mış pantolon-u-nu çek-ti (T.Buğra, TDK) ‘Утюг-без и пояс POSS3SG сидеть-NEG-PRF брюки-POSS3SG-ACC тянуть-PST’ → ‘Он подтянул неглаженые и широкие в поясе брюки’.

Gelenek-ler gün geç-tikçe iyice otur-du (TDK) ‘Традиция-PL день проходить-CV как_следует сидеть-PST’ → ‘Со временем традиции прижились’.

Şimdi otur-du! ‘Теперь сидеть-PST’ → ‘Теперь понятно!’ (о понимании новой информации).

Brüksel saldırı-lar-ı dünya gündem-i-ne birden otur-du ‘Брюссель нападение-PL-PASS3SG мир повестка_дня-POSS3SG-DAT внезапно сидеть-PST’ → ‘Нападения в Брюсселе внезапно вошли в мировую повестку дня’.

Uydu yörünge-ye otur-du (TDK) ‘Спутник орбита-DAT сидеть-PST’ → ‘Спутник вышел на орбиту’.

В последнем примере использование *otur-* противоречит необходимой для использования этого глагола направленности движения сверху вниз и, скорее всего, является результатом калькирования английского термина, ср. *The new satellite sits above the Pacific* [13, 7] ‘Новый спутник находится на геостационарной орбите (букв. сидит) над Тихим океаном’.

Семантические особенности глагола *otur-* позволяют охарактеризовать его как «глагол сидения» с достаточно типичной схемой развития вторичных непространственных значений, демонстрирующий отдельные культурно-специфические особенности. В отличие от ряда языков *otur-* не используется в функции модифицирующего вспомогательного глагола или в грамматизованной форме. В отличие от ряда языков *otur-* не используется в функции вспомогательного глагола или в грамматизованной форме.

Список сокращений

Глоссы

ABL — отложительный падеж (аблатив).

ACC — винительный падеж (аккузатив).

ADJ — показатель имени прилагательного (адъективизатор).

ADV — показатель наречия.

AOR — настоящее-будущее время (аорист).

AUX — вспомогательный глагол.

CAUS – понудительный залог (каузатив).

COND — условное наклонение.

CV — деепричастие (конверб).

DAT — дательный падеж (датив).

FUT — будущее время.

GEN — родительный падеж (генитив)

LOC — местный падеж (локатив).

INS — инструментальный падеж (инструментатив).

NEG — отрицательная частица.

NEGA — отицательная форма настоящего-будущего времени (аориста).

NMLZ — имя действия (номинализатор).

PASS — пассивный залог (пассив).

PC — причастие.

PRF — перфект (прошедшее заглазное время).

POSS — посессивный показатель.

POSSB — показатель категории возможности.

PL — множественное число.

PROS — показатель продольности.

PRS — настоящее время.

PST — прошедшее время.

SAF — показатель субстантивно-адъективной формы.

SG — единственное число.

SUB — показатель имени существительного.

1 — первое лицо.

2 — второе лицо.

3 — третье лицо.

Источники и словари

ТРС — Турецко-русский словарь. М., 1977.

Johnson — Margaret Johnson. Different worlds. Cambridge University Press, 2003.

Rowling — Rowling J.K. Harry Potter ve sırlar odası. Çeviren Sevin Okyay. İstanbul, 2001.

TDK — Материалы официального сайта Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) // www.tdk.gov.tr., 2016 [1].

В связи с отсутствием корпуса турецкого языка примеры, источник которых не указан, взяты из интернета с учётом характера источника и проверены на носителях турецкого языка.

Литература

1. Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. Л., 1969.

2. Кашкин Е.В. Глаголы позиции и их переходные соответствия в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Родной язык, №1 (4), 2016.

3. Напольнова Е.М. Позиционные глаголы в турецком языке: глагол горизонтальной позиции *yat-* . В печати.

4. Рахилина Е.В., Лемменс М. Русистика и типология: лексическая семантика глаголов со значением «сидеть» в русском и нидерландском // https: //docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.rakhilina.ru%2Ffiles%2FZITT-RL.pdf&name=ZITT-RL.pdf&lang=ru&c=58cfc1abb499.

5. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.,1974.

[1] В случае, если приведённый в TDK пример взят из литературного произведения, указывается автор.

6. Enfield N. J. Semantics and combinatorics of ‘sit’, ‘stand’, and ‘lie’ in Lao // The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. Newman J. (ed.). Amsterdam/Philadelphia, 2002.

7. Goddard C., Harkins J. Posture, location, existence, and states of being in two Central Australian languages // The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. Newman J. (ed.). Amsterdam/Philadelphia, 2002.

8. Newman J., Yamaguchi T. Action and state interpretations of ‘sit’ in Japanese and English // The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. Newman J. (ed.). Amsterdam/Philadelphia, 2002.

9. Kilian-Hatz C. The grammatical evolution of posture verbs in Kxoe // Newman J. (ed.), The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. Amsterdam/Philadelphia, 2002.

10. Lemmens M. The semantic network of Dutch posture verbs // The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. Newman J. (ed.). Amsterdam/Philadelphia, 2002.

11. Lichtenberk F. Posture verbs in Oceanic// The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. Newman J. (ed.). Amsterdam/Philadelphia, 2002.

12. The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. . Newman J. (ed.). Amsterdam/Philadelphia, 2002.

13. Newman J. A cross-linguistic overview of the posture verbs ‘sit’, ‘stand’, and ‘lie’// Newman J. (ed.). The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. Amsterdam/Philadelphia, 2002.

14. Rumsey A. Men stand, women sit. On the grammaticalization of posture verbs in Papuan languages, its bodily basis and cultural correlates // The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. . Newman J. (ed.). Amsterdam/Philadelphia, 2002.

С.В. Некрасов (Институт социально-политических исследований РАН)

S.V. Nekrasov (Social and Political Research Institute,

Russian Academy of Sciences)

Способы номинации зависти в разных языках

Ways of naming envy in various languages

Аннотация

В статье на материале разных языков рассматриваются семантические переходы, лежащие в основе разных способов номинации зависти. В исследовании мы опирались на большой корпус толковых и этимологических словарей. Полученные результаты могут быть использованы при составлении «Каталога семантических переходов», разрабатываемого в настоящее время российскими учеными.

Covering the material of various languages, the article considers semantic shifts underlying different ways of naming envy. We are based on a large corpus of explanatory and etymological dictionaries in the research. The obtained results can be used in compiling the "Catalogue of Semantic shifts" currently being developed by a group of the Russian linguists.

Ключевые слова

Семантические переходы, диахрония, синхрония, полисемия, трансформации при переводе

Semantic shifts, diachrony, synchrony, polysemy, lexical transformation in translation

I. Вводные замечания

В данной статье мы постараемся представить способы номинации зависти, опирающиеся на компоненты прототипической ситуации этой эмоции. Мы в значительной мере опирались на исследование Е.Р. Иоанесян [7], но несколько расширили языковой материал, включив данные украинского, польского и немецкого языков, выделили еще

несколько компонентов в ситуации зависти и описали несколько новых семантических переходов.

Наша статья находится в русле работ, посвященных теме семантической деривации (см. работы А. А. Зализняк [2—4], Е.Р. Иоанесян [5—9], Г.И. Кустовой [11], Е.В. Падучевой [13], М.М. Руссо [15], С.М. Толстой [17]). В качестве инструмента описания способов номинации зависти нами был выбран семантический переход [1].

Кроме того, отмечаются лексические трансформации (сокр. — Тр.) при переводе предикатов зависти, в основе которых лежит прототипический сценарий данной эмоции.

II. Прототипическая ситуация зависти

Зависть — это чувство «досады, вызванное благополучием, успехом другого» [БПС]. Толкование русского глагола *завидовать* в первом приближении можно представить следующим образом:

X завидует Y из-за Z / *X завидует Z-у Y-а* ≈

Prsp: X знает, что Y имеет Z / обладает свойством Z; X не имеет Z / не обладает свойством Z.

Ass: X испытывает неприятное чувство из-за того, что Y имеет Z / обладает свойством Z, а X не имеет Z / не обладает свойством Z; X хочет иметь Z / обладать свойством Z.

Ср. толкование Ю.Д. Апресяна: «*X завидует Z-у Y-а* = ‘X не имеет Z-а, Y имеет Z, и X испытывает отрицательную эмоцию, каузируемую желанием, чтобы Y не имел Z-а, а X имел Z’» [1, 107]. См. также определение английских прилагательных *envious* и *jealous* в [АРСС]: «**ENVIOUS, JEALOUS** 1. ‘испытывающий отрицательную эмоцию, каузируемую сожалением, что кто-то другой владеет желательной для субъекта вещью, свойством и т.п.’».

Итак, ситуация зависти включает два важных компонента: ‘неприятное переживание’ и ‘желание обладать определенным свойством, положением, объектом’.

[1] Под семантическим переходом понимается «факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений — в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции» [4,107].

Для человека, испытывающего зависть, свойство или объект Z, которым обладает другой человек, представляется имеющим большую ценность. Таким образом, ситуация зависти содержит еще один компонент: Z — положительно оцениваемое свойство или объект.

В своем экстремальном проявлении зависть рождает ненависть к более успешному человеку: «в крайнем выражении З. доходит до ненависти (злобы) по отношению к удаче др. и жажды его падения. *Б. Спиноза* определял З. следующим образом: “З. есть ненависть, поскольку она действует на человека т.о., что он чувствует *неудовольствие* при виде чужого счастья, и наоборот — находит удовольствие в чужом несчастье”» [БПС].

А.А. Налчаджян рассматривает зависть как «психический комплекс, включающий искаженное восприятие объекта, различные уровни неприязни и вражды вплоть до интенсивной ненависти» [12].

Зависть как порок может сопровождаться стремлением нанести ущерб человеку, являющемуся объектом зависти: «ЗАВИСТЬ — чувство досады или горечи, возникающее при виде того, что другой обладает благом или преимуществом, которые отсутствуют у завистника, и сопровождающееся желанием лишить их соперника» [НФЭ].

Ф. Бэкон писал о деструктивной форме поведения, которую может принимать зависть: «Кто не надеется сравняться с ближним в достоинствах, старается сквитаться с ним, нанося ущерб его благополучию» (цит. по [ПЭ]).

Существует и другой вид зависти — соревновательная или подражательная зависть, «которая ведет к попыткам “социально полезными” способами обрести лелеемое благо» [НФЭ].

К.К. Платонов также определяет «зависть как чувство, структура которого включает соревнование, страдание от мысли, что у другого есть то желанное, чего у себя нет, и вызванную этим ненависть к нему» [14, 39].

«Зависть есть не что иное, как стремление человека к тому, чтобы все: успехи, заслуги, расположение других людей, богатство — безраздельно принадлежало только ему» [10, 318].

Итак, прототипическая ситуация зависти включает три важных компонента: (1) неприятное переживание; недовольство человека имеющимся положением дел, ощущение несправедливости «распределения благ»; чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого человека; (2) желание обладать определенным свойством, положением, объектом и т.п., наличествующим у другого человека; (3) положительная оценка свойства или объекта, имеющихся у объекта зависти.

Кроме того, ситуация зависти может быть расширена путем включения «инцидентных следствий» или «импликаций» [2]: (4) недоброжелательство, ненависть к человеку, обладающему искомыми благами; (5) попытки каким-либо образом нанести ущерб ему; (6) подражание или соперничество с ним; (7) ощущение человека, испытывающего зависть, что он хуже того, к кому он испытывает зависть (инцидентное следствие ʻX хуже Y-а’).

Перечисленные компоненты прототипической ситуации зависти лежат либо в основе номинации зависти, либо прослеживаются в полисемии лексических единиц, описывающих это чувство в разных языках. Далее приводятся примеры семантических переходов, опирающихся на указанные выше компоненты.

III. Основные типы семантических переходов

III.1. НЕДОВОЛЬСТВО ЧЕЛОВЕКА ИМЕЮЩИМСЯ ПОЛОЖЕНИЕМ ДЕЛ, ОЩУЩЕНИЕ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ «РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БЛАГ».

Данный компонент лежит в основе семантического перехода ʻзавидовать’ — ʻиспытывать недовольство’.

Семантический переход ʻнедовольство X-а’ → (недовольство, что кто-то обладает чем-то, чего нет у X-а’) → ʻзависть’ имел место в истории английского глагола *to grudge* и образованного от него существительного [7, 300]. См., например, в [WRU 1844]: «Vtr. 1.

[2] См. работы Е.В. Падучевой [13], М. Блэка [18], Г.И. Кустовой [11].

To be discontented at another's enjoyments or advantages; to envy one the possession or happiness which we desire for ourselves». Отметим, что исходным значением глагола был смысл 'ворчать' / 'жаловаться': «mid-15 c., "to murmur, complain", variant of *grutch*. Meaning "to begrudge, envy, wish to deprive of" is c. 1500» [OED]. См. также в [НБАРС]: «2. испытывать недоброе чувство; завидовать: *I do not ~ him his success* — я не завидую его успеху. 3. уст. ворчать, жаловаться».

III.2. ЖЕЛАНИЕ ЧЕЛОВЕКА ОБЛАДАТЬ НЕКОТОРЫМ СВОЙСТВОМ ИЛИ ОБЪЕКТОМ Z, НАЛИЧЕСТВУЮЩИМ У ДРУГОГО.

Данный компонент лежит в основе семантического перехода ʻзавидовать' → (ʻхотеть то, что есть у другого человека') → ʻхотеть чего-л.':

(1) Переход ʻзавидовать' → ʻхотеть то, что есть у другого человека' реализован в испанском глаголе *envidiar:* «1. Tener envidia de alguien o de algo, dolerse del bien ajeno. 2. Desear o apetecer algo que tienen otros» [3] [DRAE]; «1. Sentir (*una persona*) envidia o celos de [otra persona]: *La envidio por su buena fortuna. Envidian a Miguel porque ha conseguido un buen empleo.* 2. Desear (*una persona*) una cosa que otra persona tiene» [GCD].

См. также итальянский глагол *invidiare*, имеющий значение ʻзавидовать' и значение ≈ ʻхотеть того, что есть у другого человека, не испытывая при этом особого чувства зависти': «1. a. Provare un sentimento d'invidia verso qualcuno o verso il bene ch'egli possiede; si usa con varie costruzioni: *molti lo invidiano per la sua fortuna*; b. Con sign. attenuato, desiderare un bene simile a quello che altri godono, senza tuttavia rattristarsene astiosamente: *invidio la tua calma, il tuo buon umore, il tuo ottimo appetito*» [VT].

(2) Французское существительное *envie* демонстрирует переход ʻзавидовать' → ʻхотеть то, что есть у другого человека' → ʻхотеть чего-л. / хотеть сделать что-л.': «1. Sentiment de désir mêlé d'irritation et de haine qui anime qqn contre la personne qui possède un bien qu'il n'a pas. ⇒ jalousie. *Être dévoré par l'envie, rongé d'envie.* 2. Désir de jouir d'un avantage, d'un plaisir égal à celui d'autrui; *C'est le sort le plus beau, le plus digne d'envie»*

[3] 'хотеть то, что имеют другие'.

(Rouget de Lisle). ⇒ enviable. 3. Désir (d'avoir, de posséder, de faire qqch.) ⇒ appétence, besoin, concupiscence, convoitise, désir, fringale, goût, inclination» [PR].

(3) Значение ʻжелание' было отмечено в 17 в. и у английского существительного *envy*, и у глагола *to envy*: «Envy, sb. 4b. A longing for another's advantages. 4. Desire» [OUD]; «Envy, vb. 3. To long after; to desire strongly; to covet» [WRU 1913].

Приведем один пример на указанное значение глагола: *He, upon his side, paid me a kind of doglike service of admiration, gazing at me from afar off as at one who had liberally enjoyed those "advantages" which he envied for himself* (The wrecker. Stevenson, Robert Louis). Он, со своей стороны, глубоко восхищался мной и глядел на меня снизу вверх — ведь я в избытке получил то «образование», о котором он так мечтал [НКРЯ].

(4) Значение 'хотеть (желать)' наблюдается и у западнорусского (старобелорусского) глагола *зайзрети:* «I (зазрети) зайздросціць. II. 1. убачыць; 2. жадаць, праказваць» [СБЛ].

(5) Семантический переход 'завидовать' — ʻжелать (хотеть) то, что есть у другого человека' / 'смотреть с желанием получить то, что видишь', имеет место и у русского глагола *зариться*: «1. С завистью смотреть на кого-либо или на что-либо. 2. Страстно желать, стремиться завладеть кем-либо или чем-либо» [ЕТ]; «Смотреть на кого что-н. с завистью, желать получить для себя. Зариться на чужое добро» [ОЖ].

III.3. НАЛИЧИЕ КОМПОНЕНТА «Z — ПОЛОЖИТЕЛЬНО ОЦЕНИВАЕМОЕ СВОЙСТВО ИЛИ ОБЪЕКТ».

Этот компонент лежит в основе семантического перехода ʻзавидный' → ʻхороший' / ʻжелательный'.

Данный переход прослеживается в русском прилагательном *завидный:* «1. Такой, которому можно позавидовать; вызывающий зависть. 2. Такой, какого можно желать для себя; очень хороший» [ЕТ]. См. также в [УШ]: «Такой заманчивый, хороший, что может возбудить зависть. *Завидное положение. Завидная участь*. «Не по летам и чин завидный: не нынче завтра генерал», Грибоедов».

Значение ‘завидный’ / ‘желательный’ имело место и у английского прилагательного *invidious*: «[L. *invidiosus*, from *invideo*, to envy; *in* and *video*, to see. *Invideo* signifies properly, to look against] Worthy of envy; desirable; enviable. [Obs.]: Such a person appeareth in a far more honorable and *invidious* state than any prosperous man. *Barrow*» [WRU 1913].

III.4. НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬСТВО, НЕНАВИСТЬ К ЧЕЛОВЕКУ, ОБЛАДАЮЩЕМУ ИСКОМЫМИ БЛАГАМИ.

Данное свойство прототипического сценария зависти лежит в основе семантических переходов ‘недоброжелательство’ / ‘злоба’ / ‘ненависть’ ↔ ‘зависть:

(1) Английское существительное *envy*, помимо значения ‘зависть’, имело значение ‘недоброжелательство’ / ‘злоба’: «1) a feeling of discontent and ill will because of another’s advantages, possessions, etc.; resentful dislike of another who has something that one desires; <> 4) OBS. ill will; spite» [WNW]; « Malice; ill will; spite. [Obs.] If he evade us there, Enforce him with his envy to the people. *Shak.*» [WRU 1913]. Семантический переход ‘завидовать’ → ‘ненавидеть’ имел место и у английского глагола *to envy:* «To hate» [WRU 1913].

У прилагательного *envious* ‘завистливый; завидующий’ также отмечалось значение (ныне устаревшее) ‘злобный, недоброжелательный’: «Malignant; mischievous; spiteful. [Obs.] Each envious brier his weary legs doth scratch. *Shak.*» [WRU 1913].

(2) В полисемии существительного *grudge* и глагола *to grudge,* о которых мы уже упоминали выше, отражено еще одно свойство прототипического сценария зависти — чувство недоброжелательности, враждебности. См., например, в [НБАРС]: «недовольство; недоброжелательство; зависть: *to bear smb. a ~, to have / to keep up, to nurse, to cherish/ a ~ against smb.* — иметь зуб против кого-л.; *to owe smb. a ~* — не без причины злиться на кого-л.; затаить злобу против кого-л.; *to cherish a secret* [*perpetual*] *~ against smb.* — тайно вынашивать [постоянно таить] недобрые чувства к кому-л.».

(3) В церковнославянском языке слово *зáвисть* имело также значение ‘недоброжелательство’ / ‘злоба’: «недоброжелательство / злоба, φθόνος: *éврѣйскїн* собóръ зáвистїн растаѧвáемѣ, на дрѣвѣ распѧть ґ҃ди еврейское сборище, распаляемое ненавистью, распяло

Тебя Господь, на Древе (Рассл К, 4-1), за́вистїн же дїа́волею прельстѝвсѧ и по дьявольской злобе обольстившись (Погр стх гл 7)» [16].

(4) Немецкое существительное *Mißgunst*, производное от *Gunst* ʻблагосклонность, доброжелательствоʼ, имеет синкретичное значение ʻнедоброжелательство, завистьʼ [БНРС]; «aus einer ablehnenden Haltung, Einstellung jemandem gegenüber entspringendes Gefühl, diesem bzw. dieser einen, Vorteile o. Ä. nicht zu gönnen» [Duden].

Значение ‘недоброжелательство, завистьʼ также наблюдается и у немецкого существительного *Abgunst:* «уст. неблагоскло́нность; нему́лость. см. *Missgunst*; (редк.) недоброжела́тельство, за́висть» [AL].

У другого немецкого существительного *Neid*, использующегося в настоящее время в значении ʻзавистьʼ, по-видимому, исходным значением был смысл ʻзлоба, неприязньʼ: «Gefühl, das jmdn. befällt, wenn ein anderer einen Besitz oder Vorzug hat, den man selbst gern haben möchte, Missgunst. Etymologie. Mißgunstʼ, ahd. nīd (8. Jh.), mhd. nīt (Gen. nīdes) ‘feindselige Stimmung, Kampfesgrimm, Groll …» [DWDS].

(5) Полисемия ‘завистьʼ — ʻненавистьʼ отражена в латинском слове *invidia.* Например, см. в [ЛРС]: «1) зависть, ревность: *usque ad invidiam Pt* (быть счастливым) вплоть до возбуждения зависти (у других); *i. dicitur non solum in eo, qui invidet*, *sed etiam in eo, cui invidetur* C слово *“invidia”* употребляется в отношении не только к тому, который завидует, но и к тому, которому завидуют; 2) недоброжелательство, ненависть, злоба: *in invidiam venire* C стать предметом ненависти; *invidia ardere C, L* быть предметом пламенной ненависти; *esse in invidia* C, SI (*invidiam habere* C*, invidiae esse* SI, L) быть предметом зависти (или ненависти); *sine invidia M охотно; alicui invidiam facere (afferre, conflare) C etc. или adducere aliquem in invidiam C* навлечь на кого-л. ненависть; *i. Numantini foederis* C враждебное отношение к договору с Нуманцией; *i. decemviralis L* ненависть к децемвирам; *i. facti SI* то, что в этом поступке заслуживает ненависти».

(6) Синкретизм ‘завистьʼ — ʻненавистьʼ также наблюдается у испанского слова *veneno*: «ненависть; зависть» [БИРС]; «Envidia, odio o cualquier otro mal sentimiento» [ELP].

III.5. ПОПЫТКИ КАКИМ-ЛИБО ОБРАЗОМ НАНЕСТИ ДРУГОМУ ЧЕЛОВЕКУ.

Данный компонент, как представляется, лежит в основе семантического перехода ‘завидовать’ → ‘вредить’.

(1) Переход ‘завидовать’ → ‘вредить’ реализуется в глаголе *позавѝдити* (βασχαίνειν) (церковнослав.): «говорить дурно, оклеветывать, говорить вредное, нашептывать, завидовать» [ПЦС].

(2) У английского глагола *to envy* ‘завидовать’ в словаре [WRU 1913] отмечается с пометой «устар.» значение ‘причинять вред’: «To do harm to; to injure; to disparage. [Obs.] If I make a lie / To gain your love and envy my/ best mistress, /Put me against a wall. *J. Fletcher*» [WRU 1913].

(3) ‘завидовать’ — ‘отказывать’ / ‘мешать’. Этот переход представлен полисемией латинского глагола *invidere*: «‘смотреть с недоброжелательством/с завистью’, ‘завидовать’ — ‘из зависти отказывать кому-то, мешать кому-то’» [ЛРС; GDL; DLF и др.] [4]; «*invidere igne rogi miseris* (Luc), refuser aux malheureux un bûcher funéraire» [DLFN].

(4) См. также франц. глагол *envier* ‘завидовать’, у которого в словаре [AC 1935] тоже отмечено значение ‘отказывать’: «Il signifie encore dans le style soutenu, Refuser à quelqu’un ce qu’il désire ou demande. *Ne m’enviez pas l’honneur de mourir avec vous*».

(5) Значение ‘мешать’ с пометой *«letter.»* отмечают и у ит. *invidiare*: “letter. Impedire, contrastare: *Non invidiate che su ’l patrio suolo ... Raccolga i figli suoi la madre antica* (Carducci)» [VT].

(6) Значение ‘хотеть лишить кого-л.’ отмечено в словаре [OED] у английского глагола to grudge: «Meaning “to begrudge, envy, **wish to deprive of**” is c. 1500» [5].

III.6. ПОДРАЖАНИЕ ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО.

Зависть может также явиться причиной подражания и / или соперничества с объектом зависти. Это, как представляется, лежит в основе семантического перехода ‘зависть’ — ‘подражание’ / ‘соперничество’.

---

[4] Исходное значение предиката (имевшее место в доклассическую эпоху) — ‘смотреть, рассматривать’ [GDL].
[5] Выделено нами — С.Н.

(1) Данный переход имел место у английского существительного *envy* и у глагола *to envy:* «Emulation; rivalry. [Obs.] Such as cleanliness and decency Prompt to a virtuous envy. *Ford.* <> To emulate. [Obs.] Marlowe. [Obs.] Spenser» [WRU 1913].

Значение ʻсоперничество’ отмечалось и у английского прилагательного *envious*: «1. завистливый; завидующий ~ *looks* — завистливые взгляды; ~ *tongues* — завистливые языки, языки завистников*; to be ~ of another's good fortune* — завидовать чужой удаче. 2. *арх.* побуждаемый духом соперничества» [НБАРС].

(2) Полисемия ʻзависть’ — ʻподражание’ / ʻсоперничество’ имела также место и в латинских *aemulari* и *aemulus*. См., например, в [ЛРС]: «*aemulor, ātus sum, ārī depon*. [aemulus]. 1) соревноваться, стараться не уступать, стремиться сравняться (с кем-л.) или достичь (чего-л.); 2) подражать, воспроизводить (sermonem alicujus *Ap*); 3) ревновать, завидовать (*iis, qui aliquid habent C*); 4) соперничать (*alicui* C, T; *cum aliquo L; inter se* T). «При этом направление перехода было обратным — от соперничества/подражания к зависти» [7, 300]. Например, см. [GDL]: «Aemulus, a, um, celui qui fait des efforts zélés pour imiter ou égaler qqn, qui rivalise avec qn; se prend de bonne ou mauvaise part. 1) en bonne part; b) en mauvaise part, aussi bien celui qui, avec des intentions enemies, vise à la propriété d'autrui que celui qui, dans son violent désir d'une chose, porte envie à celui qui la possède, envieux, jaloux».

III.7. ОЩУЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ИСПЫТЫВАЮЩЕГО ЗАВИСТЬ, ЧТО ОН ХУЖЕ ТОГО, К КОМУ ОН ИСПЫТЫВАЕТ ЗАВИСТЬ.

(1) Испанский глагол *envidiar*: «*no tener nada que envidiar* [6] loc. No ser en modo alguno inferior a otra cosa: *tu capacidad intelectual no tiene nada que envidiar a las de tus compañeros*» [DLE]; «no tener (nada) que envidiar No ser (*una persona o una cosa*) inferior a otra persona u otra cosa: *Tu coche no tiene nada que envidiar al suyo*» [GCD].

[6] *No tener nada que envidiar,* букв. ʻне иметь ничего, чему завидовать’ → ʻне завидовать’ → ʻбыть не хуже’.

(2) Французский глагол *envier*: «Loc. *N'avoir rien à envier à: avoir les mêmes qualités (ou défauts) que. N'avoir rien à envier à personne: «un ensemble d'une richesse, d'une élégance féerique* [...] *qui n'a rien à envier à aucun art* (Gautier)» [PR].

(3) Итальянский глагод *invidiare*: «non avere niente da i. a nessuno, essere soddisfatto della propria condizione; non essere inferiore» [SCD]. «*non aver nulla da i. a nessuno*, essere soddisfatto della propria condizione, non doversi ritenere inferiore (o meno dotato, meno fortunato, ecc.) rispetto ad altri; anche determinando: *ho anch'io un buon lavoro*, *e non ho nulla da invidiargli*; riferito a cosa, in quanto si ritenga pari o anche superiore ad altre con cui si confronti: *è un prodotto nuovo che non ha nulla da i. agli altri attualmente in commercio*» [VT]. Приведем пример из художественной литературы, наглядно демонстрирующий употребление итальянского глагола в рассматриваемом значении: «*Пирог* ***не хуже*** *наших обломовских, — заметил Захар, — с цыплятами и с свежими грибами* (Иван Гончаров. Обломов (1849-1858)). «Una torta che **non ha niente da invidiare** a quelle che si facevano a Oblomovka», disse Zachar, «con carne di pollastrello e funghi freschi»» [НКРЯ].

(4) См. также русский глагол *завидовать* и английский глагол *to envy* в контекстах, подобных примеру из романа В.В. Набокова: *Он разложил шерстяную шашечницу и пухлой рукой со взведенным мизинцем расставил фигуры, прочно сделанные —по старому арестантскому рецепту — из хлебного мякиша, которому* ***камень мог позавидовать*** (В.В. Набоков. Приглашение на казнь (1935)). He spread out a checkerboard made of wool and with his plump hand, cocking the little finger, he set up the places, which werefashioned of kneaded bread according to an old prisoner's recipe, so solidly, **that a stone might envy them** [НКРЯ].

IV. Следует отметить, что во многих языках слова, обозначающие ʻзависть', производны от основ со значением ʻвидеть' или ʻсмотреть', например: лат. *invidere* и *invidia*, исп. *envidiar* и *envidio*, рус. *завидовать*, *зариться*, пол. *zazdrość* и *zazdrościć*, белор. *зайздрасць* и *зайздросціць*, укр. *заздрість*, *завидки*, *заздрити* и *завидити*, чеш. *závidět* и т.д.

V. Ассоциация зависти с синевато-серым / или мертвенно-бледным цветом определило соответствующую полисемию.

В латыни зависть ассоциировалась с синевато-серым (или мертвенно-бледным) цветом, что отражено в значении слова *livor*: «1) синевато-серый (или мертвенно-бледный) цвет, синева, свинцовый цвет (livore decoloratum corpus mortui rhH 3) сильная зависть, недоброжелательность (malevolentia et 1. C)» [ЛРС].

См. также итальянское *livore*: «s. m. [dal lat. *livor -oris*, der. di *livere* «essere livido»]. — Ant., lividezza, lividura: *D'importuno livor stringendo segna Di queste belle man l'avorio terso* (Ariosto). In partic., l'aspetto livido del volto di chi è tormentato dall'invidia: *Fu il sangue mio d'invidia sì rïarso*, *Che se veduto avesse uom farsi lieto*, *Visto m'avresti di livore sparso* (Dante). Quindi, nell'uso com., sentimento d'invidia astiosa e maligna, rancore velenoso: *cupo l.*; *parole piene di l.*; *essere roso dal l.*; *l'odio e l'immondo Livor privato e de' tiranni* (Leopardi» [VT].

VI. Лексические трансформации.

Лексические трансформации при переводе предикатов кластера «зависть» часто «воспроизводят» семантические переходы, перечисленные выше:

Тр. 1: ʻнедовольство человека имеющимся положением делʼ / ʻнедовольство Х-аʼ — ʻзавистьʼ.

(1) *"Why, no, I don't," she replied, a little sadly, for at the very moment she had been* ***looking at the happy dancers rather ruefully*** *and thinking how unfortunate it was that she had never been allowed to dance* (Theodore Dreiser. An American Tragedy, book I-II (1925)). — Нет, не танцую, — ответила она не без грусти. В эту минуту, глядя на счастливых танцоров, она слегка **завидовала** им. Как жаль, что ей никогда не позволяли танцевать! [НКРЯ]. (Чувствовать досаду при виде счастья других → завидовать).

(2) *It developed in a quiet way that he was a wanderer and explorer of no small parts, and that he had seen life and strife pretty well all over the earth's crust. And withal, he was so mild and modest about it, that nobody, not even among the men,* ***was irritated*** *by his achievements* (Jack London. A Daughter of the Snows (1902)). Постепенно стало известно, что этот путешественник и исследователь повидал свет и знал жизнь, и он при этом был так скро-

мен и молчалив, что **никто не завидовал ему**, даже мужчины [НКРЯ]. (Не чувствовать досаду при виде успехов других → не завидовать).

Тр. 2: ʻхотеть то, что есть у другого человекаʼ — ʻзавидоватьʼ.

(1) "*This is a fine, bright, caller place to get shot in," says Alan suddenly; and, man,* ***I wish that I had*** *your courage!* (Robert Louis Stevenson. Catriona (1893)). — В таком славном, солнечном, прохладном месте обидно получить пулю в лоб, — вдруг сказал Алан, — и я **завидую** твоему мужеству, дружище [НКРЯ].

(2) *She was a student of life, a critic of emotions and understanding, with keen appreciative intelligence, and yet* ***longing*** *intensely for just what Stella and Margaret and Ruby and even Angela had—youth, beauty, interest for men, the power or magnetism or charm of face and form to compel the impetuous passion of a lover* (Theodore Dreiser. The "Genius", book I-II (1915)). Она изучала жизнь и любила критически анализировать человеческие чувства, но в то же время страстно тосковала именно по тому, чем обладали и Стелла, и Маргарет, и Руби, и даже Анджела, **завидуя** их молодости, красоте, привлекательности, магнетическому очарованию их лица и фигуры, способному вызвать в возлюбленном пылкую страсть [НКРЯ].

(3) — *Пусть ты невиновен, что не знал совсем господа, когда* ***завидовал*** *корму свиней и когда тебя били за то, что ты крал у них корм (что ты делал очень нехорошо, ибо красть не позволено), —но ты пролил кровь и должен умереть* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 1—2) (1878)). Though it's not your fault that you knew not the Lord, when you **coveted** the pigs' food and were beaten for stealing it (which was very wrong of you, for stealing is forbidden); but you've shed blood and you must die [НКРЯ].

(4) — *He could hear the bitch—somewhere-growling, and followed her into what had once been the kitchen. She lay in a deathly attitude over a bone with her old teeth bared. An Indian's face hung outside the mosquito wire like something hooked up to dry-dark, withered, and unappetizing. He had his eyes on the bone* ***as if he coveted it*** (Graham Greene. The Power and the Glory (1940)). Собака зарычала, и он пошел на ее голос туда, где раньше была кухня. Оскалив свои старые зубы и точно подыхая, собака припала к кости. За москитной

сеткой показалось лицо индейца, будто подвешенное там провялиться, темное, сухое, неприятное. Его глаза **с завистью смотрели** на кость [НКРЯ].

(5) — *Humpty Dumpty raised his voice almost to a scream as he repeated this verse, and Alice thought with a shudder,' I* ***wouldn't have been*** *the messenger for ANYTHING!* (Lewis Carroll. Through the Looking-Glass and what Alice found there). Шалтай-Болтай прокричал последнюю строчку так громко, что Алиса подумала,**—Не завидую** я этому чужестранцу! [НКРЯ].

(6) (пол.) *Lecz Jabłonowski ją już nadto dobrze znał, a głos powszechny go uczył, iż z nią i przez nią do niczego by nie doszedł. Patrzał też na los niegdy przyjaciela swego, nieboszczyka króla, i przekonał się, że korona nie była* ***do zazdrości*** (Józef Ignacy Kraszewski. Adama Polanowskiego, dworzanina króla Jegomości Jana III, notatki (1876-1887)). Но Яблоновский слишком хорошо знал ее характер и, имея перед глазами пример своего друга, покойного короля, убедился, что корона не так уж **соблазнительна** [НКРЯ].

(7) (ит.) — *C'è poco da ridere, — gridò Pinocchio impermalito. — Mi dispiace davvero di* ***farvi venire l'acquolina in bocca*** [7]*, ma queste qui, se ve ne intendete, sono cinque bellissime monete d'oro* (Carlo Collodi. Pinocchio (1883)). — Тут нечего смеяться! — рассердился Пиноккио. — Мне жаль, что вам придется **издохнуть от зависти**, но вот здесь, если вы что-нибудь смыслите в этих делах, пять великолепных золотых монет [НКРЯ].

(8) (фр.) *Il était de ces hommes qui ne s'enthousiasment que pour ce qui est applaudi,* ***convoité*** *et disputé par les autres* (Sand, George/Consuelo. Tome I.). Он был из тех, кто восхищается только тем, что нравится другим, чему **завидуют** и что оспаривают другие [ABBYY].

(9) (белор.*) Але больш за ўсё кідаліся ў вочы дываны на сценах, два вялікія персідскія, як называлі, квяцістыя дываны, яна, Вольга,* ***на такія даўно зайздросціла****, калі ў каго бачыла, даўно марыла набыць хоць адзін такі* (Іван Шамякін. Гандлярка і паэт (1976)). Но больше всего бросались в глаза ковры на стенах, два огромных персидских,

[7] *far venire l'acquolina in bocca* 'вызывать аппетит', CAUS (desiderare intensamente qualcosa), 'вызывать сильное желание', ср. рус. *слюнки текут*.

как их называли, с удивительными узорами ковра. Ольга **на такие давно заглядывалась**, мечтала купить, как только сама стала хозяйкой [НКРЯ].

(10) "*You've seen many worlds," the young man said **dreamily**, trying to conceive of it* (Le Guin, Ursula. Rocannon's World). **—** Как много миров ты повидал! **— с завистью** сказал юноша [ABBYY]. (Желание / мечта → зависть)

(11) фр. *Elle tient à la main le vieux Leica qu'elle **m'enviait** en silence depuis des années et que j'ai fini par sacrifier à sa passion pour la photo* (Pennac, Daniel / Au bonheur des ogres). В руке у нее старая «лейка», на которую она вот уже три или четыре года **глядела с молчаливым вожделением** и которую в конце концов я решил ей пожертвовать: раз уж девочка так любит фотографировать… [ABBYY]. (Завидовать → смотреть с желанием).

Тр. 3: ʻхорошийʼ — ʻзавидныйʼ [8].

(1) *He stood watching while the instructress raised her arms above her head and — one could not say gracefully, but with **remarkable neatness** and efficiency — bent over and tucked the first joint of her fingers under her toes* (George Orwell. Nineteen Eighty-Four (1949)). Он наблюдал, как преподавательница вскинула руки над головой и — не сказать, что грациозно, но с **завидной** четкостью и сноровкой, нагнувшись, зацепилась пальцами за носки туфель [НКРЯ].

(2) *The daughter, however, had other views, and there were already several candidates for her hand, who, if they were less **eligible** from a worldly point of view, were at least more of an age* (Arthur Conan Doyle. The Adventure of the Creeping Man (1927)). У дочери, правда, были другие виды: на ее руку уже имелись претенденты, быть может, не столь **завидные** с житейской точки зрения, зато более подходящие ей по возрасту [НКРЯ].

(3) *And Clyde, as he followed Mr. Whiggam, was thinking what a **wonderful place** Mr. Gilbert Griffiths enjoyed* (Theodore Dreiser. An American Tragedy, book I-II (1925)). А Клайд, идя за Уигэмом, размышлял о том, какой **завидный пост** занимает мистер Гилберт Гриффитс [НКРЯ].

[8] Компонент ситуации зависти «Z – положительно оцениваемое свойство или объект».

(4) *With **exquisite** patience, he slowly withdrew one sucking arm and then the other and rested them flat on the surface for the support of his chin*. … (Jack London. Smoke Bellew (1912)). С **завидным терпением** он медленно вытащил обе руки из грязи, положил их плашмя на воду, чтобы опереться на них подбородком [НКРЯ].

(5) *To do the red-nosed man justice, he would have been very far from wise if he had entertained any such intention; for, to judge from all appearances, he must have been possessed of a **most desirable circle** of acquaintance, if he could have reasonably expected to be more comfortable anywhere else* (Charles Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club (1836—1837)). Следует отдать справедливость красноносому: он был бы очень глуп, если бы питал подобного рода намерение, ибо, судя по всем видимостям, он должен был бы располагать весьма **завидным кругом знакомств**, чтобы рассчитывать на больший комфорт в другом месте [НКРЯ].

(6) *"Obwohl keine vierzig Jahre alt und von **ungebrochner Vitalität**, gedachte er eine neuerliche Verehelichung noch einige Zeit hinauszuschieben"* (Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985)). Хотя ему не было и сорока и он отличался **завидным здоровьем**, он не торопился вступать в новый брак [НКРЯ].

(7) *Томас Грей в знаменитой "Элегии, написанной на сельском кладбище"* (Elegy Written in a Country Churchyard, 1751) *размышлял о том, что безвестность и скромная доля сельских бедняков помогают им сохранить добродетели, легко утрачиваемые в более **завидных** обстоятельствах жизни* (Е. Зыкова. Певец Озерного края [Предисловие к кн.: Уильям Вордсворт. Избранная лирика. М.: Радуга, 2001.] (2001)). (укр.) Томас Грей у знаменитій "Елегії, написаній на сільському кладовищі" (Elegy Written in a Country Churchyard, 1751) розмірковував про те, що безвісність і невибаглива доля сільських бідняків допомагають їм зберегти чесноти, які легко втрачаються у більш **принадливих** обставинах життя [НКРЯ].

(8) *Отец Гуттиэре, индеец Бальтазар, очень хотел этого брака и всячески уговаривал дочь не отказывать такому **завидному** жениху* (А.Р. Беляев. Человек-амфибия

(1928)) (укр.) Батько Гуттієре, індіанець Бальтазар, дуже хотів цього шлюбу і всіляко умовляв дочку віддати руку такому **показному** женихові [НКРЯ].

(9) (белор.) *Ён любіў прыгажуню дачку, жадаў ёй шчасця, але, хоць і жыў у набажэнстве, хоць моцна верыў усяму нябеснаму, не мог пагадзіцца, што* ***найлепшае*** *дзявочае шчасце — у манастыры* (Леанід Дайнека. След ваўкалака (1988)). Он любил красавицу-дочку, желал ей счастья, однако, хотя и жил в набожности, хотя и верил всему небесному, не мог согласиться, что самое **завидное** девичье счастье — в монастыре [НКРЯ].

(10) (белор.) *«Куды як зайздросна, — падумаў Валошын, — прыняць гэта камандаванне ў такі* ***здатны*** *час»* (Васіль Быкаў. Яго батальён (1975)). Куда как здорово, подумал Волошин, принять это командование в такое **завидное** время [НКРЯ].

Тр. 4: ‘недоброжелательство’ / ‘злоба’ / ‘ненависть’ ↔ ‘зависть’.

(1) (пол.) *Jest tedy Wit królem, jak wam, pani matko, obiecałem! Wielki stąd splendor na cały nasz ród, ale i* ***zazdrości*** *po świecie niemało* (Zofia Kossak. Król trędowaty (1937)). Вот, как и обещал я вам, матушка, и вышел Вит в короли, отчего почет немалый всему нашему роду, но и в **недоброжелателях** нет недостатка [НКРЯ].

(2) *It turned Brer Merlin* ***green with envy*** *and spite, which was a great satisfaction to me* (Twain, Mark. A Connecticut Yankee in King Arthur’s Court). Старикашка Мерлин **зеленел от злости**, и это доставляло мне большое удовольствие [НКРЯ].

(3) (укр.) *Великий бог, що вивів Ізраїля з пустині, що не дав йому досі втопитись у хвилях* ***зненависті*** *інших народів, ще разодверне од нього ворожу руку* (Михайло Коцюбинський. Він іде! (1906)). Великий бог, который вывел израильтян из пустыни и доныне не дал им утонуть в волнах **зависти** других народов, ещераз отвратит от них руку врага [НКРЯ].

(4) *И как он мог мне* ***завидовать*** *и клеветать на меня, когда сам жил с детьми!* (Достоевский, Фёдор / Идиот). How he could **hate** me and tell scandalous stories about me, living among children as he did, is what I cannot understand [ABBYY].

(5) *Have a title, wealth, power, and all the hatred and envy they will draw* (Bujold, Lois McMaster / Barrayar). Получи титул, богатство, власть — и всю **ненависть**, которая им сопутствует [НКРЯ]. (Ненависть и зависть → зависть)

(6) *К нему же было какое-то странное чувство и **ненависти** и сознания своего унижения и его победы, но к ней страшная ненависть* (Л.Н. Толстой. Крейцерова соната (1890)]. “Ihm gegenüber empfand ich ein eigenartiges Gefühl **des Neides**, ein Bewußtsein meiner Unterlegenheit und seines Sieges, für sie aber hatte ich nichts als einen grenzenlosen Haß” [НКРЯ].

(7) (ит.) *Fortuna che aveva per zavorra la **malignità** de' miei compaesani* (Luigi Pirandello. Il Fu Mattia Pascal (1904)). Итак, балластом удачи моего отца служила **зависть** его сограждан [НКРЯ].

Тр. 4: ‘Попытки каким-либо образом нанести ущерб’ / ‘навредить’ — ‘завидовать’:

(1) *In the Department of Bio-Physics, the good-natured chief was reviled and **envied** by his own assistant* (Lewis, Sinclair / Arrowsmith). В отделе биофизики добродушного заведующего поносил и **подсиживал** его же помощник [НКРЯ]. (Завидовать → подсиживать (делать гадости)).

Тр. 5: ‘быть хуже’ — ‘завидовать’/

(1) —*Me parece bien… -respondió el tío Lucas con una ironía y un **disimulo que nada tenían que envidiar a la diplomacia** del señor Juan López-* (Pedro Antonio de Alarcón. El sombrero de tres picos (1874)). — Ну что ж…— ответил дядюшка Лукас с иронией и коварством, которые ни в чем н**е уступали дипломатии** сеньора Хуана Лопеса [НКРЯ]. (X не завидует Y-у → X не хуже Y-а).

(2) — *Я смотрю, ваш **Фрейд не хуже Разудалова**. Одни гулянки на уме…* (Сергей Довлатов. Иностранка (1986)). “À ce que je vois, votre Freud **n’a rien à envier à Razoudalov**. Il ne pense qu’à ça” [НКРЯ]. (X не хуже Y-а → X не завидует Y-у).

(3) (пол.) *A te piękne konie, którym jaskółka mogłaby **zazdrościć** lotu* (Bolesław Prus. Lalka (t. 1) (1887-1890)). А чудесные лошади, с которыми ласточка **не сравнится** в быстроте? [НКРЯ].

VIII. Выводы.

Таким образом, на материале разных языков мы рассмотрели способы номинации зависти, опирающиеся на компоненты прототипической ситуации этой эмоции: 1) недовольство человека имеющимся положением дел, ощущение несправедливости «распределения благ»; 2) желание человека обладать некоторым свойством или объектом Z, наличествующим у другого; 3) свойство или объект, имеющиеся у объекта зависти, оцениваются субъектом зависти положительно; 4) недоброжелательство, ненависть к человеку, обладающему искомыми благами; 5) попытки каким-либо образом нанести ущерб ему; 6) подражание или соперничество с ним; 7) ощущение человека, испытывающего зависть, что он хуже того, к кому он испытывает зависть.

В своем исследовании мы пользовались аппаратом семантических переходов. Опираясь в значительной мере на работу Е.Р. Иоанесян [7], мы выделили ряд дополнительных компонентов в прототипической ситуации зависти и расширили языковой материал, включив данные украинского, польского и немецкого языков.

Список сокращений

АРСС — Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др.; Под рук. А.И. Розенмана, Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1979.

БИРС — Испанско-русский словарь / Н.В. Загорская, Н.Н. Курчаткина, Б.П. Нарумов и др. Под ред. Б.П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988..

БПС — Большой психологический словарь. Под ред. Б.Г., Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб., 2003.

БНРС — Большой немецко-русский словарь: В 3-х т./Под ред. О.И. Москальская. М..: Русский язык, 2002.

ЕТ — Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006 // http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova.

ЛРС — Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976.

НБАРС — Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т./ Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993 – 1994 // http://eng-rus.slovaronline.com.

НФЭ — Новая философская энциклопедия: в 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. 2001 //http://dic.academic.ru.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка //http://ruscorpora.ru.

ОЖ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка М.: Азъ, 1992 // http://ozhegov.info/slovar.

ПЭ — Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2014 //http://pravoslavnaya.academic.ru.

ПЦС — Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). Сост. свящ. Григорий Дьяченко, 1900 //https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar.html.

СБЛ — Старабеларускі лексікон: Падручны перакладны слоўнік. Менск: Беларускае выдавецтва Таварыства «Хата», Укладальнікі: Прыгодзіч Мікалай, Ціванова Галіна, 1997 // http://www.slounik.org/starbiel.

УШ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940.

ФЭ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е-Муж.) /Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986.

AC 1935 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932-1935) // http://french_ academie. fracademic.com.

ABBYY — ABBYY Lingvo Live //https://www.lingvolive.com.

AL — Allgemeines Lexikon// http://encyclop_de.deacademic.com.

DLF — Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. P., 1934 //http://www. lexilogos.com/latin/gaffiot.php.

DLFN — Noël F. Dictionarium Latino-Gallicum / Dictionnaire latin-français. Septième Édition, revue et corrigée par l'auteur. P., 1822 // https://books.google.fr.

DRAE — Real Academia Española: Diccionario de la lengua española //http: //lema.rae.es/drae.

Duden — Wörterbuchzugang Duden online // http://www.duden.de/woerterbuch.

DWDS — Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts // https://www.dwds.de.

ELP — El País. © EDICIONES EL PAÍS S.L. //http://servicios.elpais. com /diccionarios.

GCD — Gutiérres Cuadrado J. Diccionario Salamanca de la Lengua Española // http://sal_es.esacademic.com.

GDL — Grand dictionnaire de la langue latine par Napoléon Theil, d'après le dictionnaire de William Freund (1929). Traduit en Francais. Paris, Librairie de Firmin-Didot // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k58464809.

OED — Harper D. Online Etymology Dictionary // http://www. etymonline.com.

OUD – The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. Oxford University Press, Amen House, London E. C., 1955.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / P. Robert, J. Rey-Debov, A. Rey. Paris: Dictionnaires LE ROBERT, 1970.

SCD — Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiana. Milano, 2007 // http://dizionari.corriere.it.

VT — Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana //http://treccani. it/vocabolario.

WNW — Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition // http://websters.yourdictionary.com.

WRU 1844 — Webster's Revised Unabridged Dictionary (1844) // 1828.mshaffer.com.

WRU 1913 — Webster's Revised Unabridged Dictionary (1913) //1828.mshaffer.com.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, Том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.

2. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания, № 2, 2001// http: //philology.ru/linguistics1/zaliznyak_anna-01.htm.

3. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

4. Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода//Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27 — 31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009. С. 119—123.

5. Иоанесян Е.Р. Семантические переходы в лексическом поле страха // Научный диалог, № 12 (48), 2015. С. 81—92.

6. Иоанесян Е.Р. Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. Выпуск 7. М., 2015. С. 98—223.

7. Иоанесян Е.Р. Предикат: семантическая деривация и трансформации при переводе // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. Выпуск 8. М., 2016. С. 252—315.

8. Иоанесян Е.Р. Предикаты эмоционального состояния: прототипический сценарий и семантическая эволюция // Ученые записки Орловского государственного университета. №3 (72), 2016. С. 160—166.

9. Иоанесян Е.Р. Модели семантической деривации в классе предикатов сожаления и раскаяния // Научный диалог. № 3, 2017. С. 31—44.

10. Ильин Е.П. Эмоции и чувство. СПб., 2001.

11. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. № 4, 2000. С. 85—109.

12. Налчаджян А.А. Агрессивность человека. СПб., 2007.

13. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

14. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий: Учеб.пособие для учеб. заведений профтехобразования. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1984.

15. Руссо М.М. Локализация эмоций в языках мира // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов. Электронное научное издание). Вып. 2, 2010 // http://www.iling-ran.ru/library /sborniki/for_lang/2010.

16. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008.

17. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. № 1 (3), 2002. С. 112—127.

18. Black M. Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy. London: Cornell University Press, 1962.

Н.К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

N.K. Riabtseva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Отличительные особенности интернет-коммуникации в металингвистическом и прикладном аспекте

Internet communication and its essential distinctions: A metalinguistic and applied perspective

Аннотация

Целью данной статьи выступает характеристика основных металингвистически значимых свойств интернет-коммуникации, а также ее состава, структуры и возможностей, которые она открывает в современном обществе. Отмечаются новые тенденции в развитии интернет-коммуникации и их влияние на науку, образование, социальные отношения, язык и лингвистику, а также новые металингвистические проблемы, которые интернет-коммуникация ставит перед прикладной лингвистикой.

The paper presents essential metalinguistic characteristics of internet communication, as well as its components, structure and perspectives it provides in contemporary society. Special attention is paid to new tendencies in the development of internet communication and their impact on science, education, social relations, language and linguistics in general, and on applied linguistics and metalinguisitcs in particular.

Ключевые слова

Операционность, гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность, киберсемиотичность, металингвистические проблемы прикладного языкознания

Digitality, hypertextuality, interactivity, multimodality, cybersemioticity, metalinguistic problems of applied linguistics

Статья посвящена анализу основных металингвистически значимых свойств интернет-коммуникации, новым тенденциям в ее развитии и их влиянию на общество,

науку, образование, социальные отношения, язык и лингвистику, а также на когнитивные и интеллектуальные процессы. Статья состоит из следующих разделов: «Интернет-коммуникация и ее металингвистически значимые инновационные свойства»; «Основные тенденции в развитии интернет-коммуникации и проблемы ее изучения»; «Значение интернет-коммуникации в интеллектуальном, когнитивном и социальном аспекте»; «Язык и стиль интернет-коммуникации». В заключении отмечается, в частности, влияние цифровых технологий на характер современных лингвистических исследований.

Интернет-коммуникация и ее металингвистически значимые инновационные свойства

С момента своего возникновения и до сих пор интернет как принципиально новый тип информационного пространства привлекает внимание ученых самых разных специальностей, в том числе лингвистов. При этом наиболее выдающимися разработчиками и исследователями интернет-коммуникации и «интернетологии» являются всемирно известные ученые Ларри Розен, Дэвид Кристал, Джей Дэвид Болтер, Дуглас Энгельбард, Сорен Бриер, Лев Манович и мн. др. [70; 38; 39; 29; 30; 42; 32; 33; 62; 63]. В их работах отмечается, в первую очередь, значительное влияние интернет-коммуникации на все стороны жизни общества, на внутренний психологический и интеллектуальный мир человека, на профессиональную и образовательную деятельность, а также подчеркивается недостаточное использование преимуществ интернет-коммуникации и цифровых технологий в научной, просветительской, общественной и культурной деятельности (подробнее см. [14; 15; 17; 18; 21; 66—68]).

Что касается современных лингвистических исследований интернет-коммуникации, то в них выделяются ее самые разнообразные и порой не связанные друг с другом свойства. Основное внимание уделяется интернет-рекламе, интернет-СМИ, интернет-форумам, чатам, сайтам и т.п. (см., например, [6; 28; 55; 60] и мн. др.). Так, причисление интернет-коммуникации к средствам массовой информации или социальной коммуникации, чрезмерное утрирование проблемы «интернет-аддикции» или порождаемого ею «клипового мышления», определение интернета и интернет-коммуникации как

«информационного хаоса» или «коммуникации одного и более индивидов посредством интернета» (http://mediascope.ru/node/1081) и т.п. не являются адекватными значению и сущности интернет-коммуникации.

При этом чтение заголовков в интернет-СМИ и формирование «клипового мышления», «лоскутного восприятия действительности» и т.п. (вопреки мнению ряда авторов, особенно журналистов) не имеют ничего общего между собой (подробнее см. [16]). Заголовки (в интернет-СМИ) действительно приобретают важнейшее значение как свернутое и сжатое изложение сущности вводимой новой информации и потому принимают форму простого, законченного и содержательного предложения. Выступая средством ориентации в текущих событиях и выборе наиболее интересных из них, они способствуют быстрому выявлению актуального, близкого и важного для конкретного пользователя.

Соответственно, интернет — это не только и не столько бесконечный информационный массив, содержащий броские заголовки, рекламу, непроверенную информацию и т.п., но и эффективное средство получения и генерирования новой, в том числе и научной информации, а также еще целого ряда принципиально новых направлений деятельности, особенно профессиональной. (Так, Лев Манович, главный разработчик «Манифеста о цифровых гуманитарных науках», *The Digital Humanities Manifesto 2.0* [63] и руководитель лаборатории культурной аналитики (Калифорнийский ун-т, США), в настоящее время занимается сравнением оцифрованных произведений живописи из музеев мира. На основе получаемых результатов он отмечает, что также, как в естественных науках, цифровые технологии помогают достичь небывалых ранее результатов, превратив науку из суммы гипотез в сумму данных, культурная аналитика, используя математический анализ и программирование, способна, например, переписать историю искусства.)

В связи с этим представляется актуальным выделить наиболее лингвистически значимые особенности интернет-коммуникации и дать их комплексную характеристику, в первую очередь, в металингвистическом и прикладном аспектах. При этом становится очевидным, что, благодаря своим уникальным отличительным свойствам, интернет-

коммуникация имеет собственные тенденции и особенности развития, обеспечивающие ее возрастающее значение в современной культуре.

Так, несмотря на то, что интернет-коммуникация состоит из множества самых разнообразных компонентов и явлений (интернет-сайтов, интернет-текстов, интернет-дискурса, специальных и социальных сетей, электронной почты, разнообразных ресурсов, площадок, форумов, кибер-проектов, аукционов, магазинов, платежных систем, игр, технических устройств и т.п.), ее самой важной чертой, отличающей ее от всех других типов коммуникации, является ее «цифровая» (digital) природа. Она заключается в соединении высокотехнологичного оборудования и его программного обеспечения: digital hardware & computer software. Благодаря своей цифровой природе интернет-коммуникация приобретает принципиально новые металингвистические и коммуникативные свойства. Главные из них следующие: 1. «операционность»; 2. гипертекстуальность; 3. мультимедийность; 4. интерактивность; 5. киберсемиотичность.

1. «Операционность» (операциональность) интернет-коммуникации [29] — это ее высокотехнологичность. Она позволяет фиксировать и превращать все типы и виды информации — текстовой, визуальной, звуковой, графической и т.п. — в контент и автоматически его обрабатывать и передавать. В результате появляется техническая (высокотехнологичная) возможность производить над ним теоретически бесконечное количество разнообразных операций: сворачивать, разворачивать, копировать, перемещать, совмещать, преобразовывать, переформатировать и мн. др. Данное свойство интернет-коммуникации открывает широкие возможности ее использования практически в любой профессиональной, образовательной, социальной, творческой и т.п. деятельности. При этом главным операционным свойством интернет-коммуникации является ее гипертекстуальность.

2. Гипертекстуальность интернет-коммуникации [29; 56] заключается в ее беспрецедентной «коннективности». Последняя воплощается в связанности данного текста или контента с теоретически бесконечным количеством аналогичных или смежных информационных ресурсов, содержащих заданный (выделенный, ключевой) элемент —

«гиперссылку». В результате порождается многомерность и объемность не только данного текста или контента, но и всей сети в целом, а также ее динамичность, упорядоченность, структурированность, рекуррентность и т.д.

Гиперссылки связывают текстуальные и все другие компоненты интернет-коммуникации в единое целое и превращают интернет-текст в принципиально новое информационное явление — гипертекст (ГТ). Они представляют собой обязательное, эксплицитное и предельно эффективное средство информационной связи (коннективности) в кибер-сети. Гиперссылки создают иерархичность информационной структуры гипертекста, ее многомерность, открытость ее организации и архитектуры, возможность бесконечного наращивания текста, его нелинейного восприятия и развертывания, а также все остальные уникальные информационные свойства ГТ [27].

Главное из них — возможность информационной навигации по гипертексту при помощи гиперссылок. Это свободное и самостоятельное движение в гипертекстовой сети. Оно позволяет пользователю самому формировать альтернативные траектории навигации по гипертексту и строить уникальную комбинацию (связь, коннективность) гипертекстовых фрагментов. Это делает ГТ не только открытым и бесконечным, но и динамичным, способным изменять свою информационную структуру. Что, в свою очередь, обеспечивает его нелинейное развертывание и наращивание информации.

В целом ГТ порождает новую информационно-коммуникационную среду с новыми информационными технологиями: объединяет информационную, коммуникативную и операционную среду, а также преобразует представления о тексте. Текст в новом информационном пространстве, в отличие от обычного текста в обычной «печатной» коммуникации, становится «сверх-текстом», «гипер-текстом» и приобретает целый ряд новых черт. В сети линейный текст, благодаря гиперссылкам, становится объемным не только в смысловом отношении, но и в виртуальном: он соединяется при помощи гиперссылок в сеть с комплексом смежных текстов, интегрируется с ними в единое пространство и образует новый, «коннективный» конструкт, способный сам порождать множество инновационных явлений [17].

Таким образом, ГТ — это новый, обусловленный цифровыми технологиями тип упорядоченного представления текстов как объемного, многомерного и теоретически бесконечного информационного образования, который, в свою очередь, способен вступать во взаимодействие с различными и разнообразными «мультимедийными» видами и типами представления информации [40].

3. Мультимедийность интернет-коммуникации — это ее технологически обусловленная способность и возможность интегрировать различные виды представления информации: вербальной и невербальной, визуальной и семиотической, графической и паграфемной, звуковой и цветовой, сочетать текст с видео(рядом), фотоматериалами, анимацией и т.п. [58].

В результате происходит объединение и совмещение разных видов информации и ее качественное увеличение. Разные модусы информации дополняют друг друга и способны порождать новую информацию и новые смыслы (подтекст, иронию, аллюзию и т.п.). Средства мультимедиа позволяют также создавать инновационные базы и банки данных и знаний в сфере культуры, науки и производства. Мультимедийность стала также обязательным средством создания самых разнообразных информационных, образовательных, развивающих, развлекательных и мн. др. ресурсов, особенно энциклопедий, виртуальных тренажеров, игровых методик обучения и т.п. Мультимедийность интернет-коммуникации стала импульсом для развития целого комплекса принципиально новых технологических решений в представлении и синтезе информации разных типов и видов: аудиовизуальной, «навигационной», «дополненной реальности» и др., доступной в том числе и в интерактивном режиме [48].

4. Интерактивность интернет-коммуникации проявляется, в первую очередь, в участии пользователя сети в формировании и воплощении своих информационных и поисковых запросов, в частности, в активизации разного рода гиперссылок и т. п. Но наиболее ярко интерактивность проявляется в наличии обратной связи между отправителем и получателем (адресатом) информации в режиме реального времени. Она обеспечивает включенность пользователя в процесс информационного взаимодействия, в виде, в

частности, онлайн-комментария. Последний превращает пользователя информации и адресата коммуникации в автора, а интернет-текст — в интернет-дискурс и интернет-диалог. Данное свойство интернет-коммуникации обеспечивает возможность беспрецедентных коммуникативных взаимодействий между любыми индивидами, группами и сообществами пользователей интернет-технологиями (подробнее см. [66; 68]).

При этом особо значимым и принципиально новым жанром интернет-коммуникации стал индивидуальный интернет-комментарий. Он позволяет пользователю сети высказать свои личные соображения о любом событии и явлении. Такого рода опция преобразует отношение получателя информации к информации и самому себе. Любой получатель информации имеет возможность стать ее комментатором, автором «ответного» текста, выразить собственную точку зрения, проявить свою индивидуальность, почувствовать собственную значимость и приобретаемые новые способы самовыражения и влияния на текущую коммуникативную ситуацию. Так, разнообразные форумы и др. дискуссионные интернет-площадки с комментариями часто содержат самые неожиданные мнения: от высокопрофессиональных до сугубо прагматических и просто игровых, от оптимистических и позитивных до скептических и отрицательных. Это придает данной сфере интернет-общения поучительный характер, а также подвигает его участников к собственному осмыслению предмета дискуссии.

Что касается первой опции — участия пользователя сети в формировании и воплощении своих информационных и поисковых запросов, то здесь наблюдается ярко выраженная тенденция разработчиков информационных и др. ресурсов как можно более точно учитывать и даже предугадывать запросы пользователей: создавать дружественные интерфейсы, упрощать, унифицировать, диверсифицировать и оптимизировать взаимодействие пользователей с интернет-ресурсами и между собой. Этому способствует главное технологическое свойство интернет-коммуникации — ее киберсемиотичность. При этом появляется возможность создавать принципиально новые гипермедийные, в первую очередь, навигационные технологии представления информации и управления знаниями и ресурсами [59].

5. Киберсемиотичность [32; 33] интернет-коммуникации заключается в предоставляемой цифровыми технологиями возможности интеграции разнотипной / полимодальной информации: текстовой, мультимедийной, семиотической и гипертекстовой, точнее, «навигационной». В результате происходит гипермодальное взаимодействие операционных инструментов представления, обработки и навигации интернет-контента.

При этом в «киберсемиотическом» отношении интернет-коммуникация распадается на реальную (видимую на экране) и виртуальную (скрытую за гиперссылкой), эксплицитно представленную и имплицитно присутствующую, текстовую и гипертекстовую, вербальную и мультимедийную, полимодальную (включающую невербальные принципы представления информации) и гипермодальную. Она предлагает различные семиотические способы выделения и иерархизации информации и навигации контента, формирования индивидуальных настроек и т.п. [40].

Соединяя текст, знаки разных систем, изображения и гиперссылки в единую навигационную систему, она позволяет пользователю быстро и в удобной форме получать интересующую его информацию. Роль мультимедийных, гипертекстовых и семиотических средств при этом может быть разной. Помимо того, что они обеспечивают присутствие «скрытой информации» (алгоритмической, процедурной, и т.п.), они могут поразному взаимодействовать между собой. В результате формируются разнообразные навигационные стили запроса и предоставления информации. Это способствует постоянному совершенствованию принципов доступа к искомой информации и операций над ней: свертывания, развертывания, символизации, девербализации и др.

Так, в настоящее время основная работа над оптимизацией навигационных стилей ведется в направлении предоставления пользователю прямого и разнообразного (не единственного) доступа к искомой информации. Это приводит к смене ставшего уже традиционным иерархического, «тезаурусного» принципа организации и получения информации на новый, «сетевой». Он позволяет достичь желаемого не через два и более шага, а более коротким и при этом не единственным путем. Особую роль в этих процессах играют разного рода символы, изображения и др. семиотические средства.

Между различными типами и видами интернет-коммуникации существуют горизонтальные и вертикальные связи: гиперо-гипонимические, тематические, аксиологические, стилистические, жанровые и т.п., которые создаются гиперссылками, рубрикаторами, и др. средствами киберсемиотической упорядоченности содержания и используются в навигации интернет-контента. При этом происходит сочетание принципов расширения и сужения / конкретизации тематического поиска заданного содержания, увеличивается информационная динамичность взаимодействия и повышается оперативность интернет-коммуникации.

В результате интернет-коммуникация все более развивает киберсемиотическую интеграцию средств, ресурсов и способов системного представления, обработки и навигации интернет-контента разных типов и видов. Совмещая и обогащая их, она также предлагает их инновационно заряженное разнообразие. Все это способствует креативному представлению и освоению предлагаемой в сети информации в режиме диалога. Последний становится все более дружественным по отношению к пользователю и участнику интернет-общения. Все более точно предугадывая его потребности, запросы, интересы и склонности, он постоянно находится в режиме (не всегда заметного) обновления и оптимизации своей работы, в первую очередь, за счет совершенствования навигационных стилей.

Так, гипермодальность как новый метод синтеза лингвистической, мультимодальной, семиотической и операционной информации активно ориентируется на «потребителя информации», особенно в социальном и культурном киберпространстве, способствует гуманизации общества, а также межличностных и даже межкультурных контактов. Это происходит благодаря тому, что представленные на экране монитора инструменты навигации и получения искомой информации становятся все более простыми, удобными, общепонятными и потому универсальными, а также неявно, но эффективно дублирующими друг друга. В результате интернет-коммуникация становится все более дружественной: в ней все более широко используются универсальные и общедоступные символы, знаки, обозначения и изображения [64; 78].

Таким образом, цифровая природа интернет-коммуникации обуславливает ее операциональность, гипертекстовость, мультимодальность, интерактивность и киберсемиотичность. Эти свойства оказывают прямое влияние на коммуникативное взаимодействие в киберсети. Они обеспечивают преимущества интернет-коммуникации перед другими видами коммуникативного взаимодействия. Они позволяют (1) теоретически неограниченно получать, преобразовывать и распространять информацию, (2) использовать гипертекстовые средства и тем самым задавать способы упорядочения, взаимосвязи и наращивания информации, (3) совмещать ее разные мультимедийные типы и виды, (4) осуществлять интерактивный отклик на текущую информацию («feed back»), (5) задавать способы поиска информации и оптимизировать пути ее получения (в частности, замещать громоздкие и «одноязычные» пояснительные навигационные и др. операциональные процедуры простыми и общепонятными символами, знаками и обозначениями и мн. др.).

Все эти отличительные свойства интернет-коммуникации задают ее структурную (сверх)организованность и упорядоченность, инновационность, (сверх)креативность и (сверх)динамичность, придают ей актуальность, востребованность, информационную насыщенность, обеспечивают направленное обновление информационных ресурсов и все более эффективное их использование во всех сферах деятельности. В результате интернет-коммуникация становится высокоорганизованной рекуррентной коммуникационной структурой. Она дает возможность пользователю активировать значимую в данный момент информацию, создавать собственное информационное пространство, свой собственный «дискурсивный» и дискуссионный мир, свои собственные информационные, профессиональные, развлекательные и т.п. ресурсы. Интернет-коммуникация способствует также развитию всех сторон социальной, профессиональной и культурной жизни общества, а также эволюции своего пользователя.

В целом можно сказать, что основные металингвистически значимые инновационные свойства интернет-коммуникации включают, в первую очередь, операциональный синтез текстовой, гипертекстовой, гипермодальной и мультимодальной информации, а

также киберсемиотичность и интерактивность взаимодействия с интернет-контентом и интернет-пользователями. В прикладном и в металингвистическом аспекте (подробнее см. [13, 60–65]) идентификация и квалификация отличительных особенностей интернет-коммуникации, а также определение тенденций ее развития важны с точки зрения выявления и объяснения их воздействия на социальные, культурные и профессиональные стороны жизни общества. Что, в свою очередь, необходимо для формирования парадигмы современного образования и разработки новых программ, направлений, принципов и методов обучения, в том числе иностранному языку, и мн. др.

Интенсивное развитие цифровых интерактивных технологий ставит также новые проблемы в изучении функционирования естественного языка в кибер-сети. Важнейшая из таких проблем — взаимодействие языка с разнообразными операциональными интерактивными инструментами: гиперссылками, изображениями, символами и др. навигационными средствами. В процессе этого взаимодействия возникает новая гипермедийная среда, синтезирующая текст, изображение и навигационные инструменты. В результате в интернет-коммуникации возникают новые явления, тенденции и перспективы, которые имеют прямое отношение к функционированию языка, конструированию коммуникативных смыслов и развитию «гипермодального дискурса» [78, 90]. Основным источником этих явлений выступает взаимодействие вербальной и невербальной информации с навигационными инструментами, которые постоянно совершенствуются и оказывают значительное влияние на интернет-коммуникацию.

При этом интернет-коммуникация отличается собственными перспективами и тенденциями развития, которые носят высокотехнологичный характер и предопределяют актуальные проблемы ее изучения, в первую очередь, в прикладном и металингвистическом аспекте.

Основные тенденции в развитии интернет-коммуникации и проблемы ее изучения

В настоящее время коммуникационные процессы в интернете отличаются своим прогрессирующим недискурсивным характером. Ведущим средством их осуществления

становится не столько естественный язык, сколько другие средства, формы, способы и устройства передачи информации, имеющие непосредственное отношение к языку и лингвистике. При этом главными тенденциями в развитии современной интернет-коммуникации выступают тенденции к семиотизации, визуальности и девербализации информации. Это превращает ее в технологический процесс, который, в отличие от вербальной коммуникации, дискурса и текста, может быть до-вербальным, невербальным и «пост-вербальным», в том числе семиотически (графически, визуально, изобразительно) ориентированным, а также совмещающим реальную и виртуальную реальность. В металингвистическом и прикладном отношении этот переход показывает важность изучения таких становящихся все более актуальными явлений, как семиотизация, визуализация и девербализация интернет-коммуникации.

Коммуникационная сущность интернета с момента его создания проявляется в тенденции к семиотизации и тем самым девербализации коммуникативных процессов: в разнообразном использовании не только технологии мультимедиа, но и знаков разных семиотических систем. Их отличает содержательность, компактность, узнаваемость, выразительность (особенно в новой функции), общедоступность и как следствие — понятность для носителей разных языков, т.е. универсальность.

Так, графемизация (замена букв и слов на цифры и символы) приводит к тому, что в интернете знаки разной семиотической природы расширяют свое значение. В частности, знаки пунктуации, математические знаки, скобки, точки, двоеточие, тире и т.п. приобретают функции букв, слов, их частей и т.д., а также входят в новые навигационные, операционные и «структурирующие» информацию инструменты; ср. знак «плюс» — увеличить изображение, «минус» — уменьшить, «крестик» — закрыть (файл, страницу, приложение и т.п.). Подчеркивание, линия, фото, месторасположение (на экране) и мн. др. становятся значимыми и наделенными новым смыслом. Параграфемные композиционные средства: рамки, полосы, фон, линейки и т.д. разграничивают, выделяют и объединяют разные поля веб-документов, сайтов и т.п., и тем самым передают невербальную информацию.

Совмещение знаковых систем для организации текстовой и полимодальной информации позитивно воспринимается пользователями, поскольку с легкостью расшифровывается и позволяет быстро сворачивать и разворачивать информацию, делать на нее ссылки и производить еще множество операций. Совместно с разного рода «видеоэффектами» соответствующие средства способствуют развитию тенденции к семиотизации интернет-коммуникации. Она проявляется в растущей гипермодальности интернет-сайтов, делающей их более универсальными и потому дружественными для пользователей.

Одним из главных приемов повышения гипермодальности интернет-коммуникации является «семиотизация» новых навигационных инструментов: широкое внедрение разнообразных символов, значков, знаков, обозначений, изображений и т.п. семиотических ресурсов общепонятного характера в качестве «активаторов» гиперссылок. При этом многофакторная категоризация информации в сочетании с разнообразными навигационными средствами доступа к ней, профессиональное использование их цветового и семиотического оформления, вплоть до создания чисто визуальных, нетекстовых, полимодальных поисковых средств (фотографий, рисунков и др. изображений) в качестве гиперссылок, упрощают и облегчают поиск информации даже для неподготовленного (и иноязычного) пользователя [43; 53; 79].

В целом гипермодальные средства облегчают поиск информации, задают возможность выбора путей ее получения, разнообразят операционные приемы навигации и тем самым делают ее менее обременительной, более быстрой, эффективной и дружественной. Например, традиционный официально-деловой стиль общения, присущий институциональному дискурсу, перемещенный в новое для него, виртуальное пространство интернета, начинает эволюционировать и приобретать новые черты, ему не только не свойственные, но еще недавно даже чуждые. Он начинает ощущать на себе воздействие, с одной стороны, web-среды, а с другой — глобальных коммуникационных тенденций, становящихся все более очевидными в мире в целом [15].

К наиболее распространенным лингвистическим и семиотическим средствам достижения подобного эффекта относятся, в первую очередь, прямое обращение к пользо-

вателю, предоставляемая ему специальными рубриками возможность оставить свои отклики, пожелания и замечания, причем также, в качестве варианта, в виде «эмотикона» или др. значка. Благодаря этому развивается социальная семиотика [57] и новые формы позитивного социального взаимодействия: намеренное «гипермодальное» конструирование возникающего дополнительного социолингвистического, стилистического и семиотического смысла. Он передает «персональное», открытое, «интерактивное» и доброжелательное отношение к пользователю и позволяет субъекту социальной коммуникации создать на своем сайте условия для более комфортной и позитивно ориентированной социальной коммуникации [58; 59; 78].

В результате гипермодальность интернет-ресурсов порождает гипермодальность социальной коммуникации в интернет-пространстве, задает ее особенности и создает комплекс дополнительных социальных смыслов. Они играют первостепенное значение в эволюции социальной коммуникации и социальной семиотики и имеют непосредственное отношение к гуманизации современного общества [36].

Второй ведущей тенденцией в современном информационном пространстве является тенденция к визуальности (визуализированности, визуализации) информации и, соответственно, к ее де-вербализации. Эта принципиально новая тенденция в современном информационном мире (см., например, [52; 77]) связана с тем, что, начиная с 2000-х гг., буквально «на наших глазах», происходят необратимые качественные изменения в мировых информационных потоках. В первую очередь, это резкая и неожиданная смена «информационных приоритетов»: растущее и подавляющее (в несколько раз) коммуникативное преобладание визуальной информации над вербальной (в общественном, профессиональном и межличностном общении).

Эта новая тенденция была вызвана, главным образом, революционным развитием цифровых средств фиксации и передачи визуальной информации — веб-камер, которые устанавливаются практически везде (как внутри помещений, так и снаружи). Ее сущностным свойством является цифровая (компьютерная) обработка текущей визуальной информации и потому ее растущая «интеллектуализация». Она заключается, в частности,

в том, что в автоматическом режиме происходит идентификация тех явлений, изменений и проявлений, которые могут сигнализировать об опасности — технической, гуманитарной, террористической и мн. др.

Так, в местах большого скопления народа (вокзалы, торговые центры, стадионы и пр.) устанавливают камеры, которые способны по «выражению лица» (незнакомого человека) определить, что он находится в возбужденном психическом состоянии. Так что видеонаблюдение, видеосъемка и видеоидентификация проблем стали новым принципом сбора, обработки и интерпретации информации, новым видом информационной индустрии (video surveillance industry) и новой широко востребованной профессией, важнейшей составляющей которой становится создание и использование интегрированных сетевых видеосистем мониторинга ситуации в режиме реального времени. Причем именно подобные компьютерные системы сейчас разрабатываются наиболее интенсивно: они становятся более интегральными, мобильными, компактными, системными, аналитически ориентированными, адресными, способными обрабатывать и перенаправлять видеопотоки, видеоконтент и т.п., т.е. в целом порождающими «когнитивную реакцию» на происходящее. Это, в свою очередь, влияет на мыслительные процедуры, условия принятия решений, межличностное взаимодействие и др.

В результате в современной коммуникации происходит гибридизация визуального и вербального, причем доля визуального постоянно растет. Постоянно происходит и «видеоинформатизация профессиональной деятельности», интеллектуализация обработки визуальной информации во все большем количестве областей деятельности (ср. «интеллектуальное видеонаблюдение» [1]), а также увеличивается роль визуальной информации как источника новых знаний [2] и др. (см., например [50; 61]).

---

[1] Ср: «Интеллектуальная система видеонаблюдения» — это программно-аппаратное решение, которое на основе анализа видеоизображений позволяет распознавать, идентифицировать и отслеживать движущиеся объекты, находящиеся в поле зрения камер наблюдения (см. http://nvg.ru/solutions-and-services/destinations/security-systems/intelligent-video/. См. также http://www.videorus.ru/articles/202/; http://svn-group.ru/monitoring.html; http://www.patton.com/guides/Visuality_Solutions_Guide-med_res.pdf.

[2] Ср. «The sheer volume of new technologies devoted to the transfer, transmission, and production of graphics and visual imagery would appear to have given rise to a new cognitive field… because electronic images are “a new form of visibility”» (URL: http://www.christianhubert.com/writings/visuality.html).

С другой стороны, в настоящее время появляется все возрастающее количество разнообразных профессиональных творческих ассоциаций, студий, команд, компаний и т.д. образовательного, социального, рекламного, технического, дизайнерского, развлекательного и т.п. типа, в названии и в сущности работы которых центральное место занимает понятие «визуальность» — *Visuality*. Ср. *Visualize your life!* («*Visuality*» — творческая команда видеографов, оказывающая услуги видеосъемки: «Видеоролики о дне рождения, свадьбе, торжестве, выполненные профессионалами»). Так что профессиональные фотографы, видеографы, «визуализаторы» и видео-, арт-, дизайн- и т.п. профессионалы «фото- и «видео-сервиса» становятся востребованными практически в любой сфере деятельности [3].

Развитие интерактивных технологий типа «touch-screen» и «multitouch», основанных на активизации разного рода семиотических и визуальных обозначений, в свою очередь, значительно облегчают использование смартфонов, планшетов и др. цифровых устройств, особенно профессионально ориентированных: демонстрационных, конструкторских и т.п. стендов и панелей. Они ускоряют процесс дизайнерской работы и открывают новые возможности в разных областях деятельности, создавая объемные виртуальные, в том числе голографические макеты реальных или будущих объектов (ср. системы «искусственное зрение»). Считается, что сам перечень цифровых технологий, связанных с созданием, передачей, воспроизведением и использованием графических и визуальных образов, говорит о том, что мы становимся свидетелями зарождения нового «когнитивно-визуального» стиля мышления [61]).

В результате развития тенденции к визуальности информации в современном цифровом пространстве происходит интенсивная интеллектуализация визуальной информации, что оказывает влияние на общество, культуру, профессиональную деятельность, мышление, образование и проявляется в намечающихся в этой связи проблемах и перспективах. При этом изменяется восприятие визуального, формируется особое «вер-

[3] См. http://www.christianhubert.com/writings/visuality.html

бально-визуальное» и «визуальное» мышление, возникает потребность в интенсивном межсемиотическом перекодировании информации и др.

Формирующееся новое культурное пространство становится более семиотичным и «визуально ориентированным». Оно ставит множество вопросов относительно преобразования вербально представленной информации в визуально воспринимаемую и наоборот. При этом электронный дискурс становится менее «вербальным», но более «объемным» в смысловом отношении благодаря развивающимся способам визуализации и семиотизации информации; ср. *постер*, *аватар*, *фотошоп, инстаграм*, *селфи*, *телефонография* и др. Фото и видеосъемка как удобный и общедоступный способ представления информации превращается из дополнительного средства передачи информации во все более значимый. Он способствует более выразительной и простой передаче сведений, придает коммуникации более эффективный характер, способен содержать подтекст и т.д. Картинка, графика, видео и т.п., помимо информационного потенциала, передают оценочное отношение, выражают иронический или игровой смысл, выступают в качестве аргумента и т.п. Изображения становятся одним из самых частых способов передачи сведений о себе, своих интересах, увлечениях, успехах и др., особенно у пользователей социальных сетей.

Возникающую при этом важную металингвистическую и прикладную проблему можно обозначить как «преобразование дискурсивных знаний в визуальные образы», «видиомы»: семиотизация, визуализация и девербализация знаний, особенно научных (с целью их практического использования).

Итак, тенденция к семиотизации и визуальности информационных потоков ведет к их девербализации и формирует инновации в стиле мышления, коммуникации, профессиональной и повседневной деятельности. Интернет-коммуникация становится более семиотичной, визуально ориентированной и менее вербальной. В результате привычная лингвистическая, коммуникативная, «текстоцентрическая», вербализованная интерпретация окружающего мира как «*текста, который нужно прочесть*» («Письменная культура тяготеет к тому, чтобы рассматривать созданный Богом или Природой мир как Текст, и

стремится прочесть сообщение, в нем заключенное» [9, 10]), сменяется, в связи с развитием новых визуально ориентированных технологий, девербализованной, визуально и перцептивно ориентированной, многомерной семиотической интерпретацией. (Ср. «The tension between verbal and visual representation seems more important than ever… We are living in a space, a cyberspace, with a specific new culture where visualisation as a form of communication is becoming predominant» [29, xii; 47-76, «Chapter 4. The breakout of the visual»)]; cf. [30]).

Таким образом, ясно, что виртуальный мир интернета оказывает на нашу реальную, в том числе и коммуникативную, жизнь все более значительное влияние. Он способствует развитию всех сторон жизни общества; создает новую информационную среду, куда перемещаются основные информационные потоки всех типов и видов, а также разнообразные социальные отношения. Он преобразует функционирование общества и деятельность его членов. И это не «сложный дискурс» и не «вариант окружающей действительности», не просто «средство массовой коммуникации», а принципиально новое коммуникационное пространство, создаваемое цифровыми технологиями и позволяющее человеку безгранично увеличивать свои возможности и способности. Это наиболее технически и коммуникативно значимый канал, создающий доселе немыслимые по разнообразию, качеству и скорости функционирования методы обработки информации. И если для человека интернет открывает новые перспективы и возможности, то перед обществом, наукой, культурой, образованием и т.д. он ставит множество задач и проблем.

Особенно показательно влияние интернет-коммуникации на общество и человека в интеллектуальном, когнитивном и социальном аспекте.

Значение интернет-коммуникации в интеллектуальном, когнитивном и социальном аспекте

В глобальной сети человек окружен особыми виртуальными объектами и предметами: огромным количеством инноваций и возможностей самореализации, самовыражения и саморазвития, безграничными возможностями коммуникации, самопрезентации и настраивания окружающего его виртуального мира «под себя», а также использования

этих «настроек» для выхода в предметный и социальный мир фактически безграничного масштаба. Новые технологии позволяют не только по-новому представить все виды информации, но и способствуют еще и их новому, невербальному восприятию и тем самым стимулируют зарождение новых интеллектуальных навыков работы с виртуальными невербальными, визуальными и семиотическими, объектами.

Основной момент здесь заключается в том, что новые компьютерные технологии способствуют возникновению, становлению и развитию у пользователя новых интеллектуальных способностей, потребностей, возможностей и навыков. Происходящая интеллектуализация все большего количества видов деятельности объясняется тем, что в них активно внедряются разнообразные цифровые устройства получения, обработки и передачи информации, особенно визуальной.

В науке пока не много уделяется внимания тому, какие новые мыслительные усилия и операции вынужден и способен выполнять человек в принципиально новых условиях окружающего информационного киберпространства. Поэтому важным прикладным направлением в этом отношении становится изучение возникающих под их воздействием новых форм мышления (а также поведения, сознания и обучения). Эта проблема является особо перспективной и нуждается в отдельном анализе. Здесь можно отметить, что целый ряд ученых уже высказался в пользу такого предположения.

При этом уже сейчас можно сказать, что происходящий в современной культуре под воздействием цифровых технологий технологический «макросдвиг» порождает инновационное разнообразие коммуникативных и познавательных практик, формирует новую сетевую технокультуру, техногнозис и др. Так, возникающие при этом сложные социотехнические системы представляют собой конвергентные технологии (киберфизических коммуникаций с динамическими эмерджентными интерфейсами), порождающие новые формы киберсемиотического взаимодействия субъектов и объектов в новой, формируемой ими «умной / разумной среде» и требующие новых, «киберсемиотических» навыков взаимодействия [33; 24].

В результате мышление и интеллектуальный мир современного человека отличаются комплексом характеристик, которые возникли в связи и благодаря развитию цифровых технологий. Наиболее существенными из них представляются следующие: (1) *многозадачность* (Л. Розен); (2) «*серендипность*» (Дж. Болтер); (3) *коннективность* (сознания, мыслительной, образовательной, коммуникативной и т.п. деятельности); (4) *гипермодальность* (представления, восприятия, обработки, хранения, передачи, преобразования и использования информации и знаний в виртуальной среде); (5) тенденция к *визуальности* и визуализации информации; (6) «*трансфер* / *конвергенция объективной и виртуальной реальности*» (совмещение разных типов реальностей). Все эти свойства тесно между собой связаны, содержат динамическую, эвристическую и когнитивную составляющую и отражают основные виды инноваций в интеллектуальной сфере современного человека (подробнее см. [54; 67]).

При этом в интеллектуальном отношении в настоящее время самым многообещающим прорывом в высоких технологиях «визуализации» информации считается создание (информационных) систем и ресурсов, совмещающих реальную и виртуальную реальность: mixed/ blended/ mediated/ augmented/ enhanced reality. «Смешанная» (совмещенная/ «дополненная») реальность не только поражает воображение, но и развивает его, раздвигает границы мыслимого, создает новый, необычный и «улучшенный» мир: порождает новый тип реальности, «опосредованную» реальность, и новый тип информации, которая используется во все возрастающем количестве областей деятельности.

Преимущества дополненной / «улучшенной» реальности перед виртуальной заключаются не только в ее незатратности, но и в прямой связи с объективной реальностью, которая, в отличие от виртуальной реальности, не позволяет воспринимать изображаемое как игру, развлечение, психологически не имеющее отношения к серьезным делам и занятиям. При этом «смешанная / дополненная реальность» («ДР») «усиливает» восприятие пользователем изображаемого и развивает навыки взаимодействия с реальным миром; она не замещает объективную реальность, а «развивает» ее, помогая развивать, в частности, принципы обучения и стиль мышления [34].

Так, ведущий специалист в области компьютерной графики и «дополненной реальности» Джей Болтер в настоящее время занимается созданием голографических изображений интерьеров для различных реальных исторических зданий, музеев и др. Так что семиотичный, технологичный, интеллектуально-ориентированный информационный мир, в который естественным и креативным образом вписался принципиально новый тип информационной технологии — «дополненная / улучшенная/ усовершенствованная реальность» — становится активным участником нашей жизни. И уже доказано, что новые типы визуального представления информации (тачскрин, мультитач, ДР и т.п.) активируют новые области мозга и становятся толчком к возникновению и развитию новых мыслительных операций и способностей. Более того, специалисты считают, что новые цифровые технологии способны изменить интеллектуальные способности человека и стиль его мышления, сделав их более гибкими и эффективными, т.е. дают толчок к интеллектуальным инновациям [54; 56; 75].

Если говорить о присутствии человека в интернете как в особом когнитивно-коммуникационном пространстве, сопряженном со всеми другими видами нефизического пространства (культурным, профессиональным, развлекательным, познавательным, духовным, мыслительным и т.д.), то интернет оказывается самым креативно заряженным из них. В нем появляется большинство неожиданных, остроумных, необычных и удивительных объектов, процессов и видов деятельности. Достаточно упомянуть широко известную Википедию, перечислить названия социальных сетей, особенности интернет-общения и др. (ср. [22]). При этом видно, что такого количества языковых, лингвистических, коммуникативных, дискурсивных и когнитивных инноваций и неологизмов, как в интернете, нельзя представить нигде. Об этом свидетельствует и большое количество разнообразных инноваций-неологизмов в области обработки визуальной информации. Причем в интернете ни одно слово, даже *новый*, не дает такого количества неологизмов, как *видео*: *видео-информация/-запись/-сообщение/-обзор/-материалы/-новости*, *видеоряд/-клип/-ролик*, *видеосигнал*; ярко выраженные интернетовские: *видео-сайт/-сервис/-хостинг/-портал/-конвертер*; *видео-чат/-прикол/-цитата/-курс/-лекция (в он-лайн-*

школе)/-библиотека/-архив/-фрагмент/-приключение/-коллекция/-хит/-монстр; *конвертер видео-плейеров/ видео-проигрывателей*. Ср. «Поиск *видео* по ключевым словам»; «Хостинг 24-*Видео*», «On-*Video*/ *Video* On-Line», «Total *Video* Converter», «*Видео* Google» (сервис поиска *видеофайлов* в интернете); *Видеоморе* — название сайта сериалов; Adobe Premiere Pro Movavi *Video* Suite 12 (многофункциональный редактор *видео*); ср. распространенные в интернете выражения и обороты: *видеохостинг роликов по темам*, *подписка на видео*, *«успокаивающее видео»* (психотерапия), *конвертация видео в другой формат*, *снять на видео*, *поиск по видео*, *видео голы*, *домашнее /пользовательское/смешное/позитивное видео*, *популярные видео*, *видео «мастер-класс»*; *визуальное сопровождение* (*медиаматериалов*), *позиционировать формообразование в качестве единой визуальной концепции*.

Не менее активно в интернете, языке и культуре осваиваются понятия и явления, связанные с *визуальным* восприятием информации: *визуальный учебник/роман/рассказ/новелла*, *визуальное программирование*, *визуальная закладка/ вкладка/ компоновка (объектов)/ антропология*; *визуальный шинный калькулятор*, *визуальный online редактор* (VisualEditor MediaWiki), *визуальный словарь* (база словарей и энциклопедий по темам), *visual culture/ sound/ music*; *визуальный мерчендайзер* и др.

Приведенные примеры показывают, что (1) новые информационные технологии порождают множество новых технических и технологических новинок и решений, (2) соответствующие явления получают в языке и коммуникации новые наименования, (3) соответствующие явления и наименования широко используются, обсуждаются и разрабатываются в интернет-коммуникации. Ср. *Whatever your Audio Visual needs may be, give us a call today and see why VisualSound has been the leader in Audio Visual solutions!* (http://www.visualsound.com).

Таким образом, видно, что информационно-технологическое пространство чрезвычайно важно для современного человека и общества и потому оказывает на них разностороннее воздействие. В целом можно сказать, что тенденция к семиотизации, визуализации и девербалицации интернет-коммуникации способствует ее интернационализации,

формированию межкультурного коммуникационного пространства, оказывает ощутимое влияние на социальные, интеллектуальные и когнитивно-коммуникативные процессы в обществе и др.

Это объясняется тем, что главной чертой интернета, как ни с чем не сравнимого динамичного интеллектуального пространства, является его инновационная креативность во всех без исключения информационных, культурных, социальных, языковых, коммуникативных и когнитивных областях. И в том числе благодаря тому, что новые цифровые технологии активируют новые нейроны и целые нейронные образования, порождая в человеке интеллектуальные инновации (Ср.: «Electronic hypertext/word requires an active learner/ reader because as hypermedia users they have to be **mentally active** at the moment of dealing with information» [56, 157]).

Цифровые технологии порождают интеллектуализацию любой деятельности. Более того, происходящая на наших глазах девербализация и интеллектуализация современной коммуникации и даже культуры в целом не может не повлечь за собой целый комплекс инноваций в сознании, мышлении, поведении, коммуникации, образовании и др. Неудивительно, что развитие «информационно-технологического пространства» порождает и новые когнитивные, культурные и образовательные «вызовы» всему обществу, особенно в виде создания принципиально новых «визуально-ориентированных» учебников, учебных пособий, программ, тренажеров и т.п. Необходимо также формирование новых профессиональных навыков принятия оперативных, особенно дистанционных решений в реальном режиме времени, институционализации новых профессий и др.

Кроме того, динамичное развитие «информационно-технологического» мира интернета ставит перед лингвистикой вообще и прикладной лингвистикой в частности ряд важных научных металингвистических задач, в том числе — выявление и изучение неологизмов как индикаторов коммуникативных, когнитивных и интеллектуальных инноваций, принципов девербализации (научных) знаний и вербализации перцептивно получаемых знаний; создание образовательных визуально-ориентированных программ нового поколения по обучению иностранным языкам и др. [51; 54], разработку новых авто-

матизированных и интерактивных лингвистических ресурсов, процессоров и мн. др. (ср. [19; 20]). Показательно при этом, что ни одно событие или явление не влияли в такой степени на использование языка, как интернет. При этом язык и стиль интернет коммуникации, в свою очередь, оказывает активное влияние на социальные и культурные процессы в обществе.

Язык и стиль интернет-коммуникации:

«*Technologies change language*» (D. Cristal)

Язык и стиль интернет-коммуникации носит инновационный характер по целому ряду причин, в первую очередь, благодаря своей цифровой природе. Наличие разных видов клавиатур (русской, английской и др.), присутствие в них разнообразных небуквенных знаков, встроенность семиотических, программных и др. операциональных инструментов, интерактивность, полимодальность и т.д. позволяют создавать целый комплекс самых разнообразных и креативно заряженных средств и способов «цифровой коммуникации».

Основными тенденциями здесь выступают: (1) разработка (точнее, естественное возникновение) креативных средств и способов сближения устной и письменной коммуникации; (2) придание привычным символам, знакам, изображениям, рисункам и т.д. новых значений; (3) сочетание символов разной природы для порождения новых смыслов и новых способов осмысления привычных и необычных явлений; (4) изобретение новых средств и способов экономии (компрессии, аббревиации) и декомпрессии сообщений, в том числе новых словообразовательных средств; (5) возникновение новых жанров и стилей общения, а также изобретение новых средств и способов для выражения разного рода фатических, экспрессивных, игровых, «накопительных», эвфемистических и т.п. коммуникативных смыслов.

Благодаря свойству интерактивности границы между устной и письменной речью в интернет-пространстве проницаемы. В результате в неформальном интернет-общении широко используются такие разговорные средства, как эллипсис, игра слов, каламбур, парадокс, алогизм, оксюморон, обнажение внутренней формы слова, фразеологизация и

де-фразеологизация, редупликация гласных, согласных, знаков препинания, пиктография, обыгрывание фонетических ассоциаций, паронимическая аттракция, народная этимология, контаминация наивного, практического и профессионального дискурсов и др. [1, 181–194].

В связи с этим исследователи считают интернет генератором коммуникативной революции, а разного рода создаваемые в нем окказионализмы, виды языковой игры, новые узуальные и экспрессивные выражения и модели и т.п. — креативным экспериментированием с языком и стилем, ср.: *афоня* (iPhone), *яблофон* (Apple iPhone), *зомбоящик* (ТВ), *пособие по безделью* (по безработице), «телефон нужен для качественного юзания инета»; «На вкус и цвет товариСЧа нет». Оно не только стирает границы между устным и письменным языком, но и является средством «трансферизации» когнитивного и креативного в лингвистическое и социальное и наоборот (подробнее см. [66]).

Благодаря своей способности совмещать знаки разных семиотических систем интернет-коммуникация активирует креативные способности своих пользователей. Они с удовольствием выявляют, проявляют и используют семантическую и дискурсивную «мобильность» языковых и семиотических единиц в своей коммуникативной интернет-деятельности. При этом задействуются языковые и коммуникативные «резервы», создаются новые значения и способы употребления знаков разных систем и т.п. Это новые комбинации букв и символов, символов и изображений, использование символов в качестве изображений и наоборот, что позволяет создавать цифровые аббревиатуры (eight vs. Gr8), «звуковые» аббревиатуры (*cu* vs. *see you*), клавиатурные комбинации (*sk%l* vs. *school, ki$$* vs. *kiss*), изображения эмоций (эмотиконы) и мн. др.

Особенно часто изобретаются средства передачи экспрессивности, интенсификации мнения и оценки. При этом различные аббревиатуры, сокращения-усечения и акронимы в интернете чрезвычайно распространены и выполняют несколько функций: речевой экономии, тезаурусную (как «резервуар для накопления и хранения знаний»), фатическую / контактоустанавливающую, разговорную, экспрессивную, игровую, функцию эвфемизации и др., ср. *кста*(*ти*), *ава*(*тар*), *инфа*(*ормация*). Аналогичную роль играют

такие виды языкового творчества, присущего интернету, как активное словообразование, игровое, оценочное, фатическое употребление устойчивых или новых сокращений [7, 23–38], литуратив (зачеркнутый фрагмент текста) [23, 47] и пр. Так, зачеркивание как новый прием письменной языковой игры, распространенный в первую очередь в интернет-коммуникации, выполняет по меньшей мере две основные функции: передать одновременно две точки зрения, указав на их коммуникативное неравноправие (зачеркивание с заменой), и передать одну точку зрения, указав на ее неидеальность для коммуникации (зачеркивание без замены) [11].

Принципиально новый коммуникативный «интернет-символ» — «хештег», способен выполнять различные функции и потому дает простор для языковой игры и более емкого выражения значений без использования средств синтаксиса естественного языка [3, 22]. Интернет-мемы, особые «информационно-коммуникативные единицы», получили, в свою очередь, популярность в интернет-общении благодаря именно возможности их креативного и разнообразного использования [2, 54].

Как отмечают исследователи, в эпоху социальных сетей каждый становится «сам себе комментатором и писателем», порождая обилие экспрессивной лексики и сленга, изменяя значение слов и их написание, вводя новые заимствования и модели словообразования, намеренную тавтологию («адский ад») т.п. «Падонки», «красавчеги» и др. искаженные словечки, характерные для блогов (в Живом журнале, Фейсбуке и др.), служат маркером иронического отношения автора к описываемым им персонажам [12, 84–87].

В целом ряде коммуникативных интернет-инноваций происходит сочетание нескольких принципов «преобразования» средств выражения. Так, сочетание символов разной природы для порождения новых смыслов и новых способов осмысления привычных и необычных явлений часто сопровождается изобретением новых способов компрессии и декомпрессии сообщений и т.п. Ср. орфографические аббревиации / контракции (orthographic abbreviations / contractions): *msg — message*, *tmrw — tomorrow*; фонологические аббревиации (phonological abbreviations): *thru — through*, *skool — school*, *thanx — thanks*; акронимы / «инициализмы» (acronyms / initialisms): *ttyl — talk to you later*, *omg — oh my*

God, *brb — be right back*; «укороченное написание» (clippings / shortenings): *goin — going*, *feb — February*, *xam — exam*; буквенные / цифровые омофоны (single letter/ number homophones): *c — see*, *u — you*, *2 — to / too*, *4 — for*; сочетание буквенных / цифровых омофонов (combined letter/ number homophones): *2day — today*, *l8r — later*; эмотиконы / «смайлики» (emoticons/ smileys): (:-) — *happy*, : -(— *sad*; типографские символы (typographic symbols): (*x — kiss*, <3 — *love*, *& — and*, *@ — at*; несоблюдение орфографических правил написания, в том числе с заглавной / строчной буквы, опущение апострофа и др. (omission of punctuation, apostrophes or capitalization): *cant — can't*, *i — I*); избыточная пунктуация или капитализация, выражающая эмфазу (excessive use of punctuation or capitalization for expressing emphasis): *what!!!! — what!*, *huh?? — huh?*, *NEVER — never*; редупликация звуков, отражающая экспрессивное удлинение произношения (repeating letters to mirror lengthening): *sooo — so*, *grreeeeenn — green*; стилизация акцента (accent stylizations): *gonna — going to*, *anuva — another*, *dat — that*; «инаниты» (inanities) [37]: неологизмы и «бессмысленные трансформации слов» (neologisms / nonsensical transmogrifications of words): *lolz* for *lol* [*laughing out loud*] [76].

Новые возможности использования естественного языка в цифровой среде повлекли разнообразные типы «игры» с ним в прямом и переносном смысле. В языке интернета широко распространена игра слов, придающая ироничность тексту и обеспечивающая лёгкость его восприятия, экспрессивность, демократичность, дружественность и т.п. В нем множество окказионализмов, неологизмов, терминоидов и новых терминов, визуально и семантически вполне прозрачных и потому понятных большинству пользователей. Так, человека, негативно относящегося к интернету, называют *Internot*, а на назначение метафоры в языке интернета указывает остроумное и символичное гибридное *netaphor*; ср. *splinternet* (<splinter + Internet: 'the Internet splintered into multiple segments, streams, or classes based on factors such as cost, speed, platform, or political motivations'), *sneakernet* (<sneaker + network: 'the transfer of files from one computer to another using external hard or removable drives') [69].

Неформальная лексика как идентификатор непринужденного общения располагает пользователей к интернету и помогает легко войти в ситуацию интернет-общения, реализует богатые возможности языка к переосмыслениям, созданию юмористического и иронического эффекта на основе омонимии, полисемии, вторичной номинации и др. При этом интернет служит мощным орудием не только создания, но и распространения лексических, грамматических, прагматических, дискурсивных, коммуникативных и «семиотических» неологизмов.

Так, одним из наиболее ярких показателей лингвокогнитивной креативности в области интернет-коммуникации выступают неологизмы — слова, словосочетания, выражения и стилистические модели, отражающие технологические инновации и т.п. явления в самом интернет-пространстве: *Интернетия*, *интернет-цивилизация*, *инет*, *виртуальная цивилизация*, *виртуальная урбанистика*, *жители интернета*, *интернетяне*, *интеяне*. Ср. возникшие в связи с этим новые лингвистические понятия и термины: *стилистика интернета, сетевая стилистика, онлайн-стилистика, кибер*(*сти*)*листика, сете*(*сти*)*листика, гипертекстуальная / нелинейная/ интерактивная стилистика, блогостилистика, интернет-стилема, контрстилистика, антистилистика* и др. [22, 8–48, 54].

Не менее важное влияние на язык интернета оказала компьютерная терминология, которая отличается от всех других типов и видов терминологии своей прямой связью с английским языком и с созданием огромного количества новых цифровых технологий, отражающих инновационность интернета. Такие термины, с одной стороны, прямо или косвенно связаны с общеупотребительным английским языком и смежными типами терминологии, элементы которых при заимствовании и «компьютерной» терминологизации сохраняют свою понятность и доступность для носителей языка (и даже для изучающих английский язык как иностранный), что способствует их естественному освоению. С другой стороны, они наглядно и доступно иллюстрируются в самом интернете, что позволяет их без проблем осваивать и использовать, ср. *e-mail*, *elibrary*, *hypertext*, *web-browser***,** *webpage*, *menu*, *panel*, *navigation*, *on-line*, *off-line* и др.

Важно здесь и то, что такого количества принципиально новой терминологии, как в результате развития цифровых технологий и интернета, не было никогда. Это объясняется их чрезвычайно обширными возможностями в области обработки, в широком смысле слова, самой разнообразной информации, их постоянным развитием и совершенствованием и их почти безграничным потенциалом. То, что цифровые технологии не просто входят в нашу жизнь, а становятся жизненно (профессионально, социально, культурно и межличностно) необходимыми, подтверждается тем, что новые технические понятия быстро становятся общеупотребительной лексикой и легко осваиваются даже детьми: *рунет*, *блог*, *твиттер*, *спам*, *цифра* (*оцифровка*), *навигация*, *сканер*, *скан*, *трафик*, *локализация*, *линк*, *коннектор*, *коммуникатор*, *ай-фон*, *ай-пад*, *планшет* и др. [4]

Приведенные данные также свидетельствуют о растущей «киберсемиотичности» современной интернет-коммуникации. Причем сам язык и стиль интернет-общения получает все новые (вполне креативные) названия: «Netspeak» [38, 17], «electronic language», «e-writing», «e-language», «e-style», «computer-mediated communication technology» (CMCT) и т.п. Своеобразный и ни на что не похожий язык и «блиц»-стиль интернет-общения имеет, по мнению ряда ведущих специалистов, целый ряд преимуществ перед обычным общением. Помимо развития креативных, когнитивных и лингвистических способностей, он сокращает социальную дистанцию между коммуникантами, объединяет их в единое «коммуникативное сообщество», делает их общение менее формальным, создает особую область потенциального обогащения индивидуальных языков: «an area of huge potential enrichment for individual languages» [38, 241], проявляет доселе дремавшие в человеке

[4] Интернет, безусловно, не идеальное изобретение, в нем находят отражение многие недостатки нашей реальной жизни и коммуникации. В нем даже изобретательство подчас принимает неожиданно непривлекательные формы. Так, уже созданы ресурсы, позволяющие «создавать», «синтезировать» и «порождать» стихи, художественные и др. произведения, а также научные работы и диссертации. Как неотъемлемая и все более значимая часть современной жизни, интернет обладает еще рядом недостатков: безграничным объемом информации, ее не всегда проверенным и подчас провокационным и агрессивным характером, засилием рекламы, возможностью явного или скрытого давления и манипулятивного воздействия на пользователя, распространением мошенничества, отсутствием (в большинстве случаев) контроля за коммуникативным поведением пользователей, наносящих моральный урон третьим лицам, производящих «информационные атаки» и «кибернападения» в интернете, организующих противоправные сообщества и т.п. (см., например, [8]).

коммуникативные способности: «The arrival of Netspeak is showing us homo loquens at its best» [38, 242].

Причем характерное для природы человека стремление к разнообразию, творчеству, языковой игре и новизне, особенно в области коммуникации, получило невиданный толчок именно благодаря развитию интернета: «Human versatility, creativity and search for novelty have not been inhibited but rather instigated by the electronic technologies in a linguistic perspective» [38, 242]. При этом важнейшая металингвистическая проблема связи лингво-когнитивного и социального, в особенности в контексте развития цифровых технологий, пока не получила особого внимания.

Так, несмотря на множество достижений и инноваций, связанных с возникновением и развитием интернета, самой важной его особенностью выступает ни с чем не сравнимая и никогда доселе не достигаемая, предоставляемая им свобода слова, свобода выражения и свобода творчества — самовыражения, автопрезентации, самоутверждения и т.п., причем в режиме реального времени. Именно они выступают главным «двигателем» разнообразных лингвистических, когнитивных и прочих инноваций в интернете, культуре, науке, образовании и обществе в целом. Благодаря им интернет демонстрирует беспрецедентный интерактивный feedback и в перспективе вполне способен стать инструментом построения общества нового типа: без социального давления, манипулирования сознанием простых граждан и т.п., поскольку главный ресурс интернет-сетей — это предоставляемые ими неограниченные возможности оперативной консолидации пользователей для коллективных действий (подробнее см. [25; 26; 66]).

Современный мир и даже язык часто не успевают адекватно реагировать (во всяком случае, должным, обдуманным) образом на многочисленные инновации, которые вносятся в нашу жизнь вместе с новшествами в области цифровых технологий, особенно в области информационного пространства. Тем не менее, появляющиеся в связи с этим многочисленные и разнообразные лингвокогнитивные инновации, безусловно, свидетельствуют о том, что цифровые технологии влияют не только на особенности обработки информации и ее автоматизацию, но и на все без исключения области жизни. Это говорит

об активной и интенсивной трансферизации знаний и опыта из технологической сферы в когнитивную, профессиональную, гуманитарную, культурную и социальную.

Возникающие в результате указанных явлений и тенденций принципиально новые лингвистические, коммуникативные, когнитивные и культурные явления значительно преобразуют окружающую нас культурную среду и влияют на все ее составляющие: социальные, межперсональные, научные, информационные, образовательные и т.п. процессы и явления. Так что можно сказать, что чрезвычайная новизна, проспективность, креативность и доступность интернет-коммуникации порождает не только необратимые позитивные сдвиги в интеллектуальном и профессиональном мире отдельного человека или «интернет-сообщества», но и активные социальные и культурные инновации в обществе и культуре в целом (подробнее см. [31; 41; 45; 55; 71; 72; 74]). Что, в свою очередь, проявляется в том, с какой легкостью современные дети осваивают компьютерные технологии. (Ср. «Children are better prepared for dealing with computing concepts, the virtual reality world of cyberspace, the Internet and hypertext than their parents are because they have acquired a repertoire of social practices that link computer-based artefacts to the structure of self.» [73, 221–222]).

Таким образом, язык и стиль интернет-коммуникации имеют свои лексические, грамматические, стилистические, жанровые, прагматические, семиотические и когнитивные характеристики и тенденции, большинство из которых предопределяется инновационностью интернета и его цифровым характером. Более того, ученые считают его новой формой коммуникативного взаимодействия. (Ср. «Although Netspeak presents properties of speech and writing, it is similar to neither of them, it is more than a hybrid of speech and writing, it may rather be considered a “third medium” or perhaps “a novel medium combining spoken, written, and electronic properties”») [38, 47–48].

В результате можно сделать вывод, что интернет-общение отличает инновационность, креативность и киберсемиотичность языка и стиля, которые предопределяются сущностью и возможностями новых цифровых технологий. Последние играют важную роль не только в развитии интеллектуальных, когнитивных и лингвистических способно-

стей своих пользователей, но и в развитии всего современного общества, которое, благодаря исходному беспрецедентному социально значимому коммуникативному качеству интернета — свободе выражения, написания, послания, творчества и т.д., и потому свободе слова, может эволюционировать из интернет-сообщества в интернет-общество.

При этом в прикладном отношении более всего от развития интернета выигрывают лингвисты. Они получили возможность создавать немыслимые ранее словари и другие лингвистические и информационные ресурсы: корпуса языковых и лингвистических данных, одноязычные и многоязычные справочники, энциклопедии, онтологии и т.п. Все они подвергаются постоянному обновлению, совершенствованию, расширению и увеличению способов их приложения к конкретным практическим областям филологической, гуманитарной и научно-технической деятельности (см., например, [4; 35; 49] и мн. др.). Особо востребованными при этом считаются специальные, профессионально ориентированные многоязычные базы и банки данных, конкордансы, «визуальные» словари и т.п.: «Задача современной лексикографии — встроиться в цифровую эпоху: создавать современные электронные словари, оперативно реагирующие на изменения в мире и в языке» [5, 131]. Кроме того, лингвисты получают возможность обрабатывать беспрецедентно большие массивы лингвистических данных (в том числе текстов на разных языках, относящихся к разных эпохам, стилям и т.п.) и получать нетривиальные филологические, культурологические, исторические и т.п. данные, и мн. др. (см., например, [69]).

В прикладном и металингвистическом отношении одной из наиболее актуальных образовательных проблем в настоящее время является создание принципиально новых обучающих ресурсов, в том числе и в области преподавания иностранных языков. Так, важнейшими требованиями к таким ресурсам являются свойства интерактивности, интегральности представления мультимодальной информации, визуализации ее структуры, «коннективности» — выхода на доступные в сети аналогичные дополнительные и развивающие интернет-ресурсы и др. (см., например, [19; 46, 44]). Так, визуализация лингвистической информации позволяет представить в объемном и потому наглядном виде и теоретически значимую информацию, и практически ориентированную, особенно инте-

гративного характера, направленного на решение таких прикладных проблем, как, в частности, совершенствование принципов преподавания родного и иностранного языка [10; 20].

Заключение

Благодаря своим инновационным свойствам современные цифровые технологии открывают перед человеком и обществом широкие перспективы в интеллектуализации, информатизации и гуманизации всех сторон деятельности, и особенно социального взаимодействия. Так, в концептуальном отношении принципиально инновационной информационной технологией становится «тонкая индивидуальная настройка» интеллектуальных, информационных, профессиональных, социальных, культурных и «визуальных» приложений, предоставляемых пользователю информационной сети, на его актуальные потребности, интересы и устремления. Так что у него появляется возможность не только самому формировать окружающее его «информационное пространство», но и постоянно его обновлять, обогащать, улучшать и «аугментировать» по собственному вкусу, «настраивать» его на себя, тем самым самолично и беспредельно раздвигая его границы.

В этом новом информационно-технологическом мире человек ощущает себя по-новому: он понимает, что получил возможность создавать вокруг себя собственный, индивидуальный, ни на что не похожий виртуальный мир, который оптимальным образом вписывает его в мир реальный, повышает его самооценку и придает ему чувство супермена: «На Андройде Вы можете настраивать весь телефон под себя, каждый владелец Андройда не человек, а просто *космических масштабов индивидуал*» (комментарий из интернета от 13.04.2015).

Современная цифровая техника развивается быстрее, чем человек успевает осознать ее значение, возможности и преимущества (а также опасности). Главной научной задачей в таком контексте становится не только разработка практических приложений для новых информационных возможностей, но и прогнозирование наиболее перспективных направлений дальнейшего развития киберпространства в целом, с тем чтобы содействовать естественному вхождению естественного интеллекта в разнообразные типы и

виды виртуальной и «полу-виртуальной» / «дополненной» реальности. Не случайно одна из последних выдающихся статей на эту тему называется «From Augmented Reality to Augmented Human» [65]: в ней описывается технологический и интеллектуальный переход от «человеко-машинного взаимодействия» (human-computer *interaction*) к человеко-машинной интеграции (human-computer-*integration*).

В заключение можно сказать, что в современном мире технологические, коммуникативные, социальные, интеллектуальные др. процессы находятся в более тесных отношениях, чем обычно представляется, и потому требуют разностороннего и комплексного изучения. Так, в научном мире все более активно высказывается мнение о том, что благодаря цифровым технологиям большинство теоретических проблем ставится и решается в настоящее время посредством прикладных технологий — методом компьютерного и программного моделирования, вычисления, прогнозирования и т.п. В результате современная наука вступает в новый этап своего развития, который носит название «постакадемическая наука» (Ср. «The growth and development of digital computing and new technologies at large… are forcing knowledge workers into new ways of thinking, new vocabularies, new practices, new ways of analysis … and reconsideration of the role of academia in a pluralistic society with many different, competing rationalities... with the silent revolution of transferring from an academic to a post-academic society») [47, 289, 295].

В лингвистике соответствующие тенденции проявляются в сближении теоретической лингвистики, все более ориентированной на корпусные, статистические, компьютерные и т.п. методы сбора и обработки материала, с прикладной, компьютерной, корпусной и когнитивной лингвистикой, с металингвистикой, интернет-лингвистикой и мн. др.

Литература

1. Ахапкина Я. Э. О грамматике устно-письменного высказывания // Современный русский язык в Интернете. Отв. ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 181—194.

2. Выналек Е. А. О природе интернет-мема // Современный русский язык в Интернете. Отв. ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 51—60.

3. Галямина Ю. Е. Лингвистический анализ хештегов Твиттера // Современный русский язык в Интернете. Отв. ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 13—22.

4. Захаров В.П. Корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2015. Т. 6. С. 20—64.

5. Иомдин Б.Л. *Загугли в Дале*. Словари в интернет-дискуссиях // Современный русский язык в Интернете. Отв. ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 114—132.

6. Королева Т.А. Общая характеристика специфики англоязычного чата // Современная филология: теория и практика. Материалы XII международной научно-практической конференции / 29 июня 2013 г. Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований». М.: Изд-во «Спецкнига», 2013. С. 124—130.

7. Кувшинская Ю. М. Аббревиация в речи интернет-форумов // Современный русский язык в Интернете. Отв. ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 23—38.

8. Куликов С.Ю. Однореферентные оценочные слова и их формализация (на примере этнофобонимов) // Вопросы психолингвистики. 2014. № 22. С. 166—173.

9. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М.: Наука, 1987. С. 3—11.

10. Ляшевская О.Н., Митрофанова О.А., Паничева П.В. Визуализация данных для каталога русских лексических конструкций (на материале НКРЯ) // Диалог-2013 // http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/Lyashevskaya-Mitrofanova.pdf.

11. Пиперски А.Ч., Сомин А.А. Литуративы в русском интернете: семантика, синтаксис и технические особенности бытования // Компьютерная лингвистика и интел-

лектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М., 2013. Выпуск 12. В двух томах. Том 1. С. 605—618.

12. Плисецкая А.Д. О языковых и риторических стратегиях выражения оценки у пользователей социальной сети Фейсбук // Современный русский язык в Интернете. Отв. ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 83—92.

13. Рябцева Н.К. Металингвистика: новое направление в языкознании // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Ульяновск: Гос. тех. ун-т, 2006. С. 60—65.

14. Рябцева Н.К. Тенденция к интеллектуализации в современной культуре // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 110—123.

15. Рябцева Н. К. Гипермодальность социальной коммуникации в интернет-пространстве: Приоритеты и перспективы // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. Вып. 7, сер. Языкознание: «Дискурс как социальная деятельность: Приоритеты и перспективы». Ответственный редактор И.И. Халеева. М., 2015. С. 513—520. [Online] // http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest15-717z.pdf.

16. Рябцева Н.К. Тенденция к визуализации в современном информационном пространстве, проблемы образования и инновационные технологии в преподавании иностранных языков // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: Периодический сб. научных статей. Электронное научн. изд. М.: ИЯз РАН, 2015. Вып. 7. С. 345—368 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/13.pdf.

17. Рябцева Н. К. «Контент» — «коннект» — «texting» в новом информационном киберпространстве // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2016. С. 149—160.

18. Рябцева Н. К. Новые коммуникативные тенденции в современной культуре и инновации в области преподавания иностранного языка // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: Периодический сборник научных статей. Электрон-

ное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2016. Выпуск 8. С. 446-467. http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2016_08/11.pdf.

19. Рябцева Н.К. Современные информационные технологии и прикладные проблемы преподавания иностранных языков // VIII Международная научная конференция «Прикладная лингвистика в науке и образовании. ALPAC REPORT — полвека после разгрома». К юбилею профессора Беляевой Л.Н. 24—26 ноября 2016. г., Санкт-Петербург. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2016. С. 316—321. https://sites.google.com/site/prikladnaalingvistika2014/sbornik-trudov-2016.

20. Рябцева Н.К. Интегральное представление лингвистической информации в преподавании иностранных языков // Сборник статей по итогам второй международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака». М.: МПГУ, 2017.

21. Рябцева Н.К. «Космических масштабов индивидуал»: Человек в современном виртуальном пространстве // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2017. С. 298—312.

22. Тошович Б. Интернет-стилистика. М.: Флинта, 2015.

23. Худякова М. В. Как озвучить мнимый текст? Литуратив и средства его выражения при чтении // Современный русский язык в Интернете. Отв. ред. Я.Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 37—47.

24. Чеклецов В. В. Динамические эмерджентные интерфейсы сложных социотехнических систем // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2015. № 1. [Online] // http://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskie-emerdzhentnye-interfeysy-slozhnyh-sotsiotehnicheskih-sistem#ixzz3p13sddOQ.

25. Эйдман И. Рынок 2.0: Социальные сети могут стать основой экономики будущего [Online]. 2010 // http://www.vremya.ru/2010/8/4/245587.html.

26. Эйдман И. Можно ли защититься от манипуляций и страданий [Online]. 2013 // http://www.sensusnovus.ru/opinion/2013/06/07/16541.html.

27. Barnet B. Memory Machines: The Evolution of Hypertext. Anthem Press, 2013.

28. Bennett W.L, Segerberg A. The logic of connective action // Information, Communication & Society. 2012. 15:5. P. 739-768, DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661 // URL: http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661.

29. Bolter J. D. Writing Space: Computers, Hypertext and the Remediation of Print. London: Lawrence Erlbaum Associates, 2001.

30. Bolter J. D. Examining and Changing the World of Media // Humanistic Perspectives in a Technological World. Ed. by Richard Utz, Valerie B. Johnson, etc. Atlanta: School of Literature, Media, and Communication, Georgia Institute of Technology, 2014. P. 37-39.

31. Brian D.L., Vromen A., Xenos M.A. The networked young citizen: social media, political participation and civic engagement // Information, Communication & Society. 2014. 17:2. P. 143-150, DOI: 10.1080/1369118X.2013.871571 URL: http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2013.871571.

32. Brier S. Cybersemiotics: Why Information is not Enough. Toronto: University of Toronto Press, Canada, 2008.

33. Brier S. Cybersemiotics: A New Foundation for Transdisciplinary Theory of Information, Cognition, Meaningful Communication and the Interaction between Nature and Culture // Integral review. 2013. vol. 9, No. 2. [Online] // URL: http://integralreview.org/documents /Brier,%20Cybersemiotics,%20Vol.%209,%20No.%202.pdf.

34. Chinthammit W., Thomas A. iFiction: Mobile Technology, New Media, Mixed Reality and Literary Creativity in English Teaching // IEEE International Symposium on Mixed and Augmented Reality – Arts, Media, and Humanities (ISMAR-AMH), Atlanta, GA, USA, 2012. Nov. 5–8 // URL: http://www.computer.org/csdl/proceedings/ismar-amh/2012/4663 /00/06483987.pdf.

35. Clairet N., Ramadier L., Lafourcade M. Using Constraints on a General Knowledge Lexical Network for Domain-Specific Semantic Relation Extraction and Modeling // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегод-

ной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.). Вып. 15 (22). М.: РГГУ, 2016. P. 112–123. http://www.dialog-21.ru/media/3478/dialogue2016.pdf.

36. Couture S. (ed.). Semiotics and Visual Communication: Concepts and Practices. Cambridge Scholars Publishing, 2014. [Online] // URL: http://iass-ais.org/new-book-semiotics-and-visual-communication.

37. Craig D. Instant Messaging: The Language of Youth Literacy // The Boothe Prize Essays. 2003. P. 116–133.

38. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

39. Crystal D. Txtng: The Gr8 Db8. Oxford: Oxford University Press, 2008.

40. Djonov E. Website hierarchy and interaction between content organization, webpage and navigation design: A systemic functional hypermedia discourse analysis perspective // Information Design Journal. 2007. № 15/2. P. 313–330.

41. Durant A., Shepherd I. ‘Culture’ and ‘Communication’ in Intercultural Communication // European Journal of English Studies. 2009. 13:2, P. 147-162. DOI: 10.1080/13825570902907185 URL: http://dx.doi.org/10.1080/13825570902907185.

42. Engelbart D., Kim E.E. The augmented Wiki // Proceedings of WikiSym'06 – 2006 International Symposium on Wikis. 2006.

43. Fletcher R. The impact of culture on web site content, design, and structure: An international and a multicultural perspective // Journal of Communication Management. 2006. № 10/3. P. 259–273.

44. Folse K.S. Issues in Creating Practical Corpus-Based Lexical Lists // «Applied Linguistics Applied». 2016 AAAL Conference. Orlando, USA // URL: https://c.ymcdn.com/sites/www.aaal.org/resource/resmgr/Conference/2016/AAAL_2016_Final_Program.pdf.

45. Hesmondhalgh D., Pratt A.C. Cultural industries and cultural policy // International Journal of Cultural Policy. 2005. 11:1, P. 1-13. DOI: 10.1080/10286630500067598 // URL: http://dx.doi.org/10.1080/10286630500067598.

46. Hult F. M. Linguistic Landscape Analysis and the Representation of Visual Data // «Applied Linguistics Applied». 2016 AAAL Conference. Orlando, USA // URL: https://c.ymcdn.com/sites/www.aaal.org/resource/resmgr/Conference/2016/AAAL_2016_Final_Program.pdf.

47. Johansson K.E. Review of *From First to Third via Cybersemiotics* // Semiotica. 2013. N. 197. P. 289–304.

48. Johnson D., White A., Charland A. Enterprise AJAX: Strategies for building high performance web applications. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2008.

49. Jozefowicz R., Zaremba W., Sutskever I. An Empirical Exploration of Recurrent Network Architectures // Proceedings of the 32nd International Conference on Machine Learning (ICML-15), Lille, France, 2015. P. 2342–2350.

50. Kostelnick Ch., Roberts D. Designing visual language: Strategies for professional communicators. Boston, Massachusetts: Allyn and Bacon, 2010.

51. Kress G. Visual and verbal modes of representation in electronically mediated communication: the potentials of new forms of text // I. Snyder (Ed.). Page to Screen. Taking literacy into the electronic era. London, New York: Routledge, 1998. P. 53-79.

52. Kress G. Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication. London: Routledge, 2010.

53. Kress G., Leeuwen T. van. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London, Routledge, 2006.

54. Kress G., Jewitt C., Ogborn J., Charalampos T. Multimodal Teaching and Learning: The Rhetorics of the Science Classroom. Bloomsbury Academic Series: Advances in Applied Linguistics, Bloomsbury Classics in Linguistics. 2014 // URL: http://global-school.ru/notes/view/181/,http://bloomsbury.com/uk/multimodal-teaching-and-learning-9781472522719/#sthash.ihoF60dS. pdf.

55. Lasorsa D.L., Lewis S.C., Holton A.E. Normalizing Twitter // Journalism Studies. 2012. 13:1. P. 19-36, DOI: 10.1080/1461670X.2011.571825 URL: http://dx. doi.org/10.1080/1461670X.2011.571825.

56. Landow G.P. Hypertext 3.0: New Media and Critical Theory in an Era of Globalization. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006.

57. Leeuwen van T. Introducing social semiotics. London: Routledge, 2005.

58. Lemke J.L. Travels in hypermodality // Visual Communication. № 1/3. 2002. P. 299–235.

59. Lemke J.L. Multimodal genres and transmedia traversals: Social semiotics and the political economy of the sign // Semiotica. № 173, 1/4. 2009. P. 283–297.

60. Loader B. D., Vromen A. & Xenos M. A. The networked young citizen: social media, political participation and civic engagement // Information, Communication & Society. 2014. 17:2. P. 143-150. DOI: 10.1080/1369118X.2013.871571 // URL: http://dx.doi.org /10.1080/1369118X.2013.871571.

61. Louwerse M. M., Wrede O. Hot Topics in Information Research and Design // Information Design Journal. Vol. 20, N. 3. 2013 // URL: http://www.ingentaconnect. com/content/jbp/idj/2013/00000020/00000003/art00006.

62. Manovich L. The Language of New Media. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001 // URL: https://mitpress.mit.edu/index.php?q=books/language-new-media.

63. Manovich L. The Digital Humanities Manifesto 2.0 // URL: http://www.humanitiesblast.com/manifesto/Manifesto_V2.pdf.

64. O'Halloran, K. L., Smith, B. A. (eds.) Multimodal Studies: Exploring Issues and Domains. New York & London: Routledge, 2011.

65. Rekimoto J. From Augmented Reality to Augmented Human // ISMAR 2013: The premier international conference on research into the science, technology, applications, and uses of Mixed and Augmented Reality. October 1-4th, Adelaide, SA, Australia, 2013. Abstracts. [Online] // URL: http://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?tp=&arnumber=6671755.

66. Riabtseva N. K. Language and style in internet communication: a cognitive perspective // Cognitive Modeling: Proceedings of the Fourth International Forum on Cognitive Modeling (11-18 September, 2016, Lloret de Mar, Spain). In 2 parts. / Edited by S. Masalóva, V. Polyakov, V. Solovyev. Part 1. Cognitive Modeling in Linguistics: Proceedings of the XVII

International Conference «Cognitive Modeling in Linguistics. CML-2016». Rostov-on-Don: Science and Studies Foundation, 2016. P. 213-222. Forum web-site: www.confcognresearch.ru.

67. Riabtseva N. K. «From augmented reality to augmented human»: Contemporary information technologies and their impact on human intelligence // Cognitive Modeling: Proceedings of the Fourth International Forum on Cognitive Modeling (11-18 September, 2016, Lloret de Mar, Spain). In 2 parts. / Edited by S. Masalóva, V. Polyakov, V. Solovyev. Part 2. Cognitive Modeling in Science, Culture, Education: Proceedings of the IV International Conference «Cognitive Modeling in Science, Culture, Education. CMSCE -2016». – Rostov-on-Don: Science and Studies Foundation, 2016. P. 412-421. Forum website: www.confcognresearch.ru.

68. Riabtseva N. K. Internet communication: a linguistic and cognitive perspective // Russian Linguistic Bulletin. 2016. V. 4 (8). P. 70-73. DOI: 10.18454/RULB.8.13 // URL: http://rulb.org/ru/wpem_compilation_articles/december2016.

69. Roig-Marín A. 'Blended' Cyber-Neologisms: New words show how our world is changing // English Today. Volume 32, Issue 4. December 2016. P. 2-5. DOI: https://doi.org/10.1017/S0266078416000274.

70. Rosen L. Rewired: Understanding the iGeneration and the Way They Learn. Macmillan, 2010.

71. Segerberg A., Bennett W.L. Social Media and the Organization of Collective Action: Using Twitter to Explore the Ecologies of Two Climate Change Protests // The Communication Review. 2011. 14:3. P. 197-215, DOI: 10.1080/10714421.2011.597250 URL: http://dx.doi.org/10.1080/10714421.2011.597250.

72. Shuter R. Intercultural New Media Studies: The Next Frontier in Intercultural Communication // Journal of Intercultural Communication Research. 2012. 41:3. P. 219-237. DOI: 10.1080/17475759.2012.728761 // URL: http://dx.doi.org/10.1080/17475759.2012.728761.

73. Smith R., Curtin P. Children, computers and life online: education in a cyberworld // I. Snyder (Ed.). Page to Screen. Taking literacy into the electronic era. London, New York: Routledge, 1998. P. 211-233.

74. Snyder I. Page to screen // I. Snyder (Ed.). Page to Screen. Taking literacy into the electronic era. London, New York: Routledge, 1998. P. xx-xxxvi.

75. Snyder I. (Ed.). Silicon Literacies: Communication, Innovation and Education in the Electronic Age. London: Routledge, 2002.

76. Verheijen L. The Effects of Text Messaging and Instant Messaging on Literacy // English Studies. 2013. N. 94:5. P. 582-602. DOI: 10.1080/0013838X.2013.795737. [Online] // URL: http://dx.doi.org/10.1080/0013838X.2013.795737.

77. Zantides E. (ed.) Semiotics and Visual Communication: Concepts and Practices. Cambridge Scholars Publishing, 2014. [Online] // URL: http://www.cambridgescholars.com/semiotics-and-visual-communication-6.

78. Zhang Y., O'Halloran K. L. The gate of the gateway: A hypermodal approach to university homepages // Semiotica. № 190, 1/4. 2012. P. 87–109.

79. Zhao S. Intersemiotic relations as logogenetic patterns: Towards restoration of the time dimension in hypertext description // New Discourse on Language: Functional Perspectives on Multimodality, Identity, and Affiliation. London, 2010. P. 195–218.

Х.Д. Цуцаева (Институт языкознания РАН)

H.D. Tsutsaeva(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Синтаксическая синонимия экзистенциальных конструкций английского языка

Syntactic synonymy in English existential sentences

Аннотация

В данной статье исследуются существующие грамматические, структурные и стилистические сходства и различия инвертированных экзистенциальных предложений. Установлено, что конструкции с вводящим *there*, простой и двойной инверсией являются синтаксическими синонимами и образуют синонимичный ряд. Наряду с главными критериями синонимичности рассматриваемых предложений имеются и факультативные, а именно критерий коммуникативной (тема-рематической) организации исследуемых высказываний и критерий взаимозаменяемости.

This paper examines the occurring grammatical, structural and stylistic sameness and otherness in existential sentences. It was established that existential constructions with *there*, with simple and double inversion appeared to be syntactic synonyms and formed a synonymic row. Along with the main synonymic criterion of the sentences involved there are optional factors such as Topic-Comment structure and interchangeability.

Ключевые слова

Синтаксические синонимы, синтаксический синонимический ряд, доминанта синтаксического ряда

Syntactic synonyms, syntactic synonymic row, dominant of synonymic row

Исследование проблем синтаксической синонимии приближает нас к решению коммуникативно-когнитивной проблемы механизма выбора языковых единиц в процессе

речевого общения, что является достаточно актуальным аспектом современной лингвистики. Являясь инструментом обогащения языка выразительными средствами, синтаксическая синонимия представляет собой особый интерес, но является наименее изученной областью языкознания как в лексике, так и в грамматике, а особенно в синтаксисе. Благодаря многочисленным работам, появившимся в последнее время и посвященным отдельным частным вопросам грамматической синонимии (Т.С. Сорокина, М.В. Хлебникова, В.М. Хантакова, Е.В. Шарина, А.Г. Хайрутдинова и др.), в настоящее время можно сказать, что разработка этого вопроса дала многое как в теоретическом, так и в практическом плане.

Ранее исследования грамматических синонимов проводились многими отечественными лингвистами (В.Н. Ярцева, Е.И. Шендельс, И.М. Жилин, В.Н. Гвоздев, В.П. Сухотин, Ю.Н. Власова, В.П. Ковтунова и др.),которые указывали, что основанием для их выделения должна служить структурная близость и сходство грамматического значения единиц. В зарубежной лингвистике проблема синтаксической синонимии рассматривалась в работах Г. Суита, О. Есперсена, З.С. Хэрриса, Н. Хомского, У.Л. Чейфа, Дж.Дж. Катца, однако четкого определения синтаксической синонимии как таковой не было предложено, но были появились предпосылки для дальнейшего углубления и изучения данного понятия.

Известно, что термин «грамматические синонимы» впервые был введен в лингвистику А.М. Пешковским, который указал, что «синтаксическая синонимия обнаруживается там, где есть возможность выбора, варьирования различных грамматических средств для выражения одного и того же содержания. Причем лексическое наполнение представленных в ситуации выбора форм и конструкций должно оставаться в целом неизменным» [6, 53].

Полная грамматическая синонимия вызывается сходством грамматического значения, функционально-синтаксическим и структурным сходством. И.М. Жилин в своей работе определяет синтаксические синонимы как модели таких синтаксических конструкций (предложений, оборотов или словосочетаний), которые при одинаковом лекси-

ческом наполнении обладают адекватным грамматическим значением, выражают сходные синтаксические отношения и способны при определенных контекстуальных условиях к взаимозамене [3, 4].

Однако В.Н. Ярцева поставила под сомнение критерий «взаимозаменяемости» и подчеркивала, что этот критерий играет второстепенную роль. По ее мнению, образование грамматических синонимов происходит, главным образом, в результате функционального сближения грамматических конструкций [11, 28].

Такое же мнение высказывает Т.С. Сорокина, указывая, что многообразные различия семантически различных языковых выражений затрудняют их взаимозаменяемость. Поэтому отсутствие взаимозаменяемости не есть еще признак отсутствия синонимии. И наоборот, взаимозаменяемость не есть признак синонимичности языковых выражений, следовательно, формальный тест взаимозамены нельзя абсолютизировать как критерий синонимии [7, 9].

Исходя из приведенных определений, можно вывести основные принципы синтаксической синонимии: структурная близость, общность грамматического значения, общность семантического содержания и способность к взаимотрансформируемости. Однако отношения по трансформации считаются не условием, а следствием существования синонимичных конструкций. Но возможность взаимозамены синонимических конструкций показывает, что эти структуры передают близкие лексико-грамматические отношения.

В данной статье делается попытка анализа инвертированных экзистенциальных предложений (ЭП) как синтаксических синонимов, образующих синонимичный ряд. В исследуемые синтаксические конструкции входят: I) ЭП с вводящим *there*; 2) ЭП с простой инверсией; 3) ЭП с двойной инверсией двучленного сказуемого в форме типа Continuous или Passive:

1. *There was a heap of scenery sketches on the grand piano* (Fr. Forsyth. The Dogs of War, 1985). (*On the grand piano there was a heap of scenery sketches*).

2.**On the grand piano was a heap of scenery sketches.*

3. **Lying on the grand piano was a heap of scenery sketches.*(*Scattered on the grand piano was a heap of scenery sketches.*)

Структурные модели приведенных конструкций имеют следующий вид:

1. *there*— V — S —Adv (Adv—*there*— V — S)
2. Adv—V—S (простая инверсия)
3. V—Adv—V—S (двойная инверсия)

Исследуемые конструкции имеют в основном трехчленную синтаксическую структуру (Adv—V—S), где в строгом порядке следуют определенные члены предложения: обстоятельство — сказуемое — подлежащее. В синтаксическом плане сходство этих конструкций заключается в инвертированном порядке расположения членов предложения, т.е. в препозиции сказуемого по отношению к подлежащему. Причем наличие десемантизированного *there* (в конструкции с вводящим *there*) и расщепленного сказуемого (в конструкции с двойной инверсией) не нарушает указанного сходства.На глубинном уровне анализируемые конструкции демонстрируют репрезентацию экзистенциальных отношений в широком смысле слова. Созданию таких отношений способствует наличие в семантической структуре трех компонентов: локализатор— бытийный глагол — имя бытующего лица или предмета (Loc—V_{ex}—N_{ex}).

Реализация экзистенциальных конструкций с инвертированным порядком слов в речи показывает идентичное расположение элементов **актуального членения**. Это означает, что три определенных члена синтаксической структуры, которые составляют основу экзистенциальных отношений данных конструкций, входят соответственно в тематический и рематический сектор, т.е. локализатор и бытийный предикат манифестируют тему высказывания, а имя бытующего предмета является ремой. Учет коммуникативного фактора представляет определенный интерес для детерминации синтаксических синонимов с точки зрения их функционирования в высказывании. Однако данный фактор, по нашему мнению, наряду с взаимозаменяемостью представляет собой факультативный критерий синтаксической синонимии.

Из существующего определения синтаксической синонимии ясно, что собственно о синонимике в синтаксисе речь идет в том случае, когда для выражения данного отношения в языке наличествуют две или более синтаксических конструкции. Набор таких равнозначных или эквивалентных синтаксических конструкций представляет собой синтаксический или синонимичный ряд. Количество членов в том или ином синонимичном ряду может быть различным. Наиболее распространенным случаем является синонимичный ряд, состоящий из двух или трех, реже — четырех, пяти или более членов. Рассматриваемые в данной статье экзистенциальные синтаксические конструкции обладают рядом семантических, грамматических и структурных свойств, свидетельствующих о возможности их включения в один синонимический ряд. Ю.Н. Власова отмечает, что синонимический ряд синтаксических конструкций представляет собой совокупность структур, объединенных общими и отличительными признаками. Данный ряд состоит из строго определенного числа синтаксических конструкций [2, 64].

Таким образом, синтаксический синонимический ряд —это ряд грамматических конструкций, «более или менее близко совпадающих по своему основному (стержневому) семантическому содержанию, т.е. по принадлежности к одному и тому же семантическому полю» [1, 118].

Синонимический ряд инвертированных экзистенциальных конструкций имеет следующее построение:

1. а) ***there*** **— V— S—Adv;** б) **Adv — *there* —V —S**

а) *There was a group of school teachers on the left side* (J. Cheever. Selected Stories, 1980)

б) **On the left side there was a group of school teachers.*

2. **Adv —V— S**

**On the left side was a group of school teachers.*

3. **V— Adv — V — S**

**Standing on the left side was a group of school teachers.*

Основное семантическое содержание представленного синонимического ряда ре-

ализуется через наличие экзистенциального характера всех упомянутых выше предложений. А если конкретизировать существующие в них бытийные отношения, то данные предложения скорее объединяет значение наличия какого-то лица в определенном месте. Попытка пополнить синонимический ряд инвертированных ЭП локативными предложениями, которые также отражают пространственно-предметный аспект мира, является спорной. Следует отметить и тот факт, что именно тема-рематическая структура отличает ЭП от локативных, например:

1.*The tea things were on the tables*(T—R).

2. *On the tables there were tea things (*T—R).

Оба предложения в данном случае отражают одну и ту же денотативную ситуацию, но различаются коммуникативной направленностью и неопределенностью имени бытующего предмета в ЭП. Первое предложение (локативное) с прямым порядком слов имеет направленность от объекта к месту его локализации, т.е. указывает местонахождение. Второе предложение (экзистенциальное) имеет иной смысловой центр, который переместился на имя бытующего предмета, вследствие чего высказывание приобрело бытийный характер. Другими словами, различие состоит в том, что в локативных предложениях исходным пунктом сообщения (темой) служит известный предмет, а сообщаемым (ремой) — местонахождение этого предмета. В экзистенциальных предложениях, наоборот, данным (темой) является место, а новым (ремой) — его предметное наполнение. Следовательно, в ЭП сообщается о существовании лица, предмета или явления во времени и пространстве, т.е. об экзистенциальности — понятии, которое выходит за рамки чисто лингвистического.

Анализ указанных предложений показывает, что коммуникативный (тема-рематический) фактор, хотя и является факультативным критерием синтаксической синонимии, однако в приведенных примерах именно этот критерий помогает нам исключить локативные предложения из синонимического ряда инвертированных ЭП.

Семантическая близость инвертированных экзистенциальных предложений с вво-

дящим *there,* с простой инверсией и двойной инверсией не означает тождественности, потому что каждая из рассматриваемых конструкций имеет структурные, семантические и стилистические ограничения. Указанные ограничения должны учитываться при использовании критерия взаимозаменяемости. Например, дистрибутивный анализ инвертированных экзистенциальных конструкций показал, что в конструкциях с простой и двойной инверсией обстоятельство должно быть выражено только пространственным локализатором, а не темпоральным. Вербальная невыраженность локализатора имеет место только в конструкции с вводящим *there*, но и в этом случае обстоятельство может эксплицироваться из контекста или же эксплитивное *there* берет на себя часть локативной семы.

В конструкции с простой инверсией отсутствие обстоятельства места нарушает структурную целостность, следовательно, локализатор является облигаторным компонентом данной конструкции. Функционирование адвербиальных фраз или адъюнктов в двойной инверсии носит двойственный характер, а именно: при инверсии двучленного сказуемого в форме типа Continuous экспликация локализатора обязательна, в то время как двучленное сказуемое в форме Passive допускает импликацию обстоятельства. Данный факт, видимо, объясняется наличием в структуре сказуемого глаголов с адвербиальной интенцией, которые и позволяют восстанавливать локализатор из микро- или макроконтекста.

Стилистическая маркированность конструкции с двойной инверсией не позволяет замещать конструкции с вводящим *there* и конструкции с простой инверсией без определенных контекстуальных условий. Поэтому для определения особенностей употребления синонимичных синтаксических конструкций в речи необходимо исследовать контекст, обусловливающий особенности их речевой реализации. Для исследуемых экзистенциальных конструкций это в основном описательный контекст, где объект носит опредмеченный характер.

В системе языка существуют синонимичные единицы, однако, по справедливому замечанию Ю.И. Власовой, для осуществления определенного коммуникативного зада-

ния в речи всегда имеет место выбор одной из них. Определение контекстуальных особенностей употребления синонимичных синтаксических конструкций поможет обнаружить факторы, обусловливающие их выбор [2, 225]. Здесь необходимо указать, видимо, и на контекстуальные связи, которые внекоторой степени являются определяющими при выборе, например, конструкции с *there,* содержащей локализатор в начальной позиции. В то же время иногда в одном и том же контексте могут одновременно функционировать несколько единиц синонимического ряда.

1. *The station site came sliding on to the screen from the left; a roughly leveled area of a few acres; the first and only sign order in the stony chaos.* 2.*At the far end was a pair of hemispherical huts, one much larger than the other.* 3.*At the near end, a few cylindrical crates were lined up beside a launching ramp hewn from the rock.* 4.*Down each side of the area stood rows of canvas bins, some stuffed bull of a conical shape; others slack empty or half-empty*. 5.*In the whole scene there was only one sign of movement - a small, space figure...* (Science fiction, 1979).

Данный описательный контекст содержит три высказывания экзистенциального типа, которые имеют близкую синтаксическую структуру (Adv — V — S) и находятся между собой в отношениях взаимозамещения. Как второстепенный критерий здесь можно выделить идентичную тема-рематическую структуру, где подлежащее вместе с приименными и постпозитивными определениями несет основную рематическую нагрузку в высказывании. Однако не все конструкции бытийного синонимического ряда в анализируемом контексте могут взаимотрансформироваться. Здесь вступают в силу упомянутые выше ограничения, а точнее: семантическое ограничение для последнего предложения. Указанное ограничение заключается в том, что в предложениях с простой инверсией имя бытующего предмета не реализуется с лексическими показателями типа *only*, *just*, *even*, *merely*, *exactly*. Подобная трансформация конструкции с вводящим *there* в конструкции с простой инверсией придает предложению искусственный вид.

**In the whole scene was only one sign of movement — a small, space figure…*

Структурная лимитация наблюдается и при взаимозамене простой инверсии вто-

рого предложения конструкцией с *there*, которая функционирует в двух вариантах: а) Adv—*there*—V—S и б) *there*—V—S—Adv. В данном случае вариант (б) оказывается неприемлемым, ибо наличие распространенного постпозитивного определения при подлежащем отдаляет обстоятельство места от сказуемого.

**There was a pair of hemispherical huts one much larger than the other at the far end.*

В структурном плане правильным будет фразоначальное расположение локализатора:

**At the far end there was a pair of hemispherical huts one much, larger than the other.*

Такое же ограничение, а в анализируемом примере это громоздкое подлежащее с однородными членами, допускает только вариант (б).

**Down each side of the area there stood rows of canvas bins, some stuffed full of a conical shape; others slack, empty or half-empty.*

Присутствие делексикализованного глагола *stand* в этом предложении дает возможность произвести следующую трансформацию:

**Standing down each side of the area were rows of canvas bins, some stuffed full of a conical shape; others slack, empty or half-empty.*

Восстановить этот же глагол можно из микроконтекста второго предложения, где имя бытующего предмета *hut* имеет признак ‘вертикальность положения’. Таким образом, мы получили конструкцию с двойной инверсией двучленного сказуемого в форме Continuous: **Standing at the far end was a pair of hemispherical huts one much larger than the other.*

Имя бытующего предмета 5-го предложения, которое реализуется неопредмеченным объектом *sign*, в некотором смысле ограничивает трансформацию предложения с вводящим *there* в конструкцию с двойной инверсией, В этом контексте не встречается высказывание с двойной инверсией, которое в сравнении с конструкциями, содержащими вводящее *there* и простую инверсию, имеет менее частотную репрезентацию. Вместе с тем выбор синтаксического синонима объясняется стилистической значимостью каждого элемента и зависит от его структурно-семантических характеристик. При этом возможны

случаи, когда в объемах значений синонимы совпадают, а единственным различительным признаком служит стилистическая нагрузка. В известной степени это относится к функционированию конструкции с двойной инверсией в тексте:

It was a spectacular body that of a handsome fair-haired man. Standing over the body was a woman, a short powerfully-built middle-aged woman with a curious blank expression. On far side of the pool was a tall young woman whose hair matched the autumn leaves in its rich brown... A little farther off there was a man, a tall, inconspicuous man in a shooting-coat, carrying a gun (A. Christie. The Hollow, 1976).

Синтаксические синонимы здесь представлены экзистенциальными конструкциями с двойной и простой инверсией:

Standing over the body was a woman... (двойная инверсия)

On far side of the pool was a tall young woman... (простая инверсия)

A little farther off there was a man...(с вводящим *there*)

То, что данные структуры встречаются в совершенно адекватных контекстах, не только в плане выражения, но и в плане содержания, способствует их беспрепятственной трансформации. Но тогда необходимо учитывать, что реализация предложений с двойной инверсией в тексте связана с высокой степенью мотивированности такой конструкции. Вне контекста возможны следующие трансформации внутри указанного синонимического ряда:

Standing over the body was a woman. . .

**Over the body was a woman. . .*

**Over the body there was a woman. . .*

On far side of the pool was a tall young woman. . .

**On far side of the pool there was a tall young woman. . .*

**Standing on far side of the pool was a tall young woman. . .*

A little farther off there was a man . . .

**A little farther off was a man . . .*

**Standing a little farther off was a man...*

Описательный контекст формируется на основе логически объединенных суждений. Постпозитивное подлежащее в рассматриваемых предложениях, являясь смысловым центром высказывания — ремой, вводит в описание предмет или лицо, идентификация которого происходит или в этом же предложении с помощью постпозитивных распространенных определений, или же в последующих высказываниях. Кроме того, определенная логическая последовательность инвертированных предложений имеет целью сохранить контекстуальные связи, стиль изложения и индивидуальность авторского почерка, а любая трансформация внутри контекста должна быть стилистически оправдана. Поэтому взаимозаменяемость является не условием, а следствием синонимичности конструкций.

Характерным признаком синтаксического синонимического ряда является наличие в нем ведущей формы (доминанты), основным признаком которой считается способность наиболее эксплицитно отражать структуру ситуации. Ю.Н. Власова отмечает, что наибольшая эксплицитность в отображении ситуации рассматривается как наличие в составе конструкции компонентов, необходимых для обозначения всех участников ситуации. Кроме того, она отмечает многозначность конструкций, т.е. наибольшую частоту ее употребления и наименьшую стилистическую маркированность (доминанта является стилистически нейтральной). В дальнейшем детерминируются критерии выделения доминанты синтаксического синонимического ряда:

1) способность наиболее эксплицитно отображать структуру ситуации (сложного денотата);

2) многозначность;

3) наибольшую частотность употребления;

4) нейтральность в стилистическом отношении [2, 67—69].

Указанные критерии мы и положили в основу выведения доминанты синтаксического ряда со значением экзистенциальности:

On a window-sill there was a pile of copies of the Saturday Evening Post (N. Shute. Landfall, 1983).

**On a window-sill there was a pile of copies ...*

**On a window-sill was a pile of copies ...*

**Lying on a window-sill was a pile of copies...*

Как известно, конструкция *there is / there are* воплощает в себе экзистенциальность в широком смысле слова, т.е. включает и значение существования, и значение наличия. Другими словами, это наиболее частотная многозначная конструкция в синтаксическом ряду бытийных конструкций. Высказывания с вводящим *there* реализуются в любом функциональном стиле какв диалогах, так и в монологических контекстах. Конструкция с *there* устойчива, стилистически нейтральна, способна охватить различные виды сообщений, построенных с помощью бытийных конструкций.

Предложения с простой инверсией также относятся к бытийному типу, но вместе с тем они реализуют в основном значение наличия предмета или лица в определенном месте. Конструкция с простой инверсией в стилистическом плане менее мобильна и имеет преимущественную репрезентацию в книжной речи в так называемом изобразительном или описательном стиле речи. Наиболее маркированной в стилистическом плане является двойная инверсия**.**

Итак, синонимический ряд инвертированных экзистенциальных конструкций включает три конструкции: I) с вводящим *there;* 2) с простой инверсией; 3) двойной инверсией. **Доминантой** данного синонимического ряда является конструкция **с вводящим *there*** как наиболее частотная, многозначная и стилистически нейтральная, и реализуется в двух вариантах: Adv — *there* — V — S и *there* — V —S — Adv.

Многообразие значений, передаваемых грамматическими конструкциями, отражает многообразие форм окружающего нас мира. У американских стилистов прошлых лет можно встретить такую рекомендацию: *A writer should not use the same word twice in a paragraph*. Этой рекомендацией можно воспользоваться также при использовании ЭП в описательном контексте. Наличие в контексте различных синонимичных конструкций позволяет избежать монотонности описания. Кроме того, синонимия часто рассматривается в рамках стилистики как важный источник языкового многообразия, позволяющий

выразить или описать одно и то же содержание через употребление различных языковых форм. Выбор той или иной синонимичной синтаксической конструкции может быть обусловлен коммуникативной задачей, стремлением решить ее, используя наиболее соответствующие замыслу говорящего языковые средства, например:

The range divided the coastal plain from the hinterland. There was only one gap in the chain and through it ran the only road into the interior, and that was a narrow dirty road, baked like concrete in summer, a quagmire in winter. Set on the further side of the range of hills was the single mountain that gives its name to the rest. It was not even the biggest (Fr. Forsyth, 1985).

Репрезентация в данном контексте различных инвертированных предложений с экзистенциальным значением, которые вводят в процесс повествования предмет или лицо, дает возможность их дальнейшей идентификации или характеризации с помощью других коммуникативных типов высказываний. Четкая логическая последовательность размещения различных типов предложений придает яркую иллюстративность описываемому контексту, а также не трудно заметить, что эти синонимичные синтаксические конструкции имеют различную степень экспрессивности.

Однако стилистические различия не относятся к числу явлений, определяющих типологию рядов. По справедливому замечанию Н.Ю. Шведовой, синтаксический ряд как категория грамматическая конструируется на основе грамматических, а не стилистических признаков. Стилистические же расхождения играют существенную роль как в развитии соотношений между членами ряда, так и в складывании общей тенденции развития ряда как целого [8, 21]. Полученные результаты в ходе комплексного анализа экзистенциальных высказываний раскрывают пути семантического развития определенного типа предложений, взаимодействие в его структуре, лексического, грамматического и коммуникативного значений, в результате которого высказывание приобретает полифункциональность.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.

2. Власова Ю.Н. Проблемы синтаксической синонимии в современном английском языке. Дис. ... докт. филол.наук. Ростов-на-Дону, 1982.

3. Жилин И.М. Некоторые явления синтаксической синонимии в группе глагола современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. Л., 1962.

4. Копров В.Ю. Об аспектах синонимии английских причинно-следственных и временных конструкций //Вестник ВГУ, №2, 2010.

5. Лариохина Н.М. Синтаксические синонимы в преподавании русского языка как иностранного //Слово. Грамматика. Речь. Вып.3. М., 2001.

6. Пешковский А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Ars Poetica. Вып. I. М., 1927.

7. Сорокина Т.С. Функциональная грамматическая синонимия в английском языке. М., 1995.

8. Шведова Н.Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопросы языкознания, № 4, 1973.

9. Шевякова В.Е. Современный английский язык. М., 1980.

10. Шендельс Е.И. Грамматическая синонимия. Дис. … докт. филол. наук. М., 1964.

11. Ярцева В.Н. О грамматических синонимах // Романо-германская филология. Вып. 1, 1957.

Проблемы преподавания языка

Problems of Language Education

О.Д. Антошина (Тверской государственный университет)

O.D. Antoshina (Tver state University)

«Разговор о деревьях» на уроке немецкого языка на материале избранных поэтических произведений (Иностранный язык — литература — общество — экология)

"A conversation about trees" at a German lesson: a case study of selected works of poetry (A foreign language — literature — society — ecology)

Аннотация

В статье предлагаются методы и приемы использования избранных поэтических произведений в практике преподавания немецкого языка как иностранного, теории и истории литературы для германистов. Рассматривается важный лингвокультурный код (или концепт) в немецкоязычном пространстве после 1945 г.: «разговор о деревьях», который носителями российской культуры не может быть расшифрован интуитивно, а значит, представляет особенный интерес для успеха межкультурной коммуникации. Прослеживается возникновение тематического жанра экологической поэзии, что представляется актуальным в «год экологии» — 2017-й.

This article offers methods and techniques of using selected poetic works in the practice of teaching German as a foreign language, as well as theory and history of literature for germanists. Considered is an important linguistic and cultural code (or concept) in the post-1945 German-speaking space 1945, namely "a conversation about trees", which does not appear intuitively decipherable to non-native German speakers belonging to Russian culture and, therefore, is of special interest for the success of cross-cultural communication. Emergence of a thematic

genre of ecological poetry is traced, which seems relevant to 2017 as the Year of Ecology in Russia.

Ключевые слова

Лингвокультурная компетентность, лингвокультурный концепт «разговор о деревьях», мотив дерева в немецкой поэзии, экологическая поэзия, методика преподавания немецкого языка как иностранного

Linguocultural competence, linguocultural concept «a conversation about trees», motive of a tree in the German poetry, ecological poetry, teaching German as a foreign language

Под именем языка мы преподаем культуру!

А. А. Леонтьев

Важным импульсом в послевоенной немецкоязычной поэзии (в особенности на территории ГДР) явилось изречение Бертольта Брехта (1989—1956) о том, что «разговор о деревьях» более не разрешается, поскольку он включает в себя молчание о большом количестве «злодеяний». Имеется в виду стихотворение «К потомкам» («An die Nachgeborenen»), написанное Брехтом в эмиграции между 1934 и 1938 гг. Строки 6—8 включают знаменитую цитату, на которую ссылались потом многие поэты, литературоведы и искусствоведы:

Was sind das für Zeiten, wo

Ein Gespräch über Bäume fast ein Verbrechen ist

Weil es ein Schweigen über so viele Untaten einschließt!

[1, 182]

Что это за времена, когда

Разговор о деревьях — почти преступление,

Потому что в нем умалчивается о стольких злодеяниях!

(Перевод С. Городецкого [там же, с. 183])

Для Брехта «простодушное слово» стало «сродни глупости» («Das arglose Wort ist

töricht» [Там же, 182]): поэзия после Освенцима перестала быть невинной, она не имела больше этического права не замечать окружающего мира. Поэзия вынуждена была искать новые темы и новый язык, этически приемлемые в современном мире. Брехт высказывался против тех поэтов, которые продолжали писать в традиционных тематических формах, например, стихи о природе, и при этом молчали о преступлениях фашизма. Его изречение означало, что искусство не имеет права молчать о преступлениях современности; оно должно повернуться к насущным проблемам, а не убегать от реальности; оно должно быть полезным для людей настоящего времени и ставить себя на службу обществу. Наряду с *неразделимостью этического и эстетического*, для такой позиции характерно *прагматическое понимание поэзии* и ее *целевая детерминированность,* т.е. поэзия существует зачем-то и для чего-то. Помимо этого, изречение Брехта запрещает *природную лирику* как «форму эскапизма» [23, 486], побега от социальных проблем действительности.

В современной немецкой поэзии уже в образе дерева как основного предмета стихотворения посылает свои сигналы социальный подтекст. Ведь в лирике Германии «после Освенцима» любой стих о деревьях невозможно воспринимать как стих *только* о деревьях. Цитированные выше строки Брехта превратились в крылатые слова, по отношению к которым каждый немецкоязычный поэт вынужден занимать какую-то позицию, по-своему отвечать на вызов «нового классика». Стихотворение породило огромное число подражательных и ответных произведений. Этот контекст невозможно игнорировать, рассматривая современные стихи о деревьях на немецком языке.

Особенно большое влияние изречение Брехта оказало на «поэтов-потомков» в бывшей ГДР, для которых авторитет Брехта был очень велик. Периоду строительства социализма был свойственен оптимистический рационализм, который распространялся не только на вопросы искусства, но и на отношение к самой природе, что выражалось в догме о «полезности», утилитарности природы. В 40—50-е гг. изменение природы человеком воспринималось крайне положительно — как прогресс, который ставит природу на службу человеку. Именно измененная человеком, полезная природа воспевалась в то время поэтами ГДР как действительно красивая (Иоганнес Бехер, Бертольт Брехт, Фоль-

кер Браун). Такое видение пропагандировалось официальной культурной политикой, но на тот момент оно соответствовало и пониманию большинства людей. Отношение к природе стало изменяться в 60-е гг. XX в. Поэты среднего поколения ГДР — такие, как Райнер Кунце, Вульф Кирстен, Гюнтер Кунерт, Хайнц Чеховски, первыми стали осуждать разрушение природы, которым сопровождался переход на плановое хозяйство, и исчезновение природных ландшафтов под огромными посевными полями и промышленными зонами. В результате отказа поэтов воспевать «полезные» изменения и силу социалистического преобразования, их стихи воспринимались как политические, подрывающие государственную систему.

В ФРГ с «поколения-68» началось экологическое движение, была образована партия «зеленых», поэты начали писать стихи на экологические темы, и появился новый тематический вид: «экологическая поэзия» (*Ökolyrik, Umweltlyrik*). При этом и в ФРГ, и в ГДР, и в объединенной Германии «экологическую поэзию» почти всегда можно отнести также к традиционно существовавшим тематическим видам как «природной поэзии» (*Naturlyrik*), так и «политической поэзии» (*Politische Lyrik*).

Мотивы леса и деревьев на протяжении эпох находили в поэзии самое распространенное применение. Но если деревья являются источниками образности (*Bildspender*) для метафорического переноса на человека или общество, глубоко укорененными в литературной традиции, то поэзия о природе как «экологическая поэзия» является новаторством XX века.

Обучающимся предлагается прочитать в шести тематических блоках несколько поэтических произведений и одно высказывание, написанные немецкими поэтами разных эпох, попытаться найти собственный подход к их интерпретации и ответить на вопросы после текстов.

Данный учебно-методический материал может быть интегрирован в общий курс истории зарубежной литературы, для этого не владеющим немецким языком предлагается работа с переводами.

I.

Friedrich Hölderlin

Die Eichbäume (1796)

Aus den Gärten komm ich zu euch, ihr Söhne des Berges!

Aus den Gärten, da lebt die Natur geduldig und häuslich,

Pflegend und wieder gepflegt mit dem fleißigen Menschen zusammen.

Aber ihr, ihr Herrlichen! steht, wie ein Volk von Titanen

In der zahmeren Welt und gehört nur euch und dem Himmel,

Der euch nährt‘ und erzog, und der Erde, die euch geboren.

Keiner von euch ist noch in die Schule der Menschen gegangen,

Und ihr drängt euch fröhlich und frei, aus der kräftigen Wurzel,

Unter einander herauf und ergreift, wie der Adler die Beute,

Mit gewaltigem Arme den Raum, und gegen die Wolken

Ist euch heiter und groß die sonnige Krone gerichtet.

Eine Welt ist jeder von euch, wie die Sterne des Himmels

Lebt ihr, jeder ein Gott, in freiem Bunde zusammen.

Könnt ich die Knechtschaft nur erdulden, ich neidete nimmer

Diesen Wald und schmiegte mich gern ans gesellige Leben.

Fesselte nur nicht mehr ans gesellige Leben das Herz mich,

Das von Liebe nicht läßt, wie gern würd ich unter euch wohnen!

[7, 46—48]

Фридрих Гёльдерлин (Перевод Р. Минкус)

Дубы

К вам из садов я пришел, питомцы горной вершины,

К вам из садов, где природа живет, послушная людям,

Прежде взрастившая их и трудом их взращенная ныне.

Только вы, могучие! Вы словно племя титанов,

В мире, давно прирученном, себе лишь подвластны и небу,

Небу, вспоившему вас, и земле, что вас породила.

И ни один из вас не бывал в ученье у смертных.

Гордые, вырвались вы из неволи корней разветвленных,

Будто добычу орел, охватив дерзновенно пространство

Мощным размахом ветвей, и темным тучам навстречу

Рады вы обратить озаренные солнцем вершины.

Каждый из вас — это мир, вы живете, как звезды на небе,

Каждый из вас словно бог, вы едины в содружестве вольном.

Если бы рабство я мог сносить, к тебе, о дубрава,

Зависти я б не питал и с людьми искал бы союза;

Если бы не был душой я прикован к союзу людскому

Стойкой силой любви, я охотно остался бы с вами.

[3]

Комментарий (ср. [13]): Гёльдерлин (1770—1843) написал это поэтическое произведение в 1796 году. В 1794—1795 гг. он жил в Йене, где ему посодействовал Фридрих Шиллер, опубликовав в своей газете ряд его произведений. В кружке Шиллера Гёльдерлин познакомился с Гёте и Новалисом. Однако он хоть и был замечен «князьями поэзии», но не был принят ими. По отношению к Шиллеру у него развился сложный комплекс, замешанный на восхищении, благодарности и стремлении быть признанным. В данном стихотворении Гёльдерлин объясняет свой побег из Йены и выход из кружка Шиллера, который в тексте метафорически назван «садами». Решение даётся ему очень тяжело, поэт «душой … прикован к союзу» («Fesselte nur nicht ... das Herz mich»), однако отказывается сносить «рабство» («Knechtschaft»), боясь потерять, прежде всего, свою художественную свободу. В кружке Шиллера молодой поэт чувствовал себя как в «саду», а в присутствии кумира и вовсе «растением»: объясняя свое отдаление, в письме 1797 года Гёльдерлин написал Шиллеру: «Я перед Вами как растение, которое только что посадили в землю. В полдень его нужно прикрывать» («Ich bin vor Ihnen wie eine Pflanze, die man erst in den Boden gesetzt hat. Man muss sie zudecken um Mittag.» [6]). Стихотворение «Дубы» отражает внутренние муки поэта, разрывающегося между противоположными

устремлениями — к независимости и творческой свободе, с одной стороны, и общности с дорогими ему людьми, с другой. «Садам» поэт противопоставляет картину первозданной природы, дубравы, где каждое дерево — это «мир» и «бог»: свободный, независимый, самодостаточный, принадлежащий лишь себе индивидуум. В предисловии к переводу романа Ф. Гёльдерлина «Гиперион» Игорь Белавин написал: «свою отраду Гиперион находит только в природе, с социумом он не в ладах» [15]. Высказывание справедливо и в применении к трагической биографии Гёльдерлина. Стихотворение выдержано в элегическом тоне, лирический герой жалуется в том числе на неспособность человека быть абсолютно самодостаточным, потому что он привязан к обществу. Проблема сосуществования индивида и общества, а также формирующее воздействие общества на человека есть в любом социуме, правда, в разной форме.

II.

Bertolt Brecht

Erinnerung an die Marie A. (21.02.1920)

1

An jenem Tag im blauen Mond September
Still unter einem jungen Pflaumenbaum
Da hielt ich sie, die stille bleiche Liebe
In meinem Arm wie einen holden Traum.
Und über uns im schönen Sommerhimmel
War eine Wolke, die ich lange sah
Sie war sehr weiß und ungeheuer oben
Und als ich aufsah, war sie nimmer da.

2

Seit jenem Tag sind viele, viele Monde
Geschwommen still hinunter und vorbei
Die Pflaumenbäume sind wohl abgehauen
Und fragst du mich, was mit der Liebe sei?

So sag ich dir: Ich kann mich nicht erinnern.

Und doch, gewiß, ich weiß schon, was du meinst

Doch ihr Gesicht, das weiß ich wirklich nimmer

Ich weiß nur mehr: Ich küßte es dereinst.

3

Und auch den Kuß, ich hätt ihn längst vergessen

Wenn nicht die Wolke da gewesen wär

Die weiß ich noch und werd ich immer wissen

Sie war sehr weiß und kam von oben her.

Die Pflaumenbäume blühn vielleicht noch immer

Und jene Frau hat jetzt vielleicht das siebte Kind

Doch jene Wolke blühte nur Minuten

Und als ich aufsah, schwand sie schon im Wind.

[1, 60—63]

Бертольт Брехт (Перевод С. Городецкого)

Воспоминание о Мари А.

1

В тот день сентябрьский под луны сияньем,

Под сенью стройной сливы молодой,

Я с нею был, с любовью нежной,

Как с чистою и светлою мечтой.

Над нами на прекрасном летнем небе

Остановилось облако, оно

Так было белоснежно, высоко…

Взглянул я — след пропал его давно.

2

И с той поры минуло лун немало,

Они проплыли тихо мимо нас,

Те сливы, вероятно, уж срубили,

Ты спросишь, а что стало с ней сейчас?

Скажу я так: уже не помню точно,

Хотя, конечно, прав ты, как всегда,

Но нет, лица уже мне не припомнить,

А помню лишь: был поцелуй тогда.

3

И поцелуй давно бы позабыл я,

Когда бы облако не проплыло,

Его я помню и едва ль забуду –

Так было все вверху белым-бело.

Те сливы, может, и цветут поныне,

У дамы той полным-полно детей,

А облако жило одно мгновенье…

Взглянул я — не собрать его частей.

[Там же]

Комментарий: Сливовое дерево в поэтике Брехта — эротический символ, спелая слива — метафора женских половых губ [21, 38], ср., например, отрывок песни «Pflaumenlied» из комедии «Herr Puntila und sein Knecht Matti» («Господин Пунтила и его слуга Матти»):

Als wir warn beim Pflaumenpflücken

legte er sich in das Gras

Blond sein Bart, und auf dem Rücken

Sah er zu, sah die und das.

[4, 192]

А когда мы рвали сливы,

Примостясь в траву спиной,

Любовался тем да этим

Кверху рыжей бородой.

(Перевод О.Д. Антошиной)

Ср. перевод Р. Райт-Ковалевой, С. Болотина и Т. Сикорской: «И, пока мы сливы рвали, / Он, валяясь на траве, / Любовался, — но едва ли / Облаками в синеве...» [2].

Символика полового акта проявлялась еще отчетливее в первоначальной версии, сохранившейся в записной книжке Брехта, где повторяющаяся фраза «Und als ich aufsah ...» (дословно: ʻА когда я взглянул вверх…ʼ, в поэтическом переводе: «Взглянул я — …») звучала как «Und als ich aufstand…» («А когда я поднялся…») [22, 35]. Первоначальное название «Сентиментальная песня №1004» отсылает к «Дон Жуану» Моцарта: там главный герой покорил 1003 женщины [1, 400].

Помимо эротической символики, сливовое дерево в этом стихотворении ассоциируется с жизненной силой, с размножением («das siebte Kind» — ʻсемь детейʼ) и, следовательно, с продолжающейся жизнью, несмотря на утраты. Чувства, как облако, могут исчезнуть, а сама жизнь, люди, как и деревья, — остаются.

III.

Reiner Kunze

Der hochwald erzieht seine bäume (1962)

Sie des lichtes entwöhnend, zwingt er sie,

all ihr grün in die kronen zu schicken

Die fähigkeit,

mit allen zweigen zu atmen,

das talent,

äste zu haben nur so aus freude,

verkümmern

Den regen siebt er, vorbeugend

der leidenschaft des durstes

Er läßt die bäume größer werden

wipfel an wipfel:

Keiner sieht mehr als der andere,

dem wind sagen alle das gleiche

Holz [1]

[9, 9]

Райнер Кунце (Перевод О.Д. Антошиной)

Строевой лес воспитывает свои деревья

Их от света отучая, понуждает их

зелень всю в вершины посылать

Способность,

всеми дышать ветвями,

талант,

ветки растить просто от радости,

иссякает

Дождь он просеивает, предотвращая

страсть жажды

Он велит деревьям расти

к вершине вершина:

Никто не видит больше других,

ветру говорят все одно

Древесина

Комментарий: Стихотворение Кунце (1933 г.р.) отделяет от цитированного выше произведения Гёльдерлина отрезок времени в 166 лет, однако эти поэтические произведения очень схожи в использовании метафоры дерева. У Кунце противопоставление

[1] Последняя строка «*Holz*» («Древесина») имеется в первых изданиях сборника *«Sensible Wege»* («Восприимчивые пути»), до 1969 года. В последующих изданиях автор ее вычеркнул. В остальном текст соответствует репринту в указанном источнике.

образов «дерева» (*baum*) и «древесины» (*holz*) создаёт контраст между «деревом» как идеалом человеческой свободы и «древесиной», утилитарным материалом, полезной массой для потребления и утилизации. Противопоставление «дерева» и «строевого леса» (*hochwald*) отображает основной конфликт жизни в ГДР: конфликт между индивидом и обществом, художественной свободой и культурной политикой, поэзией и политикой. Не только семантическое наполнение образа «дерева» похоже у Кунце и у Гёльдерлина, но и повод, по которому образ явился в жизнь: защита индивидуальной художественной свободы [ср. 13].

«Дерево» в поэтике Кунце занимает особое место — это ключевое слово (см. [12, 494]). Другие предметы природного мира — такие, как камень, почва и проч., у него менее частотны, но и они тоже всегда «обобществляются» [20, 114].

IV.

Günter Kunert

Luther und der Baum (1985)

Von Sintflut hat man gelesen:
Derlei wiederholt sich kaum.
Gewesen ist eben gewesen:
Luther pflanzt einen Baum.

Und rinnen die deutschen Flüsse
dahin als giftiger Schaum,
weißt du, was man tun müsse —
Luther pflanzt seinen Baum

Und empfiehlt noch, Kinder zu machen,
gebrich's der Welt an Raum
für all die Armen und Schwachen:
er pflanzt mit Fleiß seinen Baum.

Und wäre wie Auschwitz die Erde,

er fände den friedlichen Saum

jenseits von Leid und Beschwerde

für sich und für seinen Baum.

[8, 52]

Гюнтер Кунерт (Перевод О.Д. Антошиной)

Лютер и росток

Мы все о потопе читали:

Прошел смертоносный поток.

Что было — вернется едва ли:

Лютер сажает росток.

Текут немецкие реки

вдаль как отравленный сток,

знаешь, что надо делать —

Лютер сажает росток

И советует делать потомство,

пускай места в мире не впрок

для слабых и нищих с упорством:

Лютер сажает росток.

А стала б Земля как Освенцим,

он мира найдет уголок

за гранью страданий и смерти,

чтобы сажать свой росток.

Комментарий: Мартину Лютеру приписывается изречение: «Если бы я знал, что завтра мир погибнет, я бы еще сегодня посадил яблоневое деревце!» («Wenn ich wüsste, dass morgen die Welt unterginge, würde ich heute noch ein Apfelbäumchen pflanzen!» [10]).

Дерево (в поэтическом переводе — «росток») в стихотворении Кунерта (1929 г.р.) символизирует учение Мартина Лютера. Лютер представляется далеким от реальности идеологом, предлагающим рецепт для жизни «за гранью страданий и смерти» («jenseits von Leid und Beschwerde»). Постоянно повторяющееся словосочетание «seinen Baum» (дословный перевод ʻсвоё дерево’, в поэтическом переводе «росток») и концовка «für sich und für seinen Baum» (дословный перевод ʻдля себя и своего дерева’, в поэтическом переводе «чтобы сажать свой росток») подводят к мысли, что само учение для его автора важнее, чем те, кому оно адресовано. Стихотворение Кунерта показывает, как самые гуманные идеи «для слабых и нищих» («für all die Armen und Schwachen») превращаются при этом в античеловечные. Наш современник Гюнтер Кунерт не доверяет никаким мыслительным системам, учениям и идеологиям. В рассмотренном поэтическом произведении он, скептик и глубокий пессимист, сводит счеты с Мартином Лютером и его учением. Как и в стихотворении Райнера Кунце, очевиден общественно-политический подтекст произведения (ср. [18, 79—80].

V.

Hans Christoph Buch (1977)

Was ist geschehen?
Warum erscheint uns der Satz, daß ein
Gespräch über Bäume fast schon ein
Verbrechen ist, heute fast schon selbst
verbrecherisch?
Weil es nicht mehr sicher ist, ob es in
hundert Jahren überhaupt noch Bäume
geben wird.

[5]

Ганс Кристоф Бух (Перевод. О.Д. Антошиной)

Что произошло?
Почему предложение, что

разговор о деревьях — это почти

преступление, сегодня само — почти

преступно?

Потому что больше нет уверенности,

будут ли вообще через сто лет еще

деревья.

Jürgen Wolter

Regenspaziergang (1987)

Beim Spaziergang im Wald

Möchte ich den Schirm aufspannen

Alle Bäume drunter stellen

... dass sie nicht nass werden.

[11, 112]

Юрген Вольтер (Перевод О.Д. Антошиной)

Прогулка под дождем

Гуляя в лесу

Хочу раскрыть зонт

Взять под него все деревья

…чтобы они не намокли.

Комментарий: Строки Буха (1944 г.р.) прямо отвечают на высказывание Бертольта Брехта из стихотворения «К потомкам», требуя заменить его на противоположное.

Стихотворение Вольтера (1955 г.р.) подхватывает основную экологическую тему на протяжении 80-х — 90-х годов в Европе: кислотные дожди как причина вымирания лесов.

После тысячелетних упражнений в поэтизации деревьев поэты во второй половине XX века пришли к «дереву» как к «просто дереву». Вся сфера образности, накопленная тысячелетиями и стоящая за ним, присутствует как «пустое место», минус-

прием: дерево как «дерево само по себе» стало пронзительным образом перед лицом возможного исчезновения природы.

VI.

В заключение предлагается познакомиться с мнением Гюнтера Кунерта, высказанном в интервью 1991 года, о радикально изменившемся взгляде литераторов на природу начиная со второй половины XX века. Поэт нашел очень интересную диалектическую связь между разрушительными для жизни процессами в природе и в обществе:

> *Die irreversiblen Prozesse, die einschneidenden, die wirklich umstürzenden, weltumstürzenden Prozesse haben sich aus der Gesellschaft verlagert in die Natur. Wir haben sie verlagert aus der Gesellschaft in die Natur, sozusagen ausgegrenzt aus der Gesellschaft. Das heißt auch: wenn zur Zeit in Afrika Millionen hungern, viele Leute sterben, ist dies – mit einem häßlichen Wort gesagt – ein natürlicher Prozeß, das hat es immer gegeben, wenn auch nicht in diesen Dimensionen, Größenordnungen; aber die Umweltzerstörung, die zugleich damit synchron verläuft, verändert die Welt von Grund auf.* […] *Und es kann tatsächlich der Fall sein, daß nach einem geheimen Gesetz, das wir alle nicht kennen, vielleicht glücklicherweise, eben in dem, was wir Natur nennen, der Umsturz stattfindet. Und wir sind dann die Könige, die enthauptet werden. Hier, in der Naturzerstörung, hat die Beschleunigung zugenommen, im Gegensatz zu meinem Stagnationsempfinden für Gesellschaften, wo sich trotz Mord und Totschlag immer dasselbe wiederholt. Es häufen sich ja immer mehr Katastrophen, global bedeutsame Katastrophen. Das ist auch etwas, was trostlos und traurig macht: Die Natur bietet, wenn man nicht ganz blind und blöd ist, dem Menschen und insbesondere dem Dichter, nicht mehr den Trost, den sie ja gegeben hat jahrhunderte-, wenn nicht jahrtausendelang. Dieses Aufgehobensein in der Natur auch wenn ich nicht mehr bin, die Bäume wachsen weiter, die Sonne scheint, Wolken ziehen, das geht alles weiter. Man konnte sich auch noch einreden, man komme als Regen oder Atom oder sonstwie wieder, oder wachse als Bäumchen aus der Asche heraus. Das ist vorbei. Das heißt: die Natur-*

sicht verändert sich radikal, und es werden nie mehr diese schönen und wunderbaren Naturgedichte entstehen, wie sie noch Brecht geschrieben hat: Die „Erinnerung an die Marie A." ist unschreibbar geworden. [...]

Nein, eine Poetisierung der Natur geht nicht mehr. Ich kenne keinen Autor von Rang, dem das noch möglich wäre. Sarah Kirsch nimmt zwar all das noch auf, aber das Gespenst steht immer dahinter, alles ist durch eine schwarze Folie gesehen. Und auch wenn man mit den Leuten spricht, die nicht schreiben – dieses völlige Vergessen der Vorgänge dahinter ist gar nicht möglich; das Wissen um die Tragödie, die Katastrophe, ist, glaube ich, wenn auch nicht permanent bewußt, fast schon zu einem Stück mentalem Bestandteil geworden. Wenn man am Strand oder auf Spaziergängen Bekannte trifft, es kommt dann immer auf den Punkt: Es ist schön – aber es ist nicht so wie vor 20 Jahren. Der Blick, der in die Natur fällt, ist schon ein gebrochener Blick, und wird ja ein brechender sein [19]

Необратимые процессы, решающие по-настоящему радикальные, разрушительные для мира процессы переместились из общества в природу. Мы их переместили из общества в природу, так сказать, вынесли их за границы общества. В том числе это значит, что если сейчас в Африке голодают миллионы, умирает много людей, то это — выражаясь крайне некрасиво — естественный процесс, это было всегда, даже если не в таких масштабах, не в таких количествах; но разрушение окружающей среды, которое происходит синхронно в это же самое время, изменяет мир в корне… И действительно может случиться так, что по какому-то тайному закону, возможно, к счастью, не известному нам, как раз в том, что мы называем природой, происходит разрушительный переворот. И тогда мы станем обезглавленными королями. Здесь, в разрушении природы, усилилось ускорение, в отличие от моего ощущения стагнации в обществах, где несмотря на смерть и насилие все время повторяется одно и то же. Ведь накапливается все больше катастроф, глобально значимых катастроф. Вот еще что заставляет быть безутешным и

грустным: Природа, если не быть совсем глухим и слепым, больше не дает человеку и, в особенности, поэту того утешения, которое она всегда давала на протяжении столетий, если не тысячелетий. Эта сохранность в природе, даже когда меня больше нет, деревья растут как прежде, солнце светит, облака проплывают, все это продолжается. Можно было уговорить себя, что ты еще вернешься в виде дождя или атома или еще как-нибудь, или вырастешь деревцем из пепла. С этим покончено. А это значит: взгляд на природу изменяется радикально, и больше никогда не возникнут такие красивые и замечательные стихи о природе, какими их писал еще Брехт: «Воспоминание о Мари А.» больше невозможно написать…

Нет, поэтизация природы больше невозможна. Я не знаю ни одного значительного автора, для которого она была бы еще возможна. Хотя Сара Кирш к этому еще прибегает, но позади всегда присутствует угроза, все видится на черном фоне. И даже когда говоришь с людьми, которые не пишут, полностью забыть про скрытые процессы совсем невозможно; знание о трагедии, катастрофе, я думаю, даже если и не постоянно осознаваемо, стало практически уже составной частью ментальности. Когда встречаешь на побережье или на прогулках знакомых, всегда разговор доходит до момента: красиво, но не так, как 20 лет назад. Взгляд на природу уже сейчас – нарушенный взгляд, и он же будет разрушающим.

(Перевод О.Д. Антошиной)

Вопросы к поэтическим произведениям:

1) Поэтизируются ли каким-либо образом упоминаемые в произведениях деревья?

2) Какую функцию выполняют образы деревьев или леса, какие ассоциации они вызывают, источником метафорического переноса на какие сферы жизни они являются?

3) К какому тематическому виду можно отнести эти произведения: это лирика о природе в традиционном понимании, любовная поэзия, политическая поэзия или экологическая?

4) Почему возникла необходимость терминологически разграничить понятия «природная поэзия» (*Naturlyrik*) и «экологическая поэзия» (*Umweltlyrik*)?

5) Каким образом рассмотренные стихотворения и высказывание Г. Кунерта соотносятся с позицией Брехта из поэтического произведения «К потомкам»?

Вопросы к высказыванию Гюнтера Кунерта:

1) Сравнивая процессы в современном обществе и в природе, по отношению к какой из этих областей поэт говорит о стагнации, а к какой — об ускорении? Является ли это ускорение положительным или опасным явлением?

2) Как автор описывает традиционную роль природы для поэтов и писателей? Как происходит у него связь понятий: природа — Бог — бессмертие?

3) Что изменилось с точки зрения Кунерта в XX в. и возможна ли поэтизация природных явлений в современной литературе?

Понимание поэзии на изучаемом языке предполагает обретение и применение знаний не только из области лингвистики и литературы, но и из областей истории страны и общества изучаемого языка, культуры, философии. В процессе приближения к пониманию (интерпретации) поэтических произведений из множества предметных источников создается всегда не шаблонное, всегда метапредметное видение объекта. «Поэзия зачастую раньше других искусств реагирует на наиболее важные ситуации своего времени и позволяет находить слова для выражения экстремального опыта» [12, 746]. Поэтому стихи зачастую являются документами «альтернативной истории», представляя трактовку историко-политических событий, отличную от общепринятых источников (учебников по регионоведению, истории, СМИ).

По словам Н.В. Уфимцевой, «Межкультурное общение является патологическим (по Е.Ф. Тарасову), поскольку коммуниканты, как правило, располагают только общностью кода (т.е. языка) и не располагают общностью знаний, будучи носителями разных

культур» [17]. В литературе содержатся важнейшие культурные коды, художественные и лингвокультурные концепты (такие, как «разговор о деревьях»), рассмотрение которых позволяет повысить лингвокультурную компетентность изучающих иностранный язык.

Рефлексия в художественной речи относительно концепта «разговор о деревьях» в Германии после 1945 года является частью общей лингвокультурной ситуации и выполняет в ней несколько функций. Она повышает и отражает общественный интерес носителей языка к проблемам, связанным с этим концептом в задаваемом дискурсе — общественно-политическом, художественном, экологическом. В современном — преимущественно экологическом — дискурсе, связанном с «разговором о деревьях» сегодня, она отображает «запрос на обсуждение данной проблематики в публичной сфере для привлечения внимания» [14, 38] к окружающей среде. Она отражает также современный общественный запрос на выработку *этической* культуры художественной речи: «разговор о деревьях» был не возможен в Германии в 40—50-х гг. и стал обязателен с 70-х гг. XX в. именно по этическим причинам.

Сегодня тезис о том, что художественная речь является инструментом особого способа познания мира, выдвинутый В. Гумбольдтом и поддержанный А.А. Потебней, убедительно доказывается в работах по психолингвистике и когнитивной лингвистике. О.В. Евтушенко, например, анализируя когнитивные возможности художественной речи, пишет вообще о пересмотре отношения «к ней как преимущественно к источнику эстетического наслаждения» [16].

Поскольку в художественной речи когнитивным средством являются «комплексы метафор, складывающиеся в отдельном тексте и в совокупности диалогически связанных тестов» [там же], то сфера образности и ее эволюция, которой «обросло» в немецкой поэзии «дерево», в частности лингвокультурный концепт «разговор о деревьях», репрезентативны для когнитивного процесса, который привел к «экологическому сознанию» в современном немецком обществе, к довольно высокой «экологической культуре».

Таким образом, предлагаемый учебно-методический материал ориентирован на включение немецкоязычной поэзии в курс немецкого языка как иностранного и преследует три основные цели:

1) органичное осуществление метапредметного подхода в преподавании;

2) повышение лингвокультурной компетентности изучающих иностранный язык;

3) привлечение внимания к проблематике окружающей среды и приобщение к немецкой «экологической культуре».

Источники

1. Брехт Б. Сто стихотворений. Bertolt Brecht: Hundert Gedichte / Составитель Унзельд З., перевод и комментарии Городецкий С. М.:, 2010.
2. Брехт Б. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания. В пяти томах. Т. 3 // http://lib.ru/INPROZ/BREHT/breht3_4.txt.
3. Гёльдерлин Ф. Дубы. Перевод с нем. Минкус Р. // http://www. vekperevoda.com/1900/minkus.htm.
4. Brecht B. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe. Band 15. Berlin, Frankfurt am Main, 1988—2000.
5. Buch H. C. (Hrsg.) Tintenfisch 12. Thema: Natur. Oder: Warum ein Gespräch über Bäume heute kein Verbrechen mehr ist. Berlin (Wagenbach), 1977.
6. Hölderlin F. Der Tod des Empedokles, Aufsätze / Text und Erläuterungen. Große Stuttgarter Ausgabe. Bd. 4, Hälfte 1. Stuttgart: Kohlhammer Cotta, 1961.
7. Hölderlin F. Jambische und hexametrische Formen. Sämtliche Werke. Frankfurter Ausgabe. Band 3. / Hrsg. Sattler D.E. und Groddeck W. Frankfurt a.M.: Roter Stern, 1977.
8. Kunert G. Gedichte / Hrsg. Görtz, Wittstock. Stuttgart, 1987.
9. Kunze R. Sensible Wege. Achtundvierzig Gedichte und ein Zyklus / Hrsg. Manthey J. Hamburg, 1976.
10. Um Lüther: Lüther und die Bäume // http://www.luther.de/legenden /baeume.html.

11. Viel Zeit ist nicht mehr: Geschichten u. Gedichte / Hrsg. Westfäl. Literaturbüro in Unna e.V. Brackwede bei Bielefeld, 1987.

Литература

12. Азарова Н.М., Корчагин К.М., Кузьмин Д.В. Поэзия: учебник. М., 2016.

13. Антошина О.Д. Свобода, социум, природа у Фридриха Гёльдерлина и Райнера Кунце // Романтизм: грани и судьбы: Ученые записки НОЦ КИПР. Вып. 12. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016.

14. Бабенко Н.С. Языковая рефлексия как феномен современной немецкой лингвокультуры // Вопросы психолингвистики, № 2 (24), 2015.

15. Белавин И. Предисловие к переводу «Гипериона» // Журнал «Новая Юность» № 6 (117), 2013 // http://magazines.russ.ru/nov_yun/2013/6/5g.html.

16. Евтушенко О.В. Эволюция концептов в художественной речи как отражение ее когнитивного потенциала. Дис. … докт. филол. наук. М., 2011.

17. Уфимцева Н.В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии // Филология и культура. No 2(28). Казань, 2012 // http://www.philology .ru/linguistics1/ufimtseva-12.htm.

18. Antoschina O. Kritische Lyrik der DDR mit einem vergleichenden Ausblick auf Sowjetrussland. Reihe Bochumer Germanistik, Band 9. Berlin, Bochum, London, Paris: Europ. Univ.-Verl., 2007.

19. Durzak M., H. Steinecke (Hrsg.). Günter Kunert. Beiträge zu seinem Werk. Carl Hanser Verlag, 1992 // http://www.planetlyrik.de/gunter-kunert-fremd-daheim/2014/04/.

20. Jäger M. Offensive Verteidigung der Poesie // Hrsg. Wallmann J.P. Reiner Kunze. Materialien und Dokumente. Frankfurt am Main, 1977.

21. Kebir S. Ein akzeptabler Mann? Brecht und die Frauen. Auflage 4. Berlin: Aufbau TB, 2002.

22. Knopf J. Brecht-Handbuch, Lyrik, Prosa, Schriften. Stuttgart, 1986.

23. Woesler W. Naturlyrik auf dem Gebiet der DDR, vor und nach der Wende. // Studia Niemcoznawsze, tom XXVI. Warszawa, 2003.

Н.М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

N.M. Razinkina (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Роль вопроса в структуре повествовательного прозаического и поэтического текстов (учебный материал с заданиями и примерами на русском и английском языках)

Asking Questions in Narrative and Poetic Texts Teaching Materials with Assignments and Examples in English and Russian

Аннотация

Статья посвящена специфике функционирования вопроса в повествовательном прозаическом и поэтическом текстах. С целью введения рассматриваемого материала в учебный процесс выделяются три основные группы вопросов: а) вопрос, обращенный к читателю; б) вопрос, который задает себе персонаж художественного текста, например, романа; в) вопрос, который писатель (поэт) задает себе сам (диалог с самим собой). Последняя группа представляет собой не столько вопросы, сколько рефлексию, которая отражает ход мыслей автора текста (так называемый квазивопрос). В статье делается попытка показать, что основная функция вопроса сводится к смысловому упорядочению текста, т.е. к созданию его смысловой целостности. Рассмотренный материал говорит о том, что вопросно-ответный комплекс не только вносит определенный вклад в построение сюжетной линии художественного произведения, но, более того, сам создает эту сюжетную линию.

In order to characterize (for teaching purposes) questions used in prosaic narrative and poetic texts the former are subdivided into three groups, namely, those addressed by the author to the reader of his text; those used by a character in a work of fiction (in a novel, for instance), and those addressed by the author to himself, the latter being rather a reflection on the author's own attitudes, feelings, and emotions (a quasi question). The main function of a question, as evidenced by the material collected (35 examples in all) appears to contribute to text integrity.

Besides, questions, together with the answers, provide evidence of their being able to build up a plot of a story.

Ключевые слова

Диалог, рефлексия, целостность текста, вопросно-ответный комплекс, стилистический прием (антитеза, персонификация, метафора).

Dialogue, reflection, text integrity, question-answer unit, stylistic device (personification, antithesis, metaphor).

Вопрос, оформленный соответствующей синтаксической структурой или вопросительной интонацией, если речь идет о разговорной речи, чаще всего используется в диалогах. (Риторический вопрос в данной статье не рассматривается, поскольку он не является вопросом в прямом смысле этого слова и скорее представляет собой эмоциональное восклицание. Ответ на такой вопрос не предполагается в связи с его полной очевидностью. В данной статье нас интересует вопрос как таковой, как говорится, вопрос per se).

«Запрос информации — получение информации» — вот та функция вопроса, которая в диалоге представляется основной. Например:

When he (Jonathan – H.P.) began sliding in to feet-up landings on the beach, then pacing the length of his slide in the sand, his parents were very much dismayed indeed.

"*Why*, Jon, *why*?" his mother asked. "*Why* is it so hard to be like the rest of the flock, Jon? Why can't you leave low flying to the pelicans, the albatross? *Why* don't you eat? Son, you're bone and feathers!"

"I don't mind being bone and feathers, mom. I just want to know what I can do in the air and what I can't. I just want to know…" (Richard Bach. "Jonathan Livingston Seagull". St. Petersburg, Azbooka Publishing House, 2003, p.100).

Вопрос матери, обращенный к сыну, это вопрос-тревога, вопрос-недоумение (почему нельзя быть как все остальные чайки), вопрос, в котором звучит непонимание, огорчение и страх. Для сына, напротив, ответ прост и очевиден*: I just want to know what I can*

do in the air and what I can't. В данном случае вопрос и следующий за ним ответ образуют единое смысловое целое, которое лежит в основе философской сказки «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».

В результате, казалось бы, простой вопрос и такой же простой ответ превращаются в своеобразный прием, создающий основу для дальнейшего развития повествования, для создания сюжетной линии притчи.

Какова же роль вопроса в том случае, когда диалог отсутствует, а есть только нарратив, автор которого отделен от своего читателя пространством и временем (и то, и другое может быть значительным)? К кому обращен вопрос в таком случае? Предполагается ли ответ на поставленный вопрос? Почему автор нарратива предпочитает облечь свою мысль в форму вопроса?

Эти и подобные вопросы оказались связанными с целым рядом проблем, которые можно сформулировать следующим образом:

- В какой степени вопрос, использованный в нарративе, вовлечен в построение сюжетной линии художественного текста (например, романа)?
- Каково влияние жанра (художественный прозаический и поэтический тексты, научно-популярный текст, рассчитанный либо на взрослую аудиторию, либо на детей, лекция) на использование вопросительных структур различной синтаксической оформленности?
- Какова специфика диалогичности текста в нарративе?
- Образует ли вопросно-ответное построение нарратива единую спаянную композиционную единицу или же ответ отстоит от вопроса и почему такое явление существует?
- Каким образом в повествовательном тексте вопрос способен выполнить одновременно две функции: коммуникативную и эмоционально-экспрессивную?
- Каковы элементы устной разговорной речи, используемые в вопросно-ответном комплексе нарратива?

- Каким образом, благодаря вопросу и ответу на него, создается стилистический прием интимизации изложения, т. е. сближение «плана писателя» и «плана читателя»?
- Каково место вопроса в законченном (в смысловом отношении) фрагменте повествовательного текста, т.е. начальное, конечное или срединное)?
- Существуют ли четкие критерии, отделяющие вопрос как таковой от риторического вопроса, ответ на который не требуется и не ожидается?
- Почему смысловая и эмоциональная кульминация фрагмента облекается автором художественного текста в форму вопроса?

Обратимся к примерам.

1. Своеобразие вопроса проявляется особенно заметно в том случае, когда вопросы действующего лица (в данном случае речь идет о персонаже романа) обращены к самому себе. Приводимый ниже отрывок заимствован из романа «Анна Каренина»:

«*Ну, так что же я сделаю? Как я сделаю это?*» — сказал он (Левин — Н.Р.) себе, стараясь выразить для самого себя все то, что он передумал и перечувствовал в эту короткую ночь. Все, что он передумал и перечувствовал, разделялось на три отдельные хода мысли. Один — это было отречение от своей старой жизни, от своих бесполезных знаний, от своего ни к чему не нужного образования. Это отречение доставляло ему наслаждение и было для него легко и просто. Другие мысли и представления касались той жизни, которою он желал жить теперь. Простоту, чистоту, законность этой жизни он ясно чувствовал и был убежден, что он найдет в ней то удовлетворение, успокоение и достоинство, отсутствие которых он так болезненно чувствовал. Но третий ряд мыслей вертелся на вопросе о том, как сделать этот переход от старой жизни к новой. И тут ничего ясного ему не представлялось. «*Иметь жену? Иметь работу и необходимость работы? Оставить Покровское? Купить землю? Жениться на крестьянке? Как же я сделаю это*? — опять спрашивал он себя и не находил ответа. — Впрочем, я не спал всю ночь, и я не могу дать себе ясного отчета, — сказал он себе. — Я уясню после. Одно верно, что эта ночь решила мою судьбу» (Л.Н.Толстой).

Первые вопросы (они начинаются со слов (*ну, так что же я сделаю…*') нужны Левину, как говорит сам Толстой, для того, чтобы выразить самого себя. Они предваряют «три отдельные хода мысли», болезненно занимающие данное действующее лицо романа. Кроме того, третий ход мысли (как сделать переход от старой жизни к новой) сам порождает целый ряд вопросов. Поиски ответа на эти вопросы будут в дальнейшем определять выбор жизненного пути Левина, станут основой для его поступков, для его общих суждений о правильности или неправильности своей жизни. Всему этому, как мы знаем, на последующих страницах романа уделяется немалое внимание.

Таким образом, здесь вопросы оказываются вовлеченными в построение сюжетной линии романа и, в результате, приобретают статус композиционного стилистического приема. Именно благодаря вопросам, которые Левин ставит сам себе (*иметь жену?…иметь работу?…оставить Покровское?… купить землю?…*), читатель может предугадать, *что* ожидает данное действующее лицо в недалеком будущем.

Задание:

Подумайте над следующим: у Толстого читаем: *бесполезные знания, ни к чему не нужное образование*. Являются ли эти два словосочетания полными синонимами или в каждое из них вкладывается свой, дополнительный (отдельный) смысл?

2. Композиционная роль вопроса в поэтическом тексте представляет немалый интерес. Обратимся к следующему стихотворению:

Грезы

Кто ходит, кто бродит за прудом в тени?..

Седые туманы вздыхают.

Цветы, вспоминая минувшие дни,

Холодные слезы роняют.

О сердце больное, забудься, усни…

Над прудом туманы вздыхают.

Кто ходит, кто бродит на той стороне

За тихой, зеркальной равниной?….

Кто плачет так горько при бледной луне,

Кто руки ломает с кручиной?

Нет, нет… Ветерок пробежал в полусне…

Нет… стелется пар над трясиной…

О сердце больное, забудься, усни…

Там нет никого… Это – грезы…

Цветы, вспоминая минувшие дни.

Роняют холодные слезы…

И только в свинцовых туманах они –

Грядущие, темные грозы…

(Андрей Белый)

Композиционная роль вопросов в этом тексте очевидна: все они направлены на то, чтобы соотнести описываемые поэтом картины с названием стихотворения — грёзы. *Кто ходит… кто бродит… кто плачет…кто руки ломает…* — всё это только грёзы (*Там нет никого… это — грёзы*). Поэтический текст пронизан вопросами, на которые даётся только один ответ, заданный в названии стихотворения, что делает название и следующий за ним текст органичным целым.

В данном случае вопрос, как способ организации поэтического текста, позволяет поставить в один ряд два, казалось бы, несовместимых содержательных плана. С одной стороны — вполне конкретный вопрос, вводимый местоимением *кто?* (объективный план, связанный с четким запросом информации), и, с другой стороны, мистически окрашенное *грёзы*, дающие возможность каждому человеку создавать свою собственную реальность, свободную от каких бы то ни было ограничений (субъективный план).

Вопрос:

Предположим, что вы — автор толкового словаря и вам необходимо определить значение существительного *грёзы*. Сделайте это, затем сравните своё толкование с данными ряда толковых словарей.

Интересен случай, когда стихотворение целиком строится только на вопросах:

3. Подражание Бодлеру

О! *Слушали ли вы*
Глухое рокотанье
Меж пропастей тупых?
И океан угроз
Бессильно жалобных?
И грозы мирозданья?
Аккорды резкие
Невыплаканных слез?

О! *Знаете ли вы*
Пучину диссонансов,
Раскрытую, как пасть,
Между тернистых скал?
И пляску бредную
Уродливых кадансов?
И тихо плачущий
В безумстве идеал?
(Андрей Белый)

Вопрос как таковой (в данном случае это *Знаете ли вы?* и *Слушали ли вы?*), даже, если он не предполагает какого-либо ответа, способствует созданию диалогичности текста.

Примечательно, что с лексической и синтаксической точек зрения вопросы (они выделены курсивом) вполне могли бы прозвучать и в устной обиходной речи (например: *скажите, знаете ли вы эту странную историю, приключившуюся с…* или *слушали ли вы когда-нибудь этого певца в опере?*). Однако, попадая в ткань высокой поэтической лексики, эти вопросы становятся организующим началом двух частей стихотворения, которое целиком построено на приеме перечисления. Стоит убрать данные вопросы, т.е. представить, что их нет — и исчезает каркас всего стихотворения, разрушится его композиция.

Вопрос в произведениях non-fiction: научно-популярные тексты.

4. Что касается научно-популярного текста, то естественное желание его автора быть доступным, а также привлечь внимание читателя к наиболее важным моментам своей статьи (книги, лекции и т.д.) приводит к такому построению текста, в котором большую роль начинает играть синтаксическая структура вопросительного предложения.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что вопрос при этом ни в коей мере не создает ощущение прерывистости изложения или же искусственно вставленного приема. Напротив, он призван обратить внимание читателя (слушателя) на наиболее существенные факты и воспринимается как композиционно оформленная часть повествования (устного или письменного). Например:

Человек рождается для жизни, но жизнь невозможна без питания. Веками человечество упорно занято добыванием пищи… Питание населения давно стало важнейшей социальной проблемой… *Может ли земля в достатке прокормить существующее население земного шара?* Безусловно, может, даже если оно увеличится в два-три раза по сравнению с существующим, но при условии, если основные силы общества будут направлены на благо человека (А.А. Покровский).

5. Вопрос становится полезным средством введения такой информации, которая, по мнению автора научно-популярного текста, неизвестна его читателям или же известна, но не в полном объеме. Например:

Как определить энергетическую ценность дневного рациона или отдельного блюда? Для этого, пользуясь таблицей, определяем содержание основных питательных веществ, затем умножаем количество белков и углеводов на 4,1 килокалории, а жиров на 9,3. <> … *что происходит с пищевым комком после пережевывания и проглатывания его?* Благодаря согласованной работе мышц глотки и пищевода пищевой комок в течение 6-9 секунд, а жидкость за 2-3 секунды проникают в полость желудка, где пища обычно задерживается на более продолжительное время — от 2 до 6 часов. Здесь на нее воздействуют сок желудочных желез, имеющий в своем составе соляную кислоту, и переваривающие белки ферменты… (А.А. Покровский).

6. Весьма распространенным является такой прием, когда особо важная информация передается автором научно-популярного текста *исключительно* с помощью целой серии вопросов. Например:

(а) *Знаете ли Вы, что* недостаток белка в питании приводит к резкому отставанию развития ребенка и значительным нарушениям в здоровье взрослых?… (б) *Знаете ли Вы, что* более половины населения земного шара находится в состоянии хронического белкового голодания?..(в) *Знаете ли Вы, что* в экспериментах на животных удалось показать, как неправильное, несбалансированное питание может способствовать развитию злокачественных новообразований?.. (г) *Знаете ли Вы, что* избыточный вес тела значительно сокращает среднюю продолжительность человеческой жизни?..

7. Названия глав в научно-популярной книге нередко принимают форму вопроса: «Что такое рациональное питание», «Как избежать ожирения», «Почему нельзя жить без воды», «Как обеспечить человека полноценными белками», «Почему необходимы жиры?» и др. (там же). Вопрос, сформулированный в названии главы, естественным образом требует такого её построения, которое явилось бы ответом на поставленный в самом начале вопрос. В этом случае композиционная роль вопроса в построении текста особенно очевидна.

Выше отмечалось, что, используя вопросно-ответный принцип построения текста, автор научно-популярного труда (наряду, конечно, с другими стилистическими приема-

ми) имеет целью стимулировать внимание своего читателя, повысить его интерес к сообщаемым сведениям. Столкнувшись с вопросом, читатель, скорее всего, подумает: «интересно, каким же будет ответ на этот вопрос». А это, в свою очередь, формирует привычку к активному восприятию текста.

Задание:

В современных средствах массовой информации имеется множество статей (заметок) научно-популярного характера. Найдите одну из таких статей и вставьте в нее несколько вопросов, используя приемы, описанные выше в связи с работой А.А. Покровского «Беседы о питании». Стала ли при этом отобранная вами статья интереснее и ярче, т.е. более экспрессивной?

Вопрос в научно-популярных текстах для детей

Широкое применение вопросно-ответных комплексов наблюдается в научно-популярной литературе, созданной специально для детей. «В научно-популярном тексте, ориентированном на высокую контактность изложения, вопросно-ответные комплексы … являются важным видом диалогического единства, то есть монологический по форме текст имеет все признаки диалогизации: автор относится к своему читателю как к собеседнику, активно участвующему в восприятии и осмыслении научной информации. Вопросительные предложения в научно-популярном тексте — средство имитации диалога автора с читателем. При помощи вопросительных предложений и вопросно-ответных комплексов реализуется контактоустанавливающие возможности научно-популярного текста для детей» [1, 38—39].

8. Приводимые ниже примеры вопросно-ответных комплексов заимствованы из [1, 39—46].

(a) One of the most famous scientists the world has known – Archimedes – lived over two thousand years ago (287 – 212 B.C.). He noticed something that many others had also noticed: get into a bathtub and the level of the water rises. The same thing will happen if you drop a pebble into a glass of water. Drop in enough pebbles and the water overflows. All right, it happens. *But what is important about that?*

(б) Archimedes didn't stop to wonder what was important about it: he simply went on to answer it. The water level rises just as if an amount of water had been added which was equal to the size of the solid object that had been put into the water. *Now what do we mean by "amount of water"?* Let's show it with an example.

(в) *Have you ever seen a lopsided plant with the leaves all turned in one direction?* It is easy to change a lopsided plant into a straight one. All you have to do is to turn the plant around so that the other side will get light. <> Leaves and young stems always bend toward the light. If you keep plants on your windowsill keep turning them around so that all sides will get light. Then they will be nicely shaped.

(г) *What does an atom look like? Nobody knows. It is too small to be seen. How do we know, then, that there are such things as atoms?* <> The reason is as plain to day as it was to the Greeks who first thought of it. Suppose you take some iron powder and pick it apart into its tiniest particles. Each particle is still iron and nothing else. You could shatter the little dust particles of iron into smaller parts. The process of breaking can go on and on, but it cannot go on forever. There must be a smallest unit of iron beyond which we cannot go if we want still to have iron.

Примеры, приведенные в диссертации С.В. Кислицыной, убедительно показывают, что в научно-популярном тексте вопросно-ответный комплекс способен создать особое построение, особую композицию излагаемого материала. Это построение четко реализует две основные функции данного вида литературы — коммуникативную (объяснение определенных, нередко весьма сложных, научных понятий в доступной для детей форме) и экспрессивную, призванную заинтересовать юного читателя, стимулировать его воображение и ассоциативное мышление.

Вопрос, непосредственно заданный читателю, приводит к использованию ряда элементов устной разговорной речи: обращение в форме повелительного наклонения (*get into a bathtub*, *drop in enough pebbles*); изложение материала в виде беседы с читателем (так называемый прием интимизации изложения), употребление разговорной лексики и

сокращенных форм вспомогательных глаголов (*didn't stop to wonder*), форм побуждения к действию (*let's*).

Таким образом, вопрос, обращенный к читателю и создающий (скорее, задающий) атмосферу *беседы* с ним, приводит в действие механизм цепной реакции, в соответствии с которым осуществляется дальнейший отбор разговорных языковых средств.

9. Примечательно, что композиционная роль вопроса в создании научно-популярного текста может иметь одну и ту же направленность как в текстах для взрослых, так и в текстах для детей. Выше говорилось о том, что в текстах для взрослых фрагменты значительной протяженности иногда оформляются исключительно с помощью целой серии вопросов (см. пример из книги А.А. Покровского «Беседы о питании»). Аналогичная картина наблюдается и в текстах, написанных для детей младшего школьного возраста. Разница состоит лишь в том, что для взрослых — это обращение к их опыту, к их знаниям (*Знаете ли Вы, что…*), а для детей — конкретные задания, на которые ребенок может дать ответ, используя свои личные наблюдения. Например:

Is there a railway near your home? See if you can find out when it was built. What kind of trains run on the lines – are they diesel trains or electric trains? – are they passenger trains or goods trains, or both? Make drawings of the different trains you see. *How many lines does your railway have? Can you find out where they go to?* Go to your nearest station. See how many of these things you can find out about it.

When was it built?

How many lines does it have?

How many platforms are there?

Where do the trains go to?

How often do they run?

How many trains go through the station each day?

Is there a good yard?

What kinds of goods are there?

What do the signals look like? (Пример заимствован из [1, 42).

Подобный прием «массированного» использования вопроса в повествовательном тексте, несомненно, углубляет его (текста) содержательную емкость, поскольку позволяет автору свести воедино логическое мышление юного читателя и его зрительное, чувственное восприятие. Несмотря на кажущуюся монологичность такого текста, он явно диалогичен, представляя собой некое побуждение к действию и выполнение этого действия.

Ответы на вопросы и задания, сформулированные в примерах, приводимых ниже, рекомендуется выполнить в письменной форме.

10. Обратимся к английской поэзии. Ниже приводится стихотворение американского поэта Карла Сандберга (Carl Sandburg) “I Am the People, the Mob”:

I am the people — the mob — the crowd — the mass.
Do you know that all the great work of the world is done
through me?
I am the working man, the inventor, the maker of the
world’s food and clothes.
I am the audience that witnesses history. The Napoleons
come from me and the Lincolns. They die. And then
I send forth more Napoleons and Lincolns.
I am the seed ground. I am a prairie that will stand for
much plowing. Terrible storms pass over me. I for-
get. The best of me is sucked out and wasted. I for-
get. Everything but Death comes to me and makes
me work and give up what I have. And I forget.
Sometimes I growl, shake myself and spatter a few red
drops for history to remember. Then — I forget.
When I, the People, learn to remember, when I, the
People, use the lessons of yesterday and no longer
forget who robbed me last year, who played me for

a fool – then there will be no speaker in all the world

say the name: ‘The People,’ with any fleck of a sneer

in his voice or any far-off smile of derision.

The mob – the crowd – the mass – will arrive then.

В приведенном стихотворении вопрос предваряет длинную цепочку перечислений, образующих композиционный каркас стихотворения. В ходе этих перечислений поэт отождествляет себя с историей народа (*I am the people – the mob – the crowd – the mass*) во всех ее проявлениях — блестящих (например, *The Napoleons come from me and the Lincolns*) и трагичных (*The best of me is sucked out and wasted*).

Вопрос:

Почему, по вашему мнению, вопрос может оказаться удобной формой для введения перечисления, когда автору необходимо сформулировать несколько определений одного и того же предмета (в широком смысле этого слова)? Таким единым «предметом» в данном случае является слово *народ* (*the people*), а существительные *the mob*, *the crowd*, *the mass* — это его синонимичные замены, в зависимости от того, какой смысл поэт вкладывает в определяемое им основное понятие.

Вопрос:

С помощью вопроса автор непосредственно обращается к читателю: *Do you know that…*? Как вы думаете, чего лишилось бы анализируемое вами стихотворение, если бы такое прямое обращение отсутствовало? Каким образом это повлияло бы на смысловую и экспрессивную емкость стихотворения?

Вопрос:

В рассматриваемом стихотворении американского поэта реализуется стилистический прием антитезы. Прежде всего, это противопоставление, выраженное с помощью двух антонимичных глаголов — *forget* и *remember*, повторенных в стихотворении несколько раз.

Каким образом эта антитеза соотносится, в смысловом плане, с вопросом, сформулированным в самом начале стихотворения?

Какого ответа ожидает поэт от своего читателя? И, вообще, ожидает ли он его или вопрос служит автору только для создания эффекта адресованности, т.е. непосредственной беседы с читателем?

11. Вопрос может быть смысловым и композиционным центром текста даже в том случае, когда он использован в конце стихотворения. Без такого вопроса (или нескольких вопросов) смысл стихотворения теряется, хотя вопрос никак не комментируется и ответ на него, в явном виде, отсутствует. В качестве примера приведем еще одно стихотворение того же поэта, названное “Grass”:

Pile the bodies high at Austerlitz and Waterloo.
Shovel them under and let me work —
I am the grass; I cover all.

And pile them high at Gettysburg
And pile them high at Ypres and Verdun.
Shovel them under and let me work.
Two years, ten years, and passengers ask the conductor:
What place is this?
Where are we now?

I am the grass.
Let me work.

Примечание: упомянутые в стихотворении “Austerlitz” (1805), “Waterloo” (1815), “Gettysburg” (1863), “Ypres” (World War I) и “Verdun” (1916) — это места больших сражений, повлекших за собой гибель огромного числа людей.

Вопросы:

Тема этого стихотворения — память, недолгая память людей. Как вы думаете, почему, казалось бы, такие простые, и будничные (для пассажиров автобуса) вопросы, как *What place is this?* и *Where are we now?* способны передать в удивительно емкой и выразительной форме мысль о забвении тех, кого нельзя забывать?

Какова в этом роль антитезы ʻисторические генеральные сражения, оставившие на поле боя груды мертвых телʼ (*pile the bodies high*) vs ʻбудничная поездка в автобусе по малознакомым, забытым местамʼ?

Обратите внимание еще на одну антитезу: ʻпассажиры, проявляющие обычный и, как можно предположить, поверхностный интерес к местам, по которым проезжает их автобусʼ vs ʻболь поэта, который хочет быть хотя бы травой для того, чтобы прикрыть груду мертвых телʼ.

12. Следующий фрагмент заимствован из романа “Vanity Fair”:

My readers must be content with a chapter about Vauxhall (in Thackeray’s time a public garden, a fashionable meeting place and site of entertainments — H.P.), which is so short that it scarce deserves to be called a chapter at all. And yet it is a chapter, and a very important one too. *Are not there little chapters in everybody’s life, that seem to be nothing, and yet affect all the rest of the history?*

Вопрос:

Как вы считаете, поставленный вопрос (он выделен курсивом) является риторическим, т.е. не требующим ответа в силу своей очевидности, или же автор призывает читателя (обратите внимание на начало фрагмента — *my readers*) задуматься над значимыми моментами его (читателя) жизни?

13. Следующий пример является поэтическим. Название стихотворения — «Гадание»:

Ужели я, людьми покинутый,
Не посмотрю в лицо твоё?
Я ль не проверю жребий вынутый –
Судьбы слепое остриё?

И плавлю мертвенное олово
И с тайным страхом в воду лью…
Что шлет судьба? Шута ль веселого,

Собаку, гроб или змею?

Свеча колеблет пламя красное.

Мой Рок! Лицо приблизь ко мне!

И тень бессмысленно-неясная,

Кривляясь, пляшет на стене.

(Владислав Ходасевич)

Этот пример примечателен тем, что в нем реализуются два типа вопроса: один — риторический, **не** требующий ответа (*ужели я не посмотрю в лицо твое…*), поскольку вполне понятно, что человек гадает для того, чтобы узнать каким будет *жребий вынутый*, какова его дальнейшая судьба, и второй вопрос, уже *не* риторический, но вопрос как таковой — *что шлет судьба?*

Вопрос:

Как вы считаете, являются ли строки *Мой Рок! Лицо приблизь ко мне!* / *И тень бессмысленно-неясная,* / *Кривляясь, пляшет на стене* метафорическим ответом на вопрос *Что шлет судьба?* Какова роль прилагательного *бессмысленно-неясная* (тень) и глагола *кривляться* в понимании того, каким будет *лицо Рока*?

14.

What is the worst of woes that wait on age?

What stamps the wrinkle deeper on the brow?

To view each loved one blotted from life's page,

And be alone on earth, as I am now.

(George Gordon Byron)

Ответ на два вопроса, сформулированных в начале четверостишия, заключен в третьей строке, в которой использован глагол *to be blotted from*.

Задание:

Определите значение этого глагола. Затем сравните ваше наблюдение с данными толковых словарей. Что совпало, что *не* совпало?

Четверостишие в целом представляет собой сентенцию. Как вы понимаете значение существительного *сентенция*?

15. Познакомьтесь со следующим стихотворным текстом:

АКРОБАТ

От крыши до крыши протянут канат.
Легко и спокойно идет акробат.

В руках его – палка, он весь — как весы,
А зрители снизу задрали носы.

Толкаются, шепчут: «Сейчас упадет!»
И каждый чего-то взволнованно ждет.

Направо — старушка глядит из окна,
Налево — гуляка с бокалом вина.

Но небо прозрачно, и прочен канат.
Легко и спокойно идет акробат.

А если, сорвавшись, фигляр упадет
И, охнув, закрестится лживый народ, —

Поэт, проходи с безучастным лицом:
Ты сам не таким же живешь ремеслом?

(Владислав Ходасевич)

Этот пример интересен тем, что он показывает связь между двумя типами вопроса — риторическим и не-риторическим. Как известно, первый не предполагает какого-либо ответа в связи с его полной очевидностью. Второй, напротив, заставляет читателя интерпретировать поставленный вопрос, искать причины, побудившие автора (писателя или поэта) сформулировать свою мысль в форме вопроса.

На первый взгляд может показаться, что слова *ты сам не живешь ли таким ремеслом?* представляют собой вопрос риторический: да, конечно, в своем творчестве ты (поэт) тоже фигляр, ты ходишь по канату и можешь, образно говоря, в любой момент с него сорваться, и неизвестно, какова будет реакция *лживого народа*, т.е. в данном случае твоих читателей.

С другой стороны, такие слова, как *легко и спокойно* (идет акробат), *небо прозрачно, прочен канат* противоречат смыслу риторического вопроса: поэту живется далеко не спокойно и легко, в его жизни далеко не всё прочно и прозрачно.

Задание:

Определите значение существительного *фигляр* (*а если, сорвавшись, фигляр упадет…*). Затем сравните свое определение с данными толковых словарей.

16.

Что напишу? Что изреку
Стихом растрепанным и вялым?
Какую правду облеку
Его звенящим покрывалом?

Писать о том, как серый день
Томительно и скучно длился,
Как, наконец, в ночную тень
Он незаметно провалился?

Писать о том, что у меня
В душе нет прежнего огня,
А преждевременная вялость
И равнодушная усталость?

О том, что свой мундирный фрак
Я наконец возненавидел,

Или о том, что злой дурак

Меня сегодня вновь обидел?

Но нет, мой друг, не городи

О пустяках таких ни строчки:

Ведь это только всё цветочки,

Дождешься ягод впереди.

Так говорит мне знанье света.

Увы! Его я приобрел

Еще в младые очень лета,

Вот оттого-то я и зол.

(Федор Сологуб)

В этом стихотворении из общего количества в шесть строф первые четыре построены на вопросительных предложениях. Вначале у читателя создается впечатление, что эти вопросы являются риторическими, т.е. ответ на них не требуется в связи с их полной очевидностью. Действительно, зачем писать, если стих *растрёпан и вял*, если *в душе нет прежнего огня, а только преждевременная вялость и равнодушная усталость*?

Однако в предпоследней строфе поэт находит ответ на поставленные им вопросы, правда, ответ этот неутешителен: автор называет свои стихи *пустяком*, говорит, что худшее ждет поэта впереди (*ведь это только всё цветочки, дождешься ягод впереди*), что знанье света сделало его злым.

Вопрос:

В своем собственном поэтическом мире реальное положение вещей поэт определяет с помощью целого ряда слов. Это, прежде всего, прилагательные *растрепанный*, *вялый* (стих), *преждевременная* (вялость), *равнодушная* (усталость), *серый* (день). Какое контекстуальное значение объединяет эти пять слов? Какое из данных прилагательных вы считаете доминирующим (в смысловом отношении), т.е. распространяющим свое влияние на остальные четыре слова?

Какова роль наречий *томительно* и *скучно* в контекстуальном смысловом сближении упомянутых прилагательных?

17.

Июль

По дому бродит приведенье.
Весь день шаги над головой.
На чердаке мелькают тени.
По дому бродит домовой.

Везде болтается некстати,
Мешается во все дела,
В халате кр**а**дется к кровати,
Срывает скатерть со стола.

Ног у порога не обтерши,
Вбегает в вихре сквозняка
И с занавеской, как с танцоршей,
Взвивается до потолка.

Кто этот баловник-невежа
И этот призрак и двойник?
Да это наш жилец приезжий,
Наш летний дачник-отпускник.

На весь его недолгий роздых
Мы целый дом ему сдаем.
Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас внаем.

Июль, таскающий в одёже

Пух одуванчиков, лопух,

Июль, домой сквозь окна вхожий,

Всё громко говорящий вслух.

Степной нечесаный растрепа,

Пропахший липой и травой,

Ботвой и запахом укропа,

Июльский воздух луговой.

(Борис Пастернак)

В данном примере вопрос (*кто этот баловник-невежа…?*) занимает четкое срединное положение: ему предшествуют три строфы и после него тоже следуют три строфы. При этом строфы, предшествующие вопросу, подготавливают ответ на поставленный вопрос с помощью глаголов: *бродит* (по дому бродит приведенье), *болтается* (*некстати*), *мешается* (во все дела), *крадется* (к кровати), *срывает* (скатерть со стола), *вбегает* (в вихре сквозняка), *взвивается* (до потолка).

Все эти глаголы совместимы с деятельностью человека, который может бродить, мешаться не в свои дела и т.д. И только *взвивается до потолка* выходит за рамки человеческих возможностей (если исключить метафору).

Вопрос:

Как вы думаете, какое значение объединяет перечисленные выше глаголы (*бродит*, *болтается*, *мешает* и т.д.) и, тем самым, создает смысловую целостность первых трех строф? Сформулируйте это общее значение. Можно ли его обнаружить в толковых словарях, которыми вы пользуетесь?

Поэтический текст, который следует за вопросом (*кто этот баловень-невежа?*) реализует стилистический прием персонификации: *приезжий жилец*, *летний дачник-отпускник*, которому комнаты сдаются внаем, *нечесаный растрепа*, *громко говорящий вслух*, *его недолгий роздых* — всё это реальные, вполне человеческие черты, создающие целостный портрет дачника.

Вопрос:

Какие слова и словосочетания подготавливают постепенный переход от растрепанного дачника непосредственно к июльскому луговому ветру — истинному «герою» стихотворения?

Задание:

Упомянутая выше персонификация является, на самом деле, метафорой. Постарайтесь придумать метафору, в которой какое-то явление природы (например, град, сход лавины в горах, игра солнечного луча на полу в комнате и проч.) описывалось бы метафорически с помощью тех или иных свойств и черт характера человека.

18.

Другое

Что сделалось? Зачем я не могу,
уж целый год не знаю, не умею
слагать стихи и только немоту
тяжелую в моих губах имею?

Вы скажете — но вот уже строфа,
четыре строчки в ней, она готова.
Я не о том. Во мне уже стара
привычка ставить слово после слова.

Порядок этот ведает рука.
Я не о том. *Как это прежде было*?
Когда происходило — не строка —
другое что-то. *Только что?* — забыла.

Да, то, другое, разве знало страх,
когда шалило голосом так смело,
само, как смех, смеялось на устах

и плакало, как плач, если хотело.

(Белла Ахмадулина)

Для композиции данного стихотворения вопрос, сформулированный в самом его начале, играет конструктивную роль: поэт задается вопросом, почему его оставило вдохновение (*что сделалось?*) и во *всех* последующих строфах пытается ответить на самим же поставленный вопрос, вспоминая (*как это прежде было?*) время, когда вдохновение не знало страха.

С помощью вопроса создается своеобразная форма диалога ── беседа с самим собой (*я не о том*, повторенное дважды). При этом настоящее (*тяжелая немота*) проецируется поэтом в прошлое, *когда то, другое шалило голосам так смело*.

Переход от тяжелой немоты на губах (первая строфа) к свободе смеяться и плакать (последняя строфа) осуществляется в рамочной структуре с помощью антитезы: *не знаю, не умею слагать стихи*, *немота тяжелая в моих губах* противопоставлены поэтом свободе смеяться и плакать.

Вопрос:

Какую роль в антитезе ʻтяжелая немотаʼ vs ʻсмех и плачʼ играют два заключительных слова стихотворения — *если хотело*: *само, как смех смеялось на устах и плакало, как плач*, если хотело?

19. В примере, который приводится ниже, вопрос (вернее, ряд вопросов) имеет особый характер. Это — вопрос без ответа, потому что определенный и, главное, однозначный ответ в данном случае невозможен.

Поиск истины, стремление понять замысел Бога, увидеть справедливость Его воли облекаются писателем в вопросительную форму. В результате мы имеем дело с таким типом вопроса, который, по сути, является не вопросом, а мучительным размышлением. Сам Толстой называет это размышление «голосом души»:

Часов до трех он (Иван Ильич — Н.Р.) был в мучительном забытьи. Ему казалось, что его с болью суют куда-то в узкий черный мешок… И это ужасное для него

дело совершается с страданием… Он лег боком на руку, и ему стало жалко себя. Он… не стал больше удерживаться и заплакал, как дитя. Он плакал о беспомощности своей, о своем ужасном одиночестве, о жестокости людей, о жестокости Бога, об отсутствии Бога. *«Зачем Ты всё это сделал? Зачем привел меня сюда? За что, за что так ужасно мучаешь меня?»* Он и не ждал ответа и плакал о том, что нет и не может быть ответа…. Боль поднялась опять, но он не шевелился, не звал. Он говорил себе: «Ну, еще, ну бей! *Но за что? Что я сделал Тебе, за что?»* (Л.Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича).

Задание:

Рассмотрите следующие ряды слов, использованных в приведенном выше фрагменте:

существительные — *боль*, *страдание*, *забытье*, *беспомощность*, *одиночество*;

прилагательные — *мучительное* (забытье), *ужасное* (*одиночество*);

глаголы — *плакать*, *мучить*;

наречие — *ужасно* (мучить).

Можно ли считать, что существительное *жестокость* (людей и Бога) вписывается в число всех этих слов, являющихся контекстуальными синонимами?

20.В поэтическом тексте вопрос может принимать усеченную форму, характерную для устной разговорной диалогической речи. Приведем пример: две приятельницы обсуждают вчерашнюю вечеринку:

— *А он?*

— *А она?*

— *Да ну*...(Формула удивления).

Примечательно, что точно такая же усеченная форма вопроса может открывать поэтический текст философского содержания:

ВОДА

А вода? Миг — ясна…

Миг — круги, ряби: рыбка…

Так и мысль!.. Вот— она…

Но она — глубина,

Заходившая зыбко.

(Андрей Белый)

21.

How is this? some carping reader exclaims. *How is it* that Amelia, who had such a number of friends at school, and was so beloved there, comes out into the world and is spurned by her discriminating sex! My dearest sir, there were no men at Miss Pinkerton's establishment except the old dancing-master; and you would not have had the girls fall out about him? (W. Thackeray).

Этот пример интересен тем, что он отчетливо показывает способность вопроса вводить текстовой фрагмент большой эмоциональной насыщенности. Эта насыщенность создается рядом языковых средств. Во-первых, сам вопрос представляет собой восклицание (*some carping reader exclaims*). Как известно, восклицание способно передавать различные чувства. В данном случае — это удивление или, скорее, недоумение: *How is this?* 'Да как же такое может быть?!' По сути, восклицание — это *возглас*, выражающий волнение. Читатель, не забывший содержание романа «Ярмарка тщеславия», вероятно, вспомнит, что автор нежно любит свою Амелию, одно из главных действующих лиц романа, и искренно недоумевает — как можно её не любить.

Затем следует объяснение данного непонятного явления. В этом объяснении автор романа прибегает к использованию ряда эмоционально окрашенных средств. Это, прежде всего, глагол *to spurn* (*Amelia is spurned by her sex*), имеющий здесь значение 'to refuse to accept someone that you do not think deserves your respect, attention, or affection', а также прилагательное *discriminating*, имеющее значение 'treating a person differently, especially in a worse way from the way in which you treat other people'. Наконец, это непосредственное обращение к читателю (*My dear sir*), которое реализует стилистический прием интимизации изложения.

В результате создается антонимичное целое, образованное, с одной стороны, словами *such a number of friends at school*, *was so beloved* и, с другой стороны, словосочета-

нием *is spurned by her discriminating sex*. Непосредственная контактность данных речевых антонимов (т.е. их реализация в рамках одного и того же предложения) способствует созданию двух четких полюсов в рамках единого смыслового целого и в то же время служит «сгущению» оценочных характеристик персонажа. Иными словами, то, как к Амелии относятся ревнивые представительницы ее собственного пола, говорит о ней не менее, а, возможно, и более, нежели её прямая характеристика — *she was beloved by many friends at school*.

Задание:

Придумайте и опишите ситуацию (по-русски или по-английски) используя «схему», рассмотренную выше. Например: актер (или актриса) любим и уважаем своими многочисленными друзьями и родственниками, близкими и дальними. Между тем в театре, где он (она) служит, ситуация сложилась совсем иная, т.е. прямо противоположная. Постарайтесь показать в немногих словах причину смены отношения. Используйте вопросительное предложение.

22.

«Что является наиболее страшным в романе «Петля и камень…?» Нет, вовсе не изображение «сладкой жизни» мафиози — больших, средних и маленьких. Закрытые сауны, отдельные кабинеты ресторанов, доступные и продажные красотки, аморальность в мыслях и поступках — все это нам уже хорошо знакомо по газетам, журнальным очеркам, кинофильмам. И не это создает чувство ужаса у читателя. Самое страшное в книге — страх. Ощущение полной безнаказанности тех, кто может сотворить с тобой все, что угодно… Могут выгнать с работы, схватить человека и его семью «железной рукой голода», могут выселить на улицу и превратить в бомжа, могут посадить в тюрьму по любому придуманному обвинению, могут заточить на всю жизнь в «психушку» и уничтожить как личность… (Лев Разгон. Вступительная статья к роману: Аркадий и Георгий Вайнеры. «Петля и камень на зеленой траве»).

Цель этого примера — показать, что ответ на поставленный вопрос может иметь *развернутый* характер благодаря двум обстоятельствам. Первое обстоятельство: автор

ставит вопрос и начинает с того, что предполагаемый ответ неправилен. В приведенном примере это — «Что является наиболее страшным…? Нет, вовсе не…». Второе обстоятельство — это объяснение того, какой ответ является правильным. В результате создается антитеза, которую можно обозначить как ‘правильное vs неправильное понимание поставленного автором вопроса’.

Развернутость антитезы дает возможность вместить в нее два стилистических приема: это *перечисление*, основанное на эмоционально-оценочной лексике, и прием смыслового эмоционально-экспрессивного *нарастания* (градация) К первому можно отнести:

существительные: *аморальность* (в мыслях и поступках), *страх*, *страшное* (*самое страшное в книге — страх*), *ужас* (чувство ужаса у читателя), (*полная*) *безнаказанность*; прилагательные: *доступные и продажные* (женщины), *сладкая* (жизнь), з*акрытые* (сауны), *отдельные* (кабинеты ресторанов), *придуманное* (обвинение);

глаголы: *выгнать* (с работы), *сотворить* (с тобой все, что угодно), *схватить* (человека и его семью рукой голода), *выселить* (на улицу), *превратить в бомжа*, *посадить* (в тюрьму), *заточить* (в психушку), *уничтожить* (как личность).

Подобная уплотненность эмоционально-экспрессивных оценочных средств создает монолог, автор которого предстает перед читателем как человек, глубоко и болезненно воспринимающий растоптанность человеческого достоинства.

Стилистический прием нарастания (градации) примечателен тем, что в рамках упомянутой выше антитезы он реализуется дважды: первый раз в той ее части, в которой автор говорит о неправильном ответе на поставленный им вопрос, и второй раз — в той части антитезы, в которой ответ на вопрос представляется автору правильным.

Первый ряд нарастания образуется следующими составными частями:

«сладкая жизнь» мафиози

закрытые сауны

отдельные кабинеты ресторанов

доступные и продажные красотки

аморальность в мыслях и поступках

Возникает законный вопрос: разве, скажем, *отдельные кабинеты ресторанов* сильнее в эмоциональном и экспрессивном отношении, нежели *закрытые сауны*; разве те же *кабинеты и сауны* слабее *доступных красоток*? Ответ на этот законный вопрос может быть таким: конечно, не сильнее и не слабее. Всё дело в завершающем звене — *аморальность в мыслях и поступках.*

Это завершающее звено является одновременно и обобщением сказанного выше, и приговором ему, и поэтому обладает большей смысловой весомостью и большей экспрессией, нежели предыдущие звенья перечислительного ряда, имеющие, по своему значению, частный характер.

Такова языковая природа нарастания (градации). Смысловая значимость и обобщенность последнего члена перечислительного ряда делает все предыдущие звенья ступенями данного ряда. Эти ступени постепенно, шаг за шагом, подводят к вершине (смысловой и экспрессивной) перечисления. Можно сказать, что именно вершина (напомним: здесь это *аморальность в мыслях и поступках*) втягивает члены перечислительного ряда в структуру нарастания, делает эти ступени контекстуальными синонимами, навязывает им основное качество градации — постепенное усиление смысловой и экспрессивной значимости слов и словосочетаний, образующих то или иное перечисление.

Второй раз стилистический прием — нарастание реализуется с помощью следующих словосочетаний:

могут выгнать с работы

(могут) *схватить человека и его семью «железной рукой голода»*

могут выселить на улицу

(могут) *превратить в бомжа*

могут посадить в тюрьму по любому придуманному обвинению

могут заточить на всю жизнь в «психушку»

(могут) *уничтожить как личность*.

Как и в предыдущем случае, последнее звено перечислительного ряда (*уничтожить как личность*) является обобщением по отношению ко всем его предыдущим звеньям и поэтому обладает в этом ряду наибольшей смысловой и эмоционально-экспрессивной весомостью: *заточить*, *схватить*, *выгнать* и т.д. — всё это частные действия, основная цель которых — уничтожить человека как личность.

Вопрос:

Каким образом можно сформулировать значение, объединяющее следующие глаголы: *выгнать*, *схватить*, *выселить*, *превратить* (в бомжа), *посадить* (в тюрьму)?

23.

Когда я стала издавать книгу за книгой, я испытывала страх самозванства. *Кто это меня назначил писателем?* Я стеснялась самого слова «писатель». Но с годами привыкла. Да, писатель… Надо решать для себя вопросы: *Кто я? Чего хочу? Нужна ли мне свобода? Готов ли я к ответственности? Могу ли я испытывать сострадание?* Есть множество людей, которые совершенно созрели для того, чтобы задать себе эти вопросы, но никто не сказал им, что такие вопросы задавать нужно, а сами они не догадались (Людмила Улицкая).

Все пять вопросов, с которыми мы сталкиваемся в данном примере, служат одной цели — очертить тот круг нравственных ориентиров, которыми должен руководствоваться человек, если он хочет заняться писательским трудом. Отсюда — использование таких существительных, как *свобода*, *ответственность* и *сострадание*.

Форма вопроса, обращенная к себе самому, предполагает отсутствие какой-либо категоричности и абсолютной уверенности в понимании природы писательского труда. Это — вопросы-размышления, вопросы поиска правильного жизненного пути. Можно сказать, что данные вопросы — это нелегкий диалог писателя с самим собой. Читатель понимает, что автор приведенного текстового фрагмента весьма далёк от того, чтобы считать поставленные им самим вопросы решенными; они, эти вопросы, и по сей день тревожат его писательскую совесть.

Задание:

Предположим, что вам предстоит нелегкий разговор с одним из ваших родственников или друзей. Вы не вполне уверены, что готовы к этому. Задайте себе несколько вопросов для того, чтобы понять, какие доводы следует привести в предстоящем разговоре. Его тема может быть любой. Например, вы собираетесь жениться, а ваши родные / друзья активно противятся этому. Или вы хотите бросить всё и уехать далеко на север (восток, юг), а ваши друзья считают это неразумным поступком и проч. в том же роде.

24.

Как я живу? Без ожиданий,
В себе накапливая речь.
А между тем на крыши зданий
Ребристый снег успел прилечь.

И мы, как пчелы трудовые,
Питаем сонную детву,
Осуществленный день России
Не мысля видеть наяву [1]

(Давид Самойлов)

Вопрос, которым начинается это стихотворение, принадлежит к тому типу, который нередко употребляется в том случае, когда мы хотим разобраться в своих собственных мыслях, понять причину своих поступков. Например: *Что я думаю об этом человеке? Он представляется мне…*. Или: *Как я могу объяснить самому себе мою неприязнь к…?* и т.д. При этом вопрос играет двойную роль. С одной стороны, он действительно ставит перед человеком задачу — понять причину своих поступков, характер своих устремлений или, шире, понять то, как я «проживаю» свою собственную жизнь.

С другой стороны, в устной разговорной речи подобные вопросы дают человеку некую паузу во времени, возможность сконцентрироваться на своих мыслях и упорядочить их. По-видимому, вы, уважаемый читатель, не раз замечали, что ваш собеседник по-

[1] *Детва*: 1. личинки пчел; 2. молодые пчелы.

сле, например, слов *Что я могу рассказать вам о себе?* всегда делает паузу для того, чтобы вспомнить наиболее значимые события своей жизни, представить их в логически выстроенной последовательности.

Два четверостишия приведенного выше стихотворения объединены мыслью о некой общей *незавершенности*, отсутствии устремлений и пожеланий (*живу без ожиданий*). Иными словами, речь идет о периоде «статики» в жизни поэта и лишь подспудном накоплении поэтического опыта (*в себе накапливая речь*).

Эта общая мысль передана с помощью ряда лексических средств, которые в стихотворении становятся контекстуальными синонимами. Так, глагол *накапливать* (в себе накапливая речь) реализует в данном случае значение ‘собирать впрок’, т.е. не для данного момента, не для «сейчас»; глагол *прилечь* имеет значение ‘лечь ненадолго’; *не мысля видеть наяву* означает, что осуществленный день представляется поэту только как сон, не имеющий отношения к действительности, к сегодняшнему дню.

Вопрос:

Как вы понимаете метафору *питаем сонную детву*? О какой *детве* здесь, на самом деле, идет речь?

25.

… the letters… told the same tale of men who were, in all the full flood of academic and athletic success, of popularity and the promise of great rewards ahead, seen somehow as set apart from their fellows, garlanded victims, devoted to the sacrifice. These men must die…they were the aborigines, vermin by right of law, to be shot off at leisure so that things might be safe for the travelling salesman, with his polygonal pince-nez, his fat wet hand-shake, his grinning dentures. I wondered, as the train carried me farther and farther from Lady Marchmain, whether perhaps there was not on her, too, the same blaze, marking her and hers for destruction by other ways than war. *Did she see a sign in the red centre of her cosy grate and hear it in the rattle of creeper on the window-pane, this whisper of doom?* (Evelyn Waugh).

Диалогичность, создаваемая вопросом в повествовательном тексте, может быть «разговором» с самим собой, когда автор текста (или его персонаж) пытается сформули-

ровать свои, чаще всего, нелегкие мысли, поставив ряд вопросов, на которые он затем дает (или не дает) ответ. Многие из приведенных выше примеров создают диалогичность именно такого свойства.

В примере, приведенном выше, мы сталкиваемся с диалогичностью иного типа. Автор (повествование ведется от первого лица) пытается проникнуть в мысли *другого* человека (в данном случае — это Lady Marchmain), стараясь угадать, понимает ли этот другой человек то, что ему самому представляется очевидным.

В этом случае вопросу всегда предшествует изложение авторской точки зрения на обсуждаемую проблему. В анализируемом примере речь идет об особой, незаурядной категории людей, которые обладают многими достоинствами. Эти последние определяются с помощью следующих лексических средств:

to be in the full flood of academic and athletic success, где *academic*, согласно толковым словарям, реализует одновременно два значения: 1. clever and good at studying; 2. being related to education, schools, universities, etc. Словосочетание *to be in the full flood of success* создает высокую положительную оценку интеллектуальных качеств описываемой группы людей. A*thletic success* подразумевает ‘being good at sports or physical exercise that require strength and skill’.

Помимо высокого интеллекта (*academic success*) и отличных физических качеств (*athletic success*) описываемая Ивлином Во группа людей обладает также популярностью (*state of being liked, enjoyed, accepted by a large number of people*) и успешностью. Все эти качества, взятые вместе, казалось бы, должны быть вознаграждены по достоинству (*the promise of great rewards ahead*).

Однако в действительности происходит обратное. Рафинированные интеллектуалы оказываются *set apart from their fellows*, они, как это не парадоксально, — жертвы, увенчанные венками победителей (*garlanded victims*), их удел — жертвенность (*they are devoted to sacrifice*). Вывод: *these men must die*.

Эта мысль развивается далее с помощью метафоры. Утонченные, образованные люди, с точки зрения не утонченного и не образованного большинства, являются вред-

ными бездельниками, подлежащими отстрелу: *vermin by right of law to be shot off at leisure*. Они — аборигены, которые должны уступить свое место другим, таким, например, как торговец, переезжающий с места на место со своим товаром (*travelling salesman*).

Если для интеллектуалов Во находит такие слова, как *academic success*, *popularity*, *great rewards*, то для их антиподов — это *fat wet hand-shake* и *grinning dentures* (*denture* — ʻряд, особ. искусственных, зубов’).

Примечательно, что слово, являющееся в данном контексте ключевым, помещается автором в вопрос. Это слово — *doom*, использованное в значении ‘роковой конец, гибель’.

Существительное *doom* это смысловая и эмоциональная кульминация анализируемого текстового фрагмента. Его появлению предшествует иное слово, обладающее меньшей силой эмоционально-экспрессивного качества, нежели *doom*. Это слово — *destruction* (*by other ways than war*). В результате возникает градационный ряд (нарастание), который принимает форму *destruction — whisper of doom*.

Вопрос:

Как вы думаете, почему Во (справедливо считающийся одним из тончайших стилистов в английской прозе прошлого века) выбирает «физиологическую» характеристику для описания людей, которые неизбежно приходят на смену благородству и интеллектуальной рафинированности? Имеются в виду *fat wet handshake* — ʻвлажные пухлые руки’ и *grinning dentures* — ‘ухмылка, обнажающая ряд искусственных зубов’. Как можно объяснить «секрет» особой экспрессивной выразительности подобных «физиологических» описаний?

26. Ввиду громоздкости приводимого ниже примера курсивом выделено только начало вопросительного предложения или какая-то одна его часть.

Here, as I (речь идет о маленьком Давиде Копперфильде – Н.Р.) sat looking at the parcels, packages, and books, and inhaling the smell of stables… a procession of most tremendous considerations began to march through my mind. Supposing nobody should ever fetch me, *how long* would they consent to keep me there? *Would they keep me long enough* to spend

seven shillings? *Should I sleep at night* in one of those wooden bins, with the other luggage, and wash myself at the pump in the yard in the morning; or *should I be turned out every night,* and expected to come again to be left till called for, when the office opened next day? Supposing there was no mistake in the case, and Mr. Murdstone had devised this plan to get rid of me, *what should I do…?* If I started off at once, and tried to walk back home, *how could I ever find my way, how could I ever hope to walk so far, how could I make sure of anyone* but Peggotty, even if I got back…? These thoughts, and a hundred other such thoughts, turned me burning hot, and made me giddy with apprehension and dismay (Ch. Dickens. David Copperfield).

Этот пример интересен тем, что переживания героя, его одиночество и страх быть покинутым в чужом, незнакомом мире переданы с помощью целого ряда вопросительных предложений. При этом вопросы имеют синтаксически параллельную структуру и строятся на основе лексических повторов:

would they keep me

would they consent

should I sleep

should I be turned out

how could I ever find

how could I make sure

Двойной повтор — синтаксический и лексический — использован автором романа для изображения напряженного эмоционального диалога, который испуганный мальчик-сирота ведет с самим собой. Задавая себе множество вопросов, Дэвид пытается представить, что произойдет, если никто не придет за ним в почтовое отделение, где он сидит *among parcels and packages*.

Правдивость переживаний ребенка нисколько не умаляется тем обстоятельством, что вопросы включают детали бытового характера. Так, ребенок думает о том, где он сможет утром умыться, в каком ящике ему разрешат спать ночью и проч. Скорее напротив, эти детали делают жизненную ситуацию, в которую попал маленький Дэвид, реальной и потому убедительной.

Вопросы Дэвида остаются без ответа. Заключительная фраза фрагмента обобщает их следующим образом: *these thoughts, and a hundred other such thoughts, turned me burning hot, and made me giddy with apprehension and dismay*.

Обращает на себя внимание тот факт, что вопросы, которые задает себе несчастный покинутый ребенок, «вставлены» автором романа в своеобразную эмоционально-экспрессивную рамку. Эта рамка создается, с одной стороны, прилагательным *tremendous* (*most tremendous considerations began to march through my mind*), использованным в самом начале анализируемого нами фрагмента, и, с другой — эмоциональной лексикой в конце этого фрагмента: *these thoughts turned me burning hot, and made me giddy with apprehension and dismay.*

Согласно толковым словарям прилагательное *tremendous* имеет в данном случае следующее значение: 'dreadful or awful, as in character or effect; exciting fear, frightening, terrifying'. Существительное *apprehension* находится в том же эмоциональном регистре, что и *tremendous,* поскольку его значение определяется как 'anticipating adversity or misfortune; suspicion of fear or future trouble or evil'. Наконец, *dismay* — это 'a feeling of unhappiness causing heavy heart'.

Таким образом, как мы видим, все три упомянутых слова (*tremendous*, *apprehension*, *dismay*) связаны со значением 'страх', ожиданием 'future trouble' и, как следствие, с психологическим состоянием, которое определяется как *heavy heart.*

Если прибавить к этому, что физическое состояние ребенка описывается как *being burning hot and giddy,* то мы получим довольно полную картину тяжести испытаний, выпавших на долю маленького Копперфильда.

Задание:

Выше было сказано, что существительное *apprehension* имеет значение 'anticipating misfortune', 'suspecting future trouble'. Придумайте несколько словосочетаний, использовав вместо слов *misfortune* и *trouble* конкретные обозначения тех или иных обстоятельств. Например, *anticipation of bankruptcy*, *anticipation of parting with the one you love* и проч. Затем опишите придуманную вами ситуацию более подробно.

Интересно, что в произведении другого автора мы находим точно такой же случай употребления вопросительных предложений. Речь идет о романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» (Charlotte Brontë “Jane Eyre”). Ребенок того же возраста, что и Давид Копперфильд, тоже сирота, тоже находящийся во враждебном окружении, со страхом думает о предстоящей встрече с незнакомым человеком. Девочка (Джейн Эйр) понимает, что эта встреча ничего хорошего ей не сулит (вопросительные предложения, а также слова и словосочетания, обозначающие состояние страха, переживаемого ребенком, выделены курсивом).

I now stood in the empty hall; before me was the breakfast-room door, and *I stopped, intimidated and trembling. What a miserable little poltroon had fear…made of me* in those days! *I feared to return* to the nursery, *and feared to go forward* to the parlour... ten minutes I stood *in agitated hesitation;* the vehement ringing of the breakfast-room bell decided me; I must enter. ‘*Who could want me?’* I asked inwardly… ‘*What should I see*… a man or a woman?’

Задание:

Обратите внимание на прилагательное *miserable* (*miserable little poltroon*). Это слово принадлежит к числу прилагательных широкой семантики, способных сочетаться с практически неограниченным числом существительных — как одушевленных, так и неодушевленных. Какое более узкое (в смысловом отношении) оценочное прилагательное вы могли бы подобрать для эмоционально-оценочной характеристики существительного *poltroon*?

27.

… жизнь моя (Ильи Ильича Обломова — Н.Р.) началась с погасания. Странно, а это так! С первой минуты, когда я сознал себя, я почувствовал, что я уже гасну… *Даже самолюбие — на что оно тратилось? Чтоб заказывать платье у известного портного? Чтоб попасть в известный дом? Чтоб князь П* пожал мне руку?* А ведь самолюбие — соль жизни! *Куда оно ушло? Или я не понял этой жизни, или она никуда не годится,* а лучшего я ничего не знал, не видал, никто не указал мне его (И. Гончаров).

Первые три вопроса, сформулированные в этом фрагменте, имеют одну цель — показать на конкретных примерах на что, с его собственной точки зрения, тратилась жизнь Ильи Ильича Обломова. Четвертый вопрос — *Куда оно* (т.е. самолюбие как соль жизни) *ушло* — имеет обобщающий характер и поэтому завершает серию вопросов.

Рассматриваемый пример примечателен тем, что реализуемые в нем вопросы играют двоякую роль. Во-первых, они призваны показать особый психологический склад героя романа «Обломов»: Илья Ильич неуверен в себе, он пытается разобраться в причинах своей неудавшейся жизни, он ищет эти причины, ставя перед собой вопросы и не совсем понимая, каков, в конечном итоге, должен быть ответ. Отсюда — использование повторяемого союза *или*: *или я не понял этой жизни; или она никуда не годится*.

Иными словами, невозможность дать хоть сколько-нибудь определенный ответ на свои собственные вопросы указывает на некое основное психологическое свойство героя романа — умение осознать никчемность своей жизни (нравственной и духовной), ощущение необходимости изменений и при этом полное непонимание того, каким образом можно эту жизнь изменить.

Во-вторых, вопросы, поставленные Обломовым, реализуют антитезу, которая является существенной для понимания особенностей его характера. Это, с одной стороны, трезвость оценки в осознании смысла жизни (см., например, его слова о самолюбии) и, с другой стороны, беспомощность и непонимание того, что следует сделать для изменения существующего положения вещей.

Первый член антитезы, т.е. умение трезво оценить свою жизнь, подробно раскрывается во фрагменте, непосредственно примыкающем к рассматриваемому нами примеру. Ключевое слово этого фрагмента — *гаснуть*. Оно выделено курсивом:

… жизнь моя началась с *погасания.* С первой минуты, когда я сознал себя, я почувствовал, что *я уже гасну. Начал гаснуть я* над писанием бумаг в канцелярии; *гаснул потом,* вычитывая в книгах истины, с которыми не знал, что делать, *гаснул с приятелями,* слушая толки, сплетни, передразниванье, злую и холодную болтовню, пустоту, глядя на дружбу поддерживаемую сходками без цели, без симпатии; *гаснул я и губил силы* с

Миной: платил ей больше половины своего дохода и воображал, что люблю ее; *гаснул в унылом и ленивом хождении* по Невскому проспекту, среди енотовых шуб и бобровых воротников, — на вечерах, в приемные дни, где оказывали мне радушие как сносному жениху; *гаснул и тратил по мелочи жизнь и ум…ленивой и покойной дремотой, как другие...*

Согласно толковым словарям *гаснуть* в данном случае реализует переносное значение ‘терять силу’, ‘ослабевать’, ‘сходить на нет’. Причины угасания раскрываются в тексте с помощью ряда оценочных лексических средств. Это — существительные: *толки*, *сплетни*, *передразниванье*, *болтовня* (во время встречи с друзьями); *пустота*, *сходки без цели*, *без симпатии*, *дремота*, *писание бумаг*, *погасание*; прилагательные: *злая и холодная* (болтовня), *унылое и ленивое* (хождение по Невскому проспекту), *ленивая и покойная* (дремота); глаголы: *не знал* (что делать), *губил силы, гаснул и тратил по мелочи* (жизнь и ум), *воображал, что люблю* (Мину). Здесь глагол *воображать* использован в значении ‘думать о чем-либо мнимом, в действительности не существующем’.

Все эти элементы яркой отрицательной оценочной лексики создают повествование, четко говорящее о развитом чувстве критической самооценки, которым обладал Обломов (см. упомянутую выше антитезу), о его наблюдательности и способности осознать необходимость нравственных ориентиров, далеко выходящих за пределы простого удовлетворения материальных нужд.

В современной литературе ключевой (для анализируемого нами материала) глагол *гаснуть* — согласно примерам, приведенным в Национальном корпусе русского языка — имеет тенденцию чаще употребляться с такими «очевидными» существительными, как *огонь*, *огоньки*, *свечи*, *костер*, *фары автомобиля*, *прожектор*, *сигарета*.

Говоря о менее частых случаях использования глагола *гаснуть*, можно привести примеры, в которых упоминается смерть — физическая, но не духовная (как у Ильи Ильича):

(а) Тут матушка совсем поверила в *свою близкую смерть* и *стала гаснуть на глазах* (Михаил Шишкин).

(б) Не давайте же другу *гаснуть на глазах,* погружаться в хроническую депрессию, попытайтесь сбить *с мыслей о смерти* (Надежда Усольцева).

Аналогичная тенденция наблюдается в отношении глагола *угасать*. Имеются в виду случаи, когда этот глагол реализует значение ‘терять силы, умирать’:

(в) Она была жива — какая радость! какая встреча! Постепенно *она стала угасать*. Бывали моменты, когда она позвонит в звонок, я приду, и она мне скажет: «Мне тоскливо без тебя, побудем вместе» (Митрополит Антоний. О смерти).

28.

Ты скажи, чем *тебя я могу одарить?*
Ни свободой, ни силой, ни славой,
Не могу отпустить тебя жить и творить
И свой путь по земле невозбранно торить, -
Только горстью поэзии шалой.

Потому-то у нас перекресток пути,
Потому-то нам в разные страны идти,
Где мы оба недолго покружим.

Ты раздаривать будешь осенний букет,
Я разбрасывать злой пустоцвет,
Что лишь мне самому только нужен.

(Давид Самойлов)

Этот поэтический текст интересен тем, что содержащийся в нем вопрос, на самом деле, является квазивопросом. Поясним эту мысль. Вначале у читателя возникает понимание того, что поэт обращается к своему другу (*ты скажи, чем тебя я могу одарить*) и надеется услышать от этого друга ответ на поставленный вопрос.

Однако, на самом деле, как это видно из последующих строк стихотворения, поэта интересует не столько ответ друга, сколько раскрытие своего собственного поэтического «я», своего собственного внутреннего мира и мироощущения. Так, поэт говорит о

том, что у него нет ни свободы, ни силы, ни славы, что единственное, чем он обладает, это — *горсть поэзии шалой*.

Даже когда в поэтических строках все же появляется тот, к кому обращен вопрос (например, *не могу отпустить тебя*), этот другой соединен с «я» автора стихотворения с помощью местоимения *мы* (в разных падежах): *у нас перекресток пути*, *нам в разные страны идти*, *мы оба недолго покружим*.

Наконец, антитеза, которой завершается стихотворение (*осенний букет* vs *злой пустоцвет*), аналогичным образом служит не столько определению будущего жизненного пути друга (уезжающего в другую страну), сколько горестному ощущению одиночества и ненужности собственного поэтического слова.

Это одиночество и эта ненужность определяются поэтом как *злой пустоцвет*. Прилагательное *злой* (согласно толковым словарям) реализует в данном случае следующее значение: ‘раздраженный, язвительный, заключающий в себе насмешку, издевку’. Насмешка и издевка непосредственно звучат в адрес самого автора стихотворения. См., например, строку, в которой говорится об ощущении собственного творчества как *горсти поэзии шалой*.

Приведем несколько примеров из Национального корпуса русского языка, в которых прилагательное *злой* употреблено в отмеченном выше значении ‘раздраженный, язвительный, насмешливый’:

(а) его ум *не злой,* но *равнодушно насмешливый* к вере (Василий Гроссман).

(б) Сосед по квартире, инженер Драгин, начальник цеха, *со злой насмешкой* смотрел на ее морщинистое лицо, на девственно стройный, иссушенный стан, на её пенсне, висевшее на черном шнурочке (Василий Гроссман).

(в) Поэзия не должна и не может быть *злой,* утверждает этим стихотворением поэт Рубцов (Виктор Астафьев).

(г) Обострилась и ирония, никогда она не была *такой злой,* ядовитая и богохульная (И.Ф. Анненский).

Особенно интересными представляются первые два примера. Как отмечалось выше, *насмешливый* входит составной частью в значение слова *злой*. Между тем в данных двух примерах это значение уже представлено существительным *насмешка* и прилагательным *насмешливый*. В связи с этим (вследствие естественного языкового процесса, связанного с устранением дублирования) на передний план выходят другие значения прилагательного *злой*, а именно, ‘раздраженный’, ‘язвительный’.

Вопрос:

В начале стихотворения поэт с горечью определяет своё творчество как *горсть поэзии шалой*. В этой строке *шалый* реализует значение ‘беспорядочный’, ‘преисполненный сумасбродства’, ‘безрассудный’. Ниже приводятся примеры (они заимствованы из Национального корпуса русского языка), в которых также использовано прилагательное *шалый*. Как вы думаете, *шалый* употреблено в данных примерах в том же значении, что и в стихотворении Давида Самойлова, или же значение слова меняется? И если меняется, то в каком направлении? Для ответа на этот вопрос вам понадобится толковый словарь, желательно более полный.

(а) Суетливая, нервная толчея первого этажа, напряженное ожидание второго… *шалый взгляд* тех, у кого почему-то не принимают документы ни на втором, ни на первом, а посылают вместо этого на третий — на сущую погибель, в узкий коридор мелких кабинетиков, откуда и знающий-то человек выберется не скоро, а уж новичку и вовсе хана… (Андрей Волос).

(б) Что тогда ему ударило в голову, какой *шалый ветер* распалил ярость, он и сам не знает (Вадим Бурлак).

(в) *Шалый сырой ветерок* кружится и кружит голову (Василий Шукшин).

(г) Вот только когда получку получают совхозные, тогда бывают истории. Известное дело, *вербованные – народ шалый*... (Борис Можаев).

(д) Далее уже всё неинтересно – далее я жила у привокзальной тетки и ходила «на биржу», прикрывая располневшую талию плащом, и в конце концов *какой-то ша-*

лый мужик, завербовавшийся на Север, слал мне свою комнату буквально за гроши (Людмила Петрушевская).

(e) Поручик плохо разбирался в политике, он был просто бунтарь и романтик – такой *шалый романтик,* какими бывали только давным-давно разорившиеся дворяне, у которых ничего не оставалось кроме родословной, герба и шпаги (С.Д. Мстиславский).

29.

Then my own thoughts worried me. *What crime was this*, that lived incarnate in this sequestered mansion, and could neither be expelled nor subdued by the owner? — *what mystery* that broke out, now in fire and now in blood, at the deadest hours of night? *What creature was it,* that, masked in an ordinary woman's face and shape, uttered the voice, now of a mocking demon, and anon of a carrion-seeking bird of prey?

And this man I bent over — this commonplace, quiet stranger — *how had he become involved in* the web of horror? and *why had the fury flown at him? What made him seek* this quarter of the house at an untimely season, when he should have been asleep in bed? I had heard Mr Rochester assign him an apartment below — *what brought him here? And why, now, was he so tame* under the violence of treachery done him? *Why did he so quietly submit to* the concealment Mr Rochester enforced? *Why did Mr Rochester enforce this concealment?..* whence... *had arisen Mr Rochester's dismay* when he heard of Mr Mason's arrival? *Why had the mere name of* this unresisting individual — whom his word now sufficed to control like a child — fallen on him, a few hours since, as a thunderbolt might fall on an oak? (Charlotte Brontë).

Данный фрагмент (он заимствован из романа "Jane Eyre") целиком строится на вопросительных предложениях, вводимых словами *what* (*what crime*), *how* (*how had he become involved*), *why* (*had the fury flown at him*), *whence* в значении 'from what cause' (*whence had arisen dismay*).

Читатель может спросить: почему автор прибегает к данному приему построения сюжетной линии романа? Что изменилось, если бы вместо вопросительных были исполь-

зованы повествовательные предложения, на которых, как правило, строится любой нарратив?

Героиня романа была непосредственной свидетельницей описанных в романе трагических событий. При этом ее мысль не скользит по поверхности, она не ограничивается простой констатацией фактов, ей необходимо вдуматься в причины происшедшего, осмыслить их. Сколько-нибудь твердого ответа Джейн найти пока не может (Ответ на её вопросы придет значительно позже, в конце романа). Отсюда — мучительные вопросы, обращенные к самой себе.

В данном случае глагол *to worry* (*my own thoughts worried me*) использован, согласно толковым словарям, в значении ‘to torment oneself with or suffer from disturbing thoughts’. Тяжесть этих мучительных мыслей передана с помощью целого ряда лексических средств. В первую очередь, это существительные: *crime*, *mystery*, *fire*, *blood*, *the deadest hours of night*, *a mocking demon*, *a bird of prey*, *the web of horror*, *a fury*, *the violence of treachery*, *a thunderbolt*. Один лишь перечень этих слов говорит о том значении, в котором автор употребляет глагол *to worry*. Это — упомянутое выше *tormenting, disturbing thoughts*.

Образы, использованные автором романа в вопросительных предложениях, принадлежат к числу так называемой общечеловеческой символики: глухая ночь (*the deadest hours of night*), демон, удар грома. Тот факт, что эти образы встроены в вопросительные структуры (окрашенные эмоциональным переживанием героини романа), усиливает их экспрессивную значимость.

В анализируемом фрагменте можно выделить два ключевых слова. Это — *crime* (*what crime was this*) и *mystery* (*what mystery that broke out*). Под понятие *crime* попадают почти все события, упомянутые в вопросительных предложениях. Перечень этих взаимосвязанных событий образует повествовательную канву нарратива. Героиня романа последовательно воссоздает в своем воображении увиденное ею и одновременно, благодаря структуре вопроса, ведет диалог с самой собой. Как отмечалось выше, её вопросы, обра-

щенные к себе, предполагают отсутствие категоричности и сколько-нибудь полной уверенности в понимании причин происшедших трагических событий.

Такова одна из основных функций вопросительных предложений в нарративе: они способны одновременно строить его сюжетную линию и при этом вносить в этот сюжет изрядную долю неуверенности в причинах, лежащих в основе описываемых событий.

Второе ключевое слово в анализируемом нами фрагмента это — *mystery* (*mystery that broke out*). В данном случае существительное *mystery* (согласно толковым словарям) использовано в значении ‘something that is difficult or impossible to understand or explain, something beyond understanding, any truth that is unknowable’. Представляется, что именно это значение вносит определенный вклад в создание такой черты нарратива, которая охарактеризована выше как некатегоричность, неуверенность (автора или персонажа, от лица которых ведется повествование).

Заканчивая анализ фрагмента, заимствованного из романа “Jane Eyre”, подчеркнем следующее: говоря в общем, вопросы в повествовательном тексте не являются его абсолютно необходимой частью. Иными словами, нам нетрудно представить такой нарратив, в котором вообще не будет каких-либо вопросов. Это объясняет тот факт, что любой вопрос в повествовательном тексте неизбежно создает своеобразную зону напряжения, привлекающую особое внимание читателя.

Задание:

Опишите (по-английски или по-русски) с помощью вопросительных предложений какую-либо ситуацию, в отношении которой вы испытываете неуверенность и/или непонимание. Например: *Вчера получил долгожданное письмо от старого друга. Почему оно пришло с опозданием на месяц? Почему друг ничего не пишет о своем здоровье? Что он имеет в виду, говоря о возможном переезде? Куда и с какой целью?* и т.п.

Или: *Вчера состоялся неприятный разговор с NN. Что он имел в виду, говоря…? Почему я не догадался сказать, что…* и т.п.

30. Для удобства анализа приводимый ниже пространный пример разделен на пронумерованные абзацы.

1. 12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война… *Что произвело это необычайное событие? Какие были причины его?*.. Понятно, что Наполеону *казалось*, что причиной войны были интриги Англии…; понятно, что членам английской палаты *казалось*, что причиной войны было властолюбие Наполеона; что принцу Ольденбургскому *казалось*, что причиной войны было совершенное против него насилие; что купцам *казалось*, что причиной войны была континентальная система, разорявшая Европу, что старым солдатам и генералам *казалось*, что главной причиной была необходимость употребить их в дело; легитимистам того времени то, что необходимо было восстановить les bons principes, а дипломатам того времени то, что все произошло оттого, что союз России с Австрией в 1809 году не был достаточно искусно скрыт от Наполеона и что неловко был написан memorandum за № 178.

2. Понятно, что эти и еще бесчисленное, бесконечное количество причин, количество которых зависит от бесчисленного различия точек зрения, представлялось современникам; но для нас — потомков, созерцающих во всем его объеме громадность совершившегося события и вникающих в его простой и страшный смысл, причины эти представляются недостаточными.

3. Для нас непонятно, чтобы миллионы людей-христиан убивали и мучили друг друга, потому что Наполеон был властолюбив, Александр тверд, политика Англии хитра и герцог Ольденбургский обижен. Нельзя понять, какую связь имеют эти обстоятельства с самым фактом убийства и насилия, почему, вследствие того, что герцог обижен, тысячи людей с другого края Европы убивали и разоряли людей Смоленской и Московской губерний и были убиваемы ими…

4. Ежели бы Наполеон не оскорбился требованием отступить за Вислу и не велел наступать войскам, не было бы войны, но ежели бы все сержанты не пожелали поступить на вторичную службу, тоже войны не могло бы быть. Тоже не могло бы быть войны, ежели не было бы интриг Англии, и не было бы принца Ольденбургского и чув-

ства оскорбления в Александре, и не было бы самодержавной власти в России, и не было бы французской революции и последовавших диктаторства и империи, и всего того, что произвело французскую революцию, и так далее. Без одной из этих причин ничего не могло бы быть.

5. Стало быть, причины эти все — миллиарды причин — совпали для того, чтобы произвести то, что было. И, следовательно, ничто не было исключительной причиной события, а событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться.

6. Должны были миллионы людей, отрекшись от своих человеческих чувств и своего разума, идти на Восток с Запада и убивать себе подобных, точно так же, как несколько веков тому назад с Востока на Запад шли толпы людей, убивая себе подобных» (Л.Н. Толстой. Война и мир. Том третий, Часть первая).

Для нас этот пример интересен с нескольких точек зрения. Во-первых, он начинается с вопроса, вернее, с двух вопросов (первый фрагмент), являющихся для Толстого основными в той части романа, которая касается войны, а именно, *Что произвело это необычайное событие*, т.е. войну, и каковы ее причины.

Примечательно, что автор романа не сразу дает немедленный ответ на поставленные им самим вопросы, но рассматривает многие точки зрения на сложную проблему причины войны. И в этом рассмотрении ключевым словом, как нам представляется, является многократно повторенный глагол *казаться* (в примере он выделен курсивом, см. первый фрагмент):

Наполеону казалось,

членам английской палаты казалось,

принцу Ольденбургскому казалось,

купцам казалось,

старым солдатам и генералам казалось,

легитимистам казалось,

дипломатам того времени казалось.

Во всех этих примерах глагол *казаться* использован одновременно в двух значениях. С точки зрения самого Наполеона, старых солдат, купцов и проч. причины войны осознавались как вполне понятные и объективные. Поэтому в данном случае глагол *казаться* (согласно толковым словарям) использован в значении ‘представляться в воображении’.

С другой стороны, глагол *казаться* употреблен автором романа и в другом значении, т.е. в том значении, которое готовит читателя к иному, толстовскому, пониманию причин войны (см. фрагменты 5 и 6). Это значение формулируется (в толковых словарях) как ‘то, что представляется в мыслях при выражении *сомнения, неуверенности, отсутствия убежденности в истинности сообщаемого*’.

Это отсутствие убежденности в справедливости мнения (относительно только какой-то одной причины войны), высказанного многими людьми, усилено автором романа путем неоднократного использования сослагательного наклонения, выражающего в данном случае *нереальность* условия (см. четвертый фрагмент). Данная нереальность подчеркнута повторением зачина *ежели бы не*.... Ведь, на самом деле, Наполеон действительно оскорбился, сержанты действительно пожелали…, Англия действительно интриговала и проч.

Неслучайно все эти соображения столь различных людей сформулированы автором романа в форме синтаксически параллельных структур. Равнозначность синтаксической конструкции, использование одного и того же союза (*ежели бы*) ставит все предположения столь разных людей — от Наполеона до простого сержанта — в один смысловой ряд, подразумевает равную значимость (вернее, «незначимость») приводимых ими точек зрения:

ежели бы Наполеон не оскорбился,

ежели бы все сержанты не пожелали…,

ежели не было бы интриг Англии,

ежели не было бы принца Ольденбургского,

ежели не было бы оскорбления в Александре,

ежели не было бы самодержавной власти в России,

ежели не было бы французской революции.

Во фрагментах 5 и 6 мы находим толстовское объяснение причины войны, войны вообще, а не только той, которая обозначена 1812-ым годом. Для объяснения этой причины использованы существительные *миллиарды* (причин) и *миллионы* (людей), имеющие в данном контексте усилительное значение ‘огромное количество’.

Однако особая роль принадлежит здесь эмоциональному глаголу *отрекаться от* (своих человеческих чувств и своего разума), который предваряет другой глагол — *убивать* (себе подобных). Толковые словари объясняют глагол *отрекаться* как ‘отказаться от’, ‘освободить себя от’ (в данном случае от чувств и разума), и только в этом «освобожденном» состоянии люди могут убивать себе подобных.

Обращает на себя внимание тот факт, что анализируемый нами фрагмент четко демонстрирует возможность трехчастной структуры в построении текста. Первая часть представляет собой формулировку вопроса (вопросов), являющегося для автора текста ключевым в плане обозначения им той или иной концепции. Вторая часть — это мнения людей, которые пытаются ответить на поставленный вопрос («в чем заключается причина войны?»). Сам автор текста считает эти мнения если не ошибочными, то, во всяком случае, недостаточными, неполными, не объясняющими суть проблемы. И, наконец, третья часть — формулировка собственной позиции автора.

Примечательно, что поэтический текст тоже может строиться по такой трехчастной схеме. Приведем пример:

What is the end of Fame? ‘t is but to fill
A certain portion of uncertain paper:
Some liken it to climbing up a hill
Whose summit, like all hills, is lost in vapour;
For this men write, speak, preach, and heroes kill,
And bards burn what they call ‘their midnight taper’,
To have, when the original is dust,

A name, a wretched picture, and worse bust.

(George Gordon Byron)

Первая часть традиционной триады — лаконичный вопрос: *What is the end of fame?*

Вторая часть — распространенное мнение, которое поэт считает ошибочным. Здесь мы находим два стилистических приема — сравнение (*some liken it to climbing hills whose summit, like all hills, is lost in vapour*) и цитатную метафору (*bards burn what they call 'their midnight taper'*). При этом оба приема явно окрашены авторской иронией.

Третья, заключительная, часть триады — осознание поэтом того, каков, на самом деле, конец (*when the original is dust*) любой славы: *a wretched picture and worse bust*.

Вопрос:

Оценочный ряд слов *uncertain paper — dust — a wretched picture — worse bust* объединены одним контекстуальным значением. Как бы вы сформулировали это значение?

Задание:

Познакомьтесь с переводом на русский язык приведенных выше поэтических строк: Перевод сделан Г. Шенгели:

В чем слава? Настрочат о вас десяток книг,

Так прочно измарав непрочную бумагу.

Кой-кто сравнил: «она – карабканье на пик,

Что, как всегда в горах, одет в туман и влагу».

Но пишут, говорят, всех учат, страшный крик!

Зачем? Чтоб, став землей, оставить в мире след

Да имя, скверный бюст и пакостный портрет.

Предлагаемый вопрос аналогичен предыдущему. Обратите внимание на следующие слова: *настрочат*, *измарав*, *непрочная бумага*, *карабканье*, *туман*. Какое контекстуальное значение является для них объединяющим?

Трехчастная структура, вводимая вопросом, характерна не только для художественного текста, но также и для текста учебного. Приводимый ниже пример заимствован из [2, 112]:

Овладев в школе актерским мастерством, ты еще не мастер, как это ни парадоксально. *Чем должен обладать начинающий актер?* Воображением, чуткостью, эмоциональной заразительностью, спокойствием, мышечной свободой, умением хорошо говорить, слушать, изящно двигаться. Но это азбука, это ремесло актера. Овладев этими азами, актер становится, в лучшем случае, ремесленником и никогда не поднимается до открытий.

Когда мы говорим о современном актере, мы имеем в виду, прежде всего, его индивидуальность. Индивидуальность — это то, чем человек отличается от других людей. Индивидуальность – это значит видеть иначе. И чем ярче и глубже эти черты, тем больше мы ценим это в талантливом человеке, ибо талант – это сочетание легкости с индивидуальным видением мира» (А.С. Демидова).

Как и в предыдущих двух примерах (фрагмент из «Войны и мира» и фрагмент из поэмы Байрона «Дон Жуан»), первая часть трехчастной структуры образована вопросом (он выделен курсивом). Вторая часть — это ответ на поставленный вопрос, но ответ неполный, поверхностный (азбука), чреватый (если следовать логике вопроса) превращением актера в ремесленника.

Существительные *азбука* и *ремесленник* (ремесло) создают антитезу по отношению к таким словам яркой положительной оценки, как *воображение*, *чуткость*, *эмоциональная заразительность* и т.д. Оказывается, что, по мнению автора текста, мышечная свобода, умение хорошо говорить, слушать и изящно двигаться это только азы, условие, как говорится, необходимое, но недостаточное.

Представляется, что в этой антитезе основную роль в создании отрицательной оценочной характеристики играет существительное *ремесленник*, которое (в переносном значении) определяется толковыми словарями следующим образом: ‘человек, который

работает по сложившемуся шаблону, без творческой инициативы’ (слово весьма обидное для любого актера).

В приводимых ниже примерах (они заимствованы из Национального корпуса русского языка) существительное *ремесленник* в упомянутом выше переносном значении также входит в состав антитезы:

(а) …настройщик монофоничен бессознательно. Он — ремесленник, а я артист, творец. Он слышит телесным ухом, а я ухом глубин (А.Н. Амфитеатров).

Здесь имеет место антитеза, аналогичная той, которая использована в анализируемом нами фрагменте: ‘ремесленник’ vs ‘истинный актер, творец’.

(б) Может быть, неловко было ему откровенничать: хочу, дескать, доказать Олегу Комову, который не пустил меня в 94-ом в союз, что я хороший скульптор, а не ремесленник (Алексей Инкин).

Антитеза: ‘хороший скульптор’ vs ‘ремесленник’, т.е. плохой скульптор.

Существует тенденция, согласно которой переносное значение существительного *ремесленник* усиливается с помощью прилагательных отрицательной оценочной характеристики и соответствующих оценочных словосочетаний. Например:

(в) Не знаю, какая непостижимая сила влечет меня к искусству, в котором, может быть, я — *ничтожный ремесленник* (Л. Серова).

(г) Разве поэзию Народного Вожатого может переводить *непонятно кто, никому неведомый ремесленник?* (Евгений Чижов).

В учебной литературе структурирующая роль вопроса прослеживается и в другом случае, когда автор не сразу вводит тот иной тезис, но предваряет его вопросом, на который сам же сразу дает ответ. Такое «оттягивание» или, иными словами, намеренная задержка в формулировании мысли способствует концентрации внимания читателя, который невольно ждет, каким же будет ответ на прочитанный им вопрос. Приведем пример:

(д) …еще и еще раз повторяю: необходим выбор верных задач. *Что значит верных?* Идущих от автора, идущих от данного произведения. *Что значит от автора?* От того, как автор устанавливает взаимоотношения действующих лиц, от установки об-

щего зерна пьесы, от сквозного действия (Вл. И. Немирович-Данченко. «Пособие по русскому языку. Для иностранных учащихся театральных вузов», Москва, 2006, с.103).

31.

При следующей встрече с Дорион (в Александрии она принадлежала к высшему слою аристократической знати) он (Иосиф Флавий — Н.Р.) заговорил о помолвке и женитьбе, как о давнишнем, не раз обсуждавшемся проекте. Она только смеялась своим высоким дребезжащим смехом. Но он делал вид, что не слышит, он был одержим своим планом…Разве не было случаев, когда женщины даже из высшего римского и александрийского общества переходили в иудаизм?.. Она даже не рассмеялась, она взглянула на него, словно он сошел с ума.

Однако, может быть, именно безумие этого проекта и привлекло ее? Этот еврей, с его фанатизмом помешанного, стирал все возражения. Для него не существовало затруднений, все доводы разума превращались в дым. Сияя счастьем, с пылающим взором, рассказывал он Титу и гостям на канонской вилле о своей помолвке с Дорион (Л. Фейхтвангер. Пер. с нем.).

Этот пример интересен тем, что заключенный в нем вопрос (он выделен курсивом) может быть истолкован двояким образом. С одной стороны, его можно понять как вопрос, который задает читателю сам автор романа. С другой стороны, данный вопрос может быть понят как форма размышления в виде вопроса, обращенного Дорион к самой себе. Иными словами, имеет место слияние авторской позиции и позиции персонажа.

И та, и другая позиция выражены с помощью ряда эмоционально-экспрессивных лексических средств. В анализируемом фрагменте они вводятся прилагательным *одержимый* (*он был одержим своим планом)*. В данном случае это прилагательное (согласно толковым словарям) реализует значение, которое можно сформулировать как ‘охваченный навязчивой идеей’. Действительно, Иосиф не столько находится во власти чувства (не говоря уже о страсти), сколько действительно охвачен навязчивой идеей, связанной с возможностью невозможного — ему, иудею, взять в жены римскую аристократку. По-

видимому, неслучайно задуманное Иосифом названо эмоционально-бесстрастными существительными *проект* и *план*.

Значение прилагательного *одержимый* расширяется далее с помощью ряда контекстуальных синонимичных средств. Это — фразеологическое словосочетание *сойти с ума* (*словно он сошел с ума*), свободное словосочетание *доводы разума превращаются в пыль*, существительное *помешанный* (в переносном значении ʻобладающий исключительным пристрастием к чему-либоʼ, например, *он помешан на детективных романах*), *безумие* (*безумие этого проекта*), *фанатизм*.

Эти контекстуальные синонимичные средства используются с двоякой целью: показать несовместимость проекта женитьбы со здравым смыслом и подчеркнуть навязчивость мыслей Иосифа относительно своего плана.

Обратим внимание на существительное *фанатизм* (*фанатизм помешанного*). В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона отмечается, что прилагательное *фанатичный* может иметь значение, которое авторы Словаря формулируют как ʻвдохновенный, исступленный, полностью подчиненный какой-либо идееʼ. Фанатизм, говорят далее авторы Словаря, соединяется со страстным убеждением и необычайным возбуждением, а также с рвением в проведении своей идеи.

Пылающий взор, *сияющее счастье* и риторический вопрос (*разве не было случаев, когда женщины даже из высшего римского и александрийского общества переходили в иудаизм?*), который, на самом деле, является эмоциональным восклицанием, не требующим ответа в связи с своей полной очевидностью — все эти лексические средства использованы автором (и переводчиком) романа для того, чтобы подчеркнуть состояние *радостного* ожидания помолвки.

Присущую фанатизму восторженность можно проиллюстрировать на примере, заимствованном из Национального корпуса русского языка:

(а) Этот *фанатик* уверял нас, что если мы освоим простейшие физические действия, то сыграть «Гамлета»… для нас это будет «раз плюнуть»… Это был восторженный *идеалист-фанатик* (Владлен Давыдов. Театр моей мечты»).

Однако в современном употреблении существительное *фанатик* (*фанатизм*) обычно не связывается с ощущением приподнятого радостного ожидания чего-либо. Приводимые ниже примеры (они также заимствованы из Национального корпуса русского языка) указывают на регулярное использование лексических единиц (прилагательных и существительных), имеющих яркий отрицательно-оценочный характер. Все они употребляются для характеристики тех или иных свойств фанатизма:

(б) Он мещанин, *жадный* до предметов, *накопитель-фанатик* материального интереса (Василий Гроссман).

Здесь существительное *накопитель* (материального интереса) и прилагательное *жадный* (до предметов) выступают как синонимы, имеющие целью конкретизировать значение существительного *мещанин*. В толковых словарях это последнее определяется как ‘человек с мелкими интересами, с узким кругозором и неразвитым вкусом’.

(в) Нагибин потом вспоминал: «Он сразу сказал главное: дед был *страшный человек. Фанатик и деспот.* И шизофреник — последнее я вытянул из него с великим трудом (Алексей Митрофанов).

Прилагательное *страшный* является словом широкой (иногда говорят *размытой*) семантики. Оно может характеризовать практически неограниченное число имен существительных, подвергнутых обобщенной отрицательно-оценочной квалификации. В данном примере это прилагательное четко конкретизируется с помощью существительных *деспот* и *шизофреник*.

(г) Этот гнусный, ядовитый *фанатик*, этот токсичный старикашка.., ипохондрик, мизантроп, грубиян, весь сотворенный из нервов. – нет, он не дал мне полного снадобья от нравственных немощей… (Нина Воронель).

Этот последний пример интересен тем, что он насыщен разнообразными языковыми средствами отрицательной оценочной характеристики. Это — прилагательные (*гнусный*, *ядовитый*, *токсичный*), существительные (*ипохондрик*, мизантроп, *грубиян*), причастный оборот (*весь сотворенный из нервов*). Отметим также морфологический ресурс: не *старик*, а *старикашка*.

Вопрос:

Какое из приводимых ниже определений фанатизма представляется вам наиболее убедительным и почему (определения приводятся по «Энциклопедическому словарю» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона)?

1) в самом понятии фанатизма заключается и его осуждение как своего рода узости, ограниченности, упорства;

2) упорное признание своей правоты, неуважение к чужим убеждениям;

3) страстная преданность своим убеждениям, соединенная с крайней нетерпимостью к чужим взглядам и стремлениям;

4) рвение в осуществлении идеи.

32.

I (Jane Eyre — H.P.) dressed myself with care: obliged to be plain — for I had no article of attire that was not made with extreme simplicity — I was still by nature solicitous to be neat. It was not my habit to be disregardful of appearance, or careless of the impression I made; on the contrary, I ever wished to look as well as I could, and to please as much as my want of beauty would permit. I sometimes regretted that I was not handsomer: I sometimes wished to have rosy cheeks, a straight nose, and small cherry mouth: I desired to be tall, stately, and finely developed in figure; I felt it a misfortune that I was so little, so pale, and had features so irregular and so marked. *And why had I these aspirations and these regrets?* It would be difficult to say: I could not then distinctly say it to myself (Charlotte Brontë. Jane Eyre).

Этот пример иллюстрирует явление, довольно часто встречающееся в художественной литературе, а именно, внутренний диалог персонажа с самим собой в том случае, когда ему, данному персонажу, что-то неясно, когда он не может избавиться от этой неясности и честно признается в этом самому себе. Отсюда — прямой ответ на вопрос *why had I these aspirations? — It would be difficult to say. I could not then distinctly say it to myself*.

Упомянутые размышления персонажа принимают форму антитезы:

handsome vs *want of beauty*;

tall, *stately*, *finely developed in figure* vs *little*;

rosy cheeks vs pale;

a straight nose, *a small mouth* vs *irregular features*.

Это — примеры явной, своего рода «открытой» антитезы. Обратим внимание еще на один вид противопоставления, которое не столь очевидно. Имеется в виду контраст того, каким образом персонаж воспринимает самого себя (Джейн искренно кажется себе непривлекательной и даже более того — откровенно некрасивой), и того, как читатель, по мере постепенного ознакомления с романом, начинает все более глубоко понимать, что, скажем, *a straight nose* и *a cherry mouth* — это совсем не те «качества», которые могли бы заставить его, читателя, восхищаться тем или иным женским персонажем. Иные свойства убеждают нас в том, что образ Джейн, созданный Ш. Бронте, является абсолютным идеалом женского характера и женской притягательности.

Конечно, для осознания подобного контраста необходим выход за пределы только одного приведенного выше небольшого фрагмента.

Задание:

Опишите (желательно по-английски), с помощью приема антитезы, резко различающиеся черты лица двух человек, например, двух друзей или двух родственников, например, брата и сестры.

33.

Видали ли вы когда-нибудь старинный-старинный шкаф, почерневший от времени и весь изукрашенный резьбою в виде разных завитушек, цветов и листьев? Такой вот точно шкаф — наследство после прабабушки — и стоял в комнате. Он был весь покрыт резьбой — розами, тюльпанами и самыми причудливыми завитушками. Между ними высовывались маленькие оленьи головы с ветвистыми рогами, а по самой середине был вырезан целый человечек. На него невозможно было глядеть без смеха, да и сам он преуморительно скалил зубы — такую гримасу уж никак не назовешь улыбкой! У него были козлиные ноги, маленькие рожки на лбу и длинная борода. Дети звали его обер-унтер-генерал-адмирал-сержант Козлоног! Трудно выговорить такое имя, и немногие

удостаиваются подобного титула, зато и вырезать такую фигуру стоило немалого труда. Ну, да все-таки вырезали! (Ханс Кристиан Андерсен. Пастушка и трубочист). Пер. с датского А. Ганзен).

Выделенный курсивом вопрос представляет собой начало сказки. Данное обстоятельство является существенным, поскольку сам тип поставленного вопроса во многом определяет отбор языковых средств, используемых в последующих строках повествования. Каковы особенности этого отбора?

Непосредственное обращение к читателю (*видали ли вы когда-нибудь…?*) создает стилистический прием, который принято называть приемом интимизации изложения. Под термином «интимизация» в данном случае имеется в виду желание автора художественного текста приблизить к себе читателя. Иными словами, с помощью этого приема писатель стремится устранить барьер, существующий в виде пространства и времени, который неизбежно отделяет человека (т.е. автора), который в письменной форме повествует о чем-либо, от человека (т.е. читателя), который когда-нибудь (возможно, в весьма отдаленное время и неизвестно в какой стране) будет читать его произведение.

Наиболее эффективным средством устранения этого барьера является использование разговорных языковых средств, создающих впечатление непосредственной, живой беседы автора со своим читателем. Примечательно, что в анализируемом нами фрагменте эти средства носят разнообразный характер. Начнем с морфологических средств, т.е. с приставок и суффиксов:

(а) *шкаф, весь* ***изукрашенный*** *резьбою*. Грамматические справочники следующим образом определяют значение приставки *из-* (изукрашенный): данная приставка означает распространение действия на всю поверхность (в данном случае шкафа), все предметы. Пример: *маленький ребенок испортил чужую книжку:* он *изрисовал* её.

В самом значении этой приставки разговорного оттенка нет. Однако обратим внимание на следующее: хотя данная приставка означает, как отмечено выше, распространение действия на *всю* поверхность, писатель, тем не менее, усиливает это значение с

помощью местоимения весь: *весь изукрашенный резьбою*. Такое двойное усиление (своеобразное нагнетание признака) типично для устной разговорной речи.

(б) ***преуморительно*** *скалил зубы*. Грамматические справочники подчеркивают, что приставка *пре-* в соединении с прилагательными и наречиями обозначает высокую или предельно высокую степень качества. Например: пренеприятный, *премилый*.

В свою очередь, уморительный определяется толковыми словарями как *очень* смешной, забавный, *крайне* смешной, *чрезвычайно* забавный. Иными словами, имеет место всё то же усиление качества (характерное для устной разговорной речи), о котором говорилось выше.

(в) *шкаф был весь покрыт самыми причудливыми* ***завитушками***, *по самой середине был вырезан целый* ***человечек***. В выделенных словах (в отличие от рассмотренных выше двух случаев) суффиксы обозначают уменьшительно-ласкательную форму предмета. Однако и здесь наблюдается всё та же тенденция к разговорному «нагнетанию» качества. В данном случае это делается с помощью лексических средств: не просто *причудливые завитушки*, а *самые причудливые завитушки*; не просто *человечек*, а *целый человечек*.

Кроме того, разговорными являются также следующие лексические средства: *такой вот точно шкаф*; *по самой середине*; *да и сам он…; уж никак не назовешь; зато; ну, да все-таки;* повтор: *старинный-старинный* (шкаф).

Задание:

Напишите короткое письмо кому-либо, в котором прием интимизации изложения (так называемое сближение «плана писателя» и «плана читателя») создавался бы с помощью разговорных оборотов типа *да что там…*, *уж конечно*, *прямо-таки* и проч.

34.

By the side of many tall and bouncing young ladies in the establishment (of Miss Pinkerton — H.P.), Rebecca Sharp looked like a child. But she had the dismal precocity of poverty. Many a dun had she talked to, and turned away from her father's door; many a tradesman had she coaxed and wheeled into good humour, and into the granting of one meal more. She sate commonly with her father, who was very proud of her wit, and heard the talk of many of

his wild companions — often but ill-suited for a girl to hear. But she never had been a girl, she said; she had been a woman since she was eight years old. *O why did Miss Pinkerton let such a dangerous bird into her cage?*

The fact is, the old lady believed Rebecca to be the meekest creature in the world… (William Thackeray. Vanity Fair).

Вопрос, которым заканчивается этот пример, интересен с нескольких точек зрения. Во-первых, он представляет собой метафору, что, судя по материалу, рассмотренному выше, случается редко.

Во-вторых, ключевым словом метафоры является прилагательное *dangerous*. Читатель, который еще не забыл содержание романа "Vanity Fair", наверное, согласится с тем, что именно это свойство Ребекки Шарп (одной из основных, если не основной «героини» романа) составляло суть ее характера.

В-третьих, вопрос завершает текстовой фрагмент, который, с точки зрения его содержания, представляется ключевым для всего романа, поскольку именно в этом фрагменте писатель говорит о причинах, сформировавших фальшивый, лживый, неблагодарный и потому особенно опасный (для окружающих её людей) характер Ребекки. Особенно опасный потому, что Ребекка была при этом чрезвычайно умна и проницательна.

Использование слова *dangerous* подготовлено рядом языковых средств:

Что касается прилагательных, то это — *dismal* в значении 'causing gloom, dreary, cheerless; sad and without hope'. *Dismal precocity of poverty* — это бедность в семье с раннего детства, бедность, которая в значительной степени определила характер Ребекки.

Другое прилагательное — это *wild*, которое использовано для описания людей, с которыми девочка общалась с восьмилетнего возраста. *Wild companions* означает 'uncontrolled, violent people'.

Определение *ill-suited* (companions), т.е. совсем не подходящая компания, подытоживает характеристику общей атмосферы, в которой жил ребенок.

Что касается глаголов, то они призваны показать изворотливость, хитрость и ловкость героини романа еще с тех времен, когда она была маленькой девочкой. *To turn away*

a dun — ʻизбавиться (отослать) от человека, настойчиво требующего уплаты долга’; *to coax* — ʻto persuade someone gently to do something by being kind and patient’. Именно таким образом Ребекка избавлялась от торговцев, приводя их при этом (не без выгоды для себя) в хорошее настроение. Такая жизнь и тот факт, что отец гордился умом своей дочери, позволили Ребекке сказать позже, что она никогда не была ребенком. Она стала женщиной, когда ей было восемь лет.

К сказанному выше добавим, что психологический портрет Ребекки завершается антитезой, а именно, противопоставлением двух прилагательных — *dangerous* и *meek* (в превосходной степени), последнее — в значении ʻshowing a quiet and gentle nature, not wanting to argue with other people’: *Miss Pinkerton believed Rebecca to be the meekest creature in the world.*

Имеется еще одна антитеза, которая не обозначена столь явно, но понятна любому читателю романа. Это — ум (злой) Ребекки и недалёкость Мисс Пинкертон, возглавляющей учебное заведение для девочек.

Задание:

Подберите антонимы к прилагательному *meek*, отталкиваясь от его значения, которое выше сформулировано как ʻgentle’.

35.

Пример, приводимый ниже, примечателен тем, что он вводит авторскую рефлексию с вопроса, обращенного к «товарищам по цеху». Этот вопрос связан с попыткой осмысления поэтом истоков, причин и обстоятельств приходящего (или не приходящего) к поэту вдохновения. Поставленный вопрос создает открыто заявленную антитезу, которая формулируется следующим образом: у вас, других, стихи, я думаю, пишутся так, а у меня всё иначе, всё хуже:

Так, значит, как вы делаете, други?
Пораньше встав, пока темно-светло,
открыв тетрадь, перо берете в руки
и пишите? *Как, только и всего?*

Нет, у меня всё хуже, всё иначе.
Свечу истрачу, взор сошлю в окно,
как второгодник, не решив задачи.
Меж тем в окне уже светло-темно.

Сначала – ночь отчаянья и бденья,
потом (*вдруг нет?*) – неуловимый звук.
Тут, впрочем, надо начинать с рожденья,
а мне сегодня лень и недосуг.

(Белла Ахмадулина)

Вопрос:

Помимо антитезы, которая была упомянуто выше, в рассматриваемом нами стихотворении имеется еще одна антитеза. Это, с одной стороны, лексические единицы высокого эмоционально-экспрессивного напряжения, такие, как *отчаянье* и *бденье*, и, с другой стороны, соседствующие с ними обиходные *лень* и *недосуг*. Как вы думаете, почему поэт завершает свою поэтическую рефлексию подобным прозаическим образом?

Итак, рассмотренные выше примеры позволяют, по-видимому, сказать следующее.

1. В повествовательном тексте вопросно-ответный комплекс обладает рядом четких специфических особенностей. Этот комплекс создает эффект диалогичности текста, которая функционирует в широком диапазоне — от прямого обращения к читателю до так называемого квазивопроса, который необходим автору для того, чтобы разобраться в собственных мыслях, переживаниях и ощущениях. Данный тип вопроса характерен для поэтического текста (так называемый диалог с самим собой или, по Толстому, «голос души»).

2. Вопросно-ответный комплекс является одной из моделей смысловой интеграции текста. Это относится не только к отдельным небольшим текстовым фрагментам, но также и к текстам значительной протяженности.

3. Вопрос нередко оказывается «вместилищем» эмоционального высказывания. Это особенно заметно в тех случаях, когда текстовой фрагмент имеет целью «сгустить» оценочные характеристики персонажа художественного произведения.

Литература

1. Кислицына С.В. Лингвостилистические средства научно-популярного изложения (на материале английских научно-популярных текстов для детей и юношества). Дисс. … канд. филол. наук. М., 1984.

2. Пособие по русскому языку (для иностранных учащихся театральных вузов). М., 2006.

Обзоры. Рецензии

Book Reviews and Common References

П.С. Дронов (Институт языкознания РАН)

Рецензия на книгу А. Пиперски. Конструирование языков. От эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — 224 с.; илл.

Как известно, люди говорят на тысячах языков (в базе данных *Ethnologue* [7] указано 7099 идиомов, хотя там не всегда учитывается проблема выделения диалектов и языков). Несмотря на обилие естественных языков (и, как ни парадоксально, по причине этого изобилия), люди уже почти тысячу лет[1] создают искусственные. В сущности, желание конструировать искусственные языки неразрывно связано с созданием знаков и вторичных языковых систем (письмо, дорожные знаки, свистовые и жестовые языки). Этой проблеме и соответствующему направлению в языкознании — интерлингвистике — и посвящена новая научно-популярная книга А.Ч. Пиперски.

В самом начале работы автор критикует традиционно пренебрежительное отношение лингвистов к искусственным языкам. По его мнению, искусственный язык, или конланг, является тем же, чем при описании синтаксиса естественного языка является неграмматичное предложение: «Иногда, взглянув на искусственный язык, лингвист восклицает: “Это чушь! Так не бывает!” Но именно в этот момент стоит остановиться и подумать: а почему так не бывает?» (стр. 13). Более того, суждения о «невозможности» того или иного явления в языке могут вызывать долгие споры (ср. дискуссию об отсутствии

[1] По крайней мере, с XII в., когда Хильдегарда Бингенская, настоятельница бенидиктинского монастыря Рупертсберг, изобрела язык *lingua ignota* и алфавит *litterae ignotae*.

рекурсии в языке пираха/пирахан). Именно по этой причине автор занимает позицию не критика искусственных языков, а заинтересованного наблюдателя[2].

Книга состоит из введения, шести глав и послесловия. Все главы снабжены задачами из лингвистических олимпиад для школьников, а также способами их решения. Этот способ подачи материала сближает книгу с серьезными учебниками и пособиями наподобие работы Л.Л. Федоровой «История и теория письма» [9].

Во введении дается краткая история интерлингвистики и общие сведения о классификации искусственных языков (в том числе, их деление на априорные и апостериорные). Первая глава (под названием «Недостижимый идеал») посвящена логическим и философским языкам. Основные языки представлены в хронологическом порядке, начиная с уже упомянутого *lingua ignota* Хильдегарды Бингенской (автор включает этот язык в список логических и философских в качестве дани традиции, поскольку дошедшие до нас слова производят впечатление искаженных латинских, греческих и средневерхненемецких) и философского языка Дж. Уилкинса. Подробно рассматриваются современные языки этого типа — не только ро (разработка Э.П. Фостера) и логлан Дж.К. Брауна, но и появившиеся в XXI в. ифкуиль (ыфкуиль, *Ithkuil*, *iţkuîl*) Дж. Кихалы и токи-пона (*Toki Pona*) С. Ланг. Включение последнего в список логических языков представляется оправданным, хотя он основан на иных принципах, нежели логлан и ыфкуиль. Эти два языка основаны на формальной логике и предназначены для снятия омонимии и двусмысленности, для достижения максимальной точности в высказываниях (особенно это характерно для ыфкуиля с его сложной полисинтетической грамматикой), а также — в потенции — для экспериментальной проверки гипотезы Сепира-Уорфа. Токи-пона, наоборот, словно предназначен для двусмысленности и генерализации в силу предельно ограниченного словарного запаса из примерно ста двадцати слов[3]; ср. перевод приписываемого Эйнштейну афоризма «Важнейший вопрос, которым мы можем задаться: дружественна или

[2] Здесь нельзя не указать на то, что научным редактором рецензируемой работы стал не кто иной как И.А. Держанский, известный болгарский специалист в области семантики, синтаксиса, математической лингвистики и интерлингвистики.

[3] Фактически, перед нами дальнейшее развитие идеи Basic English, лексика которого, как известно, ограничивалась всего 850 словами.

враждебна к нам вселенная, в которой мы живем»: *Wile sona nanpa wan li ni: ale li pona anu ike*, букв. «Надо знать номер один есть: это всё есть хороший или плохой» (стр. 52), где *li* — слово, отделяющее подлежащее от сказуемого, для удобства переведенное нами как *есть*. Интересно, что почти все языки, которые рассматривает автор, имеют свои собственные системы письма — алфавиты или абугиды (альфасиллабарии); в сущности, тот же логлан может быть при желании записан с помощью не только латинской графики, но и операторов формальной логики: *Radaku da mreni u da rizdonsu* / ∀*x* (ЧЕЛОВЕК (*x*) →РАЗУМНЫЙ (*x*)) ‘для всякого *x* верно, что если *x* человек, то *x* разумен’ (стр. 46). Вполне логично, что следующая глава посвящена попыткам создать если не логический язык, то хотя бы некую универсальную и интуитивно понятную письменность.

Во второй главе «Изобретение знаков» автор рассматривает известные пазиграфии — попытки создать универсальную письменность. Описываются трансцендентная алгебра Я. Линцбаха, блиссимволика Ч. Блисса и паленео Л. Чартериса. Сама идея универсальной письменности немыслима без краткой справки о природе знака, и поэтому автор делает в начале главы сведения о семантике и семиотике. Заметна близость его взглядов к идеям Московско-Тартуской семиотической школы; в сущности, автор демонстрирует неизменную способность человека создавать вторичные знаковые системы — от дорожных знаков (им посвящен отдельный раздел) до эмодзи. Подчеркивается, что любая система письма, стремящаяся к универсальности, должна быть иконична по своей природе. Заметим, что большая часть пазиграфий, созданных и почти забытых к настоящему времени, опираются не только на иконические знаки, но и на символы (а в случае «Пазиграфического словаря» А. Бахмайера [7], не упомянутого в рецензируемой работе, опирается исключительно на них[4]).

Третья глава («В поисках взаимопонимания») посвящена плановым языкам — конлангам, создававшимся для межнационального общения. Автор рассматривает как

[4] Эта последняя пазиграфия интересна в другом аспекте: у Бахмайера каждому слову естественного языка соответствует числовой код, и для поиска его эквивалента в другом языке нужно найти этот код в пазиграфическом словаре соответствующего языка. Фактически, универсальное письмо Бахмайера является предшественником систем машинного перевода.

априорно-апостериорные языки (основанные и на материале естественных языков, и на некой произвольной концепции автора, например, волапюк, эсперанто и его потомок идо), так и в чистом виде апостериорные языки (конланги, полностью опирающиеся на материал естественных языков, например, окциденталь, идиом-нейтрал или латино сине флекционе). Естественно, наибольшее внимание уделяется самому жизнеспособному среди плановых языков — эсперанто. А.Ч. Пиперски затрагивает даже такой вопрос, как оригинальная и переводная литература на эсперанто, культурные особенности эсперантистов. Помимо этого, рассматриваются и современные проекты плановых языков, такие как словио и меджусловјански — гипотетические языки межнационального общения для всех славян.

Следующая глава получила название «Языки естественные, да не совсем». В ней автор дает общие сведения о социолингвистике и указывает на то, что любой процесс кодификации языка, особенно если этот процесс проходит в наши дни, в какой-то степени близок к созданию планового языка наподобие окциденталя. В качестве примера автор, будучи германистом, приводит историю кодификации нескольких современных германских языков — немецкого и новонорвежского (нюношк). Даются также основные данные о возрождении и кодификации иврита в XIX—XX вв. (хотя автор не останавливается на том факте, что иврит был возрожден только как разговорный язык, поскольку он никогда не был мертвым в строгом смысле и на протяжении почти 18 веков оставался языком книжности и общения образованных евреев из различных стран Европы и Азии; А.Л. Полян предлагает для обозначения иврита термин «спящий язык» [4]). Очевидно, что подобные процессы происходят при кодификации самых разных языков, и не всегда «плановый» литературный вариант становится общепринятым: ср. современный ирландский язык, в котором официальный стандарт, или кайдён (*An Caighdeán Oifigiúil*), основанный на грамматике западных диалектов с небольшими добавлениями из северных и южных, почти не используется носителями языка. Более того, попытки ввести единую гибридную орфоэпическую норму не увенчались успехом: каждый носитель языка читает текст на кайдёне в соответствии с особенностями фонетики своего диалекта, а часто и с

соответствующими изменениями в грамматике. В конце концов, это привело к тому, что в новой редакции правил кайдёна были узаконены практически все диалектные особенности [11].

В главе «Вымышленные миры» рассматриваются конланги, созданные в рамках вымышленных вселенных. Их авторами могут быть как профессиональные лингвисты или литературоведы (в их числе Дж.Р.Р. Толкин, В.В. Набоков, М. Окранд, П. Фроммер, Д. Питерсен — создатели эльфийских языков, куранинского и земблянского [3; 10], клингонского, на'ви и дотракийского, соответственно), так и лингвисты-любители[5] (Э. Смит, Я. Гавлиш и многие другие авторы вымышленной вселенной *Ill Bethisad*), а также писатели-нелингвисты (Дж. Оруэлл, Б. Лонгьер, Велимир Хлебников). Отдельные разделы посвящены основным и наиболее известным на данный момент конлангам из воображаемых миров (в терминологии М.Ю. Сидоровой и О.Н. Шуваловой — вымышленным языкам), таким как языки в книгах Дж.Р.Р. Толкина (квэнья, синдарин, кхуздул и пр.), дотракийский язык из сериала «Игра престолов»[6], на'ви из фильма «Аватар». Кроме того, автор анализирует новояз Дж. Оруэлла, хорукор и птидепе из пьесы В. Гавела «Меморандум», заумный язык Хлебникова и язык жителей «далекой звезды Венеры» из стихотворения Н.С. Гумилева. Соответствующие разделы содержат краткие справки о теории информации (как в случае с лингвистическими экспериментами в комедии Гавела) или эвфемии и табуированной лексике (ср. у Гумилева: *На Венере, ах, на Венере // Нету слов обидных и властных*).

Наконец, последняя глава посвящена конструированию языков в лингвистике. В ней автор дает базовые сведения о сравнительно-историческом и сопоставительном языкознании и, в особенности, реконструкции праязыков. Как известно, любой праязык — это, по сути, конланг, поскольку реконструированные праформы являются гипотетиче-

[5] Впрочем, некоторые из авторов *Ill Bethisad* были или позднее стали профессиональными лингвистами, как, например, Я. ван Стенберхен и П.В. Иосад. Подробнее о данной вымышленной вселенной см., например, [1].

[6] Это не единственный вымышленный язык в сериале: Д. Питерсен, основываясь на разрозненных материалах из книг Дж.Р.Р. Мартина, создал грамматику и словарь не только дотракийского, но и других идиомов, например, высокого валирийского и народно-разговорных языков на его основе.

скими, и нельзя утверждать наверняка, что они звучали в точности так. Особенно хорошо это видно на примере уточнения и дополнения реконструкций при появлении нового материала. Еще одним аргументом в пользу определенного сходства языков-реконструкций с конлангами являются примеры творчества на них. В сущности, праиндоевропейская басня А. Шлейхера «Овца и кони» и праностратическое четверостишие В.М. Иллича-Свитыча «Язык — это брод через реку времени…» (*ḴelHä weţei ʕaḴun kähla…*) мало чем отличаются от стихотворения Дж.Р.Р. Толкина «Namariё» или оригинальной и переводной эсперанто-литературы. Подобно тому, как компаративисты заново переводят басню Шлейхера на обновленную реконструкцию праиндоевропейского, конлангеры, желающие продемонстрировать новый искусственный язык, переводят на него предание о Вавилонской башне из Книги Бытия.

Заканчивается глава рассуждениями о словарном деле, семантике и метаязыке, и это представляется нам вполне оправданным: естественный метаязык Модели «Смысл ↔ Текст» и основанный на нем язык семантических примитивов А. Вежбицкой во многом близок к логическим языкам и системе пазиграфии А. Бахмайера (см. выше).

У книги есть интересная особенность, продиктованная материалом: подобно узору на ткани, в ней повторяются определенные мотивы и идеи. Так, из главы в главу переходит идея логического языка и языка как модели. Собственные системы письма мы встречаем не только в главе о пазиграфиях, но и в описаниях логических языков (см. выше логлан и ыфкуиль), и языков вымышленных, таких как квэнья или синдарин. Плановые конланги оказываются связаны с вымышленными языками и языками-реконструкциями: один из авторов меджусловјанского языка, Я. ван Стенберхен, изобрел и ряд вымышленных языков — альтернативно-исторических реконструкций; к примеру, его венедык (*Wenedyk*) — попытка представить развитие польского в том случае, если бы на общеславянский оказала влияние народная латынь. В сущности, все эти языки представляют собой модель естественного языка: если реконструкция показывает, как, возможно, звучал язык предок, то на базе плановых и вымышленных языков можно моделировать развитие фразеологии, ее национально-культурной специфики (см. [1; 9]).

Таким образом, нельзя не согласиться с автором: «Кто бы их ни сочинял и какие бы цели перед собой ни ставил, все эти языки объединяет одно: они помогают нам лучше понять, как устроены естественные языки, а значит, в конечном счете лучше познать человеческую природу. И за одно только это надо сказать спасибо изобретателям искусственных языков, даже если их труды порой приводили совсем не к тому, чего хотелось им самим» (стр. 211—212).

Хотя автор подчеркивает, что книга носит ознакомительный характер и отсылает читателя к уже существующим крупным работам, посвященным интерлингвистике и вымышленным языкам (в частности, [2; 5]), он поднимает достаточно важные вопросы, делающие его книгу не менее ценной.

Литература

1. Дронов П.С. Фразеология и библеизмы в вымышленных языках // Die slawische Phraseologie und die Bibel — Славянская фразеология и Библия — Slovanská frazeológia a Biblia. Kollektivmonographie / Walter H., Mokienko W.M., Baláková D. (Hrsg.). Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013.

2. Дуличенко А.Д. Международные вспомогательные языки. Таллин: Валгус, 1991.

3. Окс М.В. Вымышленные языки в поэтике англоязычного романа XX века: На материале романов «1984» Дж. Оруэлла, «Заводной апельсин» Э. Берджесса, «Под знаком незаконнорожденных» и «Бледный огонь» В. Набокова. Автореферат дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

4. Полян А.Л. Иврит III—XIX вв. н.э. как «спящий язык» // Вопросы языкознания. № 5, 2014.

5. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М.: 1989.ру, 2006.

6. Федорова Л.Л. История и теория письма. Учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2015.

7. Bachmayer A. Pasigraphishes Wörterbuch Deutsch—English—Französisch. Augsburg, 1868.

8. Ethnologue: Languages of The World. 20th Edition // https://www.ethnologue.com.

9. Fiedler, S. Phraseology in planned languages // Burger, H., Dobrovol'skij, D., Kühn, P., Norrick, N.P. (eds.) Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook on contemporary research. 2. Halbband/Volume 2. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007.

10. Filonov Gove, A. Mulitilingualism and Ranges of Tone in Nabokov's Bend Sinister. // Slavic Review, 32, 1.

11. Gramadach na Gaeilge. An Caighdeán Oifigiúil. An treoir le haghaidh scríbhneoireacht sa Ghaeilge. BÁCL: Arna Fhoilsiú ag Seirbhís Thithe an Oireachtais, 2016.

М.А. Павликова (Институт языкознания РАН)

M.A. Pavlikova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Рецензия на учебное пособие М.М. Сизова «Некоторые языковые особенности научно-популярной беседы в современном английском языке» (пособие для преподавателей и аспирантов третьего уровня). Институт языкознания РАН. Кафедра иностранных языков. М., 2017. — 45 с.

Одной из задач преподавания английского языка аспирантам является обучение умению вести беседу по научной и научно-популярной проблематике. Хорошо известно, что говорящие на иностранном языке с бóльшей готовностью используют в своей речи языковые формы, имеющиеся в их родном языке («внутренний перевод»). Однако для говорящего важно, чтобы его речь была не только грамматически и лексически правильной, но и естественной и идиоматичной. Пособие М.М. Сизова как раз и ставит своей задачей развить у учащихся навыки употребления английских фраз и слов, свойственных современной английской беседе, но не имеющих прямых аналогов и/или калек в русском языке, а также прояснить значение многих часто употребляемых слов и конструкций, которые русскоязычными аспирантами толкуются неверно, а то и вообще не понимаются.

Материал для пособия собирался автором в течение ряда лет из научно-популярных радиопередач Би-Би-Си — “Science in Action”, “Discovery”, “Click”, “Health Check” и других, а также из печатного научно-популярного журнала “New Scientist”, и этот материал является совершенно новым и очень интересным.

Пособие состоит из 26 небольших разделов, каждый из которых включает в себя характерные явления современного английского диалога «ведущий передачи — специалист».

В начале каждого раздела даются авторские пояснения касательно ситуаций, когда применяется то или иное выражение и/или слово, а также интонации, эмфатичности данного высказывания и специфики значения входящих в его состав слов.

Например:

Раздел 2. Использование вопросов, представляющих собой по структуре повествовательное предложение, что «служит повышению эмоционального уровня беседы, делает её более динамичной, а стиль — более разговорным»:

– *And you managed it?*

– *And you dif prove it?*

– *And what other evidence?*

Или:

Раздел 19. Использование наречия *effectively* в новом значении, зафиксированном как второе в словаре Longman (2001) и как первое в словаре MacMillan (2002) — не ʻэффективно’, а ʻфактически, практически, на самом деле’:

– *So we age because we breathe oxygen?*

– *Effectively, yes.*

– *... these are deliberate codes effectively that you put into the DNA*.

– *He had cancer effectively* (У него был, попросту говоря, рак).

Подобных примеров в пособии очень много, и все они являютя очень наглядными.

Помимо примеров с комментариями, каждый раздел пособия включает в себя специальное упражнение в виде перевода с русского языка на английский предложений, содержащих русские эквиваленты представленных языковых явлений, с ключами в конце пособия.

Например:

Упражнение 2 (раздел 7). Переведите на английский язык (см. ключи).

1. Так что же делает ваше исследование таким важным? 2. Так кто же разработал эту теорию? 3. Так почему же ваше исследование основывается на экономической ситуации в Латинской Америке? и т.д.

Упражнение направлено на активизацию «эмфатического» вопроса, соответствующего эмфатической конструкции повествовательного предложения *it is ... that — What is it that you developed?* — Так что же все-таки (что именно) вы разработали?

Пособием М.М. Сизова — что необходимо отметить — легко и удобно пользоваться, и оно весьма способствует «оживлению» традиционных занятий по подготовке аспирантов к сдаче кандидатского экзамена по иностранному языку, где основной упор делается на работу со специальными научными текстами, их грамматикой и лексикой, которые зачастую совершенно не характерны для «живой» разговорной научной речи. Таким образом, можно надеяться, что пособие М.М. Сизова привлечет внимание преподавателей и учащихся.

Содержание

Проблемы описания языка

Абакарова Н.М. (Институт языкознания РАН)
К вопросу о трансформациях речевых клише и фразеологизмов (на материале английской анималистической литературной сказки)…….…… 3
Барулин А.Н. (Институт языкознания РАН)
К семиотическому определению понятия «модель» как гиперонима понятия «знак»…… ……..……. 12
Барулин А.Н. (Институт языкознания РАН)
О статусе и семантике так называемого «интерфикса» О/Е в русских композитах…….....…….…….. 79
Васильева Н.В. (Институт языкознания РАН), Абдурахманова А.З. (Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского)
Фреймовое моделирование больших терминосистем (на примере англоязычной строительной термин…… 94
Воропаев Н.Н. (Институт языкознания РАН)
Закономерности формирования лексических единиц в потоке китайской речи..... 115
Дьячков М.В. (Институт языкознания РАН)
Местные языки в школьном образовании ЮАР…… 170
Зотова А.К. (Институт языкознания РАН)
Специализированные электронные ресурсы: терминосистема базы данных «Языки мира» и проблемы разработки русско-английского синонимического терминологического указателя…… 180
Илюхина А.С. (МАОУП СУИОП «Средняя общеобразовательная школа № 3», Наро-Фоминск)
Глагол *snap*: семантика и употребление ……..…….. 192
Иоанесян Е.Р. (Институт языкознания РАН)
Способы номинации сожаления и раскаяния в языке……. 216
Иоанесян Е.Р. (Институт языкознания РАН)
Типы семантических переходов в лексическом поле «радость» и «удовольствие»…….. 249
Е.В. Люкина (НИУ ВШЭ)
Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентами цветообозначения в немецком и английском языках……..… 331
Напольнова Е.Н. (Университет Озъегин, г. Стамбул)
Позиционные глаголы в турецком языке: глагол сидения *otur-*…….. 348
Некрасов С.В. (Институт социально-политических исследований РАН)
Способы номинации зависти в разных языках…….. 364
Рябцева Н.К. (Институт языкознания РАН)
Отличительные особенности интернет-коммуникации в металингвистическом и прикладном аспекте…… 387
Цуцаева Х.Д. (Институт языкознания РАН)
Синтаксическая синонимия экзистенциальных конструкций английского языка……..…….. 430

Проблемы преподавания языка

Антошина О.Д. (Тверской государственный университет)
«Разговор о деревьях» на уроке немецкого языка на материале избранных поэтических произведений (Иностранный язык — литература — общество — экология)……..……..……...… 444

Разинкина Н.М. (Институт языкознания РАН)
Роль вопроса в структуре повествовательного прозаического и поэтического текстов (учебный материал с заданиями и примерами на русском и английском языках)……. 466

Обзоры. Рецензии

Дронов П.С. (Институт языкознания РАН)
Рецензия на книгу А. Пиперски. Конструирование языков. От эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — 224 с.; илл.……
Павликова М.А. (Институт языкознания РАН) 529
Рецензия на учебное пособие М.М. Сизова «Некоторые языковые особенности научно-популярной беседы в современном английском языке» (пособие для преподавателей и аспирантов третьего уровня). Институт языкознания РАН. Кафедра иностранных языков. М., 2017. — 45 с…… 537

Об авторах

Абакарова Наида Мурадбековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: naika72@mail.ru.

Абдурахманова Алие Заировна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков №1, Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru.

Антошина Ольга Дмитриевна, PhD, кафедра теории литературы филологического факультета Тверского государственного университета; e-mail: antoschina.od@gmail.com.

Барулин Александр Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора компаративистики Института языкознания РАН; e-mail: barulin@iling-ran.ru.

Васильева Наталия Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru.

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН; e-mail: voropaev@vokitai.ru.

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова (НОЦ ТиПК), Институт языкознания РАН; e-mail: nord.dronov@gmail.com.

Дьячков Марк Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: isleamrum@yandex.ru.

Зотова Анастасия Кирилловна, научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: assiia@inbox.ru.

Илюхина Анна Сергеевна, учитель МАОУ СУИОП «Средняя образовательная школа № 3», Наро-Фоминск; e-mail: ascrumb@yandex.ru.

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru.

Люкина Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; e-mail: eliouki@mail.ru.

Напольнова Елена Марковна, кандидат филологических наук, доцент, Университет Озъегин, Стамбул, Турция; e-mail: elena.napolnova@ozyegin.edu.tr, elenapolnova@yahoo.com.

Некрасов Сергей Владимирович, научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН; e-mail: sv_79@inbox.ru.

Павликова Марина Аркадьевна, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: marpa@yandex.ru.

Разинкина Нина Марковна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Института языкознания РАН; e-mail: n.razinkina@list.ru.

Рябцева Надежда Константиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: nadia_riabceva@mail.ru.

Цуцаева Хава Джунаидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: zoya_tsutsaeva@yahoo.com.